РУССКИЙ СБОРНИК

Русский Сборник

исследования по истории России

Редакторы-составители
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Меннинг, Пол Чейсти

XII

Издательский дом
РЕГНУМ
Москва 2012

УДК 947 (08)
ББК 63.3(2)
Р89

Ответственный составитель тома К. В. Шевченко

Р89 **Русский Сборник: исследования по истории России** \ ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти.Том XII. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. 504 с.
ISBN 978-5-905040-04-7

УДК 947 (08)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-905040-04-7

© Издательский дом «Регнум», 2012

Содержание

Ф. А. Гайда. Историческая справка о происхождении и употреблении слова «украинцы» 7
Инна Булкина. Киев конца XVIII — первой трети XIX в. в исторических и идеологических нарративах 29
А. А. Загорнов. Организация волостной и мировой юстиции в Северо-Западном крае Российской империи (вторая половина XIX века) 59
В. В. Табунов. Положение православных духовных семинарий в Российской империи и на белорусских землях конца XIX — начала XX века 86
В. Н. Линкевич. Взаимоотношения католичества и православия в белорусских губерниях во второй половине XIX — начале XX в. 96
В. Н. Черепица. Гродненский период государственной деятельности П. А. Столыпина и оценка его современниками 119
М. В. Заблоцкая. Идеи «западнорусизма» в политической и культурно-национальной жизни Беларуси в конце XIX — начале XX века 157
А. Ю. Бендин. Искушение свободой: указ о веротерпимости и борьба за паству между православием и католичеством в Северо-Западном крае Российской империи 178
А. А. Киселев. Полиция и рабочее движение в белорусских губерниях Российской империи в 1905–1907 гг. 210
Д. С. Лавринович. Эволюция стратегии и тактики западнорусских либеральных организаций в 1905–1917 гг. ... 220
Александр Воробьев. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории белорусских и латгальских уездов Витебской губернии (ноябрь 1917 года): опыт анализа и реконструкции результатов 255
К. В. Шевченко. «Политика вредная и бессмысленная...»: западнобелорусская пресса о политике Польши в белорусском вопросе в 1920–1921 гг. 287

Владимир Янцен. Новое о книге Г. В. Флоровского о Герцене: Г. В. Флоровский. Письма Иржи Поливке (1921–1925) 306
О. Г. Казак. «Освобождение от чешского ярма»: культурно-национальная политика Венгрии в Закарпатье в 1939–1944 гг. 328
А. Д. Гронский. Методы национализации белорусской истории 345
Петр Лозовюк. Новые славянские народы: реальность или фикция? 368
Матеуш Пискорски. Современная польская проблема с национальной идентичностью 378
А. С. Пученков. Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений 385

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Александр Каревин. Т. Г. Таирова-Яковлева. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011 407
Т. Н. Резвых. Из поволжской печати Первой мировой войны: Сергей Дурылин. «Русское и польское призвание» (1915) 435
Т. Н. Резвых. Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский. «Славянская взаимность»: модель и топика. Очерки. М., 2011 440
Ю. А. Борисёнок. Полоцк, Минск и Брест в отсутствии Вильно. Размышления о монографии Сергея Хомича о белорусских границах прошлого века 445
Е. Ю. Борисёнок. Украина в империи «положительной деятельности»: Терри Мартин и его взгляд на национальную политику большевиков 454
Дмитрий Семушин. Поморское возрождение в России: реалии, исторические мифы и фальсификации 464

Сведения об авторах XII тома «Русского сборника» 499

Ф. А. ГАЙДА

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ПРОИСХОЖДЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВА «УКРАИНЦЫ»[1]

1.
Как и когда появилось слово «Украина»?

«Оукраинами» («украинами», «украйнами») с XII по XVII в. именовали различные пограничные земли Руси. В Ипатьевской летописи под 6695 (1187) г. упоминается переяславская «оукраина», под 6697 (1189) г. — галицкая «оукраина», под 6721 (1213) г. перечисляются пограничные города этой галицкой «оукраины»: Брест, Угровск, Верещин, Столп, Комов. В I Псковской летописи под 6779 (1271) г. говорится о сёлах псковской «украины».

В русско-литовских договорах XV в. упоминаются «вкраинъные места», «Украіные места», «Вкраиныи места», под которыми понимаются Смоленск, Любутск, Мценск[2]. В договоре двух рязанских князей 1496 г. названы «наши села в Мордве на Цне и на Украине»[3]. В отношении московско-крымской границы с конца XV в. также говорилось: «Украина», «Наши украины», «наши украинные места»[4]. В 1571 г. была составлена «Роспись сторожам из украиных городов от польския украины по Сосне,

---

[1] Автор выражает признательность О. Неменскому, Д. Степанову, А. Яременко и Е. Горбатову за помощь и ценные соображения, высказанные в процессе подготовки этой работы.

[2] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950 (ДДГ). С. 160 (1449 г.), 329, 332 (1494 г.).

[3] Там же. С. 334, 339.

[4] Сборник Императорского Русского Исторического Общества (Сборник ИРИО). Т. 41. СПб., 1884. С. 119 (1491 г.); Т. 95. СПб., 1895. С. 103 (1514/15 г.).

по Дону, по Мече и по иным речкам»[5]. Наряду с «татарскими украинами»[6] существовали также «казанская украина»[7] и «немецкая украина»[8]. Документы конца XVI в. сообщают об «украинской службе»[9] московских служилых людей: «А украинским воеводам всем во всех украинских городех государь велел стоять по своим местом по прежней росписи и в сход им быть по прежней росписи по полком; а как будет приход воинских людей на государевы украины, и государь велел быти в передовом в украинском полку»[10]. В российском законодательстве XVII в. часто упоминаются «Украйна», «Украйные городы», «Государевы Украйны», «Наши Украйны», «Украйные/Украинские городы дикого поля», «Украйнские городы», говорится о пребывании воинских людей «на Государевой службе на Украйне»[11]. Понятие это — крайне широкое: «...в Сибирь и в Астрахань и в иные дальние Украинные городы»[12].

Однако в Московском государстве с рубежа XV–XVI вв. существовала и Украйна в узком смысле слова — окская Украйна («Украина за Окой», «крымская украина»). В российском законодательстве XVI–XVII вв. неоднократно приводится список городов такой Украйны: Тула, Кашира, Крапивна, Алексин, Серпухов, Торуса, Одоев[13]. Наряду с ней существовала и Слободская Украйна Московского государства.

В конце XVI — первой половине XVII в. словом «Украина» в узком смысле слова также стали обозначать земли Среднего Поднепровья — центральные области современной Украины. В польских источниках (королевских и гетманских универсалах) упоминаются «замки и места наши Украйные», «места и местечки

---

5 Акты Московского государства (АМГ). Т. 1. СПб., 1890. С. 9.

6 Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 5. // Сборник ИРИО. Т. 142. СПб., 1913. С. 66, 71 (1610 г.). Такое же понятие использовали поляки (Там же. С. 235).

7 Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 92, 101, 106 и др.

8 Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 10. Записные книги Московского стола. 1636–1663 гг. СПб., 1888. С. 6, 127, 310; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 213 и др.

9 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. М., 1989. С. 101 (1596 г.).

10 Там же. С. 40 (1592 г.).

11 Полное Собрание Законов Российской Империи. Издание 1-е. СПб., 1830 (ПСЗ). Т. 1. С. 248–255, 260, 265–266, 284–285, 323, 665, 979; ПСЗ. Т. 2. С. 32, 900 и т. д.

12 ПСЗ. Т. 1. С. 607.

13 Напр.: ПСЗ. Т. 1. С. 979; АМГ. Т. 2. СПб., 1894. С. 101 (1638 г.).

Украинные», «Украина Киевская»[14]. В российском законодательстве XVII в. фигурирует «Украйна Малороссийская»[15], «Украйна, которая зовется Малою Россией»[16]; правобережье Днепра именовалось «Польской Украйной»[17]. Малороссия и Слободская Украйна в российском законодательстве четко разделялись: «Малороссийских городов жители приезжают в Московское государство и в Украинные городы...»[18].

2.
Как именовали жителей пограничных украин?

В Ипатьевской летописи под номером 6776 (1268) г. упоминаются жители польского пограничья — «Ляхове оукраиняне» («...и зане весть бяхоуть подали им Ляхове оукраиняне»). В русско-литовских договорах и посольских документах середины XV — первой трети XVI в. называются «вкраинъные люди», «Украиные наши люди», «украинные слуги», «украинные люди», «украинники», т. е. жители Смоленска, Любутска, Мценска[19]. В польских документах с конца XVI в. значатся «старосты наши Украйные», «паны воеводы и старосты Украинные», «люди Украинные», «обыватели Украинные», «Козаки Украинные», «Украинные сенаторы»[20]. *В таком именовании не было никакого этнического оттенка.* В документах также упоминаются «Украинские ратные люди» и «Украинные места» Крымского ханства[21]. *Жители Руси (и польские, и московские подданные) по-прежнему именовали себя русскими, так же их именовали и иноплеменники.* В польских и русских источниках того же

---

14 Архив Юго-Западной России (Архив ЮЗР). Ч. 3. Т. 1. Киев, 1863. С. 4 (1568 г.), 196 (1614 г.), 201 (1617 г.).

15 ПСЗ. Т. 1. С. 466.

16 Там же. Т. 2. С. 159.

17 Там же. Т. 11. С. 959.

18 Там же. Т. 1. С. 973. См. также: С. 499, 930, 1018–1019; Т. 2. С. 876.

19 ДДГ. С. 160 (1449 г.), 329 (1494 г.); Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1. // Сборник ИРИО. Т. 37. СПб., 1882. С. 195 (1495 г.), 249, 251, 262 (1498 г.), 323 (1501 г.), 337 (1502 г.), 353, 357, 379, 437 (1503 г.), 558, 592, 594 (1520 г.), 734, 754 (1526/7 г.).

20 Архив ЮЗР. Ч. 3. Т. 1. С. 5, 28, 64 (1593 г.), 254 (1618 г.), 317 (1631 г.), 357 (1635 г.); Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (АЮЗР). Т. 3. СПб., 1861. С. 142.

21 ПСЗ. Т. 1. С. 844; Т. 2. С. 392.

времени называются «церкви Русские» в Луцке[22], «Духовенство Руское» и «релия [религия, вера] Руская»[23], а также «народ наш Руский» (тут же — «обыватели тутейшие Украинные»)[24], «Русин», «Люди Рускіе», «Руские люди»[25]. В тексте Гадячского договора Выговского с Польшей говорится о населении Украины как о «народе Руском» и «россиянах»[26]. Подданные Московского государства именовали себя так же: «Руские люди»[27], «твои великого государя ратные люди, Руские и Черкасы»[28]. Иностранцы именовали московских подданных либо «русскими» (Я. Велевицкий, О. Будило, И. Кильбургер, Ю. Крижанич), либо «московитами» (А. Мейенберг), либо одновременно обоими терминами (Р. Ченслор, Дж. Горсей, Г. Штаден, А. Олеарий, С. Маскевич).

3.
Где и как впервые стало употребляться слово «украинцы»?

В Московском государстве «украинцами» изначально называли воинских людей (пограничников), несших службу на окской Украйне — в Верхнем и Среднем Поочье — против крымцев. В марте 1648 г. московский думный дьяк Иван Гавренёв написал в Разрядный приказ записку о приготовлении к докладу ряда дел, в которой, в частности, под шестым пунктом было кратко сказано: «*Украинцев*, кто зачем живет, не держать и их отпустить»[29]. Слово «украинцы» думный дьяк никак не пояснял; очевидно, в Москве оно было на слуху и в пояснении не нуждалось. Что оно означало, становится ясно из последующих документов. Весной 1648 г. в связи со слухами о грядущем нападении крымцев на московские границы был объявлен сбор воинских людей украинных городов — Тулы, Каширы, Козлова, Тарусы, Белева, Брянска, Карачева, Мценска. В наказе воеводам Буйносову-Ростовскому и Вельяминову от 8 мая, составленном по докладу дьяка Гавренёва, в частности, было сказано: «...в те города воеводам отписать же, чтоб воеводы детей боярских и дворян и всяких служилых

22 Архив ЮЗР. Ч. 3. Т. 1. С. 143 (1598 г.).
23 АЮЗР. Т. 1. СПб., 1863. С. 261.
24 Там же. С. 340, 342 (1632 г., инструкция депутатам сейма).
25 Там же. С. 282; Т. 2. СПб., 1865. С. 1; Т. 7. СПб., 1872. С. 236.
26 См. малороссийский черновик договора: Там же. Т. 4. СПб., 1863. С. 142.
27 Там же. Т. 3. С. 133, 148 и далее.
28 Там же. Т. 7. С. 261.
29 АМГ. Т. 2. С. 198.

людей на государеву службу выслали к ним тотчас»[30]. На службе Московского государства в 1648 г. уже состояли малороссийские казаки, но они именовались не «украинцами», а *«черкасами»* (о них также говорится в записке Гавренёва).

Употребление слова «украинцы» в Московском государстве не позднее II половины XVI в. видно из того, что в рязанских платежных книгах 1594–1597 гг. упоминаются Украинцовы — дворяне Каменского стана Пронского уезда[31]. В грамоте 1607 г. упоминается служилый человек Григорий Иванов сын Украинцов, получивший от царя Василия Шуйского поместье в Ряжском уезде (современная Рязанская область)[32]. Хорошо известен также думный дьяк Е. И. Украинцев (правильнее: Украинцов[33]; 1641–1708), подписавший в 1700 г. Константинопольский мирный договор России с Османской империей. В 1694 г. Емельян Украинцов составил для Разрядного приказа родословную рода Украинцовых, в соответствии с которой основателем фамилии был *рязанский дворянин середины XVI в. Фёдор Андреев сын Лукин по прозвищу Украинец;* его отец был «испомещен на Рязани»[34], то есть несколько восточнее вышеупомянутых городов окской Украйны, в результате чего и могло возникнуть отличительное прозвище «Украинец», а затем и фамилия «Украинцовы». Скорее всего, Федор Украинец не был личностью мифологической: именно его внуки упоминались в книгах 1594–1597 гг., а правнук — в грамоте 1607 г. Сама окская Украйна формировалась еще для обороны от ордынцев и приобрела особое значение с начала XVI в. в связи с частыми набегами крымцев. В 1492 г. «приходили тотаровя на украину на олексинские места»[35]. «Воеводы украинные и люди», успешно отразившие крымский набег «на великого князя украйну на тульские места», упоминаются уже в грамоте 1517 г.[36] Против крымцев в 1507–1531 гг. в Туле, Кашире, Зарай-

---

30 Там же. С. 206.

31 Писцовые книги Рязанского края. XVI век. Под ред. В. Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1898. С. 67, 333.

32 Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Сост. А. В. Антонов. Т. 3. М., 2002. С. 367.

33 АЮЗР. Т. 12. СПб., 1882. Стб. 296–297 и далее.

34 РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 433. Л. 287–293 об. Опубл.: О роде Украинцевых. Сост. В. К. Малиновский (http://www.actlab.ru/text/rod_ukrainzevych.pdf). С. 15–23.

35 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 32.

36 Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 477, 480.

ске, Коломне были возведены крепости, размещены постоянные гарнизоны, украинным дворянам раздавались поместья. В 1541–1542 гг. активные боевые действия развернулись восточнее — под Пронском (на Рязанщине), что могло привести к переводу туда части украинных дворян.

Во II половине XVII в. служилые люди окской Украйны — *«Украинцы дети боярские»* и *«Украинцы дворяне»* — фигурируют в российском законодательстве весьма часто[37]. В повести об Азовском сидении «украинцы» упоминаются в том же смысле («ево государевы люди украиньцы», «воеводы государевы люди украинцы», «ево государевы люди руские украинцы»[38]). В разрядной книге, переписанной во II половине XVII в., значилось: «А пришед царь в Крым перед ним в другой четверг по велице дни, а возился на Тонких водах, а под украинцов пустил мурз дву или трех с малыми людьми языков добывали и про царя и великого князя проведывали»[39]. Жителей Малороссии «украинцами» не называли. Например, в Двинской летописи под 1679 г. фигурируют «Яким малороссиянин да Константин украинец»[40].

По мере продвижения на юг российской границы слово «украинцы» с Поочья распространяется и на пограничных служилых людей Слободской Украйны. В 1723 г. император Петр Великий упоминает «Украинцов Азовской и Киевской губерний» — украинных служилых людей, в том числе и со Слободской Украйны. При этом он четко отличает их от «Малороссийского народа»[41]. В 1731 г. на Слобожанщине стала создаваться Украинская линия, защищавшая российские границы от крымцев. Анонимный автор

---

37 ПСЗ. Т. 1. С. 903–904; Т. 2. С. 96–97, 346, 556, 610–613. См. также: Материалы Русского государства в конце XVII в. // Исторический архив. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 315, 360.

38 Сказание об Азовском сидении, как Донские казаки сидели в осаде от Турок во граде Азове, пять тысяч человек против триста тысяч человек // Русский архив. № 8. М., 1898. С. 491; Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906. С. 139. Вторая редакция Поэтической повести, содержащей упоминания «украинцев», датируется второй половиной XVII — началом XVIII в. (см.: Орлов А. С. Ук. соч. С. 117).

39 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1978. С. 515 (1556 г.). Список М. А. Оболенского (РГАДА. Ф. 201. Д. 85).

40 Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 42.

41 ПСЗ. Т. 7. С. 44, 47–48, 51–52. При Петре Киевская губерния наряду с прочим включала в себя территорию современных Курской, Брянской и Орловской областей, часть Харьковской и Белгородской, Азовская — остальные части Харьковской и Белгородской областей.

«Записки о том, сколько я памятую о Крымских и Татарских походах», участник похода 1736 г. против крымцев писал о том, как татары сталкивались с «нашими легкими войсками (Запорожцами и Украинцами)»[42]. При императрице Елизавете Петровне из «Украинцов» формировались полки Слободской ландмилиции[43]. В 1765 г. здесь была учреждена Слободская Украинская губерния (так именовалась Харьковская губерния в 1765–1780 и 1797–1835 гг.). В 1816–1819 гг. при Харьковском университете издавался весьма популярный «Украинский вестник».

4.
Когда и в каком смысле слово «украинцы» впервые стало употребляться в отношении Малороссии?

В I половине — середине XVII в. слово «украинцы» (Ukraińców) употребляли поляки — так обозначались *польские шляхтичи на Украине*[44]. М. Грушевский приводит цитаты из 2 донесений коронного гетмана Н. Потоцкого от июля 1651 г. в переводе с польского на современный украинский язык, в которых гетман употребляет термин «панове українці» для обозначения польских помещиков Украины[45]. Поляки никогда не распространяли его на русское население Украины. Среди крестьян с. Снятынка и Старое село (ныне — Львовская область) в польском документе 1644 г. упоминается некто с личным именем «Украинец» (Ukrainiec), а также «зять Украинца» (Ukraińców zięć)[46]. Происхождение такого имени не вполне понятно, но очевидно, что остальное население «украинцами», таким образом, не были.

---

42 Записка о том, сколько я памятую о Крымских и Татарских походах. Одесса, 1836. Цит. по: Скальковский А. История Новой-Сечи, или последнего Коша Запорожского. Одесса, 1846. Т. 2. С. 96.

43 ПСЗ. Т. 11. С. 901.

44 Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polscze z rekopismów, tudziez dzieł w różnych językach o Polszcze wydanych, oraz z listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym. Lwów. 1833. T. 6. S. 161–162 (1625 г.), 299 (1619 г.).

45 Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 9. Кн. 1. Киев, 1997. С. 310, 342. Грушевский также указывает на наличие этого слова в польском документе 1625 г. (Там же. Т. 7. Киев, 1995. С. 546). Вместе с тем ссылка Грушевского на русский документ 1631 г., в котором якобы тоже фигурирует понятие «украинцы» (Там же. Т. 8. Киев, 1995. С. 132), неверна.

46 Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3 т. М., 1953. Т. 1. С. 395.

С середины XVII в. этот термин из польских документов пропадает.

Московские послы А. Прончищев и А. Иванов, отправленные в Варшаву в 1652 г., отмечали в донесении, что в польской столице они встретили шестерых посланцев гетмана Б. Хмельницкого, среди которых был «Ондрей Лисичинский з Волыня, украинец, а ныне живет в Богуславе»[47]. Остальные представители Хмельницкого были уроженцами центральной или левобережной Украины. Примечательно, что среди всех послов «украинцем» был назван лишь один Лисичинский (шляхтич Андрей Лисовец[48]); таким образом, российские послы имели в виду, что Лисичинский по происхождению был польским шляхтичем, т. е. пользовались польской терминологией. Однако пояснять само это определение, вошедшее в официальный отчет, на Москве не было никакой потребности, оно было всем понятно.

Однако во II половине XVII в. московские подданные изредка начинают употреблять слово «украинцы» в отношении малороссийского казачества. Хорватский выходец Ю. Крижанич в 1659 г. по дороге в Москву несколько месяцев пребывал на Украине и составил две записки на малороссийские темы («Путно описание» и «Беседа ко черкасом»): в них часто употребляются понятия «черкасы» и «козаки», но термин «украинцы» отсутствует[49]. Однако позднее в своем труде, написанном в тобольской ссылке в 1663–1666 гг. (открыт и опубликован лишь в 1859 г.), Крижанич дважды употребил слово «украинцы» (в разном написании: 1 раз в именительном падеже — Ukráyinci, 1 раз в родительном падеже — Ukráincew) как синоним слов «черкасы» и «поднепряне». Крижанич также использовал понятие «запражане» (т. е. запорожцы)[50]. Свое сочинение, позднее получившее название

47 Там же. Т. 3. С. 170.

48 См.: Кривошея В. В. Козацька старшина Кропивнянського полку доби Національної революції середини XVII ст. // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. Вип. 38. Київ, 2010; http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Gileya/2010_38/Gileya38/I1_doc.pdf

49 Собрание сочинений Ю. Крижанича. Вып. 1. М., 1891. С. 7–13.

50 Оригинал рукописи: РГАДА. Ф. 381. Ед. хр. 1799. Стр. 16, 184 (авторская нумерация). Опубл. на кириллице: Бессонов П. Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. / Приложение к № 1 Русской беседы за 1859 г. С. 9, 13, 35; Приложение к № 3 Русской беседы за 1859 г. С. 36–37; опубл. на латинице: Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 25, 28, 46, 235. В издании 1965 г. отрывок со вторым упоминанием слова «украинцы» опущен.

«Политика», Крижанич писал латиницей на сочиненном им эклектичном языке — смеси церковнославянского, простонародного русского и литературного хорватского. Значительную часть слов он придумывал сам. Кроме того, часто слова одного значения, взятые из разных языков, употреблялись им как синонимы[51]. Слово «украинцы» Крижанич вполне мог заимствовать из разговорного русского языка (ударение и склонение делались им по правилам русского, а не польского языка). Возможно также предположение, что это понятие было самостоятельно сконструировано Крижаничем на основе слова «Украина» (он родился в г. Бихач неподалеку от Крайны, где проживали краинцы, т. е. хорутане, или словенцы). Однако эта версия гораздо менее вероятна: под «Украиной» Крижанич понимал как «поднепровскую Украину» (na Podnéprovskay Ukráyine), так и Сибирь (Ukrayina Russiae)[52], где и находился в этот период, однако «украинцами» именовал только «черкасов».

5.
Когда и в каком смысле слово «украинцы» стали употреблять сами малороссияне?

С последней трети XVII в. слово «украинцы» в отношении как казаков, так и слободских украинцев появляется и в отошедшей к Русскому государству части Малороссии — в промосковских кругах казачьей старшины и духовенства. Наиболее ярким документом в данном отношении следует считать «Перестерогу Украины» (1669 г.) — публицистический трактат, написанный, скорее всего, наказным киевским полковником В. Дворецким. «Украинцами» автор именует казаков Правобережной Украины[53], которым и адресовано послание (в качестве синонимов употребляются также «козаки», «панове козаки», «войска козацкие», «народ украинский»). В отношении всего малороссийского населения применяются понятия «народ рус(с)кий», «хртіяне русъкие», «русь» (ср. здесь же «москва и русь», «козаки и вся русь»); иногда понятия «Русь» и «русы» распространяются и на Московское го-

51 Зеленин В. В. Рукопись «Политики» // Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 698–699. См. также с. 701.

52 Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 55, 237.

53 Это признает и сам публикатор (см.: Мыцык Ю. А. Украинский историко-политический трактат 1669 года как памятник публицистики // Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVII–XIX вв. Днепропетровск, 1982. С. 92).

сударство. Автор текста демонстрирует хорошее знание ситуации внутри Российского государства. «Пересторога» была обнаружена в конце XIX в. в составе рукописного сборника Дворецких; убежденный сторонник пророссийской ориентации В. Дворецкий неоднократно бывал в Москве и получил там дворянство, именно в 1669 г. он бежал из-под ареста у гетмана Дорошенко, прибыл в российскую столицу, где имел аудиенцию у царя, и возвратился в Киев с жалованной грамотой[54]. «Пересторога» вполне могла быть написана в Москве (и не могла не быть согласована с российской властью), стиль самого документа схож с расспросными речами Дворецкого, собственноручно написанными им в российской столице[55]. Сам текст трактата имеет сложный характер и структуру, а также явные следы смысловой правки. Понятие «украинцы» употребляется в тексте «Перестороги» именно в тех местах, где наиболее отчетливо проявляется пророссийская позиция автора — он как бы говорит со слов своих покровителей (например: «Надлежит и то взяти до уваги Украине, же гды и предъ тымъ бывала часто громлена, теды в царстве московскомъ украинце прибежище мевали, такж греки, и местца стых тамъ вспоможеня брали, бо теж инъде и не маш где <...> Царъ его млст до Украини ся інтересуе, а вольносты, якие хто потребуе, надае, кто ему тылко верне голъдуе. Що обачит може кождый поза граніцею московскою, якъ живут украинце на волностях, обфити во всемъ»[56]).

Единожды слово «украинцы» (в значении казаков) употреблено в «Кроинике о земле Польской» (1673 г.) игумена Киево-Михайловского Златоверхого монастыря Феодосия Софоновича, который был знаком с «Пересторогой»[57]. В письме архимандрита Новгорода-Северского Спасского монастыря Михаила Лежайского боярину А. Матвееву в 1675 г. сказано: «Не ведаю, за что порубежные воеводы *наших* Украинцов недавно изменниками зовут и некакую измену слышат, которую мы не видим; а если бы что было, я сам первой известил бы днем и ночью свету великому государю; изволь предварить, чтобы воеводы в таких мерах были опасны и таких вестей ненадобных не начинали и малороссийских войск не озлобляли; опасно, чтобы от малой искры

54 Мицик Ю. Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. 1991. № 5. С. 133–137.

55 АЮЗР. Т. 9. СПб., 1877. Стб. 161–164.

56 Мицик Ю. Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. 1991. № 5. С. 135, 136.

57 Софонович Феодосій. Кроиника о земли Польской. Л. 87 об. // Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992; http://litopys.org.ua/sofon/sof18.htm

большой огонь не запылал»[58]. Вполне очевидно, что архимандрит употребляет понятие, хорошо известное в Москве, и имеет в виду пограничных воинских людей (казаков) Украины.

В стихах малороссийского поэта Климентия Зиновьева, писавшего во времена Петра и Мазепы, единственный раз были упомянут «Украинец породы Малороссийской» (в собирательном смысле)[59], то есть вводилось уточнение, о каких конкретно слободских «украинцах» шла в данном случае речь. Летопись С. В. Величко (составлена между 1720 и 1728 гг., отличается поэтическими преувеличениями, некритическим отношением к источникам и витиеватым языком) включает документ сомнительного происхождения, датируемый якобы 1662 г., — письмо запорожцев Ю. Хмельницкому. В документе содержатся следующие фразы: «Не забудь к тому же и того, что мы, войско низовое запорожское, скоро поднимемся на тебя, а вместе с нами встанут и все *обабочные украинцы*, наша братия, *и премногие другие* пожелают отомстить тебе за обиды и разорения. В какой час и с какой стороны налетит на тебя вихорь и подхватит и унесет тебя из Чигирина, ты и сам не узнаешь, а поляки и татары далеко будут от твоей обороны»[60]. «Украинцами» названы казаки обоих берегов Днепра. Население Малороссии в целом Величко именовал «народом козако-руським»[61]. В Лизогубовской летописи (по В. С. Иконникову — 1742 г.[62]) были упомянуты «поднестряне и забужане и иные украинцы»[63]; таким образом, «украинцами» здесь именовались казаки — воинские люди различных окраин Малороссии.

---

58 АЮЗР. Т. 12. Стб. 83. С. М. Соловьев цитирует это письмо, но не вполне точно (см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. 12. М., 1995. Гл. 3. С. 517).

59 Климентий // Основа. СПб., 1861. Январь. С. 197.

60 Летопись событий в Юго-западной России в XVII в. Составил Самуил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска запорожского. 1720. Т. 2. Киев, 1851. С. 33. О сомнениях в достоверности документов, цитируемых Величко, см.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 2. Киев, 1908. С. 1595–1596; Величко С. Літопис. / Пер. з книжної української мови, комент. В. О. Шевчука; Відп. ред. О. В. Мишанич. Киев, 1991. Т. 2. Раздел 3. Сн. 65; http://izbornyk.org.ua/velichko/vel20.htm

61 Величко С. Літопис. Т. 1. Раздел 10 и др.; http://izbornyk.org.ua/velichko/vel05.htm

62 Иконников В. С. Ук. соч. С. 1602.

63 Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888. С. 19. См. также «Краткое описание» 1783 г. (Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. Т. 1. Киев, 1856. С. 72).

Выходец из известного малороссийского рода Я. М. Маркович (1776–1804) в своих «Записках о Малороссии, ее жителях и произведениях» (СПб., 1798) писал, что территория «между реками Остром, Супоем, Днепром и Ворсклой» (т. е. Полтавщина и юг Черниговщины) «известна под именами *Украины*, *Степи* и *Полей*, отчего и тамошних жителей называют *Украинцами*, *Степовиками* и *Полевиками*». Маркович также называл их «степными Малороссиянами» и полагал, что они произошли от русских или половцев, которые приняли казачий образ жизни; их потомков польский король Стефан Баторий расселил против крымских татар «при обоих берегах Днепра». «От сих Козаков произошли и Украинцы, составлявшие прежде Малороссийское войско: остатки оного суть нынешние Козаки; но они уже не воины, а сельские жители», — отмечал Маркович. Он также сообщал, что эти «украинцы», хотя и стали расселяться по Екатеринославской и Новороссийской губерниям, но, тем не менее, составляли особое сословие и не смешивались с малороссиянами[64].

6.
Когда «украинцами» начали называть всё население Украины-Малороссии?

Обозначение «украинцами» малороссийского казачества сохранялось в XVIII в. и вне Малороссии. Вольтер в своей «Истории Российской империи при Петре Великом» два раза употребляет понятие «les Ukraniens» (в главах 1 и 17), отмечая, что они именуются казаками («соединившаяся орда из древних роксалан, сарматов и татар»). Вслед за Вольтером в критических замечаниях на его труд об «украинцах» упоминает и М. В. Ломоносов[65].

Однако вскоре в литературных трудах появляется и расширительная трактовка. Выдающийся военный инженер генерал-майор А. И. Ригельман (1720–1789) — обрусевший немец, служивший в 1745–1749 гг. в Малороссии и на Слободской Украйне, — выйдя в отставку и на склоне лет поселившись под Черниговом, на-

64 Маркович Я. М. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. СПб., 1798. С. 39–40, 47, 49.

65 Замечания на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1952. С. 362. Рукопись датируется 1760 г., впервые опубликована была только в 1829 г.

писал «Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще» (1785–1786). Как уже было сказано, на Черниговщине жили казаки, в отношении которых использовалось именование «украинцев». *Ригельман впервые распространил именование «украинцев» на население всей Украины-Малороссии.* Понятия «украинцы» и «малороссияне», так же как «Украина» и «Малороссия» для обозначения Поднепровья, использовались историком как тождественные. «Украинцев» Ригельман считал частью «россиян»[66]. Рукопись Ригельмана была хорошо известна историкам и привлекалась к исследованиям (в частности, Д. Н. Бантыш-Каменским в его «Истории Малой России»), однако никто из малороссийских историков — современников Ригельмана (П. Симоновский, С. Лукомский и др.) слово «украинцы» в таком значении не употреблял.

Польский граф-эмигрант, впоследствии российский чиновник, Ян Потоцкий (1761–1815) издал в 1795 г. в Париже на французском языке хрестоматию отрывков из античных и раннесредневековых писателей под названием «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах». Во введении он привел список славянских народов, среди которых фигурировали «украинцы» или «малороссы» — отдельный от «русских» славянский народ, в древности разделявшийся на 4 племени: полян, древлян, тиверцев и северян. *Потоцкий впервые (эпизодически) использовал слово «украинцы» как этноним.* Интересно отметить, что оно фигурирует всего 3 раза, но сразу в двух формах написания (les Uckrainiens, les Ukrainiens). По мнению польского графа, русский народ происходил от словен новгородских, а кривичи, дреговичи и бужане влились в состав украинского, русского и отчасти польского народов. «Племена Галича и Владимира» (Галиции и Волыни) производились Потоцким от сарматов[67]. Более к украинской теме автор не возвращался, а сама концепция ни в других трудах Потоцкого, ни у его современников развития не получила.

Почины Ригельмана и Потоцкого восприняты не были. Слово «украинцы» в исторических, литературных и политических произведениях до середины XIX в. продолжало употребляться в прежних значениях. Харьковский писатель

---

66 Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. М., 1847. С. 8, 13 и далее; http://litopys.org.ua/rigel/rig02.htm#pred

67 Potocki, Jan. Fragments historiques et geographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les slaves. Brunsvic, 1796 [1-е изд.: Paris, 1795]. P. 3–4.

И. И. Квитка[68], одесский историк А. Скальковский[69], а также А. С. Пушкин (вероятно, вслед за Марковичем и Квиткой) именовали «украинцами» малороссийских казаков. В драме «Борис Годунов» (1825) Г. Отрепьев говорит о себе: «И наконец из келии бежал / К украинцам, в их буйные курени, / Владеть конем и саблей научился...» (сцена «Ночь. Сад. Фонтан»). Отсюда видно, что в русском варианте слово изначально имело ударение на второй слог (*укрАинец*), в то время как в польском (по правилам польского ударения) — на предпоследний (*украИнец*).

Использовалось и прежнее петровское значение слова. Декабрист П. И. Пестель (1792–1826) в своей «Русской Правде» делил «народ русской» на пять «оттенков», различаемых, по его мнению, лишь «образом своего управления» (т. е. административным устройством): «россиян», «белорусцев», «русснаков», «малороссиян» и «украинцев». «Украинцы», как отмечал Пестель, населяют Харьковскую и Курскую губернии[70]. Харьковский драматург Г. Ф. Квитка (Основьяненко) (1778–1843), племянник И. И. Квитки, в небольшом очерке «Украинцы» (1841) писал: «Народы, населившие нынешнюю Харьковскую губернию, большею частью были украинцы и имели с малороссиянами один язык и одни обычаи, но со времени своего здесь поселения значительно отклонились от них до заметной разности...»[71].

Расширительная трактовка использовалась достаточно случайно. К. Ф. Рылеев, три года проживший среди слобожан, в набросках своей поэмы «Наливайко» (1824–1825) писал: «...Поляк, еврей и униат // Беспечно, буйственно пируют, // Все радостью оживлены; // Одни украинцы тоскуют...». Этот отрывок («Весна») был впервые опубликован только в 1888 г.[72] В 1834 г. молодой ученый-ботаник М. А. Максимович издал в Москве «Украинские народные песни», в комментариях к которым писал: «Украинцы

---

68 И-я Кв-ка. О Малой России // Украинский вестник (Харьков). 1816. № 2. С. 306–307.

69 Скальковский А. Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии. 1733–1768. 1845. С. 11, 31; Он же. История Новой-Сечи, или последнего Коша Запорожского. Одесса, 1846. Т. 1. С. 196, 226, 227, 263, 325, 348, 349; Т. 2. С. 31, 40, 96, 275; Т. 3. С. 288.

70 Пестель П. И. Русская правда [2-я ред.] // Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М., 2000. С. 518; http://vivovoco.astronet.ru/VV/law/vv_pes_w.htm

71 Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів. В 7 т. Киев, 1981. Т. 7. С. 84.

72 Архипова А. В. О текстологии К. Ф. Рылеева (как печатать поэму «Наливайко») // Русская литература. 2001. № 1. С. 125–129.

или Малороссияне составляют восточную половину Южных или Черноморских Руссов, имевшую своим средоточием богоспасаемый град Киев»[73]. Однако позднее, принявшись за изучение истории и культуры Малороссии, Максимович сузил понятие «украинцы»: по его мнению, так именовались потомки полян[74] — казаки[75] и жители Среднего Поднепровья[76]. Максимович не считал «украинцев» особым этносом.

7.
Когда под «украинцами» стали понимать отдельный славянский народ (этнос)?

На рубеже 1845–1846 гг. в Киеве по инициативе молодого профессора Университета св. Владимира Н. И. Костомарова (ученика Максимовича) возникло «Кирилло-Мефодиевское братство», поставившее перед собой задачу борьбы за создание славянской федерации, куда должна была войти и свободная Украина. В Уставе братства Костомаров написал: «Принимаем, что при соединении каждое славянское племя должно иметь свою самостоятельность, а такими племенами признаем: *южно-руссов*, северно-руссов с белоруссами, поляков, чехов с [сло] венцами, лужичан, иллиро-сербов с хурутанами и болгар»[77]. Таким образом, автор Устава использовал искусственное слово «южно-руссы», противопоставленное им «северно-руссам с белоруссами». Однако сторонник Костомарова Василий Белозерский написал пояснительную записку к Уставу, в которой содержалась следующая фраза: «Ни одно из славянских племен не обязано в той мере стремиться к самобытности и возбуждать остальных братьев, как мы, *Украинцы*»[78]. *Именно с этого документа можно вести историю употребления слова «украинцы» в этническом смысле.*

---

73 Максимович М. А. Собрание сочинений. Т. 1. Киев, 1876. С. 838.

74 Там же. Т. 1. Киев, 1876. С. 138, 655; Т. 3. Киев, 1880. С. 365.

75 Там же. Т. 1. Киев, 1876. С. 352, 361, 364, 436–437, 439, 451, 488, 647, 649, 652, 752, 768, 770, 782, 791, 823–824, 829.

76 Там же. Т. 1. Киев, 1876. С. 105, 593; Т. 3. Киев, 1880. С. 233, 243, 262, 266, 320.

77 Русский архив. 1893. № 7. С. 399–401; http://izbornyk.org.ua/rizne/kmt01.htm

78 Грушевський М. С. З ідеології кирило-мефодіївців // Україна: Науковий трьохмісячник українознавства. 1914. Кн. 1. С. 78–83; http://izbornyk.org.ua/rizne/kmt06.htm

Белозерский, черниговский уроженец и преподаватель истории, не мог не знать рукопись Ригельмана, хранившуюся у его сына, черниговского поветового маршала А. А. Ригельмана, и активно использовавшуюся историками. Его брат Н. А. Ригельман (чиновник канцелярии киевского генерал-губернатора, сотрудник Временной комиссии для разбора древних актов) дружил с членами «Кирилло-Мефодиевского братства». В 1847 г. рукопись была, наконец, напечатана в Москве О. М. Бодянским — еще одним их хорошим знакомым. После появления записки Белозерского Костомаров написал свою прокламацию «Братья Украинцы», в которой говорилось следующее: «...Мы принимаем, что все славяне должны между собою соединиться. Но так, чтоб каждый народ составлял особенную Речь Посполитую и управлялся не слитно с другими; так, чтоб каждый народ имел свой язык, свою литературу, свое общественное устройство. Такими народами признаем: Великороссиян, *Украинцев*, Поляков, Чехов, Лужичан, Хорутан, Иллиро-сербов и Болгар. (...) Вот братья *Украинцы, жители Украины обоих сторон Днепра*, мы даем вам это размышление; прочитайте со вниманием и пусть каждый думает, как достигнуть этого, и как бы лучше сделать...»[79]. Оборот «обе стороны Днепра» часто употреблялся и в труде Ригельмана[80], вдохновившем Белозерского и Костомарова (в других доступных им работах говорилось об «обоих берегах», а не «обеих сторонах», а кроме того отсутствовала расширительная трактовка понятия «украинцы»).

Интересна также эволюция употребления слова «украинцы» у другого участника «Братства» — П. А. Кулиша. В 1845 г. Кулиш (в тогдашнем написании: Кулеш) приступил к публикации в журнале «Современник» своего романа «Черная рада». В первоначальной версии (на русском языке) упоминались «Малороссийский народ», «Малороссияне», «Южно-Русский народ», «Украинский народ», присущий им «дух Русский», а также указывалось, что жители Украины — «Русские». «Украинцами» в романе, как повелось с конца XVII — XVIII в., именовались малороссийские казаки[81]. Это слово также встречалось и в более ранних

79 Былое. 1906. № 2. С. 67–68; http://litopys.org.ua/rizne/kmt01.htm (см. фотокопию оригинала прокламации).

80 Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. М., 1847. С. 16, 17, 25 и далее.

81 Кулеш П. А. Пять глав из Черной Рады // Современник. Т. 37. СПб., 1845. С. 332, 333, 335, 336, 340, 343, 347; Т. 38. СПб., 1845. С. 31, 157.

произведениях Кулиша. Например, в повести «Огненный змей» содержалась следующая фраза: «Народная песня для Украинца имеет особенный смысл»[82]. Повествование было связано с местечком Воронеж близ Глухова (родиной самого Кулиша) — на границе с Слобожанщиной и недалеко от мест, где, по Марковичу, селились потомки казаков. Важно отметить, что в другом труде Кулишом восхвалялись именно «козацкие песни»[83]. Представления Кулиша, таким образом, были близки взглядам Максимовича. Однако именно с 1846 г. Кулиш наполняет слово «украинцы» иным смыслом. С февраля этого года (то есть одновременно или сразу после появления записки Белозерского) он начал печатать в петербургском журнале «Звездочка» свою «Повесть об украинском народе». В ней фигурировали «народ Южнорусский, или Малороссийский» и «Южноруссы, или Украинцы». Автор отмечал, что этот особый славянский народ, проживающий в России и Австрии, и от «севернорусских» отличается «языком, одеждою, обычаями и нравами», а история его начиналась еще с князя Аскольда. Интересно, что в последнем абзаце своего труда Кулиш все-таки отметил, что «козаки-поселяне, потомки городовых козаков (...) отличаются от прочих Украинцев чистотою народного типа»[84].

Однако употребление слова «украинцы» в этническом смысле в середине XIX в. было случайным и столь же искусственным, как и понятия «южноруссы». Оба эти понятия в равной степени не считались самоназваниями. Примечательно, что один из наиболее радикально настроенных участников «Братства» Т. Г. Шевченко никогда словом «украинцы» не пользовался[85]. С 1850-х гг. Кулиш употреблял его в своих исторических работах наряду с «малоруссами», «южными русичами», «польскими русичами»[86]. При этом он отказался от представления «украин-

---

82 Кулиш П. А. Огненный змей (повесть из народных преданий) // Сочинения и письма П. А. Кулиша. Т. 5. Киев, 1910. С. 52.

83 Кулиш П. А. Повесть об украинском народе // Звездочка. 1846. № 2. С. 82.

84 Там же. С. 69, 70; № 7. С. 14.

85 Экс-президент Украины Л. Д. Кучма в своей книге «Украина — не Россия» (М., 2003) написал: «Никто бы не смог оспорить слово, особенно такое важное, как «украинцы», после того как его употребил Шевченко. (...) Своими стихами Шевченко узаконил слова «украинец» и «украинцы» (С. 78, 275). Однако в действительности примеры употребления в стихах Шевченко этих слов неизвестны.

86 Записки о Южной Руси. Изд. П. А. Кулиш. В 2 т. СПб., 1857. Т. 2. С. 141; Кулиш П. А. История воссоединения Руси. В 3 т. СПб., 1874–1877. Т. 1.

цев» как этноса и писал так: «Северный и Южный Русский народ есть одно и то же племя»[87]. В частной переписке «украинцы» четко отделялись им от «галичан»[88]. Пересмотрев свои прежние взгляды, Костомаров в 1874 г. писал: «В народной речи слово «украинец» не употреблялось и не употребляется в смысле народа; оно значит только обитателя края: будь он поляк, иудей — все равно: он украинец, если живет в Украйне; все равно, как, напр., казанец или саратовец значит жителя Казани или Саратова». Касаясь исторической традиции словоупотребления, историк, кроме того, отмечал: «Украина значила (...) вообще всякую окраину. Ни в Малороссии, ни в Великороссии это слово не имело этнографического смысла, а имело только географический»[89]. Филолог М. Левченко на основании собственных этнографических изысканий и в соответствии с мнением Максимовича указывал, что «украинцы — жители Киевской губернии, которая называется Украиною». По его словам, они были частью «южноруссов» или «малоруссов», которых правильнее было бы называть «русинами»[90].

Также сохранялось представление конца XVII — XVIII в. о казацкой этимологии слова «украинцы». В стихотворении П. Чубинского (1862), положенном в основу современного гимна Украины, говорилось: «Ще не вмерли в Україні ні слава, ні воля, / Ще нам, браття українці, усміхнеться доля! (...) І покажем, що ми, браття, козацького роду». Несколько позднее в журнале «Киевская старина» было опубликовано стихотворение неизвестного автора «Ответ малороссийских козаков украинским слобожанам [Сатира на слобожан]», в котором для обозначения казаков фигурировало слово «украинцы». Текст стихотворения якобы был найден в глуховском архиве Малороссийской коллегии, он не имел датировки, но был связан с событиями 1638 г. и представлялся как достаточно древний. Однако оригинал текста

С. 157; Т. 2. С. 291; Т. 3. С. 132; Кулиш П. А. Отпадение Малороссии от Польши. Т. 3. М., 1889. С. 148.

87 Записки о Южной Руси. Изд. П. А. Кулиш. В 2 т. СПб., 1857. Т. 1. С. VII.

88 П. Кулиш — В. Барвинскому, 21 октября 1870 г. // Вибрані листи Пантелеймона Куліша українською мовою писані. Нью-Йорк — Торонто, 1984. С. 201–202.

89 Костомаров Н. И. Историческая поэзия и ее новые материалы // Вестник Европы. 1874. № 12. С. 620.

90 Левченко М. Места жительства и местные названия русинов в настоящее время // Основа. 1861. Январь. С. 263–264; http://izbornyk.org.ua/rizne/rusyny1.htm

«Ответа» неизвестен, а его стиль позволяет судить, что на самом деле произведение было создано незадолго до публикации[91]. Стоит отметить, что Костомаров, в частности, считал присутствие слова «украинцы» в изданных текстах старых малороссийских песен одним из признаков подложности[92].

Историк С. М. Соловьев еще в 1859–1861 гг. использовал слово «украинцы» для обозначения жителей различных российских окраин — как сибирских, так и днепровских[93]. Гр. А. К. Толстой в своей сатирической «Русской истории от Гостомысла до Тимашева» (1868) написал о Екатерине II, распространившей крепостное право на Малороссию: «...И тотчас прикрепила / Украинцев к земле». В отличие от подобного словоупотребления радикальный публицист В. Кельсиев пользовался этим понятием для обозначения галичан-украинофилов[94].

На рубеже XIX–XX вв. слово «украинцы» обычно использовалось не в этническом, а в географическом смысле (вслед за Ригельманом, поздним Кулишом и поздним Костомаровым), обозначая население Украины. В географическом значении понятие «украинцы» начал активно употреблять общественный деятель М. П. Драгоманов (1841–1895). В своих работах, публиковавшихся с 1880-х гг., Драгоманов сперва различал «украинцев» («российских украинцев», «украинцев-россиян») и «галицко-руський народ» («галичан», «русинов»)[95], однако позднее объединил их в «русинов-украинцев»[96]. Предками «украинцев» Драгоманов считал полян[97]. Как бы то ни было, в границы «Украинской земли» им включались территории Малороссии, Новороссии (без Крыма), Донской и Кубанской областей, Полесья, Галиции и Под-

---

91 Киевская старина. 1884. Т. X. С. 550–552; http://izbornyk.org.ua/old18/old18_23.htm#sat12; также см. комментарий.

92 Костомаров Н. И. Историческая поэзия и ее новые материалы // Вестник Европы. 1874. № 12. С. 620. См. также: Максимович М. А. Ук. соч. Т. 1. Киев, 1876. С. 619.

93 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4. М., 1994. Т. 8. С. 727 (1859 г.); Кн. 5. М., 1995. Т. 10. С. 627 (1861 г.).

94 Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева. СПб., 1868. С. 69, 95, 160.

95 Драгоманов М. П. Одкритий лист з України до редакції «Правди» (опубл. 1889), Австро-руські спомини, 1867–1877 (опубл. 1891); http://www.ukrstor.com/ukrstor/dragomanov-ars.html

96 Драгоманов М. П. Чудацькі думки про українську національну справу (1892); http://www.ukrstor.com/ukrstor/dragomanov_dumki.htm

97 Драгоманов М. Историческая Польша и великорусская демократия. Женева, 1881. С. 16.

карпатья[98]. Племянница Драгоманова поэтесса Л. Косач-Квитка (1871–1913; псевдоним: Леся Украинка) также различала «украинцев» и «галичан» («галицких русинов»), но считала их одним народом[99]. Интересно, что перевод на немецкий язык собственного стихотворения «To be or not to be?..» (1899) Леся Украинка подписала так: «Aus dem Kleinrussischen von L. Ukrainska» (дословно: «С малороссийского Л. Украинской»)[100]. Иными словами, свой псевдоним Л. Косач-Квитка понимала не в этническом, а в географическом смысле (жительница Украины-Малороссии). И. Франко, писавший о едином «украинско-руськом народе», называл себя «русином»[101].

В период Первой мировой войны русское военное начальство различало «русинов» (галичан) и «украинцев», понимая под последними военнослужащих Легиона украинских сечевых стрельцов (УСС): «Кременецким полком в районе Макувки взяты 2 русин из батальона Долара. Они показали, что на той же высоте находятся две роты украинцов Сечевиков, у которых некоторые офицерские должности заняты женщинами»[102].

8.
Когда началось активное употребление слова «украинцы» в современном этническом значении?

Профессор Лембергского (Львовского) университета (в 1894–1914 гг.), впоследствии председатель Украинской Центральной Рады и советский академик М. С. Грушевский (1866–1934) в своей

---

98 Драгоманов М. П. Переднє слово [до «Громади» 1878 р.]; http://izbornyk.org.ua/drag/drag11.htm

99 Леся Українка. «Не так тії вороги, як добрії люди» (1897); http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/lesja/works/varia/netak.html; Додаток від впорядника до українського перекладу книжечки «Хто з чого жиє» (1899); http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/lesja/works/varia/dvv.html

100 http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/lesja/works/verses/dm/30tobeorde.html

101 Франко І. Український і галицький радикалізм (1896), Коли не по конях, так хоч по оглоблях (1897); www.myslenedrevo.com.ua/studies/franko/mosaic/30.html; Про життя і діяльність Олександра Кониського (1901); www. myslenedrevo. com. ua/studies/franko/mosaic/17.html; Олександр Яківлевич Кониський (1901); www.myslenedrevo.com.ua/studies/franko/mosaic/18.html

102 Телеграмма начальника штаба 78 пехотной дивизии полковника Л. К. Соколова от 20 марта 1915 г. (РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Ед. хр. 649. Л. 142). Цит. по: Каширин В. Б. Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010. С. 181–182. См. также с. 305, 312.

«Истории Украины-Руси» (10 томов, издавались в 1898–1937 гг.) попытался использовать слово «украинцы» в *этническом значении*. Грушевский активно вводил понятия «украинские племена» и «украинский народ» в историографию Древней Руси и догосударственного периода. Вместе с тем в его «Истории» слово «украинцы» («украинец») употребляется применительно к событиям до XVII в. весьма редко. При этом очень часто упоминаются термины «руський» и «русин», синонимом которых у Грушевского и выступает понятие «украинец»[103]. В своей политической деятельности Грушевский и его единомышленники начали активное использование этого слова в еженедельнике «Украинский вестник» (выходил в 1906 г. в Петербурге) и журнале «Украинская жизнь (выходил в 1912–1917 гг. в Москве). *Только в начале XX в. начинается противопоставление понятий «украинец» и «малоросс».*

Лишь после победы Февральской революции 1917 г. в России слово «украинцы» постепенно стало приобретать повсеместное хождение. В официальных документах оно по-прежнему использовалось редко — в универсалах «Центральной Рады» оно фигурирует лишь дважды, причем используется произвольно, по мере изменения политической конъюнктуры. Во II Универсале (3 июля 1917 г.) «украинцы» понимаются в *географическом смысле: «Громадяне землі Української.* (...) Що торкається комплектування військових частей, то для сього Центральна Рада матиме своїх представників при кабінеті Військового Міністра, при Генеральнім Штабі і Верховному Головнокомандуючому, які будуть брати участь в справах комплектування окремих частин виключно *українцями*, поскільки таке комплектування, по определенню Військового Міністра, буде являтись з технічного боку можливим без порушення боєспособности армії». III Универсал (7 ноября 1917 г.), вышедший уже после захвата власти в Петрограде большевиками, придавал слову «украинцы» *этническое значение*: «Народе український і всі народи України! (...) До території Народньої Української Республіки належать землі, заселені у більшости *Українцями*: Київщина, Поділя, Волинь, Чернігівщина, Полтавщина, Харківщина, Катеринославщина, Херсонщина, Таврія (без Криму)»[104].

В этническом смысле и как самоназвание слово «украинцы» на официальном уровне окончательно укоренилось лишь

---

103 Грушевський М. Історія України-Руси; http://litopys. org. ua/hrushrus/iur. htm

104 http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-2.html; http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-3.html

с созданием УССР. В Галиции это произошло только после вхождения ее территории в состав СССР/УССР в 1939 г., в Закарпатье — в 1945 г.

Итак:

- Изначально (с XVI в.) «украинцами» именовались пограничные служилые люди Московского государства, несшие службу по Оке против крымцев.
- Со II половины XVII в. под российским влиянием понятие «украинцы» распространилось на слобожан и малороссийских казаков. С этого времени его постепенно стали употреблять и в самой Малороссии.
- К концу XVIII в. относятся первые попытки русских и польских литераторов употреблять слово «украинцы» в отношении всего малороссийского населения.
- Использование слова «украинцы» в этническом смысле (для обозначения отдельного славянского этноса) началось с середины XIX в. в кругах российской радикальной интеллигенции.
- «Украинцы» как самоназвание укоренилось только в советское время.

Таким образом, возникнув не позднее XVI в. и постепенно распространяясь от Москвы до Закарпатья, слово «украинцы» полностью поменяло свой смысл: изначально означая пограничных служилых людей Московского государства, оно, в конечном счете, приобрело значение отдельного славянского этноса.

ИННА БУЛКИНА

КИЕВ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. В ИСТОРИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ

Предмет этой статьи — политическая и общественная жизнь Киева конца XVIII — первой трети XIX в., а основные источники — ранние нефикциональные описания Киева, дневники и мемуары, т. н. «путевые тексты», топографические описания, наконец, первые «исторические описания» города.

Заметим сразу: в основании киевских «исторических описаний» чаще всего обнаруживаем «Киевский синопсис» 1674 г., традиционно приписываемый архимандриту Иннокентию Гизелю. В основании «Синопсиса», в свою очередь, лежит «Хроника» Феодосия Софоновича (1672), вернее свод материалов, составленный по образцу польских хроник, но избирательно повествующий лишь о событиях, связанных с историей киевских земель. Первая и главная идея «Синопсиса» — историческое наследование Российского государства княжеской Киевской Руси. Киев как древнерусская столица здесь находится в основании российской исторической и государственной модели.

Едва ли не до середины XIX в. «Синопсис» использовался в России как школьный учебник по истории, он выдержал десятки переизданий, основные его идеи использовались В. Н. Татищевым и поздними историками, от Н. М. Карамзина до В. О. Ключевского. Как писал в 1913 г. П. Н. Милюков:

«Дух «Синопсиса» царит и в нашей историографии XVIII в., определяет вкусы и интересы читателей, служит исходною точкой для большинства исследователей, вызывает протесты со стороны

наиболее серьезных из них — одним словом, служит как бы основным фоном, на котором совершается развитие исторической науки прошлого столетия» [Милюков: 7].

«История Русов», на которую во многом опирались украинские романтики и первые историки Малороссии, появилась гораздо позже: впервые опубликована она была в 1846 г., в списках же стала известна, по крайней мере, в 1830-е. Этот сфальсифицированный «политический памфлет» в свое время был ошибочно приписан архиепископу Георгию Конискому, сегодня его с равным успехом атрибутируют Григорию и Василию Полетикам, Александру Безбородко, Василию Лукашевичу и Василию Ханенко, Афанасию Лобисевичу и прочим представителям «образованной элиты козацкого Гетьманата». «Фактологическая условность гениальной мистификации сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений: текст анализируют как памятник политического сознания начала XIX века», — констатирует Н. Н. Яковенко [Яковенко 2007: 149].

Автор «Истории Русов» выстраивает новую историческую модель в противовес «Синопсису»: здесь нет идеи наследования и, тем более, нет идеи единого, берущего начало от Киевской Руси, Российского государства. По сути, это «заявка» на «отдельную» украинскую историю, начало которой относится к временам «козаччины».

Отчасти популярностью «Истории Русов» объясняется столь малое значение Киева в явившихся в 1830-е гг. исторических романах на «малороссийскую тему». Однако в нашем случае речь идет о более ранних текстах, так или иначе повлиявших на киевские описания и путевые записки интересующего нас периода. Кроме карт и описаний Боплана (середина XVII в.), которыми, безусловно, пользовались европейцы, путешествовавшие по Украине, а также первые киевские историки (в частности, Максим Берлинский), здесь имеет смысл вспомнить написанные с некоторой «исторической амбицией» «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях» Якова Марковича (1798).

Этот опыт «чувствительной этнографии» оказал огромное влияние на «сентиментальных малороссийских путешественников», и сложившийся впоследствии образ полуденной Авзонии, «страны обилия и приятностей», где «валятся сами в рот галушки». Ср. изначально у Марковича: «Без лишнего труда и тонкого искусства земледельцев пашни разводятся легко и обильную приносят жатву». Характерно, что сам Маркович ссылается на польские источники: «Поляки называли Малороссию молочною и медовою землею; можно именовать ее еще страной обилия и приятностей»

[Маркович: 42–43]. «Украинная», пограничная Малороссия была для поляков своего рода Куканией, сказочной страной изобилия.

Позднейшее устойчивое определение Малороссии как полуденной Авзонии, патриархальной страны Золотого века с очевидными в таком культурном контексте итальянскими аналогиями (Италия выступала здесь как начальная страница европейской цивилизации, а Малороссия — как прародина Новой России) предполагает северо-восточную, российскую перспективу: такова Малороссия при взгляде из России. Между тем, коль скоро одним из первых российских «путеводителей» по Малороссии были «Записки» Якова Марковича, нам представляется немаловажной эта исходная польская отсылка и — фактически — польское происхождение семантического комплекса «малороссийской идиллии». Не исключено, что ключевой источник — это полуфантастическая «хроника» Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» (*De moribus tartarorum, lituanorum et moscorum*), изданная в Базеле в 1615 г.

В одном из ее «фрагментов» обнаруживаем описание киевской земли, текущей молоком и медом, «грунты» ее обильны и плодородны, «родят» они деревья с изысканными плодами, а также виноград [Литвин]. Сообщения о «киевском винограде» находим затем в записках киевских путешественников-иностранцев, в частности, Оттон фон Гун упоминает о сладком киевском винограде, который якобы исчез после землетрясения 1802 г. Там же, в путевом дневнике фон Гуна, находим общие места «малороссийско-куканского» комплекса — об удивительном плодородии и «обильных жатвах»: «Хлеб растет так, что, кажется, сам идет к ним в рот, а вино составляет первую их мысль от утра до вечера...» [Гун: 85]. Сам Гун ссылается на Гильденштедта, а Гильденштедт, по всей вероятности, читал польско-литовские хроники.

В целом, влияние польских источников на культурные и исторические сюжеты киевского текста в русской исследовательской традиции изучено пока лишь в самой малой степени. Польские историки литературы и украинские медиевисты указывают на несколько устойчивых мотивов:

- «украинность» (пограничность) малороссийских земель,
- барочные руины и общий комплекс ubi gloria, связываемый с падшей столицей,
- топос *translatio loci* и символическую идею Киева — второго Иерусалима[1].

[1] См.: [Яковенко 2002], [Річка], [Pritzak 1986], [Stupperich], [Джираудо 1999], [Künstler-Langner] и др.

Отметим, что последние мотивы в целом характерны для средневековой исторической эсхатологии. Киевский комплекс у польских и литовских хронистов строится по принципу аналогии: на Киев проецируется, с одной стороны, традиция эпитафии Великому Городу, восходящая к проповеди Блаженного Августина («Слово о разорении города Рима»), с другой — присущая «священным городам» библейская топография: Киев мыслится «вторым Иерусалимом».

Определение Киева — «мати городов» — из «Повести временных лет», которое Д. С. Лихачев справедливо трактовал как кальку с греческого («метрополия»), в позднейшей традиции стали понимать как цитату из Священного писания («вышний Иерусалим (...) Матерь всем нам» — Гал. 4: 26). Что касается текстов XII–XIII вв., то О. Прицак полагает эту идею «греческой», т. е. привнесенной из Византии [Pritzak 1986: 293]. Позднее такое отождествление встречается в риторике киевских и московских иерархов, в средневековых апокрифических памятниках, в частности в «Голубиной книге», в т. н. «Иерусалимской беседе» (список XVII в.): царь Давид загадывает загадки богатырю Волоту Волотовичу об устройстве Вселенной, Иерусалим поминается как «городам мати», затем следует разгадка сна Волота: «Будет на Руси град Иерусалим начальный, и в том граде будет соборная и апостольская церковь Софии Премудрости Божия о семидесяти верхах, сиречь Святая Святых» [Памятники: 307–308].

С комплексом Киева — второго Иерусалима и «богоспасаемого града» связана идея <Киевской> Руси — богохранимой земли, Обетованной земли Царства Небесного. Эта конструкция также вначале появляется в древнерусских памятниках, затем вновь становится актуальна в XVII в.: «Богоспасаемый Преславный и Первоначальный всея России Град» — именно так определяется Киев в «Синопсисе», а еще ранее, в 1621 г., в послании митрополита Иова Борецкого («...До *богоспасаємого мѣста Кіева, второго рускаго Иерусалима*, прыамней в духовных пилных потребах, минаючи унитскую безбожную яму, єсли мило спасеніє, абы ся не лѣнил приходити и присилати» [Голубев: I: 263]).

«Иерусалимская идея» помимо письменных памятников утверждается в сакральной киевской архитектуре и топографии. Начальное каменное строительство в Киеве должно было, так или иначе, указывать на Константинополь, тогда как структура городского пространства в Константинополе воплощала идею «нового Иерусалима». Царьградские Золотые ворота создавались по образу Золотых ворот, через которые Христос (Царь мира)

въехал в Иерусалим, центральный храм Святой Софии Премудрости Божией — по образу главной святыни древнего Иерусалима, ветхозаветного храма иудейского. В XI в., при Ярославе, в столице Древнерусского государства появляются аналогичные константинопольским Золотые ворота, храм Св. Софии, а также монастыри Св. Георгия и Св. Ирины. Впоследствии каждый из городов, претендовавших на роль центра Русской земли, принимал на себя обязанность стать «третьим Римом» и «Новым Иерусалимом», и тогда в них появлялись и внешние атрибуты мировой столицы: Золотые ворота, новый центральный храм и т. п.[2]

Если древнерусское городское строительство прямо указывало на «святой град», то более поздняя историческая топография — и в письменных, и в градостроительных памятниках призвана была напомнить о библейских прообразах. Сама по себе идея «реставрации» православной столицы в XVII в. связана с именем митрополита Петра Могилы и получила название «могилянского ренессанса». Под патронажем митрополита создаются хроники, отчасти предвещающие «Киевский Синопсис» и устанавливающие прямое наследование Малой и Великой России от Киевской Руси и первоначального киевского православия. Здесь, прежде всего, следует назвать «Палинодию» Захария Копистенского (1621), Густинскую летопись, а также отсылающие непосредственно к Печерскому Патерику «Патерикон» Сильвестра Коссова и «Тератургиму» Афанасия Кальнофойского. Именно в «Патериконе» и «Тератургиме» прослеживается «священная топография» пребывающей в руинах бывшей православной «метрополии».

Реставрация и восстановление киевских храмов в могилянские времена осуществлялась в соответствии с той самой «священной топографией». И если в середине XVII в. киевские «руины» все еще были городской реалией: на рисунках Яна Вестерфельда (1651) запечатлены развалины старинных храмов и крепостных стен, то по ходу «могилянского ренессанса» облик города преображается. Остатки старинных киевских храмов (зачастую от них оставались лишь фундаменты) перестраивались в стиле т. н. украинского барокко, камни из крепостных стен шли в дело, и, в конечном счете, век спустя путешественники могли обнаружить лишь «новоделы» и реальные, неметафорические развалины: город

---

[2] Идея «Киева — нового Иерусалима» — имеет свою исследовательскую традицию, мы здесь сошлемся на работы Дж. Джираудо [Джираудо 1992], [Джираудо 1999], О. Прицака [Pritzak 1986], Н. Яковенко [Яковенко 2002], В. Рички [Річка], Р. Штупперихa [Stupperich] и др.

пережил эпидемию чумы и несколько больших пожаров. Однако путешественники, как правило, вспоминали «руины» метафорические — воображаемые руины Великого Города.

Что касается гражданской и административной киевской топографии, то основанием для нее в интересующий нас период — на рубеже XVIII–XIX вв., — как правило, служат материалы топографической комиссии А. С. Милорадовича, созданной по указу Екатерины II от 5 мая 1779 г. в целях генерального межевания и создания «топографических описаний наместничеств и губерний». Описание Киевского наместничества было составлено в 1786 г., к нему прилагались характеристики монастырей, перечень Лаврского имущества и царских грамот, пожалованных Лавре. Активизация работы по описанию Киевского наместничества связана с путешествием Екатерины. Описание наместничества и «Путешествие ея Императорского Величества в Полуденный край России» (своего рода «путеводитель») вышли почти одновременно, в 1786 г., «в порядке надлежащего приуготовления» к путешествию. Указание на это содержалось в предисловии, в конце книжки прилагался маршрут с исчислением верст, а также карта. Киеву в ней посвящено чуть более десятка страниц, и эта «киевская часть» затем многократно переиздавалась как «описание киевских достопамятностей». Кроме того, в лаврской типографии регулярно переиздавалось восходящее к «Патерикону» «Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры» с приложением некрополя («Известия о погребении в Киеве князей и княгинь роду Рюрикова»). Авторами такого «Описания» становились киевские митрополиты Самуил Мислáвский (изд. 1795 г. — см.: [Милославский]) и Евгений Болховитинов (изд. 1826 г. — см.: [Болховитинов 1826]. Здесь же упомянем еще одно раннее «топографическое описание» Киева, история его создания отчасти подобна предыстории текста 1786 г. Это — «Описание Киева и губернии» Ивана Кириллова 1717 г., оно представляет собой своего рода «памятник» бюрократических реформ петровской эпохи и предуготовляет учреждение «Малороссийской коллегии» (1722–1727). Однако этот текст так и остался архивным «памятником»: найден и опубликован он был лишь в 1831 г. М. П. Погодиным (См.: [Мельник]).

Самое известное из ранних описаний Киева принадлежит Максиму Берлинскому. Эта небольшая книга издана в 1820 г., однако составлялась она гораздо раньше. «Пространная история г. Киева с топографическим его описанием, собранная из разных киевских книгохранилищ и старинных рукописей» была написана

Берлинским в начале 1800-х гг., но не была опубликована. Автор пользовался бумагами сгоревшего в 1811 г. магистрата, а также польскими хрониками, «Синопсисом» и прочими киевскими памятниками, наконец, картами и «Описанием Украины» Боплана.

«Краткое описание города Киева, содержащее историческую перечень сего города, также показание достопамятностей и древностей оного» М. Берлинского по историческому ощущению, по характеру материала и его изложения — памятник конца XVIII в. Структура его повторяет вопросник Милорадовича. Вначале — географические координаты: «Киев город, один из известнейших в свете и древнейших в России, стоит на правом берегу реки Днепра...», после чего указаны широта, долгота, длительность светового дня, короткое известие о племенах и народах, здесь обитавших, приведены все версии о происхождении названия — как исторические, так и легендарные [Берлинский: 3–5]. «Историческая перечень» отчасти повторяет «Синопсис» и «екатерининский» путеводитель, но пафос и стилистика выдают знакомство автора с польско-латинскими историческими памятниками:

«Таков был Киев прежде, и ежели не изяществом зданий, по крайней мере, пространством, многолюдством, пребыванием в нем Князей, мог слыть славным, процветавшим и благоденствующим городом. И в сию-то эпоху его величества Хан Батый наложил на него губительную руку, храмы разорены, жилища сожжены, жители разсеяны или погублены!

Почти без жителей, затем между бывшими пожарищами бедные хижины, безсильные и робкие жители срубили на месте старого Киева деревянный острог и на Подоле огородились палисадником. В таком крайнем запустении город находился до владения Литовских удельных князей» [Берлинский: 16].

Мы однажды уже указывали на близость этого текста к ванитативному комплексу tecta Kiovi («киевские кровли»). [Булкина 2004: 97, 103]. Киев в средневековых польских памятниках зачастую уподоблялся поверженной Трое и захваченному варварами Риму[3]. Ср. у Берлинского: «...Если предание оставило нам за достойное внимания, сведения о Ромуловом палисаднике, об Иудейских кущах, о Карфагенской коже, то может быть, когда-либо

[3] Описание топоса ubi gloria в средневековых польских текстах см. в работе Д. Кюнстлер-Лангнер [Künstler-Langner], параллели из «Хроники» Стрийковского и «Camoenas Borysthenides» приводит Н. Н. Яковенко [Яковенко: 287–288].

и бедность сей упадшей Всероссийской столицы, будет любопытна» [Берлинский: 19].

Заметим, что автор более позднего киевского «описания» Н. Закревский тоже начинает с традиционных параллелей, но вышедший в середине 1830-х гг. «Очерк истории города Киева» принадлежит другой эпохе, и пафос его прямо противоположен и очевидно полемичен по отношению к тексту Берлинского и его польским источникам:

«Киев не может состязаться в древности с Афинами, ни в огромности с Пекином; в нем антикварий не найдет развалин Пальмиры, и путешественник не увидит пирамид Египта, изумляющих своею огромностью. Он не был повелителем света, как Рим, не был законодателем ветреной моды, как Париж: но не смотря на все это Киев есть священное достояние Русских! Это есть место, откуда Христианская религия разпростерла благотворные лучи по всему горизонту Русскому. Это есть колыбель просвещения для потомков Словен, служившая и вторично Афинами для нас. Кратко, Киев, знаменитый величием и несчастиями, есть краса в истории нашего отечества, есть лучший бриллиант в короне наших Государей!» [Закревский: 5].

Иными словами: Киев — не кладбище былой славы, Киев — колыбель просвещения и начало православия славян. Это новый пафос, характерный для николаевской эпохи — времени учреждения университета и восстановления в польском городе (и польском изначально университете) «русского духа» и русской народности. Это — пафос Уварова и Максимовича, это общая идея политики Николая I в Киеве и Юго-Западном крае.

Прежде чем говорить о Киеве в николаевскую эпоху, вспомним о екатерининских реформах, коснувшихся Киева и Малороссии, и о достаточно длительном пребывании Екатерины в Киеве зимой 1787 г. Путешествие Екатерины, ее пребывание в Киеве, впечатления ее самой и сопровождавших ее придворных замечательны, кроме всего прочего, тем, что (как уже говорилось) для этого путешествия был впервые составлен специальный «путеводитель» — «Путешествие ея Императорского Величества в Полуденный край России», изданный накануне путешествия, в 1786 г. в Петербурге.

Справедливости ради заметим: это был не первый малороссийский «путеводитель». В 1773 г. Василий Рубан издает посвященные малороссийскому генерал-губернатору гр. П. А. Румянцеву «Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России с приобщением украинских трактов и известий

о почтах, також списка духовных и светских тамо находящихся ныне чинов, числ народа и прочая...». Киеву в этой небольшой книге отведено несколько страниц, речь там об истории города, который «был прежде в цветущем состоянии. (...) Междуусобные брани, татарские и польские нападения привели его в упадок» [Рубан: 7]. Историческая справка в этом издании, как и в «путеводителе Екатерины», восходит к «Синопсису» Гизеля. Кроме того, в «путеводителе Екатерины» присутствуют идеи и сюжеты «Истории Российской» Татищева (в том числе татищевская версия о происхождении названия Киева от сарматского «кивы» — горы). Основным же источником и фактически «матрицей» этого путеводителя стали материалы «Румянцевской описи» и топографической комиссии А. С. Милорадовича.

Помещенная в киевской «статье» «Путешествия» короткая историческая справка красноречива и обнаруживает своего рода программу. С одной стороны, она воспроизводит традиционную средневековую модель *ubi gloria*, суть которой в падении великого некогда города, древней славянской столицы. С другой — она уже предполагает идею, которая будет затем положена во все последующие «киевские истории»: жалкое состояние славного города до возвращения его под Российскую корону.

Однако в этом конспективном изложении киевских бедствий выпущены традиционные мотивировки архетипических сюжетов: падение города не вытекает здесь из его прегрешений (общехристианский сюжет, который в случае старокиевской истории трактовался как наказание за «удельщину», княжеские усобицы). Здесь нет акцента на упадок Киева под властью католической Польши и на восстановлении в нем Православной Митрополии — это станет главной темой «киевских текстов» несколько десятилетий спустя. Фактически, «путеводитель» с кратким экскурсом в историю Киева всего лишь «предуготовлял» Екатерину к виду развалин и «жалкого города».

Екатерина и двор прибыли в Киев 29 января 1787 г. и, «сдерживаемые льдами», пробыли здесь около трех месяцев. Очевидно, что самый маршрут и обстоятельства были заранее предусмотрены устроителем путешествия князем Потемкиным для того, чтобы зимние месяцы — со всеми их погодными и бытовыми неприятностями — Екатерина провела в Киеве, наскучила им, прочувствовала всю никчемность здешнего хозяина гр. П. А. Румянцева (об интриге и о соперничестве Румянцева и Потемкина красноречиво пишет Сегюр [Сегюр: 152–153]), после чего встретила весну уже во владениях Светлейшего. «Движение высочайшей

свиты на юг совпадало с весенним оживлением природы» [Зорин: 108]. Первым пунктом после Киева стал Кременчуг, и Екатерина, не колеблясь, сделала сравнение в пользу последнего: «Кременчуг, <...> если сметь сказать, лучше Киева, по крайней мере, местоположение веселее». «Здесь все деревья без изъятия раскинулись и тепло, как у нас в июле. Здешний город веселее Киева» [КС 1891: № 7, 27–28, 34].

Следы знакомства с путеводителем, с ранними описаниями Киева (Бoплановым «Описанием Украины», прежде всего) и заведомой их установкой находим в свидетельствах Сегюра: «Подъезжая к Киеву, испытываешь то особенное чувство уважения, какое всегда внушает вид развалин» [Сегюр: 153].

При подъезде к Киеву со стороны Днепра исторические развалины не могли быть видны, путешественникам открывается канонический вид на Лавру (да и настоящие «киевские развалины» были «открыты» гораздо позже, в поры археологических разысканий 1820–1830-х гг.). Сегюр, судя по всему, имеет в виду метафорические «развалины» — наподобие греко-римских. Французский посланник заранее испытывает к ним уважение, подготовленный исторической справкой о «величии» упадшей столицы. Ср. у Боплана: «Киев (...) один из древнейших городов Европейских, это доказывают и следы прежних окопов его, и развалины церквей, и древние гробницы Государей...» [Боплан: 1].

Далее Сегюр приводит характерный разговор Екатерины с дипломатами: «Когда мы осмотрели эту древнюю столицу с ее окрестностями, императрица захотела узнать, какое впечатление она произвела на меня, Кобенцеля и Фитц-Герберта, и после этого с усмешкой заметила, что различие наших мнений дает довольно верное понятие о характере трех народов, которые мы представляли» [Сегюр: 153].

Этот пассаж Сегюра скорее дает представление о том, что сам он думал о характере своих сотоварищей по дипломатическому корпусу: Кобенцеля он полагает недалеким и лицемерным, Фитц-Герберта — прямым и недалеким, себя самого — остроумным и проницательным: «Как нравится вам Киев?» — спросила она у графа Кобенцеля. «Государыня, — воскликнул граф с выражением восторга, — это самый дивный, самый величественный, самый великолепный город, какой я когда-либо видел!» Фитц-Герберт отвечал на тот же вопрос: «Если сказать правду, так это незавидное место, видишь только развалины да избушки». Когда с таким же вопросом обратились ко мне, я сказал: «Киев представляет собою воспоминание и надежды великого города...» [Там же].

Это, безусловно, bon mot, однако отметим «выпадение» настоящего состояния и акцент на прошлом. Будущее тут, надо думать, вставлено для симметрии. «Надежды» (а Сегюру как доверенному лицу Потемкина это было известно) связывались не с малороссийскими, а с новороссийскими губерниями.

То, что думала о Киеве сама Екатерина, отчасти было похоже на формулу Сегюра. «...Все эти разрушенные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы» [РС 1873, VIII, 671–673]. В том же роде пишет она Гримму: «Странный здешний город: он весь состоит из укреплений, да из предместий, а самого города я до сих пор еще не могу доискаться; между тем по всей вероятности в старину он был, по крайней мере, с Москву...» [РА 1878, III, 131].

Последовательное воплощение идеи о минувшем величии, роковых бедствиях и настоящем упадке древней столицы можно, так или иначе, проследить в позднейших киевских описаниях и т. н. «путевых текстах». В этом смысле чрезвычайно характерно киевское письмо Грибоедова, — в свернутом виде оно содержит основные мотивы такого текста: «Здесь я пожил с умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладели моим воображением; за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение; как они мыслят и что творят — русские чиновники и польские помещики, бог их ведает. Природа великолепная; с нагорного берега Днепра на каждом шагу виды изменяются; прибавь к этому святость развалин, мрак пещер. Как трепетно вступаешь в темноту Лавры или Софийского собора, и как душе просторно, когда потом выходишь на белый свет...» [Грибоедов: 515].

Итак, выделим мотивы некрополя и священных развалин, контраст прошлого и настоящего (крайнюю незначительность этого настоящего), смешение польского и русского, причем казенность русского и большую укорененность польского. Наконец, мрак пещер и то, «*как душе просторно, когда потом выходишь на белый свет...*».

Эти мотивы мы будем встречать в той или иной степени у всех путешественников и мемуаристов. Все они пишут о могилах и непременно поминают Лаврский некрополь. Но его описание многократно переиздавалось, а его посещение входило в «обязательную программу». Как правило, путешественники упоминают и «Оскольдову могилу» (это не связано с популярной оперой Загоскина, речь идет о более ранних текстах, и скорее Загоскин выбирал для названия известный легендарный топос).

Традиционный вид киевского «времяпрепровождения» — самостоятельные поиски могил и прогулки по кладбищам. Это

отчасти связано с романтической археологией, предпочитавшей истории легенду и ставившей «догадку выше разума». Очевидный пример такого «романтического археолога» — известный в Киеве «чиновник V класса» Кондратий Лохвицкий. «Тут была могила Олега! — сказал он с уверенностью, живо напомнившею мне покойного Кондратия Андреевича Лохвицкого», — замечает М. А. Максимович об одном из своих киевских спутников [Максимович: 20]. Поиски могилы Олега на Щекавице — один из самых популярных «туристских» сюжетов. В каком-то смысле следы такого киевского «романтического времяпрепровождения» несет пушкинская баллада о Вещем Олеге.

Прогулкам по Щекавице посвящены и не столь известные тексты. Мы приведем здесь замечательную «виньетку» Максимовича:

Ой, изгадай, друже милий
Як зи мною ты гуляв
На Скавице, де шукав
Вещего могили!..
Мы чужих могил шукаем
А могила знайде нас.
Коли ж прийде смертный час
Того не вгадаем! [Максимович: 19]

Те же ванитативные мотивы обнаруживает барочная «надпись» А. Подолинского «На развалинах Десятинной»:

Зачем тревожить сон гробов,
Могил священное молчанье,
И поверять бытописанье,
Стряхая с камней пыль веков?
Все та же истина: от века
Иной нам опыт не открыл.
Мы видим крепость Вышних сил
И всю ничтожность человека!
А время! Кто его сочтет?
Оно до нас существовало,
Исчезнем мы — оно сольет
С своим концом свое начало,
Как на граните гробовом
Змея, согнутая кольцом! [Подолинский 1837: 99]

В таком «кладбищенском» контексте любопытно еще одно свидетельство: киевские страницы «Записок» мадам де Сталь. Собственно, кладбище — это первое, что видит она при въезде в Киев:

«При въезде в Киев взор мой, прежде всего, поразило кладбище; это обиталище мертвых подсказало мне, что поблизости обитают живые» [Сталь: 201].

Мадам де Сталь принадлежала к тому небольшому числу авторов-путешественников, которые подъезжали к Киеву не с востока, т. е. не с левого берега Днепра, а с запада: ее путь лежал из Польши через Галицию и далее по Житомирскому тракту. Обычно путешественники въезжали через Бровары, где ночевали, и уже утром переправлялись через Днепр. Поэтому канонический зачин киевского путешествия-паломничества — это утренний пейзаж с видом на Лаврскую колокольню: сначала все скрыто облаками, и затем при первых лучах солнца вдруг появляются золотые маковки церквей:

«Багровое зарево возвещало нам появление Феба, мрачные тени исчезали, солнце начинало восходить. Первые лучи его падали на вершины Заднепровских гор. (...) Отъехавши 15 верст, мы увидели Киев, увидели — и изумились величественным зрелищем высокой и крутой горы, на которой посреди многих златоглавых церквей и едва видимого в отдалении города возвышался ужаснейшей величины колосс, блистающая вершина коего, казалось, была сокрыта в облаках. Вид города, в котором предки наши получили первое понятие о всемогущем Творце; вид храмов Божиих, скрывающих в себе столько священного и торжествующая при восхождении солнечном природа возбудили во мне высокие и приятные чувствования [Левшин: 83, 85–86].

Ср. у Оттона фон Гуна: «Однако ж мы приехали к сему святому граду слишком рано, ибо он подобно Монтбланку был от любопытного взора нашего сокрыт облаками; но чем ближе подъезжали к Днепру, тем более прогоняло восходящее солнце густой осенний туман, и мы узрели пред собою сию с вечностью спорящуюся твердыню России во всем ея великолепии и силе, нашли ее непобедимою извне по крепкому ея положению, непобедимую и извнутри по первоначально в ней основанному престолу веры и Христианского закона» [Гун: 100].

Ср. также более позднее (1823 г.) описание А. Глаголева: «Утро было тихое и ясное, когда мы выехали из селения Бровар. Через сосновый зеленеющий бор, на западной части небосклона, над серою грядою тумана, открылся Киев. Священный город сто-

ял как бы на воздухе или на небе, и лучи восходящего солнца, горя на златоверхих его храмах, представляли зрелище величественное и на земле новое!» [Глаголев: 79–80].

В такого рода «зачинах», с которых обычно начинаются «путевые описания» Киева, замечательно изменение тона и пафоса, экстатическое нарастание метафорики и появление некоего символического плана: в этот момент секулярное путешествие фактически обращается в «паломнический текст». Но это паломнический текст в том виде, каким мыслят его именно светские путешественники.

Самый характерный пример не канонического, но романтического «хождения» — «Путешествие» Андрея Муравьева. Здесь символическим становится не только пейзаж, но сама драматургия путешествия. От Броваров путника преследовала черная туча. Перед самым Киевом разразилась языческой силы гроза:

«Я вспомнил последний день Помпеи и поверял природою дивную кисть вдохновенного художника. Далеко впереди блеснула внезапно золотая глава колокольни Печерской, как (...) от времени до времени зажигался предо мною ее путеводительный Форос, увенчанный спасительным знамением креста! — Не так ли внезапно возникнет он и в день пришествия Сына Человеческого, которое будет по словам Евангелия так же как молния, исходящая от востока и блистающая до запада» [Муравьев: 1–2].

У Андрея Муравьева, как это и положено в религиозном тексте, топография символическая, т. е. реальные части света накладываются на библейские. Однако заметим, что в киевском случае реальные Восток и Запад меняются местами: паломник приближается к Святыне не с запада (как в канонических хождениях), а с востока. Но Андрей Муравьев мыслит Киев Иерусалимом, и для него блеск Лаврской колокольни подобен «молнии, исходящей от востока».

Не исключено, что сочинение Муравьева ориентировано на «Беседу о святынях Царьграда», памятник XIV в., восходящий, как полагают, к византийской традиции диалогов и недошедшему до нас описанию Константинополя Григория Калики, будущего архиепископа новгородского [Лихачев: 123]. Описание это написано в форме беседы между епископом и царем. Царь задает вопросы, епископ рассказывает о городе и его святынях. Именно так — в форме беседы между автором и митрополитом — построен текст Муравьева. Но повторим: «Путешествие» Муравьева опирается на религиозный канон, но его экстатически-приподнятый тон и насыщенный метафорикой стиль выдают светского пу-

тешественника, романтического паломника и усердного читателя Ламартина и Шатобриана[4].

Древнерусские хождения полны бытовых деталей и наблюдений, всего того, что мы едва ли найдем в свидетельствах светских киевских паломников. Для них быт заканчивался в Броварах. С другой стороны, киевские «паломничества», по идее, должны быть уподоблены иерусалимским «хождениям», самое известное из которых — «Хождение игумена Даниила» (XII в.). Иерусалимские хождения изобилуют чудесами, в киевских текстах мы найдем это в малой мере (вероятно, легендарный пласт обретался не в письменной, а в устной страннической стихии), зато обнаружим подробнейшие описания богатств киевских храмов, перечисление даров и дарителей, — фактически путешественники пересказывают информацию, полученную от путеводителей-монахов.

Ближе всего к средневековому канону «Хождения» суховатое и обстоятельное «Путешествие Высокопреосвященнейшего Платона, митрополита Московского и разных орденов кавалера, в Киев и по другим российским городам в 1804 г.», изданное в 1813 г. в Петербурге. Написано оно тоном деловитым и обыденным, повествование — заведомо сниженное. Вот как впервые — из Бровaров — митрополит описывает Лаврскую колокольню:

«...Доехали до села Бровары (...) отселе дорога почти голый песок до самого Киева, без малого за 20 верст, по обеим сторонам кустарник и мелкий сосновый или дубовый лес; и вид представляет невеселый. (...) Верст за 20 увидели мы колокольню Печерской лавры; но как было время к вечеру, и несколько мрачно, то она казалась нам некоторым высоким столбом» [Путешествие: 39].

Основное содержание этого путешествия составляет ритуал исполнения службы, церкви здесь описаны подробно, со спокойной деловитостью: «Церковь великая и высокая с куполом красивым и веселым, довольно пространная. (...) Иконостас резной, хороший... вся церковь и олтарь расписаны по местам с позолотою...» [Путешествие: 42].

Наконец, митрополит московский отмечает относительную новизну киевских «древностей», все то, что восторженные сенти-

---

[4] В основании большинства киевских путешествий (и муравьевское «паломничество» здесь не исключение) лежит чрезвычайно популярное в начале XIX в. «Путешествие в Полуденную Россию» В. Измайлова, его «киевская часть» — своего рода сентиментальный путеводитель. Ср.: «Естьли бы любовь к небесной вере могла когда-нибудь угаснуть: то один взгляд на Киев возжег бы ее во глубине души человеческой...» [Измайлов: 17].

ментальные путешественники именуют «готикой»[5], митрополит признает как «недавнее сооружение». Фактически у Платона едва ли не впервые появляется акцент, столь очевидный в николаевскую эпоху: «возобновление» киевских древностей, «когда под благословенную России державу подошла Малороссия». Но митрополит под «возобновлением древностей» имеет в виду памятники «могилянского ренессанса»: «Весьма примечательно, что хотя церковь Софийская, Печерская, Николаевская и прочия суть древние, и иные более 700 лет, и где б мы ожидали найти следы древности; но явно видимо, что во всех тех церквах образа, иконостасы, росписание стенное, все не показывают древность, а представляют, что они или недавно писаны и деланы, или в 17, или в 18 столетии. Много в Москве и в других городах около Москвы можно найти образов, иконостасов и росписаний, которые более изъявляют древность, нежели все оные, где была колыбель веры. Видно, что разные вражеские разорения все древнее уничтожили и заставили все вновь сооружать; особливо когда под благословенную России державу подошла Малороссия» [Путешествие: 51–52].

Итак, к началу XIX в. Киев являет собою небольшой пограничный город, состоящий из крепостей, соборов и «избушек», три его части разделены пустырями и оврагами, мостовые — деревянные, и в этом основная причина частых и разрушительных пожаров. Историк сообщает:

«Не менее половины городских средств шло на презенты, угощения и поздравления почетных и местных властей и влиятельных лиц, в которых так или иначе нуждался магистрат. На прямые городские нужды расходовалось не более 35 %, а городские долги все более возрастали» [Иконников: 31].

Окончательная отмена в 1835 г. Магдебургского права и полное переустройство городского управления (замена магистрата Думой и т. д.), безусловно, были следствием общей политики русификации и искоренения польских гражданских обычаев и установлений. Однако все без исключения киевские историки признают, что настоящим поводом к скандальному закрытию магистрата стали колоссальные злоупотребления его членов: при

[5] Ср. у другого путешественника описание Андреевской церкви, построенной лишь за несколько десятилетий до того момента, как увидел ее автор: «Готическая архитектура, более величественная, нежели прекрасная, украшает наружность сего храма и, придавая ему вековую древность, вселяет какое-то невольное почтение» [Левшин: 125].

расследовании дела о выборах ремесленного головы обнаружилась растрата — 14 млн. рублей ассигнациями, т. е. сумма, в 9 раз превышавшая годовой доход города.

Вновь назначенный в 1829 г. глава Киевского жандармского управления подполковник Рутковский докладывал Бенкендорфу, что практически все чиновники магистрата «в родстве меж собою», и это — причина «непомерных лихоимств и несправедливостей», сам же город представляет «...горы, долины и овраги, крутизны и ущелины, в коих жилые дома могут служить убежищем для вредных людей. Непорядочное строение, рассеянное по сим крутизнам, оврагам и ущелинам, дает удобный способ к укрывательству сим неблагонамеренным. Свободный проезд и ход через пространство, и нерегулярность города (...), а впрочем везде открыт путь бродячим к нанесению обывателям вреда...» [Щербина: 114].

При этом промышленности в городе практически не существовало: Петр I приказал завести на Подоле, где всегда было в изобилии шелковицы, шелкопрядильную фабрику, но предприятие оказалось убыточным. Путешественники чаще всего поминают Межигорскую «фабрику палевой посуды» и Лаврский кирпичный завод. В 1811 г. на Печерске был устроен завод сальных свечей, и лишь в 1820-е гг. братья Дехтеревы основали первое литейное производство.

Первые радикальные попытки переустройства киевской жизни были предприняты в конце XVIII в. «Киевский план» Екатерины и Потемкина принципиально отличался от позднейшей «православной миссии» Николая. «Провинциальная реформа» Екатерины и ее политика в «присоединенных» юго-западных губерниях носила в большей степени секулярный характер. Знаменитая «киевская пертурбация» 1786 г., (на Малороссию в 1786 г. был распространен Указ 1764 г. о секуляризации церковных земель и переводе духовенства на государственное содержание) имела целью сокращение монастырей и монастырской собственности. Идея уже несколько более позднего времени о преобразовании Киевской духовной академии в светский университет, наконец, собственно план реконструкции Киева, разработанный генерал-аншефом И. И. Меллером и гр. А. П. Шуваловым, подписанный Екатериной и предполагавший уничтожение (снос) Подола, центра народной и духовной жизни, — все это свидетельствует о некоторой общей идее. И эта «киевская идея» менее всего означала возвращение к Киеву как исторической «колыбели православия».

Киев в рамках «новороссийского проекта» действительно в большей степени — «воспоминание великого города» и в несколько меньшей степени — надежда. Однако то будущее, которое мыслили для Киева Екатерина и Потемкин, связано было с бюрократическим и юридическим обустройством, приведением «старопольских порядков» в соответствие с общеимперской «вертикалью» и, что немаловажно, с культурной секуляризацией. По крайней мере, декларированный в «екатерининском плане» снос «духовного» Подола и сосредоточение городской жизни «на высотах», т. е. главным образом, — в чиновной Старокиевской и Печерской части, при всей его утопичности, предполагал уменьшение духовной и усиление светской составляющей киевской жизни.

Заметим, что «киевская пертурбация» не вполне удалась. В сути ее было административное, на первый взгляд, упорядочение — «введение штатов» в малороссийских епархиях и в самом Киеве, фактически, означало перевод содержания духовенства с натурального довольствия на деньги, с отобранием в казну монастырских имений. Но кроме этого «штаты» предполагали уничтожение выборного начала и самостоятельного значения киевского духовенства, а также радикальное сокращение числа монастырей (в конце XVIII в. появляется некое «социальное образование» — «излишние малороссийские монахи», т. е. монахи, оставшиеся без монастырей).

Однако в Киеве с радикальным «сокращением» монастырей возникли сложности. Для киевских иерархов «пертурбация», кроме всего прочего, сводилась к перемещению в Лавру академии и митрополичьего дома. Тогдашний киевский митрополит Самуил, в свое время из карьерных соображений поддержавший «провинциальную реформу» и посвятивший ей «Слово о великих предметах учреждений Екатерины», на сей раз воспротивился. Терять ему было нечего, он уже был на тот момент в немилости у императрицы из-за переписки с Павлом. И он попытался искать защиты у генерал-губернатора. Сохранилось его письмо Румянцеву, где он просит защиты от Потемкина [КС 1883, т. 5. с. 896]. Румянцев здесь взял верх над Потемкиным — большую часть киевской монастырской собственности, и академию удалось отстоять.

Точно так же и екатерининский план реконструкции Киева и сноса Подола воплощен не был: он потихоньку был спущен на тормозах и окончательно отменен указом от 13.10.1797. Еще три десятилетия — фактически до начала николаевского царствования и деятельности «Левашовского комитета» — Киев

остается в прежнем состоянии. На его внешнем виде более всего сказался большой пожар 1811 г., который, по свидетельству вновь посетившего город кн. И. М. Долгорукого, в конечном счете, «способствовал украшению» Подола: «Улицы разбиты гораздо правильнее, дома построены в порядке и по хорошим рисункам; везде промежутки наблюдены в пристойной мере. Нет прежней тесноты, которой опасность доказана опять была столь пагубным опытом» [Долгорукий 1817: 106].

В Александровскую эпоху над академией вновь сгущаются тучи, но уже иного рода. Появляется идея создать на базе Киевской духовной академии светский университет. Тогдашний министр просвещения гр. П. В. Завадовский (в свое время сыгравший не последнюю роль в «провинциальной реформе») учреждает несколько новых университетов в имперских провинциях. В одном ряду с Дерптским и Казанским предполагался и Киевский. Однако идея встретила противодействие с двух разных сторон.

Духовенство вновь встало на защиту академии. Митрополит киевский Серапион записывает в дневнике от 15 июля 1805 года: «Приезжал к митрополиту гр. Завадовский. Толковал о проекте слияния академии с университетом. Акибы по воле Государя Императора. Многие неудобства и затруднения из сего всегда могут быть; а лучше бы особо учредить университет, а академию нашу оставить по прежнему духовную». И замечательная в своем роде приписка: лошади по причине испортившейся от дождя дороги не вывезли министра на гору, — «был бы суеверен, понял, что из его предложения пути не будет» [Серапион: 430].

Киевский университет св. Владимира был открыт 15 июля 1834 г., в день памяти равноапостольного князя. Этому предшествовало открытие в конце 1832 г. отдельного Киевского учебного округа. Первый его попечитель Е. Ф. фон Брадке, пытаясь избежать назначения, писал кн. Ливену, тогдашнему министру просвещения: «воспитание в западной губернии неизбежно связано с политикой» [Брадке: 270]. Учреждение университета в Киеве, безусловно, было акцией политической, и дальнейшая его история, равно и отставка Е. Ф. фон Брадке, как раз была следствием «политического фактора» «воспитания в западной губернии». И само учреждение Киевского округа, а затем университета, и назначение на должность попечителя именно Е. фон Брадке вытекало из событий недавней политической истории. Речь о польском восстании и польской кампании 1831 г.

Киев всегда мыслился городом пограничным, и с середины XVII в. там беспрестанно строили крепости. Но с этого момента

он становится своего рода духовным форпостом. И неслучайно новый министр просвещения С. С. Уваров называл Киевский университет «умственной крепостью» в виду другой — Печерской. Эта идея «умственной крепости» была воплощена и в архитектурном проекте: здание, которое в 1842 г. завершил В. Беретти, выглядело именно как крепость: замкнутый четырехугольник с четырьмя фасадами, притом задний фасад был обращен к жандармским казармам.

Военная терминология здесь не метафора. Университет в самом деле мыслился форпостом, передовым идеологическим фронтом. Учреждение университета было продолжением польской кампании, просто театр военных действий перемещался в сферу гражданскую, в сторону культуры и образования.

Характерно, что с открытием учебного округа фактически совпало назначение С. С. Уварова на должность товарища, а затем и министра просвещения. И чуть менее чем через год, 31 октября 1833-го, утвержден доклад нового министра об учреждении в Киеве университета. Сам Уваров формулировал цель и задачи новой институции предельно четко: «...чтобы в возвращенных от Польши губерниях дать образованию положительное направление, согласное с общим духом народного просвещения в России». Новый университет призван «по возможности сглаживать те резкие характеристические черты, которыми польское юношество отличается от русского, и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности, сближать его более и более с русскими понятиями и нравами, придавать ему общий дух русского народа» [Киев и университет: 64–65].

Уваров понимает бывшие польские губернии как колонии (ср.: «соединить покоренные племена с племенем победителей») и выстраивает сообразный имперский ряд — от Рима до Наполеона. Позднейший историк его «поправляет»: «Малороссия — страна искони русская не может быть приравниваема к провинциям, которые покорил некогда Рим» [Там же].

Такое изменение исторической парадигмы — фактическое «устранение» Польши (нравов, языка, культуры и гражданского обустройства) из киевского настоящего и, что важно, из киевского прошлого — собственно и сделалось определяющей чертой Николаевского (а в местной «огласовке» — бибиковского) Киева. Учреждение русского университета стало первым и главным шагом на этом пути.

Заметим сразу: политика в Киевском учебном округе и состояние самого университета не всегда были однозначны, годы

«попечительства» фон Брадке коренным образом отличались от последующего времени «попечительства» Бибикова.

Первый попечитель Киевского учебного округа Егор Федорович фон Брадке, казалось, менее всего годился на эту роль и долго хлопотал, пытаясь отказаться от назначения. За плечами у него был Горный корпус, затем он служил в школе колонновожатых, настоящую карьеру сделал в польскую кампанию: начал полковником с Анной 2-й степени, закончил действительным тайным советником с Золотой шпагой. Был начальником штаба у гр. Витта, когда тот был назначен военным губернатором Варшавы. Администрировал он чрезвычайно успешно:

«Как только мы овладели Варшавою, надобно было тотчас ввести в ней управление, которое совершенно распалось, и обратить возникшую при польском господстве анархию вновь в положительное благоустройство. Вечером того дня, когда мы вступили в город, у меня работало уже двадцать чиновников, разделенных на пять отделов» [Брадке: 268].

Вероятно, этот успешный польский опыт и стал решающим фактором при назначении Брадке в Киев[6]. Позже выяснилось, что, по большому счету, Брадке понимал свою задачу как административную, а не как политическую. Он готов был учреждать, а не воевать. Он видел себя последователем гр. Чацкого на этом поприще: Кременецкий лицей стал для него образцом успешного учебного заведения, и именно на базе Кременецкого лицея был создан университет Св. Владимира.

Брадке посетил Кременец в первый же год своего «попечительства», и по контрасту с Киевской русской гимназией, которую застал он в чрезвычайном запустении, польский Лицей произвел на него сильное впечатление: «Лицей (...) был устроен знаменитым Чацким, человеком знатным, богатым, всеми уваженным, чрезвычайно образованным и до фанатизма преданным учебному делу, для успехов которого он готов был на всякую жертву. (...) Лицей имел назначением доставлять высшему дворянству соответственное образование и воспитывать молодых людей верными поданными Русского императора, но с сохранением народнос-

[6] Впрочем, историки университета, вероятно, под влиянием университетских преданий, видели другую причину: «Николай предпочитал ставить немцев там, где нужно насаждать «русские понятия» [Киев и университет: 65]. Ср. характерную сентенцию Максимовича: «И ходят вереницею по университету распространители русской народности: попечитель фон Брадке, за ним помощник его Гинцель, за ним инспектор студентов Гинглинг, а за ним помощник его Рутенберг» [Максимович: 86].

ти. Чацкий воспользовался для того своим сильным значением, которое основывалось отчасти на особливой милости к нему императора Александра, и старался как можно выше поднять Лицей и доставлять ему все нужные материальные средства. Это и удалось ему: Кременец явно соперничал с Вильною, и многие профессора были лучше Виленских. (...) Кременец сделался любимым местопребыванием польского дворянства, и по смерти Чацкого стала в тамошнем обществе развиваться мысль о будущей самостоятельной великой Польше, а в сердцах укоренялась враждебность к метрополии (...) Самый Лицей немного или почти вовсе не содействовал этому направлению; напротив, директор и преподаватели оставались почти совершенно чужды оному и негодовали на то, что возбуждение умов отвлекало молодых людей от науки» [Брадке: 273–274].

Сама по себе мысль сделать из элитного польского лицея русский университет, фактически свести на нет Кременец как польскую интеллектуальную Мекку и перевести лицей в православный по духу Киев, — ход политически чрезвычайно смелый и многообещающий. Однако Брадке, как уже было сказано, мыслил категориями скорее административного, нежели политического порядка. Он воспринимал себя последователем Чацкого на этом поприще (как он понимал Чацкого: не фанатик, а великий администратор и просветитель). И в самом деле, университет он открыл в рекордные сроки, через 9 месяцев после указа. Он не запрашивал много средств, перевез из Кременца кабинеты, собрания и профессоров (физиков, математиков и естественников)[7]. Еще часть профессоров пригласил из Дерпта, В. Ф. Цыха на кафедру истории — из Харькова (и он никоим образом не упоминает в своих «Записках», почему предпочел его Гоголю), Максимовича — из Москвы. Ему говорили, что он не сможет набрать профессоров так быстро, но он отвечал, что только быстро их и можно набрать[8].

15 июля 1834 г. состоялся торжественный акт при огромном скоплении дворянства, в основном польского: «Съехалось больше, чем съезжается на Контракты в январе месяце. За три рубли в сутки (...) нельзя было достать крошечной комнатки. Многие богатые люди располагались по сараям и в клетях (...). До такой

---

7 О дальнейшей киевской судьбе «кременецкого наследства» см. Rolle: 248–258.

8 Ср. характеристику Брадке у В. Шульгина: «Для Брадке русский, немец и поляк не существовали, а только способные и неспособные люди» [Шульгин: 27].

степени три западные губернии сочувствовали этому торжеству», — вспоминает Брадке и объясняет энтузиазм польского дворянства тем, что в Указе были слова о наследовании университета Кременецкому лицею: «Признали мы за благо, по переводе Волынского лицея из Кременца в Киев, преобразовать оный в высшее учебное заведение с надлежащим распространением и на твердых основаниях, преимущественно для жителей Киевской, Волынской и Подольской губерний, коих наследственное усердие в пользу просвещения упрочило и на будущие времена благосостояние учебных заведений того края» [Полное собрание законов: VIII, 6670; Брадке: 278–279].

Между тем впоследствии важнее оказался другой акцент из того же Указа: «Избрав город Киев с давних лет к учреждению университета предназначенный, равно драгоценный для всей России, колыбель святой веры наших предков и первый свидетель их гражданской самобытности, Мы повелели учредить в оном университет под особым покровительством и в память Великого Просветителя Богом врученной Нам страны» [Полное собрание законов: VIII, 6670].

Сам Брадке акцент этот уловил и замечательным образом сформулировал в своей речи на открытии университета: «Учреждение Университета во имя Св. Владимира, озарившего Россию светом святой христианской веры, навсегда соединит в сей стране имя Владимира с именем Николая I, великого возобновителя просвещения в том самом крае, из коего оно разлилось по всей России» [Записка и речи: 14].

Собственно, здесь определена настоящая идея и киевской деятельности Николая I — чрезвычайно обширной, и его киевской политики. Это — *возобновление просвещения* (свет истинной православной веры!) в искони русском крае. В этом смысле основание университета предстает как религиозная идея, своего рода миссия, продолжение и возобновление православного царства на отвоеванных у католической Польши землях.

Николай Павлович в самом деле никаким городом империи не занимался так последовательно и в таких подробностях, как Киевом. В официальной киевской историографии Киев именовали любимым городом Николая.

Действительно, Екатерина посетила Киев однажды (и, как мы помним, составила о нем не лучшее впечатление), Павел — тоже однажды, еще будучи наследником. Впрочем, Павел, из чувства противоречия, возобновил отмененное Екатериной — по ходу провинциальной реформы — Магдебургское право. Александр

также проезжал через Киев однажды — по возвращении из Парижа. Николай впервые посетил Киев в 1816-м, затем — после коронации в Варшаве и смотра в Тульчине — в 1829-м. После польского восстания, в 1830–1840-х гг., он бывает в Киеве практически каждые год—два.

Киевскую политику Николая следует определить как чрезвычайно последовательное продолжение и усиление «провинциальной реформы». Но, в отличие от секулярного пафоса екатерининских преобразований, политика Николая приобретает отчетливый характер «религиозной миссии».

Одновременно с учреждением Киевского учебного округа закрываются многочисленные польские школы — наследие Чацкого. В короткие сроки отменяется прежнее гражданское уложение, суды переводятся с польского языка на русский, закрывается контора Варшавского банка. Магдебургское право в Киеве было окончательно отменено в 1835 г., и вместо магистрата в Киеве по общеимперскому порядку была учреждена городская управа. Литовский статут окончательно упразднен в 1840-м. Но самой принципиальной акцией в ряду николаевских преобразований стала т. н. «ревизия шляхты». В результате ее за без малого 10 лет была устранена «досадная демографическая диспропорция», когда количество польских дворян в Киеве традиционно на порядок превышало количество русских дворян[9]. Центральная комиссия к 1840 г. исключила из дворянского сословия 64 тыс. шляхтичей по всей губернии — они были причислены к податным классам однодворцев и граждан. Итог «ревизии» лучше всего характеризует «прощальная речь» перед дворянами киевского генерал-губернатора Бибикова: «Когда я приехал, застал здесь, что все были дворяне: помещик ехал в карете — дворянин, кучер на козлах — дворянин, сторож — дворянин, в кухне стряпал — дворянин, подавал барину сапоги — дворянин, и когда он рассердясь хотел взыскать с него, тогда служитель отвечал ему: не имеешь права, я тебе равен» [Киев и университет: 27].

В 1830 г. в Киев из Могилева переведена штаб-квартира 1-й армии, и в городе начинается грандиозное строительство. Был учрежден специальный строительный комитет (в киевской истории он получил имя военного губернатора гр. В. В. Левашова), и Киев стремительно и организованно расширяется, перестра-

[9] Такая диспропорция объясняется, в первую очередь, массовой «нобилитацией» местного дворянства в 1780-е гг., когда около 25 тыс. человек получили дворянский статус. Подробнее об этом см.: [Западные окраины: 37].

ивается и перепланируется. Николай входит во все подробности — вплоть до вырубки тополей в Липках. Строительство ведется в двух направлениях. На Печерске достраивается крепость и новые казармы для все более умножающихся армейских частей (население Киева почти удвоилось с начала века, и по большей части за счет военных). Одновременно выстраивается т. н. Новый город — вокруг университета. Мещан с военного Печерска переселяют фактически на пустырь (для переселенцев нарезаются уделы на Паньковщине — район нынешних улиц Красноармейской, Горького и Паньковской). Вокруг университета создается «Латинский квартал», и университет становится в буквальном смысле центром «Нового города», который, согласно градостроительным идеям картезианского века, выстраивается рядом, но чуть в стороне от «Старого города».

Итак, университет становится не только, по аналогии с Печерской, второй «умственной крепостью», но и градообразующей идеей. Эта идея тоже была замечательным образом сформулирована на церемонии открытия университета. Как заявил тогда профессор истории В. Ф. Цых: «Университет даст совершенно другой вид этому городу, бедные лачужки, теснящиеся одна подле другой в отдаленных частях города, обратятся в огромные красивые здания; на обширных пустырях, отделяющих одну часть города от другой, представляющих столько неудобств для жителей его, возникнут прекрасные строения или красивые гульбища» [Там же: 63–64].

Позднейший историк университета заключает: «Эта часть пророчества Цыха исполнилась в точности на глазах еще ныне живущего поколения. Жалкий провинциальный город, состоявший из одних предместий, преобразился в большой европейский город, главным образом благодаря своему университету и тем многочисленным учебным заведениям, которые возникли потом вокруг него» [Там же: 64].

Прозвучавшая на открытии университета градостроительная риторика (вроде «здесь будет город-сад») оказалась не утопическим допущением, но программой. Университет строится на пустыре. Затем прорезается улица — самая длинная на тот момент киевская улица, — соединяющая университет с историческим городом. Она получает название Владимирской, становится магистральной, проходит через Золотые ворота и Софийский собор до самого Подола. Затем — при участии Николая — выбирается место для Владимирского собора — напротив университета. Наконец, на исходе николаевского царствования, как своего рода

итог, сооружается памятник святому равноапостольному князю, и градообразующая «стрелка», связующая «Новый город» и учрежденный Николаем университет с сакральными киевскими горами (гора отныне тоже называется Владимирской), получает свое символическое завершение.

Вся киевская топонимика, определяемая именем Владимира, появляется в николаевскую эпоху. Программная аналогия и выстраиваемая идея наследования от Владимира-просветителя к Николаю — возобновителю просвещения — была очевидна и, в конечном счете, поддержана поздней рифмой. В 1896 г., к столетию со дня рождения Николая I, напротив главного фасада университета Св. Владимира был установлен памятник его «учредителю». Университет выпускает к этому событию юбилейный стостраничный том, заканчивающийся словами: «Здесь именно Император Николай I воздвиг себе памятник «чудесный, вечный», к нему не зарастет народная тропа» [Киев и университет: 100]. Памятник находился в крайней на тот момент точке Владимирской улицы. В начале ее была Владимирская гора с памятником «Великому просветителю».

Итак, царствование Николая I для Юго-Западного края и, прежде всего, для Киева стало временем едва ли не самых глубоких и принципиальных преобразований. Политическая, социальная и культурная сферы были серьезнейшим образом реформированы. За несколько десятилетий из пограничного «отвоеванного у Польши» города Киев превратился в город «Русского духа», своего рода «умственную крепость». Многонациональный и многоконфессиональный Киев стараниями николаевской администрации стремительными темпами обращался в «православную столицу» и город «русской народности», — так, как понимал ее С. С. Уваров.

Формулу «народности» в уваровском смысле, как заметил однажды А. И. Миллер (см. [Миллер: 2007]), легче сформулировать от противного: Уварову не близки мыслители, которых традиционно связывают с этой идеей (Погодин, Шевырев), он не приветствует близкую Погодину и всему кругу журналов «Киевлянин» и «Москвитянин» идею «панславизма» (фактически наследующую популярному в Киеве движению «всеславянства»). «Народность» по Уварову (как тонко заметил Максимович — насаждаемая немцами «русская народность»[10]) — это, прежде всего, русская

[10] О немецком происхождении уваровской «национальной идеи» см.: [Зорин: 337–374]. Оппоненты А. Зорина, как правило, оспаривают его версию про-

национальность — не в этническом, но в культурном смысле, это национальное просвещение и национальная история. Поэтому такой важной акцией стало учреждение в Киеве русского университета, поэтому закрываются польские школы и открываются русские, поэтому в бывшей польской провинции учреждаются кафедры русской истории и русской литературы.

В этом свете характерна некоторая переакцентировка «киевской истории». Все историки 1830-х гг. создавали свои «Истории» в оппозицию Карамзину и его «Истории государства Российского». Но ближе других по духу к уваровской идее «национализации» русской истории был Н. Г. Устрялов.

В 1836 г. выходит диссертационное сочинение Устрялова «О системе прагматической русской истории». «Прагматика» здесь в значительной степени означает «ответ» на исторические и политические «вызовы». Устрялов формирует *национальный исторический нарратив*[11], основная идея которого состоит в том, что земли, еще в начале 1830-х гг. определяемые тем же Уваровым как «отвоеванные у Польши», на самом деле — «исконно русские земли», что малороссы и белорусы принадлежат «русской нации» и что, наконец, Великое княжество Литовское, под властью которого значительное время находился Киев, — тоже часть русской истории [Устрялов]. Фактически это и есть востребованная временем альтернатива «Истории Русов».

исхождения сакраментальной «триады» по аналогии с французской «Свобода. Равенство. Братство». Однако принципиально, как нам кажется, указание на шлегелевскую формулу — общее происхождение, обычаи, язык и шишковскую: вера, воспитание, язык.

11 Определение А. И. Миллера: «Он (Устрялов. — *И. Б.*) предлагает формулу русской истории как национального нарратива в прямой оппозиции к Карамзину. Он говорит, что Карамзин из-за своей сосредоточенности на государстве и династии оказывается совершенно бесполезен в споре с поляками. А спор с поляками в 30-е гг. — прежде всего, спор о том, кому и на каких основаниях принадлежат территории современных Украины и Белоруссии» [Миллер 2007].

Литература:

Берлинский: *Берлинский М.* Краткое описание Киева, содержащее историческую перечень сего города, так же показание достопамятностей и древностей оного. СПб., 1820.

Болховитинов 1826: [*Болховитинов Е.*] Описание Киево-Печерской Лавры: С присовокуплением различных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов Лавры и обеих пещер. Киев, 1826.

Боплан: *Боплан Г.-Л., де.* Описание Украины. М., 2004.

Брадке: Автобиографические записки сенатора Е. Ф. фон Брадке // Русский Архив. 1875. № 3.

Булкина 2004: *Булкина И.* Киевский текст в русском романтизме // Лотмановский сборник 3. М., 2004.

Бутич: *Бутич І. А.* Географічні описи Київського намісництва // Історичні джерела та їх використання. В. 2. 1966.

Голубев: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Опыт исторического исследования. Киев, 1883.

Грибоедов: *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1988.

Гун: *Гун Оттон, фон.* Поверхностные замечания по дороге в Малороссию в осени 1805 года. М., 1806.

Джираудо 1992: *Джираудо Дж.* «Русское» настоящее и прошедшее в творчестве Иннокентия Гизеля // Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей. Київ, 1992. Т. 1.

Джираудо 1999: *Джираудо Дж.* Второй Иерусалим против третьего Рима: К постановке вопроса // Jews and Slavs. Jerusalem, Ljubljana, 1999. Vol. 6.

Дмитриев 2006: *Дмитриев М.* Киево-Могилянская академия и этницизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // Київська Академія. Киев, 2006. Вып. 2–3.

Долгорукий 1817: *Долгорукий И. М.* Путешествие мое в Киев в 1817 году. М., 1870.

Есипов: *Есипов Г. В.* Путешествие имп. Екатерины II в южную Россию в 1787 г. // Киевская Старина. 1891. Т. XXXII, Т. XXXIII.

Закревский: *Закревский Н.* Очерк истории города Киева. Ревель, 1836.

Западные окраины: Западные окраины Российской империи. М., 2007.

Записка и речи: Записка и речи, читанные при открытии имп. Университета Св. Владимира 15 июня 1834 года. К., 1840.

Зорин: *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

Иконников: *Иконников В. С.* Киев в 1654–1855 гг. Исторический очерк. Киев, 1904.

Киев и университет: Киев и университет святого Владимира при императоре Николае I. Киев, 1896.

Київ: Київ — другий Єрусалим: з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі. Київ, 2005.

Левшин: *Левшин А. И.* Письма из Малороссии. Харьков, 1816.

Литвин: *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994: www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/text1.phtml

Лихачев 1945: *Лихачев Д. С.* Путешествия [в литературе Новгорода XIII–XIV вв.] // История русской литературы: В 10 т.. М.; Л., 1941–1956. Т. II. Ч. 1: Литература 1220–1580-х гг. М.; Л., 1945.

Максимович: *Максимович М. А.* Письма о Киеве. СПб., 1871.

Маркович: *Маркович Я. М.* Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. СПб., 1798.

Мельник: *Мельник П.* Опис Києва першої чверті XVIII ст. // Пам'ять століть. Київ, 1999. № 2.

Миллер 2000: *Миллер А. И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000: www. ukrhistory.narod. ru/texts/miller-pred3.htm

Миллер 2007: *Миллер А. И.* Триада графа Уварова. Публичные лекции Полит.ру: www.polit.ru/lectures/2007/04/11/uvarov.html

Милославский: [*Милославский С.*] Историческое описание Киевской Лавры. Киев, 1799.

Милюков: *Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913. Т. 1.

Муравьев: *Муравьев А. Н.* Путешествие по святым местам русским. Киев. СПб., 1844.

Памятники: Памятники старинной русской литературы / Изд. Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860. Вып. 2.

Пертурбация: Киевская пертурбация // Киевская Старина. 1883. Т. 5.

Подолинский 1837: *Подолинский А. И.* Повести и мелкие стихотворения. М., 1837. Ч. 1.

Полное собрание законов: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1834.

Путешествие: Путешествие Высокопреосвященнейшего Платона, митрополита Московского и разных орденов кавалера, в Киев и по другим российским городам в 1804 г. СПб., 1813.

Путешествие Екатерины: Путешествие ея Императорского Величества в Полуденный край России. СПб., 1786.

Річка: *Річка В.* Ідея Києва — другого Єрусалима в політико-ідеологічних концепціях середньовічної Русі // Археологія. Київ, 1998. № 2.

Рубан: Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России с приобщением украинских трактов и известий о почтах, також списка духовных и светских тамо находящихся ныне чинов, числ народа и прочая, из разных мест собраны и изданы в свет Васильем Рубаном. СПб., 1773.

Сегюр: Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865.

Серапион: *Серапион*, митрополит Киевский. Дневник 1804–1824 / Подгот. текста и предисл. Ф. Терновского // Киевская Старина. 1883. Т. VII.

Синопсис: Киевский синопсис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале Славенороссийского народа и первоначальных князьях Богоспасаемого града Киева. К., 1823.

Устрялов: *Устрялов Н. Г.* О системе прагматической русской истории: Рассуждение, написанное на степень доктора философии. СПб., 1836.

Щербина: *Щербина В.* Київ в 20-х роках XIX століття // Україна, науковий двохмісячник. 1925. № 4.

Яковенко 2007: *Яковенко Н. Н.* Вступ до історії. Київ, 2007.

Pritzak 1986: *Pritzak O.* Kiev and All of Rus': The Fate of Sacral Idea // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. X. № 3–4.

Stupperich: *Stupperich R.* Kiev — das zweite Jerusalem. Ein Beitrag zum Geschichte des ukrainisch-russischen Nationalbewußseins // Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1935. Bd. XII.

А. А. ЗАГОРНОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛОСТНОЙ И МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Введение

Территория Северо-Западного края[1] в XIX в. являлась западным пограничьем Российской империи, где проходило сложное, а порой и драматичное религиозное, национальное, культурное противостояние и взаимодействие. Войдя в состав империи в результате разделов Речи Посполитой, она стала местом трудной и затяжной борьбы за выстраивание границ, которые должны были определить принадлежность территорий и населения к тому или иному национальному проекту.

Выделим два взаимосвязанных фактора, которые оказывали влияние на мероприятия правительства в этом регионе на протяжении всего XIX в. и особенно во второй его половине: решение «польского вопроса» и полномасштабная государственно-правовая интеграция в общее пространство. Характерной особенностью «польского вопроса» было постоянное стремление большинства шляхетского сословия и нарождающейся интеллигенции бывшей Речи Посполитой к восстановлению утраченной

[1] В изложении автор делает акцент на освещении событий на белорусской территории, под которой понимается Минская, Могилевская, большая часть Гродненской (Гродненский, Брестский, Волковыский, Кобринский, Пружанский, Слонимский уезды), большая часть Витебской (Витебский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Полоцкий уезды), часть Виленской (Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский уезды) губерний, составивших вместе с Ковенской губернией Северо-Западный край империи.

государственности, что делало его перманентно острым[2]. Правительство реагировало на эту особенность и учитывало его при проведении реформ на территориях бывшего Великого княжества Литовского. Центральная власть исходила из представлений о территориях, ранее входивших в состав Великого княжества Литовского, как исконно русских, поэтому главной задачей здесь считалось восстановление утраченных позиций и укрепление государственного единства Российской империи.

Основным условием решения указанной задачи было устранение польского влияния. Этим диктовалась необходимость проведения активной и последовательной политики деполонизации северо-западных губерний, что сказалось и на преобразовании судебных институтов. Являясь частью большого, гетерогенного по сути, государственного образования, Белоруссия стала местом реализации крупных социальных проектов империи. Среди них важное место принадлежит буржуазным реформам второй половины XIX в., особенно отметим крестьянскую и судебную, призванным модернизировать страну.

Важная роль в преобразованиях указанного времени отводилась процессу эффективных судебных учреждений, наиболее приближенных к населению, рассматривающих не очень значительные гражданские и уголовные дела.

Именно деятельность созданных во второй половине XIX в. волостных и мировых судов способствовала повышению правовой грамотности большинства населения и положила начало утверждению правовых основ в общественной повседневности.

В силу указанных обстоятельств организационный аспект волостной и мировой юстиции представляется важным и значимым, так как в полной мере отражал направления внутренней политики и, с другой стороны, оказывал влияние на развитие правовой культуры граждан.

Волостные суды

Реформы второй половины XIX в. В Российской империи внесли глубокие изменения в развитие общества и государства.

---

[2] Оржеховский И. В., Теплова В. А. «Польский вопрос» и правительственная политика на территории Беларуси в первой половине XIX в. // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаунага універсітэта. У сямі тамах. Т. II. Гісторыя. Філалогія. Журналістыка. Мінск, 2001. С. 79.

Особое значение имели две из них: отмена крепостного права 1861 г. и судебная 1864 г. Именно они в большей степени, чем остальные, способствовали повышению уровня правовой культуры населения, под которой понимается система ценностей, идей, убеждений, навыков, стереотипов, поведения и правовых традиций, принятых членами определенной общности и используемых для регулирования их деятельности[3].

По реформе 1861 г. крестьяне, в том числе и на белорусской территории, превращались в полноправных граждан, и это означало, что теперь юридические споры между ними должны были решаться в общем порядке, т. е. в официальных судебных органах. Однако у крестьян сохранялся сословный уклад жизни, продолжали действовать нормы обычного права, отличные от норм права, содержавшихся в Своде законов Российской империи.

Повседневные юридические вопросы крестьян, а они составляли основную часть судебных дел в сельской местности, решались на основе обычного права, а не общего для всех граждан закона. При этом следует учитывать влияние процесса модернизации на традиционный уклад. Это имело правовую составляющую, заключающуюся в официальном признании значения традиционного права и создании условий и институтов для его реализации с целью последующей замены на писаное государственное право.

Основным органом для рассмотрения споров и конфликтов среди крестьян стал волостной суд, создававшийся как суд сословный: в нем судьи из крестьян должны были судить крестьян. Будучи выборным судебным крестьянским органом, он предназначался для разбора мелких гражданских и уголовных дел.

Важно отметить, что данный суд представлял собой первую возможность получить правовую защиту для большинства населения империи. Так, по сведениям Б. Н. Миронова можно определить, что сельское население европейской части Российской империи (без Польши и Финляндии), например, в 1869 г. составляло примерно 90 % от общего числа населения страны[4].

Указанная пропорция населения подтверждается данными всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Белорусские губернии, например, обладали низким уровнем урбанизации (в Гродненской губернии доля городского населения — 16 %;

---

[3] Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 465.

[4] Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. 2-е изд., испр. Т. 1. СПб., 2000. С. 315.

в Витебской — 15 %; в Минской и Могилевской — 5–10 %). Следует добавить, что из 5,9 млн белорусов (граждан, признавших белорусский язык родным) только 3 % (т. е. 177 тыс.) проживало в городах[5].

Регулирование правовых отношений среди крестьян являлось основой разрешения споров и конфликтов в сельской местности. Существовало как бы два правовых поля в одном государстве. Их наличие отчетливо проявилось во второй половине XIX в., когда крестьяне получили личную свободу и стали полноправными гражданами. Большинство населения страны имело лишь косвенное отношение к официальным законам, отношения регулировали с помощью обычаев, и только меньшинство в полной мере подчинялось Своду Законов.

Отмена крепостного права и судебная реформа не ликвидировали правовую обособленность крестьян, но способствовали тому, чтобы в долгосрочной перспективе такая проблема была разрешена.

Волостной суд, по существу, стал «одним из центров накопления юридического опыта и культуры взаимодействия с государством[6].

Заметим, что построение правового государства возможно при накоплении опыта взаимного доверия между государственными институтами и гражданами.

Рождение доверия к правовой системе как к первоочередному средству «упорядочения взаимоотношений между людьми требует немало времени и порой охватывает жизнь нескольких поколений»[7]. Таким образом, доверие к праву — результат исторического процесса.

Доверительные отношения только начали формироваться в результате «Великих реформ», когда стали происходить существенные изменения в общественном сознании, во взаимоотношениях подданных с государством, когда возникли предпосылки складывания гражданского общества, когда равенство всех граждан перед законом наконец-то стало получать реальное воплощение. Очевидно, что крестьяне, благодаря отмене крепостного права и судебным преобразованиям, прошли к началу XX в.

---

5 Российская империя в зарубежной историографии / Сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М., 2005. С. 408, 592.

6 Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 289.

7 Там же. С. 288.

путь от апатии и нежелания участвовать в организации сельской жизни до отстаивания своих прав в судебных органах.

Состав волостного суда. Официальная позиция, выраженная юристами-реформаторами, исходила из разграничения формального, писаного, государственного права и неофициального, устного, традиционного крестьянского обычая. Поэтому ставилась задача утвердить писаное право среди крестьян. Для выполнения такой задачи создавались волостные суды — отдельная судебная система, предназначенная специально для крестьян.

Сельские жители могли теперь решать в местном суде свои мелкие споры. Это учреждение являлось одной из важных частей крестьянского самоуправления. Следует выделить два момента, во многом тормозящих полноту и глубину преобразований в сельской местности. Это недоверие со стороны государства и «образованного общества» к крестьянам, их органам самоуправления, их обычаям и традициям, организованному для них правосудию. И, в ответ, недоверие крестьян к государственным институтам, светской культуре, писаному праву и общей судебной системе.

Восприятие крестьян как не совсем полноценных граждан (при том, что это подавляющее большинство населения) имело давнюю традицию и интеллигенция второй половины XIX в. продолжила ее. Не имея возможности подробно останавливаться на этом сюжете, отметим, что отсталость крестьян, культивировавшаяся в многочисленных сочинениях, нуждается в серьезной коррекции. Например, правовое сознание сельских жителей было сориентировано на примирение и по характеру было компромиссным. Интеллигенция, наоборот, в правовом аспекте стремилась добиться наказания и характеризовалась бескомпромиссностью. Добавим еще, что значительной ее части было свойственно отрицательное отношение к государству и правовой нигилизм. Увлеченная либеральными и социалистическими учениями, интеллигенция, в том числе и формирующаяся белорусская, в целом отрицала конструктивную социальную роль государства. И это при том, что в результате реформ второй половины XIX в. все большее число членов общества постепенно включалось в рамки правовой системы.

Глубокое воздействие на граждан крестьянской и судебной реформ, которые проводило государство, так и не было поддержано интеллектуальными построениями, которые позволили бы сформировать устойчивую позитивную перспективу изменений.

Негативное, иногда пренебрежительное, отношение к волостным судам и крестьянам, демонстрируемое значительной частью

элиты Российской империи, являлось примером удаленности от реальных, живых людей и их повседневного поведения.

Сам по себе правовой нигилизм, получивший распространение в среде образованных слоев общества, для крестьян как раз не был характерен. Но здесь следует обязательно учесть, что они трактовали понятие «закон» очень широко, включая в него, прежде всего, понятный им правовой обычай и нравственные нормы.

Что касается недоверия крестьян к официальному праву, то, в контексте указанной темы, на нем можно остановиться более подробно. В качестве причин такого недоверия следует выделить сословную замкнутость крестьянства и существование глубокого, в том числе культурного, разрыва между сельским населением и остальной частью общества; затянувшееся на несколько столетий господство крепостного права, сформировавшего определенную личность и соответствующую ей психологию; низкий уровень правовой культуры и сопутствующие ему приниженный личный статус и юридическая безграмотность, когда даже образованные граждане в большинстве своем не были знакомы с нормами действующего права; конечно, это и недостатки в развитии государственной системы, в частности отсутствие разделения между административной и судебной властью; сложность и несовершенство самого законодательства. Добавим еще, что формализация и упорядочение институтов власти в Российской империи и на высшем, и, особенно на местном уровне представляло серьезную и до конца нерешенную проблему. Представляется, что и первое, и второе не были восприняты как должное даже в среде образованного населения, что же тогда говорить о крестьянах.

Именно волостные суды способствовали приобщению крестьян к существующему законодательству и сближению с образованной частью общества.

Официально такой суд создавался в 1861 г., и его регламентация учитывала предшествующие законодательные наработки, относящиеся к организационным формам правосудия среди удельных и государственных крестьян на протяжении первой половины XIX в. Так, например, волостной суд строился на началах Сельского судебного устава 1839 г., и в этом смысле связан с реформой государственных крестьян графа П. Д. Киселева.

Крестьяне, жившие на земле одного помещика, составляли сельское общество, а несколько смежных сельских обществ — волость (от 300 до 2 000 ревизских душ)[8]. На волостном уровне

8 Фридман М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии. Минск, 1958. С. 111.

создавалось волостное управление, в которое входили: волостной сход, волостной старшина с волостным правлением, волостной суд[9]. Последний формировался путем выборов.

Законодательные основы деятельности волостной юстиции были сформулированы в 18 статьях «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», обнародованного вместе с Манифестом и другими Положениями 19 февраля 1861 г. (Ст. 93–110)[10].

Следует сразу отметить, что крестьянские общины в Западном крае несколько отличались от общин центральной части империи: в них или не было, или с некоторыми ограничениями существовало общинное землевладение и круговая порука, а управление носило всесословный характер[11]. Так, в Виленской, Минской и Гродненской губерниях преобладало подворное землевладение, а в Витебской и Могилевской — общинное[12]. Крестьянское общественное управление в белорусских губерниях регулировалось на общих основаниях.

Волостной суд комплектовался путем ежегодного избрания волостным сходом от 4 до 12 очередных судей. Законом определялось, что присутствие суда должно состоять не менее чем из 3 судей, а избранные судьи могли отправлять свою должность либо бессменно в течение года, либо по очереди, заранее определенной сходом (Ст. 93).

Кандидатов на должность подбирало каждое селение. Староста или старшина составляли списки и предоставляли их на волостной сход. Судьями должны были быть преимущественно крестьяне-домохозяева (Ст. 114). После избрания волостные судьи приносили присягу и приступали к выполнению своих обязанностей.

Выборное начало положительно сказывалось на качестве комплектования волостной юстиции. Бобруйский уездный предводитель дворянства К. К. Стефанович, знающий работу крестьянских учреждений, отмечал что при выборах волостных судей крестьяне «все больше и больше приходят к сознанию о важности этой должности, ведающей часто весьма близкие и дорогие для

---

9 Российское законодательство X–XX веков: В девяти томах. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М., 1989. С. 52.

10 Там же. С. 57–60.

11 Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). М., 1998. С. 90.

12 Фридман М. Б. Указ. соч. С. 23.

них интересы, особенно по поземельным делам». Оттого, добавлял он, «состав их естественно все более улучшается»[13].

Волостной суд находился в сложном положении. С одной стороны, он был выборным, формировался крестьянами независимо от помещиков и администрации, что со стороны государственных органов вызывало недоверие. С другой — волостной суд контролировался съездом мировых посредников, в своих решениях он должен был применять не только обычай, но и действовавшее законодательство, что для крестьян становилось подозрительным[14].

Назначение вознаграждения судьям предоставлялось на усмотрение волостного схода, что, конечно, не всегда имело место, так как расходы по выплате жалования ложились дополнительным бременем на крестьян. Например, К. К. Стефанович, характеризуя волостное управление в Западном крае, указывал, что судьям желательно назначать вознаграждение хотя бы на дни судебных заседаний, так как они являются на них за 20 и более верст от места жительства и бывают заняты по 2–3 дня[15].

Судьи также на время службы освобождались от натуральных повинностей и телесного наказания (Ст. 124).

Волостной суд собирался каждые две недели, преимущественно по воскресеньям, однако при необходимости волостной старшина мог созвать его и в другой день, и чаще (Ст. 94).

Важной фигурой в волостном управлении был волостной писарь. На него возлагалось ведение на волостном уровне делопроизводства, в том числе и судебного.

Предусматривалось, что на эту должность лица определялись и по выбору, и по найму (Ст. 113). Таким образом, это могли быть представители других сословий, что как раз и было чаще всего.

Не могли быть писарями лица, уволенные со службы, состоящие под судом и следствием имеющие судимость и «вообще заведомого развратного поведения» (Ст. 115).

По свидетельству К. К. Стефановича, в западных губерниях на практике на должность волостного писаря назначало уездное крестьянское учреждение, что являлось нарушением Ст. 113 «Общего положения»[16]. Годовой оклад писаря составлял около 300 руб-

---

13 Стефанович К. К. О сельском и волостном управлении в Западном крае. СПб., 1895. С. 19.

14 Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России. С. 128.

15 Стефанович, К. К. Указ соч. С. 19.

16 Там же. С. 20; Российское законодательство X–XX веков: В девяти томах. Т. 7. Документы крестьянской реформы. С. 60.

лей в год, при обеспечении жильем (2–3 комнаты) и приусадебным участком. Дополнительными льготами служили право на бесплатные разъезды по волости, наличие помощника и «участие в прибыли из запасного капитала». В силу такого достаточно высокого статуса, «этой должностью дорожат занимающие ее и всегда является много желающих из народных учителей занимающихся в канцеляриях присутственных мест»[17]. Компетенция волостного писаря очерчивалась очень широко: участие в разрешении дел волостными судами, знание местных обычаев, разъяснение законов, ведение учета по взысканию повинностей, формирование семейных и призывных списков, составление проектов сделок по переуступке земли и покупке через крестьянский банк, а также выдача паспортов и ведение статистики, если для этого не было предусмотрено специальных органов. Такой круг обязанностей требовал от писаря «не только нравственных служебных качеств, письменных способностей и трудолюбия, но и известного знакомства с законами, служебной опытности, умения обращаться с крестьянами»[18].

Процесс комплектования волостных судов отражал стремление государственной власти постепенно распространить действие официального права на крестьян. В таких судах заседали выборные судьи из числа крестьян, а решения выносились на основе действующего законодательства и местных обычаев.

Уже на этом уровне проводилось отделение судебной власти от остальных. Так, по Ст. 104 «Общего положения» сельский староста и волостной старшина не имели права вмешиваться в деятельность волостного суда.

Все это привело к тому, что крестьяне приобрели возможность выступать в качестве граждан — «людей, участвующих в официальных процедурах своей страны, пользующихся ее институтами и рассматривающих юридические учреждения как средство защиты своих прав»[19].

Компетенция. Волостные суды учреждались для всех категорий крестьян. Основная цель судебного разбирательства в них — примирение сторон с учетом как правовых, так и моральных норм.

К компетенции волостного суда относились «как споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным их проступкам»

---

17 Стефанович К. К. Указ. соч. С. 20.

18 Там же. С. 21.

19 Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. С. 294.

(Ст. 95)[20]. Маловажные проступки были подсудны волостной юстиции, «когда оные совершены в пределах самой волости против лиц, принадлежащих к тому же состоянию, и без участия лиц других состояний, а также когда означенные проступки не находятся в связи в уголовными преступлениями, кои подлежат рассмотрению общих судебных мест» (Ст. 101). Важным моментом здесь являлось сходство состояний, так как в противном случае подсудность определялась по желанию потерпевшего другого состояния. Примечание к данной статье закрепляло право лиц других сословий, против которых крестьянами совершены проступки, обращаться в волостной суд или общее судебное учреждение.

Окончательному решению подлежали все споры и тяжбы между крестьянами ценою до 100 руб. включительно (о недвижимом и движимом имуществах в пределах крестьянского надела, по займам, покупкам, продажам и всякого рода сделкам и обязательствам, а также дела по возмещению ущерба и убытков, причиненных крестьянскому имуществу) (Ст. 96).

Если речь шла о более высокой цене иска, вненадельной недвижимости или об участии в тяжбе лиц других состояний, то по требованию одной из сторон дело следовало передать в суд общей юрисдикции. Если же стороны договаривались рассматривать такое дело в волостном суде, то его решение считалось окончательным (Ст. 97–98).

Таким образом, в некоторых делах истцами выступали некрестьяне, и это значит, что представители иных сословий, заинтересованные в скором правосудии, вполне доверяли крестьянским судам. Как писал публицист того времени: «Должно, впрочем, отдать судам справедливость, что они одинаково строго наказывают воровство у помещика, как и воровство у крестьянина»[21].

Волостному суду разрешалось рассматривать гражданские дела, исходя из «местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту» (Ст. 107).

Следует отметить, что в правовом сознании крестьян не существовало четкой границы между гражданскими и уголовными делами. Это обстоятельство выделяли еще современники-юристы. Так, А. Ф. Брандт, изучавший обычаи крестьян Могилевской губернии, писал: «Есть указания, из которых можно заключить, что в правосознании крестьян не проводится никакого различия меж-

---

[20] Российское законодательство X–XX веков. Т. 7. С. 57.

[21] Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. С. 12.

ду деяниями гражданскими и уголовными. Так, частные сделки между преступником и потерпевшим с целью оставления дела без судебного разбора встречаются не только при обидах, но и при нанесении сильных побоев, при искалечении и при изнасиловании. Выкуп по таким сделкам идет в пользу пострадавшего лица, если оно совершеннолетнее, в противном же случае в пользу отца или старшего брата. Если выкуп, вопреки уговору, не будет уплачен, то дело доходит до судебного разбирательства»[22].

Судебные уставы 1864 г., так же как и Общие положения о крестьянах 1861 г. признавали значение обычая и крестьянской юстиции. В соответствии с одним из них — «Учреждением судебных установлений» — волостные суды сохранялись вне созданной судебной системы, предусмотренной для лиц всех сословий. В примечании к Ст. 2 данного устава говорилось, что «судебная власть [...] крестьянских судов определяется особыми о них постановлениями»[23].

Особая роль отводилась мировой юстиции. Мировые суды не являлись институтами традиционного общества, но они были максимально приближены к крестьянам, так как создавались в участках, на которые разбивался каждый уезд. Предполагалось, что в этой судебной инстанции крестьяне в большей степени будут приобщаться к официальному писаному праву и отвыкать от обычаев.

В Уставе уголовного судопроизводства отмечалось, что из компетенции мирового суда изымаются такие дела, «когда обвиняемые сельские обыватели по закону подлежат ответственности пред их собственными судами» (Ст. 34 п. 3).

Крестьяне обращались в волостной суд для разрешения трудовых споров, конфликтов по разделу собственности, для защиты личного достоинства, что само по себе было значительным шагом вперед в понимании своей социальной роли.

Судебная реформа 1864 г. создавала на территории империи передовые институты правосудия. Активно внедрялись в судопроизводство принципы равенства всех перед законом, независимости судей, состязательности, гласности.

Независимый суд признавался главным средством разрешения конфликтов. Важным элементом системы решения спорных

---

22 Цит. по: Очерки русской культуры XIX века. Т. 2: Власть и культура. М., 2000. С. 154–155.

23 Российское законодательство X–XX веков: В девяти томах. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991. С. 32.

ситуаций, признаваемым государством, стала и традиционная юстиция.

Существовала, конечно, проблема соотнесения писаного и обычного права. «Идеал права, — писал исследователь обычного права И. Г. Оршанский, — по понятиям нашего простолюдина, заключается не в последовательном применении одинаковых норм к одинаковым случаям, а в достижении естественной справедливости по конкретным условиям каждого дела. Решать не только «по делу», но и «по человеку» и стараться не о том, чтобы каждый получил безусловно все, что ему принадлежит, но чтобы каждому не было обидно — вот характеристическая особенность нашего обычного права сравнительно с другими правовыми системами»[24].

Но постепенно традиционная юстиция эволюционировала в сторону общей через общность процедур, что уменьшало количество барьеров между крестьянами и остальными гражданами страны.

Документальное оформление было частью судебного процесса для крестьян. Они вызывались в волостной суд посредством повесток; скрепляли своими подписями свидетельские показания и решения, или же за них это делал председательствующий судья; весь процесс регистрировался волостным писарем в официальной книге (внесенная запись служила основанием для пересмотра дела).

Существует главная общая характерная черта для крестьянских и общих судов. Тот и другой типы судов требовали обязательного оформления связи граждан с государственной властью, выражаемого выполнением определенных государством правил и процедур.

Практика. Результаты обзора практики волостных судов показывают, что правоотношения по поводу собственности, семейных споров и наследства занимали центральное место.

Так, по сведениям о правовых обычаях, собранных специалистами, например, из Климовичского уезда Могилевской губернии, с одной стороны, отмечалось, что, в целом, «имущество мужа и жены раздельной собственности не составляет, а считается общим»[25], а с другой — говорилось о том, что изредка

---

[24] Цит. по: Земцов Л. И. Волостной суд в России 60 — первой половины 70-х годов XIX века. С. 23.

[25] Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. Т. XVIII. СПб., 1900. С. 312, 102.

жены, в случае растраты их имущества мужьями, обращались в волостной суд, и последний принимал решения, защищающие интересы жен.

В случае оставления мужем жены без серьезной причины и содержания волостной суд определял ей часть их общей собственности даже без согласия мужа[26]. Дети обязаны были содержать своих престарелых родителей. При этом обычаи крестьян могли существенно отличаться, и волостные суды в своей практике отражали местные особенности.

Так, например, в Климовичском уезде дети, в случае неисполнения обязанности по содержанию родителей, по решению волостных судов должны были ежемесячно выдавать нуждающимся родителям продовольствие или деньги (до 3 рублей). А в Чаусском уезде волостные суды по этому же вопросу «обыкновенно ограничиваются увещеваниями, не назначая родителям ни известных денежных выдач, ни определенного продовольствия»[27].

Крестьяне строго относились к неповиновению детей родителям. Обычным делом, например, в Чаусском уезде, были телесные наказания, проводившиеся в волостных правлениях по приговорам волостных судов по отношению к взрослым и даже женатым сыновьям за неповиновение родителям. Однако, если совершеннолетние дети жили отдельно и зарабатывали собственным трудом, власть родителей на них уже в такой мере не распространялась, и волостные суды в таких случаях отказывали родителям в их требованиях о наказании за неповиновение, за развратную жизнь и т. д.[28].

По Радомльской волости Чаусского уезда упоминался случай, связанный с тем, что «отец утопил своего неукротимого сына, и народ нашел эту расправу отца со своим «творением» весьма справедливою»[29].

Вдова, не имеющая детей, должна была получать от свекра вознаграждение «за свою работу на пользу хозяйства, в котором трудился ее муж». Показательно в этом отношении одно из решений голеневского волостного суда (Чаусский уезд), где говорилось: «признать виновным в вытеснении из дому Меланьи

---

26 Там же. С. 103.

27 Там же.

28 Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. С. 312.

29 Там же. С. 103.

Ивановой свекра ея крестьянина Кузьму Иванова, а потому он, Иванов, должен дать ей для приюта ея одну избу или для приобретения таковой должен дать ей 15 руб., считая по 3 руб. в год за проработанные ею пять лет в доме свекра»[30].

Крестьяне крайне негативно относились к конокрадству и признавали смертную казнь лучшим наказанием для конокрада. По этому преступлению часто констатировались случаи самосуда. Однако вместе с тем в Могилевской губернии часто встречались «сделки о выкупе хозяином своей лошади у конокрада за половину или треть цены». Исполнению такой сделки предшествовала передача хозяином лошади задатка конокраду. Отмечено, что в «большинстве случаев конокрады, получив задатки, остаются верными данному ими слову и возвращают краденое»[31].

Обычное право белорусских крестьян официально признавалось властями Российской империи в качестве источника права для местной судебной системы. Это было зафиксировано еще в документах реформы П. Д. Киселева в 1837 г., для государственных крестьян, а при отмене крепостного права в 1861 г. распространено на все категории крестьян.

Волостной суд и правовая культура. Волостные суды явились правовой структурой, которая способствовала развитию правовой культуры. Последнее базируется на «построении и развитии связей граждан с государством посредством участия в деятельности правовых учреждений»[32], а также на «признании гражданами правовой системы в качестве предпочтительного средства урегулирования конфликтов»[33]. Формируясь на линии соприкосновения закона и практики, правовая культура воздействовала на все сферы государственной жизни. Дифференцированная судебная система на том этапе развития общества обеспечивала более адекватное включение крестьян в общее правовое поле.

Организация их доступа к пользованию судебными структурами постепенно вела к тому, что они становились участниками процесса взаимодействия с правом, выработанным государством.

Сельское население в результате отношений с волостными судами (отметим, что под их юрисдикцией находилось большинство населения) нарабатывало опыт, который, по сути, определял развитие крестьянской правовой культуры.

---

30 Там же. С. 109.

31 Там же. С. 116.

32 Американская русистика: Вехи историографии последних лет. С. 269.

33 Там же. С. 274.

Мировые суды

Введение института мировых судей является важной составной частью процесса формирования реальной и эффективной судебной власти. Судебная реформа 1864 г. кардинально изменила судоустройство и судопроизводство Российской империи. По существу, создавалась новая система судов, действие которых предполагалось распространить на все части большого государства, в том числе и белорусскую.

Одним из важнейших компонентов судебных преобразований, которые должны были дать народу «суд скорый, правый и милостивый», стало учреждение мировой юстиции.

С ее организацией появилась реальная возможность максимально приблизить суд к населению и серьезным образом облегчить обращение граждан к правосудию, что во второй половине XIX в. представляло собой огромный шаг вперед в защите прав человека в стране, где еще вчера господствовало крепостное право.

Мировая юстиция определяется как совокупность организации системы мировых судов и их деятельности по осуществлению своих функций. В узком значении мировая юстиция отождествляется с мировым судом.

Мировой суд Российской империи наделялся чертами, которые вместе составили отдельное своеобразное лицо местного правосудия. Сразу отметим, что мировая юстиция была организована отдельно от общей судебной системы, что делало ее не похожей на свои прототипы ни в Англии, ни во Франции и, вообще, не имело аналогов в мировой практике[34].

Общим смыслом изменения судебной системы, по мнению реформаторов, было создание независимого, всесословного, выборного суда, основным предназначением которого было примирение сторон, охрана и утверждение общего порядка и спокойствия[35].

Мировая юстиция создавалась для рассмотрения малозначительных уголовных и гражданских дел и должна была демократизировать суд, реально приближая правосудие к населению и разгружая общие суды. Доступность, быстрое, без излишних формальностей рассмотрение дел стали отличительными чертами

---

[34] Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж, 1994. С. 199.

[35] Изварина А. Ф. Мировые судьи России начала XXI века. Ростов-на-Дону, 2002. С. 7.

мировых судов, способствующими повышению эффективности правосудия.

Министр юстиции Д. Н. Замятнин в отчете о деятельности новых судов за первое полугодие 17 мая — 17 ноября 1866 г. писал: «Доверие к мировым судьям доказывается в особенности тем, что со времени открытия действий мировых судебных установлений возбуждено громадное число таких гражданских исков, которые или по своей малоценности или по неимению у истцов формальных доказательств в прежних судах вовсе не возникали. Равным образом принесено мировым судьям множество жалоб на такие притеснения и обиды, а также на мелкие кражи и мошенничества, которые прежде обиженные оставляли без преследования»[36].

Подготовка. Подготовительные работы к введению мировых судов велись достаточно тщательно. Следует отдать должное императору Александру II, который после отмены крепостного права в условиях ускоренной подготовки судебной реформы сделал выбор в пользу либерально настроенных деятелей во главе с исполняющим обязанности статс-секретаря Государственного Совета С. И. Зарудным. Сформированная осенью 1861 г. комиссия, куда входили еще сотрудник Государственной канцелярии А. П. Плавский, исполняющий обязанности статс-секретаря П. А. Даневский, Д. П. Шубин, обер-прокурор и обер-секретарь общего собрания московских департаментов Сената Н. А. Буцковский и К. П. Победоносцев, московский губернский прокурор Д. А. Ровинский[37], должна была создать судебную конструкцию, соответствующую новым целям государства.

Разрабатывая законопроекты, комиссия в основном ориентировалась на западные образцы, воплотившие «общечеловеческие начала» и получившие практическое подтверждение.

Каждый из членов комиссии занимался разработкой конкретного судебного института. Так, Д. А. Ровинский изучал и формулировал основные положения по мировому суду и суду присяжных[38].

Крестьянская реформа 1861 г., способствующая появлению новых 22 млн собственников земли, конечно же, вела к резкому возрастанию дел, подведомственных мировому суду. Решить эту

---

36 Гогель С. К. Судебные уставы 1864 г. Значение их в истории русской культуры. Силы, обеспечившие быстрый и успешный исход судебной реформы. СПб., 1904. С. 7.

37 Коротких М. Г. Указ. соч. С. 132.

38 Там же. С. 136.

проблему можно было бы увеличив количество судей на местах, но государство не имело возможности сделать это, так как юридических кадров не хватало.

Поэтому Д. А. Ровинский считал, что необходимо ускорить процедуру рассмотрения дел, упростив порядок их разрешения. Законность решений мирового судьи обеспечит гласность его деятельности. Во-первых, нужно «в каждом уездном городе поставить мирового судью для приема просьб во всякое время и изготовления дела к докладу». Четыре раза в год следовало «открывать в уездных городах временные отделения суда I степени из мировых судей уезда, под председательством члена постоянного суда». Мировой суд должен быть отделен от общей судебной системы. «Мы должны [...] желать, чтобы учреждение мировых судей, — писал Д. А. Ровинский, — привлекло к ним лучших людей из местных землевладельцев, а достигнуть этой существенно важной в государственном деле цели нельзя иначе, как через представление органам мировой власти некоторой самостоятельности», но само собой разумеется, что смешение «их деятельности с деятельностью окружных судов и подчинение их работы процессуальной форме отклоняет означенную цель и отталкивает» от мирового суда достойных людей. Поэтому лучше ограничить компетенцию этого органа, но сделать его самостоятельным»[39].

Отмена крепостного права во многом предопределила процесс формирования мировой юстиции. Как писал сам С. И. Зарудный в автобиографических записках, написанных на склоне лет: «Если бы в 1861 году не состоялись по воле Самодержца Всероссийского освобождения крестьян с землею, то ни в каком случае не были бы утверждены 20 ноября 1864 года Судебные Уставы. При крепостном праве в сущности не было надобности в справедливом суде»[40].

Создавалась массовая социальная группа собственников, необходимым условием существования которой являлась гарантия неприкосновенности собственности, личности, частно-предпринимательской деятельности. Без аппарата юстиции такие гарантии были невозможны. Поэтому полностью реализовать программу отмены крепостного права без судебного реформирования было невозможно.

---

39 Цит. по: Коротких М. Г. Указ. соч. С. 143.

40 Берентс Э. Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России. Пг., 1915. С. 9.

Само освобождение крестьян от крепостной зависимости было сложным делом как в организационном смысле, так и в юридическом. Межевание наделов, распределение усадеб на разряды по размерам годового оброка и расчет выкупной суммы; споры об отношениях помещиков и временнообязанных крестьян; устройство крестьянского самоуправления — вот лишь отдельные проблемы, урегулирование которых было следствием Манифеста 19 февраля и сопутствующих ему положений и правил 1861 г.

Для решения указанных проблем вводился институт мировых посредников, апелляционной инстанцией которого являлся съезд мировых посредников.

В «Положении о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» определялась компетенция мировых посредников. К ней, помимо споров и жалоб между помещиками и временнообязанными крестьянами или дворовыми людьми, жалоб крестьян и обществ на волостные сходы и сельских и волостных должностных лиц, засвидетельствования разных актов, совершаемых помещиками с временнообязанными крестьянами, относились и некоторые судебно-полицейские функции. Последние заключались в наложении взысканий на должностных лиц сельского и волостного управлений за их должностные проступки, наложении наказаний в виде штрафа до 5 рублей, ареста до семи дней или к наказанию розгами до 20 ударов, а должностных лиц — к замечаниям и выговорам[41]. Поэтому не случайно общественное мнение видело в мировых посредниках «будущих общих мировых судей, призываемых для разбора маловажных дел гражданских и уголовных»[42].

Сам анализ правового статуса мировых посредников показывает, что этот институт по сути совпадал с моделью мировой юстиции. Но при реализации судебной реформы совпадения данных институтов не произошло: и мировые посредники, и мировые судьи действовали параллельно. Это в конечном счете осложняло деятельность местных судебных учреждений.

Деятельность мировых посредников в губерниях края являлась головной болью для правительства, так как оно не было уверено в их лояльности. Посредники использовали данную им власть и для целей агитации к восстанию, кроме того, они не всегда придерживались духа законодательства об отмене крепостного права.

В «Отчете по Главному комитету об устройстве сельского состояния за девятилетие с 19 февраля 1861 г. по 19 февраля 1870 г.»,

---

41 Лонская С. В. Мировая юстиция в России. Калининград. 2000. С. 37.

42 Цит. по: Коротких М. Г. Указ. соч. С. 143.

подписанном великим князем Константином и представленном императору, указывалось, что крестьяне западных губерний, «видя местных дворян в качестве исполнителей закона, возвещавшего им свободу, ему не поверили и стали упорно сопротивляться действиям мировых посредников; посредники же, призывая воинские команды для укрощения крестьян, пользовались своею властию в исключительных видах своего сословия»[43].

Следует отметить, что правительство рассматривало судебные преобразования как средство государственно-правовой унификации земель бывшей Речи Посполитой. Так, 28 ноября 1862 г. великий князь Константин Николаевич писал Александру II: «Вообще я крепко убежден, что скорейшее приведение в исполнение утвержденных тобою и уже опубликованных основных начал как судебного переустройства, так и земских учреждений будет лучшим способом удовлетворения тех нужд и потребностей развития жизни в провинциях, которое везде так сильно ощущается. Тогда, я убежден, сами собой прекратятся те глупые попытки, как Каменец-Подольская и Минская, — прекратятся потому, что эти реформы коснутся и западных губерний. И эти губернии воспользуются этими благодеяниями не потому, что они составляют Литву и Украину и во времена оно были в соединении с Польшею, а напротив того, потому, что они суть русские губернии, как Тульская, Рязанская и всякая другая, и равно с ними будут пользоваться теми благодеяниями... как они уже воспользовались равно с ними освобождением крестьян»[44].

Результатом работы комиссии С. И. Зарудного стали «Основные положения преобразования судебной части в России», представленные императору Александру II в апреле 1862 г. После обсуждения в Государственном Совете «Положения» были утверждены императором и опубликованы. Обнародование программы судебной реформы подтверждало политику гласности в государственных преобразованиях.

Документ состоял из трех частей, посвященных судоустройству, гражданскому и уголовному судопроизводству.

В судоустройстве провозглашалось отделение власти судебной от исполнительной и законодательной. Основным звеном судебной системы закреплялся мировой суд. Он учреждался в составе одного судьи по уездам и городам для разрешения гражданских и уголовных дел «меньшей важности». Уезд составлял мировой

---

43 Цит. по: Лонская С. В. Указ. соч. С. 41.

44 Цит. по: Коротких М. Г. Указ. соч. С. 179.

округ, подразделяемый на мировые участки. В округе допускалось несколько мировых судей — участковых и почетных. Они избирались «всеми сословиями в совокупности на три года» и утверждались Сенатом, имели равные права.

Мировыми судьями могли становиться «местные жители, имеющие не менее 25 лет от роду, не опороченные по суду или общественному приговору, не состоящие под следствием или под судом, владеющие, хотя бы в разных местах, недвижимою собственностью, приносящей чистый годовой доход в размере, законом определенным, и имеющие высшее или среднее образование или же прослужившие, преимущественно по судебной части, не менее трех лет». Список кандидатов в мировые судьи составлялся «по каждому губернскому округу» и проверялся губернатором. Однако умалчивалось, кто же составлял такие списки. Ничего не говорилось о размере имущественного ценза и о порядке обжалования решений мировых судей. Только констатировалось: «Мировые судьи каждого мирового округа как участковые, так и почетные собираются в назначенные сроки на съезды мировых судей для окончательного решения дел, подлежащих мировому разбирательству. Председателя сего съезда мировые судьи избирают из среды себя». Пробел объяснялся решением монарха обособить мировую юстицию от общей судебной системы[45].

В уголовном судопроизводстве компетенция мирового суда определялась следующим образом. «Мировым судьям подсудны: 1) дела о менее важных преступлениях и проступках, за которые законом устанавливались наказания: выговоры, замечания, внушения, штрафы до 300 рублей, арест до трех месяцев; 2) дела о преступлениях и проступках, «о коих производство, начинаясь не иначе как по жалобам лиц обиженных или потерпевших вред, может быть прекращено примирением»; 3) дела о кражах, мошенничестве, лесных порубках, присвоении найденных вещей и других преступлениях сего рода, совершенных лицами, подлежащими за эти противозаконные деяния заключению в рабочем доме». Обозначив четко компетенцию мирового суда (без ясности которой он попал бы в затруднительное положение), реформаторы столкнулись с необходимостью создания особого устава о преступлениях, рассматриваемых мировым судом[46].

В гражданском судопроизводстве «Основными положениями преобразования судебной части в России» определялась компе-

[45] Коротких М. Г. Указ. соч. С. 170.

[46] Там же. С. 172.

тенция мирового суда. Он разрешал в устном и публичном судопроизводстве иски до 500 руб. Из них до 30 руб. окончательно. Мировой судья мирил предварительно спорящих и только «в случае неуспеха» принимал иск. Показательно умолчание об основаниях вынесения мировым судьей решения по делу: «по совести» или по закону[47].

Таким образом, «Основные положения» закрепили принципы судебной реформы, одним из которых была организация самостоятельной мировой юстиции.

Имея в виду, что изменения в судебной сфере чрезвычайно важны, так как прямо или косвенно затрагивают интересы каждого гражданина, правительство пригласило к обсуждению «Основных положений» судебных чиновников всех частей империи.

Замечания чиновников различного уровня, прежде всего, конечно же, из судебного ведомства, на то, какие положения реформы приемлемы, а какие нужно изменить, также были опубликованы.

Анализ мнений этих чиновников позволяет определить отношение местного судейского корпуса к судебным преобразованиям и выделить основные моменты коррекции «Основных положений» с целью более полного учета специфики края. Отметим, что данные отзывы поступили еще до восстания 1863 г., существенно повлиявшего на ход реформирования в данной части империи. Опубликованные отзывы председателей палат уголовного и гражданского суда, губернских прокуроров, уездных судей, секретарей палат содержат позитивную оценку предстоящих изменений в судебной сфере и содержат предложения по повышению эффективности судебной реформы в белорусско-литовских губерниях.

Так, высказывается мнение, что выборность мировых судей в крае «еще долго не может быть применена»[48] и вместо этого необходимо ввести назначение «лиц от правительства»[49], а привлечь на должность судьи только жителей мирового участка сложно, так как достойных кандидатов очень мало[50].

Наряду с этим отмечается, что имущественный ценз для мировых судей «должен быть как можно ниже», чтобы обеспечить возможность более широкого привлечения кадров на эту должность[51].

---

47 Там же. С. 175.

48 Материалы по преобразованию судебной части в России. Т. XX. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Часть первая. СПб., 1863. С. 272.

49 Там же. С. 579.

50 Там же. С. 44.

51 Там же. С. 565; Т. XXI. С. 120.

Восстание 1863 г. негативно повлияло на подготовку и проведение судебной реформы в указанном регионе. Утверждать либеральные начала в судебном деле на территории, где еще недавно действовали повстанцы, было невозможно. К этому добавилось и то, что определенная дисфункция государственных органов, сопровождающая реформы, была усилена вооруженным антиправительственным и антирусским выступлением. В связи с восстанием все северо-западные губернии были объявлены на военном положении и управлялись по чрезвычайным циркулярам и распоряжениям. Только в 1866 г. стало отменяться военное положение в крае (первыми стали Витебская и Могилевская губернии), и в 1870 г. она было почти повсеместно отменено. Это, в первую очередь, позволило приступить к реализации судебной реформы.

После официального введения в действие Судебных уставов подготовительные работы по преобразованию судебной системы на белорусской территории ускорились. Например, генерал-губернатор Северо-Западного края в сентябре 1865 г. предложил гродненскому губернатору, чтобы председатели палат уголовного и гражданского судов и прокурор в соответствии с инструкцией министра юстиции представили сведения по введению судебных уставов в Гродненской губернии «с условием, конечно, некоторых временных отступлений, вызываемых настоящим положением края, не вполне еще соответствующего всецелому применению гласного, основанного на выборном начале, судопроизводства»[52].

Специфика. Среди ограничений судебной реформы выделяется установление принципа назначения мировых судей вместо выборности. По мнению генерал-губернатора, если этого не сделать, то в мировые учреждения попадут в основном представители «полякующего еще дворянства и шляхты» и польское влияние в крае только усилится[53].

Одним из представителей этой точки зрения был гродненский губернский прокурор Миловецкий, который в своем отзыве писал, что «при выборном начале мировые судьи в западных провинциях, без сомнения, будут, по большей части, состоять из лиц польского происхождения, столь враждебных для России», «эти лица будут одними из самых усерднейших деятелей польской пропаганды». Поэтому «должности мировых судей в Западном крае необходимо заместить лицами русского происхождения, по-

[52] РГИА. Ф. 1405, Оп. 64, Д. 5784. Л. 2.
[53] Там же. Л. 3.

добно тому, как это сделано в западных губерниях в отношении мировых посредников»[54].

Важным моментом подготовки к введению мировой юстиции на территории Белоруссии был сбор и публикация судебно-статистических сведений и мнений лиц судебного ведомства о применении судебных уставов.

Так, минский губернский прокурор Наумов дал в них развернутую характеристику мирового суда. Он отмечал, что восстание 1863 г. показало, что местное дворянство действовало против правительства. Многие мировые посредники, а также некоторые судебные чиновники прямо или косвенно участвовали в антиправительственных выступлениях. Анализ статистических ведомостей, по его мнению, показывает, что среди дворян «на одного православного приходилось 2,4 католиков», поэтому при такой пропорции «не может быть и речи о назначении мировых судей по выбору»[55]. Прокурор отмечал, что публичность суда и назначенные мировые судьи русского происхождения будут способствовать «утверждению в народе должного уважения к действующему закону»[56]. Мировым судьям западных губерний должно было быть дано право несменяемости.

Важным моментом являлся вопрос «материального содержания». Наумов писал: «Я нахожу, что в здешней губернии содержание мирового судьи должно быть возвышено до 2 200 рублей и еще потому, что обеспеченное содержание обуславливает ту независимость и самостоятельность, которые в особенности так необходимы для мирового судьи»[57]. Отметим, что повышение предусматривалось существенное — 700 руб., так как мировым судьям по штату полагалось 1 500 руб.

Обобщая собранные судебно-статистические сведения, специальная комиссия при департаменте Министерства юстиции определила основные параметры введения мировой юстиции на белорусской территории. Комиссия указала на невозможность допустить здесь выборы мировых судей. Их увольнение и назначение должно быть предоставлено на усмотрение министра юстиции, чтобы избежать ошибочных кадровых решений и освободить судей от влияния местной администрации[58].

---

54 Там же. Л. 14–14 об.

55 Судебно-статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 г. СПб., 1866. Ч. 2. С. 29.

56 Там же.

57 Там же. С. 30.

58 Там же. Ч. 3. С. 11.

По губерниям необходимо было определить следующее количество мировых судей: по Гродненской — 36, по Минской — 32, по Витебской — 33, по Могилевской — 39, по Виленской –24[59].

Наряду с подготовленностью почвы для судебных преобразований, в указанных землях существовали и факторы, ведущие к ограничению реформы. Прежде всего — это оппозиционность пропольски настроенного дворянства западных губерний новой власти. Другим фактором было недостаточное количество русских помещиков на территории края.

«Большинство чиновников в Могилевской губернии, — писал И. Н. Захарьин о ситуации в середине 1860-х гг., — состояло все еще из поляков, между которыми была масса лиц, числящихся православными; это были местные уроженцы — «белорусы», как они стали называть себя после усмиренного восстания. В сущности же это были истые поляки, рожденные от смешанных браков, носившие даже польские фамилии, предпочитавшие для молитвы костелы церквам и вспоминавшие о своем православии лишь случайно — то есть тогда, когда это сделалось выгодным»[60].

Поэтому сразу предлагалось ограничить выборное начало при определении мировых судей и присяжных заседателей, что было серьезным отступлением от принципов судебной реформы.

Председатель витебской гражданской палаты обращал внимание, что назначаемых мировых судей необходимо отбирать «из лиц русского происхождения»[61]. Предлагалось даже сформировать судебные округа таким образом, чтобы не допустить в них «преобладания польского элемента»[62].

Комплектование мировой юстиции кадрами соответствующего происхождения, увеличение процента русских землевладельцев, публичность судопроизводства должны были привести к тому, что население края «обратит внимание на изучение русского языка»[63].

Таким образом, анализ опубликованных мнений судебных чиновников белорусской территории о введении в действие Судебных уставов позволяет еще раз выделить одно из важных отступлений от принципов судебной реформы, обусловленной борьбой с польским влиянием, — назначение мировых судей. Это

---

59 Там же. Ч. 3. С. 43, 47, 50, 66, 68.

60 Цит. по: Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 112–113.

61 Там же. Ч. 1. С. 33.

62 Там же. Ч. 1. С. 38.

63 Там же. Ч. 2. С. 29.

позволяло сохранить влияние администрации на суды в таком неспокойном регионе, что повышало управляемость, однако существенно ограничивало эффективность преобразования судебной сферы.

Правительство решило вводить судебные уставы на данной территории постепенно, со значительными изменениями. Вначале были организованы мировые учреждения отдельно от общих, что нарушало целостность судебных преобразований.

По именному указу от 23 июня 1871 г. на территории Белоруссии создавались мировые судебные учреждения отдельно от общих. Мировые суды были открыты: в Виленской губернии — 1 марта 1872 г., Витебской и Могилевской — 2 апреля, Гродненской и Минской — 20 апреля[64].

В утвержденных одновременно с указом «Временных правилах об устройстве мировых судебных установлений в девяти западных губерниях впредь до введения земских учреждений» мировые судьи не избирались, а назначались правительством[65]. Отсутствие выборности судей было обусловлено, в первую очередь, недоверием правительства к местному дворянству, а формальным поводом явилось то, что в крае еще не были введены земства, при участии которых и должны проходить выборы мировых судей.

Следствием такого положения дел при формировании мировой юстиции стало сохранение влияния администрации на систему местных судов, что явно противоречило одному из основных принципов судебного реформирования.

В каждом уезде для составления списков кандидатов в мировые судьи образовывались временные уездные комиссии (по распоряжению губернатора и под председательством уездного предводителя дворянства). Их состав был следующим: мировой посредник по выбору уездного мирового съезда, уездный исправник, полицмейстер, чиновник ведомства государственных имуществ, городской голова, кроме того, включались еще все мировые посредники уезда и местный уездный судья (ст. 2.). Составленные комиссиями списки поступали губернатору и, «по совещании его с предводителями дворянства губернским и уездным губернского города, городским головою сего города, губернским прокурором

64 Певзнер Б. В. Сборник узаконений и решений Сената по введению Судебной реформы в Западном крае. Житомир, 1880. С 18.

65 Певзнер Б. В. Указ соч. С. 21; См. также: Марыскин А. В. Судебная реформа 1864 года и особенности ее проведения на территории Белоруссии. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1985. С. 21.

и председателями судебных палат, представляются, с заключением сего присутствия, министру юстиции» (ст. 4)[66]. В соответствии с временным расписанием участковым мировым судьям было предусмотрено: для Виленской губернии — 28, Минской — 36, Витебской — 35, Могилевской — 35[67]. Ежегодный оклад участкового мирового судьи в западных губерниях — 2 000 рублей, а с 1 июля 1874 года был повышен еще на 700 рублей[68].

Для расширения круга кандидатов на должность мирового судьи специально был снижен имущественный и образовательный ценз[69]. Это давало возможность привлекать к занятию указанной должности всех подходящих по своим качествам чиновников и землевладельцев русского происхождения, прибывающих в край.

Мировой суд был полупрофессиональным. Официальная точка зрения Государственного Совета по этому вопросу была следующей: «...Мировой судья должен пользоваться особым доверием местных жителей, а доверие это он может заслужить не столько юридическим образованием, сколько знанием народных понятий, нравов, обычаев»[70].

Таким образом, особенностью организации мировой юстиции на территории Белоруссии является более централизованное управление ею, которое выражалось в назначении мировых судей, расширении полномочий министра юстиции (назначение, перемещение и увольнение судей и председателей съездов), финансировании из государственной казны. Это должно было способствовать более полной интеграции данных губерний в империю.

Заключение

Воспитание уважения к суду представляется длительным процессом, где, применительно к нашему сюжету, огромную роль играло существование наиболее близкого к народу элемента судебной системы, который, несмотря на все сложности, был более понятен крестьянам, чем суды общей юрисдикции, и соответствовал их представлению о справедливости.

---

66 Там же. С. 22–24.
67 Там же. С. 31.
68 Там же. С. 32.
69 Певзнер Б. В. Указ. соч. С. 21–24.
70 Цит. по: Лонская С. В. Указ. соч. С. 49.

Волостной суд обеспечивал скорость, дешевизну и, что очень важно, понятность судебных решений. Это было необходимо для разрешения мелких крестьянских дел, Крестьянин оказывался участником формализованного судебного процесса, что, конечно, повышало его статус и в сфере сельских взаимоотношений.

Порядок комплектования, компетенция и судопроизводство в таком суде отвечали реальностям сельской жизни и, вместе с тем, соотносились с государственной системой судебной власти.

Мировой суд занимал центральное положение в новой системе судов, так как являлся судебной инстанцией, наиболее доступной и сельскому, и городскому населению. Он действительно повышал эффективность судебной системы, разгружая общие суды от рассмотрения незначительных дел, и вместе с тем положительно влиял на правовой статус личности, обеспечивая рассмотрение дел, которые ранее даже не являлись объектом судебного разбирательства.

Волостной и мировой суды способствовали развитию правовой культуры граждан и складыванию единого правового пространства.

Такие суды одновременно укрепляли и собственное достоинство человека и государственную власть, связывая их в единый процесс общественного развития. Они соотносили местные условия и центральную политику, а также содействовали государственно-правовой интеграции.

В. В. ТАБУНОВ

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В конце XIX — начале XX столетия православная церковь продолжала сохранять статус господствующей в Российской империи религии. Государственные законы стояли на страже её интересов: запрещался переход из православия в любое другое вероисповедание, но зато поощрялось принятие православной веры. Только священники «первенствующей» церкви имели право заниматься распространением своего вероучения. Для их подготовки в стране существовала целая сеть средних духовных учебных заведений — семинарий.

В конце XIX столетия в «системе ведомства православного исповедания» действовало 58 семинарий с количеством учащихся 19 511 человек и 185 мужских духовных училищ, в коих обучалось 31 685 человек[1].

На белорусских землях в это же время ситуация с духовно-учебными заведениями выглядела следующим образом: в Литовской и Виленской епархии существовали одна семинария и два училища, в них обучались 484 человека; в Минской и Туровской — одна семинария и три училища с количеством учащихся 635 человек; в Могилёвской и Мстиславской — одна семинария и четыре училища с контингентом обучающихся 698 человек;

[1] Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1899 г. СПб., 1902. С. 182–183.

в Полоцкой и Витебской — одна семинария и два училища с численностью учащихся 485 человек[2].

По признанию самого духовенства, у семинарий имелся существенный недостаток — они давали мало знаний, непосредственно пригодных в практической жизни сельского священника, как-то: основы естественных наук, медицины, законоведения и прочее[3].

Донимали не только зубрёжка и заучивание, но и строгий контроль за жизнью учащихся со стороны преподавателей и инспекторов. Всеми способами семинаристы старались избавиться от казённого общежития и устроиться на частных квартирах, но и там их преследовало всевидящее инспекторское око. За тем, что читали семинаристы, следил местный библиотекарь[4].

Ритм жизни в семинариях регламентировался. Символом порядка и времени был звон колокола — рано утром он поднимал на молитву, затем направлял в классы, обозначал перерывы на время принятия пищи и отдыха. К тому же получаемое в семинарии образование находилось в разладе с понятиями как интеллигенции, так и простого народа, в то же время оно «мертвило» естественную веру. Кроме всего прочего «заедал быт». В итоге многие семинаристы начинали пить и курить, конфликтовать с преподавателями[5].

Семинарское начальство имело в своём распоряжении несколько рычагов репрессивного воздействия на учащихся. Так, в случае непослушания, проживающих в общежитии ожидал «голодный стол» — вместо обеда или ужина подавались только приборы; «молитва» — во время общей трапезы провинившимся приходилось класть поклоны; «отеческое» (негласное) — наказание розгами. Для проживающих на квартирах был предусмотрен карцер. За серьёзные проступки грозило отчисление, которое могло дополняться «карой на будущее» — выставлялся балл за поведение, в соответствии с которым доступ в светские высшие учебные заведения и на выгодные чиновничьи места оказывался закрытым[6].

---

2 Там же. С. 24–25, 28–31.

3 Жуковский С. Современная жизнь западной окраины России и думы сельского пастыря православной церкви // Гродненские епархиальные ведомости. 1907. 11 февраля — 4 марта. С. 38–39.

4 Канингем Д. В. С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века / Пер. с англ. Г. Сидоренко. L., 1990. С. 44.

5 Леонтьева Т. Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе в России // Вопросы истории. М., 2001. № 1. С. 32–33.

6 Там же. С. 33.

Старые педагогические шаблоны в новую эпоху оказались совершенно непригодными. Вот как описывает своё обучение в церковных учебных заведениях — семинарии и академии — митрополит Вениамин (Федченков): «предметы нас не интересовали, мы просто отбывали их как повинность, чтобы идти дальше. В семинарии часто учили к опросу, по расчёту времени. Науки нас не обременяли, на экзаменах усиленно зубрили и сдавали. В академии же некоторые занимались уже самостоятельно любыми предметами, а многие слегка проходили её, напрягаясь лишь во время экзаменов. Учителя жили в общем замкнуто от учеников»[7].

Принудительная церковность, насаждаемая в семинариях посредством обязательного посещения богослужений, участия в церковном пении и чтении священных тестов, давала обратный результат. Преподаватель семинарии отмечал, что «нельзя молиться из-под палки, в продолжении четырёх часов. Воспитанник стоит и проклинает всё»[8].

Для избежания знакомства семинаристов с учащимися светских университетов и предотвращения увлечения занятия политикой выход в город разрешался только с позволения начальства[9]. Но это не приносило результатов. К тому же «сами преподаватели, в особенности молодые, порой бывали просто заворожены философией дарвинизма, позитивизма и материализма»[10].

Дети священников зачастую следовали по стопам своих отцов не потому, что им хотелось стать священниками, а потому, что это было, по сути, единственной возможностью «выбиться в люди», получить образование в духовном училище, церковно-приходской школе, семинарии, а затем перейти в светское учебное заведение. В житейском быту сыновья священников не видели ничего такого, что могло бы питать присущий молодёжи идеализм и воодушевлять их на достижение того положения, какое занимали их отцы. Сельский священник зачастую сам обрабатывал свой земельный надел, так же, как и его прихожане крестьяне. Земледельческая работа сопровождалась заискиванием перед помещиком и страхом перед благочинным. При таких условиях исполнение своих

---

7 Федченков В. Россия между верой и безверием. М., 2003. С. 106–107.

8 Полунов А. Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е — первая половина 1890-х гг.) // Вопросы истории. М., 1997. № . С. 132.

9 Канингем Д. В. Указ. соч. С. 44.

10 Смолич И. К. История русской церкви. 1700–1917 гг. Кн. 8. Ч. 1 / Ред. пер. А. В. Назаренко. М., 1996. С. 471.

прямых обязанностей становилось обыкновенной формальной службой, а прихожане чаще всего выступали в роли платящих клиентов. Подраставшее поколение видело эти неприглядные стороны отцовского ремесла, а схоластическая учёба в семинариях ещё более углубляла впечатления от домашнего быта[11].

Следует также заметить, что немаловажную роль при получении образования играло материальное благополучие родителей. Большинство священников выполняли свои обязанности не по призванию (хотя были и таковые. — *В. Т.*), а потому что не имели иного выхода. Там, где был необходим талант, способности, зачастую оказывались люди случайные. Утратив характер духовного сословия, приходской клир всё же оставался преимущественно наследственным. Духовно-учебные заведения пополнялись сыновьями клириков, и если лучшие семинаристы стремились попасть в университет, то худшие по способностям или просто инертные по характеру шли по дороге своих отцов. В результате в священники шла более слабая часть семинаристов[12]. Безусловно, это отрицательно сказывалось на авторитете духовенства.

С каждым годом, особенно после революции 1905–1907 гг., число семинаристов, принимавших сан священника, становилось всё меньше[13]. После оттока семинаристов на гражданскую службу, на которой из них получались неплохие чиновники, ощутилась нехватка в «кандидатах священства». Ввиду отсутствия патентованных набирали случайных людей, что только привело к ухудшению положения, поскольку они в большинстве случаев устремлялись в священство «не ради Иисуса, а ради куска хлеба»[14].

О том, что далеко не все учащиеся семинарий после их окончания вступают на духовную стезю и вообще как-то устраиваются в жизни, прекрасно знал обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев[15].

Ревизии со стороны Учебного комитета, направленные на поддержания status quo в семинариях, сосредотачивали своё внимание на внешней стороне воспитания, проникнуть же в глубь, усмотреть недостатки этого воспитания и указать меры к их устранению они оказались неспособными. Местные архиереи как будто удовлетво-

---

11 Никольский Н. М. История русской церкви / Предисл. А. А. Круглова. Минск, 1990. С. 472, 474.

12 Там же. С. 472.

13 Шавельский Г. В. Русская церковь перед революцией. М., 2005. С. 211.

14 Там же. С. 210, 258.

15 Скрынченко Д. По поводу текущих событий. К вопросу о реформе духовных семинарий // Минские епархиальные ведомости. 1905. 1 ноября. С. 454.

рялись формальной постановкой семинарского воспитания и мало обращали внимания на семинарии, а ещё меньше старались руководить ходом их жизни, появляясь в них только на экзаменах. В Синоде можно было заметить скорее удовлетворённость, чем недовольство постановкой семинарского дела[16].

Протесты учащихся против господствующей в семинариях атмосферы зубрёжки и тщательного контроля над личной жизнью проявлялись уже в 60-х годах XIX века, но тогда они ещё носили преимущественно мирный характер. В конце XIX — начале XX столетий недуги семинарий давали о себе знать, выражаясь уже в бунтах семинаристов, поднимавшихся против начальства и сопровождавшихся большими материальными разрушениями и даже убийствами неугодных ректоров и инспекторов. Именно семинарии лидировали в 1895–1904 гг. среди средних учебных заведений[17]. Так, в 1893 г. волнения произошли в Смоленской, Московской, Могилёвской и Черниговской семинариях, в 1897 г. — в Тульской, а в 1905 г. волнения семинаристов во Владимирской семинарии сопровождались покушением на её ректора архимандрита Никона Софийского[18].

В полной мере настроение семинарий выявилось в 1905–1907 гг.[19] Воспитанники средних духовных учебных заведений — семинарий — приняли активное участие в революции 1905–1907 гг. 14 февраля 1905 г. прошли волнения в Минской семинарии. В феврале — марте 1905 г. они произошли в семинариях Екатеринослава, Казани, Тамбова и Ярославля. В Архангельске семинаристы участвовали в первомайской демонстрации[20]. Власти применяли меры противодействия. В Вятской семинарии вследствие волнений 20 воспитанников были арестованы, 300 — уволены без права поступления в другие духовные учебные заведения. Из Киевской семинарии «за избиение инспектора» отчислили 200 воспитанников. Из Калужской семинарии за участие в беспорядках лишили права обучаться 180 человек[21]. Только в октябре 1905 г. власти

16 Шавельский Г. В. Указ. соч. С. 286–289.

17 Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904 гг. М., 1976. С. 203–204, 206–210.

18 Смолич И. К. Указ. соч. С. 472.

19 Шавельский Г. В. Указ. соч. С. 251–252.

20 Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 83–84.

21 Разные известия и записки // Минские епархиальные ведомости. 1907. 15 июля. С. 248.

были вынуждены закрыть 18 семинарий[22]. Вместе с тем, помимо репрессивных мер, власти пошли и на некоторые уступки. Определением Синода от 20 декабря 1905 г. за № 6540 разрешался приём в университеты учащихся духовных семинарий. При этом каждый факультет должен был установить условия, на основании которых будет производиться зачисление[23].

Требования бастующих учащихся сводились в основном к устранению казарменного режима в семинариях, поступлению в библиотеки работ отечественных и зарубежных авторов (Ф. М. Достоевский, Ч. Диккенс и другие) и разрешении посещать театры. Немного позже в их требованиях зазвучали и политические мотивы.

В 1905–1906 учебном году почти во всех семинариях были прекращены занятия. Возобновившись в январе 1906 г., они проходили «со значительными перерывами», при общем в большинстве случаев «возбуждении учащихся», во многих семинариях они были прекращены «ранее установленного для этого времени». Для введения учёбы в нормальное русло в учебно-воспитательную программу были внесены некоторые изменения. Семинаристам в 4-ом классе было предоставлено право перехода в светские высшие учебные заведения. Преподавателям за счёт средств духовно-учебного капитала было повышено содержание. К виновным в нарушении дисциплины применялись дисциплинарные взыскания, вплоть до отчисления из учебных заведений[24]. Но принимаемые меры не приносили должного успеха.

Часть учащихся поставили себе задачей борьбу «за свободную школу в свободном государстве». В проходившем с 16 по 19 июня 1905 г. во Владимире съезде представителей учащихся православных учебных заведений по вопросу о реформировании духовной школы принимали участие и воспитанники Могилёвской духовной семинарии[25]. Съезд принял следующую программу: «борьба в защиту уже существующих прав при посягательстве начальства, единения с крайне левыми партиями при всеобщих политических выборах, содействие крайне левым при их работе в семинариях, борьба с черносотенным движением»[26].

---

22 Бакаев Ю. Н. История государственно-церковных отношений в России. Хабаровск, 1994. С. 46.

23 Витебский голос. 1905. 29 декабря. С. 2.

24 Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 272. Л. 66–66 об., 70 об.

25 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 108. Ч. 3. Л. 1.

26 Смолич И. К. Указ. соч. С. 483.

12–13 февраля 1906 г. во Владимире нелегально прошёл второй съезд семинаристов, на котором присутствовали представители от 18 семинарий. На нём было решено добиваться создания «свободной школы в свободном государстве»[27].

25–27 декабря 1906 г. в Москве состоялся съезд семинаристов, на котором присутствовали делегаты из 13-ти семинарий, в том числе и Виленской. На нём также присутствовали представители партий социал-демократов и социалистов-революционеров. На съезде было принято решение об организации общесеминарского союза с Центральным комитетом во главе (располагался в Вятской семинарии. — *В. Т.*) и его отделениями на местах[28]. На этом съезде выяснилось, что во многих семинариях существовали политические организации и кружки, насчитывавшие десятки членов. Съезд призвал к борьбе против «отжившего учебного режима»[29]. Также на нём был принят устав общесеминарского союза, вменявший в обязанность местным организациям оказывать содействие левым партиям (социал-демократы и социалисты-революционеры). Руководство союзом возлагалось на Центральный комитет, который был создан на основе комитета Вятской семинарии.

В силу проведённой Центральным комитетом агитации, экзамены в семинариях были проведены по сокращённой программе или не проводились вовсе. Только определением синода от 20 мая 1907 г. они были восстановлены, что вызвало ответную реакцию у Центрального комитета, принявшего решение о продолжении бойкота экзаменов, разославшего в связи с этим условные телеграммы по семинариям. Контрмерами, принятыми центральным духовно-учебным управлением и местным епархиальным начальством, экзамены отказались сдавать учащиеся только 10-ти семинарий — Вятской, Донской, Калужской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской, Тифлисской, Тобольской и Александровской. К наказанию подходили выборочно. Бойкотирующие экзамен были отчислены. Если волнения охватывали весь класс, то таковой закрывался. Наиболее благонадёжным воспитанникам, принявшим участие в беспорядках «по увлечению или принуждению» и отчисленным из семинарии, предоставлялась возможность восстановления путём подачи заявления с про-

---

27 Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 195.

28 ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 272. Л. 67–67 об.

29 Смолич И. К. Указ. соч. С. 483.

сьбой об обратном приёме. Удалось выявить и арестовать лиц, входивших в состав Центрального комитета [30].

Прокатившаяся в годы революции 1905–1907 гг. по стране волна выступления семинаристов не прошла мимо располагавшихся на белорусских землях средних духовных учебных заведений. 16 февраля 1905 г. начальник минского губернского жандармского управления сообщал в Особый отдел Департамента полиции о «буйстве», произошедшем 14 февраля этого же года в минской духовной семинарии и выразившемся преимущественно в порче казённого имущества [31].

Одним из центров волнений учащихся была Витебская семинария. В феврале 1905 г. семинаристами были проведены четыре собрания. На последних двух по поручению начальства семинарии присутствовали и некоторые преподаватели «для выслухвання патрабаванняў выхаванцаў». Таковые касались в первую очередь смягчения внутрисеминарской жизни, демократизации учебно-воспитательного процесса — создание кружков по самообразованию, отмена переводных экзаменов, участие представителей от старших классов в заседаниях правления семинарии и другое. Преподаватели признали большую часть требований, за исключением увольнения ректора и воспитателей, «карыснымі ў справе лепшага ўладкавання семінарскага жыцця». Правление семинарии даже ходатайствовало перед епископом о их выполнении, но тот просьбу отклонил. С началом Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г. волнения в семинарии усилились, из-за чего семинария была закрыта. В 1906–1907 гг. волнения продолжались, но они носили уже скрытый характер [32].

Волнения в семинариях показали, что они «далеко не удовлетворяют своему назначению к подготовке истинных пастырей». Поэтому следовало реформировать их как можно скорее [33].

По мнению Д. В. Скрынченко, реформа должна была проводиться на следующих началах: 1) духовные училища превращаются в епархиальные прогимназии с 6-летним курсом обучения; 2) второклассные школы становятся низшей школой до подготовки клириков; 3) семинарии подлежат упразднению; 4) вместо них

---

30 ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 272. Л. 69.

31 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 3. Ч. 4. Л. 5–5 об.

32 Снапкоўская С. В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст. Мінск, 1998. С. 66–68.

33 Скрынченко Д. По поводу текущих событий. К вопросу о реформе духовных семинарий // Минские епархиальные ведомости. 1905. 10 октября. С. 379.

образовываются богословские курсы с 3–4-летним сроком обучения, дающие право на священство в сельской местности, режим в них одинаков и для преподавателей, и для учащихся; 5) для обучения городских пастырей открывается богословский лицей с 2–3-летним курсом; 6) в академиях увеличивалась численность обучающихся женатых священников[34].

Предлагалось также «до 4-го класса включительно» оставить семинарию «в качестве общеобразовательной школы с правами доступа из неё во все высшие учебные заведения». Только отдельные классы следовало сделать специально-пастырскими[35].

Часть духовенства была обеспокоена тем, что высокий академический уровень пореформенной духовной школы сочетается с отталкивающей нравственной атмосферой, царившей в семинариях. Священники осуждали семинарии за невнимание к воспитанию истинных пастырей, за рутину и казёнщину и за то, что они стали рассадником революционных идей, а некоторые архиереи во главе с архиепископом Антонием (Храповицким) предлагали закрыть семинарии и вместо них открыть пастырские училища при монастырях. Богословские школы должны были стать всесословными. Главный упор в них должен был делаться на молитву и аскезу[36].

Учитывая достаточно широкий размах волнений в духовных семинариях, а также требования духовенства об их преобразовании, власти решили произвести в них некоторые изменения. В круг изучаемых предметов были введены основы философии, в 1906 г. из программы были исключены, «как утратившие своё значение», греческий и латинский языки. Вместо них вводили в качестве обязательных к изучению один из иностранных языков. Приём в семинарии иносословных воспитанников был разрешён свыше установленных 10 %, но вместе с тем сокращалось на 18 % количество казённокоштных окладов в семинариях. Тем самым уменьшалось число мятежно настроенных выходцев из несостоятельных семей псаломщиков и диаконов и увеличивался процент семинаристов из иносословных[37].

Следует согласиться с мнением И. К. Смолича о том, что прошедшие в начале XX века семинарские волнения «показали, что

---

34 Скрынченко Д. Два проекта. (К вопросу о реформе духовных семинарий) // Минские епархиальные ведомости. 1905. 15 октября. С. 421–423.

35 Скрынченко Д. О духовных гимназиях // Минские епархиальные ведомости. 1906. 15 февраля. С. 72.

36 Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 199.

37 Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 199–200.

укоренившаяся система воспитания не была способна подготовить молодёжь, захваченную веяниями эпохи, к предстоявшему её священническому служению»[38].

Таким образом, процесс модернизации, охвативший на рубеже XIX–XX столетий все стороны жизни общества, не оставил в стороне и православные семинарии. Не сумев должным образом приспособиться к новым требованиям времени, старая педагогическая система подготовки кандидатов в священство привела данные учебные заведения в состояние кризиса, выразившегося в конфликтах учащихся с преподавателями, непосещении занятий, пропусках богослужений и так далее. Наиболее полно кризисные явления в системе подготовки будущих священников заявили о себе в революцию 1905–1907 гг., когда по семинариям прокатилась волна выступлений, сопровождавшаяся разгромом имущества и даже убийствами отдельных ректоров и преподавателей. Приняв во внимание сложное внутриполитическое положение в стране, власти пошли на уступки учащимся. Но они не носили цельного, продуманного характера, и, следовательно, не могли в полной мере достигнуть поставленной цели, хотя сбить накал и водворить некоторый порядок правительству и удалось.

[38] Смолич И. К. Указ. соч. С. 472.

В. Н. ЛИНКЕВИЧ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАТОЛИЧЕСТВА И ПРАВОСЛАВИЯ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Отношения между православием и католицизмом — основными христианскими религиями Белоруссии — в рассматриваемый период, как и ранее, складывались непросто. Существовали значительные различия в области догматики и культа. Наблюдалось соперничество православного и католического духовенства в борьбе за влияние на местное население. Эти объективные разногласия в свою очередь дополнялись серьезными противоречиями политического характера.

Православная церковь активно выступала за общерусское единство и содействовала проведению в тогдашнем Северо-Западном крае политики деполонизации. Католический костёл в свою очередь выступал за восстановление Речи Посполитой и за сохранение и расширение здесь польского влияния. Поэтому противостояние православной церкви и католического костёла носило здесь не столько религиозный, сколько религиозно-политический характер, тесно переплетаясь с борьбой польского и русского элементов на белорусских землях. На это указывает как сам характер деятельности православного и католического духовенства, так и то обстоятельство, что вероисповедание в данный период зачастую отождествлялось с национальной принадлежностью: православный — русский, католик — поляк.

Серьёзное влияние на отношения между конфессиями в белорусских губерниях оказывала политика царского правительства, которое пыталось использовать конфессии в своих целях. Предо-

ставление православию как основе русской народности и культуры привилегий и преимуществ перед другими религиями, с одной стороны, и попытки ограничить влияние католического костёла как инструмента полонизации белорусов — с другой, создавали постоянную напряженность в отношениях не только между православным и католическим клиром, но и верующими. Это зачастую приводило и к конфликтным ситуациям.

Межконфессиональные противоречия в белорусских губерниях давали о себе знать на протяжении всего рассматриваемого периода. Это проявлялось в содержании религиозной литературы и периодики, во время проведения религиозных церемоний, а также при переходах верующих из одной христианской религии в другую, при заключении смешанных браков. Соперничество между конфессиями охватило сферы образования, быта, культуры и политики.

Особенно отчётливо межконфессиональная вражда проявлялась в экстремальных ситуациях, как, например, в период польского восстания 1863 года. Еще перед его началом, 5 апреля 1862 года, римско-католическое духовенство Польши в специальном воззвании к православному клиру Беларуси и Литвы призвало последних не вмешиваться в ход событий. Одновременно здесь содержались угрозы в адрес тех священников православной церкви, которые выступят против восставших. «...Не волнуйте сельских жителей, мы вам приказываем, потому что знаем о ваших злых и тайных умыслах; поступайте с народом благоразумно, внушайте ему любовь к ближнему, потому что мщение поляков за свою веру ужасное», — гласило воззвание[1].

Оскорбительные выпады в отношении православных священников, что допускались руководителями восстания, расправы над настоятелями ряда церквей Гродненской и Минской губерний, поддержка «мятежа» со стороны значительной части католического духовенства вызывали соответствующую реакцию православного населения. Следствием этого стал рост в их среде, особенно среди православного духовенства, антипольских и антикатолических настроений. Православная печать и православные священники в публичных проповедях развернули критику

---

[1] Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Вильно. 1913–1915. Ч. 1: Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г. / Составил А. И. Миловидов. 1913. С. 47–48.

деятельности католического духовенства, а также обрядов католической церкви. В отдельных случаях они допускали и неуважительные высказывания в адрес религии в целом, оскорбляя тем самым чувства верующих. Одновременно с этим православное духовенство выступило инициатором закрытия целого ряда костёлов, настоятели которых принимали участие в восстании либо оказывали содействие восставшим [2].

В ряде благочиний прошли собрания местных православных священников, на которых рассматривались меры по противодействию католическому духовенству. Так, на прошедшем 17 декабря 1863 года собрании священников Брагинского благочиния Речицкого уезда Минской губернии было решено принять следующее: «1) Искоренять в домах прихожан, а тем более в домах духовенства, если будут замечены, польские книги, не в духе православия, а также и польской и иностранной кисти иконы и картины, несогласные с православно-византийским стилем... 3) ...Отныне никому из духовных, ни под каким предлогом не говорить по-польски, даже с ближайшими соседями и друзьями»[3].

Чтобы оградить православное население от какого-либо католического влияния, митрополит Иосифа (Семашко) дал указание своему клиру принять меры по недопущению посещения православными костёлов и изъятию от них польских молитвенников. Духовенству было предписано принимать литературу и предавать её сожжению. При этом митрополит предупреждал священников о том, что они будут строго наказаны, если в их семьях окажутся лица, употребляющие польские молитвенники или посещающие костёлы. Согласно распоряжению главы православной епархии, благочинные занялись изъятием и уничтожением довольно распространённых среди народа польских религиозных книг. Так, Волковысский благочинный предал сожжению 178 подобных молитвенников. В Сморгонском приходе были изъяты и сожжены 305 экземпляров, в Залесском — 80, в Беницком — 85. Прихожане Пружанской церкви представили к уничтожению более 50 таких книг[4].

После подавления восстания 1863 года межконфессиональная напряжённость несколько снизилась. Однако взаимоотношения католической и православной конфессий по-прежнему были не-

---

[2] Записки Иосифа, митрополита Литовского. В 3 т. СПб., 1883. Т. 3. С. 430–431.

[3] Литовские епархиальные ведомости за 1864 год. Вильно, 1865. С. 515.

[4] Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 3. С. 432–433.

простыми. Одной из наиболее серьёзных проблем в отношениях между ними были переходы верующих из католичества в православие, а также из православия в католичество.

Наиболее точную оценку происходящего в этой сфере общественной жизни Беларуси данного периода дал профессор Петербургской духовной академии, историк и публицист М. Коялович. «При том сильном смещении вероисповеданий, какое там есть, — отмечал Коялович, — и при той страстности во взаимных отношениях двух главных вероисповеданий этой страны — православного и латинского, какая там развита историей и современными ошибками обеих сторон, в западной России то и дело обнаруживается, что, то латиняне перетягивают к себе православных и употребляют для этого незаконные средства, то православные обращают в свою веру латинян подобными же способами, и главное, почти в каждом подобном случае обнаруживается неустанная, страстная борьба между последователями обоих вероисповеданий»[5]. Основным объектом этой борьбы были, прежде всего, бывшие униаты.

Переходы верующих из одного христианского вероисповедания в другое в белорусских губерниях имели место на протяжении всего рассматриваемого периода. Однако массовый характер они приобрели под влиянием значительных общественных событий (например, после поражения польского восстания 1863 года либо в связи с объявлением в 1905 году свободы вероисповедания). Для первого периода в основном были характерны переходы из католицизма в православие, для второго — из православия в католицизм.

В середине 1860 — начале 1870-х годов в западных губерниях России интенсивно происходили переходы верующих в православие. Причем в основном православие принимали те, кто сам либо его предки ранее были православными, но затем, в силу ряда обстоятельств, попали под католическое влияние. «Присоединившиеся, — отмечал Литовский митрополит Иосиф, — были большею частью русского происхождения, совращённые некогда в латинство из православия или из унии»[6]. Под впечатлением политических событий начала 1860-х годов, а также в связи с ростом авторитета и влияния православной церкви в обществе они возвращались к вере своих предков.

---

5 Литовские епархиальные ведомости за 1880 год. Вильно, 1881. С. 46.

6 Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 3. С. 461.

За несколько лет после восстания 1863 года в целом по Российской империи православие приняли более 80 тыс. человек. Большая часть этих переходов приходилась на Виленскую, Гродненскую, Ковенскую и Минскую губернии — 67 тысяч человек. Временами переходили целыми семьями или даже приходами. Так, в м. Миколаевщина (Минская епархия) православие приняли все прихожане римско-католического вероисповедания численностью 700 человек. То же самое произошло в м. Бениць и г. Воложин Ошмянского уезда, в м. Подберезье Виленского уезда[7].

Среди перешедших в православие большинство составляли крестьяне. Однако нередко переходили и представители знатных сословий. В Литовской епархии, например, православными стали князья Радзивил и Любецкой, помещики Лапотинский, Белецкий, Биспинг, многие чиновники, четыре ксендза и т. д. Некоторые из них рассчитывали таким образом получить разные права и привилегии экономического характера. Однако были среди них и те, кто делал это искренне, в силу своих убеждений. В качестве такого примера служит переход из католичества в православие князя А. Друцкого-Любецкого, наследника основателя Луцкого братства. «Не страх, не материальные расчеты не имели на меня никакого влияния,.. — говорилось в опубликованном в «Виленском вестнике» листе А. Друцкого-Любецкого, в котором он объяснял свое решение. — Глядя на политическую ситуацию, я вижу, с одной стороны, мощную Россию с миллионным братским народом и царем-преобразователем и сеятелем добра на своей земле, с другой стороны — Польшу, чуждую нам, западноруссам и литвинам, со среневековым католицизмом... Что нам дала Польша? Годы непорядков, нищету, анархию, упадок нации и забытие нашей народности. Язык, вера, традиции наших предков, все заменено полонизмом и католицизмом, которые не дали ни счастья в прошлом, ни залога на лучшее будущее»[8].

Активность в деле расширения паствы проявляло и православное духовенство (так же как и католическое). Влияние данного фактора на настроения верующих признавал в своих «Записках» глава Литовской православной епархии И. Семашко: «Со времени мятежа, — отмечал он, — церковь получила особое притягательное значение не только для православных, но и для католиков. По случаю какого-либо нарочитого праздника в церк-

---

7 Яноўская В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1864 гг. Мн., 2002. С. 20.

8 Литовские епархиальные ведомости за 1868 год. Вильно, 1865. С. 102–103.

ви находилась всегда масса католиков. Духовенство не упускало таких благоприятных случаев и своими убеждениями и вразумлениями приобретало десятки и сотни новых членов православной церкви»[9].

Для вовлечения в свою веру духовенство иногда использовало наряду с методами убеждения и принудительные меры. Например, в 1867 году крестьяне д. Горково Гродненского уезда Гродненской губернии жаловались местному губернатору на то, что православный священник «понуждает ... принять православие и безвозмездно обрабатывать землю»[10].

В ряде случаев насильственные методы перевода в православие приводили к волнениям крестьян, как, например, в местечке Липске Новогрудского уезда Минской губернии. Сюда местные власти вынуждены были ввести войска. Впоследствии чиновниками МВД было установлено, что причиной волнений стало насилие властей в области религии[11].

В административные учреждения поступали жалобы от духовных лиц и верующих обеих сторон на злоупотребления при переходах. Православные священнослужители в них обращали внимание властей на то, что католическое духовенство, нарушая российское законодательство, стремится «совратить» православных в католицизм. В свою очередь католики жаловались на то, что православные иерархи используют административные методы, оказывая нажим на верующих.

Так, в 1866 году на имя гродненского губернатора поступило заявление от священника Кринской православной церкви Гродненского уезда Проневского, в котором сообщалось, что местный ксёндз Буткевич препятствует переходу верующих в православие, не выполняет требований «о недопущении совращенных к исполнению треб по католическому обряду и во время проповеди заявил, что «да прокляты будут те, которые переходят из нашей веры в православие». Реакция администрации на эту жалобу была следующей: виленский генерал-губернатор предписал оштрафовать ксендза на 100 рублей и удалить с должности настоятеля костёла и поместить в Гродненский францисканский монастырь[12].

---

9 Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 3. С. 459.

10 См.: Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее — НИАБ в Гродно). Ф. 1. Оп. 6. Д. 1542.

11 См.: Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Мн., 1980. С. 146.

12 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 6. Д. 549. Л. 9.

Особый резонанс в печати и широкую общественную огласку получило дело под названием «Свислочская смута»[13]. Связано оно было с тем, что в конце 60 — начале 70-х годов православный священник м. Свислочь Волковысского уезда А. Гамалицкий развернул в Свислочи кампанию за массовое присоединение католиков к православию. По совету местного ксёндза несколько человек в 1871 году написали жалобу о том, что Гамалицкий, добиваясь перехода, использует противозаконные методы и прибегает к насилию в сфере свободы совести верующих. Судебное следствие по делу затянулось на длительное время, пока в 1873 году свислочские католики снова не начали писать жалобы, сейчас уже новому генерал-губернатору края Потапову, который прославился своим либерализмом к католикам. Разрешить спор оказалось не просто. Одни православные органы выступали в защиту Гамалицкого, иные — подвергали критике его деятельность. Дело закончилось тем, что генерал-губернатор лишил священника своего прихода, хотя Литовская консистория, как высший церковный орган, которому подчинялся Свислочский приход, постановила считать действия Гамалицкого законными и выделила ему новый — Слонимский приход.

В 1871 году группа крестьян деревни Горнов Гродненского уезда жаловалась Гродненскому губернатору на то, что их насильственно обратили в православие. Дело это было передано на рассмотрение Литовской духовной консистории. В результате семь крестьян были освобождены от обязанности исповедания православия, так как не были найдены доказательства их принадлежности к православной церкви. Однако большинство прошений, «вызванных подстрекательством римско-католических ксёндзов», были отклонены и Литовской духовной консисторией, и местной светской властью по их неосновательности [14].

Во многих случаях попытки перевода из католичества в православие приводили не только к жалобам на отдельных священников, но и приводили к недоброжелательным отношениям между верующими двух конфессий. Так, Волковысский уездный исправник в своем рапорте в канцелярию губернатора сообщал, что жители одной из деревень уезда, «совратившиеся» в католицизм, не желают переходить в православие, «обругали нас, ... даже хотели поколотить старосту и церковного советника». «Они

[13] Коялович М. О. Свислочская смута // Церковный вестник. 1890. № 47–49. С. 46.

[14] Гродненские епархиальные ведомости за 1902 год. Гродно, 1903. С. 20–21.

очень большие фанатики, — говорилось в донесении, — с православными своими односельцами даже не сходятся»[15].

Переходы, нередко насильственные, хотя и были массовыми, однако не были стабильными. Изменить психологию верующих было непросто. Поэтому многие из тех, кто в 1860-е годы перешёл в православие, сохраняли католические обряды. В отчёте обер-прокурора Синода за 1882 год в отношении верующих Минской епархии говорилось: «Старые, которые еще помнят унию, молятся в большинстве случаев по-польски, менее старательные к церкви, посещают костёлы, изредка отправляются с латинянами на богомолие в Царство Польское. Что касается молодых, то многие из них знают молитвы и по-славянски, и по-польски»[16].

Нередкими были и случаи, когда верующие, перешедшие из католичества в православие, отказывались исполнять православные обряды, или стремились вернуться в католичество обратно. Так, гродненский губернатор в 1872 году сообщал, что в Волковысском уезде существуют целые деревни крестьян, принявших в 1864 и 1865 годах православие и с тех пор они уклоняются от исполнения треб по обрядам православной церкви. Не поддаваясь никаким мерам увещания, они предпочитают «или совершенно оставаться без всяких духовных треб или не исполнять таковые». В 1868 году Бельским уездным судом были заведены два дела о неисполнении бывшими униатами православных обрядов, воспитании детей в духе римско-католической веры и об оказании неуважения к православным священникам. В 1867 году крестьяне местечка Илья Вилейского уезда Виленской губернии, давшие подписку о переходе в православие, отказались выполнять свои обязанности. Правда, затем в связи с угрозой их высылки в монастырь крестьяне согласились все же перейти в православие[17].

В начале XX века, после объявления веротерпимости, отношения вокруг переходов ещё более осложнились. В циркуляре Департамента духовных дел МВД от 5 июля 1905 года, направленного губернатором западных губерний, отмечалось, что «одним из ... опасных явлений нельзя считать заметно выражающееся в последнее время, главным образом в сельских местностях, религиозно-церковное брожение на почве антагонизма католиков

---

15 НИАБ в Гродно. Ф. 78. Оп. 1. Д. 124. Л. 12.

16 Литовские епархиальные ведомости за 1886 год. Вильно, 1886. С. 39.

17 Линкевич В. Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси (1861–1914 гг.). Гродно, 2008. С. 75.

к православным под влиянием превратного толкования местным католическим населением ... указа о веротерпимости»[18].

Переходы из православия в католичество, вызванные различными обстоятельствами (заключением смешанных браков, давлением родственников, пропагандой католического духовенства и др.), зачастую приводили к внутрисемейным конфликтам. Так, в 1908 году в канцелярию гродненского губернатора поступила жалоба от жителя д. Бараново Гродненского уезда Платона Борщевского на его старшего брата Бориса. «Перейдя в католичество, — говорилось в заявлении, — Борис начинает уговаривать нашу 70-летнюю мать переменить свою веру. Та долго не соглашается, и только после угроз, что она умрет без напутствия св. тайнами, что после смерти на ее могиле не будет никакого памятника, мать наша пред Великим Постом 1907 года отправляется в Квасовский костёл к исповеди. Почти одновременно с матерью, по настоянию Бориса, переходит в католичество и младший брат Тихон. С этого времени начались для меня, православного, несчастные дни. Старший брат мой преследует меня на каждом шагу. Так, несмотря на мои просьбы и мольбы, он сжигал все мои православные иконы и даже крест, присланный из Иерусалима, а теперь гонит меня из дому вместе с женой и двумя маленькими детьми»[19].

Определённые сложности при переходах возникали также в связи с неоднозначной трактовкой соответствующих норм указа о веротерпимости чиновниками, католическим и православным духовенством. Так, вплоть до 1908 года высшие католические иерархи отказывались признавать правила переходов, установленные МВД России, и руководствовались своими (циркуляром виленского епископа от 21 апреля 1905 года), вводившими более простой порядок данных переходов. В результате возникали многочисленные ситуации, когда католическое духовенство принимало верующих в лоно католицизма, а православные священники продолжали считать всех перешедших православными. Зачастую в отношении ксендзов возбуждались уголовные дела. А у тех, кто перешел, изымались документы, согласно которым они считались католиками.

Непросто складывались отношения между конфессиями и в связи с заключением смешанных браков. Несмотря на отсутствие полных сведений об их численности по белорусско-литов-

---

18 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1031 а. Л. 12 об.

19 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1285. Л. 133.

ским губерниям, анализ записей метрических книг культовых учреждений позволяет создать общую картину этого явления.

В различных регионах Беларуси их численность существенно отличалась, что было обусловлено конфессиональным составом населения того или иного населённого пункта, уезда либо губернии. Об этом свидетельствуют, в частности, сохранившиеся данные о распределении разноверных браков по городам и уездам Могилёвской губернии за 1862 год. Согласно им самый высокий процент смешанных браков приходился на г. Оршу (15 % от общего числа всех браков за год) и Сенно (13,6 %), где католическое население было более внушительно представлено, чем в иных населённых пунктах губернии. В то же время в г. Гомеле брачные пары с разной конфессиональной принадлежностью мужа и жены составляли лишь 7,8 %. В последующие годы их число несколько возросло. Так, если в 1862 году в Гомеле были зафиксированы среди католиков лишь 3 брака с православными, то в 1896 году уже насчитывалось 58 смешанных браков (10,5 % от общей численности браков среди лиц римско-католического вероисповедания).[20]

В Виленской и Гродненской губерниях смешанных браков, в связи с наличием значительного числа католического населения, было больше. По данным за 1861 год в Гродненской губернии было зафиксировано 7 528 браков, в том числе 569 браков приходилось на смешанные между православными и неправославными христианами (7,56 % от общей численности всех браков). Больше всего таких браков было в Гродно[21].

В сельской местности смешанных браков было меньше. Например, как показывают данные книги брачных обысков Беловежской православной церкви Пружанского уезда Гродненской губернии, здесь было отмечено в течение 1853–1870 годов всего 10 браков православных с католиками, а в 1871–1886 годах — лишь 3 брака, при общей численности браков среди лиц православного исповедания около 200. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других православных приходах. Причём все браки в соответствии с законодательством заключались по православным канонам[22].

Небольшой была и численность семей, где супруги или родственники принадлежали к разным христианским вероиспове-

---

20 Яшчанка А. Р. Гомель у другой палове XIX — пачатку XX ст.: Гісторыка-этнаграфічны нарыс. Гомель, 1997. С. 49.

21 Линкевич В. Н. Указ. соч. С. 77.

22 Там же. С. 77–78.

даниям. Так, в той же Беловежской Николаевской приходской церкви среди более чем 800 прихожан лишь в 10–18 случаях (в 1857–1869 годах) кто-либо из супругов принадлежал к римско-католической вере. Примерно такая же ситуация была в приходе Фарного костёла г. Гродно, где в 1870 году из более чем 2 тысяч прихожан лишь 36 имели в качестве мужа (или жены) либо детей лиц православного исповедания[23].

Таким образом, смешанные браки были довольно редким явлением. Боязнь «совращения» верующих из одного вероисповедания в другое приводила к их резкому неприятию как православной, так и католической церковью. Кроме того, некоторые отличия жизненных устоев, связанные с принадлежностью к разным вероисповеданиям, временами были основанием для враждебного отношения к таким бракам в среде самих верующих со стороны родных и близких. Не приветствовалось заключение разноверных браков и властью. Особенно негативным было отношение к бракам русских чиновников с католичками[24].

При вступлении в смешанный брак предусматривался переход одного из членов новой семьи в иное вероисповедание. Духовенство стремилось таким путём расширить число единоверцев и не допустить отклонения от своего вероисповедания через семейные отношения с иноверцем. Что нашло свое отражение в соответствующих решениях и практической деятельности клира. Например, в одном из пунктов решения священников Брагинского благочиния Речицкого уезда Минской губернии содержалось указание священникам «при совершении браков православных лиц с римскими (особенно из простолюдинов, коих у нас много), стараться кротко, благоразумно и осторожно увещевать — принимать православие, ничуть не прибегая в этом деле к принудительным мерам, натяжкам и угрозам»[25]. Однако не все православные священники действовали именно в таком духе. Так, в 1867 году крестьянин одного из сел Волковысского уезда жаловался властям на то, что православный священник запретил ему брак с лицом римско-католического вероисповедания. Спор был разрешен гродненским губернатором, признавшим действия священнослужителя незаконными и поручившим брестскому епископу разрешить это дело[26].

---

23 Там же. С. 78.

24 Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999. С. 85, 96.

25 Литовские епархиальные ведомости за 1864 год. Вильно, 1865. С. 515.

26 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1121. Л. 3–4.

В начале XX века, после провозглашения веротерпимости, отношение православного духовенства к смешанным бракам стало преимущественно негативным. На миссионерском съезде Полоцкой епархии (1908 г.) была принята резолюция о вреде таких браков для православия. А решением Минской духовной консистории от 21 декабря 1913 года смешанные браки православных с католиками были запрещены, так как, по мнению православного руководства, «таковые смешанные браки в последнее время избираются католиками главным и удобным средством совращения в свою латинскую ересь». В документе отмечалось, что смешанные браки являются главной причиной (в 90 % случаев) переходов из православия в католицизм, а их количество в Минской губернии самое большое по сравнению с другими западными губерниями. Поэтому минский епископ принял решение, что «совершение... смешанных браков православных с католиками... не благословляется». Этот указ был вскоре разослан во все благочиния Минской духовной консистории. Такая же линия проводилась и в изданном в 1916 году Харьковской епархией и распространяемом по всей империи «Православном антикатолическом катехизисе». Данное издание со ссылкой на VI Виленский собор отрицало возможность брачных союзов православных с католиками в том случае, если «еретики» не согласятся на смену вероисповедания [27].

Основания для беспокойства у православного духовенства действительно были. Переходы в католичество после 1905 года приняли массовый характер, и в большинстве случаев обусловлены были заключением смешанных браков. Так, могилёвский уездный полицейский исправник в январе 1906 года представил своему губернатору список лиц, перешедших из православия в католицизм, где сообщалось, что практически все перешедшие принадлежат к семьям, в которых кто-либо из родственников является католиком. Об этом же писал и Холмский митрополит Евлогий (Георгиевский). «Упорствующие (их было около 100 000), — отмечал православный священнослужитель о бывших униатах, — хлынули в костёлы, увлекая за собой смешанные по вероисповеданиям семьи»[28].

Ещё более жёсткой по отношению к смешанным бракам была позиция католического духовенства. В основном это было вызва-

27 Линкевич В. Н. Указ. Соч. С. 79.

28 Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. С. 94–95.

но существовавшим до 1905 года запретом на переход из православия в иные вероисповедания, в связи с чем смешанные браки освящались по православным обрядам, а дети от них должны были быть крещены и воспитаны по правилам православной церкви. Возникала реальная угроза для католических священников потери части верующих. Поэтому ксендзы всячески препятствовали этому: либо не давали разрешения на браки с православными лицами, либо совершали тайно бракосочетания католиков и православных, а также крещение детей от смешанных браков по обрядам своей религии. Достаточно распространённым явлением был отказ исповедовать своих прихожан, состоящих в браках с православными. В то же самое время в нарушение действующего законодательства католическими священниками совершались обряды в отношении православных верующих.

Так, настоятель одного из костёлов Виленского уезда Я. Росинский отказался выдать крестьянину-католику свидетельство на вступление в брак с девицей православного исповедания, а позже отказался «напутствовать, а затем и хоронить крестьянку за то, что она была замужем за православным»[29]. Подобным методом действовал и настоятель Наревского костёла Бельского уезда Гродненской губернии ксёндз И. Саросек, отказывавшийся либо уклонявшийся от исповедания особ католического вероисповедания, состоящих в браках с православными. Например, одна мещанка, г. Нарева, восемь раз обращалась к ксендзу с просьбой исповедовать ее, однако все было безуспешно. А когда в последний свой приход к священнику сообщила, что у нее есть дети, то ксёндз заявил, «что это не дети, а щенята, как происшедшие от смешения с православной кровью»[30].

В то же самое время в нарушение действующего законодательства католическими священниками совершались обряды в отношении православных верующих. Так, настоятель Шудяловского костёла Гродненской губернии ксёндз Петкевич 25 марта 1908 года без ведома и согласия одного православного жителя д. Ровка окрестил его сына. При этом «ксёндз настойчиво уговаривал крестьянина перейти в католичество, обзывая при этом его, как православного «отщепенцем» и, доказывая, что только переход может спасти его душу»[31]. В 1876 году были наложены взыскания на двух ксендзов Слонимского уезда Гродненской гу-

[29] НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1349. Л. 6–6 об.
[30] НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 436.
[31] НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1170. Л. 19.

бернии, В. Гриневича и Р. Тарасовича, которые обвенчали лиц православного и католического вероисповеданий[32].

Столкновение интересов двух основных христианских конфессий наблюдалось и в области образования. До польского восстания 1863 года народное образование в Беларуси находилось преимущественно в руках католического духовенства и чиновников католического вероисповедания. Влияние православного духовенства на эту сферу было слабым. После подавления восстания ситуация начала коренным образом меняться. Народная школа перешла в ведение православного ведомства, а укрепление православия было провозглашено одной из основных целей развития данной системы. «Для достижения цели, указанной правительством, в образовании юношества Северо-Западного края, — говорилось в письме попечителя Виленского учебного округа Корнилова генерал-губернатору края Муравьёву в сентябре 1865 года, — принято основным правилом непременно замещать учительские должности людьми, проникнутыми духом русской народности и преданности православию. Посему, уроженцы Западного края римско-католического исповедания по неблагонадежности своей уволены от занимаемых ими должностей, и открывшиеся вакансии замешены лицами преимущественно православного исповедания. Эти меры применены вполне только к правительственным учебным заведениям. Для поддержания единства системы воспитания в сем крае, я, по истребовании мнений педагогических советов и обсуждении оных в попечительском совете, признал самою действительною и необходимою мерою запретить временно допущение уроженцев сего края обоего пола, римско-католического исповедания к испытаниям на право первоначального и домашнего обучения»[33].

Отстранение католического духовенства от обучения детей привело к тому, что католические священники стали сеять вражду к церковным школам. Эта нетерпимость католического клира к данным учебным заведениям была обусловлена и тем обстоятельством, что, по замыслам властей, эти школы должны были оказывать воздействие на католическое население: учителя должны были объяснять «крестьянам необходимость знания русской грамоты для их же пользы и не касаться верований, но стараться всеми средствами противодействовать фанатизму, развиваемому в них римско-католическим духовенством»[34].

---

32 Там же. Л. 191.

33 Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае. СПб. 1908. С. 158.

34 Там же. С. 391.

Католическое духовенство опасалось, что посещение детьми-католиками православных школ будет содействовать сближению последних с православной церковью, и всячески противодействовало этому. 12 февраля 1902 года виленский римско-католический епископ С. Зверович издал специальный циркуляр, который запрещал детям католиков посещать церковно-приходские школы и школы грамоты. В нём содержался призыв к духовенству епархии «словом и делом защищать свою веру» от них. «Эти школы, — говорилось в документе, — по своей цели и своим направлениям программным, по своему управлению и взглядам самих руководителей преследуют цели: 1) враждебные католической вере; 2) на католическое население смотрят как на врагов государственности... Всякое участие католиков прямым или косвенным образом в делах поощрения и развития этих школ, их посещения католическими детьми равносильно измене и отступлению от римско-католической веры и церкви»[35]. Глава католической епархии предписал своему духовенству «бдительно следить», чтобы католические дети не посещали церковных школ, а в случае обнаружения подобных фактов, если уговоры и наставления не помогут, не принимать к исповеди таких детей и их родителей. В связи с этим министр внутренних дел В. Плеве в своём рапорте Николаю II отмечал, что «по резкости высказываний, по пыхливом декларировании преимуществ католической веры и по дерзости намерения этот циркуляр превзошёл всё, что на протяжении последних сорока лет выходило из-под пера наших католических бискупов»[36].

Реакция православного клира на этот циркуляр была очевидной. В «Гродненских епархиальных ведомостях» была опубликована статья под заглавием «Новый крестовый поход», в которой решение виленского бискупа подвергалось резкой критике. «Как очевидно, — говорилось в статье, — воинственный пыл католического духовенства не остывает. Католическому духовенству нет заботы о религиозно-нравственном просвещении народа. Народ коснеет в невежестве и темноте, главное чтобы оставался он «добрым католиком», т. е. послушным орудием агентов «святейшего отца»[37].

Вскоре бискуп С. Зверович, подписавший известный циркуляр, был удален со своего поста, однако запретительный циркуляр

---

[35] НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 853. Л. 1–4.

[36] Линкевич В. Н. Указ. соч. С. 81.

[37] Гродненские епархиальные ведомости за 1902 год. Гродно, 1903. С. 119.

никто из его преемников отменить не решился. Следствием этого стало то, что тысячи учеников католического вероисповедания стали покидать церковные школы. Виленский губернатор в своём рапорте от 22 апреля 1903 года о начальных школах Виленского уезда сообщал следующее: «В текущем году численность учеников сократилась в Дукштинской школе с 41 до 5, в Муслицкой — с 73 до 34, в Герванской — с 75 до 38, в Ширвинской — с 89 до 62, в Молятской — с 75 до 54, в Неменчинской — с 93 до 79»[38].

Подобного рода картина наблюдалась и в Гродненской губернии. В секретном послании римско-католическим деканам местный губернатор указывал, что «...в виду... будто бы вредного влияния церковно-приходских школ на католическое население, многие из ксёндзов запретили своим прихожанам посылать детей в означенные школы... Под прямым воздействием ксёндзов... в целом ряде селений и местечек Гродненской губернии католики перестали посылать своих детей в церковно-приходские школы, из коих в некоторых должны были прекратиться занятия за выбытием большей части учеников». Сообщалось также, что имели место случаи прямых насильственных действий против церковно-приходских школ со стороны местного католического населения, когда последние срывали со школ вывески, «сопровождая таковой поступок разными выражениями своей ненависти к православию»[39].

И действительно, ситуация была довольно сложной. С мест приходили донесения об отказе католиков посещать школы. Так, сокольский уездный исправник в донесении своему губернатору отмечал, что ученики-католики по приказанию ксендза Рылькевича в приходах Дрогичинского костёла перестали ходить в школу. О запрещении ксёндзом Кремницкого костёла посылать католикам своих детей в церковно-приходские школы сообщалось в донесении волковысского уездного исправника. «После исповеди дети-католики Ружанской церковно-приходской школы заявили, что больше посещать школы не будут, — говорилось в рапорте Гродненского и Брестского епископа, — ...из продолжающих посещать... родители находятся в натянутых отношениях с местным ксендзом»[40].

В Минской губернии наблюдалась аналогичная ситуация. Священник Логишинской школы Пинского уезда сообщал в Мин-

38 Линкевич В. Н. Указ. соч. С. 82.

39 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 853. Л. 26.

40 Там же. Л. 10–15.

ский епархиальный совет о том, что ученицы церковно-приходских школ отказываются изучать церковную историю и славянский язык, так как ксёндз запретил им изучать эти предметы под угрозой отлучения от причастия[41].

Вообще препятствия деятельности церковных школ чинились католическим духовенством и ранее, до издания специального циркуляра. Например, настоятель Васильковского костёла Сокольского уезда Гродненской губернии ксёндз Ляхович запретил детям католиков посещать школы, потребовав от них изучения польского языка и чтения польских книг. «После посещения ксендза, — сообщали местные чиновники, — дети-католики перестали посещать Дубровскую школу грамоты. Девочка сообщила, что ксёндз сильно кричал на отца и мать за то, что они хотели посылать своего сына на месяц в школу, и купили письменные принадлежности. Но еще больший гнев навлекли на себя домохозяева-католики, посылающие детей в школу, и угроза ксёндза неприятия к исповеди имела свое значение»[42]. Однако такие действия носили частный характер.

В начале 1900-х годов эта борьба приняла открытый характер. Зачастую действия настоятелей костёлов шли вразрез с распоряжениями гражданской власти. Одновременно некоторые священники содействовали открытию в своих приходах тайных польских школ.

Фактический материал свидетельствует о том, что отношение католического клира и значительной части верующих к православным школам было недоброжелательным, а в ряде случаев и враждебным. Вместе с тем нельзя не признать, что имело место и обратное. В отчёте епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Гродненской епархии за 1900–1901 учебный год говорилось следующее: «Нельзя на основании же опыта не высказать при этом, что вопреки странному недоразумению и непонятному предубеждению некоторой части общества православная начальная школа и в отношении католического населения не только не несет розни, а напротив, сглаживает религиозную исключительность. Если и бывают случаи неблагожелательного отношения католического населения к церковной школе, то это случаи исключительные — здесь неблагожелательность возникает не по коренным причинам, а как явление исключительное,

41 Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБ в Минске). Ф. 461. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

42 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1020. Л. 11.

наносное, под воздействием руководителей религиозной жизни католиков, и, притом на почве не столько религиозных, сколько политических побуждений. Данные статистики прочнее всего могут подтвердить последнее положение. Тысячи католических детей обучаются ныне в церковных школах»[43].

Данный отчёт отражал реальное положение вещей не столь объективно, как хотелось бы. Однако факты если не сочувственного, то явно не враждебного отношения крестьян-католиков к церковно-приходским школам имели место. Об этом свидетельствует и то, что их дети составляли некоторую часть учащихся таких учебных заведений. Так, в 1894 году в Минской губернии среди учеников школ дети католиков (в основном крестьян) составляли 2,1 %. В Гродненской губернии в 1890 году этот показатель составлял 6,48 %, а началу XX века возрос до 9,5 % [44] [14, с. 84].

В последней трети XIX — начале XX века явного открытого острого противостояния на религиозной почве в Беларуси не наблюдалось. Однако проявления нетерпимости и враждебности имели место со стороны представителей обеих христианских религий. Правда, у католического духовенства эта религиозная нетерпимость была выражена более ярко, чем у православного. Чаще всего это проявлялось в проповедях ксендзов, в которых по отношению к православным верующим употреблялись такие выражения, как «кацапы», «недовярки», «отщепенцы», «схизматики» и т. д. Так, в частности, настоятель Долубовского костёла Бельского уезда Гродненской губернии ксёндз Жуковский при вступлении в должность в 1894 году публично заявил своим прихожанам, что «православный человек — не есть христианин, а что он «Русин» и что «родиться от православного — это есть большой грех». Затем, при посещении одного из своих прихожан, этот же священник нанёс оскорбление крестьянке М. Васильчук за то, что та крестилась по православным канонам, вытолкнул её за дверь и заявил, что православные недостойны слушать польские молитвы[45].

Такие случаи не были единичными. Например, настоятель Васильевского костёла Сокольского уезда Гродненской губернии ксёндз Ляхович показал себя непримиримым врагом православия, когда, посещая дом одного из своих прихожан, приказал убрать

---

43 Гродненские епархиальные ведомости за 1902 год. Гродно. 1903. С. 66–67.

44 Линкевич В. Н. Указ. соч. С. 84.

45 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 326. Л. 1.

из дома иконы с надписями на русском языке. На просьбу хозяйки разрешить поместить иконы хотя бы в сарае, ксёндз гневно заявил, что их вовсе не должно быть[46].

Религиозный фанатизм, что сеялся духовенством, оказывал влияние и на отношение верующих-католиков к православию. Как свидетельствуют источники, это отношение было неоднозначным. Например, в отчёте о состоянии Минской епархии за 1881 год говорилось о том, что католическое население не питает вражды к православному духовенству. «Там, где не было подстрекательств со стороны ксёндзов и искусственного возбуждения или религиозного фанатизма, — говорилось в отчете, — последние и в особенности католики-крестьяне относились к православному духовенству и населению миролюбиво, не чуждаясь иногда посещать православную церковь во время богослужения для молитвы и поклонения... чудотворным иконам и даже обращаться к священнику за совершением... треб»[47].

Однако так было не везде. Например, виленский губернатор в своём циркуляре за 1906 год обращал внимание земских начальников и уездных исправников на то, «что обострившиеся в последнее время отношения между православными и католиками (крестьянами) выразились в недопущении в некоторых местностях края католиками погребения умерших православных на общих кладбищах, где раньше хоронились все», и просил «в виду возможности подобных столкновений» предоставить информацию о подобных случаях и предложения о мерах по разобщению кладбищ[48]. Деятельность католического духовенства против православия в данном случае дала негативный эффект.

Сложная ситуация наблюдалась и в Гродненской губернии. В рапорте пристава 4-го стана Слонимского уезда гродненскому губернатору сообщалось, что в Дворецкой волости этого уезда в день присоединения униатов к православию во время крестного хода едва не произошли столкновения между православными и католиками. «Раньше соседние показателями католики, — отмечалось в документе, — жили с православными очень миролюбиво, а в последнее время отношения их до того обострились, что даже католики чуждаются, если православный войдет в дом католика»[49].

---

46 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1020. Л. 11 об.
47 НИАБ в Минске. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43 592. Л. 18.
48 НИАБ в Минске. Ф. 397. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
49 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1166. Л. 5.

Имели место и случаи преследования православных крестьян за их веру в местах компактного проживания католического населения. Например, М. Коялович в одной из своих публикаций на страницах «Литовских епархиальных ведомостей» отмечал следующее: «Из среды этого народа раздаются уже жалобы на преследования за православную веру. В одной местности с преобладающим населением латинского закона (Виленской губернии и уезда) были даже такие ужасные случаи, что один православный крестьянин с отчаяния, от невыносимых преследований за веру, наложил на себя руки, а другой насилу удержан от этого своим священником... «Ты, батюшка, знаешь, — отвечал последний на вопрос священника о побуждениях к столь ужасному поступку, — ты знаешь, какое наше положение православных между католиками, преследующими нас на каждом шагу; от них нам положительно нет жития»[50].

Наличие подобных фактов подтверждается и другими источниками. Так, в 1891–1892 годах гродненским губернатором было рассмотрено дело «О порицании православной веры» старшиной Березовской волости Пружанского уезда Гродненской губернии Вошинским. В итоге его расследования было установлено, что этот чиновник преследует православных при разбирательстве их тяжебных дел[51]. На враждебное отношение части католического населения к православному духовенству, в основном польских помещиков, обращало внимание и руководство Минской православной епархии[52].

Проявления религиозной нетерпимости со стороны представителей католической конфессии неоднократно подвергались критике на страницах православных изданий. В одном из номеров «Литовских епархиальных ведомостей за 1885 год» отмечалось следующее: «Трудно сохранить самообладание, трудно устоять и выдержать себя, когда духовник, в тиши конфессионала, именем Божиим запрещает католику или католичке выходить замуж за православного или жениться на православной, поступать в услужение к православным и т. п., — а ведь такие внушения делаются зачастую. Мы знаем, что от католичек, вышедших за православных вопреки внушениям своих духовников, эти последние требуют, чтобы детей своих, крещённых в православии, они воспитывали в духе католичества, чтобы водили их в костёл,

---

50 Литовские епархиальные ведомости за 1882 год. Вильно, 1882. С. 142–143.
51 НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 2731. Л. 4.
52 НИАБ в Минске. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43 592. Л. 18.

а не в церковь, чтобы учили их молитвам католическим и притом польским...»[53].

Что касается отношения православных священников к католикам, то оно было противоречивым. В отчёте о состоянии Минской епархии за 1881 год говорилось о том, что «православное духовенство епархии старалось поддерживать добрые и миролюбивые отношения к духовенству других исповеданий». Однако не всегда это достигалось там, где «ему приходилось иметь дела с римско-католическими ксендзами», которые стремились к «совращению» православных. «Естественно, что православные священники, — говорилось в отчете, — с энергией противодействовали происках ксендзов, а в тех случаях, когда эти происки продолжались с упорством и сопровождались заметным вредом для православия, — они представляли о том епархиальному начальству и местному губернатору — вследствие чего добрые отношения между теми и другими нарушались»[54].

Однако далеко не все православные священники стремились к добрым отношениям с иноверцами. При этом многие из них считали, что борьба с католицизмом — одна из их главных задач. Такой установкой, по-видимому, руководствовался епископ Брестский Игнатий, направляя на имя губернатора ходатайства об упразднении католических костёлов. Так, в мае 1866 года православный иерарх направил на имя гродненского губернатора Скворцова лист о необходимости закрытия Роготинского и Радиновского костёлов, которые находились в Слонимском уезде данной губернии. «Сказанные костёлы, — говорилось в документе, — среди православных приходов расположены, и потому вредные православию, в отношении имеющегося удобства к совращению окрестных жителей в католицизм, и в отклонении своих прихожан от вступления в брачные союзы с православными, следует закрыть, а прихожан причислить к другим ближним костёлам». Пожелание епископа Игнатия было учтено, и 18 июня 1866 года виленский генерал-губернатор Ф. Кауфман отдал распоряжение о закрытии этих двух, а также приписанного к ним Скрундиновского костёла и передаче их зданий для православных церквей[55].

Подобного рода случаи не были единичными. В июле 1864 года настоятель Девятовской церкви Слонимского уезда Гродненской

---

[53] Литовские епархиальные ведомости за 1885 год. Вильно, 1886. С. 360–361.
[54] НИАБ в Минске. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43592. Л. 17 об. — 18.
[55] НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 6. Д. 603.

губернии П. Круковский направил мировому посреднику этого уезда жалобу, в которой обвинил местное католическое духовенство в «совращении» православных. В результате 24 апреля 1866 года виленский генерал-губернатор направил гродненскому губернатору циркуляр, в котором говорилось, что, «признавая со своей стороны дальнейшее существование костёла в селе Луконица не только излишним, но и вредным для православия... разрешаю сделать надлежащие... распоряжения к закрытию сего костёла...». Костёл был закрыт, а его здание передано для православной церкви[56].

О негативном отношении православного клира к католицизму можно судить и по их реакции на действия единоверцев (бывших униатов), которые сохранили связь с костёлом. Священники бдительно следили, чтобы те не посещали костёлов и не совершали обрядов по римско-католическим канонам. В отношении же тех, кто предписания нарушал, применялись различные меры наказания. Довольно часто православные крестьяне подвергались взысканиям и штрафам лишь за то, что побывали в католических храмах.

В отличие от духовенства, православные верующие более терпимо относились к католическому духовенству, верующим, вероучению и обрядам. Видимо, этим было обусловлено и то, что в смешанных семьях практически не было случаев, когда кто-либо из супругов православной веры чинил какое-либо религиозное насилие в отношении своих родных иного вероисповедания.

Таким образом, в целом отношения между православной и католической конфессиями Беларуси характеризовались борьбой и соперничеством. В то же время среди отдельных представителей христианских вероисповеданий появлялось понимание необходимости если не сотрудничества, то, по крайней мере, уважительного отношения между ними. Во второй половине XIX века это нашло выражение в деятельности католического ксендза Ф. Сенчиковского. Этот священник зарекомендовал себя активным сторонником сотрудничества католической церкви с правительством и православной церковью. Однако такую позицию разделяли лишь немногие представители католического клира.

В начале XX века активно за сотрудничество основных религий Беларуси выступал один из идеологов местного католического дворянства граф И. Корвин-Милевский. Он призывал католи-

[56] НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 6. Д. 597. Л. 39.

ческих священников не подстрекать крестьян против «сродной... православной веры». Необходимо провести, по мнению И. Корвин-Милевского, работу по объединению усилий католических и православных священников по борьбе с религиозным индифферентизмом народных масс, ибо межконфессиональная борьба, считал он, бессознательно работает против религии: «Ксёндз с амвона осторожно, а в частных разговорах не скупясь на резкости, доказывает, что святая православная вера — есть только ересь, и ведёт своих поклонников прямо в ад, чернит частную жизнь батюшки и монаха... Тут же рядом православный священник, вовсе нигде не стесняясь, тем самым отвечает католическому ксендзу, указывая на его, зачастую далеко не беспорочную частную жизнь. Результат получается плачевный. Крестьяне, которые слушают и того, и другого, мало-помалу теряют веру и смеются над обоими»[57]. Несмотря на искренность и объективность суждений графа, призыв объединить усилия по защите христианства услышан не был.

Таким образом, следует отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода взаимоотношения православного и католического населения Белоруссии складывались достаточно сложно и противоречиво. Межконфессиональные противоречия, обусловленные рядом объективных и субъективных факторов, оказали негативное влияние как на религиозную жизнь белорусских губерний, так и на их общественное развитие в целом. Раскол народа Белой Руси по религиозному принципу в условиях, когда вероисповедание зачастую отождествлялось с национальной принадлежностью, отрицательно сказался на формировании национального самосознания белорусов, а также препятствовал политической и духовной консолидации белорусского народа.

---

[57] Корвин-Милевский И.-К. О. О реформе римско-католического духовенства в Северо-Западном крае. Вильно, 1912. С. 5.

В. Н. ЧЕРЕПИЦА

ГРОДНЕНСКИЙ ПЕРИОД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. А. СТОЛЫПИНА И ОЦЕНКА ЕГО СОВРЕМЕННИКАМИ

Будущий реформатор России Пётр Аркадьевич Столыпин родился в 1862 году в семье, принадлежащей к старинному дворянскому роду. Раннее детство его прошло в имении Средниково под Москвой. Когда-то в нем жил великий поэт и гродненский гусар М. Ю. Лермонтов — дальний родственник Столыпиных. Из множества своих имений (больших и малых, красивых и не очень) Столыпины отдавали предпочтение Колиоберже, что находилось недалеко от Ковно. Желая жить рядом с полюбившимся имением, отец семейства генерал Столыпин купил себе в Вильно дом, где семья стала проводить долгие зимы. Здесь же Столыпин учился в гимназии, отсюда поехал учиться в Петербургский университет, так что северо-западные губернии страны ему были знакомы не понаслышке. Окончив университет, Столыпин служил в Министерстве финансов, а затем и внутренних дел. Карьера его продвигалась в целом успешно, но, когда ему было предложено стать уездным предводителем дворянства в Ковенской губернии, он его принял.

Молодой, энергичный и деятельный Столыпин рьяно принялся за работу с первого же дня своей новой службы, и до последнего дня он с тем же интересом предавался ей, кладя все свои силы на то, чтобы создать в своей сфере все от него зависящее для процветания края. Здесь, в Литве, на посту уездного, а затем губернского предводителя Ковенского дворянства, Петр Столыпин прослужил более десяти лет. Зимой в Ковно, а летом

в Колноберже, в окружении добрых и чутких людей проходило время. Вне служебных дел со Столыпиными были особенно близки: священник Антоний Лихачевский, доктор Иван Иванович Евтуховский, лесничий Повилайтис, владелец магазина «колониальных» товаров Шапиро. Теплые, дружеские отношения были у них и с соседями по даче — генералами Тотбеленом, Кардашевским, Лошкаревым, графом Крейцем, помещиками Кунатом, Комаровским, Кудревичем, Дулевичем и др. Большинство прислуги были уроженцами этих мест: кучер Осип, лакей Казимир, пастух Матутайтис, птичница Евка, повара Ефим и Станислав, конюх Игнашка, садовник Антон, многочисленные кормилицы, няни и гувернантки. Все они со временем стали почти членами этой большой и доброй семьи и спустя десятилетия разделили со Столыпиным печальную и трагическую участь.

В середине мая 1902 года Петр Аркадьевич вывез всю свою семью на так называемые «воды» в небольшой немецкий городок Эльстер. Спустя десять дней этой семейной идиллии наступил конец. Пришла телеграмма от министра внутренних дел В. К. Плеве, только что сменившего убитого революционерами Д. С. Сипягина, с предложением срочно прибыть в Петербург. Через три дня причина вызова стала известной: П. А. Столыпин неожиданно для себя был назначен гродненским губернатором. Инициатива при этом исходила от Плеве, взявшего курс на замещение губернаторских должностей местными землевладельцами. Столыпин к этому времени им фактически был. Высочайший указ, данный правительствующему сенату в Петербурге 30 мая 1902 года и собственно подписанный императором Николаем II, гласил: «Ковенскому Губернскому Предводителю Дворянства, Двора нашего в звании Камергера, Статскому Советнику Столыпину всемилостивейше повелеваем быть исправляющим должность Гродненского Губернатора с оставлением его в придворном звании»[1]. С М. М. Осоргина, сменившего Столыпина на данном посту, «главным двигателем» последнего в служебном росте был А. А. Лопухин, которого связывала со Столыпиным ещё детская и юношеская дружба. Когда же Лопухин оказался на посту директора департамента полиции и стал влиятельным сотрудником Плеве, он вспомнил о Столыпине и горячо рекомендовал его министру[2].

---

1 Черепица В. Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах. Гродно, 2003. С. 7, 358.

2 Осоргин М. М. Воспоминание, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни 1861–1920. М., 2009. С. 578.

На подготовку к переезду на новое место службы у Столыпина ушло более полумесяца, и только 21 июня 1902 года он прибыл в Гродно. На вокзале его встречали вице-губернатор В. Д. Лишин, руководитель дворянства А. А. Ознобишин, председатель вольного пожарного общества В. В. Столяров, управляющий канцелярией губернатора А. В. Оболенский, чиновники особых поручений К. К. Вейс и А. К. фон Петерсон, жандармский полковник А. Н. Бекнев, члены городской управы во главе с главой И. С. Михальским. Встречавшие поднесли П. А. Столыпину хлеб-соль. С вокзала губернатор последовал в кафедральный Софийский собор, где был встречен протоиереем Н. Диковским, ключарем собора М. Белиной и церковным старостой. Приложившись к местным святыням, губернатор изволил поинтересоваться историей собора, его святынями, его средствами и материальным обеспечением соборного причта. В этот же день его превосходительство посетил Преосвященного Иоакима, Епископа Гродненского и Брестского. Затем Его Преосвященство нанес визит губернатору в 5 часов вечера. 22 июня в 11 часов губернатор изволил принять православное духовенство во главе с кафедральным протоиереем и редактором «Гродненских Епархиальных Ведомостей» Николаем Диковским. В 12 часов того же дня в губернаторском доме состоялось представление его превосходительству инославного духовенства и служащих в гражданских учреждениях г. Гродно. Войдя в гербовый зал, А. Столыпин произнес речь: «Милостивые государи. Будучи назначен и. д. гродненского губернатора, я, прежде всего, выражаю твердую уверенность, что мои с вами служебные отношения установятся в скором времени к обоюдному нашему удовольствию. Убежден в этом, так как полагаю, что, прислушиваясь к искреннему высказанному верному мнению и относясь с уважением к мирному труду, начальник губернии тем самым приобретает право требовать неуклонного и добросовестного исполнения своих решений. Что же касается ведомств, мне не подчиненных, то от представителей их я ожидаю помощи, и содействия в общей нашей работе, состоящей в проведении здесь русских государственных начал»[3].

С первых дней пребывания в Гродненской губернии Столыпин со свойственной ему энергией и деловитостью взялся за работу. По свидетельству его старшей дочери Марии (по мужу — Бок), письма его из Гродно в Колноберже, где какое-то время еще

[3] Черепица В. Н....Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах. С. 7.

проживала семья губернатора, «дышали энергией, были полны интереса к новому делу». По душе пришлось ему и ближайшее окружение из чиновников и подчиненных. Столыпину было особенно приятно, что губернским предводителем дворянства Гродненской губернии был ближайший друг юности П. В. Веревкин. Сошелся он во взглядах и с вице-губернатором В. Д. Лишиным и был очень доволен работой своего правителя канцелярии князя А. В. Оболенского. Гордился он и своими чиновниками по особым поручениям. Лучшим среди них был, по его мнению, Вейс. О нем губернатор вспоминал почти в каждом письме[4].

Ко времени губернаторства П. А. Столыпину исполнилось сорок лет. У него уже было пять дочерей, сын родится через год. Отныне к его должности добавляется эпитет «самый молодой»: губернатор, затем министр, затем — председатель Совета Министров. На первых порах имя его в России было мало кому известно. Да и что такое — гродненский губернатор? Некоторые на сей счет рассуждали так: «губерния незначительная, в углу. Разве что болот много, а в самом Гродно много евреев и поляков. История Гродно пестрая. От киевских князей до шведов. Отсюда Стефан Баторий целился на сердце Руси, но не угадал. Теперь от его замка — одни развалины»[5]. Сам новый губернатор, прекрасно зная прошлое и настоящее Принеманского края, думал о своем предназначении несколько по-иному.

Однако обратимся вначале к тому, что составляло быт и окружение гродненского губернатора. Вот как описывает эту сторону губернаторской жизни спустя десятилетия старшая дочь Петра Аркадьевича: «Мама съездила в Гродно на несколько дней распределить комнаты, дать указания для устройства дома и вернулась в Колноберже в полном восторге от нового местожительства. Осенью мы все переехали в Гродно. Папа встретил нас в губернаторской форме, окруженный незнакомыми чиновниками. Проезжая по улицам тихого Гродно, я почувствовала, что мне нравится этот город, а когда я попала в губернаторский дом и увидела окружающие его сады, мое предубеждение против Гродно совсем пропало. И действительно, трудно представить себе что-нибудь лучше этого старого замка короля польского, Станислава Понятовского, отведенного губернатору. В одном нашем

---

4 Бок (Столыпина) М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. М., 1991. С. 76.

5 Рыбас С. Ю., Тараканова Л. В. Реформатор: Жизнь и смерть Петра Столыпина. М., 1991. С. 21.

помещении шли анфиладой десять комнат, так что бывший до моего отца губернатором князь Урусов ездил к нам на велосипеде. И что за комнаты! Не очень высокие, глубокие, уютные комнаты большого старинного помещичьего дома, с массою коридорчиков, каких-то углов и закоулков (согласно «Ведомости о расходах на отопление дома, занимаемого гродненским губернатором в 1903 году», во дворце имелось 67 покоев, которые в холодную пору года обогревались 67 печами, 6 каминами и 3 кухонными плитами, на что расходовалось 154 сажени дров; на поддержание тепла в 1902-ом году было уплачено 2700 рублей, а в 1903-м — 3696 рублей. Это отнюдь не означало, что Столыпины были излишне теплолюбивы, последняя сумма отражала скорее рост цен на топливо. В целом Столыпины не позволяли себе ничего большего, чем то, что требовалось губернатору по его должности и положении в обществе. — *В. Ч.*). Кроме нашего помещения, находились в этом дворце еще губернское присутствие, губернская типография и много квартир чиновников. В общей сложности в сад выходило шестьдесят окон в один ряд. Под той же крышей был и городской театр, устроенный в бывшей королевской конюшне и соединенный дверью с нашим помещением. У папы, как губернатора, была там своя ложа, и Казимир приносил нам, когда мы бывали в театре, чай, который мы пили в аванложе.

Сад наш был окружен тремя другими садами: городским, князя Чарторийского и еще каким-то. Князь Чарторийский, элегантный поляк с манерами и французским языком доброго старого времени, часто бывал у нас. Часто, запросто, бывали у нас и некоторые из чиновников папа и их жены, так что, хотя не было уже семейно-патриархальных ковенских вечеров, все же это не была еще жизнь последующих лет, когда почти не оставалось у папа времени для семьи.

В этом старом замке было столько места, что у меня одной было три комнаты: спальня, очень красивая, овальная, вся голубая с белым гостиная и классная. Последняя и частный кабинет папа составляли верх дома и были самыми его красивыми комнатами: кабинет со стенами резного дуба, обрамлявшего оригинальную серую с красным ткань, и моя классная с потолком и стенами полированного дерева. Хорошо было в ней учиться: три окна в сад, тихо, спокойно... даже нелюбимая математика — и та легко укладывалась в голове, когда я занималась там. Вечером в свободные минуты я заходила к папа, но всегда не надолго — всегда мешал кто-нибудь из чиновников, приходивших с докладами или за распоряжениями. В деловой кабинет внизу мы уже и не входили, как

в Ковно, и видали папа лишь за завтраком, за которым всегда бывал и дежурный чиновник особых поручений, и за обедом.

По воскресеньям в большой белой зале с колоннами бывали танц-классы, как и раньше в Ковно. Я, как «большая», уже не училась и лишь смотрела на «детей». Эти друзья моих сестер, со страхом делая большой круг, приходили в передней мимо чучела зубра. Громадный зверь, убитый в Беловежской Пуще, был, действительно, страшен на вид и своими размерами, и густой черной шерстью и угрожающе наклоненной тяжелой головой. Беловежская Пуща, гордость Гродненской губернии, была почти единственным местом на свете, где еще водились эти звери, и охота в этом заповедном лесу бережно охранялась. Размеры Пущи грандиозные — 2 500 кв. верст, и, несмотря на это, все зубры были на учете. Очень красивый дворец и вся Пуща оживлялись лишь в те годы, когда государь и весь двор приезжали на охоту.

Особенностью Гродненской губернии было еще то, что губернский город в ней был меньше двух ее уездных городов: Белостока и приобретшего в истории России столь печальную известность Брест-Литовска. Эти большие торговые центры были настолько значительных размеров, что в каждом из них было по полицмейсцеру, полагавшемуся, обыкновенно, лишь по губернскому городу.

Мой отец, самый молодой губернатор России, очень увлекся своей новой работой. Не удовлетворяла она полностью лишь потому, что он в ней лишен был полной самостоятельности. Это происходило потому, что Гродненская губерния с Ковенской и Виленской составляли одно генерал-губернаторство, и, таким образом, губернаторы этих губерний подчинялись генерал-губернатору Виленскому. Хотя в то время и был таковым крайне мягкий администратор и очень хороший человек князь Святополк-Мирский, работа моего отца, под начальством которого ни одним трением не омрачалась, все же она не была совершенно самостоятельной, что претило характеру папа.

Конечно, с первых дней губернаторства моего отца стали осаждать просьбами о получении места. Даже я получила письма с просьбами о заступничестве. Мой отец терпеть не мог этих ходатайств о «протекции», и ни родные, ни знакомые не получали просимого, кроме очень редких случаев, когда были этого действительно достойны.

Кажется, так до конца жизни и не простили моему отцу добрые старые тетушки того, что он, и то не сразу, дал лишь очень скромное место их протеже, одному нашему родственнику.

На доводы папа, что он не мог иначе поступить, они лишь недоверчиво и неодобрительно качали головой. Мне это напоминало, как в детстве приходили к папа крестьяне просить, чтобы он освободил их сына или внука от воинской повинности, и когда им мой отец отвечал, что не может этого сделать, что это противозаконно, повторяли:

— Не может быть, не может! Если пан захочет, то все может сделать.

Я той зимой кончала курс гимназии, который в 1902 году, из-за болезни, кончить не могла, и была так поглощена уроками, что жила совсем обособленно от семьи, проводя почти весь день за книгами или с учителями в своей классной. Из-за этого мало знаю о деятельности моего отца и жизни семьи в это время. С папой бывала я очень мало. Хотя и сохранились частью ковенские старинные привычки, но жизнь настолько изменилась, что все принимало другой оттенок.

Ходили мы с моим отцом по-прежнему в церковь, но какой-то иной отпечаток клало на все окружающее, — вытягивающиеся в струнку, козыряющие городовые, в соборе полицейский, расчищающий дорогу; почетное место, совсем впереди, перед алтарем. Младшие сестры теперь тоже учились, но еще мало. Ведь старшей из них, Наташе, было всего одиннадцать, а маленькой, Аре, пять. Недолго прожили мы в милом Гродно, с которым только начали свыкаться. Не пробыв и десяти месяцев губернатором этой губернии, уже в марте 1903 года мой отец был назначен саратовским губернатором»[6].

Чем занимался новый губернатор? Естественно, текущими административными делами: приемами посетителей и просителей, назначениями и увольнениями, поездками по губернии. Немало внимания он уделил церкви, ее заботам и нуждам, исполнением личного христианского долга. Процитируем лишь некоторые строки из губернской периодики тех лет, касающейся этой темы: «Накануне праздника Святых Апостолов Петра и Павла и в сам праздник 29 июня 1902 года епископ Гродненский и Брестский Иоаким совершил в Крастостокском монастыре Божественную литургию, а затем было отслужено благодарственное молебствие...»[7]. В храме присутствовал гродненский губернатор П. А. Столыпин и представители некоторых гражданских частей. Заметим, что тогда же при монастыре (годом раньше переведен-

---

6 Бок (Столыпина) М. П. Воспоминания о моем отце. С. 77–81.

7 Гродненские епархиальные ведомости за 1902 год. Гродно, 1902. С. 255.

ном из Гродно) была открыта двухклассная школа для подготовки учительниц для церковных школ. Не исключено, что именно из числа ее 22 выпускниц была взята губернатором в качестве няни для своего единственного сына Аркадия воспитанница Красностокского монастыря Людмила Останькович, погибшая впоследствии во время взрыва на Аптекарском острове, защищая своим телом младенца.

Хроника губернской жизни тщательно фиксирует присутствие губернатора на Божественных литургиях по случаю тезоименитства царствующего императора и всех представителей Дома Романовых, а также по случаю «чудесного избавления государя Александра III и его семьи от грозившей опасности при крушении царского поезда у ст. Борки» и др. Как человек, воспитанный в духе Православия, в традициях благоговейного отношения к семье, Отечеству и любви к людям, П. А. Столыпин постоянно бывал в расположенной рядом с губернаторским домом Александро-Невской церкви. «Каждое утро, — признавался он впоследствии своим друзьям, — я начинаю с того, что благодарю Бога за то, что Он даровал мне еще один день жизни...»[8].

Лишенный бюрократического усердия, склонности к парадности, властолюбию и чинопочитанию, гродненский губернатор, судя по всему, избегал официальных визитов и приемов, но иногда он вынужден был это делать. 27–28 января 1903 г. в Гродно находились министр народного просвещения Г. Э. Зенгер и попечитель Виленского учебного округа В. А. Попов. Министр и сопровождающие его лица посетили епископа Гродненского и Брестского Иоакима, а вечером в доме Столыпина состоялась продолжительная беседа, касающаяся согласованности действий двух учебных ведомств (церковного и министерского. — *В. Ч.*) в области начального школьного дела. В ходе ее губернатор приложил максимум усилий для гармонизации на практике усилий Синода и министерства в деле народного образования. Вместе с министром, епископом и попечителем он посетил ряд гродненских церковно-приходских школ. Эти посещения позволили ему доказать, что все подозрения «космополитического общества» относительно прав православного духовенства распространять в народе начала грамоты лишены серьезных оснований. Подтверждением тому были ответы учеников Гродненской церковно-приходской школы имени графа М. Н. Муравьева на вопросы учителей и гостей этого учебного заведения. Этими ответами пос-

8 Там же. С. 371.

ле посещения высоким начальством уроков гражданской русской истории, географии, пения и Закона Божьего, а также выставки рукодельных работ учениц школы были удовлетворены буквально все присутствующие[9].

Необходимо заметить, что только осенью 1902 г. по инициативе Столыпина в г. Гродно были открыты: еврейское двухклассное народное училище, оборудованное всеми техническими приспособлениями, а также женское приходское училище с третьим профессиональным классом. В училище преподавались, кроме общепринятых предметов, еще рисование, черчение и рукоделие. Училище такого типа стало первым в губернии. В 1903 году началась подписка на учреждение именных стипендий супругов Столыпиных для лучших учащихся Гродненской мужской гимназии. Отмеченные усилия Столыпина в области народного образования были замечены, да и в целом визит министра для губернии оказался полезным. Чего нельзя сказать о плановых осмотрах губернии, которые дважды осуществлял в бытность Столыпина гродненским губернатором тогдашний генерал-губернатор Северо-Западного края князь П. Д. Святополк-Мирский[10]. Изматывающая подготовка к ним, строгие требования ко всему тому, что касалось официальной части приемов, по мнению губернатора, лишь отвлекали от реальных и неотложных дел, рассчитанных во многом на перспективу.

К числу главных своих дел в губернии Столыпин относил земельные дела. В это время во всех губерниях России создавались местные комитеты, призванные позаботиться о нуждах сельскохозяйственного производства. Был создан такой комитет и в Гродненской губернии. На одном из первых его заседаний 16 июля 1902 года Столыпин, будучи его председателем, выступил с сообщением, в котором подчеркнул, что «главнейшими факторами улучшения экономических условий губернии вообще и сельскохозяйственной промышленности, в частности, следует считать расселение крестьян на хутора, переход их от так называемого пользования надельными землями к хуторному хозяйству, устранение чересполостности земель, разверстание сервитутов». Много внимания губернатор уделял внедрению на Гродненщине искусственных удобрений, улучшению сельскохозяйственных

---

9 Черепица В. Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней). Ч I. Гродно, 1999. С. 37.

10 Гродненские епархиальные ведомости за 1903 год. Гродно, 1903. С. 312–313.

орудий, многопольных севооборотов, мелиорации. Старые способы землеустройства и земледелия, считал он, могут кончиться «экономическим крахом и полным разорением страны»[11].

Устремления Столыпина не встречали явного противодействия на заседаниях губернского комитета, его поддерживали и в Гродненском товариществе сельского хозяйства — общественной организации во главе с князем С. К. Святополк-Четвертинским. Взять, к примеру, отчет совета этого товарищества за 1903 год. В нем есть подтверждение согласия с линией Столыпина: «В учреждении хуторного владения и в расселении многодворных сел должен находиться центр тяжести мероприятий, направленных для развития сельскохозяйственного производства в крестьянском мире. Без этого все остальное будет только рядом полумер, имеющих чисто паллиативный характер»[12]. Вместе с тем в позиции местных земельных магнатов нельзя было не заметить приверженности к уже привычному строю отношений с крестьянами. Однако свое нежелание радикально решать аграрные проблемы они неуклюже маскировали рассуждениями в духе — «а поймут ли нас крестьяне?».

Подобное поведение вызывало в голосе губернатора и административные нотки: «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы... это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых нет ни подъема доходности земли, ни спокойного владения земельной собственностью». А на выступления князя Святополк-Четвертинского. («Нам нужна рабочая сила человека, нужен физический труд, а не образование, которое ведет к «государственному перевороту, социальной революции и анархии») Столыпин дал резкую отповедь: «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не приведет его к анархии... Распространение сельскохозяйственных знаний зависит от общего образования. Развивайте его по широкой программе... и вы дадите большую обеспеченность землевладельческому классу, самому консервативному в каждой стране»[13]. Для Столыпина крестьянин — хозяин и хранитель земли, он верил в него и доверял ему.

---

11 Черепица В. Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах. С. 12.

12 Там же.

13 Там же.

Работа в сельскохозяйственных комитетах, личный опыт помещика сделали для Столыпина понятными крестьянские нужды. Еще до приезда в Гродно он организовал в Ковно сельскохозяйственное общество (своеобразный кооператив), работа которого вполне оправдала его надежды. Был при обществе и склад сельскохозяйственных орудий, устройство которого особенно увлекало молодого администратора. Эти и другие новшества принес Столыпин и на гродненскую землю. Здесь они получили свое дальнейшие развитие. Впоследствии он очень дорожил этим опытом: «Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужна продолжительная черновая работа... Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать» (из выступления в Думе 10 апреля 1907 года)[14].

В западных губерниях Столыпин вплотную познакомился с национальным вопросом. Еще в Ковно, бывая среди лиц разных сословий, национальностей и конфессий, «он научился, как обращаться с теми и другими, чтобы их удовлетворить, утихомирить ссоры»[15]. Наблюдая за деятельностью чиновников из местного населения, Столыпин не мог не заметить их показной демократизм и явное заигрывание с крестьянами, хотя в реальной жизни все как раз было наоборот. Причиной тому было преобладание среди господствующего сословия польских помещиков. Их отношение к власти Столыпин характеризовал как «вежливое недоверие, корректное, но холодное, с примесью лукавства». Поэтому естественной опорой администрации он считал православных крестьян-белорусов, которые составляли большинство населения Гродненской губернии. Поддержка крестьян-белорусов и недоверие к полякам-дворянам — такой была традиционная политика русского правительства в западных губерниях России. В объединяющем значении православного населения для многонационального государства Столыпина убеждали не теоретические рассуждения, а сама действительность. Впоследствии, незадолго до своей трагической гибели, он первый раз в своей жизни взял отпуск на шесть недель, потому что сердце начинало слабеть, и будучи у себя, в своем имении в Литве, «он составил план управления Россией на десять лет вперед, с тем, чтобы полное отделение Польши от России должно было произойти в 1920 году. Он считал, что Польше должна быть дана самостоятельность. Но это

14 Столыпин П. А. Думские речи. М., 1990. С. 11.

15 Рыбас С. Ю., Тараканова Л. В. Реформатор: Жизнь и смерть Петра Столыпина. С. 39.

был трудный вопрос, потому что часть польских земель принадлежала Австрии, другая часть — Германии и так далее. Так что это замедляло осуществление этого его намерения, но к этому шел»[16]. Этот план предусматривал объединение всех польских земель в одном государстве с учетом его этнографических границ. Вполне естественно, что белорусские и украинские земли Столыпин исключал из этих границ, так как считал их население, вместе с великорусами, триединым русским народом, насильственно разделенным злой волей политиков и превратностями судьбы.

Подтверждая наличие подобного плана в отношении Польши и пограничных территорий, единственный сын Столыпина Аркадий незадолго перед смертью (он умер в 1990 году во Франции и там похоронен) говорил следующее: «Этот план мой шурин, муж моей сестры (Б. И. Бок. — *В. Ч.*), видел в ящике письменного стола моего отца в нашем имении в Литве. Но на следующий день нагрянула государственная комиссия (речь идет о комиссии, созданной по указу императора Николая II для просмотра после смерти Столыпина всех его бумаг, имеющих государственное значение. — *В. Ч.*) и все это увезла, и план этот исчез...»[17].

В Вильно, Ковно и Гродно Петр Аркадьевич познакомился с еврейским вопросом. На переломе XIX и XX веков в Гродно проживало около 80 % евреев. Ограничения против них, вводимые в административном, а не в законодательном порядке, а также рост политического правосознания русского общества, формирование крупного еврейского коммерческого капитала революционизировали еврейство. Вместе с тем поднималась и волна антисемитизма. Еврейская молодежь составляла 70–80 % террористов боевой эсеровской организации. Вся тяжесть ограничений ложилась на плечи среднего и беднейшего еврейства, но это совсем не мешало состоятельным евреям делать карьеру, ворочать крупными капиталами и делать большую политику. Одновременно эти ограничения оборачивались постоянным источником взяточничества для части администрации. У Столыпина не было сомнений, что при всей сложности национально-религиозных противоречий необходимо постепенно уравнять евреев в правах с другими подданными российской империи. Однако сделать это ему не дали ни реакционные дворяне, ни евреи-революционеры. Характерно, что в годы столыпинского губернаторства в Гродно нелегально проходили I съезд еврейской организации ППС

16 Сын об отце // Литературная газета. М., 1989. № 28. С. 15.

17 Там же.

(Польская социалистическая партия) и II съезд еврейских рабочих Польши и Литвы, имели место политические демонстрации под лозунгом «Долой царизм!», в лесу за деревней Пышки отмечался рабочий праздник 1 мая. Однако большого значения этим эпизодическим фактам тогда в городе не придавалось, хотя впоследствии среди покушавшихся на жизнь Столыпина в 1907 г. значилась «мещанка Аделя Габриелевна Коган, отец и сестра ее Ревекка проживали в Гродно, но Адель ускользнула»[18].

И все-таки большая часть времени губернатора уходила на исполнение своих прямых служебных обязанностей. Много сил уходило на изучение приходящей на его имя документации, ведение переписки, участие в молебнах, встречи, приемы высокопоставленных особ. С большой ответственностью он относился к претендентам, которые назначались на государственные посты. С большинством из них он беседовал с целью определения их пригодности к чиновничьей службе. За время нахождения П. А. Столыпина в Гродно им были произведены следующие кадровые перестановки: отставной гвардии Л. П. Мацеевский был утвержден на должность городского старосты г. Соколки, некий Г. В. Андринка получил место канцелярского служителя гродненского уездного полицейского управления, Б. И. Алябьев был утвержден в должности чиновника особых поручений при губернаторе, назначил А. М. Малюкова секретарем губернского статистического комитета, уволил по собственному желанию И. А. Халина с должности слонимского городского головы, назначил в штат гродненского губернского по крестьянским делам присутствия С. С. Понятовского и туда же на должность канцелярского служителя 1-го разряда М. А. Боброва, утвердил в должности помощников сокольского городского старосты А. М. Томашицкого и М. И. Яцкевича, а в должности слонимского городского головы А. А. Полторадского, перевел в штат гродненского присутствия по крестьянским делам канцелярских служащих И. А. Бондарчука и М. П. Трисвятова, зачислил в штат канцелярии гродненского губернатора А. Г. Кушеля канцелярским служащим 3-го разряда. Крупных губернских чиновников губернатор не трогал, доверяя рекомендациям своего предшественника князя Урусова. Что касается рядовых чиновников, то такого рода случаев известно лишь два: в январе 1903 года по представлению Столыпина был уволен смотритель

[18] Рыбас С. Ю., Тараканова Л. В. Реформатор: Жизнь и смерть Петра Столыпина. С. 93.

белостокской окружной лечебницы И. А. Езерный (на его место был назначен М. К. Королев), а в феврале этого же года он уволил смотрителя брестской городской больницы А. Г. Тер-Оганесова (на его место был назначен К. Н. Сонгайло). Не разбрасывался губернатор и благодарностями. Известно лишь несколько случаев благоволения Столыпина к своим подчиненным по службе. Так, присутствуя на открытии двух народных училищ (Лошанского и Деречинского) в Лошанской волости Гродненского уезда он выразил благодарность уездному предводителю дворянства А. А. Ознобишину и мировому посреднику М. В. Пчицкому за их помощь в деле народного просвещения. Кроме этого губернатор объявил благодарность через «Гродненские губернские ведомости»: надзирателю белостокской тюрьмы Герасимчуку («за проявленную им бдительность при нападении на него арестанта Костюковича»), уряднику 4 стана Кобринского уезда И. Литовчику («за розыск похищенной у лесного смотрителя лошади»), членам белостокской полиции («за розыск в лесу вооруженного преступника Конецкого»), полицейскому уряднику Гродненского уезда Шарапову за поиск украденных лошадей и т. д.[19].

Стремясь изучить возможность перехода местных крестьян от шнурового к хуторскому землевладению, что называется «на местах», П. А. Столыпин (в сопровождении члена гродненского губернского по крестьянским делам присутствия В. В. Столярова, инспектора А. Р. Рейпольского, старшего советника губернского правления В. Ф. Филонова, чиновника особых поручений А. К. фон Петерсона) осуществлял с 19 по 28 июля поездку на лошадях по селам и деревням губернии с посещением таких городов и местечек, как Соколка, Белосток, Бельск, Беловеж, Брест, Кобрин, Жабинка, Линево, Пружаны, Барановичи, Слоним, Волковыск. Поездка была нелегкой, но полезной. По возвращении в Гродно Столыпин опубликовал в «Гродненских губернских ведомостях» (от 6 августа 1902 года, № 62) следующее: «Гродненский губернатор объявляет:

1) что Крестьянский поземельный банк оказывает крестьянам содействие к приобретению в собственность земель лишь при условии добровольного согласия владельцев на продажу им сих земель и что при отсутствии желания землевладельца продать свою землю крестьянам ходатайство последних об оказании Крестьянским банком содействия к приобретению земли не может иметь никакого значения.

---

[19] Столыпин П. А. Биохроника. М., 2006. С. 28–39.

2) что расписание, утвержденное 3 декабря 1900 года Министерством финансов по соглашению с Министерствами внутренних дел и земледелия и государственных имуществ, определяет наибольшее количество земли, которое может быть приобретено крестьянами при содействии Крестьянского поземельного банка, не иначе как по взаимному соглашению крестьян с владельцами земли и 3) что прием и рассмотрение заявлений и выдача банком ссуд на покупку земель составляют предмет ведомства отделения банка, куда в случае согласия владельцев на продажу земли крестьянам последним и надлежит обращаться за всеми необходимыми для осуществления сделок сведениями; все же обращения крестьян о содействии к покупке земли без предварительного соглашения с владельцем ее оставляются отделением банка без рассмотрения»[20].

В том же издании 29 октября 1902 года был опубликован губернаторский циркуляр, адресованный городским и уездным полицейским управлениям. В преамбуле к документу говорилось о том, какие меры были приняты Столыпиным по выполнению приговоров судебных постановлений и поручений, адресованных полиции и требующих определенных с их стороны финансовых затрат, после чего следовало распоряжение губернатора: «Вследствие изложенного мною было сделано сношение по сему предмету с департаментом общих дел, который отношением от 25 июля 1902 года за № 21 094 уведомил меня, что Министерство финансов сообщило свое заключение по данному вопросу в таком смысле, что расходы по приведению в исполнение судебных решений, коими на полицию возлагается исполнение обязанностей, требующих денежных затрат, должны быть относимы на остатки от кредитов по смете Министерства внутренних дел, а потому департамент просит сделать распоряжение об отнесении расходов по приведению в исполнение судебных решений на остатки от ассигнованных кредитов по смете Министерства внутренних дел с тем, чтобы в случае взыскания издержанной на указанный предмет суммы в течение действия той именно сметы, из которой произведен этот расход, взысканная сумма зачислялась на восстановление надлежащего кредита, а в случае взыскания ее уже после заключения сметы, таковая сумма была обращена общим порядком в доход казны.

Об означенных результатах по разрешению возникшего по изложенному предмету вопроса, поставляя в известность для

20 Там же.

руководства полицейское управление вверенной мне губернии, предлагаю точно руководствоваться данным указанием, и в случае или неимения в их распоряжении свободных остатков от кредитов, или при недостатке таковых, для приведения в исполнение судебных приговоров, делать о том представления в губернское правление для зависящих распоряжений»[21].

О внимательном отношении губернатора к работе полиции свидетельствует и его циркуляр исправникам Гродненской губернии от 21 января 1903 года: «В последнее время в селах Высочайше вверенной мне губернии стали повторяться очень часто ночные кражи из церквей. Кражи эти являются почти всегда результатом слабого надзора со стороны ночных сельских караулов за неприкосновенностью церквей. Затем из поступающих ко мне ведомостей о происшествиях я усматриваю, что к розыску виновных в святотатствах не принимаются энергичные, своевременные и тактичные меры и что со стороны начальников уездной полиции нет ни личной инициативы в делах розыска виновных по сим преступлениям, ни достаточного надзора за деятельностью приставов и урядников по делам этой категории. Ввиду сего поручаю гг. исправникам:

сделать распоряжение, чтобы сельские ночные караулы несли аккуратно обязанности по охране храмов; затем подтвердить приставам, полицейским урядникам, сотским и десятским, чтобы они всегда наблюдали за выполнением ночными караулами своих обязанностей; 2) поручить приставам, чтобы они принимали энергичные меры к розыску преступников и дознание производили возможно обстоятельнее для выяснения личности совершивших кражу из церкви; 3) лично гг. исправникам наблюдать за ходом дознания по сим делам и заботиться о раскрытии преступников, и 4) о каждой краже из церкви доносить мне немедленно по ее свершении отдельным рапортом с подробным изложением обстоятельств, ее сопровождавших и выяснявшихся при первоначальном производстве дознания.

Я уверен, что гг. исправники отнесутся с серьезностью к сделанным мною указаниям и будут стремиться положить предел кражам из храмов».

Тогда же, в январе, внесено обязательное постановление следующего содержания: «§ 1. Лица, желающие пользоваться общественными весами для взвешивания зернового хлеба, семян, размольных и всякого рода продуктов, товаров и домашних жи-

[21] Там же.

вотных, обязаны уплачивать в пользу города особый сбор по утвержденной таксе. *Примечание.* В уплату сбора за взвешивание выдается квитанция лицом, принявшим таковой, с указанием рода взвешенных продуктов или товаров, их веса и суммы уплаченного сбора. § 2. При уплате сбора за взвешивание не исключается вес помещений, в коих заключаются взвешиваемые продукты и товары. *Примечание.* По желанию лиц, обращающихся за взвешиванием продуктов и товаров, мешки, возы и прочие помещения, в которых производилось взвешивание таковых, взвешиваются вторично, опорожненные безвозмездно для определения чистого веса продуктов и товаров».

В феврале 1903 года П. А. Столыпин издал обязательное постановление «Об установлении времени для убоя скота на городских скотобойнях», а также «Об очистке домовых труб»[22].

Скудность документов, имеющих отношение к гродненскому периоду жизни П. А. Столыпина, не позволяет целостно показать все грани его административной деятельности, но очевидно одно: служба в Принеманском крае способствовала формированию его политического кредо — государственный порядок и мир в стране. И хотя Столыпин пробыл в Гродненской губернии всего девять с небольшим месяцев, в Петербурге успели по достоинству оценить способности молодого губернатора, поручив ему управлять Саратовской губернией, большей по размерам и не подчиненной генерал-губернатору. Учитывалась также традиционно большая степень революционного брожения в Поволжье. Перспектива управлять такой губернией очень привлекала Петра Аркадьевича, а то, что его деятельность в Гродно была оценена, сильно его ободряло. 22 февраля он получил уведомление министра внутренних дел о том, что именным высочайшим указом правительствующему сенату 15 февраля 1903 года ему всемилостивейше «повелено быть Саратовским губернатором с оставлением в придворном звании»[23].

21 марта в 2 часа в Гродненском благородном собрании состоялось прощание П. А. Столыпина со столь полюбившейся ему губернией. На этой церемонии присутствовали представители от всех государственных учреждений, а также духовенства. Епископ Иоаким совершил напутственный молебен, по окончании которого обратился к Петру Аркадьевичу и его супруге Оль-

---

22 Там же.

23 Черепица В. Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах. С. 14.

ге Борисовне с краткой речью. В этой речи епископ Гродненский и Брестский высказал им «свои благожелания, между прочим, отметив такую высокосимпатичную черту непродолжительной административной деятельности Петра Аркадьевича — верность ея основным началам государственного строения в Западном Крае — Православию, Самодержавию и русской народности. Отъезжающих Владыка благословил св. иконой Спасителя»[24].

После выступления вице-губернатора В. Д. Лишина П. А. Столыпин обратился к присутствующим со словами: «Ваше Преосвященство, Ваше Превосходительство, милостивые государыни и милостивые государи! Я слишком взволнован, чтобы в связанной речи выразить вам те чувства, которые в данную минуту наполняют мою душу. Могу сказать только, что пребывание мое здесь, в Гродно, похоже было на прекрасный сон и как сон оно было слишком коротковременным. В короткое время пребывания моего в Гродно я не мог успеть заслужить то почетное внимание, какое оказано мне учреждением стипендии имени жены моей и моего при гродненской женской гимназии. Эти восемь месяцев, которые я вместе с вами жил и работал, — лучшие дни в моей жизни, и, оставляя Гродненскую губернию, моя жена и я уносим с собой самые светлые воспоминания о милом и дорогом нам гродненском обществе.

Позвольте же, господа, выразить всем вам глубокую нашу благодарность за выраженные вами теплые чувства, позвольте пожелать вам всего лучшего. Будьте здоровы, будьте счастливы и не поминайте нас лихом»[25].

Отъезд П. А. Столыпина из Гродно не разорвал навсегда его связей с губернией. С ним в Саратов, а затем и в Петербург, вместе с семейством поехала многочисленная прислуга, корнями своими связанная с принеманским краем. Была среди помощников семьи Столыпиных и упомянутая выше Людмила Останкович. Мы почти ничего не знаем о ней, кроме тех строчек, что запечатлелись в воспоминаниях дочери Столыпина Марии относительно покушения на ее отца (уже министра внутренних дел), совершенного террористами 12 августа 1906 года на даче на Аптекарском острове. Сам Столыпин от взрыва чудом не пострадал, однако среди просителей (он и на даче вел их прием) и служащих потери огромны — 27 человек убитыми, много раненых. Сре-

[24] Гродненские епархиальные ведомости за 1903 год. С. 261.
[25] Столыпин П. А. Биохроника. С. 28–39.

ди них оказались и дети министра — 14 летняя дочь Наталия и сын Аркадий трех лет. В момент взрыва Наташа, Адя и его няня Людмила находились на балконе прямо над подъездом, куда подъехало ландо с террористами в жандармской форме. Взрывом все находившиеся на балконе были выброшены на набережную. Наташа попала под ноги раненых и бесновавшихся от боли лошадей-убийц. Спасти жизнь ребенку удалось с большим трудом. У Ади были раны на голове, перелом ноги и сильное нервное потрясение, несколько дней выражавшееся в криках по ночам: «Падаю, падаю». Няня, стремившаяся прикрыть собой малыша, пострадала сильнее. Как сообщает М. Бок, «она лежала рядом с Адей на земле и безостановочно жалобно, со стоном повторяла: «Ноги, ноги...». Мы ее подняли, переложили на диван, и я, расшнуровав ей ботинок, стала бережно его снимать. Но каков был мой ужас, когда я почувствовала, что нога остается в ботинке, отделяясь от туловища. Положили несчастную девочку (ей всего было семнадцать лет), насколько можно удобнее и вышли...»[26]. Вскоре она умерла. Среди погибших просителей, кроме прочих, значились отставной чиновник из Гродненской губернии М. Т. Вербицкий и крестьянин Ковенской губернии Ф. К. Станилюс, приезжавшие в Петербург со своими делами в расчете на память Столыпина о местах былой службы[27]. Петр Аркадьевич невыносимо тяжело переживал случившееся, косвенно приписывал себе вину за смерть и мучения невинных людей, а потому, как мог, стремился облегчить горе их родным и близким.

Несмотря на то, что в местной печати о трагедии на Аптекарском острове писать было запрещено, гродненцы выражали своему бывшему губернатору искренние соболезнования в связи со случившимся. Поддерживали жители города П. А. Столыпина и в будущем на всех этапах его нелегкой работы. Всего на Столыпина было совершенно одиннадцать покушений. И последнее все же унесло его жизнь. И это при том, что вся его деятельность была направлена на укрепление страны и улучшение жизни народа. Таков был непростой и неблагодарный удел реформатора. Когда в феврале 1907 года председатель Совета министров Столыпин объявил на заседании Государственной думы правительственную программу преобразования в стране по всем направлениям, включая решение земельного вопроса, обеспечение

---

26 Бок (Столыпина) М. П. Воспоминания о моем отце. С. 126.

27 Рыбас С. Ю., Тараканова Л. В. Реформатор: Жизнь и смерть Петра Столыпина. С. 7–9.

свободы личности, укрепление начал веротерпимости и т. д., а его перебили отдельные ретивые думцы возгласами: «Долой! У Вас руки в крови!», ему ничего не оставалось, как выступить вторично с речью, которую он закончил поистине историческими словами: «Не запугаете!»[28]

Эта речь произвела огромное впечатление в России и за границей. Всем стало понятно, что будущее страны покоится на плечах Столыпина. Уж через несколько дней на его имя поступило множество телеграмм, в том числе и от членов Гродненского Софийского православного братства: «С отрадным чувством глубокого нравственного удовлетворения приветствуем исполненное разума и государственного опыта выступление Ваше в Государственной думе с предложениями правительства о мирном законном, во благо Родины выполнении предначертанных Монархом великих преобразований, а также удивительное мужество и твердость, проявленные Вами при отражении в собрании Думы дерзких попыток призыва к мятежному сопротивлению мирной законодательной деятельности и нынешней Думы. Братство крепко верит, что за Вами и с Вами вся трудящаяся спокойная Россия. Братство убеждено, что эти надежды разделяет все русское православное население Гродненской губернии. Да укрепит и сохранит Вас Господь! Подписали: Почетный председатель Братства, Епископ Гродненский и Брестский Михаил и председатель Совета Лебедев». В своей ответной телеграмме Братству П. А. Столыпин сообщал: «Счастлив был задушевному привету из родной Гродненской губернии высоко мною чтимого Братства и любимого Архипастыря»[29].

Выражением глубокого уважения гродненцев к своему бывшему губернатору, а затем и главе российского правительства было решение от 5 октября 1907 года об избрании П. А. Столыпина и его супруги О. Б. Столыпиной почетными членами Гродненского Софийского Православного Братства. Ими тогда же стали гродненцы, прославившие свой город добродетелями и науками: А. Ф. Пигулевский, И. И. Будзилович, Н. Р Диковский, И. И. Остроумов, А. С. Цветков и Е. Ф. Орловский[30].

10 мая 1907 года Столыпин выступил в Думе с речью, в которой были слова, ставшие ключом к реформированию России:

---

28 Там же. С. 97–101.

29 Черепица В. Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней). Ч I. С. 43.

30 Там же.

«Богатство народа создает могущество страны». Аристократ и дворянин Столыпин поворачивал круто в будущее. План его был достаточно прост: государство закупает продаваемые участки земли, затем, давая ссуды через Крестьянский банк, продает в кредит землю крестьянам. Оплату кредита должно было взять на себя государство, все налогоплательщики, т. е. им предлагалась постепенная, кропотливая работа без «волшебных средств». А закончил он свою знаменитую речь поистине пророческими словами: «Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!»[31]

В этих условиях нашли свое отражение не только твердость политической линии Столыпина, но и неустойчивость его положения. Он не верил, что большинство депутатов поймет его. Возможно, что он обращался и к нам. Обращением к потомкам, вероятнее всего, было его выступление при обсуждении в Думе нового избирательного закона, по которому представительство из национальных окраин в законодательном органе значительно сокращалось. Историки не без оснований считают, что этот шаг нельзя признать демократическим, но пускай кто-нибудь скажет, что этот шаг не был шагом подлинного государственника, человека, думавшего о благе не только своей страны, но и каждого ее человека. Столыпин видел в русской национальной идее опору державе, ибо разделял мнение историка С. М. Соловьева, что «Россия больше чем народ — она есть народ, собравший вокруг себя другие народы...Тогдашняя социал-демократия смотрела на эту идею как на помеху своим планам. Столыпин в национальном вопросе занимал особую позицию. Осуждать его за это было бы странным. Одобрять — тоже. Очень существенными в понимании позиции Столыпина могут быть уже упомянутые свидетельства сына реформатора об отцовском проекте изменения границ между некоторыми уездами Холмского края и Гродненской губернии с тем, чтобы «окатоличенные и ополяченные уезды остались в Польше», а «русские» соединились с общерусской стихией». Мера эта имела своей целью «установление национально-государственной границы между Россией и Польшей на случай дарования Царству Польскому автономии»[32]. Как уже отмечалось, полное

---

31 Там же. С. 43–44.

32 Рыбас С. Ю., Тараканова Л. В. Реформатор: Жизнь и смерть Петра Столыпина. С. 116–117.

отделение Польши от империи Столыпин намечал на 1920 год. Что же касается либеральной Думы, то она действовала по плану и, несмотря на возражение правительства, расширила пределы будущей Холмской губернии, включив в ее состав такие местности, где русских (православных) была едва ли треть. Об уступке же Польше уездов Гродненщины депутаты не захотели и говорить. Так что и это свидетельствует о гармоничном слиянии у Столыпина идеи национальной с позицией подлинно государственной.

1909 год стал временем наивысшего взлета, но одновременно и началом заката эпохи Столыпина. Справившись с революционными потрясениями, победив левую оппозицию, Столыпин столкнулся с правой реакцией со стороны ряда влиятельных лиц в Государственном Совете, обвинявших его в опасном либерализме и заигрывании с Думой. Особенно сильное сопротивление Госсовета Столыпин встретил позднее при обсуждении законопроекта о введении земства в западных губерниях. Столыпинский вариант закона, обеспечивавший перевес на выборах русских (православных) кандидатов над поляками (которые составляли 2–3 % населения этих губерний), достаточно легко прошел в Думе, но был отвергнут Госсоветом. Результаты голосования в этой инстанции поразили Столыпина, придававшего огромное значение этому закону, который, по его замыслу, должен был служить прообразом новых государственных и межнациональных отношений. Впервые Петр Аркадьевич не смог сдержать чувств, тотчас уехал и подал прошение об отставке. Впоследствии по просьбе Николая II он вернулся к исполнению своей должности, добившись, однако, выполнения всех своих условий. Это был неслыханный триумф, он победил по всем пунктам (закон о западных земствах без помех приняли уже после смерти Столыпина, значит, ранее его не утвердили из политических соображений). В общественном мнении Петр Аркадьевич превратился в «диктатора». Все силы реформатора были отданы Отечеству. Теперь от него можно было потребовать только одно — жизнь.

Трудно сказать, насколько действенной была поддержка Столыпину со стороны общественных кругов белорусских губерний при обсуждении законопроектов о новой избирательной системе и земствах, но эта поддержка ему оказывалась. Об этом свидетельствует следующий факт. 2 апреля 1909 года в Гродно под председательством епископа Гродненского и Брестского Михаила в присутствии губернатора В. М. Борзенко, члена Государственной думы В. К. Тычинина состоялось собрание представителей православных братств Гродненской губернии

(Софийского из Гродно, Николаевского из Брест-Литовска, Петропавловского из Волковыска, Друскенинского) и местных помещиков по вопросу об увеличении квоты представительства в Думе от русского (православного) населения 9-ти западных губерний. С этой целью решением общего собрания была избрана депутация для поездки в Царское Село в составе епископа Михаила (Ермакова), протоиерея Иоанна (Корчинского), помещика А. Д. Орлова и депутата Думы В. К. Тычинина. Такие же депутации были созданы и в остальных белорусских губерниях. 22 апреля 1909 года они отбыли в Петербург, где приняли участие в совместном предвыборном собрании по вышеуказанному вопросу. 26 апреля депутации от Гродненской и Минской губерний были приняты в Елагинском дворце председателем Совета Министров П. А. Столыпиным, который выступил перед избранниками губерний и пообещал доложить императору «о их желании выразить ему свои чувства». Вечером того же дня состоялось собрание депутаций северо-западных и юго-западных губерний, на котором был составлен текст челобитной на имя императора. Окончательная редакция этого документа была завершена 30 апреля. Тогда же было поручено Архиепископу Виленскому Никандру зачитать ее при встрече с императором Николаем II. 1 мая во время встречи представителей от западных губерний с известным писателем и публицистом из суворинской газеты «Новые времена» М. О. Меньшиковым стало известно, что свое обещание Столыпин сдержал. 2 мая объединенная депутация в составе 39 человек после молебна в Казанском соборе отбыла поездом в Царское Село. Встреча с императором проходила во второй половине дня в Малой библиотеке Дворца. После троекратного «ура» при выходе императора к депутации архиепископ Никандр произнес свою речь, Николай II ответил на нее достаточно кратко: «Я был рад принять сегодня у себя представителей северо-западных и юго-западных губерний. Благодарю Вас искренне, а в вашем лице все население края за его любовь и преданность Престолу и Отечеству. Я приложу все заботы и меры, от меня зависящие, для удовлетворения Вашего ходатайства». Затем флигель-адъютант пригласил всех присутствующих в «специальную залу, где депутации была предложена легкая закуска, чай и вино». По прибытии в Петербург депутация последовала на Елагинский остров к Столыпину, с нетерпением уже ее ожидавшему. Он горячо поздравил всех ее членов за содействие ему в важном государственном деле и выразил надежду на дальнейшее сотрудничество. В конце приема «один из членов гроднен-

ской депутации выразил благодарность Столыпину за твердую политику в отношении русского населения Западного края»[33].

Почему с таким упорством, не считаясь ни с каким риском, боролся Столыпин за реформирование выборов для западных губерний? Опираясь на достижения тогдашней историческо-политической науки и личный опыт, Столыпин считал население упомянутых губерний русским (великороссы, малороссы, белорусы), в этой связи его не могло не удивлять, что в Государственный Совет избирались только поляки, численность которых составляла лишь 2–3 процента. Понимая, что при разрешении этого вопроса трудно рассчитывать на успех, Столыпин считал, что он не вправе быть равнодушным к историческим судьбам русских окраин.

На западе, где Россия держала стратегическую оборону, положение русских отличалось от положения во внутренних губерниях тем, что там русские соперничали (хотя и мирно) с другими народами, преимущественно с поляками. Внутри империи они такого соперничества не испытывали. При столыпинской перемене курса несоответствие демократизации жизни и подчеркнуто аристократически узконациональной практики выборов в западных губерниях бросалось в глаза. Русские (белорусы и малороссы) здесь явно становились людьми «второго сорта», и подобное положение в государственном плане было непродуктивно и даже опасно. Таким образом, Столыпин, ратуя за реформирование выборов, фактически выступал против польских помещиков и аристократии, привычно занимавших ранее места в Госсовете, а это значит, и против дворянского монархического принципа. Вот почему дворянская бюрократия, как русская, так и польская, была первым противником преобразований. Именно она после смерти Столыпина привела страну к Первой мировой войне и последовавшей за ней катастрофе.

Впрочем, обратимся к речи Столыпина 7 мая 1910 года, отразившей не только его теоретические, но и практические познания по истории белорусских, литовских и малоросских (украинских) земель: «Западные губернии, как вам известно, в 14-м столетии представляли из себя сильное литовско-русское государство. В XVIII столетии край этот перешел опять под власть России, с ополяченным и перешедшим в католичество высшим классом населения, с низким классом, порабощенным и угнетенным, но сохранившим вместе со своим духовенством преданность пра-

[33] Гродненские епархиальные ведомости за 1903 год. С. 46.

вославию и России. В эту эпоху русское государство было властно вводить свободно в край русские государственные начала. Мы видим Екатерину Великую, несмотря на всю ее гуманность, водворяющую в крае русских земледельцев, русских должностных людей, вводящую общие учреждения, отменяющую Литовский статут и Магдебургское право. Ясно стремление этой государыни укрепить еще струящиеся в крае русские течения, влив в них новую русскую силу для того, чтобы придать всему краю прежнюю русскую государственную окраску.

Но не так думали ее преемники. Они считали ошибкой государственное воздействие на благоприятное в русском смысле разрешение процесса, которым бродил Западный край в течение столетия, процесса, который заключался в долголетней борьбе начал русско-славянских и польско-латинских. Они считали эту борьбу просто законченной.

Русские люди, которые были поселены в крае, были опять выселены; был восстановлен опять Литовский статут, были восстановлены сеймы, которые выбирали маршалов, судей и всех служилых людей. Но то, что в великодушных помыслах названных государей было актом справедливости, на деле оказалось политическим соблазном. Облегчали польской интеллигенции возможность политической борьбы и думали, что в благодарность за это она от этой борьбы откажется!

Немудрено, господа, что императора Александра Первого ждали крупные разочарования. И действительно, скоро весь край принял вновь польский облик. Как яркий пример я приведу вам превращение старой православной митрополитской церкви в анатомический театр при польском Виленском университете. Везде гнездились заговоры, в воздухе носилась гроза, которая и разразилась после смерти Александра в 1831 году вооруженным восстанием.

Это восстание, господа, открыло глаза русскому правительству. Государь император Николай Павлович вернулся к политике Екатерины Великой. Своей целью он поставил, как писал в рескрипте па имя генерал-губернатора Юго-Западного края: «Вести край сей силой возвышения православия и элементов русских к беспредельному единению с великорусскими губерниями». И далее: «Дотоле не перестанут действовать во исполнение изъясненных видов моих, пока вверенные вам губернии не сольются с остальными частями Империи в одно тело, в одну душу».

Политика в царствование Николая Павловича вращалась вокруг униатского вопроса, что привело к воссоединению униатов

(с православной церковью), вращалась вокруг школьного дела, причем польский университет был перенесен из Вильно в Киев. Местным обывателям не была даже окончательно заграждена возможность поступать на государственную службу; дворянским собраниям было лишь вменено в обязанность принимать на дворянскую службу лиц, беспорочно прослуживших не менее десяти лет на военной или гражданской службе. И мало-помалу, без особой ломки, планы и виды императора начали проходить в жизнь»[34].

Надо отметить, что Столыпин указывает только исторические верхи этого болезненного и до сих пор еще не завершившегося процесса. Но и сами волны истории, приливы и отливы различных тенденций, крайне поучительны для нынешнего смутного времени, когда национальные вопросы в бывших союзных республиках заставляют нас искать ориентиры в решении прошлых конфликтов. Впрочем, не будем забывать столыпинского намерения дать независимость собственно Польше.

«Но, господа, судьбе было угодно, чтобы опыт, единожды уже произведенный после смерти Екатерины Второй, повторился еще раз. По восшествии на престол, император Александр Второй, по врожденному своему великодушию, сделал еще раз попытку привлечь на свою сторону польские элементы Западного края. Вместо того, чтобы продолжать политику проведения русских начал, которые начали уже получать преобладание над польскими стремлениями и влияниями, поставлено было целью эти стремления и влияния обезвредить, сделать их одним из слагаемых государственности в Западном крае. И, тривиально говоря, поляки были попросту еще раз сбиты с толку; поляки никогда не отказывались и не стремились отказаться от своей национальности, какие бы льготы им предоставлены ни были, а льготы эти со своей стороны питали надежды и иллюзии осуществления национального польского стремления — ополячивания края.

... В это время пробудились у поляков все врожденные хорошие и дурные стремления; они проснулись, пробужденные примирительной политикой императора Александра Второго, политикой, которая, как и 30 лет перед этим, окончилась вторым вооруженным восстанием.

Вот, господа, те исторические уроки, которые, я думаю, с достаточной яркостью указывают, что такое государство, как

---

[34] Черепица В. Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней). Ч I. С. 47–49.

Россия, не может и не вправе безнаказанно отказываться от проведения своих исторических задач»[35].

Дальше Столыпин приводил примеры, как в годы революции в Западном крае столкновения на национальной почве приводили к попыткам насильственно сменить всех православных волостных должностных лиц, школьных учителей. В Северо-Западном крае римско-католический епископ Рооп заменял ксендзов-литовцев и белорусов ксендзами-поляками, призывал к формированию воинских частей из местных обывателей по религиозному принципу и т. д. На польских съездах провозглашалось, что польская культура выше русской и что поляки имеют здесь особое положение.

Столыпин открыто призвал к защите русских государственных интересов: «Необходимо дать простор местной самодеятельности, поставить государственные грани для защиты русского элемента, который иначе неминуемо будет оттеснен». Для решения этого вопроса он предложил создать национальные избирательные курии, русскую и польскую. Через неделю в краткой речи в Думе Столыпин снова возвращается к этой теме и подчеркивает, что больше всего боится «равнодушия закона к русским». Законопроект был принят со значительными поправками, но сохранился принцип курий и понижение имущественного ценза[36].

Как ни странно, спустя восемьдесят лет в наши дни русские в прибалтийских республиках тоже требуют для защиты своих интересов создания отдельных избирательных курий. Это, бесспорно, свидетельствует, что в понимании национальной государственной идеи наше общество не продвинулось никуда дальше прошлого.

Справедливости ради необходимо заметить, что земства западных губерний сделали по сравнению со старыми распорядительными комитетами во много раз больше. Это стало особенно очевидным в годы Первой мировой войны. Как говорил Столыпин: «Пусть из-за боязни идти своим русским твердым путем не остановится развитие богатого прекрасного края». И далее: «Я знаю, что отказ от мечты о западном земстве — это печальный звон об отказе Петербурга в опасную минуту от поддержки тех, кто преемственно стоял и стоит за сохранение Западной России Русской»[37].

---

35 Рыбас С. Ю., Тараканова Л. В. Реформатор: Жизнь и смерть Петра Столыпина. С. 182–185.

36 Там же. С. 185–187.

37 Черепица В. Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах. С. 22.

Читая речи и выступления Столыпина, имеющие отношение к Гродненщине, нельзя не заметить их значительной близости с идеями видного философа и публициста Ивана Лукьяновича Солоневича (1891–1953), чьи труды со значительным опозданием, лишь сегодня возвращаются к нам. Кроме всего, в его трудах и воспоминаниях имеются интересные сведения, касающиеся данной темы: «Мой отец, в детстве свинопас, потом народный учитель, потом статистический чиновник в Гродно, потом редактор «Гродненских губернских ведомостей» при П. А. Столыпине, потом издатель газеты «Северо-Западная жизнь» на деньги того же П. А. Столыпина, тогда уже премьер-министра. Мой политический опыт начинается с 1910 года, то есть лет с восемнадцати. Именно этот опыт, столыпинский опыт, определяет и сейчас мое мировоззрение и мою политическую тактику.

Политическая расстановка сил в довоенной Белоруссии (до Первой мировой войны. — *В. Ч.*) складывалась так. Край, сравнительно недавно присоединенный к империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика, русского там не было ничего. Наше белорусское дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык своего народа, и интересы России. Тышкевичи, Мицкевичи и Сенкевичи — они все примерно такие же белорусы, как и я. Но они продались. Народ остался без правящего слоя. Без интеллигенции, без буржуазии, без аристократии, даже без пролетариата и без ремесленников. Выход в культурные верхи был начисто заперт польским дворянством. Граф Муравьев не только вешал. Он раскрыл белорусскому мужику дорогу хотя бы в низшие слои интеллигенции. Наша газета («Северо-Западная жизнь», затем переименованная в «Белорусскую жизнь». — *В. Ч.*) опиралась и на эту интеллигенцию, на тогдашних народных учителей, волостных писарей, сельских священников, врачей, низшее чиновничество... Это масса была настроена революционно... Было очень трудно доказать читателям Чернышевского, Добролюбова... и Милюкова тот совершенно очевидный факт, что ежели монархия отступит, то их, этих читателей, съедят...

Вот губернатор. Он обязан поддерживать русского мужика против польского помещика. Но сам-то он — помещик. И поместный пан Заглоба ему все-таки ближе белорусского мужика. У пана Заглобы изысканные манеры, сорокалетнее венгерское и соответствующий палац, в котором он с изысканной умильностью принимает представителя имперской власти. Губернатору приходится идти или против нации, или против класса. Петербург давил в пользу нации. Все местные отношения давили

в пользу класса. Польский Виленский земельный банк с его лозунгом «Ни пяди земли холопу» запирал для крестьянства даже тот выход, который оставался в остальной России. Белорусское крестьянство эмигрировало в Америку. Вы подумайте только: русский мужик, который сквозь века и века самого жесткого, самого беспощадного угнетения донес до Империи свое православие и свое национальное сознание он мужик, вынужден нынче бросать свои родные поля только потому, что еврейство (неравноправное еврейство!) и Польша (побежденная Польша!) не давали ему никакой возможности жить на его тысячелетней родине. И еще потому, что губернаторы были слишком бездарны и глупы, чтобы организовать или землеустройство, или переселение. На просторах Российской Империи для этого мужика места не нашлось»[38].

Сравнивая деятельность Столыпина в бытность его гродненским губернатором и «отцов губернии», метко охарактеризованных Иваном Солоневичем в упомянутом отрывке, можно со всей определенностью утверждать, что Петр Аркадьевич был последним государственным человеком правящего слоя в тогдашней России, с болью в сердце относившимся к прошлому, настоящему и будущему белорусского и украинского народа.

Покушение на П. А. Столыпина в Киеве и его смерть 5 сентября 1911 года буквально потрясла всю Россию. Несмотря на резко полярные характеристики его деятельности на высших государственных должностях, тогдашнее общественное мнение было единодушно в одном: страна потеряла, несомненно, крупного государственного деятеля, который видел гораздо больше и глубже, чем все те, кто олицетворял тогда старую дворянскую Россию, с которой тысячью нитей был связан и он сам. Эту Россию Столыпин пытался приспособить к новым временам. Трагическая смерть помешала ему это сделать. Многочисленные гродненцы в ту пору искренне скорбели по случаю его безвременной смерти. Один из них, В. К. Стукалич, выступил 24 сентября 1911 года в Витебске на торжественном заседании, посвященном памяти П. А. Столыпина и приуроченном к 20-му дню его кончины, с содержательным докладом, в котором нашла свое освещение его многосторонняя деятельность.

Прежде чем перейти к анализу его содержания, следует отметить, что Владимир Казимирович Стукалич являлся выпускником Петербургского университета, много лет проработал налоговым

[38] Солоневич И. Л. Белая империя. М., 1997. С. 275–277.

инспектором в Слониме, Гродно и Витебске. В описываемое время был одним из известнейших историков и краеведов Беларуси. Он был лично знаком с П. А. Столыпиным в период службы последнего на посту гродненского губернатора. Это обстоятельство позволило докладчику достаточно ярко обрисовать образ Столыпина «как человека с великой верой в бога и Россию»[39].

По мнению В. К. Стукалича, П. А. Столыпин принадлежал к людям крупных дарований, он обладал крепкой волей и великим даром красноречия; его прекрасной внешности и мощной фигуре соответствовало «богатое внутреннее содержание». Дав детальный анализ всех сторон аграрной реформы П. А. Столыпина, докладчик констатировал: «Можно смело утверждать, что Россия после освобождения крестьян от крепостной зависимости не видела такого расцвета в области крестьянского законодательства, как в эпоху этого реформатора». Много внимания в своем докладе В. К. Стукалич уделил связям председателя правительства с белорусским губернатором. По его мнению, «Столыпин один вынес на своих плечах издание закона от 13 июня 1907 года, значительно усилившего представительство белорусских крестьян в государственном строительстве, а также указ от 14 марта 1911 года в шести западных земских учреждениях: такое глубокое внимание главы правительства к неотложным нуждам Беларуси Стукалич объяснял тем, что «почивший был близок к ним уже тем, что практически сам являлся уроженцем этого края, так как с раннего детства проживал в Литве, здесь он получил первоначальное образование (в Виленской гимназии), здесь он губернаторствовал, сюда он приезжал для отдыха из Петербурга в свое имение, находившееся в Ковенской губернии»[40].

Отметил выступавший и другие стороны всеобъемлющей деятельности почившего премьер-министра. В заключение же своего доклада он сказал: «Все мы видели, с какой широтой мысли и с каким талантом Столыпин решился обеспечить гражданам России мир, порядок, собственность и возможность обеспечить своим трудом себе безбедное существование..., а потому нам нельзя допустить того, чтобы мученическая кровь его пошла на пользу врагам России... Наша задача — лишить террористов этих стимулов, облить их ядом презрения и выйти из состояния преступного равнодушия, противопоставив коварной силе вра-

---

39 Черепица В. Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах. С. 32.

40 Там же.

гов сплоченность честных людей»[41]. Яркая речь В. К. Стукалича, проникнутая искренним патриотическим чувством, была завершена дружными аплодисментами слушателей.

Огромный интерес участников собрания вызывало и выступление очевидца покушения на П. А. Столыпина — Всеволода Антоновича Кадыгробова — прокурора Гродненского окружного суда и председателя Гродненского церковно-археологического комитета. Он, в частности, отмечал, что его «личное впечатление от встреч с П. А. Столыпиным осталось неизгладимым. И неудивительно. Этот выдающийся человек, мощь которого высказывалась во всем, сразу же располагал к себе каждого соприкасающегося с ним». Несправедливыми считал докладчик имевшие место обвинения в адрес главы правительства в т. н. узком национализме. Напротив, это был человек всеобъемлющего ума и широких взглядов, что хорошо подтверждается словами Столыпина, сказанными им при приеме в Киеве делегации западных губерний. Отметив вклад ее членов в поддержку законодательства о земельном самоуправлении, он, в частности, подчеркнул: «Я счастлив лично поблагодарить вас, впервые вдохнувших жизнь не племенной (национальной. — *В. Ч.*) ненависти и политической вражды, а делом земского, т. е. государственного устроения»[42].

Далее докладчик в своих воспоминаниях пришел к событиям, разыгравшимся в Киеве. По его словам, Столыпин чуждался охраны и мало заботился о своей безопасности. Обрисовав атмосферу Киевского театра в преддверии долгожданного появления в почетной ложе императора Николая II, Кадыгробов перешел к мысли о том, что до этой минуты «даже среди самого высокопоставленного и изысканного общества Столыпин выделялся своей осанкой, фигурой, в которой как бы воплощалась та великая государственная идея, носителем которой был этот доблестный кормчий державного корабля — высокий, широкоплечий, спокойный, джентльмен с головы до ног...». Затем Кадыгробов рассказал о том подъеме, который пережил зал, когда в театре появился царь, о тех возвышенных чувствах, которые рождало дивное исполнение оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» — «сказки, которая вскоре в антракте омрачи-

---

41 Сахаров С. П. Торжественное заседание Витебской Ученой Архивной Комиссии 24 сентября 1911 г., посвященное памяти П. А. Столыпина. Витебск, 1911. С. 3–9.

42 Черепица В. Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах. С. 33.

лась потрясающей драмой...». Далее он передал слушателям тот неописуемый ужас, который охватил весь театр, «когда раздались предательские выстрелы и когда все очевидцы покушения как бы оцепенели на мгновенье, не отдавая себе полного отчета в том, что произошло...

Хотелось думать, что злодей промахнулся, что свершилось чудо... Потом Столыпина увезли в больницу; преступника допрашивали в буфете... И все это время у всех на устах был один тревожный вопрос — выживет ли раненый, но никто на этот вопрос ответить не мог. Было известно одно: ранение очень серьезное и произошло сильное кровоизлияние»[43]. Несколько капель этой крови В. А. Кадыгробов привез для местного музея, вытерев своим носовым платком часть кровяных сгустков на кресле, на которое опустился смертельно раненный П. А. Столыпин. Сюда же докладчик передал программу спектакля, а также ряд пригласительных билетов и пропусков, полученных им во время киевских торжеств, столь неожиданно обернувшихся трагедией.

Свой интересный доклад-воспоминание автор закончил предложением к собравшимся выразить двумя телеграммами соболезнования вдове покойного О. Б. Столыпиной и его брату А. А. Столыпину. Предложение это было принято единодушно. После переезда в Гродно В. А. Кадыгробов неоднократно выступал со своими воспоминаниями о Столыпине перед членами городского Софийского православного братства и церковно-археологического комитета, возглавляемого им вплоть до начала оккупации Гродно кайзеровскими войсками в годы Первой мировой войны.

По инициативе В. А. Кадыгробова в городе и губернии происходил также сбор средств на сооружение памятника бывшему гродненскому губернатору.

Имя Петра Аркадьевича Столыпина — великого реформатора, а в 1902–1903 годах — гродненского губернатора, еще при жизни было легендарным. О его уме, деловитости, стойкости и мужестве, говорили не только в правительственных сферах, но и в народных низах. Одна из легенд, отражающая любовь и привязанность Столыпина к городу над Неманом, жива и поныне. Местные старожилы из поколения в поколение передают твердое убеждение, что если бы не бывший гродненский губернатор, то вряд ли нынешний гродненский Свято-Покровский со-

[43] Сахаров С. П. Торжественное заседание Витебской Ученой Архивной Комиссии 24 сентября 1911 г. С. 9–16.

бор находился бы на том месте, где он ныне находится. Именно об этом месте для строительства храма ходатайствовали перед городскими властями члены Гродненского Софийского православного братства, всесторонне обосновывая правильность своего выбора. Но этому решению братчиков чинили всячески препятствия высокопоставленные чиновники, ссылавшиеся на неопределенную позицию в этом вопросе Святейшего Синода. В этой ситуации инициаторы строительства в городе новой церкви вынуждены были обратиться к Петру Столыпину, и он оказался первым, кто не на словах, а на деле поддержал гродненцев: за предельно короткий срок Свято-Покровский храм-памятник уже в 1909 году поднялся ввысь всеми своими куполами как выражение молитвенной памяти горожан о воинах местного гарнизона, павших на полях Маньчжурии в годы русско-японской войны.

Другая легенда имеет отношение к памятнику Столыпину в Гродно. Известно, что в течение первых месяцев после гибели главы правительства по всей России начался по подписке сбор средств на строительство памятников ему в нескольких городах страны. По свидетельству дочери убитого Марии Бок, «уже через год после кончины моего отца ему были воздвигнуты памятники в Киеве (месте убиения. — *В. Ч.*), Гродно и Самаре (городах, где Столыпин был губернатором. — *В. Ч.*)»[44]. К сожалению, других документальных подтверждений существования памятника великому реформатору в Гродно долгое время обнаружить не удавалось. И лишь в начале февраля 2002 года в рукописной «Летописи Софийского собора в гор. Гродно», хранящейся в библиотеке Жировичского Свято-Успенского мужского монастыря, мною была обнаружена запись, подтверждающая факт открытия в городе над Неманом памятника бывшему губернатору. А вообще в этом интереснейшем документе имя П. А. Столыпина упоминается дважды. Первый раз в связи с его кончиной — «6 сентября 1911 года, в 12 часов дня, Преосвященный Епископ Владимир Белостокский совершил в Софийском соборе панихиду по убитому в Киевском театре Председателе Совета Министров Петре Аркадьевиче Столыпине (бывшем гродненском губернаторе)». И во второй раз в связи с интересующим нас вопросом — «15 июня 1914 года (воскресенье) в Софийском соборе торжественно совершена Архиепископом Михаилом Божественная литургия, а затем крестный ход к Свято-Александровской церкви, у которой была

[44] Бок (Столыпина) М. П. Воспоминания о моем отце. С. 225.

совершена панихида по бывшем Председателе Совета Министров Петре Аркадьевиче Столыпине. После сего состоялось открытие ему памятника в сквере с северной стороны Свято-Александро-Невской церкви»[45].

Настоящая запись достаточно убедительно опровергает сведения о том, что памятник Столыпину (небольшой бюст) был установлен сразу же после смерти его (в конце 1911 — начале 1912 года) рядом с губернаторским дворцом. Существовало также мнение о возможном нахождении бюста-памятника в вестибюле дворца. Теперь благодаря «Летописи Софийского собора» нам известны и время, и место открытия памятника великому реформатору. Остается пока загадкой — кто был создателем памятника, как он выглядел, кем осуществлялся сбор пожертвований на его сооружение и т. д.? Многое здесь смогли бы «сказать» публикации об этом на страницах «Гродненских губернских ведомостей» и «Гродненских епархиальных ведомостей», но, как нарочно, этих номеров в подшивках газет не оказалось. Долго не попадались сведения об открытии памятника бывшему гродненскому губернатору и в местных архивах. Были бедны информацией и воспоминания гродненских старожилов о событиях того времени. Не исключено, что последнее связано с тревожной предвоенной атмосферой в Гродно. Ведь до начала Первой мировой войны со времени открытия памятника оставалось не более месяца. Кроме того, в сентябре 1915 года в ходе боев у стен города кайзеровские войска в результате артиллерийского обстрела и бомбардировок с воздуха разрушили и сожгли дворец Тизенгауза (губернаторский дом). Возможно, пострадала и территория рядом с ним. Все это, несомненно, не могло не воздействовать на прочность запечатления и самого памятника Столыпину в глазах и памяти горожан. Еще в начале 1960-х годов некоторые из них упоминали не только о существовании самого памятника, но и о его печальной судьбе. В частности, утверждалось, что, как только немецкие войска вошли в город, они демонтировали памятник и отправили в Германию в качестве боевого трофея. Другие старожилы уничтожение памятника Столыпину в Гродно увязывали с традиционной жадностью захватчиков, с первых же дней оккупации города начавших вывозить в Германию все подряд, включая и цветные металлы (есть сведения, что бюст был изготовлен из бронзы).

---

[45] Черепица В. Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах. С. 32–36, 232, 236.

Так это было или нет, мы пока не знаем, но есть надежда, что со временем все былое обретет для любознательных потомков свою необходимую завершенность. Поиски, однако, не затянулись. Спустя неделю после обнаружения «Летописи» со сведениями об открытии памятника Столыпину в Гродно, ко мне в руки попало пухлое дело с перепиской гродненского губернатора о всевозможных сборах пожертвований (на храм в Петербурге в честь 300-летия Дома Романовых, на поддержку экспедиции Г. Я. Седова на Северный полюс, на усиление военно-воздушного флота России и т. д.), включая 180 листов текста, касающегося вопросов, связанных с увековечением памяти Столыпина[46].

Впрочем, повествование об этом начнем с соблюдения необходимой последовательности. Покушение на П. А. Столыпина в Киеве и его смерть 5 сентября 1911 года буквально потрясли Россию. Многие гродненцы в ту пору искренне скорбели по поводу гибели великого реформатора. И уже 19 сентября того же года гродненский губернатор В. М. Борзенко обратился к местному предводителю дворянства А. И. Ушакову с посланием, в котором, в частности, говорилось: «Среди чиновников различных ведомств и жителей города Гродно возникла мысль о сооружении памятника-бюста безвременно погибшему от руки злодея статс-секретарю Петру Аркадьевичу Столыпину в городе Гродно на площади против губернаторского дома, в котором Петр Аркадьевич жил, будучи гродненским губернатором. Образовав вследствие сего Особый под моим представительством комитет по сбору пожертвований с вышеозначенной целью и сообщая об этом Вашему высокородию, имею честь просить войти в число членов означенного комитета, а также не отказать в своем содействии к успешному сбору пожертвований...»[47].

По инициативе членов Особого комитета уже 27 сентября вся информация о порядке его работы ушла по инстанциям. Но буквально через месяц, 18 октября, губернатор был вынужден признать, что «мысль об увековечении памяти незабвенного П. А. Столыпина, в осуществлении своем представившей значительные затруднения (вероятно, речь шла о тайных происках врагов реформатора в Петербурге, не желавших прославления даже ушедшего из жизни премьера. — *В. Ч.*), а потому считаю своим долгом просить... временно прекратить начавшуюся кампанию,

---

46 Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 92. Оп. 1. Д. 67.

47 Там же. Л. 36.

предложив вместе с тем лицам, уже внесшим пожертвования, обратить их на учреждение стипендии имени П. А. Столыпина в учебных заведениях Гродненской губернии...»[48].

Судя по всему, борьба за место Столыпина в истории изначально принимала ожесточенные формы: в Петербурге активизировались сторонники реформ, кроме того, выяснилось, что стипендия имени супругов Столыпиных уже была учреждена в Гродненской губернии еще в 1903 году, т. е. сразу после отъезда Петра Аркадьевича в Саратов. Наконец, 13 февраля в Гродно пришло из Петербурга известие, что «постановка памятника Столыпину в г. Гродно разрешена»[49].

Следует заметить, что сбор денег на памятник осуществлялся как через квитанционные книжки, так и посредством традиционных подписных листов. Все собранные деньги ответственными за это лицами направлялись на адрес губернатора В. М. Борзенко. Первый свой вклад в благородное дело в размере 25 рублей внес 25 февраля 1912 года предводитель уездного дворянства А. И. Ушаков, получивший за это искреннюю благодарность председателя Особого комитета. Вскоре такую же сумму прислал из Петербурга кавалерийский генерал К. К. Штардман. А уже 29 июня 1912 года в комитет по установке памятника поступила первая крупная сумма денег — 284 рубля 78 копеек, в сборе которой принимали участие не только знатные особы (Г. И. Александрович, С. И. Корецкий, Т. А. О'Бриен де Ласси, П. А. Писарев, С. Н. Павлюкевич, И. М. Корицкий, М. В. Турцевич, О. В. Ширма, Н. А. Бюффонов, А. Е. Курлов, М. Е. Богданович, А. Ф. Братцен, И. Батраков, П. Громов, М. И. Левкович, К. М. Шульгин, В. А. Тимонович, Ф. Ф. Авдеевич, И. Гофунг, М. А. Деконская, Л. Лупепский и др.), но и чиновники, представители духовенства, военнослужащие, рабочие и крестьяне. Среди последних особенную активность проявили жители Мало-Берестовицкой, Крынской, Голынской, Лашанской, Индурской, Горницкой, Соболянской, Берштовской и Озерской волостей. Второй крупный взнос был внесен в конце августа 1912 года в размере 161 рубль 58 копеек. В результате общей суммы пожертвований гродненцев — 446 рублей 36 копеек — оказалось вполне достаточно для выполнения всех необходимых работ по изготовлению памятника[50].

---

48 Там же. Л. 38.

49 Там же. Л. 44.

50 Черепица В. Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах. С. 38.

В материалах Национального исторического архива г. Гродно среди лиц, первыми откликнувшихся на сбор средств для увековечения памяти П. А. Столыпина, упомянуты следующие имена: священники В. Жиромский, С. Кречетов, псаломщик К. Корнелюк, церковный староста С. Леончук, волостной писарь Н. Грико, волостные старшины И. Крюк, М. Домбровский, пунктовой стражник П. Карпуть. Крестьяне, как правило, своих фамилий в подписных листах не указывали, их заменяла стандартная запись «от лица, пожелавшего остаться не известным». Мотивы этого в полной мере еще не выяснены, но на квитанциях в подписных листах имена крестьян все же остались зафиксированными. Именно они, в первую очередь, и верили в П. А. Столыпина-инициатора аграрных преобразований в стране, доверяли ему и откровенно его жалели. Остается только назвать их имена: И. Костюкевич, С. Садовничий, С. Авдейчик, Ф. Шакоць, Ф. Колесник, Ф. Авдейчик, А. Сковко, М. Новик, И. Вашкевич, М. Нелепко, В. Казакевич, В. Якубчик, Г. Ермоловский, Ф. Солоневич, М. Хашота, В. Колесник, А Леончук, М. Адамчук, В. Бондарик, К. Лашевич, М. Соловей, И. Кузьма, К. Ермолик, Я. Панасевич, Ф. Шукайло и др. Среди населенных пунктов упоминаются чаще всего деревни Жукевичи, Каменка, Алекшицы, Падбагонники, Голынка, Индура, Озеры, М. Берестовица, Горница, Лаша и др. В большинстве из них П. А. Столыпин сумел побывать, что не могло не вызвать потребность местных крестьян откликнуться на добрый почин[51].

В процессе работы над книгой «Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны» ко мне в руки попал интересный документ, также подтверждавший уважительное отношение гродненцев к памяти о своем бывшем губернаторе. Осенью 1915 года, будучи уже в эвакуации в г. Калуге, они, узнав о разрушении в Гродно памятника П. А. Столыпину, активно занялись сбором пожертвований на его скорейшее восстановление. Вышеупомянутый документ оказался «Квитанционной книжкой Гродненского губернского комитета по сбору пожертвований на восстановление памятника бывшему гродненскому губернатору П. А. Столыпину в г. Гродно». В этой книжке значилось имя чиновника, осуществлявшего сбор пожертвований, — Николай Михайлович Федорук, помощник акцизного надзирателя[52].

---

51 Там же.

52 Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны. Минск, 2009. С. 519.

К сожалению, в силу разных причин сделать это долгое время не удавалось. Однако память о П. А. Столыпине на Гродненщине не угасла. В сентябре 2011 года в Гродно прошли торжества, посвященные 210-летию Гродненской губернии, а также «круглый стол» «П. А. Столыпин — гродненский губернатор и реформист России». Логическим завершением юбилейных мероприятий стало открытие в городе мемориальной доски человеку, оставившему заметный след как в истории Гродненщины, так и России.

М. В. ЗАБЛОЦКАЯ

ИДЕИ «ЗАПАДНОРУССИЗМА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Среди основных проблем белорусской этнографической науки и общей истории одно из важнейших мест занимает проблема происхождения белорусской народности.

В XVIII веке после воссоединения Беларуси с Россией обширные материалы по истории восточных славян, в том числе и белорусов, были собраны и обработаны в трудах М. С. Ломоносова, М. И. Щербатова, В. Н. Татищева. Однако исследования основных этноопределяющих признаков часто носили исключительно политический характер с целью доказать законность государственного присоединения белорусских земель к Российской империи. Гораздо меньше внимания было уделено особенностям этнической истории белорусов, их многовековой борьбе за свою самостоятельность. И в этом нет ничего удивительного. Беларусь, ее история, быт, пространство и границы, характерные особенности белорусской народности, отличный исторический менталитет вплоть до середины XIX столетия оставались темными вопросами для русского общественного сознания. Да и сам белорусский край рассматривался не как отдельная, исторически сложившаяся этническая единица, а как часть более широкого региона, именовавшегося «Губернии, от Польши возвращенные», «Западный край», «Западная Россия», «Западная Русь», «Северо-Западный край», «Литовско-Русское государство»[1],

[1] Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 17.

а этноним «белорусы» вплоть до конца XIX века не приобрел общенационального содержания. «Народ и страна без прошлого и будущего...»[2], — господствующее мнение правительственных кругов империи в отношении белорусского народа. Такое положение дел было обусловлено рядом факторов.

Во-первых, сосуществовали различные точки зрения по вопросу национальной принадлежности белорусов. Так, польские этнографы записывали белорусов в провинциальную разновидность польской нации, наряду с мазурами и малополяками, утверждая, что «белорус» и «литовец» — это крестные имена при общей фамилии «поляк». Еще в январе 1918 года поляки заявляли: «Земля Белоруссии — достояние польского народа»[3]. Некоторые литовско-латышские публицисты, в свою очередь, заявляли, что «белорусы — славянизированные литовцы»[4]. В русской литературе и правящей сфере второй половины XIX века вопрос о существовании белорусской народности вообще ставился под сомнение. В самом начале своей «Истории белорусской этнографии» известный русский литературовед А. П. Пыпин писал: «Может быть поставлен вопрос, следует ли трактовать отдельно материал, относящийся к этой западной отрасли русского племени. Существует ли вообще белорусская народность...»[5]. Знакомство с Беларусью, по выражению литературного критика, государственного чиновника И. С. Аксакова, представляло собой «что-то в роде Колумбова открытия Нового Света»[6]. Насколько смутное представление русское образованное общество первой половины XIX века имело о Западном крае, говорят путевые заметки ученого академика В. М. Севергина. Проезжая по Беларуси в 1803 году, встречая православные церкви и присутствуя на службах, он считал православных белорусов «схизматиками» и удивлялся схожести богослужения в местных храмах с «греко-российским»[7].

Во-вторых, значительную роль сыграло многовековое разделение населения Северо-Западного края по вероисповеданию. По данным переписи населения 1897 года, численное отношение

---

2 Стукалич В. К. Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1910. С. 4.

3 Витебский областной краеведческий музей. КП 7294 (2) 13. Л. 4.

4 Сапунов А. П. Белоруссия и белорусы. Витебск, 1910. С. 1–3.

5 Витебский областной краеведческий музей. КП 7294 (2) 13. Л. 5.

6 Сапунов А. П. Исторический очерк Витебской Белоруссии. Витебск, 1911. С. 1.

7 Там же. С. 2.

католиков и православных составляло три к одному[8]. Несомненно, последствия религиозного дуализма сказывались на политической и культурной жизни белорусского народа. Православная церковь и католический костел не признавали белорусов как народ, а исходили из того, что православные — это русские, а католики — поляки.

В-третьих, процесс формирования белорусской нации сдерживался общим направлением политики правительства Российской империи. Русская, как и польская, общественно-политическая жизнь не воспринимала существование белорусов как самостоятельного этноса, а в общественной мысли Беларуси второй половины XIX века доминировали идеи западноруссизма — идеологической доктрины, отрицавшей самостоятельное существование белорусского народа как самостоятельного этноса, рассматривавшей белорусов в качестве части большого единого русского народа, приравнивавшей белорусский язык к наречию русского[9]. С начала своего существования западноруссизм представлял собой большой комплекс понятий, нежели просто школу исторической науки. Этому в немалой степени способствовала активная поддержка со стороны правительства и православной церкви.

Задачей данной статьи является исследование западнорусского направления общественной мысли Беларуси конца XIX — начала XX века, на примере творчества витебских ученых А. П. Сапунова и В. К. Стукалича.

Отметим, что формирование западноруссизма в 30–50-х годах XIX столетия происходило в борьбе двух лагерей. Результаты этой борьбы должны были определить принадлежность территории и населения белорусских земель либо к Речи Посполитой, либо к Российской империи. Представители первого лагеря связывали исторические судьбы белорусского народа с польской культурой. Их выводы о польской идентичности Беларуси определялись не только ее принадлежностью к бывшей Речи Посполитой. Местная элита — дворянство, католическая элита и интеллигенция состояли в основном из поляков и ополяченных белорусов и литовцев. Насчитывая не более 6 % населения западных губерний, польское меньшинство, тем не менее, занимало

---

8 Национальный государственный исторический архив в г. Гродно. Ф. 366. Гродненское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 126. Л. 1426.

9 Лавринович Д. С. Деятельность конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905–1918 гг.). Могилев, 2009. С. 199.

доминирующие позиции в крае[10]. Утратив политическую власть в 1772–1795 годах, помещики и часть шляхты в течение большей половины XIX века имели привилегированный статус дворянства и в Российской империи, сохранив тем самым социально-экономическое и культурное господство над белорусским и малороссийским населением во всех сферах политической жизни: религиозной, административной, просветительской, социальной и общественной. Представители второго лагеря видели будущее Беларуси в составе восточнославянских народов во главе с Россией и поэтому объявляли борьбу с польским влиянием извечной необходимостью. «По всей западной стране, так называемых литовских губерний, — писал М. Коялович, — с давних времен происходила и происходит <...> народная борьба <...> здешнего белорусского элемента с пришлым элементом польским»[11]. В условиях враждебного отношения польской среды ко всему русскому, власти империи позаботились о создании целого комплекса мер административно-полицейского и охранительно-идеологического характера, направленных на «восстановление русской народности и поруганной православной веры» в крае[12]. Представители правительственного лагеря и Святейшего Синода настойчиво доказывали, что «западный край» есть край русский, — «совращенный узурпаторами-поляками». В деле вытеснения польской культуры из Беларуси были предприняты экономические и политические меры: кадровые перестановки, насаждение русского землевладения, располячивание католической церкви. Под особым контролем находилась печать. Был установлен административный надзор за учебными заведениями, типографиями. Русское влияние стало выражаться в архитектуре. Административные здания, жилые дома, храмы строились в стиле русского классицизма. Деятели западноруссизма, не отрицая белорусского языка как орудия художественного творчества, прежде всего близкого к фольклору народной литературы, полагали, что языком науки

---

10 Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX — начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.): Материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 199–200.

11 Спадчына. 1898–1996. 1992.№ 1. С. 31.

12 Карев Д. В. Западноруссизм и его представители в белорусской историографии пореформенного периода (к проблеме влияния политики на историческую идеологию) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя, філасофія, паліталогія і сацыялогія, псіхалогія, правазнаўства, філалогія: навукова-тэарэтычны часопіс. 2009. № 2. С. 92, 94.

и высокой культуры на всем восточнославянском пространстве должен быть общерусский литературный язык.

В переориентировании исторического сознания населения Беларуси чиновники пошли на открытие в западных губерниях исторических центров археографического и краеведческого характера, в обязанность которых вменялось «через историю» способствовать возвращению «исконно-русской природы» края к первоначальной утраченной чистоте «русского характера»[13].

Среди таких научных учреждений на первое место следует поставить Виленскую археографическую комиссию. Необходимо также отметить деятельность Витебского центрального архива древних актов. Архивариусы Витебского хранилища документов А. М. Сазонов, А. П. Сапунов, Д. И. Довгяло были хорошо подготовлены к исследовательской работе, знали и любили свое дело. Наиболее масштабным предприятием сотрудников архива стало издание серийной публикации под названием «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном Витебском архиве». Это издание включало историческую документацию о социально-экономической истории Восточной Белоруссии XVII–XVIII веков главным образом по истории городов этого района (Полоцка, Витебска, Могилева, Орши, Мстиславля).

В разработке проблематики истории Беларуси и других земель «Западной России» принимали участие также Северо-Западный Отдел Русского Географического Общества, Общество изучения Могилевской губернии, Минский и Гродненский церковные историко-археологические комитеты, Витебская ученая архивная комиссия, Витебское церковно-археологическое общество. Несмотря на тенденциозную заданность работы этих учреждений, опубликованные во второй половине XIX — начале XX века публикации внесли определенный вклад в развитие исторической науки, поскольку их авторы собрали и опубликовали немало ценных и богатых фактическим материалом трудов по истории, археологии, статистике и культуре Беларуси. При этом особого внимания заслуживает другая сторона деятельности упомянутых учреждений.

Так, например, Витебская ученая архивная комиссия, поставив себе одной из главных целей «разыскание, исследование, описание и собирание памятников местной старины», занималась разработкой подробных сведений об археологических,

[13] Там же. С. 95.

исторических и этнографических древностях[14]; инициировала открытие в Витебске отделения Московского археологического института; опубликовала три книги «Полоцко-Витебской старины» и сборник собственных трудов[15]. При активном участии ее основателей, А. П. Сапунова, Е. Р. Романова, В. К. Стукалича и других ученых, к 1915 году в Витебске был создан губернский исторический архив, музей и библиотека. Членами комиссии проводилась кропотливая работа по охране и изучению предметов древности, проведение раскопок. Наглядными уроками изучения родной старины стали специальные заседания и образовательные экскурсии, посвященные выдающимся личностям, общественным событиям, тематические лекции.

В конце 80-х годов XIX века сложился союз властей империи с историками западноруссистами. «Белорусская тема» создала обширную литературу вопроса в брошюрах и книгах империи. В 1886 году вышли «Рассказы о Западной Руси» П. К. Щебальского. Целый ряд работ по истории Беларуси был опубликован М. О. Кояловичем. «Литовская церковная уния», «История воссоединения западнорусских униатов», «Чтения по истории Западной России» — лишь их небольшая часть. В 1889 году свой труд «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края» выпустил П. Н. Батюшков. Располагая достаточно богатой источниковой базой, историки-западноруссисты, тем не менее, ее данные трактовали довольно тенденциозно, в духе основного принципа концепции. Вот как показывал Беларусь М. О. Кояловичь: «...Западная Россия безусловно русский край и связан с Восточной Россией неразрывными узами <...> все это — один русский народ <...> русская вера, русский язык»[16]. О том, что пространство, занимаемое западными губерниями, составляет древнее достояние России, являясь «искони русским и православным краем»[17], писал П. Н. Батюшков и другие известные в научных кругах историки. Такую же позицию занимали и многие периодические издания, в частности газеты «Крестьянин», «Северо-Западная жизнь», «Витебские губернские ведомости». Статьи на страницах этих печатных органов в подавляющем

---

14 Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2771. Витебская ученая архивная комиссия. Оп. 1. Д. 167. Л. 150.

15 Там же. Д. 148. Л. 1 об.

16 Шчарбакоў В. К. Класавая барацьба і гістарычная навука Беларусі. Мінск, 1934. С. 31.

17 Самбук С. И. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1976. С. 133.

большинстве относились к деятельности православной церкви, религии, духовенства в их борьбе с католицизмом и пропагандировали защиту православия, самодержавия и великодержавности. Исторические портреты известных земляков, памятные события в истории своего края, информация об исторических курьезах и отдельных исторических памятниках — всему этому в губернских изданиях придавалась определенная великодержавная монархическая политическая окраска. В них нет освещения экономического развития белорусских земель, классовой борьбы, намека на самобытность белорусской культуры, особенностей языковых черт.

В 80–90-х годах XIX века центр западноруссизма переместился в Витебск, Полоцк, Могилев. С одной стороны — провинциальная обстановка дореволюционных городов, отсутствие библиотек, низкий уровень образования, консервативные взгляды местной интеллигенции, скептическое, а порой крайне негативное отношение власти к преобразованиям в сфере культуры и просвещения. С другой стороны — кропотливая работа таких известных археологов, этнографов и историков, как М. Ф. Кустинский, В. О. Говорский, А. М. Сементовский, П. В. Шейн, Н. Я. Никифоровский, Е. Р. Романов, А. И. Сазонов. С появлением их фундаментальных работ перед ученым миром встали новые, почти неисследованные страницы этнополитической и социально-экономической истории белорусов. Основанные на новом, оригинальном материале, они, несомненно, способствовали созданию в великодержавной России общественного мнения о белорусах как о самостоятельном и полноправном народе, который имеет собственную историю, язык, культуру, традиции и обычаи.

Высокая исследовательская активность отличала известного витебского историка, краеведа, этнографа, общественного деятеля Алексея Парфеновича Сапунова (1851–1924). Уроженец местечка Усвяты Витебской губернии, выходец из купеческой семьи, после окончания Петербургского университета вернулся в Витебск. Педагогическую деятельность, которой Алексей Парфенович посвятил большую часть своей жизни, историк совмещал со службой в государственных учреждениях. С 1895 года он работал в Витебском центральном архиве древних актовых книг, с 1901 года — секретарем Витебского губернского статистического комитета. А. П. Сапунов являлся инициатором создания Витебского отделения Московского археологического института, Витебской ученой архивной комиссии, Витебского церковного историко-археологического музея. Автор многочис-

ленных брошюр, статей, научных исследований по политической истории Беларуси, истории религиозной борьбы и религиозной жизни, особенностям социально-экономического развития края, вопросам просвещения, памятникам изобразительного искусства и зодчества принимал активное участие в политической жизни губернии.

Еще одним талантливым витебским ученым, разделявшим идеологию западноруссизма, но принадлежащих к его либеральному крылу, являлся Владимир Казимирович Стукалич (1856–1918). Родился Владимир Стукалич в городе Якобштадт Курляндской губернии. Вскоре семья перебралась в Витебск. После окончания Витебской Александровской гимназии поступил на юридический факультет Петербургского университета, который окончил со степенью кандидата прав по административному отделению. Юрист по профессии, В. К. Стукалич в историю белорусской культуры вошел как летописец Витебщины, литературовед и историк[18]. Долгие годы он работал инспектором Слонимского уезда, начальником 1-го отделения Казенной палаты Гродненской, а затем помощником присяжного поверенного Витебской губернии, являясь одновременно действительным членом Витебского губернского статистического комитета, постоянным членом Витебского губернского Епархиального училищного совета, Витебской ученой архивной комиссии. Почетный член Киевского клуба русских националистов, авторитетный политический деятель в монархических кругах, В. К. Стукалич возглавлял Витебский отдел партии октябристов, руководил русским предвыборным комитетом, инициировал создание Белорусского народного союза и был активным участником событий дореволюционного Витебска.

С течением времени А. П. Сапунов и В. К. Стукалич прошли путь нелегких духовных исканий, трансформации собственного мировоззрения и самосознания, превратившись из молодых людей, увлеченных идеями западноруссизма в конце XIX века, в зрелых национально мыслящих представителей Беларуси начала XX столетия.

В поле зрения ученых оказались многие проблемы, которые ранее не рассматривались или же освещались отрывочно. Но их планы часто наталкивались на непонимание со стороны властей. Так, администрация витебской гимназии, в которой Алек-

---

[18] Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. У 5 тамах. Мінск, 1987. Т. 5. С. 144.

сей Парфенович проработал 23 года, усматривала в деятельности ученого «кражу казенного времени»[19]. Невинно, но «есть душок белорусского сепаратизма» — официальное мнение чиновников на очерки из истории местной старины и народного творчества[20]. О трудностях, стоявших перед людьми науки на пути изучения исторического прошлого Западной Руси, молодой Владимир Стукалич писал известному исследователю русской литературы и фольклора А. П. Пыпину: «Трудно работать в провинциальной обстановке на избранном мною пути. Долгое время я оставался в надежде приобрести солидное значение в местном обществе, что оказывается делом недостижимым при отсутствии материального могущества, по крайней мере, полной независимости»[21].

Включившись в исследовательскую деятельность, начав публиковаться в провинциальных и столичных изданиях, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич стремились активизировать процесс исследования родного края — Беларуси. Размышлениям о судьбе белорусского народа посвящена одна из первых публицистических работ В. К. Стукалича — фельетон «Западный край», опубликованный в «Русском курьере». «Проживая безвыездно здесь, начинаешь интересоваться забытыми всеми белорусами, и своеобразной жизнью западных городов, которые кишат разноплеменным народом, и тихими полями, облитыми потом скромного земледельца, — полями, на которых столько раз раздавались бранные крики то Литвы, то поляков, то шведов, то французов... И, может быть, скоро опять раздадутся здесь бранные окрики, опять истощенное прежними войнами население возьмется за оружие, чтобы охранить «батьковщину», как здесь называют семейные очаги»[22], — писал во вступительной статье В. К. Стукалич. Это последнее обстоятельство, по-видимому, должно было обратить усиленное внимание мыслящих людей на Западный край, на самобытность языковых черт, особенности культурного развития, богатство духовного мира его народа.

Отмечая, что история Беларуси мало разработана в русской исторической науке, вследствие чего «исследователю сложно

---

19 Витебский областной краеведческий музей, КП 7295 / 11. Л. 33–34.

20 Василевский Д. Витебщина в трудах А. П. Сапунова // Витебский рабочий (Заря Запада). 1925. 4 января. С. 3.

21 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 621. Д. 869. В. К. Стукалич. Письма Александру Николаевичу Пыпину 1888–1904 гг. Л. 3.

22 Стукалич В. К. Западный край // Русский курьер. 1886. 21 мая. С. 1–2.

построить полную и верную картину исторического прошлого этой любопытной области русского государства»[23], свои усилия Алексей Парфенович и Владимир Казимирович направили на поиск малоизученных и ранее неизвестных архивных материалов, работу в библиотечных хранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Вильно, Витебска. Много сил было отдано исследователями на их изучение и критический анализ; упорядочение и систематизацию; ознакомление с научной и исторической мыслью прошлых веков и современной им научно-исторической литературой. Наряду с крайним недостатком разработанного и приведенного в систему материала, историки отмечали недостаток в людях, способных и склонных заняться беспристрастным изучением истории Беларуси.

По масштабу проделанной работы одно из первых мест по праву принадлежит А. П. Сапунову. Первая работа витебского историка «Исторические сведения о Витебском замке» появилась в «Памятной книге Витебской губернии за 1881 год». Этими сведениями было положено начало ряду работ по истории города Витебска. В 1883 году широкую известность получила его «Витебская старина» — масштабная публикация сборников документов и собственных работ исследователя Витебской губернии. Издание было задумано очень широко, однако средства на его осуществление добывались автором главным образом его преподавательской деятельностью. Тираж был небольшим — всего 500 экземпляров. Из-за высокой цены издание расходилось медленно и было убыточным, вследствие чего опубликовать удалось лишь три из задуманных автором шести томов.

По плану автора, первый том «Витебской старины» был посвящен истории города Витебска, второй — Полоцка, третий — различных городов Витебской губернии (Велиж, Невель и пр.), четвертый в двух частях — истории Полоцка в период господства Ивана Грозного (1563–1579) и Полоцкого и Витебского воеводств в период правления царя Алексея Михайловича (1654–1667), пятый — истории Витебщины в период воссоединения униатов с православными в 1839 году, в шестом предполагалось представить синтез из предыдущих томов. Второй и третий тома «Витебской старины» так и остались в рукописях. Примечательно, что, будучи верноподданным монархистом и человеком, неколебимо верующим в догматы

[23] Стукалич В. К. Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов в Белоруссии. Витебск, 1894. С. 1.

православной церкви, А. П. Сапунов поместил в сборнике документы, рисующие действия царской администрации в самом непривлекательном виде[24].

После выхода первого тома «Витебской старины» в свет, во многих периодических изданиях России появились очень лестные, а порой хвалебные рецензии. Про сборник писали «Правительственный вестник», «Русь», «Гражданин», «Санкт-Петербургские ведомости», «Киевская старина», «Kraj», «Wiadomosti bibliograficzne», «Русская старина».

«Среди провинциальных исторических изданий "Витебская старина" должна быть замечена... Изданный том "Витебской старины" — книга шикарная», — утверждала «Русская старина». «Событие действительно заметное... в нашей провинциальной литературе», — писали корреспонденты «Нового времени». «Гражданин» называл сборник «изданием, которое заслуживало особенного внимания», а «Новое время» — «колоссальным памятником родного края»[25]. Столь одобрительные отзывы на работу А. П. Сапунова небезосновательны. В изданном историком сборнике помещены не только собрания законов, грамоты, привилегии, инвентари, договоры и другие исторические документы, рисующие религиозную и общественную жизнь Полоцко-Витебского края, но и исторические исследования составителя, связанные с опубликованным материалом. В «Витебской старине» находится огромная масса карт, планов и чертежей, портретов, гербов, литографических снимков с древних печатей, грамот и рукописей, факсимиле как в тексте, так и на отдельных вкладных листах.

Из более поздних трудов А. П. Сапунова сохраняют свое значение «Книги привилегий», где дана хорошая подборка материалов епископов и архиепископов; значение справочного характера имеют списки генерал-губернаторов и губернаторов. К этому же типу работ относится и последний труд А. П. Сапунова «История г. Витебска». Обзор истории города историк производит по периодам, рассматривая каждый отдельно в политическом и экономическом отношениях.

К числу работ строго научного характера следует отнести вышедший из печати в 1884 году сборник «Польско-литовское законодательство о евреях», труд «Архив духовной консистории»

---

24 Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Беларуси. С. 230.

25 Падліпскі А. М. Летапісец Віцебшчыны. Мінск, 1993. С. 23–24.

(1898 г.), а также разбор сочинения Фр. фон-Кейсслера «Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае» (1898 г.), за что А. П. Сапунов был удостоен золотой Уваровской медали Российской академии наук.

В 1884 году из печати вышла книга «Историческая записка 75-летия витебской гимназии». Книга содержит исторический обзор витебской гимназии, статистические сведения о личном педагогическом составе за все время существования этого учебного заведения, список учеников, примечания.

В 1889 году был опубликован труд «Река Западная Двина», принесший автору известность в Англии, Франции, Германии. Состоящее из десяти глав сочинение содержит историко-географический обзор реки Западная Двина, геологический очерк ее берегов, описание истоков и притоков, исследование Двинской торговли, историко-статистическое описание поселений, расположенных на берегах Западной Двины, и много других любопытных сведений.

В большей мере талант А. П. Сапунова открылся при участии в написании девятого тома «Верхнее Поднепровье и Беларусь» популярного справочного издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» под общей редакцией В. П. Семенова, сына известного географа и путешественника П. П. Семенова-Тянь-Шаньского[26]. В авторский коллектив входили М. В. Довнар-Запольский, А. К. Кабанова, Д. З. Шендрик. Следует отметить, что это издание является настольной книгой многих современных исследователей Беларуси, так как, наряду с понятием о географии, истории, этнографии края, дает основательные знания по этим отраслям науки.

Наиболее существенное место среди изысканий ученого принадлежит церковно-историческим исследованиям, что, несомненно, было связано с его религиозными воззрениями. Значительная часть работ историка посвящена истории Полоцкой епархии, ее храмам, монастырям, иконам. Итогом кропотливой и плодотворной работы историка стало издание работы «Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии». В ней А. П. Сапунов изложил подробную историю архитектурных и других памятников Полоцка, Витебска и т. д. — древнейших храмов, храмов-памятников, археологических памятников, развалин замков, часовен. Несколько позднее, по рекомендации Е. Р. Ро-

[26] Семенов В. П. и др. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 9: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб., 1905.

манова, А. П. Сапунов издал ценные списки населенных мест Витебской губернии.

Больший интерес в массе местного общества вызывали работы, удовлетворявшие интерес к истории местных святынь. Работы А. П. Сапунова: «Древности Спасо-Ефросиниевского девичьего монастыря в Полоцке» (1885 г.), «Древние иконы Божией Матери в Полоцкой епархии» (1888 г.), «Полоцкий Спасо-Ефросиниевский монастырь» (1888 г.), «Католическая легенда о Параскеве, княжне Полоцкой» (1888 г.), «Усвят и святыня его» (1889 г.), «Витебский кафедральный св. Николаевский собор» (1916 г.) и другие — знакомили читателей с практически неисследованными страницами истории материальной и духовной культуры белорусского народа. Отмечая, что многие вещественные и письменные памятники старины бесследно исчезли, ученый призывал сохранить то немногое, что осталось. Примечательно, что многие из приведенных публикаций историка содержат не только повествование о наиболее значимых событиях, связанных с этими архитектурными сооружениями, но и рисунки, чертежи, что дает наглядное представление об описываемых местностях и храмах.

Церковной истории Полоцко-Витебского края посвящены и многие другие работы историка: «Торжество православия» (1889 г.), «Заметка о коллегии и Академии иезуитов в Полоцке» (1890 г.), «Витебский Успенский собор в связи с событиями из религиозной жизни витеблян» (1894 г.) и т. д., которые являются ценным источником знаний о политической и духовной жизни Беларуси.

Написанные с ярко выраженных тенденциозно-клерикальных позиций, работы А. П. Сапунова находили одобрение в церковных и правительственных кругах государства. Рассматривая судьбы русской народности в западном крае через призму ортодоксального православия, историческую жизнь Беларуси, историк изображал в «ее постоянном тяготении к Великороссии»[27]. «Здесь, на Белой Руси, у великих князей и царей московских, всегда было много искренних друзей, — писал Алексей Парфенович, — здесь никогда не исчезала мысль о родстве с православной Великой Русью»[28]. Замечалось оно, по мнению витебского краеведа, и в русско-литовском государстве, и во времена владычества поляков. «Говоря о Белоруссии, мы говорим: русский край, рус-

---

27 Полоцкие епархиальные ведомости. 1893. 1 июня. С. 487.

28 Сапунов А. П. Исторический очерк Витебской Белоруссии. Витебск, 1906. С. 31.

ская народность; говорим мы так потому, что белорусская народность — одна из основных народностей русского племени. Везде и во всем великое, объединяющее всех слово Русь»[29], — писал историк. Это утверждение звучало и в его лекции, прочитанной 25 апреля 1893 года в зале Витебской городской думы, и в статье «Столетие воссоединения Руси Белой с Великою», напечатанной в «Витебских губернских ведомостях»[30], и в брошюре «Исторические отношения Руси Белой и Великой», изданной отдельным оттиском из «Памятной книжки Витебской губернии на 1898 год»[31]. В духе дворянской историографической традиции были написаны брошюры: «Значение царствования императрицы Екатерины II для Западного края вообще и Витебской губернии в частности»[32] и «Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский»[33].

О возрождении Беларуси как русской страны заявлял и В. К. Стукалич. «Духовная сущность каждого народа выражается в быте, языке, умственном складе нравственных начал, вероисповедании, — писал историк, по всем этим признакам коренная масса населения Западного края была, есть и остается русской»[34]. При этом В. К. Стукалич также отмечал, что незнакомство русского образованного общества с особенностями и историей белорусской народности приносит громадный вред русскому делу и русским интересам в Западном крае[35].

В. К. Стукалич не оставил большого количества публикаций, но то, что сохранилось, написано в широком научном диапазоне: критические статьи, исторические исследования, работы по вопросам библиографии и права.

Книгой очерков «Белоруссия и Литва» (1893 г.) Стукалич начал свою работу историка, этнографа и исследователя Витеб-

---

29 Сапунов А. П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности. Витебск, 1910. С. 28.

30 Сапунов А. П. Столетие воссоединения Руси Белой с Великою // Витебские губернские ведомости. 1893. 4 февраля. С. 3.

31 Сапунов А. П. Исторические отношения Руси Белой и Великой // Памятная книжка Витебской губернии на 1898 год. Витебск, 1898.

32 Сапунов А. П. Значение царствования императрицы Екатерины II для Западного края вообще и Витебской губернии в частности: речь, чит. преп. Витеб. Мужской гимназии А. П. Сапуновым в общем собрании учащихся в гимназии. Витебск, 1896. 9 с.

33 Сапунов А. П. Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский // Витебские губернские ведомости. 1896. 2 февраля. С. 2.

34 Государственный архив Витебской области. Ф. 967. Оп. 2. Д. 1. Л. 40.

35 Стукалич В. К. Белоруссия и Литва. С. 2.

ского края. Затем появились его «Краткая заметка о белорусском говоре» (1898 г.) и книги о белорусских ученых. В 1894 году в Витебске вышла небольшая книжка «Мальцевские заводы».

Со всего того, что было создано В. К. Стукаличем, необходимо выделить исследования, посвященные творчеству витебских краеведов Н. Е. Никифоровского и А. П. Сапунова. В 1905 году исполнилось 25 лет научной деятельности А. П. Сапунова. Этой дате В. К. Стукалич посвятил небольшую книгу, в которых он подробно рассказал о наиболее крупных работах историка, дал оценку их научной значимости. Особенно интересно сложен автором библиографический справочник работ А. П. Сапунова и откликов на них. В библиографии перечислено 50 трудов историка, опубликованных в журналах и газетах России, Франции, Польши.

Не менее интересны публикации В. К. Стукалича, посвященные жизни и деятельности витебского этнографа Н. Е. Никифоровского, который умер в июне 1910 года. В том же году Стукалич опубликовал рецензии на книгу Н. Е. Никифоровского «Странички недавней старины Витебщины».

Витебский историк не был безразличен к политической, научной и культурной жизни белорусского края, его будущему, а значит, и к просвещению. Особое место в жизни ученого занимает статья «К вопросу об устройстве университета в Витебске». Как и многие другие передовые люди своего времени, он видел, что в Беларуси очень мало научных заведений, не было ни одного института и в то же время большой процент малограмотного населения. Когда в 1900 году в Виленском учебном округе велись разговоры об открытии университета в Могилеве, В. К. Стукалич горячо поддерживал это предложение. Но воплотить в жизнь задуманное не удалось. Тогда в 1903 году на страницах «Витебских губернских ведомостей» он выступил с большой статьей, в которой призывал местные власти и интеллигенцию города ходатайствовать об открытии университета в Витебске. К сожалению, все старания Стукалича были напрасны. Ни городские власти, ни местное «панство» не высказали заинтересованности к предложениям краеведа.

Кроме названных трудов В. К. Стукалича, необходимо отметить небольшие книжки: «Краткая заметка о белорусском наречии» и «Авторское право», изданные в Витебске в 1896 и 1898 годах. Это рецензии на исследование М. В. Довнар-Запольского «Из истории общественных течений в России» и сборник «Белоруссия и Литва», изданные П. Батюшковым.

Профиль историко-краеведческого изучения Беларуси стал меняться особенно ощутимо в период революции 1905–1907 гг., когда изучением прошлого белорусского народа занялись новые либеральные и демократические силы. В это время заметно активизировалось краеведческое движение. Во всех губернских городах края происходило завершение организационного оформления историко-краеведческих обществ, кружков и товариществ.

Основной причиной бурного роста краеведческих центров в Беларуси к началу XX века следует считать значительный рост местной интеллигенции, ее повышенный интерес к культурно-историческому наследию своей земли. Обладая определенным набором фольклорно-этнографических и археологических знаний, опытом в исторических исследованиях, ученые конца XIX века по-новому взглянули на известные факты. Не стали исключением А. П. Сапунов и В. К. Стукалич.

По мнению ряда исследователей, в частности Л. В. Хмельницкой, переломным моментом в эволюции взглядов А. П. Сапунова стал его перевод в Москву на должность помощника инспектора студентов императорского Московского университета. Об этом времени ученый писал: «С удовольствием принял я место помощника инспектора в Московском университете. Служебных занятий было чрезвычайно мало, и я ревностно посещал заседания учебных обществ, членом которых я к тому времени состоял. Время это — лучшее в моей жизни»[36].

В Москве А. П. Сапунов познакомился с В. О. Ключевским, трудами историков либерального направления. Безусловно, влияние на либерализацию взглядов А. П. Сапунова оказала его многолетняя дружба с Б. И. Эпимахом-Шипилой, с помощью которого витебский ученый получал белорусские издания, в том числе и издательского товарищества «Загляне сонца і ў нашэ аконцэ»[37].

Об изменении взглядов Алексея Парфеновича на историческое прошлое Беларуси можно говорить на основании рассмотрения его работ, написанных во второй половине 1900-х годов. В них раскрывается новый взгляд ученого на национальную проблему, сделан упор на фактор национального самосознания.

---

36 Витебский областной краеведческий музей. КП 7295 / 11. Л. 34–35.

37 Хмельницкая Л. В. Эволюция взглядов А. П. Сапунова на проблему самоопределения белорусов // Русь — Литва — Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. По материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н. Н. Улащика (Москва, 31 января 1996 г.). М., 1997. С. 125.

Не идеализировал политику царского правительства в Беларуси и В. К. Стукалич. Это был принципиально новый период в научном творчестве исследователей, когда они перешли от изучения письменных источников к систематическому и комплексному изучению накопленного материала. Это был период перехода от поверхностного повествования к глубокому осмыслению происходящих в крае событий.

В сложной историографической ситуации, в которой новые исследовательские приемы сложно переплетались с давними научными традициями и оценивались в научной среде весьма неоднозначно, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич стремились глубоко проанализировать исследуемую тему, выявить наиболее важные звенья, воссоздать полную картину исторического развития белорусского народа.

В этом отношении детального анализа заслуживает текст доклада «Белоруссия и белорусы», прочитанного А. П. Сапуновым на заседании Витебской ученой архивной комиссии в сентябре 1910 года. Приветствуя интерес русского образованного общества, которое пришло к выводу, что «Западная Русь не по одному только преданию носит такое название», А. П. Сапунов заявляет об «особенностях языка белорусов, их нравов и обычаев, богатой народной литературе», что, по мнению историка, «воочию доказывает существование отдельного белорусского племени[38]. Идентифицируя себя как «белоруса, вышедшего из самых недр народа», вопреки устоявшемуся мнению современников о забитости, угнетенности, рабской психологии белоруса, лишенного национального облика, А. П. Сапунов писал о нем с большой задушевностью и верой в глубинные силы народа: «...какие богатые силы... таких же великих людей»[39]. Позже, выступая перед студентами педагогического института, лектор отчетливо внушал им мысль: «Белорус далеко не лишен сознания собственного достоинства <...> Белоруса отличает необыкновенная выдержка в работе <...> у белорусов богатый запас народного творчества... Они очень простые и душевные наши люди <...> И есть все основания надеяться, что в будущем белорусы выделят из своих недр великих людей»[40].

Определяя территорию расселения и численность белорусов, А. П. Сапунов склоняется к необходимости оценивать их на ос-

---

38 Сапунов А. П. Белоруссия и белорусы. Витебск, 1910. С. 4.

39 Там же. С. 19–20.

40 Витебский областной краеведческий музей. КП 7294 (2) / 19. Л. 28, 35.

нове новейших этнографических исследований А. Н. Пыпина, А. И. Соболевского, Е. Ф. Карского, М. В. Довнар-Запольского и других, вносивших значительные корректировки в статистические сведения «Первой всеобщей переписи населения 1897 г.». Так, например, профессор Е. Ф. Карский, ссылаясь на лингвистические и этнографические данные, общее количество белорусов по империи к 1903 году определяет в 8 317 900 человек[41]. По материалам же переписи белорусов числится всего 5 885 547 человек[42].

Большую проблему в определении численности населения Алексей Парфенович видел в отождествлении вероисповедания с национальностью, вследствие чего на вопрос о народности белорусы-православные называли себя русскими, а белорусы-католики — поляками, а также в смешении двух понятий — «католик» и «поляк». «Ведь это же нелепость», — отмечал историк, «не все ведь поляки — католики. А тем более не все католики поляки (...) Мелкая шляхта и крестьяне-католики в домашнем быту говорят, обыкновенно, по-белорусски и почти ничем не отличаются от своих собратий — православных белорусов. Зачислять в число поляков этих белорусов только потому, что они католики, это уже прямо этнографический грабеж»[43].

А. П. Сапунов отмечал, что белорусы живут в 72 уездах 14 губерний Российской империи: Витебской, Минской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Смоленской, Черниговской, Псковской, Тверской, Орловской, Калужской, Сувалкской и Курляндской[44]. И на всем «вышесказанном пространстве господствует белорусский язык», писал историк. Называя в своих работах белорусский язык то «белорусским наречием», то «белорусским говором», историк считал его одним «из самых важных местных видоизменений русского народного языка», неоднократно говоря о нем как о «прямом носителе общерусских черт». В научных кругах, особенно среди русских ученых, преобладало утверждение, что «в белорусском говоре не ни единой звуковой черты, которая бы не повторилась хотя где-нибудь в Великой России»[45]. Поддерживая тезис о происхождении белорусского языка от русского, А. П. Сапунов и В. К. Стукалич,

41 Сапунов А. П. Исторический очерк Витебской Белоруссии. С. 6.

42 Национальный государственный исторический архив в г. Гродно. Ф. 366. Гродненское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 126. Л. 1426.

43 Сапунов А. П. Белоруссия и белорусы. С. 12–13.

44 Сапунов А. П. Исторический очерк Витебской Белоруссии. С. 3.

45 Стукалич В. К. Краткая заметка о белорусском наречии. Витебск, 1898. С. 17.

тем не менее, четко определяли его роль и значение в истории и культуре белорусов. «Главнейшие особенности современных белорусских говоров сложились не позже XIII века. Вплоть до XVIII столетия белорусское наречие оставалось языком деловой официальной жизни. На белорусском языке написан Статут 1588 года, литовские летописи, политические сочинения эпохи религиозного движения XVII века, издана Библия»[46]. «Белорусский язык обладает достаточным богатством и гибкостью для выражения общечеловеческих чувств и высоких мыслей», — читаем в лекции разработанного профессором А. П. Сапуновым курса «Белорусоведение»[47].

Сами витебские ученые хорошо знали и любили белорусский язык. Так, акцентируя внимание на отношение к языку в различных слоях общества, А. П. Сапунов писал: «Незачем распространяться много о том, как желательно и важно, чтобы те, которые считают себя носителями культуры, научились понимать вполне тот народ, который они призваны вести к нравственной и интеллектуальной культуре. Научившись понимать народ, его язык, сказки, предания, мы научимся любить его, научимся видеть в нем человека»[48]. Первый шаг в изучении народа — это собирание произведений народной словесности и изучение народного языка»[49], — отмечал В. К. Стукалич. Исследованию языка Владимир Казимирович посвятил отдельную брошюру «Краткая заметка о белорусском наречии». Ссылаясь на работы исследователей белорусского наречия А. П. Соболевского и Е. Ф. Карского, автор приходит к выводу, что «белорусское наречие должно считаться самостоятельным, так как совокупность его характерных черт не повторяется ни в одном славянском языке»[50]. Более того, В. К. Стукалич соглашается с выводом исследователя П. И. Житецкого, утверждавшего, что «в белорусском говоре гораздо больше оригинальности, так как в нем есть и такие черты, которые не встречаются в великорусских говорах, а только в наречии малорусском, и притом черты, мало поддающиеся[51] теории заимствования».

Тем не менее, говоря о культурной и этнической самобытности белорусского народа, витебские историки не были последова-

---

46 Сапунов А. П. Белоруссия и белорусы. С. 17–18.

47 Витебский областной краеведческий музей. КП 7294 (2) / 12. Л. 11.

48 Витебский областной краеведческий музей. КП 7294 (2) / 10. Л. 4–5.

49 Стукалич В. К. Краткая заметка о белорусском наречии. С. 6.

50 Там же. С. 19.

51 Там же. С. 20.

тельны в определении его исторической судьбы. «Здесь, на Белой Руси, у великих князей и царей московских было всегда много искренних друзей; здесь никогда не исчезала мысль о родстве с православною Великою Русью», читаем в работе Алексея Парфеновича, написанной в 1910 году[52]. В целом ряде трудов этого периода ученый проводит мысль о том, что «сами великорусы постольку русские славяне, поскольку они белорусы!»[53]. На вопрос «Кто такие белорусы?» А. П. Сапунов отвечал, что «Белоруссия, или так называемая Русь Литовская, была исконная Русь, сидевшая на старом корню и никогда не терявшая своего исторического наследия. Следовательно, Белорусы — исконные Русские без примеси инородческой крови. Что же касается Руси Великой, или как величали ее иностранцы, «Московии», то Великорусы или «Московиты» лишь постольку русские, поскольку в них течет кровь белорусская»[54]. Не избавлены противоречивости и высказывания Алексея Парфеновича о самоопределении белорусов. В отличие от центробежных сил сплочения поляков, литовцев, латышей и евреев, белорусов историк определяет как «силу центростремительную»[55], направленную, прежде всего, на укрепление государства.

Национальное движение стало главным объектом борьбы витебских октябристов и их преемника Белорусского народного союза, в деятельности которых А. П. Сапунов и В. К. Стукалич принимали самое активное участие. Главным программным пунктом Витебского отдела «Союза 17 октября» было положение «единая и неделимая Россия». Будущее Беларуси идеологами Белорусского народного союза виделось в широком областном самоуправлении при тесном единении с Россией. «Вся Белоруссия, благодаря своему историческому прошлому и культурно-экономическим особенностям настоящего, представляет в бытовом отношении вполне самостоятельную территориальную величину, а потому Союз считает, что она может достигнуть своего процветания лишь при условии выделения ее в самостоятельную административно-хозяйственную единицу, с предоставлением ей прав широкого провинциального управления, которое должно находиться в руках самих же белорусов», — отмечалось в программе, разработанной В. К. Стукаличем. Провозгласив своим девизом

---

52 Сапунов А. П. Исторический очерк Витебской Белоруссии. С. 23.

53 Сапунов А. П. Речи в Государственной Думе. Витебск, 1912. С. 37.

54 Витебский областной краеведческий музей. КП 7294 (1) / 7. Л. 3.

55 Сапунов А. П. Белоруссия и белорусы. С. 20.

«Белорусы — хозяева Белоруссии», тем не менее, руководители союза не исключали возможность участия в руководящих органах и представителей других народов на пропорциональной основе»[56].

В заключение необходимо отметить, что, с исторической точки зрения, западноруссизм при всей своей политической тенденциозности, несомненно, имеет определенные заслуги в разработке истории Беларуси, в частности в создании сети активно функционировавших краеведческих и научных центров. Несмотря на то, что на рубеже XIX–XX веков русское влияние, особенно в культуре, начало приобретать сдерживающий характер и неблагоприятно сказалось на формировании самобытных черт духовной и материальной культуры белорусского народа, во многом благодаря стараниям местной интеллигенции было создано то информационное поле, без которого малопродуктивной была бы работа по созданию обобщающих исследований по истории Беларуси последующего периода.

Активные участники общественной и политической жизни, ученые, историки А. П. Сапунов и В. К. Стукалич сделали многое для возвышения роли Беларуси, отстаивания национального самосознания, пробуждения интереса местной интеллигенции к изучению исторического прошлого родного края. Их научные изыскания начала XX века в области языкознания, этнографии, истории православной церкви органично вписались в полемику по проблеме самоопределения белорусов.

[56] Государственный архив Витебской области. Ф. 967. Оп. 2. Д. 1. Л. 80 об.

А. Ю. БЕНДИН

ИСКУШЕНИЕ СВОБОДОЙ: УКАЗ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ И БОРЬБА ЗА ПАСТВУ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВИЕМ И КАТОЛИЧЕСТВОМ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Северо-Западный край отличался от других западных регионов Российской империи особым религиозно-этническим многообразием[1]. Ведущее место в сложной системе межрелигиоз-

[1] В качестве административно-территориальной единицы Российской империи в начале 60-х гг. XIX в. Северо-Западный край имел в своем составе шесть губерний: Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, Витебскую, Минскую и Могилевскую. Северо-Западный край находился в ведении генерал-губернатора, резиденция которого находилась в г. Вильно. В 1869–1870 гг. из состава Виленского генерал-губернаторства были выведены и подчинены непосредственно МВД три губернии — Витебская, Минская и Могилевская. В последующие десятилетия три литовско-белорусские губернии, остававшиеся в составе Виленского генерал-губернаторства, упраздненного в 1912 г., продолжали сохранять название Северо-Западного края. За губерниями — Витебской, Минской и Могилевской — закрепилось название белорусских. В официальных изданиях, периодической печати и научных исследованиях той эпохи эта территориально-административная единица получала различные названия: Западная Россия, Западно-Русский край, Литва и Белоруссия. См: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1869. Д. 66. Л. 48 об.; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 97. Л. 6; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 58; Виленский календарь на 1905 г. Вильна, 1905. С. 112; Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1914. № 12. С. 264; Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. С. 1, 373; Сб. статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. 2; сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1887. С. XXXV; Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям, составлен при Министерстве внутренних дел. 2-е изд. СПб., 1864.

ных отношений на территории края занимали отношения между католичеством и православием, имевшие долгую историческую традицию.

Польское восстание 1863 г. на территории Северо-Западного края кардинально изменило отношение правительства к местному римско-католическому духовенству, которое начало восприниматься в качестве политического врага империи. Участие в борьбе за независимость Польши в форме вооруженной борьбы и противоправная прозелитическая деятельность отдельных групп духовенства привели к тяжелым негативным последствиям для Католической церкви как социального и религиозного института. В результате предпринятых правительством чрезвычайных мер по закрытию костелов и монастырей институциональные позиции католичества на территории края — религиозные, социальные, экономические и этнокультурные — к началу 70-х гг. XIX в. были значительно ослаблены[2].

Предпринятые меры, несмотря на их масштабы и жесткость, носили *ситуативный и ограниченный* характер. Они не изменили и не могли изменить легального положения Католической церкви как религиозного института, продолжавшего функционировать на основе статей 44–45 «Основных законов» Российской империи и действовавшего законодательства о веротерпимости. Католическая церковь в государстве по-прежнему сохраняла правовой статус «терпимой», государственной, находившейся под покровительством императора, ее духовенство и епископат получали жалованье из казны, пользовались всеми установленными законом правами и сословными привилегиями[3].

Для уяснения того, как складывались взаимоотношения между православием и католичеством в Северо-Западном крае, следует рассмотреть совокупность норм, регулировавших религиозные отношения в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.

---

[2] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 62–68; Литовский государственный исторический архив (далее — ЛГИА). Политическое отделение. Ф. 378. Оп. 1867. Д. 147. Л. 7,

православные церковно-приходские школы, порицание православия и русофобию[14].

Религиозной основой нелегального прозелитизма являлось догматическое учение, в соответствии с которым единственной истинной и непогрешимой Церковью, вне которой никто не может достигнуть вечного спасения, является Церковь Римская. Позиция сотериологического и экклезиологического эксклюзивизма позволяла высокомерно рассматривать православных как «схизматиков», т. е. раскольников, которые отпали от истинной Церкви и которых необходимо для их же спасения возвратить в лоно католицизма[15].

Существовавшее противоречие между экклезиологией Католической церкви, вменяющей миссию среди «схизматиков-православных» в обязанность духовенству, и российским уголовным законодательством, каравшим за подобную практику, рассматривалось ксендзами как проявление религиозной нетерпимости со стороны государства. Против священников, занимавшихся прозелитизмом, предпринимались меры уголовного и административного преследования[16].

К началу XX столетия в связи с появлением левых националистических партий и успехами в обрусении Северо-Западного края правительство Николая II уже не расценивало тайную пропаганду католицизма и связанного с ним «полонизма» как явление политически опасное для государства. Эта пропаганда воспринималась теперь в категориях незаконной религиозно-культурной конкуренции православию, русскому языку и русской культуре, для противодействия которой существовали легальные средства, включая и меры административного наказания[17].

Поэтому Правительство, приступая, согласно указу от 12 декабря 1904 г., к реформированию законодательства о веротерпи-

---

14 ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 1–9; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1104. Л. 1–4; Ф. 604. Оп. 5. Д. 2542. Л. 17–21; РГИА Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077 (а). Л. 194; Ф. 821. Оп. 10. Д. 256. Л. 167; Национальный исторический архив Беларуси. (Далее — НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 35 609. Л. 13–29; Ф. 295. Оп. 1. Д. 1973. Л. 25–27.

15 Юдин А. Исторические этапы взаимных отношений церквей востока и запада // Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. Хрестоматия. М., 2001. С. 76.

16 РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 255. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 258. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 262. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 264. Л. 4; Ф. 821. Оп. 3. Д. 265. Л. 6–7; Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077 а. Л. 194, 209.

17 РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 84 б. Л. 12–14; Ф. 821. Оп. 150. Д. 5. Л. 14. 55, 60–61, 66.

мости, выказывало уверенность в том, что отмена административных ограничений, утверждение законности по отношению к Католической церкви станут серьёзной гарантией того, что католики — духовенство и миряне — воспримут предоставленные свободы адекватно, как жест конфессионального и этнического примирения. Позитивный характер этого прогноза основывался на убеждении, что впервые осуществляемый поворот власти к интересам Римско-католической церкви вызовет неизбежный рост политической лояльности и светского правосознания в католической среде[18].

Цель реформирования религиозного законодательства заключалась в том, чтобы введением религиозных свобод изменить субъективное отношение участников межрелигиозных конфликтов друг к другу, сформировать новое правосознание, основанное на терпимом отношении к религиозным различиям, не допускающем прозелитизма и насилия над совестью иноверцев. Идейным постулатом создателей законопроекта был известный либеральный тезис о наличии взаимосвязи между ростом религиозной свободы и укреплением религиозно-этнической и политической стабильности в обществе, что выразилось в следующей формулировке: «Комитет Министров не может не выразить глубокого убеждения своего в возможности совместить надлежащее охранение общегосударственных целей с соблюдением основных начал веротерпимости»[19].

Изданный Николаем II на основе предложений Комитета министров высочайший указ Правительствующему Сенату от 17 апреля 1905 г. содержал преамбулу и 17 статей. Обращаясь к своим подданным, император выразил свое личное отношение к свершившемуся событию. «В постоянном, по заветам предков, общении со святой Православной церковью неизменно почерпая для себя отраду и обновление сил душевных, мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из наших подданных свободу верований и молитв по велениям его совести. Озабочиваясь выполнением таковых намерений, мы в числе намеченных в указе 12 минувшего декабря преобразований включили принятие действительных мер к устранению стеснений в области религии.

---

18 РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 5. Л. 28–29, 31–37, 45–46, 60–61.

19 Извлечения из Особого журнала Комитета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1905. № 5. С. 94.

Ныне, рассмотрев составленные, во исполнение сего, в Комитете Министров положения и находя их отвечающими нашему заветному желанию укрепить начертанные в основных законах империи Российской начала веротерпимости, мы признали за благо таковые утвердить». В преамбуле указа император призывал «благословение Всевышнего на это дело мира и любви» и выказывал надежду, «что оно послужит к вящему возвеличению православной веры, порождаемой благодатью Господней, поучением, кротостью и добрыми примерами»[20].

Указ от 17 апреля 1905 г. «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости», изданный Николаем II на основе предложений Комитета Министров, впервые предоставил «терпимой» Католической церкви право принимать в свои члены представителей «господствующего» православия. На этом основании только в Литве и Белоруссии десятки тысяч лиц «упорствующих в латинстве», но числившихся формально православными, смогли легально вернуться в лоно католичества. Тем самым была существенно сужена область государственного принуждения, применяемого для поддержания «господствующего» статуса православия среди «терпимых» конфессий и религиозных общин России [21]. Однако действие нового указа не отменяло уголовное преследование виновных в прозелитизме среди православного населения империи[22].

Православный епископат и приходское духовенство Северо-Западного края и белорусских губерний положительно оценили нормы нового законодательства, предоставлявшего «упорствующим» право возвращения в лоно Римско-католической церкви, а старообрядцам и сектантам возможность свободно исповедовать свою веру. Гродненский епископ Никанор (Каменский) еще накануне издания указа от 17 апреля утверждал, что «Церковь не может терпеть лицемерного принятия ее учения без искреннего убеждения, не может допустить, чтобы кто-нибудь не разделял в душе церковной веры и, не живя церковной жизнью, тем не менее, числился в Церкви. Такое лишь внешнее причисление

---

20 Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г. / Под. ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 34–38.

21 Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости. Высочайший указ Сенату // Миссионерское обозрение. 1905. № 5. С. 1017–1020; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244.

22 Уголовное уложение. О нарушении ограждающих веру постановлений / Свод законов Российской империи. Пг. 1916. Ст. 90, 93–94.

к Церкви без внутренней принадлежности к ней, в сущности, будет самым грубым компромиссом и, несомненно, внесет в ограду церковную больше язычества и вообще нехристианства, чем открытая ересь, больше, следовательно, грозит целостности и неповрежденности церковной жизни»[23].

Сразу же после издания указа о веротерпимости в его поддержку выступили православные миссионеры Полоцкой епархии. В одной из программных статей официального епархиального издания было торжественно заявлено, что «17 апреля 1905 г. — знаменательный день в истории нашего Отечества и в истории русского православия. Можно ли не радоваться тому, что новый закон будет для православия, так сказать, горнилом очищающим и возведет наше православие на такую высоту, которой оно теперь не имело, так как вмещало в себе наряду с искренне верующими сынами Церкви и так называемых упорствующих, совращенных и т. п.?

Можно ли не радоваться тому, что теперь наша миссия должна вступить на истинный путь, и духовенство наше освобождается от исполнения тех неприятных и тяжелых обязанностей, кои не имеют никакого отношения к духовному служению пастырей? Можно ли не радоваться тому, что новый закон, проведенный в жизнь, установит нормальные отношения между заблуждающимися и православными, ослабит ненависть наших недругов к Церкви православной и духовенству, смягчит их фанатизм и расположит их к православию и миссионерам»[24].

Кроме богословских и миссионерских аргументов в пользу свободного выхода из православия, для духовенства существенное значение имели и традиционные доводы политико-правового характера. Ведь желание не стеснять ничьей воли в области веры выразил сам российский император, защитник и покровитель Церкви, которая наделялась правовым статусом «господствующей» в империи в силу также и конфессиональной принадлежности монарха к православию. Законопослушное духовенство, настроенное монархически, обязано было выполнять волю императора и призывать к этому свою паству.

Однако начавшаяся практика правоприменения указа о веротерпимости сразу же поставила духовенство и православный епископат Северо-Западного края и белорусских губерний

---

[23] Никанор, епископ. К вопросу о веротерпимости // Гродненские Епархиальные Ведомости. 1905. № 15. С. 447.

[24] Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1905. № 10. С. 261–263.

в весьма сложное положение. Дарованная указом религиозная свобода стала внезапно оборачиваться для православных своей негативной стороной. После опубликования указа в консистории начали поступать многочисленные рапорты благочинных и приходских священников о случаях совращения из православия, которые происходили в их приходах в результате незаконной прозелитической деятельности католического духовенства и мирян. Епископы в соответствии с церковным и светским законодательством должны были своевременно реагировать на эти сообщения и немедленно ставить в известность Святейший Синод и местную администрацию о случаях порицания православия, католической пропаганды и «совращения» православных в католичество.

Согласно каноническим и светским правовым нормам, сконцентрированным в ст. 23 Устава духовных консисторий, правящий архиерей обязан был «надзирать, чтобы православные христиане не совращались в другую веру, ибо одна Господствующая Православная Кафолическая Восточная Церковь имеет право в пределах государства убеждать иноверцев к принятию ее учения». В случае совращений православных в иные религиозные сообщества, инициатива судебного преследования виновных возлагалась законом на «духовное начальство» — правящий епископат[25].

В общем объеме информации о состоянии межконфессиональных отношений, которая поступала в распоряжение Виленского генерал-губернатора А. А. Фрезе, существенную роль играли сообщения архиереев Гродненской и Виленской епархий. Опиравшиеся на сведения, поступавшие от священников и прихожан, обращения епископата преследовали цель инициировать действия светских властей по восстановлению правопорядка и снятию нарастающей напряженности в конфессионально-этнических отношениях среди христианского населения края. По существу, епископы просили генерал-губернатора подтвердить своими практическими действиями, что в Российской империи и после указа о веротерпимости Православная церковь по-прежнему сохраняет свой господствующий правовой статус, а Римско-католическая церковь остается только терпимой. Одним из конкретных доказательств этого должны были послужить меры по защите прав и достоинства той части православного населения, которая стала объектом прозелитизма и чьи религиозные чувства и совесть подвергались оскорблениям и насилию.

[25] Устав духовных консисторий. СПб., 1898. Ст. 23.

Архиепископ Литовский Никандр (Молчанов) в начале июня от имени съезда духовенства Виленской епархии вынужден был обратиться к Виленскому генерал-губернатору А. А. Фрезе с просьбой об ограждении православных приходов от католической пропаганды и проявлений религиозного насилия со стороны католиков. В работе этого епархиального съезда приняли участие депутаты других епархий Северо-Западного края, которые также столкнулись с неожиданной для них проблемой открытого и агрессивного католического прозелитизма.

События, начавшиеся непосредственно после издания указа от 17 апреля, воспринимались православным духовенством с чувством тревоги, горечи и бессилия. Эти настроения были отчетливо выражены в резолюции съезда, принятой 1 июня 1905 г., которая была направлена затем архиепископом Никандром генерал-губернатору А. А. Фрезе. Резолюция стала свидетельством непосредственной коллективной реакции приходских священников на радикальные перемены в поведении части католического клира и мирян. В ней сконцентрировались первые травматические впечатления от внезапного перехода католической стороны к наступательной миссионерской тактике, которая своим напором и мстительной агрессивностью повергла в шок духовенство господствующей Церкви. Содержательная и эмоциональная ценность этого документа, характеризующего состояние местного православного духовенства, заслуживает пространной цитаты.

«Литовский епархиальный съезд духовенства в заседании от 1 июня 1905 года всесторонне обсудил то тяжелое и безотрадное положение православных приходов в епархии, в котором они очутились после Высочайшего указа от 17 апреля. Выслушав словесные заявления депутатов об этом, а также донесения епархиальному начальству некоторых благочинных, съезд к великому своему прискорбию увидел, что Высочайшая милость, дарованная иноверию, неправильно понятая и ложно истолкованная римско-католическим духовенством, весьма неблагоприятно отразилась на юной литовской пастве. В особенности в тех приходах, которые образовались после последнего польского мятежа в 1863 г.

В этих приходах церкви были переделаны из костелов, а прихожане присоединились к православию из католичества. Не стесняясь никакими средствами, прибегая к обманам, лжи, угрозам, католическое духовенство все усилия свои напрягает на то, чтобы, прежде всего, всех этих православных совратить в католичество, отнять православные церкви и обратить их в костелы.

Поэтому едва появился в печати указ о веротерпимости, как ксендзы, извратив его смысл, обнародовали с костельных амвонов с самыми неправильными и ложными комментариями. И потом по всем селениям, где живут православные, появились самозваные апостолы в лице польских помещиков, шляхты, членов самых разных религиозно-фанатических обществ — терциаров, Сердца Иисуса, шкамплерного и пр., коим обещано отпущение грехов за усердную пропаганду, и началось насильственное совращение православных в католичество...

Смущенные слухами православные записываются в католичество и подают о том прошения, а после такой записи печальные и грустные идут в костел, где их сначала приводят к присяге на верность католичеству. Присяга эта совершается так: стоя на коленях со сложенными на груди руками, принимающие католичество повторяют за ксендзом такие слова присяги: «Отрекаюсь от православной веры; проклинаю веру православную схизматическую; да буду проклят я, да будут прокляты мои дети, внуки и правнуки, если я или кто-либо из них будут исповедовать когда-либо православную веру»[26].

Достоверность показаний православного духовенства о присяге на верность католичеству может быть подтверждена действием циркуляра Виленского римско-католического епископа Эдуарда фон Роппа, который был издан на латыни для подведомственного ему духовенства 23 мая 1905 г. В нем епископ предоставлял всем духовным лицам, имеющим право исповедовать в его епархии, власть принимать и разрешать от ереси и всякой кары отлучения всех русских, преходящих из инославия в единство Католической церкви, добровольно и откровенно отрекающихся от прежних заблуждений[27].

Как следует далее из резолюции епархиального съезда: «В костелах публично в своих проповедях с амвонов ксендзы позволяют себе поносить веру православную, называя ее «собачьей верой», православный крест «поганым», и требуют от прихожан, чтобы они не смели даже из любопытства входить в церковь, что лучше зайти в кабак или в синагогу, чем в церковь; что в церквях вместо икон висят еврейские портреты, что от православного священника смердит собакой, что православные крестятся кукишами, окропляются конскими хвостами, помазываются собачьими хвостиками и пр.

---

[26] ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 1–2.

[27] РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 157. Л. 142 об.

Некоторые выражения ксендзов о святых таинствах Православной церкви настолько грубы и циничны, что даже не могут быть изложены на бумаге. Проникнутые такою враждою к православию, ксендзы приказывают и своим прихожанам преследовать православных на каждом шагу, называя их перекульчиками, московской кишкой, русской собакой и пр. Страх и ужас объял православных. С тяжелой грустью, с плачем и слезами приходят они к сознанию, что остается им одно: или переходить в католичество, или всю жизнь нести тяжелый крест мученичества. И многие из страха перед такими насилиями и изуверством, а в некоторых уездах, как Виленском и Трокском, целые приходы отпадают от православия, а более твердые в вере колеблются в ожидании дальнейших событий[28].

На этом съезде было принято решение об избрании делегации для предоставления депутатами от духовенства Виленской епархии просьбы императору о защите православных крестьян от незаконных действий поляков — ксендзов и помещиков, которые способствуют обращению православных крестьян в католичество. В качестве депутатов были избраны: протоиерей Виленского кафедрального собора Иоанн Котович, протоиерей Шумской церкви Владимир Маркевич, Виленский благочинный протоиерей Лев Тиминский, помощник попечителя Виленского учебного округа А. В. Белецкий. Было предложено пригласить в состав делегации несколько крестьян. К обер-прокурору К. П. Победоносцеву была отправлена докладная записка с просьбой о ходатайстве перед императором о принятии делегации в Царском Селе. Сообщая об этом решении съезда министру внутренних дел А. Г. Булыгину, Виленский губернатор граф Пален добавлял, что названные депутаты находят действия архиепископа Никандра «недостаточно энергичными»[29].

Сведения, предоставленные епархиальным съездом генерал-губернатору ставили А. А. Фрезе в довольно сложное положение. Прилагаемые к обращению епархиального съезда «заявления прихожан своим священникам, свидетельствующие о насилии, лжи и обманах, к каким прибегают ксендзы для того, чтобы посеять смуту среди темного народа и тем самым иметь больший успех на совращение православных в католичество», не могли быть приняты к сведению без официального расследования. Но в таких сложных случаях собрать доказательную базу и привлечь

[28] ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 2–7.
[29] ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 13.

виновных к уголовной ответственности в условиях правовой неопределенности, сложившейся после издания указа от 17 апреля 1905 г., было совсем не просто. К тому же генерал-губернатор был явно растерян. Во-первых, стремительно развивающиеся события выходили из-под контроля администрации и православного духовенства. Во-вторых, А. А. Фрезе еще не располагал точной информацией о том, какими правовыми и административными инструментами он может воспользоваться для пресечения внезапно начавшейся пропаганды католицизма.

В это же время глубокую обеспокоенность ситуацией, складывавшейся в епархиях после издания указа от 17 апреля, выказал Святейший Синод. Первенствующий член Синода митрополит Антоний (Вадковский) 4 июня обратился с письмом к епархиальным архиереям, духовенству и пастве, в котором призвал их «к деятельному участию в строении великого дела Христова и ограждению интересов Православной церкви от напряженной деятельности врагов ее»[30].

Выполняя распоряжение митрополита Антония, 28 июня к генерал-губернатору обратился епископ Гродненский и Брестский Никанор (Каменский), сообщая о фактах религиозной нетерпимости по отношению к православным, возникшей в некоторых местностях его епархии в результате противозаконной миссионерской деятельности католического духовенства и мирян. Епископ писал о фактах, ставших «почти общим явлением», когда католики прибегают к открытому совращению православных, нередко даже путем насилия, иногда самого грубого, и позволяют себе открытое порицание и даже поругание православной веры. Преосвященный Никанор приводил генерал-губернатору несколько примеров такой нетерпимости римско-католического населения, руководимого, по его мнению, «очевидно, местными ксендзами».

«В смешанных семействах», — писал он, — родители католички насильно тащат детей своих православных в костел. Дети, твердые в православии, отрекаются от родителей, бегут от них и даже проклинают их. Были случаи совращения в католичество посредством подкупа деньгами и вещами и угроз пожаром. Таковые случаи имелись в д. Суковичах, где католики грозили сжечь деревню в случае закладки православной церкви.

---

30 Указ его императорского величества, самодержца всероссийского, из святейшего правительствующего Синода. Преосвященному Никанору, епископу Гродненскому // Гродненские Епархиальные Ведомости. 1905. № 33–34. С. 897–898; РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 724. Л. 10–11.

Между народом ссоры и драки; отец идет в костел и гонит туда жену и детей, те не хотят — отец бьет своих детей и жену. Католичка М. Федюневич говорила православным местечка Крынки: «У вас нет Бога, крест ваш поломанный на левой стороне, сразу все пойдете в пекло, вы не крещены, отщепенцы, у вас темная вера, Святой отец Папа проклял русскую веру». Оставшихся немногих православных села Селявичи Слонимского уезда отступники осыпают градом насмешек, обещая в скором времени закабалить их. Православные прячутся по домам, избегая насмешек. Совратившиеся в католицизм распространяют нелепые слухи, что с окончанием войны католичество должно вытеснить православие, церкви заменяться костелами, а православных священников совсем не будет.... В заключение епископ Никанор просил генерал-губернатора о возможном содействии и умиротворении сельского населения, возбуждаемого проявлениями католического фанатизма, столь несогласного с духом указа от 17 апреля и нарушающими правильное течение не только церковной, но и общественной жизни»[31].

Аналогичное сообщение с просьбой о помощи было направлено 30 июня епископом Никанором обер-прокурору Святейшего Синода. В ответ на полученное донесение Гродненского епископа, К. П. Победоносцев 14 июля 1905 г. обратился к генерал-губернатору с официальным письмом, уведомляя о случаях открытого совращения православных в католицизм, сопровождаемого насилием над их совестью и публичным порицанием православной веры. Обер-прокурор просил А. А. Фрезе оказать содействие духовенству Гродненской епархии в налаживании мирных отношений православных с католиками, возбуждаемых фанатизмом ксендзов[32].

Ковенский епископ Сергий (Петров) в июле 1905 г. совершил поездку по православным приходам губернии. Цель поездки заключалась в том, чтобы оказать духовную поддержку православному населению, а также изучить причины обострения межконфессиональных и межэтнических отношений в губернии после выхода указа от 17 апреля. Свои выводы и предложения, сделанные на основании встреч с православным духовенством и мирянами, епископ изложил в письмах к генерал-губернатору А. А. Фрезе и обер-прокурору К. П. Победоносцеву.

Епископ утверждал, что до издания указа от 17 апреля отношения между православными и католиками в Ковенской губер-

31 ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 9–10.
32 ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 100.

нии были миролюбивыми. По его мнению, смуту внес не сам указ, а отношение к нему католического духовенства, начавшего вести миссионерскую пропаганду в смешанных православно-католических семьях. Поэтому правительству следовало потребовать от ксендзов, чтобы они прекратили свою преступную деятельность по «совращению» православных. Анализируя причины отпадений от православия, епископ пришел к выводу, что «совращения в католичество» происходили не столько от религиозных убеждений «совратившихся» или внутренней предрасположенности их к польской этничности, языку и культуре, сколько вследствие воздействия негативных внешних факторов.

Выход государственных указов о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и 1 мая 1905 г. об отмене ограничений, наложенных на национально-культурную и социально-экономическую жизнь литовцев и поляков Северо-Западного края, последовал одновременно с внешними поражениями России в Русско-японской войне и революционными потрясениями внутри страны. Хронологическое совпадение этих негативных для империи событий ослабило престиж власти, православия и «русской народности» среди католического населения края. Ослаблением авторитета этих трех столпов российского владычества, по мнению епископа, «превосходно воспользовался неизменно враждебный воинствующий католицизм». В качестве аргумента в пользу своего утверждения епископ приводил высказывания бывших православных, перешедших в католичество под влиянием распускаемых слухов о том, что «все переходят в католицизм» и «русских будут отсюда выселять на Сахалин».

Обращаясь к генерал-губернатору и обер-прокурору, епископ Сергий настаивал на том, что единственной возможностью «спасти дело православия в крае» стали бы меры экономического и организационного характера. Правительству следовало наделить землей «угнетенное, приниженное, разбросанное отдельными семействами среди сплошного католичества, православное население и соединить его в отдельные группы вблизи православных храмов». Епископ настойчиво утверждал, что престиж русского правительства в крае зависит от того, в каком положении находятся «православие и русская народность». Он умолял А. А. Фрезе, как русского государственного деятеля, встать на «защиту униженного православия»[33].

Призыв епископа Сергия о защите православного населения Ковенской губернии был поддержан обер-прокурором Святейше-

[33] ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 24, 139.

го Синода К. П. Победоносцевым, который 15 сентября 1905 г. сообщал А. А. Фрезе, что «мещане Новоалександровска и его окрестностей преследуются местными католиками с помощью угроз, постоянных нападок, оскорблений и даже угроз насилия над ними и их имуществом за преданность Православной церкви. Они просили содействия обер-прокурора в организации переселения их в другие местности с преобладающим русским населением, где они могли бы беспрепятственно исповедовать православие. Обер-прокурор обращался к генерал-губернатору с предложением оказать содействие просителям и другим, «истинно-православным русским людям», проживающим в той же местности, в создании для них с помощью Крестьянского банка отдельного поселка, в котором они могли бы жить, не подвергаясь давлению католиков»[34].

Нередко инициаторами разжигания религиозно-этнической ненависти к православным русским поселенцам Ковенской губернии выступали католические ксендзы. Как свидетельствуют материалы официального расследования, ксендз Довгельского костела Новоалександровского уезда Казимир Киршин «тайно подстрекал крестьян к производству беспорядков и насилий над лицами русского происхождения». Настоятель Браславского костела того же уезда ксендз Франц Бирутович «внушает своим прихожанам ненависть к местному поселенческому элементу, вследствие чего католики запугиванием и угрозами вынуждают православных переходить в католичество». Ксендз Иллокского костела Тельшевского уезда Антон Ветувис открыто призывал толпу возле костела «убивать всех русских, жандармов и полицию»[35].

Общее настроение, которое переживали православное духовенство и миряне в местностях с преобладанием католического населения, где наиболее остро проявлялась религиозная и этническая нетерпимость, можно выразить так — государство нас бросило, нас некому защищать.

В Ковенской губернии литовцы-католики запугивали немногочисленное русское население общим поголовным избиением в том случае, если они не уйдут или не примут католичество. «Сбрейте бороды, оденьте рожанцы и шкаплеры, — говорили они, — и мы вас не тронем»[36]. Растерянность и отчаяние усу-

[34] Там же. Л. 68.
[35] ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 355. Л. 36 об., 40 об.
[36] ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 215.

гублялись еще и тем, что ксендзы разъясняли указ народу в том смысле, что Николай II повелел всем переходить в католичество, что православные церкви будут обращены в костелы, а имущество их передано католическому духовенству. Православные священники будут лишены жалованья и приходов и высланы из края, чтобы не смущали народ неправильным толкованием царского манифеста[37].

Ксендзы уверяли прихожан, что сам указ издан вследствие молитв Папы Римского к возвеличению Римско-католической церкви, для блага католичества и польского народа. А это значит, что отныне католическая вера становится первенствующей в империи, следовательно, православные должны немедленно подавать заявления о присоединении к католичеству. Настоятель Брянского костела Гродненской губернии в своей проповеди прихожанам, находившимся в костеле, говорил, что «православная вера хуже всех вер и кто из православных не перейдет в Римско-католическую веру, тот никогда не сможет ожидать спасения от Бога»[38].

Среди населения распространялись слухи о том, что сам царь вместе с семьей перешел в католицизм, — «на высоте царского престола познали неправоту православия». Появление указа получало мифологическое обоснование. «Государыня, исповедуя сама римско-католическую веру, долго уговаривала вместе с Папой государя перейти в католичество. В результате государь принял католичество, крестил наследника в костеле и издал Манифест 17 апреля». В Гродненской губернии ксендзы, соблазняя крестьян покинуть православие, заявляли, что даже о. Иоанн Кронштадский принял католицизм, что ксендзам помогает администрация края — генерал-губернатор, губернаторы и т. д. Скоро все православные священники и их паства, повинуясь царскому указу, должны стать католиками. Издание указа от 17 апреля объяснялось его якобы божественным происхождением, при этом упоминались и эсхатологические мотивы. «Наши молитвы дошли до Бога, мы спасены от тяжелого ига и тяготеющей неправды. Царь получил с неба бумагу, что скоро конец мира и все народы должны поклониться Папе, чтобы получить спасение души»[39].

Указанные факты носили столь вызывающий характер, что министр внутренних дел П. А. Столыпин несколько позже, в августе

---

[37] Православный белорус. Православные приходы Виленского уезда // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 10. С. 205.

[38] ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 63.

[39] Там же. Л. 46.

1909 г., счел необходимым известить об этом Св. Престол. Столыпин полагал, что Римская курия, получавшая информацию о положении католичества в России, в основном из антироссийски настроенных польских источников, должна была знать о реальном положении дел в области незаконной религиозной пропаганды. «Самый указ 17 апреля о свободе совести некоторыми ксендзами был совершенно извращен в своей основе, так как послужил во многих случаях орудием насилия по отношению к русским и православным лицам. Кроме того, в целях более успешного привлечения в католицизм, ксендзы прибегали в некоторых случаях к распространению в темной народной массе ложных сведений, клонившихся к унижению православия. Независимо от распространения различных заграничных изданий, глумящихся над Православной церковью, римско-католическим духовенством был пущен слух, будто весь Западный край будет объявлен принадлежащим Польше, и будто сам государь император с августейшей семьей, а также чтимый народом, ныне покойный, пастырь Иоанн Кронштадский приняли католичество»[40].

В пропаганде использовались также и мотивы земного, социального престижа, когда католичество, в противовес православию — «мужицкой вере», восхвалялось крестьянскому населению как «панская вера». Применялись и методы экономического шантажа. Православных крестьян уверяли в том, что, если они будут по-прежнему сохранять верность своей Церкви, земли их будут конфискованы и переданы католикам. Не принявшие же католичество будут переселены во внутренние губернии России и даже в Сибирь, так как они не имеют больше права жить в «Польше», т. е. в Виленской и других белорусских губерниях[41]. В Ошмянском уезде католики, заставляя православных принимать католичество, угрожали им изгнанием из деревень: «Теперь скоро от вас все земли отнимут и передадут польскому королю, а русских и запаху не будет»[42].

Имелись случаи, когда в костелах ксендзы кощунственно отзывались о православной вере — «поганая вера», «собачья вера», «православие в нашем крае есть вера наносная, как холера, чума или иная болезнь». Ксендз Ляцкого костела Виленской губернии Иосиф Шкоп во время проповеди говорил прихожанам, что «пра-

---

40 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 25. Л. 56.

41 Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 17. С. 362; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 2.

42 По краю // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 10. С. 212.

вославная вера не есть истинная, а выдуманная и православный народ отрекся от Иисуса Христа как караимы, а потому будем же молиться, чтобы обратно православные вернулись в нашу веру, пусть будет одна римско-католическая вера и один пастырь». Ксендз приказал своим прихожанам не иметь с православными никаких сношений, не заводить дружбы и родства, не заходить в православные храмы, не брать последних восприемниками и не жениться на православных, как отрекшихся от Бога[43].

Проповедь превосходства католичества над православием, подкрепляемая ложной ссылкой на социальный авторитет монархии, была рассчитана на понимание «простецов», темной крестьянской массы. В приходах ксендзов, действующих такими предосудительными и противоправными способами, фанатично настроенные миряне сами становились проповедниками, пропагандируя еще более упрощенный католицизм как вероучение толпы[44].

Характерные примеры такой простонародной проповеди по обращению в католицизм приводит один из православных священников. «Переходи в нашу веру, обращались приходские миссионеры к православным, проживающим в католических деревнях. У нас в костеле музыка играет, у нас в Риме святой отец есть, а ваша ничего не стоит, что собаке хлеб дать, то в вашей вере быть. У вас батюшки женатые — грешники, детей имеют, а наши ксендзы святые. Если останешься в русской вере — вечно будешь мучиться в аду; что ваша церковь? — это хлев свиной, причастие ваше тоже ничего не стоит, это вам священник из чаши кровь бесовскую дает, а не сакрамент и т. д.»[45].

Нередки были случаи, когда ксендзы разжигали в прихожанах этническую вражду к русским, т. е. своим же православным соседям белорусам. В листовках, написанных на польском языке, которые распространялись на территории края, говорилось, что «поражение России в Русско-японской войне — это месть Божия за гонения на католиков и за обиды польского народа, что, опасаясь еще больших несчастий для себя и еще более жестких наказаний для своих московских подданных, царь издал указ. Это перст

---

43 Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 19. С. 396; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 179.

44 У ревностных католиков Витебской губернии в большом употреблении были кощунства и насмешки над православием: «Православие — вера холопская, собачья, хуже жидовской». См.: НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 54 191. Л. 32.

45 Зайц К., священник. В чем сила католицизма? // Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1905. № 19. С. 394.

Божий, чтобы вы оставили заблуждения православия, к которому вас принудили, и возвратились в веру дедов и прадедов, в святую веру римско-католическую, в которой одной есть спасение для человеческой души. Кто теперь не оставит проклятого православия и не возвратится в святую римско-католическую веру, тот погубит свою душу и своих детей»[46].

В листовках, наряду с политическими и националистическими аргументами, неизменно подчеркивался исключительный характер католической экклезиологии: «Уповаем, что многие православные признают, что истинное и полное православие соблюдает только тот, кто пребывает в церковном единстве со святым Римским престолом»[47].

Встречались листовки откровенно провокационного, экстремистского и русофобского содержания. В одной из них говорилось: «Братья крестьяне! Знаете ли вы о том, что царь уже взял назад свое слово и что теперь уже очень, очень трудно веру православную на святую католическую переменить. Он не надеялся, что мы будем так скоро к вере отцов возвращаться. А теперь, как осмотрелся, подлый гицель, то и запретил. Довольно, братья, терпели мы от москалей беды. Приходит пора сбросить ненавистное ярмо. Не думайте, братья, что москали сильные, они только на вид сильные и каждый из них виселицы достоин. Какая их сила, то теперь японец показал. А какая наша, братья, сила, мы покажем, когда все сосны при дорогах москалями обвешаем»[48].

Православных начали открыто называть «недовярками», «еретиками», «схизматиками», «отщепенцами», «холопами», а саму православную веру еретической, явившейся будто бы «из-под кнута», а также верой хамской, мужицкой и пшеклентой схизмой[49]. Ксендз Иказненского костела Дисненского уезда Виленской губернии Иоанн Кржиштофин: «Объявляя высочайший указ о свободе вероисповедания, открыто сказал в костеле, что настало католикам время отомстить православным за все обиды и притеснения, которые несли католики от русских православных людей»[50].

---

46 ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 80.

47 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 177.

48 ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 84 об.

49 НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7373. Л. 16–17; Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Л. 114; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37 167. Л. 115; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 46, 69, 83; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 68; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 80.

50 Квятковский М., священник. Из епархиальной жизни // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 35–37. С. 310.

Настроения религиозной мести порождали национальные надежды, что наш Северо-Западный край — «забранный край», и он должен отойти целиком к полякам. Политическая метафора «забранного края», как компонент этнонационалистической идеологии, опиралась на псевдорелигиозное утверждение, будто «Христос в польской вере родился и первый костел основал»[51].

Религиозная свобода, полученная в результате указа, рассматривалась католической пропагандой как эффективный инструмент полонизации белорусского населения. В этой пропаганде муссировался тезис, упорно отстаиваемый ксендзами и шляхтой, о тождественности католичества и польской этничности. В листовке, активно распространяемой в Литве и Белоруссии, некий ксендз Н., насаждая межэтническую и межрелигиозную рознь, запугивал белорусов-католиков угрозой потери польской идентичности в результате того, что «русский язык завластвует среди нас, а тогда все мы станем не польскими, а православными. С этой целью называют наш простой язык белорусским, а нас всех белорусами, чтобы мы стали похожими на великорусов, т. е. на настоящих «кацапов». В действительности же мы католики есть все поляки, а только простой народ, «холопы» — православные, живущие вместе с нами, заслуживают название белорусов. И эти все когда-то соединятся с нами в один народ — польско-католический, ибо так желает Иисус Христос, который обещал, что будет время, когда на свете будет одно стадо и один пастырь»[52].

Единообразие приемов, используемых католическим духовенством для обращения православных, общее содержание их проповедей, типичный для всех губерний Северо-Западного края набор слухов и угроз, распространяемых устно и с помощью многочисленных листовок, свидетельствовали об организованном характере этой внешне стихийной, низовой пропагандистской кампании. Выбор указанных средств не был случайным. Для традиционного крестьянского общества, где господствовали средства устной коммуникации, целенаправленно распространяемые слухи становились одним из социально значимых инструментов прозелитической деятельности.

---

51 ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 80; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 46, 69, 83; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 68; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37 167, Л. 115; Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Л. 20–21, 60–61; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 58, 177; Новое время. 20 июня 1905 г.; За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 140. Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1911. № 1. С. 13–14; Минское слово. № 1206. 1911.

52 НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Л. 21–22.

Нельзя не отметить выразительную светскую составляющую в идейном содержании средств, применяемых, казалось бы, в сугубо религиозных целях. Но на практике проявления религиозного фанатизма оказались тесно связанными с настроениями политического и этнического экстремизма, характерными для некоторой части духовенства и мирян. Пропагандистские приемы, применяемые в Северо-Западном крае, не имели принципиальных отличий от аналогичных методов, используемых в Холмско-Варшавской православной епархии[53].

И там и здесь инструментом католического прозелитизма среди православного населения становились характерные для этого времени политические технологии, позволявшие манипулировать массовым религиозным сознанием необразованного крестьянского населения. Различие заключалось в интенсивности и масштабах пропагандистской кампании и специфике религиозных групп, к которым применялись эти технологии. В одном случае «упорствующие» происходили из бывших униатов Холмщины, присоединенных к православию в 1875 г., в другом — из бывших римо-католиков и униатов, воссоединенных после Полоцкого собора 1839 г. и польского восстания 1863 г.

Отойдя от шока, вызванного «низовой» католической реакцией на указ о веротерпимости, православная сторона перешла в пропагандистское контрнаступление. Это был ответ на вызов, брошенный противниками православия в форме организации нелегальной «низовой» пропаганды по обращению православных в католичество. Поэтому полемика с католичеством не могла носить академического, богословского характера, обращенного к образованному обществу, который был присущ для эпохи, предшествовавшей указу о веротерпимости[54].

Отныне она приобретала популистские, заостренно пропагандистские черты и адресовалась народным массам — православным и католикам, которых необходимо было убеждать в преимуществе православия над католичеством на доступном им языке. Характер католического вызова определял не только содержание, но и стиль православного ответа. Организованная

---

[53] Евлогий (Георгиевский) митр. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 140–145.

[54] Иванцов-Платонов А. М., священник. О Римском католицизме и его отношениях к православию. Ч. I. М., 1869; Скворцов В. М. Судебный процесс ковенского ксендза Белякевича и католическая церковная дисциплина. СПб., 1900.

радикально настроенной частью католического духовенства и мирян «низовая» пропагандистская кампания с характерными для нее охлократическими методами воздействия на религиозное сознание православных провоцировала появление ответного жесткого стиля православной полемики.

Проблема противостояния католической пропаганде средствами православной печати решалась на двух уровнях — богословском и публицистическом — в «Епархиальных ведомостях», обращенных непосредственно к приходскому духовенству, и популярных, пропагандистских «Листках», рассчитанных на понимание народных масс. Приходским священникам, испытывавшим психологическое потрясение от последствий издания указа от 17 апреля 1905 г., следовало авторитетно разъяснить богословские, исторические и психологические причины резко вырвавшихся наружу настроений нетерпимости к православию и активизации католического прозелитизма. На этом поприще преуспели «Гродненские епархиальные ведомости», которые, благодаря епископу Никанору, выступили с серией статей популярного богословского и церковно-исторического характера.

Журнал усматривал причины враждебного отношения католиков к православным во властолюбии Римско-католической церкви, в характерном для нее «духе стяжания и господства», которые порождают фанатизм и нетерпимость. Эта богословско-психологическая точка зрения позволяла выстроить взгляд на ксендзов, как на людей, совершенно чуждых пониманию принципов религиозной свободы, единственная цель которых состоит в подчинении всех православных Римскому епископу — Папе. Для этого «ревнители католичества обещают отступникам от православия прощение грехов, забывая, что православные тоже христиане, для которых все божественное Писание, все Господни установления, все древние правила апостольские и каноны Вселенских соборов имеют такую же полную силу, какую они должны иметь и для всех католиков». Критический подход в оценке экклезиологии и прозелитических приемов католиков позволил журналу сделать негативный вывод о том, что «католичество есть вероисповедная система духовного порабощения других и принципиального насилия по возможности над всеми людьми»[55].

Православные епископы и священники прибегали к лексике и аргументам, которые формировали у читателей негативный

[55] О вероисповедной нетерпимости // Гродненские епархиальные ведомости. 1905. № 37. С. 996–999.

образ католичества, должный вызвать неприятие вероучения этой Церкви, ее истории, морали, обрядов и пропагандистских методов привлечения православных в состав своей паствы. Резкие характеристики, даваемые действиям католиков православным духовенством на страницах «Епархиальных ведомостей», свидетельствовали о крайнем неприятии проявлений фанатизма, жертвой которого становилась православная паства.

Вот, например, какой была реакция священника из Полоцкой епархии Кирилла Зайца, приход которого, находившийся в Люцинском уезде, столкнулся с активным прозелитизмом католиков: «Католичество показывается миру во всей своей омерзительной наготе. Так и кажется, что со средних веков — времен инквизиции — католичество осталось таким же в своих отношениях к другим вероисповеданиям и нисколько не изменилось к лучшему. У нас, по крайней мере, не хватает только костров для сожжения «еретиков», и костры запылали бы, если бы правительство разрешило; Католическая церковь, наверно, благословила бы и на это своих ревностных служителей для вящей славы Божией; пытки остались и теперь»[56].

Резкий полемический стиль в оценках экклезилогии и прозелитических приемов местного католичества был присущ не только для периодических церковных изданий, рассчитанных на духовенство и образованные слои общества. Острая критика католического вероучения и норм церковной жизни была особенно характерна для распространяемых в народе «Почаевских листков». «Листки» для православных «простецов» ставили своей целью популярное разъяснение основ православной веры и разоблачение ложных слухов, к которым прибегала католическая пропаганда для достижения прозелитических целей. При этом негативным оценкам подвергался институт папства, поведение отдельных представителей папского престола, практика продажи индульгенций, деятельность инквизиции, прозелитизм ксендзов, католическая обрядность и т. д.

Столь же жестким полемическим духом и стилем отличались воззвания Виленского православного Свято-Духовского братства[57].

Обличительный характер критических стрел, направляемых в адрес Римско-католической церкви и её служителей со стра-

---

[56] Зайц К., священник. В чем сила католицизма? // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 19. С. 390.

[57] ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2954. Л. 71–72, 79–80, 82–84, 96–96.

ниц церковных изданий, представлялся православной стороне наиболее эффективным пропагандистским приемом, способным ослабить и остановить прозелитический натиск католицизма. Несмотря на вынужденный и оборонительный характер православной пропаганды, она также несла в себе потенциальную социальную опасность. Духовенство, будь оно православное или католическое, по роду своего служения неизбежно воздействует на социальное и нравственное поведение своей паствы. Слово пастыря, письменное или устное, в силу духовного авторитета своего носителя становится действенным инструментом влияния на настроения терпимости или нетерпимости к верующим и духовенству иных конфессий.

Это обстоятельство в ситуации разрастающегося религиозно-этнического противостояния налагало на христианское духовенство обеих Церквей особую социальную и нравственную ответственность. Однако удержаться в рамках взаимной терпимости, которой добивалась светская власть, оказалась задачей, непосильной для обеих сторон. Православное духовенство и миряне господствующей Церкви почувствовали себя глубоко уязвленными теми пропагандистскими приемами и методами прозелитизма, к которым прибегали духовенство и миряне Церкви терпимой. Уклониться от межконфессиональной конфронтации, навязанной католичеством, оказалось практически невозможным. Пропагандистские действия духовенства и мирян из православных братств порождали ответную реакцию, вызывая возмущение и протесты со стороны католического клира и его паствы. Выход из этого замкнутого круга могла предложить только светская власть, но антикатолическая пропаганда и вызванные ею случаи негативного отношения православных к католикам осложняли усилия администрации по успокоению страстей, бушующих в межконфессиональных отношениях.

В ноябре 1905 г. Виленский римско-католический епископ Эдуард фон Ропп обратился к генерал-губернатору А. А. Фрезе с жалобой на оскорбление религиозных чувств католиков, которое вызвало содержание «Почаевских листков». К епископу поступило сообщение от настоятеля Домбровского костела Гродненской губернии ксендза Гурского, в котором указывалось, что прихожане этого костела «крайне возмущены антикатолическими действиями Красностокской церкви и монашек Красностокского монастыря». Как следовало из донесения ксендза, «Почаевские листки целыми тысячами раздаются красностокскими священниками и игуменьей того же монастыря, так что листки эти нахо-

дятся везде, по всем деревням. Листки эти прихожане без ужаса читать не могут, так как в них заключается посягательство на самое дражайшее и святое для каждого католического сердца».

Указывались и негативные последствия, к которым приводила антикатолическая пропаганда: «В деревнях, где находятся православные, позволяют они себе насмехаться пред католиками самым бесстыдным образом над Папою, епископами и ксендзами; православные позволяют себе обижать по деревням католиков, особенно православные дети, наученные, вероятно, родителями. Они не дают прохода перешедшим в католичество, бросают в них камнями и кричат: «Хоть убей два католика, ничего не будет, все равно пропадете как собаки». К рапорту ксендза были приложены: «Почаевский листок» № 27 «Православным христианам о католическом прельщении» и «Почаевский листок» № 33 «Как папы и ксендзы добрыми делами торгуют» с выразительной иллюстрацией «Иуда за сребреники продает Христа». Эти «Листки» вместе с письмом епископа Эдуарда фон Роппа были направлены Виленскому генерал-губернатору[58].

В ответ А. А. Фрезе уведомил епископа о том, что им даны распоряжения соответствующим лицам и учреждениям относительно фактов, указанных в рапорте ксендза Гурского. Вместе с тем генерал-губернатор предложил фон Роппу обратить внимание на содержание нелегальных католических листовок, распространяемых в его епархии. В частности, на известное воззвание к бывшим униатам от «круга католических священников в Литве», носившее откровенно русофобский и антиправославный характер, и другие экстремистские листовки, текст которых, в свою очередь, прилагался к письму А. А. Фрезе[59].

В развернувшейся пропагандистской войне противостоявшие друг другу стороны находились далеко не в равном положении. Господствующий статус Православной церкви давал ей неоспоримые правовые, организационные и материальные преимущества в полемике с религиозным противником, в то время как католическая сторона была ограничена цензурой в своих легальных контрпропагандистских возможностях. Попытки католического духовенства придать полемике с православием открытый общественный характер немедленно пресекались администрацией. Такая участь выпала на долю «Католических ответов», которые содержали отповедь тем обличениям Церкви, которые исходили

58 ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 70.
59 ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 76, 80, 84.

от «Почаевских листков». «Ответы» печатались в Кракове и затем различными путями ввозились в Россию[60].

Преподаватель Виленской римско-католической духовной семинарии ксендз Л. Жебровский заказал в одной из виленских типографий издание четырех «Католических ответов», полученных из-за границы. Но напечатать успели только два — «Кто обманом и насилием распространяет свою веру» и «Правда ли, что папу выдумали католики?». Тираж был полностью конфискован, а ксендз Жебровский, действовавший в обход закона и формального разрешения епископа фон Роппа, оказался под следствием. Ксендз, обвиняемый в «порицании православной веры и распространении заведомо ложных сведений о действиях правительства», решением суда был оправдан, так как «Ответы» были «своевременно арестованы» и не получили распространения среди населения. Министр внутренних дел П. А. Столыпин был недоволен решением Виленской судебной палаты, так как, по его мнению, «Ответы» содержали «несомненное поношение Православной церкви и её служителей»[61].

Аналогичная ситуация складывалась и в белорусских губерниях, входивших в состав Могилевской римско-католической архиепархии. Управлявший ею прелат Стефан Денисевич также не мог примириться с теми методами обличения католичества, к которым прибегало православное духовенство. Его особенно задевало то неравноправное положение, в котором оказалась католическая сторона в полемике с православием и полная безнаказанность православных священников, которых прелат считал подлинными виновниками резкого обострения отношений между католиками и православными.

В марте 1906 г. прелат обратился с жалобой к министру внутренних дел П. Н. Дурново на священника Полоцкой епархии Кирилла Зайца, который, по его мнению, возбуждал вражду среди православных и местных латышей-католиков. По сведениям Денисевича, этот священник издал воззвание к своей пастве, в котором «посредством целого ряда вымышленных обличений, клевет и инсинуаций против Римско-католической церкви старается оскорбить её авторитет и восстановить католиков против своих духовных пастырей: Папы, епископов и священников». Прелат предупреждал министра о том, что это религиозное воззвание представляет собой политическую опасность для правительства,

60 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 64–66.

61 ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 380. Л. 3, 22–25, 41, 45.

так как может вызвать враждебное отношение населения к религии вообще, чем обязательно воспользуются «враги государственного порядка».

Однако епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков) думал совершенно иначе. В ответ на запрос обер-прокурора Св. Синода П. Извольского, епископ ответил, что «деятельность священника Зайца, всецело вызванная усилением в Западном крае борьбы православия и воинствующего католицизма, заслуживает лишь похвалы и поощрения»[62].

В ответ на продолжавшиеся обвинения в прозелитизме и разжигании религиозно-этнической нетерпимости к православному населению, выдвинутому администрацией против ряда ксендзов Минской губернии[63], прелат в июне 1906 г. обратился к новому министру внутренних дел П. А. Столыпину с претензиями встречного характера. Он уверял министра, что «если же взаимные отношения между католиками и православными не вполне доброжелательны, то в этом вина единственно и всецело на стороне православного духовенства, которое постоянно и систематически сеет и поддерживает вражду и ненависть между последователями обоих исповеданий»[64].

Прелат выражал возмущение воззваниями, «О католической вере к уклоняющимся в католичество» и «К православным христианам», которые были опубликованы в Полоцкой епархии[65] и духовенством Минского кафедрального собора. В последнем, в частности, говорилось: «Кому не известно, каким гонениям подвергались православные, жившие в этом исконно русском крае, за исповедание своей веры во время польского владычества! Гонения, какие православные терпели в здешнем крае, напоминают первые времена Христовой церкви, гонимой от иудеев и язычников. Во время богослужения поляки врывались толпой в храм, били народ и выгоняли его из церкви. Желая отторгнуть народ от православной веры, они пускали в дело угрозы и обещания различных льгот; непреклонных же в своей вере православных, как овец, силой загоняли в католические костелы или униатские храмы, заковывали в железные ошейники, морили голодом. Священников привязывали к столбам, травили собаками, отрубали им пальцы, ломали руки и ноги.

---

62 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 104, 109.
63 НИАБ. Ф. 295. оп. 1. Д. 7288. Л. 27.
64 РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 192. Л. 33.
65 ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2954. Л. 73–77.

Слава Богу, время это кончилось. Северо-Западный край снова вошел в состав Русской империи. Благодарите Господа Бога, что вы теперь не католики и не униаты; что вы исповедуете единую истинную Апостольскую веру — веру православную, в коей одной вечное спасение»[66].

Возмущенный прелат доказывал П. А. Столыпину: «В воззваниях этих путем извращения истории, осмеивания католического вероучения и обычаев, клеветы, гнусных инсинуаций, преследуется указанная выше цель — унижение Римско-католической церкви в глазах её последователей. Указанные воззвания, содержащие возбуждение одной части населения против другой, совершенно безнаказанны, напротив, одобряются духовной властью. Между тем, по поводу одних лишь недоказанных обвинений правительство грозит применением против католических священников репрессивных мер, до смещения с занимаемых должностей включительно. Такая различная оценка одинаковых действий со стороны р-к священников, впрочем, недоказанных, совершенна понятна. Я позволю себе сделать один вопрос, а именно, какая участь постигла бы того католического священника, который издал бы подобное воззвание к своей пастве, направленное против православия?

По счастью, к чести католического духовенства, смею утверждать, что священнослужители Католической церкви к такого рода приемам ни в коем случае не прибегнут: слишком они ценят свое достоинство и к подобной борьбе не способны. Нельзя объяснять упомянутых воззваний и свободой слова; раз эта свобода признается за православными священниками, нельзя ее лишать и римско-католических священнослужителей; и поэтому ставить последним в вину сделанную ими по адресу православия какую-нибудь резкую выходку, легко, впрочем, объяснимую выведением их из терпения и чувством самозащиты, по крайней мере, несправедливо»[67].

Эмоционально насыщенная риторика, с помощью которой прелат С. Денисевич пытался добиться осуждения действий православной стороны, не встретила понимания у П. А. Столы-

---

66 РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 192. Л. 31. Описывая гонения, которые католики устраивали на православие во времена Речи Посполитой, священники Минского кафедрального собора цитировали «Историю Русской церкви» архиепископа Филарета (Гумилевского). Цит.: Красножен. М. Иноверцы на Руси. Т. 1: Положение неправославных христиан в России. Юрьев, 1900. С. 80. Там же. Л. 31.

67 РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 192. Л. 33–34.

пина. Министр внутренних дел располагал совершенно иной информацией о том, кого следует считать виновным в разжигании религиозно-этнической нетерпимости между католиками и православными и какие противоправные методы использовало католическое духовенство для увеличения своей паствы после издания указа о веротерпимости.

Пропагандистская война за души верующих, начавшаяся между католичеством и православием в Северо-Западном крае, вызвала серьезную обеспокоенность в высших эшелонах власти. Правовая и нравственная безответственность недобросовестных интерпретаторов указа делала для правительства все более актуальным решение вопроса о защите «неприкосновенности совести» той части православного населения, которая невольно оказалась жертвой охлократического восприятия религиозной свободы.

Вопрос «кто виноват?» руководство МВД из области риторики переводило в сферу практических мер — судебных и административных. Миротворческая задача, которую выполняло государство, заключалась в том, чтобы заставить всех участников межрелигиозных конфликтов соблюдать законодательство о веротерпимости. Эти правила и после указа от 17 апреля 1905 г. ставили духовенство соперничавших Церквей в неравное положение.

Для священников терпимой Католической церкви публичная критика православия по-прежнему относилась к разряду правонарушений. На практике она приводила к обвинениям, выдвигаемым со стороны православного духовенства или администрации, расследованию уголовных дел и наказанию ксендзов, в случае доказательства их вины [68].

Православное духовенство, наоборот, публичную критику католичества подкрепляло силой закона, который запрещал религиозную конкуренцию с православием, позволяя тем самым нейтрализовать попытки католического клира вступить с ним в публичную полемику.

Пропагандистская война была не только борьбой за религиозную истину, в которой каждая из сторон с помощью различных методов, легальных и нелегальных, доказывала преимущества своей веры. Развернувшаяся борьба за души верующих вывела на поверхность и сделала достоянием общественной жизни те подспудные настроения неприязни и враждебности по отношению друг к другу, которые накопились у духовенства и мирян

[68] РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 159, 213.

обеих христианских Церквей за десятилетия, прошедшие после восстания 1863 г.

Несмотря на то, что указ о веротерпимости не изменил институционального статуса обеих Церквей, в эпицентре этой пропагандистской войны, особенно на её начальной стадии, оказался вопрос о том, в чьих интересах издан указ о веротерпимости и каковы теперь конфессиональные предпочтения верховной власти. Предметом острой конкурентной борьбы между духовенством соперничавших христианских Церквей становился авторитет российской монархии. Католическая сторона, перехватив у православных соперников пропагандистскую инициативу в интерпретации указа, начала активно формировать в массовом сознании своей паствы превратное представление о радикальной смене приоритетов в религиозной политике императора Николая II. Население должно было усвоить, что объектом исключительной царской заботы становились отныне интересы «гонимой» ранее Католической церкви. Указ о веротерпимости, издание которого объяснялось обращением русского православного царя в польское католичество, был преподнесен «низовой» пропагандой как божественное чудо, явившее миру торжество истинной Церкви. Теперь, по воле Божьей, католичество в России возносилось над поверженным православием и становилось Церковью господствующей, свободно привлекающей «схизматиков» в свое лоно. Бездействие администрации, затянувшееся до поздней осени 1905 г., способствовало усилению этого пропагандистского напора на позиции местного православия.

Возрастающая религиозно-этническая нетерпимость подогревалась аргументами богословского и политического характера, полемически заостренными и упрощенными для понимания непросвещенной массы населения. Мотивы религиозно-этнического реванша и мщения, вызвавшие взрыв миссионерской энергии «снизу», с неизбежностью повлекли за собой предосудительные и противоправные методы обращения в католичество. Религиозная свобода, ограниченная рамками веротерпимости, была воспринята частью католического духовенства и мирян не как право на выход из православия, а как вседозволенность прозелитизма, выходящая за границы российского закона и христианской морали. Социальная опасность «низового» религиозного фанатизма усиливалась его тесной связью с простонародным польским национализмом. В условиях нарастающей революционной смуты действия религиозных фанатиков и левых экстремистов расшатывали,

с разных сторон, общественную дисциплину и правопорядок, сопрягая насилие над личностью с насилием в отношении государства.

Практическое отсутствие регулирующей роли государства в нарастающем религиозно-этническом противостоянии оказало воздействие и на реакцию православного духовенства Северо-Западного края. Защищая свою паству, православная сторона стремилась парализовать усилия «низовой» охлократической пропаганды с помощью жесткой антикатолической риторики, транслируемой в воззваниях и популярных народных изданиях. Практика обличений католичества продолжилась и после того, как католическая пропагандистская кампания с осени 1905 г. пошла на спад.

Общий богословский взгляд на причины религиозной конкуренции и нетерпимости кратко и точно выразил известный русский канонист А. С. Павлов: «...с чисто церковной точки зрения нет, и не может быть *веротерпимости*, т. е. признания одной церкви другой, как не может быть признания за истину двух взаимно исключающих себя положений»[69].

События, развернувшиеся в Северо-Западном крае после издания указа о веротерпимости, только конкретизировали эту истину, придав ей практическое, религиозно-этническое и нравственное измерение.

---

[69] Павлов А. С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 362.

А. А. КИСЕЛЕВ

ПОЛИЦИЯ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1905–1907 ГГ.

При анализе общественно-политических движений, действий органов власти на территории белорусских губерний Российской империи в период политического кризиса 1905–1907 гг. в белорусской исторической науке до сих пор превалируют оценки советской историографии. В частности, вовлечение рабочих в забастовочное движение объясняется преимущественно их тяжелым материальным положением, произволом со стороны полицейских чиновников и присущим рабочим духом протеста против формы правления и политического режима власти императора. Вместе с тем описание рабочего движения в служебных документах местных учреждений МВД, мотивы действий полицейских структур не принимаются во внимание при реконструкции хода событий, логики действия властей в 1905–1907 гг., что неизбежно приводит к заведомо ошибочной трактовке событий периода «первой русской революции» в белорусских губерниях.

В обзорных монографиях, учебниках сообщается о многочисленных забастовках, охватывавших города белорусских губерний в 1905–1907 гг. Однако не рассказывается о том, что в забастовки рабочие часто вовлекались террором и расправами над теми, кто отказывался следовать приказам центральных комитетов социалистических партий. Так, в рапорте от 29 апреля 1905 г. виленский губернатор К. К. Пален констатировал, что, «как доказали неоднократные примеры, стачки и забастовки среди рабочих и служащих в промышленных заведениях г. Вильно происходят, помимо

желания большинства, под давлением со стороны незначительных групп лиц, принадлежащих к боевым и террористическим кружкам преступных организаций. Как и в данном случае, лица эти путем угроз, запугиваний и насилий, нередко выражающихся в кровавых расправах, всегда достигают того, что самые мирные и благомыслящие рабочие невольно прекращают занятия, щадя лишь неприкосновенность своей личности»[1]. Иногда объектами шантажа и угроз становились даже семьи рабочих. 11 января 1905 г. при организации всеобщей политической забастовки в Вильно партийные активисты, убедившись, что полиция охраняет промышленные предприятия, «прибегли к способу, трудно поддающемуся полицейскому надзору: они обходили поодиночке семьи рабочих и угрозами убеждали жен рабочих склонять своих мужей к забастовке. Этот прием удавался; жены лично или записками вызывали мужей с фабрик»[2]. Объектом запугивания становились все категории работников, в том числе женщины, причем материалы дознания показывают, как достигались поставленные цели. В частности, 17 января 1905 г. на генерал-губернаторском проспекте в Вильно Ю. М. Бреер нагнал «возвращавшихся домой с работы на бумажной фабрике Рабиновича пять девушек, угрожал избить их, если они будут продолжать работать до 8 часов вечера, причем пытался привести эту угрозу в исполнение. Девушки, испугавшись, бросились бежать, но Бреер погнался за ними, ударил одну из них Брониславу Моравскую и намеревался нанести удар другой работнице Елене Шостаковской; когда же та упала на землю, то Бреер бросился преследовать остальных разбегавшихся в разные стороны девушек и выстрелил два раза из бывшего при нем револьвера»[3]. Интересно, что для полиции не было сомнений в том, что ратовавший за сокращение рабочего дня виновник происшествия принадлежал к «боевой команде» организаторов вынужденных стачек рабочих»[4].

Методы по вовлечению рабочих в забастовочное движение в Вильно не были чем-то исключительным. В секретном отчете от 30 сентября 1905 г. жандармский ротмистр М. А. Подгоричани-Петрович докладывал о том, что в Гомеле (Могилевская губерния) «характер забастовок везде был принудительный со стороны

---

1 Литовский государственный исторический архив (далее — ЛГИА). Ф. 378. 1905. Д. 2. Л. 88.

2 Революция 1905–1907 гг. в Литве. Документы и материалы / Под ред. Ю. И. Жюгжды [и др.]. Вильнюс, 1961. С. 95.

3 ЛГИА. Ф. 378. 1905. Д. 2. Л. 31.

4 Там же.

меньшинства терроризировавшего большинство путем угроз, стрельбой и поджогами»[5]. В отчете на имя министра внутренних дел от 1 декабря 1905 г. минский губернатор П. Г. Курлов писал о забастовках, что «большинство собственно рабочих терроризировано меньшинством и никогда самостоятельно не решалось бы на что-либо подобное, боясь потерять необходимый для их семей заработок»[6]. Витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов получил 4 декабря 1905 г. телеграмму от министра внутренних дел, в которой ему предписывалось «принять меры охранению во что бы то ни стало установлением стражи и другими соответствующими способами Двинскую почтовую контору от бросания бомб и выстрелов в работающих чинов. Многие желают работать опасаются угроз еврейского Бунда и бастующих»[7]. Факт насильственного вовлечения рабочих в забастовки учитывался в служебных документах и инструкциях. Например, циркуляр МВД от 12 декабря 1905 г. о порядке действий жандармов во время забастовок на железных дорогах предписывал «подвергать личному задержанию» агитаторов, «которые применяют угрозы или насилие» в отношении рабочих[8]. В своем циркуляре от 8 июня 1906 г. начальникам полицейских управлений Минской губернии губернатор П. Г. Курлов предписывал принять «надлежащие меры к недопущению насилия со стороны забастовщиков над рабочими, желающими работать»[9]. После того как с 13 января 1905 г. рабочие ряда предприятий Вильно прекратили участие в массовой политической забастовке, помещения мастерских пришлось охранять «нарядом полиции, воинскими патрулями» и вызванными нижними чинами полицейской стражи[10]. Интересно, что, согласно донесению виленского губернатора, рабочие «были в тревожном настроении, выжидая нападений и насилий» со стороны партийных агитаторов[11]. Среди населения не было абсолютно никаких иллюзий на предмет добровольности участия в забастовке. Так, корреспондент «Окраин России» из Гродно вспоминал, что о «дне забастовки «бундисты»

---

5 Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 1440. Оп. 3. Д. 4. Л. 283.

6 Там же. Л. 290.

7 Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 53 632. Л. 9.

8 НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7507. Л. 82 об.

9 Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг. Документы и материалы. Минск, 1955. С. 545.

10 Революция 1905–1907 гг. в Литве. С. 96.

11 Там же.

оповещали заблаговременно. Забастовке должны были подчиняться все, кого она касалась. Ослушники подвергались самым жестоким наказаниям. Одна торговка-еврейка, осмелившаяся торговать в день забастовки, была страшно избита; в магазинах, пытавшихся было в начале не подчиняться требованиям забастовщиков, были разбиты дорого стоившие оконные стекла»[12].

Вышеприведенные оценки мотивов рабочих, обусловивших их участие в забастовках, резко контрастируют с добровольческой картиной рабочего движения в советской и современной белорусской историографиях. В забастовочном движении просматривается насильственное вовлечение рабочих в противостояние с нанимателями и властями, причем полиция отдавала себе отчет в том, что причина возникновения забастовок заключалась не только в конфликте интересов на экономической почве. По крайней мере, еще до массовых беспорядков 1905–1907 гг. виленский губернатор В. В. фон Валь в своем отчете за 1901 г. констатировал, что недовольство рабочих «поддерживается не столько экономическими причинами, так как за последние годы заработная плата рабочим почти повсеместно увеличена, а число рабочих часов сокращено, столько вредным влиянием на рабочую среду извне преступной агитации тайных революционных сообществ, разжигающих воображение рабочих обещанием разного рода несбыточных благ, по ниспровержению существующего порядка правления»[13].

Следует отметить, что пристальное внимание полиции к рабочему движению обусловливалось тем, что согласно российскому законодательству забастовка трактовалась как противоправное деяние (3 июня 1886 г.)[14]. В частности, за подстрекательство к забастовке рабочему грозило тюремное заключение сроком от 4-х до 8-ми месяцев, прочим участникам — от 2-х до 4-х месяцев, впрочем, при прекращении стачки по первому требованию полиции рабочие освобождались от ответственности. Соответственно, чины полиции обязывались сообщать обо всех случаях нарушения порядка и содействовать фабричной инспекции. Во-вторых, забастовочное движение зачастую носило достаточно агрессивный характер, его трудно было квалифицировать в категориях мирного сопротивления. Например, во время забастовки кожевенных предприятий в Сморгони в 1901 г. рабочие «в случаях ...

---

12 Свой Гродна // Окраины России. 1908. № 24. С. 364–366.

13 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.) / Под ред. В. Н. Перцева [и др.]. Мн., 1953. Т. 3. С. 380.

14 ПСЗРИ. Собрание 3-е. 1888. Т. VI. № 3769.

несогласия на удовлетворение ... требований, наносили хозяевам заводов побои, разбивали окна в их домах»[15]. Более того, виленский губернатор В. В. фон Валь отметил, что руководители стачки в Сморгони «употребляли меры к тому, чтобы совершенно ослабить энергию местной полиции, угрожая приставу и урядникам лишением жизни. Безвыходное положение этих чинов имело своим последствием, что один из урядников заболел манией преследования»[16]. Полиция не имела возможности для эффективной нейтрализации действий забастовщиков в силу своей малочисленности. В частности, виленский губернатор обосновывал необходимость увеличения штата виленской городской полиции ее неспособностью противодействовать «значительным стачкам»[17]. «Рабочий» вопрос упоминался в качестве обоснования для расширения штата Витебского городского полицейского управления в рапорте витебского полицеймейстера от 3 сентября 1900 г. В нем он писал, что для «предупреждения столкновений и беспорядков по этому вопросу (рабочему. — *А. К.*) чинам полиции и городовым, по ограниченности состава, приходилось в продолжение нескольких суток работать без отдыха, что крайне изнуряло их и в течение некоторого времени лишало возможности быть пригодными для исполнения других своих служебных обязанностей»[18]. Кроме того, в другом своем рапорте от 6 октября 1900 г. полицеймейстер предлагал учредить в Витебске должности 5 конных городовых. Последних наряду с задачами по борьбе с преступностью следовало использовать и для противодействия стачечникам, поскольку «были случаи открытых нападений их группами на хозяев и даже столкновения с полицией»[19].

Вместе с тем далеко не всегда полиция практиковала силовое подавление забастовок. В частности, виленский генерал-губернатор А. А. Фрезе в предписании гродненскому губернатору от 24 февраля 1905 г. полагал, что «упорядочение рабочего вопроса ни в коем случае не может быть достигнуто одним правительственным вмешательством через посредство полиции в сферу брожения рабочей среды». Более того, целый ряд забастовок имел под собой основание «на почве несоблюдения владельцами промышленных предприятий самых примитивных требований санитарно-полицей-

15 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). С. 379.
16 Там же. С. 380.
17 Там же.
18 НИАБ. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 19 774. Л. 208.
19 Там же. Л. 218.

ского характера, а в иных случаях вследствие арестов рабочих без достаточных к тому оснований»[20]. По мнению начальника края, администрация должна была играть роль «благожелательного посредника»[21] в трудовом споре между рабочими и нанимателем. В этом духе сотрудники полиции зачастую вели переговоры с рабочими, пытаясь разрешить конфликт мирными средствами. В частности, двинский полицеймейстер во время рабочих волнений в феврале 1905 г. неоднократно лично вступал в переговоры с забастовщиками. Вместе с чинами фабричной инспекции в течение 17–18 февраля он посещал «заводы и места группировок забастовщиков, пытаясь вступить с ними в обсуждение их требований»[22]. В итоге ему удалось не допустить объединения бастующих рабочих-евреев и христиан, уговорив последних «составить письменную программу своих требований»[23] и прекратить забастовку.

В это же время (19 февраля 1905 г.) в Белостоке (Гродненская губерния) также развернулись забастовки, сходки, несанкционированные шествия. Однако полицеймейстер и исправник, не прибегая к силовым методам, неоднократно лично вступали в переговоры с рабочими с «целью мирного, путем уговора, воздействия на взволнованный народ»[24]. Показательно, что именно в этот период революционеры в Белостоке перешли от тактики организации уличных демонстраций и митингов к открытому террору путем «самых бесчеловечных, но вполне систематических и подготовленных покушений на жизнь чинов полиции и представителей капитала»[25]. В результате 21 февраля 1905 г. недалеко от города был убит белостокский исправник Н. Н. Ельчин, приехавший убеждать толпу митинговавших еврейских рабочих разойтись по домам. Другой пример. 12 января 1905 г. виленский полицеймейстер вызывал к себе «часть рабочих из некоторых типографий и фабричных мастеровых», которым сообщалось о невозможности каких-либо переговоров по урегулированию трудовых споров «до полного успокоения рабочей среды»[26]. В случае продолжения забастовок рабочих предупреждали «об аресте и высылке неработавших»[27]. Итогом этих бесед стал выход на ра-

20 ЛГИА. Ф. 378. 1905. Д. 4. Л. 68.
21 Там же. Л. 69.
22 НИАБ. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 21 388. Л. 15.
23 Там же. Л. 16.
24 ЛГИА. Ф. 378. 1905. Д. 46. Л. 11.
25 Там же.
26 Революция 1905–1907 гг. в Литве. С. 96.
27 Там же.

боту «большинства из тех, с которыми полицеймейстеру удалось поговорить»[28].

Кроме того, в советской историографии позиция рабочих в трудовых конфликтах с предпринимателями трактовалась как единственно верная. Однако можно предположить, что правота рабочих была относительной и далеко не всегда их требования являлись справедливыми, экономически обоснованными и законными. Согласно отчетам фабричных инспекторов в западных губерниях, «между различными требованиями рабочими предъявлялись даже и такие, как, например, уничтожение применения сдельной оплаты работы и наем исключительно на жалование с одновременным притом сокращением рабочего дня и увеличением числа праздников»[29]. Показательно, что, как только предприниматели шли на удовлетворение этих требований, «обнаруживалось сокращение производительности до недопустимых пределов», а заводские мастерские превращались в «места сборищ для «митингов» и «дискуссий»[30]. На многих «обыкновенно мелких заведениях» рабочие путем забастовок и «даже террористических актов» просто ставили нанимателей перед фактом новых условий найма и увольнения. Так, если рабочего увольняли без согласия и ведома его коллег по цеху, то профсоюз или революционная партийная организация предъявляли предпринимателю требование выплатить жалование за 3 месяца с доплатой, зависящей от трудового стажа. При этом представители союза или партии ссылались на «обычное право профессиональных союзов»[31]. В какой-то степени жесткий прессинг предпринимателей со стороны трудящихся, организованных в нелегальные группы и союзы партийными активистами Бунда или РСДРП, позволял им добиваться улучшения условий труда и оплаты. Однако выдвижение заведомо неприемлемых для предпринимателей требований, террористические методы борьбы ставят под сомнение тезис о том, что первоочередной задачей таких нелегальных объединений рабочих являлась защита их профессиональных интересов. Можно предположить, что такими действиями предприниматели провоцировались на ответные жесткие меры (локауты, закрытие предприятия), а это лишь увеличивало число недовольных, обостряло ситуацию, что играло на руку революционным партиям.

---

28 Там же.

29 Свод отчетов фабричных инспекторов за 1906 год. СПб., 1908. С. 10.

30 Там же.

31 Там же.

Вместе с тем в долгосрочной перспективе такая тактика скорее ухудшала, чем улучшала положение рабочих.

Кстати, само материальное положение трудящихся в начале XX в., как это показывают последние исследования отдельных белорусских историков, было не столь уж плачевным[32]. По крайней мере, если сравнить средний месячный заработок бастовавших рабочих Вильно и Нововилейска в период февраля—марта 1905 г. с жалованием городовых Виленского Городского полицейского управления, то окажется, что рабочие получали большую заработную плату, чем нижние чины полиции. Так, старшему городовому полицейской команды выплачивалось 16,7 руб., младшему — 12,5 руб. в месяц, а средняя оплата труда рабочих составляла 17,7 руб. Естественно, что средняя величина скрывает разбежку в заработке от 8 руб. (минимум) до 30,3 руб. (максимум)[33], однако показательно, что городовые крупнейшего полицейского управления Северо-Западного края не могли похвастаться высокими окладами и не имели существенных льгот. Интересно, что, по сравнению с заработками рабочих, денежное содержание городовых не изменилось даже после повышения жалования в период политических беспорядков 1905–1907 г. Например, в 1911 г. в Двинске (Витебская губерния) полицеймейстер констатировал, что нижние чины «часто меняют полицейскую службу на частную» по причине «незначительного жалования»[34]. Если максимальное жалование старшего городового составляло 24,91 руб., то «чернорабочий в летнее время зарабатывает до 35 рублей в месяц»[35]. В этой связи не приходится удивляться сообщению гродненского губернатора М. М. Осоргина, столкнувшегося в 1905 г. «с вполне обычным в губернии явлением, уходом части низших полицейских служителей на летние полевые работы»[36]. Все это косвенно свидетельствует о том, что экономическое положение рабочих по сравнению с городовыми, вынужденными бороться с забастовщиками, было не столь уж тяжелым.

Поскольку рабочее движение изначально приняло политическую направленность благодаря деятельности нелегальных партий, то после легализации профсоюзов правительство предприняло шаги по недопущению превращения их в партийные филиалы. Так,

---

32 Кіштымаў А. Што, дзе, калі і якім коштам: спажывецкі кошык Беларусі 100 гадоў таму // Спадчына. 2003. № 2–3. С. 87–95.

33 ЛГИА. Ф. 378. 1905. Д. 2. Л. 75–76.

34 НИАБ. Ф. 1416. Оп. 2. Д. 24 282. Л. 89.

35 Там же.

36 ЛГИА. Ф. 378. 1905. Д. 4. Л. 117.

согласно сведениям секретного циркуляра Департамента полиции МВД от 10 мая 1907 г., РСДРП еще в 1905 г. пыталась «использовать, в интересах революционного движения, беспартийные элементы и создать из профессиональных корпораций политически организованную силу»[37]. Оперативная информация МВД подтверждается воспоминаниями участников революционных организаций. Например, член двинского комитета РСДРП (Витебская губерния) И. Юренев в своих мемуарах утверждал, что партия «выполняла помимо своих непосредственных революционных функций и руководство экономической борьбой рабочих — была их «профсоюзом»[38]. ЦК РСДРП рассылал специальных пропагандистов-организаторов профсоюзов для вовлечения рабочих не только «в ту или другую подпольную организацию, но и в целях приобретения готового кадра боевых дружин, для вооруженного выступления на случай роспуска второй Государственной Думы»[39]. В результате профсоюзы приобрели «определённый облик социал-демократических организаций» и стали «весьма опасными для государственного строя». В целях недопущения превращения профсоюзов в источник пополнения боевиками незаконных вооруженных формирований, циркуляр разрешал легальную деятельность профсоюза «лишь при наличии несомненных данных об отсутствии их связей с социал-демократическими группами, а при первых попытках со стороны означенных организаций к отступлению от установленных пределов деятельности закрывать их»[40] на основании закона от 4 марта 1906 г. Именно по этой причине профсоюзные организации попадали под негласный надзор местных полицейских структур. Так, в своем донесении от 18 декабря 1907 г. витебский губернатор докладывал о том, что все зарегистрированные профсоюзы, не исключая «существующего в гор. Полоцке нелегализированного общества портных и шапочников», взяты полицией под «надлежащее наблюдение»[41]. Для этого у властей были все основания, поскольку, по словам губернатора, «некоторые профессиональные общества лишь в последнее время, когда связь их с преступными организациями делается более тесной, проявили угрожающую государственному порядку и общественной безопасности деятельность»[42]. В силу того, что профсоюзы

37 НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 20. Л. 107.

38 Юренев И. Двинск (1904–1906 гг.) // Пролетарская революция. 1922. № 12. С. 128.

39 НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 20. Л. 107 об.

40 Там же.

41 Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). С. 457.

42 Там же.

были «рэвалюцыйна актыўнымі і моцна палітызаванымі»[43], к 1910 г. в белорусских губерниях попала под запрет и прекратила свою деятельность половина всех организаций.

Таким образом, массовое забастовочное движение в белорусских губерниях Российской империи в 1905–1907 гг., согласно сведениям полиции, в значительной степени являлось результатом деятельности социалистических партий по вовлечению рабочих в политическое сопротивление властям. В этой связи достаточно спорным, как представляется, является утверждение о том, что исключительно экономические противоречия между рабочими и предпринимателями, вызванными трудовой эксплуатацией, стали причиной столь масштабного протеста. Агитация, подкрепляемая насилием и угрозой физической расправы, вынуждала рабочих присоединяться к акциям, которые иногда противоречили их интересам. Структуры МВД достаточно ясно представляли себе насильственный характер участия части рабочих в акциях массового неповиновения. Вместе с тем полиция не всегда действовала с позиции силы при столкновении с забастовщиками. Зачастую представители полицейских учреждений пытались установить контакт с рабочими для разрешения конфликта мирными средствами, но натыкались на противодействие со стороны революционных групп. Особый характер забастовок, сопровождавшихся столкновениями с полицией, становился основанием для требований местных властей о расширении штата местных полицейских учреждений МВД. Принимая во внимание тот факт, что рабочее движение сопровождалось насилием как в отношении предпринимателей, так и самих рабочих, использовалось политическими партиями для далекой от всякой легальности политической борьбы, деятельность полиции в белорусских губерниях Российской империи в период 1905–1907 гг. не следует рассматривать исключительно в категориях «террора» и «жестокости» относительно «рабочего класса и его организаций»[44]. Полиция в своей деятельности руководствовалась законодательством, необходимостью обеспечения общественного порядка и недопущения преступлений против личности, а не политическим террором по классовым мотивам.

---

[43] Беланоўскі М., Космач В., Мандрык І. Прафесійныя саюзы // Энцыклапедыя гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. М — Пуд / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Мн., 1999. С. 569.

[44] Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч [і інш]. Мн., 2007. С. 386.

Д. С. ЛАВРИНОВИЧ

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ЗАПАДНОРУССКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 1905–1917 ГГ.

В общественно-политической жизни Беларуси начала XX в. важную роль играли организации, стоявшие на позициях западноруссизма, идеологической доктрины, отрицавшей существование белорусского народа как самострельного этноса, рассматривавшей белорусов в качестве части единого большого русского народа, приравнивавшей белорусский язык к наречию русского. Разделяя общие положения данной доктрины, каждая организация в то же время имела оригинальные подходы к определению прошлого, современности и будущей судьбы белорусского народа. Часть западнорусов разделяла общеполитические установки крайне правых и умеренно-правых партий (Союза русского народа, Всероссийского национального союза и других), часть занимала позиции, близкие партиям либеральным и либерально-консервативным (Конституционно-демократической партии, «Союза 17 октября»).

Задачей данной статьи является исследование организаций либерального направления в западноруссизме, их структуры и состава, особенностей идеологии и тактики.

Общество и журнал «Крестьянин»

Политические организации данного типа появляются на территории Беларуси во время первой российской революции, после издания манифеста 17 октября 1905 г. о свободах. В конце этого же

года в Вильно образуется инициативная группа во главе с преподавателем гимназии С. А. Ковалюком, поставившая себе целью создать краевую организацию правооктябристского направления, которая могла бы выступать от имени широких народных масс, и, прежде всего, крестьян. С начала 1906 г. начал выходить журнал «Крестьянин» вначале под редакцией учителя А. С. Вруцевича, а затем — Вруцевича и Ковалюка. Программа издания включала в себя публикацию правительственных распоряжений, руководящих статей по вопросам общественной жизни, советов по ведению сельского хозяйства, литературных произведений и т. д. Редакция обещала освещать вообще, все вопросы, выдвигавшиеся крестьянской жизнью. К сотрудничеству приглашались все грамотные крестьяне[1].

1 марта 1906 г. товарищ министра внутренних дел С. Д. Урусов утвердил устав общества «Крестьянин». Цели организации определялась довольно либерально: «...путем устного и печатного слова содействовать умственному и нравственному развитию крестьян Северо-Западного края, пробуждать в них, на основах манифеста 17 октября 1905 г., сознание свободных и равноправных граждан России, защищать на почве законности их экономические и правовые интересы и оказывать нравственную и материальную поддержку своим членам»[2]. В члены общества принимались крестьяне и представители других сословий христианского вероисповедания, в том числе и католики. Делами «Крестьянина» заведовал Центральный комитет, располагавшийся в Вильно. Его председателем стал С. А. Ковалюк, заместителем председателя — А. С. Вруцевич.

«Крестьянин» поддерживали зажиточные крестьяне, чиновники, православное духовенство, часть интеллигенции. Численность организации, судя по количеству делегатов общих собраний и съездов, проводившихся Центральным комитетом, составляла около тысячи человек.

Главными в деятельности «Крестьянина» были аграрный и национальный вопросы. Общество выступало против социалистических идей, все надежды по решению земельных проблем связывались с монархом. Редакция журнала от имени крестьян заявляла, что они желают только земли, а не воли[3]. В то же время допускалось увеличение крестьянского землевладения за счет

---

1 Программа журнала «Крестьянин» // Крестьянин. 1906. № 1. С. 1.

2 Устав Общества «Крестьянин» // Крестьянин. 1906. № 15–16. С. 1.

3 Палітычныя партыі Беларусі. Мн., 1994. С. 220.

принудительного отчуждения части земель польских помещиков. Анализируя данные генерал-губернаторской статистики, которая была подготовлена к совещанию по вопросам землеустройства 29–31 августа 1906 г., «Крестьянин» заметил, что в 1906 г. общая площадь налогооблагаемых надельных крестьянских земель в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях составляла 4,5 млн. десятин, т. е. в 2 раза меньше, чем в 1860 г. накануне отмены крепостного права. Для того чтобы сократить количество малоземельных и безземельных крестьян в крае, общество предложило довести уровень надельного крестьянского землевладения до уровня 1860 г., прибавив к нему недостающие 4,5 млн десятин, взятых из крупных латифундий[4]. Тем самым «Крестьянин» хотел удовлетворить запросы зажиточного крестьянства, рассчитывавшего при помощи российского самодержавия увеличить свои земельные владения.

В национальном вопросе С. А. Ковалюк, А. С. Вруцевич и их сторонники сосредоточили свои усилия на борьбе с польским и еврейским «засильем» в крае. Резкой критике «Крестьянина» подверглась и деятельность белорусской газеты «Наша Ніва». Редакция журнала отмечала, что с 1905–1906 гг. польская и часть русской периодической печати стараются уверить своих читателей, что белорусы не ветвь русского народа, а отдельный этнос. Кроме этого, появилась газета, издающаяся на «белорусском языке», который настоящие белорусы признать своим не могут: в нем слишком много польских слов. «Крестьянин» указывал, что эта газета — «Наша Ніва». Примечательно, что в том же номере было помещено письмо от крестьянина Могилевской губернии И. Михайловского, просившего редакцию журнала спасти его от «жидов и поляков, которые не дают ему возможности разговаривать на русском языке и оскорбляют преданного сына России»[5].

В течение 1906–1907 гг. происходит дальнейшая эволюция «Крестьянина» вправо. Часть членов общества, не разделявшая резко шовинистического курса руководства организации, покидает ее ряды. Центральный комитет предпринимает попытку, используя демагогические приемы, привлечь на свою сторону новые кадры сельской интеллигенции, прежде всего народных учителей. 3–5 августа 1908 г. состоялось общее собрание общества «Крес-

---

4 Цвікевіч А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX и пачатку XX в. / Паслясловье А. Ліса. 2-е выд. Мн.,1993. С. 303.

5 Забаўскі М. М. Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). Мн., 1999. С. 143.

тьянин» с участием 32 народных учителей, 5 учительниц и 55 бывших народных учителей. На собрание также были приглашены правые депутаты III Государственной думы Г. Г. Замысловский и В. К. Тычинин, председатель Русского окраинного общества Н. Д. Сергеевский и управляющий канцелярией виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора А. А. Станкевич. Всего в собрании приняли участие 122 человека[6].

На обсуждение были вынесены вопросы о школьном образовании, устройстве библиотек и читален, местном управлении, способах поднятия агрокультуры, развитии потребительской кооперации, врачебной помощи, религиозно-нравственном воспитании народа[7]. Наибольший интерес вызвал вопрос о языке преподавания в школе. Несмотря на то, что большое количество учителей высказалось за введение в начальную школу преподавания на местных языках, руководство «Крестьянина», поддержанное правыми депутатами и лидером Русского окраинного общества, провело постановление, согласно которому в государственных школах Северо-Западного края допускалось преподавание только на русском языке. Закон Божий дети белорусов-католиков также должны были учить на русском, и лишь в крайних случаях мог применяться белорусский язык[8]. Последний рассматривался как наречие русского, причем в постановлении отмечалось, что в развитии белорусского языка нет никакой надобности, т. к. «само население считает его языком простым, стремится заменить его русским литературным языком и обижается даже, когда образованный человек заговорит с ним на этом языке». Белорусский язык, по мнению составителей постановления, только закрывал бы белорусам дорогу к прогрессу[9].

Образование «Белорусского общества»

Оживленный обмен мнений на собрании способствовал кристаллизации оппозиционного по отношению к руководству «Крестьянина» течения. Либерально настроенная часть делегатов,

6 Труды Виленского общества «Крестьянин» по выяснению нужд деревни Северо-Западного края. Вильно, 1910. С. 3.

7 От общества «Крестьянин» в Вильне // Окраины России. 1908. 19–26 июля. С. 437.

8 Труды Виленского общества «Крестьянин» по выяснению нужд деревни Северо-Западного края. С. 4–5.

9 Там же. С. 5.

в основном из демократических слоев общества, решила создать собственное объединение — «Белорусское общество». 8 ноября 1908 г. виленский губернатор утвердил его устав. Основными целями новой организации значились: поднятие культурного и экономического уровня развития белорусов, формирование их национального самосознания «на началах русской государственности», установление справедливых и равных отношений между народами, проживавшими на территории Северо-Западного края Российской империи[10]. Для достижения своих целей «Белорусское общество» получило право издавать газеты, книги, журналы, открывать библиотеки, читальни и учебные заведения, устраивать публичные лекции, спектакли, вечера, основывать свои отделы в других населенных пунктах, организовывать различные виды взаимопомощи[11]. В члены общества принимали всех белорусов без различия звания, пола и вероисповедания, а также великорусов и украинцев. Членский взнос определялся в 3 руб. в год[12].

Главными органами «Белорусского общества» были общее собрание и Правление. Председателем последнего стал Л. М. Соломевич, его заместителем — П. В. Коронкевич, секретарем — П. И. Кореневский. Все трое работали в управлении Полесских железных дорог в Вильно.

С. А. Ковалюк и А. С. Вруцевич попытались помешать «Белорусскому обществу» навербовать себе сторонников среди населения края. Обществом «Крестьянин» был подготовлен съезд представителей Северо-Западного края в Вильно, который состоялся 27–30 декабря 1908 г. В посланиях, разосланных С. А. Ковалюком накануне, указывалось, что главной целью съезда является организация помощи крестьянству западных губерний Российской империи. В программу были включены как экономические вопросы (о переходе на хуторское хозяйство, развитии ссудо-сберегательных касс, ознакомлении крестьян с переселением в Сибирь), так и вопросы просвещения (внешкольного образования крестьян, распространения в деревне «полезных» изданий, устройства чтений и собеседований, правового положения учителей). Кроме того, предполагалось большое внимание уделить укреплению в народе религиозного чувства и «любви к Церкви и Отечеству» путем привлечения к проповеднической деятельности под руководством священников, учителей. С. А. Ковалюк собирался также вынести

10 Устав Белорусского общества. Вильно, 1909. С. 1–2.

11 Там же. С. 2.

12 Там же. С. 3–4.

на обсуждение вопрос о борьбе с «распущенностью деревенской молодежи и с неуважением к чужой собственности»[13].

На съезд съехалось 327 человек, среди них было 168 народных учителей, 7 учителей церковно-приходских школ, 16 священников, 53 крестьянина. Приехали и депутаты III Государственной думы — правые и октябристы: Г. Г. Замысловский, И. П. Созонович, А. С. Вераксин, Ф. И. Никонович, А. П. Сапунов, И. Я. Павлович, В. К. Тычинин. От Русского окраинного общества прибыл редактор журнала «Окраины России» П. Г. Бывалькевич[14]. Заседания съезда открыл С. А. Ковалюк, он же стал его председателем. В товарищи Ковалюку были избраны А. С. Вруцевич, от священников — протоирей В. Маркевич, от народных учителей — Г. Ф. Становский[15]. От имени съезда были посланы верноподданнические телеграммы Николаю II и председателю Совета министров П. А. Столыпину.

По настоянию учителей вначале обсуждался вопрос о их правовом положении. Г. Ф. Становский негативно обрисовал положение народных учителей как в материальном, так и в правовом отношениях, указал на зависимость сельских учителей от священника, волостного писаря и крестьян. Депутат И. П. Созонович пообещал, что учителям будет увеличено жалование и введена пенсия. В ответ из зала раздались требования предоставления народным учителям прав государственной службы. Выяснилось, что прибывшие на съезд депутаты III Государственной думы к ответам на поставленные учителями вопросы не готовы. Но в постановление все же было включено положение о том, что учителя начальных школ должны пользоваться правами государственных служащих, предусматривалось также расширение сети образовательных курсов для сельских учителей[16].

На следующий день обсуждался вопрос о внешкольном образовании крестьян и распространении в древне «полезных» изданий. Корреспондент «Окраин России» так описал настроения большинства делегатов из народа: «Слышались жалобы, что просветительная деятельность учителя в виде чтений крестьянам и собеседований встречает ограничения с разных сторон, происходят недоразумения по этому поводу с урядниками; что рас-

---

13 Хроника // Окраины России. 1908. 29 ноября. С. 700.

14 Труды Виленского общества «Крестьянин». С. 11.

15 Обозрение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. 1909. 10 января. С. 25.

16 Труды Виленского общества «Крестьянин». С. 12–13.

пространяемые брошюры, например, братствами (имелись в виду православные братства. — *Д. Л.*), большей частью нежизненны, не удовлетворяют и газеты...»[17]. Делегаты пришли к выводу, что нужна особая народная газета. Против этого выступили гости съезда. И. Я. Павлович предложил народным учителям читать «Окраины России», И. П. Созонович посчитал, что лучше отдать газету в руки правительства. В конце концов делегаты постановили, что лучше всего поддерживать и распространять уже имеющийся журнал — «Крестьянин»[18].

Затем съезд перешел к обсуждению крестьянского вопроса. В центре внимания делегатов оказался проект нового волостного самоуправления (мелкой земской единицы). Позицию правых в этом деле раскрыл депутат Государственной думы Г. Г. Замысловский. Газета «Наша Ніва» так описывала содержание его выступления: «...пан Замыслоўскій, кажучы аб новых парадках у воласьці, даводзіў, што мужыком толькі тады будзе добра, як усюды пачнуць камандаваць імі «істінно-рускіе» людзі, ды як усе «інородцы» (палякі і жыды) звядуцца»[19]. Замысловский объяснял, что по законопроекту в состав новой волости будут включены и помещики, среди которых в Северо-Западном крае преобладали поляки. Пускать же последних в земство, утверждал правый депутат Государственной думы, нельзя. Кроме того, в волостное самоуправление могли проникнуть евреи, представлявшие, с точки зрения Замысловского, революционный элемент. «Наша Ніва» сделала следующий вывод из речи Замысловского о мелкой земской единице в Беларуси: «...саўсім не даваць тут новаго валастнога ўсесаслоўнаго самоупраўленьня!»[20]

Описывая настроение делегатов съезда, газета писала: «Не пашэнціла пану Ковалюку са зьездам, не памаглі і думскіе дэпутаты: іхняя «помач» не задаволіла народных вучыцелеў, не насыціла «братцоў» мужыкоў! Мужыкі, слухаючы мовы аратароў, сцяўшы зубы маўчалі, а як каторы памыкаўся гаварыць аб зямлі, дык прадседацель замыкаў ім губы...»[21]. Таким образом, добиться авторитета среди белорусской интеллигенции и крестьянских масс «Крестьянин» так и не смог.

---

17 Обозрение событий и окраинная жизнь. Вильна. // Окраины России. 1909. 10 января. С. 25.

18 Труды Виленского общества «Крестьянин». С. 14.

19 Наша Ніва. Першая беларуская газета з рысункамі. Вып. 2. 1909 г. / Факсімільнае выданне. Мн., 1996. С. 23.

20 Там же.

21 Там же.

Между тем 21 декабря 1908 г. была утверждена политическая платформа «Белорусского общества», опубликованная 9 февраля следующего года в пробном номере газеты «Белорусская жизнь». Редакторами номера были Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич, издателем — чиновник контроля Полесских железных дорог А. С. Кудерский. Первоначальный тираж газеты составил 6 тыс. экземпляров, которые предназначались в основном для народных учителей и волостных писарей в расчете на то, что они будут распространять идеи редакции среди простых крестьян.

Платформа «Белорусского общества» основывалась на утверждении, что, кроме интересов, общих со всем русским народом, у белорусов имелись еще и свои особые интересы. Их наличие обуславливалось особенностями географического положения Беларуси, культурным влиянием соседних народов, своеобразием этнографического состава населения, социальных и религиозных отношений, особым законодательным статусом края. В одной из передовых статей «Белорусской жизни» редакция следующим образом определяла свое отношение к белорусам: «Поднять тот народ, из среды которого мы вышли, оживить его национальное самосознание, расшевелить его дремлющие умственные силы, вдохнуть в него веру в себя, в свое право на первородство, указать ему пути для выхода из того тяжелого экономического положения, в которое он поставлен исключительными историческими и этнографическими условиями края...»[22].

Историческая концепция «Белорусского общества»

У «Белорусского общества» была разработана оригинальная концепция истории Беларуси, которая, по сути, являлась фундаментом его политической программы. В древнерусский период, по мнению авторов передовой статьи «К белорусской интеллигенции», помещенной в первом номере «Белорусской жизни», белорусы подобно другим славянским племенам развивались самостоятельно и независимо[23]. В XIII в. западнорусские земли были включены в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ). Однако, поскольку древнерусское население превосходило литовцев не только численностью, но и культурой, оно сохранило полную свободу вероисповедания и традиции общественной жизни,

[22] Вильна, 1 января // Белорусская жизнь. 1911. 1 января. С. 2.

[23] К белорусской интеллигенции // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 1.

древнерусский же язык (старобелорусский) стал государственным языком ВКЛ. «Это был лучший и наиболее светлый период в истории нашего народа», — писала «Белорусская жизнь»[24].

Крайне негативно оценивалась Кревская уния 1385 г. Польша рассматривалась как государство, враждебное восточным славянам, откуда вышли социальные институты, значительно ухудшившие положение населения ВКЛ. «Особенности общественно-политического строя польского государства — латинство, крепостничество, шляхетство, самовластие и бесчинства вельмож — были чужды русскому человеку, тогда еще не знавшему ни крепостничества, ни шляхетства, ни бесправия, в котором находились низшие классы общества в Польше», — считал Л. М. Солоневич[25]. Он отказывал польской культуре в почвенности, рассматривая ее в качестве кальки феодального строя соседних западноевропейских государств. «...Усвоив верхушки европейской цивилизации, поляки не сумели пойти дальше... согласить усвоенного с теми славянскими началами, которые выработаны были собственным народом», — писал Солоневич[26]. По его мнению, князья ВКЛ, приняв католицизм, усваивали польскую культуру и язык. Их примеру последовало и дворянство, постепенно терявшее связь с народом, и более того, становящееся во враждебное отношение ко всему русскому, православному. Кроме того, по мнению редакторов «Белорусской жизни», после унии на территории Беларуси появилась и собственно польская помещичья «олигархия». «Она захватила в свои руки все белорусские земли и водворилась на них в качестве правящего рабовладельческого класса, она постепенно привила рабовладельческие инстинкты и передовым слоям белорусской и литовской народностей и эти слои... оказались навсегда отрезанными от своего народа», — сообщалось в статье «К белорусской интеллигенции»[27]. Согласно точке зрения ее авторов, белорусы лишились своей социальной верхушки, сделавшись сугубо крестьянским народом.

Лидеры «Белорусского общества» весьма мрачными красками рисовали жизнь простых белорусов во времена Речи Посполитой, изображали их забитыми и угнетаемыми с одной стороны шляхтой, с другой — евреями-предпринимателями. «Буйное и свое-

---

24 Там же.

25 Солоневич Л. М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования, 1802–1902. Гродно, 1901. С. 8.

26 Там же. С. 10.

27 К белорусской интеллигенции // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 1.

вольное шляхетство в союзе с еврейской народностью, задавило свой народ еще в колыбели его развития и довело его до такой нищеты и умственного убожества, при которых он во все время существования Польши [Речи Посполитой. — *Д. Л.*] не принимал и не мог принимать активного участия в ее исторической жизни...», — утверждал Л. М. Солоневич[28]. Очень резко он отзывался и о Брестской церковной унии 1595 г., оценивая униатскую церковь в качестве переходного звена от православия к католицизму. Последний же рассматривался как главный инструмент ополячивания белорусов. «Польская культура и польское национальное самосознание могло двигаться только за католицизмом. Вне католичества, в обход католичества не было путей для полонизации», — считал Солоневич[29].

По мнению идеологов «Белорусского общества», не улучшилось положение белорусов и после разделов Речи Посполитой, т. к. сохранили силу законы и обычаи предшествующего времени. Л. М. Солоневич полагал, что вначале условия жизни белорусского населения даже ухудшились. В частности, он писал: «... русское законодательство никогда не создавало для крепостных великорусских губерний такого положения, какое создано было для крепостных западной окраины литовским статутом, польским законодательством и шляхетскими привилегиями»[30]. К полонизации добавилась политика обрусительства, которую, по мысли редакторов «Белорусской жизни», проводили русские чиновники и дворяне, направлявшиеся царским правительством в западные губернии защищать «русское дело». «Русским панам хотелось выжить отсюда панов польских, но не для того, чтобы облегчить положение нашего народа, а для того, чтобы самим сесть на место своих предшественников и владеть и править белорусами на прежних основаниях», — утверждалось в передовой статье «Белорусской жизни»[31]. Ее редакторы резко критиковали крепостничество.

Постепенное изменение политики царского правительства к бывшим землям Речи Посполитой связывалось с реакцией на польское восстание 1830–1831 гг. Правда, не все действия властей получили положительную оценку. Лидеры «Белорус-

---

28 Солоневич Л. М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии. С. 14.

29 Солоневич Л. Новая роль польской женщины в Белоруссии и Литве. Б/м, 1910. С. 28.

30 Солоневич Л. М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии. С. 58.

31 К белорусской интеллигенции // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 1.

ского общества» негативно относились к передаче конфискованных у повстанцев земель, населенных белорусскими крестьянами, в руки других помещиков. «Когда во время польских восстаний конфисковались имения польских помещиков, то их отдавали не белорусским крестьянам, которым земли эти принадлежали по исконному праву коренных жителей страны, а отдавали русским чиновникам, немцам, французам, татарам и вообще всякому сброду, но только не тем, чьи предки жили на этой земле и работали на ней», — сокрушалась редакция «Белорусской жизни» по поводу «расхищения» национального достояния белорусов[32].

Решительный поворот в политике царских властей по отношению к Северо-Западному краю связывался с отменой крепостного права и подавлением восстания 1863–1864 гг. в Польше, Беларуси и Литве. Последнее рассматривалось как чисто шляхетское, хотя Л. М. Солоневич считал К. Калиновского демократом, подчеркивал, что тот выступал за бесплатное наделение крестьян помещичьими землями. В то же время Солоневич справедливо полагал, что позиция Калиновского была исключительным явлением, не характерным в целом для шляхетского лагеря. В частности, он писал: «Мечтания красных о наделении крестьян землею и общем равнении было исключением и не разделялось большинством польского дворянства, которое держалось своих взглядов на крестьян»[33]. В целом действия правительства после восстания на территории Беларуси оценивались «Белорусским обществом» как положительные, и, прежде всего, за борьбу с полонизацией.

Программа либеральных западнорусов

Характеризуя состояние белорусского народа во второй половине XIX в., авторы статьи «К белорусской интеллигенции» констатировали, что после польского владычества и гнета у белорусов уже не было «ни своих образованных классов общества, ни своего литературного языка, ни своей науки, ни своей культуры», из социальных групп остались только «поп да хлоп». Только при помощи народных училищ, учительских семинарий и институтов вновь начала формироваться национальная интеллигенция[34]. Свою зада-

[32] Там же.

[33] Солоневич Л. М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии. С. 72.

[34] К белорусской интеллигенции // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 1.

чу редакторы «Белорусской жизни» как раз и видели в том, чтобы сплотить воедино «слабые еще интеллигентные силы, какими располагает белорусская народность» для поиска путей улучшения положения народных масс.

«Белорусское общество» утверждало единство белорусов православных и католиков: «Так как белорусы в настоящее время благодаря своей принадлежности к двум вероисповеданиям — православному и католическому — представляются разрозненными и не объединены сознанием общности своих интересов, то ближайшая задача общества должна заключаться в том, чтобы объединить всех представителей этой народности без различия сословия, звания и вероисповедания...»[35]. Поставленную задачу предполагалось решать на основе уважения к свободе совести всех белорусов, вне зависимости от конфессии.

В сознание народных масс «Белорусское общество» пыталась внести мысль о том, что вероисповедание не может служить почвой для национального самоопределения. Особенно резко на страницах «Белорусской жизни» критиковалось мнение, связывавшее католицизм с принадлежностью к польской нации. «Белорусское население могло допускать отождествление католицизма и польщизны только по своему неведению, и только по этой причине оно могло полонизироваться при помощи костела», — писалось в одной из передовых статей[36].

«Белорусское общество» считало белорусов неотъемлемой частью великорусского народа, без единения с которым в рамках Российского государства их ждало полное историческое забвение и утрата самоидентификации. Все различия между русскими и белорусами, по мнению Л. М. Солоневича, П. В. Коронкевича и их сторонников, были различиями внутри одной нации. Поэтому лидеры «Белорусского общества» для выражения своих воззрений прибегали к уже устоявшимся понятиям: постулировали наличие трех «племен» — белорусского, русского и украинского, — которые должны были войти в единый союз на основе «гражданской свободы». В частности, Л. М. Солоневич писал: «...белорусское племя в огромной своей массе — это составная и нераздельная часть русского народа... белорусы, вместе с великорусами и малороссами, составляют один народ, и что народ этот, несмотря на некоторую незначительную разницу в этногра-

---

35 Платформа «Белорусского О-ва» // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 3.

36 Вильна, 11 февраля // Белорусская жизнь. 1911. 11 февраля. С. 1.

фических особенностях составляющих его племен, живет одною жизнью, стремится к одним и тем же национальным целям и несомненно пойдет вперед одним и тем же историческим путем»[37].

В то же время идеологи «Белорусского общества» считали, что свои интересы на политической арене белорусы должны отстаивать сами. Авторы статьи «К белорусской интеллигенции» риторически вопрошали: «...будем ли мы, белорусы, на разных славянских съездах, в Государственном совете и в Государственной думе говорить сами за себя, от своего имени или же от нашего имени будут долго еще говорить великорусские чиновники, каковы Замысловский, Тычинин и Павлович, духовные отцы вроде священника Вераксина и ксендза Мациевича или же польские магнаты, вроде Монтвилла и Потоцкого» (все перечисленные — депутаты III Государственной думы. — *Д. Л.*) [38].

Платформа организации признавала существование особого белорусского языка, но в государственной и культурной жизни допускала использование преимущественно русского языка. Данное положение обосновывалось следующим образом: «Так как белорусская интеллигенция, как православная, так и католическая, до сего времени получала образование исключительно на русском языке, который (язык) является для всех наиболее общим, и так как белорусский язык из-за исторических условий был задержан в нормальном своем развитии на несколько столетий и поэтому слабо подготовлен к восприятию богатых плодов современной общечеловеческой цивилизации, «Общество» считает, что наиболее соответствующим для культуры развития белорусской народности может быть только язык российский...»[39]. Таким образом, место белорусского языка по праву должен был занять русский язык, как более соответствующий объективным условиям развития страны в начале XX в.

«Наша Ніва» так передавала идеологию лидеров «Белорусского общества»: «Беларускі народ — есць; ен мае свае асобные патрэбы і жаданьня, ен так сама добры, як і кожны другі. Але ешчэ лепшымі зробяцца беларусы тады, як усе пачнуць гаварыць толькі па расейску. Мы не лаем і не ганім беларускай мовы: не, барані Божэ! Толькі, бачыце, яна неякая такая, што па беларуску

---

37 Солоневич Л. Наше национальное самоопределение и наша позиция в польско-русском вопросе // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 2.

38 К белорусской интеллигенции // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 1.

39 Платформа «Белорусского О-ва» // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 3.

ніяк ня можна шырыць асвету ў народзе, нельга і вучыць у гэтай мове!»[40].

Большинство православных белорусов, по мнению редакции «Белорусской жизни», бесповоротно признало превосходство русского языка. Белорусы же католики в этом отношении находились на полудороге[41]. Для их полного воссоединения с русской нацией необходимо было провести располячивание католической церкви в Беларуси. «Нет сомнения, что располячивание белорусского костела совершится не без затруднений и не без препятствий, т. к. поляки не откажутся от упорного сопротивления», — полагали руководители «Белорусского общества»[42]. Однако они считали, что римская курия, ради сохранения своей паствы, не будет противиться этому процессу. По мысли издателей «Белорусской жизни», опасность представлял не католицизм сам по себе, а польскоязычная церковная иерархия, отождествлявшая его с «польщизной».

Наиболее легкий способ располячивания костела «Белорусское общество» видело в замене лиц, занимавших высшие посты в местной католической иерархии, неполяками. «Пусть на местах епископов в нашем крае будут французы, немцы, испанцы, итальянцы, литовцы, одним словом лица какой угодно национальности, но ни в коем случае не поляки», — писала «Белорусская жизнь»[43]. Для ослабления польского влияния она допускала введение в католическое богослужение белорусского языка. В одной из редакторских статей отмечалось: «...допущение в белорусских костелах проповедей и дополнительного богослужения на белорусском наречии решительно ничем русской нации не грозит»[44]. Напротив, в этом руководители «Белорусского общества» усматривали наиболее быстрый путь подрыва польского влияния на белорусов-католиков. Поскольку из белорусского «наречия» особый язык никоим образом выработаться не может, то и бояться его как основы для сепаратизма белорусов, доказывали Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич, не было никаких оснований.

В ряде статей в «Белорусской жизни» давалась характеристика социальной структуры белорусского народа. «Национальные

---

40 Наша Ніва. Першая беларуская газета з рысункамі. Вып. 2. 1909 г. С. 39.

41 Остринец П. Сюрприз «Минского слова» полякам // Белорусская жизнь. 1911. 21 апреля. С. 1.

42 Вильна, 11 февраля // Белорусская жизнь. 1911. 11 февраля. С. 1.

43 Вильна, 18 июня // Белорусская жизнь. 1911. 18 июня. С. 1.

44 Вильна, 3 июня // Белорусская жизнь. 1911. 3 июня. С. 1.

силы нашего края слагаются из следующих элементов: духовенства, простонародья, поместного класса частью дворянского, частью недворянского, чиновничества и интеллигенции, стоящей вне этих групп», — писалось в передовой статье в апреле 1911 г.[45] Там же констатировалось полное отсутствие у белорусов торгово-промышленного класса. Это объяснялось, с одной стороны, преобладанием в городах еврейского населения, сосредоточившего в своих руках торговлю и промыслы, а с другой — сильной миграцией из белорусской деревни в крупные города центральной России. «Все, что в Белоруссии вышло из лаптей и обулось в сапоги вынуждено было уходить из деревни и искать себе места в городах. А как наши города слишком плотно заняты евреями, то в силу необходимости пришлось искать таких мест, где теснота давила меньше, где можно было устроиться легче», — утверждала редакция «Белорусской жизни»[46].

Рассуждая, какой социальной группе должна принадлежать руководящая роль в белорусском движении, Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич весьма скептически смотрели на помещиков. «Русский поместный класс в нашем крае — это еще явление довольно новое, неоформившееся, неокрепшее и далеко не самоопределившееся», — полагали они[47]. Редакторы газеты утверждали, что насадить в Северо-Западном крае крупное русское землевладение, несмотря на старания властей, не удалось, и даже те помещики, которые приобрели имения, как правило, предпочитают государственную службу, перепоручая управление своим хозяйством посторонним лицам, часто полякам. Мелкое же землевладение, по мнению идеологов «Белорусского общества», формировалось исключительно из крестьянской массы, которая в силу своего низкого культурного уровня не могла претендовать на доминирование в национальном движении[48]. В то же время Солоневич и Коронкевич считали, что из-за неразвитости русского помещичьего землевладения «...у белорусского крестьянина нет классовой вражды и, естественно, что с его стороны не будет препятствий для объединения всех русских сил края на национальной почве»[49].

Связующим звеном между различными социальными группами, по мнению «Белорусского общества», могла в будущем стать

---

45 Вильна, 24 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 24 апреля. С. 1.
46 Вильна, 5 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 5 апреля. С. 1.
47 Вильна, 24 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 24 апреля. С. 1.
48 Вильна, 5 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 5 апреля. С. 1.
49 Вильна, 17 марта // Белорусская жизнь. 1911. 17 марта. С. 1.

интеллигенция. Правда, ее настоящее положение оценивалось критически. «Более культурные интеллигентные слои белорусского населения по-прежнему остаются отрезанными от земли, и впереди мы не видим никаких мероприятий (со стороны правительства. — *Д. Л.*) к тому, чтобы их удержать в деревне, прикрепить к земле, заинтересовать их местной жизнью», — писала «Белорусская жизнь». Пока интеллигенция отрезана от народа, в Белоруссии, по мнению редакции, как и сто лет тому назад, оставались «хлоп да поп»[50].

Для сближения интеллигенции с народом «Белорусское общество» поддерживало мероприятия по сбору фольклорных произведений, попытки создания литературы для народа на белорусском языке. Последний рассматривался Л. М. Солоневичем, П. В. Коронкевичем и их сторонниками как диалект общего для всех восточных славян русского языка. В «Белорусской жизни» прямо заявлялось: «Нет основания признавать наш говор самостоятельным языком, как не признаются самостоятельными говоры новгородские, поволжские...». Для общественной жизни белорусский язык из-за его архаичности признавался не пригодным. В то же время лидеры «Белорусского общества» настаивали на изучении простонародной речи. «Сохранить наш говор для истории — значит собрать наши песни, сказания, поговорки и загадки, очистить их от полонизмов и других барбаризмов и издать отдельными сборниками», — писала «Белорусская жизнь»[51]. Известный исследователь общественной мысли на территории Беларуси в XIX — начале XX в. А. Г. Цвикевич отмечал: «Насколько можно понять, авторы программы “Общества” [имеется в виду «Белорусское общество». — *Д. Л.*] не выступали против попыток местных людей создавать на белорусс ком языке «народную литературу». Ни у “Крестьянина”, ни у “Окраин России” мы подобного “допущения” не встречали».

В соответствии со своими идеями «Белорусское общество» требовало предоставления Белоруссии административно-хозяйственной автономии, а не национальной.

Большое внимание его идеологи уделяли польскому вопросу в Беларуси. Они осуждали русских помещиков, установивших дружественные связи с поляками. «Говоря о полонизации местного русского дворянства, мы имеем в виду не ту полонизацию,

---

[50] Вильна, 5 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 5 апреля. С. 1.

[51] П. А. К вопросу о белорусском языке // Белорусская жизнь. 1911. 1 января. С. 1.

которая идет через костел и ксендзов и действует на темные массы, а ту полонизацию, которая идет через салоны польских магнатов, через знакомства и родственные связи с польскими семьями и т. п.», — пояснялось со страниц «Белорусской жизни»[52]. Русские помещики призывались к отказу от использования польских слуг, к сближению с белорусским крестьянством. Л. М. Солоневич резко осуждал российских либералов, пытавшихся заигрывать с польскими «краевцами», считая «демократизм» последних наигранным. Он считал, что только ненависть к России приводит польских помещиков Северо-Западного края в оппозиционный лагерь. Если бы полякам удалось сформировать свое правительство, то тогда, по мнению Солоневича, «в лице польских панов и польского духовенства нашего края мы встретили бы самых непримиримых реакционеров, самых непримиримых врагов всякого прогресса»[53]. Таким образом, польские помещики и костел, проводившие полонизаторскую политику, выступали главными врагами белорусов. В программе «Белорусского общества» прямо было отмечено, что «национальная борьба в Белоруссии является в то же время и борьбой классовой»[54]. В итоге улучшение положения народных масс связывалось с радикальным решением польского вопроса.

Крайне негативно относясь к полякам в Северо-Западном крае, «Белорусское общество» в то же самое время признавало национальные права поляков в этнографической Польше. Так, Л. М. Солоневич считал: «Какова бы ни была польская государственность с общей точки зрения, но для поляков она была во всяком случае своею, и польский народ вправе ее оплакивать, вправе желать ее восстановления в будущем»[55].

Политическое лицо «Белорусского общества» в сфере социально-политических и экономических отношений определяло сочетание идей консервативного монархизма и либерализма. У либералов «Белорусское общество» позаимствовало требования: в области прав человека — ликвидации имущественного ценза при выборах, всеобщего избирательного права; в области местного самоуправления — введения выборного земства; в области финансовой — прогрессивно-подоходного налога; в области эко-

---

52 Вильна, 17 марта // Белорусская жизнь. 1911. 17 марта. С. 1.

53 Солоневич Л. Наше национальное самоопределение и наша позиция в польско-русском вопросе // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 3.

54 Платформа «Белорусского О-ва» // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 3.

55 Солоневич Л. Наше национальное самоопределение и наша позиция в польско-русском вопросе // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 2.

номической — поднятия аграрного сектора, его интенсификации и земельного кредита[56].

Для экономического и культурного развития крестьян, по мнению Л. М. Солоневича и П. В. Коронкевича, необходимо было ввести в Беларуси выборные земства. В 1909 г. «Белорусским обществом» был разработан собственный проект земской реформы, представленный в Совет министров. В основу земских выборов авторы проекта положили принципы всесословности и распределения избирателей по куриям в соответствии с имущественным цензом: крупных землевладельцев, мелких землевладельцев и крестьян. При этом предполагалось, что, по сравнению с нормами 1864 и 1890 гг., избирательный ценз для крупных землевладельцев должен быть понижен в два раза, а крестьянам, имевшим помимо общинной земли собственную, предоставлено право голосовать по всем трем куриям в соответствии с размерами их владений[57]. В целом проект отвечал интересам зажиточных слоев белорусской деревни.

Однако правительство П. А. Столыпина решило вместо имущественного ценза при распределении избирателей по куриям применить национальный принцип, чтобы закрепить русское (православное) большинство в составе управ и среди вольнонаемных служащих, а также определить ряд должностей, которые могли бы заниматься исключительно русскими (православными). Первоначально правительственный проект «Белорусское общество» восприняло в штыки. Так, Л. М. Солоневич считал, что система выборов, основанная на национальных куриях, имеет существенные недостатки. «Первенство в подобных случаях всегда достается наиболее непримиримым националистам, — отмечал лидер “Белорусского общества”. — Из поляков пройдут заядлые полонизаторы, из русских — крайние шовинисты-русификаторы». В результате, делал вывод Солоневич, национальная рознь в крае еще более обострится. По его мнению, земство, поддавшись узконациональным тенденциям, повлияет и на низшую школу, т. к. «слишком низок уровень образования в белорусском населении»[58].

---

56 Платформа «Белорусского О-ва» // Белорусская жизнь. 1909. 9 февраля. С. 3.

57 Что такое «Белорусское Общество?» // Белорусский вестник. 1912. 9 декабря. С. 1.

58 Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х томах. Т. 2. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907–1915 гг. М., 2000. С. 112.

Тем не менее в марте 1911 г. выборные земские учреждения в соответствии с проектом П. А. Столыпина были введены в Витебской, Минской и Могилевской губерниях. «Белорусское общество» протестовало против решения царского правительства не создавать выборные земства в Гродненской губернии. «В Западном крае, наконец, вводится долгожданное земство. Но по какому-то странному стечению обстоятельств, Гродненская губерния выделена из этого края и лишена опять на долгие годы тех благ, которые следует ожидать от земства. В Петербурге, да и в центре России, считают эту губернию не то польской, не то литовской», — писалось в открытом письме депутатам III Государственной думы от имени крестьян Гродненской губернии в передовице «Белорусской жизни»[59]. Редакция газеты доказывала, что называть Гродненскую губернию литовской можно только в историческом смысле, как часть бывшего ВКЛ, население же ее в основном белорусское, большей частью православное. Члены «Белорусского общества» доказывали столичным властям благонадежность местных жителей, ссылаясь, в том числе, и на историю края: «В Гродненской губернии нет ни одного города, местечка, села, которые не хранили бы какого-нибудь памятника глубокой старины, крепко связывающего этот край с коренной Россией. В пределах Гродненской губернии живет вся «Черная Русь». Крестьянское население, несмотря на близость к Польше, несмотря на столь недавний гнет «панщины», как нигде предано всему русскому»[60]. Письмо заканчивалось просьбой к депутатам Думы распространить закон в выборном земстве и на Гродненскую губернию. Характерно, что при этом лидеры «Белорусского общества» не требовали введения земств в многонациональной Виленской губернии.

Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич на страницах «Белорусской жизни» отдавали дань уважения П. А. Столыпину, благодаря решительным действиям которого законопроект об образовании выборных земств в западных губерниях Российской империи стал законом. Поменяли свое отношение руководители «Белорусского общества» и к разделению избирателей на национальные курии, прежде всего потому, что введение последних вызывало нападки на премьера со стороны польских шовинистов и части русских правых. «Нет сомнения, что если бы на месте Столыпина

---

59 Открытое письмо членам Государственной думы // Белорусская жизнь. 1911. 22 марта. С. 1.

60 Там же.

в данный момент был человек, в котором политик преобладал над гражданином, то он... пожертвовал бы западно-русским земством с его пониженным цензом и национальными куриями ради своего престижа», — считали редакторы «Белорусской жизни»[61]. Они высоко оценивали значение создания выборного земства и введения национальных курий, считая это сильным ударом по польским позициям в крае. «Мы думаем, что национальные курии, как бы на них ни нападали, сыграют прекрасную роль в смысле объединения и сплочения разрозненных элементов, и, что важнее всего, так это то, что они вынудят наших дворян-помещиков подойти ближе к народу, к народным массам и в них искать точку опоры для более широкой общественной и политической жизни и деятельности на национальных началах», — утверждали идеологи «Белорусского общества»[62]. Они прогнозировали кардинальное изменение общественной жизни в недалеком будущем, победу русского национализма над польским в Северо-Западном крае. «То, что в данный момент завоевано русской национальной политикою, то уже останется за нею навсегда», — делала вывод редакция «Белорусской жизни»[63].

С другой стороны, Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич рассчитывали и в будущем на поддержку царского правительства. По их мнению, только с помощью государственной политики можно было укрепить экономические и культурные позиции русского (белорусского) населения в крае. «Местные общественные организации, местные русские культурные силы, как бы они самоотверженно и усиленно ни работали, могут сделать только одно — поднять несколько самосознание и подготовить население к восприятию тех реформ, какие будут предприняты правительством и законодательными учреждениями», — писала «Белорусская жизнь»[64]. Все мероприятия по развитию экономики и культурно-образовательной сферы должны были проводиться за государственные средства.

Большое внимание лидеры «Белорусского общества» уделяли подготовительной работе по выборам земских учреждений. Они видели слабость национальных белорусских сил и поставили вопрос о развитии «культурного земского элемента» из местного населения, привязанного к краю и хорошо его знающего. В этом

---

61 Вильна, 3 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 3 апреля. С. 1.
62 Вильна, 24 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 24 апреля. С. 1.
63 Вильна, 3 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 3 апреля. С. 1.
64 Вильна, 5 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 5 апреля. С. 1.

отношении большое значение придавалось народным учителям и чиновникам-белорусам.

Особо заботливое отношение руководители «Белорусского общества» считали необходимым проявлять к белорусским крестьянам католического вероисповедания. «Если в таком общественном деле, как земство, мы толкнем белорусов-католиков в лагерь польский, не приняв их в свою русскую среду, то этим мы сделаем полякам ценный сюрприз, дав полную возможность полонизации идти вперед быстрыми шагами», — полагали Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич[65]. Защищая свою точку зрения, «Белорусская жизнь» не стеснялась вступать в полемику с другими органами печати западнорусов. В частности, резкой критике подверглась газета «Минское слово», редакция которой главным критерием определения национальности выбрала религию: все католики записывались в поляки, все православные — в русские. «Белорусское общество» признавало сильное влияние польской культуры на католическое население края. Более того, Л. М. Солоневич, П. В. Коронкевич и их соратники считали, что у каждого народа есть свои больные раны, и для белорусского народа такой раной являются белорусы-католики: утратив православную веру, они попали под влияние поляков[66]. Но в то же время со страниц «Белорусской жизни» доказывалась ошибочность позиции «Минского слова». «Белорусы-католики всецело себя поляками не признали, и есть большая надежда на то, что они в недалеком будущем признают себя тем, кем они должны быть, а именно: белорусами, т. е. русским племенем по крови и духу», — утверждалось в статье постоянного автора газеты П. Остринца[67].

Для ослабления польского влияния «Белорусское общество» настаивало на проведении аграрных реформ. В своей публицистике («Рассказы», «Через 50 лет (С натуры)») П. В. Коронкевич рисовал крайне бедственное состояние белорусского крестьянства, считая, что с 1861 г. благосостояние последнего фактически не изменилось. Главными причинами нищеты крестьян автор считал малоземелье и неграмотность[68]. Меры, предпринимавшиеся царским правительством, он рассматривал как недостаточные. По мнению

---

65 Остринец П. Сюрприз «Минского слова» полякам // Белорусская жизнь. 1911. 21 апреля. С. 1.

66 Вильна, 26 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 26 апреля. С. 1.

67 Остринец П. Сюрприз «Минского слова» полякам // Белорусская жизнь. 1911. 21 апреля. С. 1.

68 Коронкевич П. В. Через 50 лет (С натуры). Гродно, 1907. С. 18, 32.

П. В. Коронкевича, попытки переселить часть сельского населения в Сибирь были обречены на провал из-за малого плодородия сибирских земель и сурового климата. Мало толку было и от Крестьянского банка, т. к., покупая у него землю, крестьяне сами себя закабаляли[69]. С другой стороны, со страниц «Белорусской жизни» раздавалась резкая критика в адрес Крестьянского банка, который, выдавая ссуды для покупки земли крестьянам, в то же время отказывал в этом народным учителям. Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич, наоборот, считали, что преимущественным правом получения кредитов на приобретение земли должны пользоваться интеллигентные слои белорусского общества. «Когда, наконец, будет усвоена мысль, что культурных хозяев можно создать скорее и проще, путем привлечения к земле уже культурных людей, чем выработкой их из некультурной массы, и что в нашем крае это единственный путь для создания культурного русского земского элемента, и что только этим путем можно прочно и надежно обеспечить здесь интересы нации, интересы государства», — писалось в передовой статье «Белорусской жизни»[70]. Ее редакторы ратовали за открытие белорусского бессословного земельного банка, который бы выдавал учителям и чиновникам, выходцам из крестьянского сословия, льготные кредиты для приобретения ими земли в сельской местности, чтобы те могли принять участие в земских выборах и способствовать развитию гражданского самосознания у крестьян. Для чиновников предлагалось даже пенсию заменить выдачей земельных участков[71].

Для улучшения положения крестьян П. В. Коронкевич предлагал увеличить их земельный фонд за счет государственных, удельных, церковных, части помещичьих земель. Надельная земля должна была стать частной собственностью крестьян. Идеолог «Белорусского общества» поддерживал меры правительства П. А. Столыпина, направленные на организацию хуторских хозяйств.

Рассматривая способы борьбы крестьян за свои права, П. В. Коронкевич критиковал призывы революционных партий к восстанию, считая, что власти найдут средства, чтобы подавить бунт. По его мнению, лучшим способом для крестьян обозначить свои требования и добиться их удовлетворения было направлять своих представителей в Государственную думу[72]. Звучали в про-

---

69 Там же. С. 30–31.

70 Вильна, 6 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 6 апреля. С. 1.

71 Вильна, 18 февраля // Белорусская жизнь. 1911. 18 февраля. С. 1.

72 Коронкевич П. В. Через 50 лет (С натуры). С. 36.

паганде лидера «Белорусского общества» и мотивы христианской добродетели. В своих рассказах для крестьян П. В. Коронкевич утверждал, чтобы хорошо и богато жить, надо упорно трудиться и жить по христианским заповедям[73].

Особое значение лидеры «Белорусского общества» придавали реформам в сфере народного образования. Оценивая состояние школьного дела в Беларуси, Л. М. Солоневич писал: «Возникшая после освобождения [крестьян. — *Д. Л.*] сельская школа приноровлена преимущественно к политическим и общеобразовательным целям и не могла дать крестьянам тех практических знаний, которые так необходимы в сельском хозяйстве»[74]. Низкий же уровень сельскохозяйственной культуры приводил к бедности населения. Поэтому идеологи «Белорусского общества» полагали, что начальные школы (народные училища) должны быть приближены к жизни, к реальным потребностям крестьян, давать детям практические навыки. «Жизнь выдвигает новые требования, новые задачи, жизнь требует людей, вооруженных практическими, реальными знаниями, и школа должна дать этих людей», — настаивала редакция «Белорусской жизни»[75]. Предполагалось расширить и сеть средних специальных учебных заведений, которые давали подготовку по ведению сельского хозяйства, занятию ремеслами, организации промышленных предприятий и т. п. Городские училища, по замыслу руководителей «Белорусского общества», необходимо было преобразовать в ремесленные или сельскохозяйственные. «...Они создали бы кадры молодых людей, подготовленных к какому-нибудь практическому делу, и весьма возможно, что часть их направилась бы в деревню, где они могли бы поднять сельскохозяйственную культуру и научить нашу деревню обрабатывать землю более усовершенствованными способами», — писала «Белорусская жизнь»[76]. Ее редакторы предлагали также перенести часть городских учебных заведений в сельскую местность, чтобы сделать среднее и профессиональное образование доступней для основной массы белорусов. В уставе «Белорусского общества» содержалось обещание оказывать содействие молодым белорусам и в получении высшего образования[77].

---

73 Коронкевич П. В. Рассказы. Вильно, 1906.

74 Солоневич Л. М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии. С. 95.

75 Вильна, 1 апреля // Белорусская жизнь. 1911. 1 апреля. С. 1.

76 Там же.

77 Устав Белорусского общества. Вильно, 1909. С. 2.

Заботу Л. М. Солоневича и П. В. Коронкевича вызывал и низкий уровень оплаты труда учителей. Редакторы «Белорусской жизни» неоднократно поднимали этот вопрос на страницах газеты, рассматривали различные варианты конкретной помощи педагогам. В случае закрытия «Белорусского общества» все его имущество, согласно уставу, должно было перейти в распоряжение организаций взаимопомощи народных учителей Виленского учебного округа[78].

Деятельность «Белорусского общества» в 1909–1911 гг.

На политической арене «Белорусское общество» примыкало к партии октябристов. В 1909 г. ЦК «Союза 17 октября» предложил Правлению общества оформить взаимоотношения путем принятия политической платформы октябристов с сохранением полной автономии по белорусским вопросам. 20 сентября общее собрание «Белорусского общества» приняло это предложение и избрало трех делегатов на октябристский съезд[79]. На съезде, состоявшемся в октябре того же года, Л. М. Солоневич охарактеризовал царивший, по его мнению, в западных губерниях антагонизм между белорусами, поляками и евреями, и подчеркнул, что только от «Союза 17 октября» население края ждет защиты своих интересов. Он указал, что в задачу октябристов должны войти заботы о поддержке национальных, религиозных и экономических интересов белорусов, т. к. правительственных мероприятий «уже недостаточно». Лишь развитие культуры, с точки зрения Солоневича, могло пробудить национальное самосознание в миллионах белорусского населения[80].

Для пропаганды своих программных построений «Белорусское общество» смогло наладить с 1 января 1911 г. ежедневное издание «Белорусской жизни». Необходимость регулярного выпуска газеты объяснялась со стороны редакции тем, что, по ее мнению, в Беларуси, за исключением «Крестьянина», не было народных периодических изданий. «Крестьянин» же оценивался

78 Там же. С. 15.

79 Что такое «Белорусское общество»? // Белорусский вестник. 1912. 9 декабря. С. 1.

80 Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х томах. Т. 2. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907–1915 гг. С. 112.

весьма негативно: «...единственный журнальчик, который мог бы сослужить свою службу, ведется до того бездарно и бесталанно, что не может выдержать никакого сравнения с прекрасно поставленными польскими народными изданиями...»[81]. К последним причислялась и «Наша Ніва». Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич негативно оценивали деятельность редакции этой газеты, считая ее направленной на отрыв белорусов от России. В одной из редакторских статей отмечалось: «Каков путь указываемый белорусам «Нашай Нівай» и куда он ведет? В костел и в польщизну». Далее редакторы «Белорусской жизни» делали вывод: «Ее задача [«Нашай Нівы». — *Д. Л.*] отрезать белорусов от русской культуры, от единого и общего русского отечества»[82]. Полемика с «Нашай Нівай» стала одним из приоритетных направлений деятельности «Белорусского общества».

Кроме выпуска газеты, Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич пытались организовывать лекции, музыкальные и театральные постановки. В частности, белорусский вечер в Вильно был устроен 23 января 1911 г. Программа вечера состояла из трех номеров: пьесы на белорусском «наречии» Касьяна Веселого «Ни разумом понял, а сердцем» (на языке своей деревни), декламации белорусских рассказов и исполнения белорусских песен крестьянским хором из местечка Острино Лидского уезда[83].

Весной 1911 г. «Белорусское общество» выступило с инициативой создания Виленского белорусского общественного собрания. «Предполагалось создать нечто идеальное, близкое белорусу, как его родная семья, организацию — где каждый белорус-горожанин нашел бы все для него родное: и близкого человека, и все краевые газеты, и интересную книгу, и разумное и полезное развлечение, и идейную работу на пользу обездоленной белорусской деревни», — вспоминал позднее П. В. Коронкевич[84]. Руководители общества «Крестьянин» протестовали против планов создания Белорусского общественного собрания под предлогом недопущения распыления русских сил [в Вильно уже существовало Русское общественное собрание. — *Д. Л.*]. Тем не менее Л. М. Солоневичу и П. В. Коронкевичу удалось добиться согласия виленского губернатора на создание новой организации.

---

81 Вильна, 28 января // Белорусская жизнь. 1911. 28 января. С. 1.

82 Вильна, 27 января // Белорусская жизнь. 1911. 27 января. С. 1.

83 Голуб. Белорусский вечер // Белорусская жизнь. 1911. 28 января. С. 3.

84 Что такое «Белорусское общество»? // Белорусский вестник. 1912. 9 декабря. С. 1.

В уставе Виленского белорусского общественного собрания, утвержденном 26 мая 1911 г., было записано: «Собрание имеет целью предоставлять своим членам возможность разумного отдыха, общедоступных и полезных развлечений, а также содействовать национально-культурному объединению белорусов, великороссов и малорусов, без различия вероисповедания»[85]. Для достижения указанных целей собранию было предоставлено право устраивать семейные, литературные, музыкальные вечера, театральные представления, лекции, иметь библиотеку-читальню, открывать учебные заведения и другое. Управлял делами организации Совет старейшин из 18 человек. Председателем Совета был избран преподаватель Виленской женской гимназии В. П. Любарский, его заместителем стал П. В. Коронкевич[86]. Планировалось, что средства Белорусского общественного собрания будут слагаться из членских взносов (по 5 руб. в год), но из-за малочисленности членов (к 1914 г. в организацию записалось всего около 200 человек) денег не хватало. Для пополнения кассы собрания стали устраиваться азартные игры, хотя некоторые члены «Белорусского общества», в частности известный краевед О. В. Щербицкий, против этого возражали. В итоге годовой доход собрания достиг 26–38 тыс. руб.[87] Из этих денег делались отчисления на издательскую деятельность «Белорусского общества» (1 300 руб.), пожертвования Виленскому обществу скорой медицинской помощи, глазной лечебнице, дамскому комитету Красного Креста, церковно-приходским общинам[88]. Во время Балканских войн 1912–1913 гг. делались пожертвования и в пользу славянских народов[89].

Летом 1911 г. в «Белорусском обществе» наметился раскол. К этому времени стало ясно, что в выборные земства, благодаря поддержке царского правительства, пройдут в основном русские помещики, а не крестьяне. Консервативную часть общества во главе с Л. М. Солоневичем это вполне устраивало. На первых

---

85 Устав Виленского белорусского общественного собрания. Вильно, 1911. С. 1.

86 Памятная книжка Виленской губернии / Изд. Виленского губ. стат. к-та, под ред. А. П. фон Вонгааза. Вильно, 1913. С. 146.

87 Виленское белорусское общественное собрание. Отчет дохода и расхода за 1912–1913 год. Вильно, 1913. С. 6; Виленское белорусское общественное собрание. Отчет дохода и расхода за 1913–1914 год. Вильно, 1914. С. 6.

88 Виленское белорусское общественное собрание. Отчет дохода и расхода за 1912–1913 год. С. 17–18; Виленское белорусское общественное собрание. Отчет дохода и расхода за 1913–1914 год. С. 19, 28.

89 Виленское белорусское общественное собрание. Отчет дохода и расхода за 1912–1913 год. С. 17.

порах допускалось доминирование в земствах русских землевладельцев. «Не пристрастие к поместному сословию заставляет нас радоваться преобладанию в наших западных земствах русских помещиков, — писала “Белорусская жизнь”, — а твердая уверенность, что это единственный путь к подготовке земского элемента из народа... Под руководством русского помещика-земца открывается широкий простор и для деятельности в земствах нашей, демократически настроенной белорусской интеллигенции, которая, мы твердо в этом уверены, была бы отрезана от народа, если бы земства нашего края очутились в руках инородцев, хотя бы и самого прогрессивного направления...»[90]. Напротив, либеральное большинство организации не одобряло поправение Л. М. Солоневича. В итоге последний предпочел выйти из «Белорусского общества» и сблизиться с «Крестьянином» и русскими националистами.

Деятельность «Белорусского общества» в 1912–1915 гг.

9 августа 1911 г. вышел последний номер «Белорусской жизни», а спустя два дня Л. М. Солоневич начал издавать собственную газету — «Северо-Западную жизнь», которую иногда ошибочно также считают органом «Белорусского общества». На самом же деле последнее почти на год осталось без своей газеты. Председателем Правления общества стал П. В. Коронкевич, его заместителем — Н. А. Бовдзей. Только 17 июня 1912 г. накануне выборов в IV Государственную думу «Белорусское общество» смогло наладить издание своего нового печатного органа — газеты «Белорусский вестник». Издателем газеты был П. В. Коронкевич, редактором — Н. А. Бовдзей.

Первый номер «Белорусского вестника» был программным. В нем четко очерчивался круг сторонников либерального направления в западнорусизме. «Мелкий и средний чиновник, сельский учитель, волостной писарь, грамотный крестьянин — вот та могучая, но не сорганизованная сила, на которую всегда рассчитывало и продолжает рассчитывать “Белорусское общество”...», — писалось в передовой статье газеты[91]. Одновременно П. В. Коронкевич и его сторонники отмежевывались от русского чиновничества и поместного класса. «К составу коренного русского населения

[90] Вильна, 31 июля // Белорусская жизнь. 1911. 31 июля. С. 1.
[91] Вильна, 17 июня // Белорусский вестник. 1912. 17 июня. С. 1.

нашей губернии мы никоим образом не можем причислить таких случайных его элементов, как «подвижный русский служилый класс» различных ведомств... не можем сюда включить и наших русских помещиков, большею частью случайно прикрепленных к земле...», — сообщалось в «Белорусском вестнике»[92]. Зато «Белорусское общество» стало делать ставку на русских старообрядцев[93]. По-прежнему значительная роль отводилась интеллигенции как идейному воспитателю народных масс.

В связи с этим «Белорусский вестник» выступал за более кардинальные преобразования в сфере народного просвещения, чем «Белорусская жизнь». Редакция газеты настаивала на введении всеобщего начального образования, повышении роли светской школы (земской и министерской), реформировании церковно-приходских школ. Последние должны были освободиться от опеки православной церкви и войти в ведение Министерства народного просвещения. «Церковно-приходская школа в крае... должна быть лишена того миссионерского характера, который делает ее пугалом для католиков», — утверждалось в одной из редакторских статей[94]. Таким образом, «Белорусское общество» перешло на позиции введения единой светской общедоступной школы.

Выступая за расширение просвещения белорусов, П. В. Коронкевич и его сторонники неоднозначно оценивали отказ редакции «Нашай Нівы» от использования латинского шрифта. В частности, «Белорусский вестник» отмечал, что тем самым «Наша Ніва» фактически отказалась от воздействия на массы белорусов-католиков, для которых латинский шрифт был гораздо ближе, чем кириллица[95].

Рассматривая состав белорусского национального движения, «Белорусский вестник» выделял в нем 3 лагеря: консервативный, в который включались организации типа Русского общественного собрания и «Крестьянина»; леворадикальный, олицетворявшейся «Нашай Нівай»; центристский, представленный «Белорусским обществом»[96]. Представители консервативного лагеря критиковались за излишнюю «угодливость» перед царской администрацией, редакция «Нашай Нівы», наоборот, за «сверхпрогрессивность».

---

92 Павтш. Кому следует вручить мандат в Государственную думу от русского населения Виленской губернии? // Белорусский вестник. 1912. 2 сентября. С. 1.

93 Там же.

94 Вильна, 8 июля // Белорусский вестник. 1912. 8 июля. С. 1.

95 Вильна, 4 сентября // Белорусский вестник. 1912. 4 сентября. С. 1.

96 Вильна, 2 декабря // Белорусский вестник. 1912. 2 декабря. С. 1.

«Белорусский вестник» упрекал «Нашу Ніву» за то, что она своим поведением навлекала обвинения в сепаратизме на все белорусские организации, в т. ч. и на «Белорусское общество».

Характерно, что примерно так же определяли состав белорусского движения и в Департаменте полиции МВД. Организации типа «Крестьянина» относились к русскому лагерю в Вильно, в белорусскую же «партию» включались и «Белорусское общество», и «Наша Ніва», в качестве ее левого крыла. К приверженцам белорусской «партии» относилась «тутэйшая» интеллигенция, мелкое чиновничество, сельские учителя, фельдшера, многие волостные писари. «Наружно партия признается национальной (ввиду враждебных отношений к полякам и евреям), но по коренным убеждениям она не может быть признана правою, по своим убеждениям это кадеты и трудовики... Партия эта пользуется сочувствием крестьян и по существу имеет характер сепаратистский», — такую обобщенную характеристику давали в МВД «Белорусскому обществу» и «Нашей Ніве»[97].

Следует отметить, что, как и «Наша Ніва», «Белорусский вестник» много внимания уделял белорусской культуре, местной истории и литературе. На страницах газеты печатались краеведческие очерки А. Киркора, А. Березовика, П. И. Кореневского, тексты белорусских песен и легенд.

Деятельность «Белорусского общества» вызывала критические замечания со стороны руководителей организации «Крестьянин», местных отделов Всероссийского национального союза, консервативной прессы. В частности, со страниц «Северо-Западной жизни» Л. М. Солоневич обвинил бывших товарищей в пассивности по отношению к польскому и еврейскому национальным движениям. В ответ «Белорусский вестник» отметил, что в «Северо-Западной жизни» «шовинизм, полный человеконенавистничества и злобы, вытеснил здоровое чувство национального достоинства». Лидеры «Белорусского общества» заявили о том, что они по-прежнему весьма негативно относятся к польскому и еврейскому «засилью» в крае, но при этом «...лозунг «дави поляка и еврея» в XX веке не должен иметь места» [98]. В области местного самоуправления редакция «Белорусского вестника» выступала за введение выборных земств в Виленской, Гродненской

---

[97] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Особый отдел. 1912 г. Оп. 242. Д. 27. Л. 38.

[98] Вильна, 9 сентября // Белорусский вестник. 1912. 9 сентября. С. 1.

и Ковенской губерниях, несмотря на многонациональный состав их населения[99].

В то же время П. В. Коронкевич и его сторонники подчеркивали свою приверженность общерусской культуре и ценностям. Так, 26 августа 1912 г. в Белорусском общественном собрании состоялось торжественное заседание в честь 100-летия Бородинского сражения. Тогда же было решено пожертвовать 300 руб. в пользу семей военных, погибших во время русско-японской 1904–1905 гг.[100]

Осенью 1912 г. «Белорусское общество» активно включилась в избирательную кампанию в IV Государственную думу. При этом деятельность депутатского корпуса предыдущей Думы по отношению к Беларуси оценивалась негативно. «Законодательное собрание... забыло о существовании белоруса, и девятимиллионная народность оставалась безгласной в течение пяти лет», — считала редакция «Белорусского вестника»[101]. В конторе газеты разместился Русский внепартийный избирательный комитет, образованный сторонниками «Белорусского общества». Последнее на период выборов стремилось заручиться поддержкой влиятельных официальных лиц. В частности, 16 сентября на праздник в Белорусское общественное собрание были приглашены чиновник особых поручений при Совете министров А. А. Кон, управляющий канцелярией губернатора Д. Л. Новицкий, старший ревизор губернского акцизного управления А. П. Петров, редактор «Виленского вестника» В. В. Теплов. В своем выступлении А. А. Кон отметил, что миссия русского чиновничества в крае заключается в том, чтобы выдвинуть белоруса на поприще культурной и общественной работы[102].

23 сентября по инициативе комитета состоялось первое общее собрание русских избирателей Вильно, на котором присутствовало до 500 человек. Председательствовал В. П. Любарский[103]. На собрании выяснилось, что составление единого списка кандидатов в выборщики депутатов Государственной думы от русского населения города невозможно по причине острых политических разногласий

---

99 Вильна, 17 июня // Белорусский вестник. 1912. 17 июня. С. 1.

100 В Белорусском общественном собрании // Белорусский вестник. 1912. 2 сентября. С. 3.

101 Вильна, 15 июля // Белорусский вестник. 1912. 15 июля. С. 1.

102 Празднование годовщины Белорусского Общественного Собрания // Белорусский вестник. 1912. 23 сентября. С. 3.

103 Общее собрание русских избирателей // Белорусский вестник. 1912. 1 октября. С. 1.

между группой «прогрессистов» с одной стороны и русскими националистами — с другой. В итоге было сформировано 4 списка кандидатов в выборщики от русских избирателей: внепартийного комитета, «прогрессистов», Всероссийского национального союза, Свято-Духова братства. В список внепартийного комитета попали В. П. Любарский, Н. А. Бовдзей и А. А. Кон.

Самостоятельно решил выступить на выборах член «Белорусского общества» М. С. Вруцевич, родной брат А. С. Вруцевича. Однако, поскольку своих средств на избирательную кампанию у него не было, он обратился за помощью к лидеру Конституционно-демократической партии П. Н. Милюкову. Пытаясь получить необходимую сумму, Вруцевич обрисовал предвыборную ситуацию в городе, указав на слабость позиций местных либералов и возможную победу черносотенцев[104]. Но видимо нужных средств, по неизвестным причинам, он так и не получил, и в результате не смог участвовать в избирательной гонке. Как и предсказывал Вруцевич в своем письме к П. Н. Милюкову, победу на выборах одержал кандидат крайне правых Г. Г. Замысловский.

В итоге выборов в IV Государственной думе снова не оказалось депутатов от белорусской «партии». Вскоре после окончания избирательной кампании перестал выходить и «Белорусский вестник». Последний его номер был издан 12 января 1913 г. «Белорусское общество» же продолжало действовать до середины 1915 г., когда в ходе Первой мировой войны Вильно был занят германскими войсками. Часть бывших членов общества эвакуировалась на восток. П. В. Коронкевич переехал в Гомель, где его и застала Февральская революция 1917 г. Здесь весной того же года возникла новая либеральная организация западнорусов, являвшаяся, по сути, правопреемницей «Белорусского общества».

Союз белорусской демократии

В конце апреля 1917 г. в помещении Управления Полесских железных дорог состоялось первое собрание местных белорусов. Присутствовало около 200 человек[105]. Председателем собрания был

---

104 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4004. Л. 1–1 об.

105 Коронкевич П. В. Белорусы (Исторический очерк с обзором деятельности «Союза Белорусской Демократии», этнографической картой белорусского племени и отзывом Академика и Профессора Е. Ф. Карского о программе Союза). Гомель, 1917. С. 1.

избран Д. Г. Гулевич, бывший учитель, секретарем — И. М. Лихуто, железнодорожный чиновник. На собрании были заслушаны сообщения о мартовском белорусском съезде в Минске и создании Белорусского национального комитета (БНК), о делегации комитета в Петроград с целью переговоров с Временным правительством и Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, о митинге белорусов в Петрограде. Собрание постановило отправить телеграмму с выражением поддержки новому правительству и образовать временный Белорусский демократический комитет из 45 членов. 26 апреля председателем комитета был избран П. В. Коронкевич[106].

В конце мая состоялось второе собрание белорусов в Гомеле. Председательствовал на нем учитель К. Боровский, секретарем был агент Управления Полесских железных дорог В. С. Василенко. Собрание заслушало доклады о белорусском движении в Минске, о Белорусской социалистической громаде и другие. Присутствовавший на собрании представитель Белорусского национального комитета прапорщик Станкевич агитировал за автономию Беларуси в составе России. Большинство выступило против. Зато по предложению П. В. Коронкевича было постановлено возбудить перед Временным правительством ходатайство о белорусском представительстве в комиссии по выборам Учредительного собрания[107].

18 июня 1917 г. на третьем собрании белорусов в Гомеле под председательством Д. Г. Гулевича принимается решение о создании Союза белорусской демократии (СБД) и активном участии в выборах Учредительного собрания. Председателем комитета союза был избран П. В. Коронкевич, его заместителями стали Д. Г. Гулевич и бывший учитель Ф. В. Шишко[108].

Программа Союза белорусской демократии основывалась на утверждении, что, кроме интересов общих со всем русским народом, у белорусов имелись еще и свои особые интересы. Их наличие обуславливалось особенностями географического положения Белоруссии, культурным влиянием соседних народов, своеобразием этнографического состава населения, социальных и религиозных отношений, особым законодательным статусом края. Положительно характеризовалось Великое княжество Литовское, в рамках которого оформилась белорусская народность, и, наоборот, крайне негативная оценка давалась Речи Посполитой, с которой связыва-

106 Там же. С. 4.
107 Там же. С. 4–5.
108 Там же. С. 5, 7.

лись полонизация элиты, религиозный и национальный гнет. «Продолжительный период застоя культуры белорусской сделал то, что белорусы в конце концов утратили свое национальное самосознание и начали определять себя термином «тутэйший», — утверждал П. В. Коронкевич[109]. По его мнению, к началу XIX в. белорусский язык представлял собой наречие с бесчисленными вариациями, в зависимости от местности. Возрождение белорусов по-прежнему связывалось с русской культурой и языком. «Те белорусы, которые ставят своей целью отделение Белоруссии от России, указывая на самостоятельность своей культуры и языка, образчиком которого служат такие произведения, как «Тарас на Парнасе» и «Панское игрище», не могут быть серьезными тормозами в единении свободной Белоруссии с свободной Великой Россией», — писал П. В. Коронкевич, указывая на белорусские организации, консолидировавшиеся вокруг БНК. Задача белорусской интеллигенции, считал он, заключается в работе по объединению белорусов, великорусов и малорусов в одну «несокрушимую народность русскую». А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев и другие русские писатели рассматривались как культурные деятели, общие для всех восточных славян[110].

В сфере государственного управления Союз белорусской демократии отстаивал целостность территории Белоруссии с Вильно, как главным ее культурным центром, добивался самоуправления края в рамках России. В области народного просвещения предполагалось расширить сеть начальных и средних школ, открыть университет, ввести бесплатное обучение, но только на русском языке. Для решения аграрного вопроса предусматривалось без выкупа передать крестьянам все государственные, церковные, удельные и помещичьи земли по правилам, которые должно было выработать общероссийское Учредительное собрание. Поскольку белорусские губернии серьезно пострадали в ходе военных действий, восстановление их хозяйства возлагалась на общегосударственную казну. Кроме того, союз обещал оказывать содействие развитию промышленности, путей сообщения, кооперации и сельскохозяйственной культуры в крае[111].

---

109 Там же. С. 5.

110 Коронкевич П. В. Белорусы (Исторический очерк с обзором деятельности «Союза Белорусской Демократии», этнографической картой белорусского племени и отзывом Академика и Профессора Е. Ф. Карского о программе Союза). С. 7.

111 Там же. С. 10–11.

Для поднятия авторитета Союза белорусской демократии его лидеры сумели заручиться поддержкой академика Е. Ф. Карского. Видный ученый одобрил программу союза, указав лишь на необходимость применения белорусского языка в начальной школе, изучение его в средних и высших учебных заведениях Белоруссии. Положительно оценивал Карский и развитие литературы на народном языке. П. В. Коронкевич прислушался к советам академика, отредактировал программу, указав, что союз «не препятствует допущению в начальной школе обращения к народному языку и не возбраняет литературы на этом языке»[112].

Летом 1917 г. СБД активно участвовал в общественно-политической жизни. За это время состоялось около 20 заседаний его комитета. 25 июня Д. Г. Гулевич и Ф. В. Шишко участвовали в совещании белорусских организаций в Витебске, а 4–6 июля П. В. Коронкевич и Ф. В. Шишко присутствовали на белорусской конференции в Петрограде. Гласному городской думы В. А. Михаленку удалось открыть отдел союза в Молодечно[113].

Наибольшее значение придавалось выборам в Учредительное собрание. Сознавая малочисленность Союза белорусской демократии, его лидеры решили блокироваться с другими организациями: оршанским Белорусским народным комитетом, могилевским Белорусским национальным комитетом, московской Белорусской народной громадой. В избирательный список белорусских организаций Могилевской губернии вошли 15 кандидатов, 4 из них представляли СБД: П. В. Коронкевич, Д. Г. Гулевич, В. А. Михаленок, К. М. Загоровский[114]. Результаты выборов оказались неудачными для белорусских организаций, победу одержали общероссийские партии: эсеры, большевики и другие.

После установления советской власти в конце 1917 г. деятельность Союза белорусской демократии прекращается.

Итоги

Таким образом, касательно эволюции либерального течения в западноруссизме начала XX века, можно сделать следующие выводы. Первым образовалось общество «Крестьянин», разде-

112 Там же. С. 11–12.

113 Там же. С. 8–9.

114 От Могилевской Окружной по делам о выборах в Учредительное Собрание Комиссии // Горецкий вестник. 1917. 3 ноября. С. 2.

лявшее по общеполитическим вопросам платформу «Союза 17 октября». Задумывалась оно как массовая организация, которая могла бы выступать от имени крестьянства Северо-Западного края. Фактически же «Крестьянина» поддержали мелкобуржуазные слои города и деревни: служащие, народные учителя, часть духовенства, волостные старшины и т. п. С течением времени происходит эволюция организации вправо на позиции, близкие русским националистам. Это оттолкнуло от «Крестьянина» либерально настроенных членов, которые в конце 1908 г. образуют собственную организацию — «Белорусское общество». Последнее в своем развитии прошло через два этапа: 1908–1911 гг., когда в общеполитической сфере общество ориентировалось в основном на партию октябристов, а главную роль в нем играли Л. М. Солоневич и П. В. Коронкевич, выпускавшие газету «Белорусская жизнь»; 1911–1915 гг., когда после ухода Л. М. Солоневича к националистам, происходит известная радикализация организации, переориентация на кадетов, а ведущая роль переходит к П. В. Коронкевичу, сумевшему наладить издание новой газеты — «Белорусского вестника». После эвакуации из Вильно, П. В. Коронкевич в 1917 г. создал Союз белорусской демократии, унаследовавший в основном платформу «Белорусского общества» второго этапа его существования.

АЛЕКСАНДР ВОРОБЬЕВ

ВЫБОРЫ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ И ЛАТГАЛЬСКИХ УЕЗДОВ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (НОЯБРЬ 1917 ГОДА): ОПЫТ АНАЛИЗА И РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ

На фоне тягостных бедствий Первой мировой войны (1914–1918 гг.), бурных революционных событий 1917 г. как-то в стороне и почти совершенно в их тени осталось еще одно важное для России внутриполитическое событие, которое свершилось уже более девяноста лет тому назад. Этим событием являются выборы во Всероссийское Учредительное собрание и его созыв. В 1917 г., в условиях развития революционного движения и процесса демократизации всех сторон жизни тогдашнего общества, лозунг созыва Всероссийского Учредительного собрания сделался необычайно популярным и находил отражение в программах всех ведущих политических партий страны. Выборы вначале были назначены Временным правительством на 17 сентября 1917 г., а созыв Всероссийского Учредительного собрания — на 30 сентября. Однако потом дату проведения выборов перенесли на 12–14 ноября 1917 г., а созыв его — на 28 ноября этого года. Несмотря на то, что выборы в Учредительное собрание проводились в ноябре 1917 г., уже после захвата власти в России большевиками, тем не менее более чем убедительную победу на них, в целом по всей стране, одержала Всероссийская партия социалистов-революционеров (эсеров), опередившая большевиков и набравшая вдвое больше их голосов избирателей (при этом в отдельных регионах итоги выборов для эсеров были неудачными).

Именно по причине проигрыша большевиками выборов в Учредительное собрание и последовавшего затем его разгона, история этого представительного органа была впоследствии предана забвению, а в советской исторической литературе за Всероссийским Учредительным собранием закрепилось презрительно-уничижительное прозвище «учредилки».

Между тем выборы в Учредительное собрание и единственный день его работы не были стерты вовсе из истории и явились своего рода венцом всероссийской демократии в начале XX в., легальной и легитимной попыткой сохранения единства территориальной целостности России, закрепления центростремительных и автономистских тенденций в обществе — вопреки нараставшему хаосу, террору и сепаратистским настроениям.

Выборы оказали заметное влияние на развитие избирательного законодательства многих стран мира. Они явились первыми подлинно всенародными и, в основном, демократическими выборами в истории нынешнего постсоветского пространства, а их значение и многие аспекты партийной и внепартийной демократии еще будут оставаться актуальными на долгие времена. Следует отметить, что уже в первой статье «Положения о выборах в Учредительное собрание» указывалось на его демократизм. В ней говорилось: «Учредительное собрание образуется из членов, избранных населением на основе всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права, посредством прямых выборов и тайного голосования, с применением начала пропорционального представительства»[1]. Ни в одном государстве в начале XX века не было столь демократичного выборного законодательства, как в России, ибо к моменту проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание были отменены многие ограничения избирательных прав населения: гендерный барьер, ценз оседлости, ценз грамотности, имущественный ценз. Россия была единственной страной мира, где военнослужащие получили избирательные права (этот опыт, оказавшийся в тех условиях необходимым, но роковым для России, был впоследствии воспринят и реализован многими странами в мирное время, хотя сегодня и не принято признавать трагическое первенство России в этом вопросе).

Следует отметить, что возрастной ценз для гражданского населения России составлял 20 лет и был самым низким на 1917 г.

---

[1] Положение о выборах в Учредительное собрание. Пг.: Изд. Всерос. Центр. Исп. Ком. Сов. раб. и солд. деп., 1917. С. 7.

во всем мире. В США, Великобритании, Италии и Франции он составлял 21 год, в Австрии и Швеции — 24 года, а в Бельгии, Германии, Нидерландах, Испании и Норвегии он равнялся 25 годам. Относительно возрастного ценза военных избирателей «Положение о выборах в Учредительное собрание» указывало: «Избирательным правом пользуются лица, родившиеся не позднее 12 ноября 1899 г. (т. е. в возрасте 18 лет), как призванные на военную службу, так и вошедшие в состав армии и флота, независимо от призыва, как-то: офицеры, воспитанники юнкерских и военных училищ, а также школ прапорщиков, вольноопределяющиеся и охотники (добровольцы), не исключая и лиц женского пола»[2]. Пониженный относительно гражданских лиц возрастной ценз для избирателей-военнослужащих был установлен после длительных дебатов в обществе с учетом того, что 750 тыс. последних имели возраст 18–19 лет[3]. Женщины же, кроме России, имели избирательные права только в Австралии, Новой Зеландии, Норвегии, Дании, Финляндии и нескольких штатах США[4].

Демократизм избирательного законодательства при проведении выборов в Учредительное собрание был отмечен в начале декабря 1917 года и лидером большевистской партии В. И. Лениным, недовольным результатами голосования и нацеленным на силовой захват власти: «Если брать Учредительное собрание вне обстановки классовой борьбы, дошедшей до гражданской войны, то мы не знаем пока учреждения более совершенного для выявления воли народа»[5].

До настоящего времени нет достаточно полной картины проведения выборов, как на территории всей России того периода (за исключением земель, оккупированных германской и австро-венгерской армиями), так и современной Беларуси. В данной статье предпринята попытка максимально подробно и объективно изучить процесс подготовки и проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание на территории белорусских и латгальских уездов Витебской губернии, с учетом региональных особенностей развития политической ситуации и сложного этнического

---

2 Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 15; Солнцева А. С. Мы, солдаты-окопники, приветствуем Учредительное собрание // Военно-исторический журнал. М., 2001. № 3. С. 62.

3 Солнцева А. С. Мы, солдаты-окопники, приветствуем Учредительное собрание. С. 62.

4 Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. С. 140.

5 Там же.

состава населения. Источниковой базой статьи служат либо малоизвестные, либо вовсе не известные документы, найденные в архивах Республики Беларусь и Российской Федерации, а также, материалы периодической печати 1917 года, которые, при условии почти полного отсутствия архивных данных, сопоставимы по своей ценности и значимости с архивными источниками.

Витебская губерния находилась ближе, нежели другие белорусские губернии к столице России того времени (Петрограду), ввиду чего занимала особое положение. Во-первых, все, что происходило в столице, становилось быстрее всего известным на территории нынешней Беларуси, начиная с Витебской губернии. Во-вторых, Витебская губерния прикрывала собой столицу, поэтому на ее территории в период Первой мировой войны находилось большое количество войск русской армии. В-третьих, на производстве выборов во Всероссийское Учредительное собрание и на самом положении Витебской губернии сильно сказалось то, что она была губернией прифронтовой: часть линии русско-германского фронта, проходившего по территории Белоруссии (включая Латгалию, ныне часть Латвии), начинавшаяся у города Двинска, получила название Северного фронта. Город Двинск (нынешний Даугавпилс в Латвии), который в тот период времени являлся уездным центром Витебской губернии, находился на южном, левом фланге Северного фронта. Все перечисленные нами факторы сыграли большую роль при проведении выборов в Учредительное собрание в Витебской губернии.

При этом следует отметить, что нам удалось обнаружить достаточно большой комплекс архивных материалов, посвященных выборам в Учредительное собрание в Витебской губернии. Это выгодно отличает рассмотрение полной картины выборов в этой белорусской губернии от ее изучения и рассмотрения на территории других губерний (Минской и Могилевской, а также части неоккупированной Виленской губерний).

Вначале, однако, следует сказать, что Витебская губерния целиком входила в состав одного избирательного округа — Витебского. В этой губернии, кроме того, что в каждом ее уезде была создана уездная избирательная комиссия, в крупнейших ее городах (самом Витебске, Полоцке и Двинске) были созданы городские избирательные комиссии.

Выборам в Учредительное собрание, как в целом на всей территории России, так и в Витебской губернии, уделялось немало внимания в советские и постсоветские времена. Вместе с тем ряд аспектов, связанных с ними, до сих пор оставался не затронутым

в силу тех или иных причин. Устранению максимального количества данных пробелов, как нам думается, сможет послужить данная статья.

Выборы в Учредительное собрание в Витебском избирательном округе прошли в назначенное время: с 12 по 14 ноября 1917 г.[6] В них участвовало 14 кандидатских списков от политических партий и общественных организаций. В предшествующее время проблема выборов во Всероссийское Учредительное собрание на территории Витебской губернии была предметом довольно основательного исследования. Среди историков, занимавшихся таковыми исследованиями, выделяются такие, как О. Н. Знаменский[7], Н. С. Сташкевич[8], Л. М. Спирин[9], А. А. Урбанович[10] и Л. Г. Протасов[11]. Правда, они не приводили в своих работах поименно состав Витебской окружной избирательной комиссии, руководившей проведением выборов на территории губернии, поскольку ранее назывались только, в лучшем случае, фамилии, имена и отчества, а партийная принадлежность, образовательный ценз, социальное происхождение, национальность и должности ее членов оставались в стороне. Нам думается, что этот пробел следует восполнить.

Председателем комиссии являлся (согласно «Положению о выборах») председатель Витебской губернской земской управы Александр Францевич Рожновский, поляк, присяжный поверенный, 45 лет, имевший высшее образование. Товарищем председателя (заместителем) был Александр Александрович Бобрик, русский, 49 лет, товарищ председателя Витебского окружного суда по административному отделению, образование высшее. Членами комиссии были: 1. Дзень Антон Петрович, латгалец, 27 лет, член Витебского Совета солдатских депутатов, образование домашнее, представитель кандидатского списка Латышской социалистической партии; 2. Вейнберг Мозес Липманович, еврей, фабрикант, 41 год, образование домашнее, от еврейского национального

---

6 Спирин Л. М. Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 276–277.

7 Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание.

8 Сташкевич Н. С. На защите идей Октября. Мн., 1978.

9 Спирин Л. М. Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий.

10 Урбанович А. А. Тактика политических партий Белоруссии в период подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание (март 1917 — январь 1918 гг.): дис. канд. ист. наук, Мн., 1993.

11 Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и крушения. М., 1997.

избирательного комитета; 3. Писаревский Самуил Моисеевич, секретарь комиссии, еврей, 34 года, помощник присяжного поверенного, образование высшее, представитель Витебской городской управы; 4. Вербовский Иван Францевич, поляк, 32 года, секретарь губернской земской управы, образование низшее (то есть начальное), представитель партии энесов (народных социалистов); 5. Шумелишский Наум Давидович, еврей, 29 лет, помощник присяжного поверенного, образование высшее, представитель партии эсеров; 6. Петров Петр Матвеевич, русский, 23 года, образование среднее, учитель, солдат, представитель большевистской партии; 7. Бомас Витольд Петрович, поляк, 32 года, присяжный поверенный, образование высшее, представитель объединенных польских организаций; 8. Делекторский Афанасий Иванович, русский, 50 лет, прапорщик, образование высшее, представитель Витебского белорусского народного союза; 9. Драудзинь Альфонс Юрьевич, латыш, 29 лет, бухгалтер, образование среднее, представитель кандидатского списка латышских демократов-националистов; 10. Сидоренко Иван Трифонович, русский, 33 года, учитель, чиновник военного времени, образование высшее, представитель Витебской земельной управы; 11. Шахназаров Аршак Никитович, армянин, 52 года, специалист по молочному хозяйству, образование среднее, представитель Витебского губернского союза земельных собственников; 12. Тарле Александр Давидович, еврей, 30 лет, помощник присяжного поверенного, образование высшее, представитель кандидатского списка РСДРП (меньшевиков) и Бунда; 13. Стрельников Александр Кириллович, русский, 46 лет, управляющий Витебским отделениемКрестьянского банка, образование высшее, представитель партии кадетов; 14. Язик Тимофей (отчество не было указано), белорус, 56 лет, хлебопашец и пчеловод, образование домашнее, представитель кандидатского списка граждан Болецкой волости Городокского уезда[12].

В конце первой декады октября Витебская окружная комиссия начала регистрацию кандидатских списков. 10 октября 1917 г. был зарегистрирован кандидатский список от партии социалистов-революционеров (эсеров) во главе с писателем Александром Алексеевичем Гизетти (Петроград), получивший впоследствии № 1[13]. 12 октября были зарегистрированы канди-

[12] Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 623. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–24.

[13] Там же. Ф. 623. Оп. 2. Д. 8. Л. 1.

датские списки № 2 трудовой народно-социалистической партии (возглавил список Александр Сергеевич Зарудный)[14], № 3 партии кадетов (Максим Моисеевич Винавер)[15], № 4 Латгальской социалистической партии трудового народа (Франц Андреевич Кемп)[16], № 5 РСДРП (б) (Лев Борисович Розенфельд (Каменев), Петроград)[17]. 13 октября регистрацию прошли списки № 6 блока Витебского белорусского народного союза и Союза православных и единоверческих приходов Полоцкой епархии (Георгий Иванович Полонский)[18], № 7 еврейского национального избирательного комитета (Нафталь Маркович Фридман)[19], № 8 Витебского губернского союза земельных собственников и общества старообрядцев Витебской губернии (Сергей Андреевич Котляревский)[20], № 9 от РСДРП (объединенной) и Бунда (Акакий Иванович Чхенкели)[21], № 10 объединенных польских организаций (Эдуард Юлиевич Ропп)[22]. 15 октября получили регистрацию кандидатские списки № 11 социалистов-федералистов и крестьян Латгалии (Антон Донатович Скринда, второй номер — Зигфрид Германович Мейеровитц снял свою кандидатуру, оставшись на этой же позиции в списке № 12)[23] и № 12 латышей демократов-националистов (Юрий Станиславович Паберж)[24]. Были также зарегистрированы списки № 13 крестьян Витебской губернии (Александр Иванович Лобус)[25] и № 14 граждан Болецкой волости Городокского уезда (Иван Игнатьевич Кузьминский, левый эсер, крестьянин д. Рябы Поташенской волости Городокского уезда)[26].

Несколько кандидатских списков окружной комиссией были отклонены. Так, не был зарегистрирован кандидатский список жителей Истрской волости Люцинского уезда, в который входил Морозов Спиридон Константинович. Список должен был поступить на регистрацию до 14 октября 1917 г., а он поступил

14 Там же. Л. 2.
15 Там же. Л. 4.
16 Там же. Л. 5.
17 Там же. Л. 6–7.
18 Там же. Л. 8.
19 Там же. Л. 9.
20 Там же. Л. 11.
21 Там же. Л. 12.
22 Там же. Л. 14.
23 Там же. Л. 15 об. — 16.
24 Там же. Л. 18.
25 Там же. Л. 19–20.
26 Там же. Л. 20.

15 октября, и поэтому его отклонили. Та же картина была и с кандидатским списком жителей Аннапольского участка Люцинского уезда, в который входили Клевцов Арсентий Васильевич и Вадим Петр Игнатьевич. Позже положенного для регистрации срока поступил и кандидатский список жителей деревень Шкирнаны и Ильюси Истрской волости Люцинского уезда, в который входили Матвеенко Матвей Михайлович из д. Ильюси и Фенченко Михаил Антонович из д. Шкирнаны. Та же участь постигла и кандидатский список жителей д. Лазары Истрской волости Люцинского уезда, в который входил Чаплинский Юлиан Осипович. Был отклонен и поступивший позже кандидатский список жителей села Лесковичи Витебского уезда, в который входил Волков Павел Кузьмич. Окружная комиссия отклонила и поступивший 1 ноября кандидатский список жителей Струнской волости Полоцкого уезда, в который входили 8 человек во главе с Никитой Ивановичем Бобровским[27].

Таким образом, шесть кандидатских списков, которые были поданы крестьянами Витебской губернии, не были зарегистрированы. Об этом историки, ранее изучавшие проблему выборов в Учредительное собрание, ничего не упоминали.

Следует отметить, что возникло много путаницы и с проблемой блокирования зарегистрированных кандидатских списков, нумерация которых определялась окружной комиссией жеребьевкой. Л. М. Спирин, который до сих пор является одним из крупнейших исследователей выборов в Учредительное собрание по всей России, в одной из своих работ отметил, что большевики вступали в блоковые соглашения только в четырех избирательных округах (Алтайском, Иркутском, Пензенском и Екатеринославском). Там же он написал, что больше всех блокировались эсеры, главным образом, с Советами крестьянских депутатов, что способствовало приобретению ими большого количества голосов в деревне[28].

В данные утверждения следует внести коррективы, так как в Витебском избирательном округе большевики заключили еще одно, пятое по счету, блоковое соглашение с кандидатским списком № 14 крестьян Болецкой волости Городокского уезда. Эсеры же не имели блокового соглашения с Витебским губернским Советом крестьянских депутатов, что уже само по себе является

---

27 Там же. Л. 21, 24–29.

28 Спирин Л. М. Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий. С. 238.

весьма примечательным фактом. Эти два факта, о которых ранее никто из историков ничего не упоминал, как нам представляется, сыграли весьма важную роль при проведении выборов во Всероссийское Учредительное собрание на территории Витебской губернии.

Согласно «Положению о выборах в Учредительное собрание» группы избирателей, заявивших кандидатские списки, могли, не позднее чем за 15 дней до дня выборов, подавать в окружную комиссию заявления о соединении их списков, причем один и тот же список не мог входить в состав более чем одного объединения[29]. В Витебской губернии было создано четыре блока: 1. списка социалистов-федералистов и крестьян Латгалии (№ 11) и списка латышей демократов-националистов (№ 12); 2. списка партии кадетов (№ 3), списка союза земельных собственников и общества старообрядцев (№ 8) и списка объединенных польских организаций (№ 10); 3. списка РСДРП (б) (№ 5) и списка граждан Болецкой волости Городокского уезда (№ 14); 4. списка партии эсеров (№ 1) и списка РСДРП (объединенной) и Бунда (№ 9)[30].

Многими политическими партиями учитывался многонациональный состав населения Витебской губернии. Так, в большевистском кандидатском списке были евреи Каменев, Пинсон, Ривкин, Склянский и Лаговиер, поляки Дзержинский и Чешейко-Сохацкий, латыш Чунчин. Похожая картина наблюдалась и у эсеров, в состав кандидатского списка которых входили евреи Новаковский, Цетлин и Каценеленбоген, а также латгалец Рускуль. Кроме того, эсеры стремились привлечь на свою сторону и литовское население Витебской губернии. Так, Витебский отдел партии социалистов-народников Литвы призвал литовцев голосовать на выборах за список № 1 эсеровской партии[31].

Как уже говорилось выше, Витебский избирательный округ был разбит на уезды, в которых, для производства выборов, были сформированы уездные избирательные комиссии. Три крупнейших города Витебской губернии (Витебск, Полоцк и Двинск, ныне Даугавпилс) хотя и получили право сформировать свои городские избирательные комиссии, однако в административном отношении подчинялись уездным комиссиям.

---

29 Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 2575. Оп. 1. Д. 164. Л. 8.

30 НАРБ. Ф. 623. Оп. 2. Д. 1. Л. 96.

31 Известия Витебского Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917, 12 ноября.

В период выборов губерния была наводнена солдатами Северного фронта русской армии, поскольку по верхнему течению Западной Двины проходила линия фронта. Колоссальное влияние на ход и исход выборов оказал и захват власти в стране большевиками. Рассмотрим далее процесс производства выборов в Учредительное собрание Витебской губернии на примерах двух белорусских (Дриссенского и Городокского) и трех латгальских уездов.

Вначале следует отметить, что материала по выборам в Учредительное собрание в Дриссенском уезде Витебской губернии сравнительно немного. Организацией и руководством выборов должна была заниматься Дриссенская уездная избирательная комиссия, состав которой нам удалось установить. Председателем комиссии был административный судья Дриссенского уезда Константин Генрихович Эйзнер, ее членами от Дриссенского съезда мировых судей являлись Алоизий Ричардович Брежго и Петр Тихонович Измайлов. Представителями избирательной комиссии от Дриссенской уездной земской управы являлись Александр Константинович Цалпан и Борис Дорофеевич Тясто, а от Дриссенской городской думы — Павел Иосифович Черкас и Шлема Ицкович Таубман. Товарищем (заместителем) председателя комиссии был избран Брежго, а секретарем — Измайлов[32]. К сожалению, нам не удалось выяснить социальное происхождение, степень образованности, национальности и партийную принадлежность членов Дриссенской уездной избирательной комиссии.

Количество избирателей в городе Дрисса (ныне это город Верхнедвинск Витебской области) составляло 2 728, а в Дриссенском уезде — 44 565 человек[33]. Необходимо отметить, что Дриссенский уезд не входил в войсковой район и солдаты Северного фронта русской армии, располагавшиеся на его территории, должны были голосовать отдельно от гражданского населения[34]. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Дриссенского уезда Витебской губернии прошли в назначенное время — 12–14 ноября 1917 г.

Накануне выборов в Витебскую губернию приезжали известные лидеры различных политических партий: бундовцы Абрамович, Браун и Рейн, кадет Винавер, представители еврейских избирательных списков Гольдштейн и Фридман (известный ев-

[32] НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.
[33] Там же. Л. 10, 25.
[34] Там же. Л. 34.

рейский депутат 4-й Государственной Думы)[35]. Их поездка явно способствовала активизации местных партийных организаций в подготовке к предстоящим выборам. Кроме агитационных поездок кандидатские списки активно искали себе союзников, заключая блоковые соглашения. Так, в соответствии с выборным законодательством произошло объединение в единые блоки списков № и № 12, а также списков № 3, № 10 и № 8. Объединились в один блок списки № 5 и № 14, а еще списки № 1 и № 9. К двум последним хотел присоединиться и список № 4, но срок подачи заявлений о создании блоковых соглашений уже истек, и ему отказали[36]. Большинство кандидатских списков имели в своем составе представителей разных национальностей, проживавших на территории Витебской губернии. В кандидатские списки эсеров, меньшевиков, большевиков, Бунда входили не только русские и белорусы, а и евреи, латыши, поляки. Эти же политические партии старались привлечь на свою сторону и литовцев с латгальцами, при том, что латгальское и латышское население Витебской губернии имело собственные избирательные списки. Так, Витебский отдел партии социалистов-народников Литвы призвал литовское население Витебской губернии голосовать на выборах за список № 1 партии социалистов-революционеров[37].

Безусловно, наибольший интерес вызывает информация о правонарушениях, допущенных в период голосования, тем более, что историки, ранее исследовавшие данную проблему, вовсе ничего о них не сказали. Сразу же следует отметить, что на территории Дриссенского уезда нарушений процедуры проведения выборов было значительно меньше, чем в других уездах Витебской губернии. Уездная избирательная комиссия отметила, что в 5-м избирательном участке был арестован (правда, не указывалось кем) председатель участковой комиссии священник Забелин, который, якобы, призывал избирателей не голосовать за те партии, которые выступали за отделение церкви от государства. Еще один член этой же комиссии оказался неграмотным. В двадцать пятом участке незаконно проголосовали 25 человек, которые не были внесены в списки избирателей. В 55-м и 57-м участках незаконно проголосовали не внесенные в избирательные списки солдаты-отпускники. В 55-м участке их было 26 чело-

---

35 НАРБ. Ф. 60п. Оп. 2. Д. 105. Л. 174.

36 НАРБ. Ф. 623. Оп. 2. Д. 8. Л. 50–53.

37 Известия Витебского революционного Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917, 12 ноября.

век, а в 57-м — 19. В 74-м участке комиссия неправильно составила итоговый протокол. В 75-м участке местная избирательная комиссия допустила ошибки при подсчете голосов избирателей. И, наконец, в 78-м участке было отмечено отсутствие избирательных бюллетеней списков № 5 и № 6[38].

Располагая информацией о результатах выборов по всем 80 избирательным участкам Дриссенского уезда, попробуем определить, насколько серьезными были отмеченные нарушения. В пятом участке список № 1 получил 280 голосов, тогда как остальные списки — от 0 до 7 голосов. Победили в этом участке эсеры, выступавшие за отделение церкви от государства, и священнику Забелину не помогла его агитация. Поскольку о незаконных действиях эсеров ничего не было сказано, то, вероятно, победили они законно. В двадцать пятом участке, где незаконно проголосовали 25 не внесенных в избирательные списки человек, эсеры получили 265 голосов, все остальные списки получили менее 25 голосов, ввиду чего ясно, что незаконно проголосовавшие голосовали за эсеров[39]. И эти 25 голосов мы вправе у них условно «вычесть». В 55-м участке, где незаконно проголосовали 26 солдат-отпускников, эсеры получили 356 голосов, большевики — 2, а остальные списки голосов вовсе не получили[40]. Вновь у эсеров следует «вычесть» 26 голосов, ибо ясно, за кого проголосовали эти солдаты. В 57-м участке у эсеров нужно «погасить» 19 бюллетеней, ибо там они получили 347 голосов, список № 10 — 4, список № 5 (большевиков) — только один голос, другие списки голосов не получили[41].

Думается, что неполно составленный в 74-м участке протокол не мог быть признан грубым нарушением. Его, видимо, поправили, а поскольку о других нарушениях ничего не было сказано, то результаты выборов по данному участку следует оставить без изменений. Вероятно, неправильный подсчет голосов, который допустила участковая комиссия 75-го участка, уездная и окружная избирательные комиссии исправили, и, коль не было отмечено других нарушений, то результаты выборов в этом участке «изменять» не следует. В 78-м же избирательном участке за большевиков проголосовали 5 человек, ввиду чего можно утверждать, что бюллетени большевистского

38 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 4. Л. 55–56 об.
39 Там же. Л. 55
40 Там же. Л. 56
41 Там же.

списка все же были, только кому-то было выгодно представить дело так, как будто бы их не было. И в этом участке, думается, грубых нарушений не было, и результаты голосования можно оставить без изменений.

Существующие на данный момент итоги выборов в Учредительное собрание таковы: список № 1 — 20 657 голосов, № 2 — 105. № 3 — 162, № 4 — 31, № 5 — 7 897, № 6 — 185, № 7 — 1 599, № 8 — 334, № 9 — 614, № 10 — 607, № 15, № 12 — 22, № 13 — 126, № 14 — 39 голосов. Всего в Дриссенском уезде проголосовали 32 393 избирателя, а 101 бюллетень был признан недействительным[42]. В процентах результаты выборов выглядели так: список № 1 получил 63,8 % голосов избирателей, № 2 — 0,3 %, № 3 — 0,5 %, № 4 — 0,09 %, № 5 — 24,4 %, № 6 — 0,6 %, № 7 — 4,9 %, № 8 — 1 %, № 9 — 1,9 %, № 10 — 1,9 %, № 11 — 0,04 %, № 12 — 0,07 %, № 13 — 0,4 %, № 14 — 0,1 %. Имея новую информацию, мы можем внести небольшое изменение в данные результаты. У эсеров следует «вычесть» в сумме 70 голосов, полученных ими в тех участках, где были отмечены нарушения. Правда, столь незначительное число голосов ничуть не влияет на процентное соотношение полученных голосов у эсеров и большевиков. И ввиду этого мы оставим без изменений приведенные выше процентные показатели.

Победили на выборах в Учредительное собрание в Дриссенском уезде эсеры, получившие вдвое больше голосов избирателей, чем большевики, занявшие второе место. Победа досталась эсерам благодаря отдельному от гражданского населения голосованию солдат Северного фронта русской армии, а также их авторитету среди крестьян. Немногочисленные нарушения выборного законодательства, которые были допущены эсерами, ничуть не изменили общей картины выборов во Всероссийское Учредительное собрание в Дриссенском уезде Витебской губернии.

Городокский уезд был разделен на 22 избирательных участка. Из них 21 был волостным и 1 — городским[43]. Выборами на территории Городокского уезда руководила уездная избирательная комиссия, председателем которой являлся административный судья Городокского уезда А. П. Божерянов. Членами комиссии были: И. И. Шостак (от городского самоуправления), И. И. Финкельман (также представитель городского самоуправления), К. И. Вамберский (от съезда мировых судей), Н. М. Хазанов

42 Там же. Л. 56 об.

43 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

(от съезда мировых судей) и представители земского самоуправления М. С. Буравцов и А. И. Зверев[44]. Общая численность избирателей по Городокскому уезду, с учетом уездного центра, составляла 52 тысячи человек[45].

Необходимо отметить то, что предшествующие исследователи данной проблемы упустили одну важную деталь: в уезде, кроме гражданского населения, совместно с ними должны были еще голосовать и солдаты 5-й армии Северного фронта. Для солдат, по распоряжению председателя уездной избирательной комиссии Божерянова, были созданы три воинских участка: 1-й — для 298-го пехотного полка, за исключением 4-го батальона; 2-й — для Городокского конного запаса, 10-го броневого автодивизиона, управления воинского начальника и лазарета союза городов; 3-й — для 4-го батальона 298-го пехотного полка[46]. Позже на территорию Городокского уезда прибыли части 17-го корпуса, и для них были созданы дополнительные избирательные участки. 4-й — для 140-го Зарайского пехотного полка. 5-й — для 35-го паркового артдивизиона. 6-й — для корпусного интендантства со всеми подчиненными ему частями. 7-й — для корпусного контроля, казначейства, почты, суда, этапно-ветеринарного лазарета, полевой рабочей колонны и 319-го санитарного транспорта. Восьмой — для 204-го обозного батальона[47]. Кроме того, во второй воинский участок включили дополнительно 3-й броневой автодивизион[48].

Крестьяне Холомерской волости Городокского уезда подали в окружную избирательную комиссию пять собственных кандидатских списков, но все они были ею отклонены, ибо были поданы с нарушениями, так как крестьяне плохо знали избирательное законодательство. Для солдат же 5-ой армии Северного фронта было потом сформировано еще несколько избирательных участков: 9-й — для Моршанского пехотного полка; 10-й — для 138-го Волховского полка; 11-й — для учреждений, которые относились к штабу 35-й пехотной дивизии (за исключением батальона резервного пополнения); 12-й — для батальона резервного пополнения; 13-й-для 35-й артиллерийской бригады[49]. И еще один интересный

---

44 Там же. Л. 7.
45 Там же. Л. 15.
46 Там же. Л. 20.
47 Там же. Л. 43.
48 Там же. Л. 48.
49 Там же. Л. 46.

факт: 500 солдат, которые прибыли в Городок уже после выборов, потребовали предоставить им возможность проголосовать[50].

Неизвестно, предоставили ли им такую возможность, но, видимо, они этого добились. Такое утверждение основано на сообщении председателя уездной избирательной комиссии Божерянова в окружную избирательную комиссию о том, что по многим избирательным участкам проверить действительное количество принимавших в голосовании было невозможно, ибо участковые избирательные комиссии дополняли списки избирателей даже во время проведения самих выборов[51].

Тем не менее ряд нарушений при производстве выборов в Учредительное собрание на территории Городокского уезда был официально зарегистрирован. Так, по всем воинским участкам было допущено к голосованию 529 человек, которые в избирательных списках не значились. В Ровенском избирательном участке во время проведения голосования проводил агитацию за список № 5 (большевиков) некто Дорофей Миронов. Он же нанес оскорбление председателю участковой избирательной комиссии после того, как тот сделал ему замечание о том, что такого рода действия являются незаконными[52]. В Желецком, Боровском и Владимировском участках в состав избирательных комиссий вошли представители партий эсеров и Социал-демократической рабочей партии (вероятно, большевиков). О том, что это было сделано на законных основаниях, ничего не сообщалось. Очевидно, они это сделали для того, чтобы следить друг за другом и не допустить подлога с обеих сторон. В Авдеевском участке в списках избирателей значилось 478 человек, а в урне было найдено 510 бюллетеней. В Дубининском участке в списках значился 521 избиратель, а проголосовало 534 человека. В Боровском участке в списках избирателей значилось 602 человека, и все они проголосовали, что участковой комиссии показалось очень подозрительным фактом. Такая же картина наблюдалась и в Федоровском участке, где проголосовали все 164 избирателя. Во Владимировском участке также проголосовали все 219 избирателей, но при этом было отмечено, что 9 из них сделали это незаконно. В Горковском участке в списках избирателей значилось 518 человек, и ровно столько же бюллетеней было обнаружено в урне, а участковая комиссия отметила, что бюллетеней всего было выдано только 499. И, наконец, было отмечено, что из Лукского, Страплицкого и Антонопольского

50 Там же. Л. 68.
51 Там же. Л. 87.
52 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 50. Л. 9–9 об.

участков не поступила информация в уездную избирательную комиссию о том, состоялись ли там выборы или нет[53].

Поскольку мы располагаем информацией об итогах выборов по избирательным участкам Городокского уезда, то можем попробовать определить, в чью пользу были осуществлены незаконные действия при проведении выборов и какой избирательный список получил незаконно дополнительные голоса избирателей. Например, в Дубининском участке, где незаконно проголосовали 13 человек, список № 1 (эсеров) получил 469 голосов, список № 5 (большевиков) — 41 голос, а остальные избирательные списки получили ничтожное количество голосов избирателей[54]. Тут, как нам кажется, незаконные действия были допущены эсерами, и голоса, полученные ими в данном участке, следует у них «вычесть». В Авдеевском участке, где в избирательных списках значилось 478 человек, а проголосовали 520, большевики получили 468 голосов, а эсеры только 18[55]. Здесь уже, думается, незаконно действовали большевики и полученные ими в этом участке голоса следует «аннулировать».

Наконец, в Старинской волости Городокского уезда происходило нечто трудно описуемое. Жители этой волости были вынуждены отправить протест в адрес уездной избирательной комиссии. В нем говорилось, что избирателям в этой волости не дали никаких бюллетеней, кроме как за партию большевиков. Интересно также и то, что в числе подписавших протест была и местная учительница Елена Белинская[56]. Об этих же событиях в Старинской волости было написано и в письме, которое пришло в адрес Витебской окружной избирательной комиссии. В письме говорилось: «В Старинской волости Городокского уезда местным крестьянам выдаются только бюллетени за список № 5 (большевиков) и больше ничего. Где же здесь прямое, равное и тайное избирательное право? Крестьяне в недоумении спрашивают нас, что им делать. Мы им отвечаем, что если сейчас не свобода, а царство грубой силы, то нужно подчиниться обстоятельствам, а то еще, чего доброго, пришлют красногвардейцев и расстреляют как контрреволюционеров и буржуев. Просим принять экстренные меры по защите избирателей от политического террора большевиков». Письмо было подписано младшим унтер-офицером

---

53 Там же. Л. 10.

54 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 3. Л. 73.

55 Там же.

56 Там же. Л. 76

Федюкиным и рядовыми Кукушкиным и Грановским из 140-го Зарайского пехотного полка[57]. На основе таких данных, как нам представляется, мы совершенно вправе условно «аннулировать» полученные большевиками голоса избирателей во всей Старинской волости. В Старинскую волость входили Заборовский, Старинский, Сергеевский и Аскеранский избирательные участки, где в сумме за большевиков «проголосовал» 1 191 избиратель[58]. Кстати говоря, ни уездная, ни окружная избирательные комиссии совершенно ничего по фактам нарушений процедуры голосования на территории Городокского уезда не предприняли.

Кроме отмеченных нарушений, используя данные и по другим избирательным участкам Городокского уезда, попробуем определить еще участки, где могли быть явные нарушения. Так, в Прусовском участке большевики получили 660 голосов, один голос достался списку № 1, а больше голосов никто не получил[59]. Думается, что в данном случае была явной фальсификация выборов со стороны большевиков и полученные ими голоса у них следует «отнять». Больше участков, где итоговые данные вызывали бы сомнения в их подлинности, нами не обнаружено, поэтому результаты голосования там можно признать правильными.

По Городокскому уезду результаты выборов в Учредительное собрание были следующими: список № 1 получил 12 264 голоса избирателей, № 2 — 347, № 3 — 267, № 4 — 32, № 5 — 24 939, № 6 — 338, № 7 — 713, № 8 — 166, № 9 — 643, № 10 — 131, № 11 — 30, № 12 — 67, № 13 — 262, № 14 — 314, недействительным был признан 231 бюллетень[60]. Всего по Городокскому уезду проголосовали 40 513 человек. В процентном выражении итоги были следующими: список № 1 получил 30,3 % голосов избирателей, № 2 — 0,9 %, № 3 — 0,7 %, № 4 — 0 %, № 5 — 61,6 %, № 6 — 0,8 %, № 7 — 1,7 %, № 8 — 0,4 %, № 9 — 1,6 %, № 10 — 0,3 %, № 11 — 0 %, № 12 — 0,2 %, № 13 — 0,7 %, № 14 — 0,8 %.

Однако это были старые данные, в которых не учитывались многочисленные нарушения, допущенные в ходе голосования. При реконструкции подлинных результатов народного волеизъявления надлежит «отнять» часть голосов у эсеров и большевиков, что должны были сделать в свое время уездная и окружная избирательные комиссии. В сумме по всем участкам, где были отмечены

---

57 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 51. Л. 33

58 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 3. Л. 74

59 Там же. Л. 73

60 Там же. Л. 75

самые явные нарушения, у эсеров, на наш взгляд, следует «отнять» 1766 голосов избирателей, а у большевиков — 3 494 голоса. Новые данные, в итоге, таковы: № 1 — 10 498 голосов, № 2 — 347, № 3 — 267, № 4 — 32, № 5 — 21 445, № 6 — 338, № 7 — 713, № 8 — 166, № 9 — 643, № 10 — 131, № 11 — 30, № 12 — 67, № 13 — 262, № 14 — 314 голосов. Всего по уезду получилось 35 253 голоса. В процентном выражении список № 1 получил 29,8 % голосов избирателей, № 2 — 1 %, № 3 — 0,7 %, № 4 — 0,1 %, № 5 — 60,8 %, № 6 — 1 %, № 7 — 2 %, № 8 — 0,5 %, № 9 — 1,8 %, № 10 — 0,4 %, № 11 — 0,1 %, № 12 — 0,2 %, № 13 — 0,7 %, № 14 — 0,9 %.

На основании приведенных архивных данных по итогам выборов в Учредительное собрание на территории Городокского уезда Витебской губернии мы можем сделать следующие выводы: 1) на итоговых результатах выборов негативно сказалась незаконная деятельность членов партий большевиков и эсеров, допустивших массу нарушений с целью искусственно увеличить количество полученных ими голосов избирателей; 2) значительно больше нарушений было допущено большевиками и верными им солдатами Северного фронта; 3) солдаты, как это было в Старинской волости, силой заставляли местных жителей голосовать за большевиков; 4) ни уездная, ни окружная избирательные комиссии не сделали ничего для того, чтобы честно подсчитать полученные голоса, так как они боялись репрессий со стороны большевиков; 5) новые итоговые данные основаны на детальном анализе и реконструкции результатов в тех избирательных участках, где были допущены наиболее явные правонарушения; 6) победили на выборах в Городокском уезде большевики, но при учете допущенных нарушений они получили не 61,6 % голосов избирателей, а 60,8 %.

Во втором по величине населенном пункте Витебской губернии (городе Двинске, ныне Даугавпилс в Латвии) для проведения выборов в Учредительное собрание была создана городская избирательная комиссия. Ее председателем был Н. М. Александров, товарищем председателя (заместителем) являлся К. Л. Бобровский, который вошел в состав городской комиссии от съезда мировых судей. Членами комиссии от городской управы были Г. З. Каган, Я. К. Стенцель, Г. Д. Ратнер и А. Ю. Розенблат. В состав Двинской городской избирательной комиссии от кандидатских списков (правда, не было указано от каких) вошли также Б. И. Дзень и Д. Л. Гершантор[61]. Весь город был разбит на четыре избирательных участка.

---

61 НАРБ. Ф. 623. Оп. 2. Д. 4. Л. 28–28 об.

По всему городу Двинску список № 1 получил 296 голосов избирателей, № 2 — 52, № 3 — 473, № 4 — 37, № 5 — 1 456, № 6 — 149, № 7 — 2 535, № 8 — 345, № 9 — 630, № 10 — 1 663, № 11 — 183, № 12 — 57, № 13 — 17, № 14 — 5 голосов, недействительными были признаны 92 бюллетеня[62]. Всего количество проголосовавших составило 7 898 человек. В процентном соотношении итоги были таковы: список № 1 получил 3,7 % голосов избирателей, № 2 — 0,7 %, № 3 — 6 %, № 4 — 0,5 %, № 5 — 18,4 %, № 6 — 19 %, № 7 — 32,1 %, № 8 — 4,4 %, № 9 — 8 %, № 10 — 21,1 %, № 11 — 2,3 %, № 12 — 0,7 %, № 13 — 0,2 %, № 14 — 0 %. В Двинске были отмечены только три случая отступления от требований выборного законодательства. В третьем городском участке проголосовали два не внесенных в списки избирателей человека. И сразу в двух избирательных участках Двинска (1-м и 3-м) в состав избирательных комиссий вошли представители избирательного списка № 7. При этом не было сказано, вошли они туда на законных основаниях или же нет[63]. Поскольку никаких других комментариев к отмеченным выше правонарушениям не было, а равно ничего не говорилось и о совместном, с гражданским населением, голосовании солдат, можно не ставить под сомнение результаты голосования в городе Двинске. Таким образом, мы оставляем итоговые данные без критических корректив. Победу же одержал кандидатский список № 7 (еврейского национального избирательного комитета), второе место занял список № 10 (объединенных польских организаций), а на третьем месте оказался большевистский кандидатский список № 5.

В Двинском уезде для проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание также была создана уездная избирательная комиссия. Ее председателем был И. И. Вержбицкий, товарищем председателя (заместителем) — И. Т. Волосевич. Членами Двинской уездной избирательной комиссии от съезда мировых судей являлись И. К. Гришан и А. И. Мык-Гриневич. От управ (земской и городской) таковыми были И. А. Александров, О. П. Стыврин и Г. П. Боровинский. От кандидатских избирательных списков в состав уездной избирательной комиссии вошли К. Б. Квельберг и ксендз И. Ливчан[64].

Двинский уезд входил в войсковой район, и на его территории солдаты Северного фронта должны были голосовать отдельно

62 Там же.

63 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 50. Л. 7.

64 НАРБ. Ф. 623. Оп. 2. Д. 3. Л. 43.

от гражданского населения. Территория уезда состояла из шестнадцати волостей: Дагденской, Изабелинской, Осуньской, Вышковской, Капинской, Малиновской, Ужвалдовской, Креславской, Яшмуйжской, Варковской, Прельской, Колупаевской, Ликсненской, Ливенгофской, Крейцбургской и Унгермуйжской[65]. Каждая из волостей, в свою очередь, была разбита на избирательные участки. Всего на территории Двинского уезда Витебской губернии было 60 избирательных участков[66].

Нарушений процедуры проведения выборов в Учредительное собрание в Двинском уезде было зафиксировано довольно много. Так, в 8-м его участке незаконно голосовали 55 солдат, которые должны были голосовать отдельно, а не с гражданским населением. Без согласия на то уездной избирательной комиссии объединились в один участок 7-й, 8-й, 9-й, 10-й участки Осуньской волости. В 15-м участке голосовали лица, находившиеся на заработках и не внесенные в списки, правда, не указывалась их численность. Всего в этом участке в избирательных списках было 1566 человек, из которых голосовали 1527 человек, причем 515 бюллетеней не имели конвертов. Из них было подано за список № 1 — 39, № 2 — 2, № 5 — 349, № 6 — 36, № 7 — 6, № 8 — 4, № 10 — 9, № 11 — 68, № 12 — 2. Еще 209 избирателей в этом же участке голосовали бюллетенями, написанными от руки (из них 207 — за список № 5 и 2 — за № 9). В 18-м участке голосовало много не внесенных в избирательные списки людей. В 23-м участке избирателей было 1161, а бюллетеней в урне — 1254. Не хватило бюллетеней списка № 5, и за него голосовали бюллетенями, написанными от руки, или же бюллетенями за другие списки, но там ставили цифру 5. Уездная комиссия признала 462 бюллетеня, поданные таким образом за список № 5, недействительными, хотя участковая комиссия засчитала их действительными. В 27-м участке ящик с бюллетенями находился у коменданта местечка Креславка, но печати на нем остались целыми[67].

В 45-м участке Осип и Антон Андреевичи Байко агитировали за большевиков прямо в помещении, где проводились выборы. В 47-м участке уже один Осип Андреевич Байко агитировал в избирательном помещении за большевиков, говоря всем избирателям, что это единственная партия, которая даст свободу, землю и волю. В 48-м участке в состав комиссии незаконно вошел пред-

65 Там же. Л. 22–23.

66 Там же.

67 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 50. Л. 4 об. — 5 об.

ставитель Совета рабочих и солдатских депутатов. Участки 51-й, 52-й, 53-й, 54-й и 55-й без ведома уездной избирательной комиссии объединились в один. И там же голосовал один гражданин, не внесенный в избирательные списки[68].

В 56-м, 57-м, 58-м и 59-м участках отступавшие от Якобштадта (ныне город Екабпилс в Латвии) солдаты 5-й армии Северного фронта уничтожили все избирательные списки. Их составляли по-новому, и одновременно голосовали все, кто хотел. В итоге в 56-м участке проголосовали 242 человека, в 57-м — 91, в 58-м — 41, в 59-м — 230[69].

В 60-м участке выборы вообще не состоялись по предложению уездной избирательной комиссии, ввиду близости к линии фронта[70]. Этим участком являлось местечко Глазманка, входившее в Унгермуйжскую волость; там насчитывалось до одной тысячи избирателей, но оно действительно было недалеко от линии фронта, и в уездной избирательной комиссии отсутствие данных по этому избирательному участку расценили как то, что население Глазманки покинуло его в неизвестном направлении[71].

Кроме отмеченных уже нарушений или недочетов при проведении голосования на территории Двинского уезда были и другие накладки и нарушения, которые также раньше никем из предыдущих исследователей не отмечались. Так, Двинская уездная избирательная комиссия отметила, что в двух уже упомянутых нами выше избирательных участках выборы были проведены с нарушениями. Это касалось 15-го участка (первого избирательного участка Капинской волости) и 23-го участка (первого участка Ужвалдовской волости). В сумме по двум этим участкам, по данным уездной избирательной комиссии, список № 1 получил 147 голосов избирателей, № 2 — 2, № 3 — 5, № 5 — 1 761, № 6 — 60, № 7 — 6, № 8 — 4, № 9 — 12, № 10 — 20, № 11 — 75 и № 12 — 4 голоса. Остальные списки голосов не получили вовсе[72]. Думается, что при строгом следовании избирательному законодательству можно было бы аннулировать выборы по этим двум участкам.

В Крейцбургской волости, ввиду ее эвакуации из-за близости к фронту, все пять избирательных участков объединились в один;

---

68 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 50. Л. 4 об. — 5 об.

69 Там же.

70 Там же.

71 НАРБ. Ф. 623. Оп. 2. Д. 3. Л. 46–46 об.

72 Там же. Л. 46 об.

население стало покидать места проживания и почти все жители успели уехать до того, когда было объявлено, что слухи об эвакуации являются ложными. В итоге в данной волости проголосовали только 164 человека, а ее жители жаловались на отсутствие возможности голосовать в других местах и отмечали, что они бы проголосовали за списки № 11 и № 12 (то есть латгальские избирательные списки). Латгальцы жаловались также на то, что, по их мнению, выборы в Крейцбургской волости были сознательно кем-то сорваны, дабы не дать в ней победить двум латгальским избирательным спискам. Победа же их могла быть вполне реальной, так как всего в этой волости было зарегистрировано 4 865 избирателей и большинство намеревалось отдать свои голоса за латгальские списки[73].

Представитель кандидатского списка № 1 подал 22 ноября 1917 г. жалобу в Двинскую уездную избирательную комиссию. В ней говорилось, что в Унгермуйжской волости (во всех ее четырех избирательных участках) избирательные списки были уничтожены солдатами с целью не дать голосовать за списки № 11 и № 12, а из 5 055 избирателей в волости проголосовали только 975 человек[74]. Жалобщик также отметил, что в сумме по двум волостям (Крейцбургской и Унгермуйжской) списки № 11 и № 12 лишились около шести тысяч голосов избирателей, что могло принести двум латгальским спискам одно депутатское место в Учредительном собрании[75]. Напомним, что солдаты уничтожили списки избирателей в 56-м, 57-м, 58-м, 59-м избирательных участках (они и входили в состав Унгермуйжской волости).

Вернемся опять к правонарушениям. Располагая сведениями по всем избирательным участкам Двинского уезда, попытаемся определить, кто же нарушал выборное законодательство и где результаты, с учетом этого, можно было бы изменить. Так, в 8-м участке надо «вычесть» у большевиков голоса 55 солдат (они явно голосовали за них). В 18-м участке большевики, которые прибегали к голосованию незаконными методами, что и отметили участковая и уездная избирательные комиссии, получили 704 голоса, которые у них следует «отнять», как это хотели сделать две упомянутые комиссии, но их решение не утвердила окружная избирательная комиссия. В 45-м и 47-м избирательных участках, где прямо в помещениях избирательных комиссий проводили

---

73 Там же. Л. 48–48 об.

74 Там же. Л. 48 об.

75 Там же. Л. 49.

агитацию братья Байко, у большевиков следует аннулировать полученные голоса. В остальных участках ничего особенного, кроме уже отмеченного представителем латгальского списка, не происходило. При анализе данных получается, что латгальцы, вероятно, не ошибались в своих подозрениях, но «аннулировать» итоги в других участках мы не будем, ведь там большинство голосов получили именно латгальцы.

Итого по Двинскому уезду результаты выборов во Всероссийское Учредительное собрание таковы: список № 1 получил 9 666 голосов избирателей, № 2 — 49, № 3 — 300, № 4 — 163, № 5 — 20 950, № 6 — 369, № 7 — 1 503, № 8 — 371, № 9 — 803, № 10 — 443, № 11 — 13 298, № 12 — 1 971, № 13 — 53, № 14 — 36 голосов, недействительными были признаны 729 бюллетеней[76]. Всего по Двинскому уезду проголосовало 49 975 человек. В процентном соотношении итоги выборов по Двинскому уезду Витебской губернии таковы: список № 1 получил 19,4 % голосов избирателей, № 2 — 0,1 %, № 3 — 0,6 %, № 4 — 0,3 %, № 5 — 41,9 %, № 6 — 0,7 %, № 7 — 3 %, № 8 — 0,7 %, № 9 — 1,6 %, № 10 — 0,9 %, № 11 — 26,6 %, № 12 — 4 %, № 13 — 0,1 %, № 14 — 0 %. Однако в эти данные необходимо условно внести некоторые изменения, ибо их в свое время должны были внести уездная и окружная избирательные комиссии. Не сделали же они этого по причине угроз со стороны большевиков. Итак, в сумме у большевиков, по нашим подсчетам, следует вычесть 3 289 голосов, но и у других списков следует вычесть голоса там, где рекомендовалось аннулировать выборы вовсе. Так, у списка № 1 вычтем 147 голосов, № 2 — 2, № 3 — 5, № 4 — 0, № 5 — 0 (ибо уже были учтены), № 6 — 60, № 7 — 6, № 8 — 4, № 9 — 12, № 10 — 20, № 11 — 75, № 12 — 4, № 13 — 0, № 14 — 0 голосов. Поменялось количество полученных в итоге голосов избирателей: список № 1 получил 9 519 голосов избирателей, № 2 — 47, № 3 — 295, № 4 — 163, № 5 — 17 661, № 6 — 309, № 7 — 1 497, № 8 — 367, № 9 — 791, № 10 — 423, № 11 — 13 223, № 12 — 1 967, № 13 — 53, № 14 — 36 голосов. Всего по уезду проголосовавшими следует признать 46 351 человека. Поменялись и процентные показатели.

С учетом корректив, список № 1 получил 20,5 % голосов избирателей, № 2 — 0,1 %, № 3 — 0,6 %, № 4 — 0,4 %, № 5 — 38,1 %, № 6 — 0,7 %, № 7 — 3,2 %, № 8 — 0,8 %, № 9 — 1,7 %, № 10 — 0,9 %, № 11 — 28,5 %, № 12 — 4,2 %, № 13 — 0,1 %, № 14 — 0,1 %.

76 Там же. Л. 44.

Несмотря на произведенные «вычеты» незаконно набранных голосов избирателей, на выборах в Учредительное собрание на территории Двинского уезда победили все-таки большевики, правда, не с такой большой разницей в полученных голосах между ними и занявшими второе место латгальцами из списка № 11. Думается, что, действительно, если бы не близость латгальских поселений к линии фронта и не вмешательство солдат Северного фронта, уничтоживших списки избирателей в нескольких волостях Двинского уезда, то латгальцы могли бы получить одно депутатское место во Всероссийском Учредительном собрании.

В еще одном латгальском уезде (Режицком) для проведения выборов в Учредительное собрание также была создана уездная избирательная комиссия. Председателем ее являлся председатель съезда мировых судей Режицкого уезда Н. Н. Кенигсфест. Членами комиссии от съезда мировых судей были Г. С. Иозан и Ю. Е. Звайгзне. От земской управы в состав уездной комиссии вошли П. Ф. Задвинский и О. Я. Айгар. Членом уездной избирательной комиссии являлся и городской голова Режицы К. И. Поморов, а от городской управы в ее состав вошел Э. И. Баллод. Членами комиссии от общественности являлись Р. И. Ламстер, П. Я. Лаздан и П. И. Кальнин. На организационном заседании уездной избирательной комиссии присутствовал и Режицкий уездный комиссар А. Р. Залевский[77].

Режицкий уезд был разделен на 79 избирательных участков. Численность избирателей в Режицком уезде Витебской губернии составляла 64 618 чел., а воспользовались своим правом голоса 45 182 чел.[78] Кроме того, Режицкий уезд входил в войсковой район, где солдаты Северного фронта русской армии должны были голосовать отдельно от гражданского населения.

В данном уезде было зарегистрировано много нарушений выборного законодательства, на что указывал в своем сообщении в Витебскую окружную избирательную комиссию председатель Режицкой уездной избирательной комиссии. Так, согласно его сообщению, при проведении выборов в разных избирательных участках были допущены к голосованию лица, которые не значились в избирательных списках. В участках № 30, 31, 32, 33, 30 (со штрихом), 29, 28, 27, 71 и 44 таковых всего было 612 человек. Впрочем, окружная комиссия откуда-то насчитала таких 569 человек, но, как нам думается, лучше знала все именно

[77] НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
[78] Там же. Л. 16–17, 44.

уездная избирательная комиссия. В административном центре уезда городе Режице (сейчас город Резекне в Латвии) прямо во время голосования в помещении городской избирательной комиссии большевики арестовали члена комиссии, представителя эсеровского избирательного списка Каценеленбогена, который являлся ее членом на законных основаниях. Во 2-м участке толпа сместила председателя комиссии и назначила самочинно нового[79]. В 27-м избирательном участке было отмечено незаконное голосование солдат 5-ой армии Северного фронта, а урна с избирательными бюллетенями была получена позже от (надо полагать, хорошо поработавшего с ней) исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, где большинство имели большевики. В 50-м и 77-м участках голосующих было намного больше, чем значилось в избирательных списках, а в 59-м, 62-м и 48-м избирательных участках проголосовало ровно 100 % избирателей, что уездной комиссией показалось подозрительным. Впоследствии Режицкая уездная избирательная комиссия отметила еще несколько нарушений. Так, в 39-м, 40-м и 41-м избирательных участках использовались при голосовании конверты для избирательных бюллетеней неустановленного образца[80]. Это явно было кому-то на руку, и к этой информации мы еще вернемся, когда будем рассматривать итоги голосования по всем избирательным участкам Режицкого уезда.

Теперь, располагая итоговыми данными по всем избирательным участкам Режицкого уезда, постараемся определить нарушителей при производстве выборов и голоса избирателей, полученные в ходе этих нарушений[81]. Всех 612 не внесенных в избирательные списки, думается, стоит отнести к большевикам и эти голоса у них «отнять». У них же следует «вычесть» 569 голосов, которые они получили в Режицком городском избирательном участке, где ими во время голосования был арестован член участковой избирательной комиссии эсер Каценеленбоген. Тем самым большевики оказали мощнейшее моральное давление на видевших это все избирателей и остальных членов участковой избирательной комиссии. Во втором участке толпа самовольно сместила председателя участковой избирательной комиссии, и там большевики получили почти все голоса (1 219 бюллетеней), которые не следовало засчитывать. В 27-м участке большевики

79 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 50. Л. 8–9.
80 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 9. Л. 8 об., 47.
81 Там же. Л. 40 об. — 41 об.

держали у себя урну с бюллетенями и вновь подтасовали итоги выборов в свою пользу, поэтому и здесь голоса у них следует «аннулировать». В 50-м участке, где бюллетеней оказалось больше, чем самих избирателей, вновь подавляющее большинство голосов получили большевики, и опять это было незаконно, ввиду чего голоса у большевиков «аннулируются». А в 59-м участке точно так же поступили уже эсеры, которые и получили почти все голоса. Здесь голоса следует «вычесть» уже у эсеров, которые взяли, видимо, на вооружение методику большевиков.

Обратимся вначале к старым, существовавшим до этого времени, итоговым данным выборов во Всероссийское Учредительное собрание на территории Режицкого уезда Витебской губернии. Они таковы: список № 1 получил 4 463 голоса избирателей, № 2 — 113, № 3 — 323, № 4 — 1 742, № 5 — 27 051, № 6 — 306, № 7 — 1 284, № 8 — 540, № 9 — 318, № 10 — 390, № 11 — 5 142, № 12 — 584, № 13 — 64, № 14 — 42 голоса, недействительными были признаны 2 820 бюллетеней[82]. Всего по Режицкому уезду проголосовали 42 362 человека. В процентном соотношении итоги выборов были таковы: список № 1 получил 10,5 % голосов избирателей, № 2 — 0,3 %, № 3 — 0,8 %, № 4 — 4,1 %, № 5 — 63,9 %, № 6 — 0,7 %, № 7 — 3 %, № 8 — 1,3 %, № 9 — 0,8 %, № 10 — 0,9 %, № 11 — 12,1 %, № 12 — 1,4 %, № 13 — 0,1 %, № 14 — 0,1 %. Однако таковы были старые данные. После произведенных нами «вычетов» голосов, которые составили в сумме 6 627 голосов у большевиков и 440 голосов у эсеров, меняются количественные и процентные итоговые показатели.

Так, список № 1 получил 4 023 голоса избирателей, № 2 — 113, № 3 — 323, № 4 — 1 742, № 5 — 20 424, № 6 — 306, № 7 — 1 284, № 8 — 540, № 9 — 318, № 10 — 390, № 11 — 5 142, № 12 — 584, № 13 — 64, № 14 — 42 голоса. Всего же получилось 35 295 голосов избирателей. В процентном соотношении итоги выборов стали следующими: список № 1 должен был бы получить 11,4 % голосов избирателей, № 2 — 0,3 %, № 3 — 0,9 %, № 4 — 5 %, № 5 — 57,9 %, № 6 — 0,9 %, № 7 — 3,6 %, № 8 — 1,5 %, № 9 — 0,9 %, № 10 — 1,1 %, № 11 — 14,6 %, № 12 — 1,6 %, № 13 — 0,2 %, № 14 — 0,1 %.

Отметим при этом, что солдаты Режицкого гарнизона, как нам удалось выяснить, голосовали все-таки по избирательному округу Северного фронта и их голоса не учитывались в Режицком уезде. Правда, солдат и так много голосовало вместе с граж-

[82] Там же. Л. 41 об.

данским населением, что было нарушением выборного законодательства. Первое место осталось за большевиками даже после сделанных нами «вычетов» голосов в тех случаях, когда имели место самые грубые правонарушения при производстве выборов в Учредительное собрание.

Последним латгальским уездом Витебской губернии был Люцинский. Административным центром его являлся город Люцин (сейчас город Лудза в Латвии). Руководила выборами во Всероссийское Учредительное собрание на территории Люцинского уезда Витебской губернии соответствующая уездная избирательная комиссия. Ее председателем являлся административный судья по Люцинскому уезду Е. Г. Морманн, товарищем председателя (заместителем) — Я. И. Нобель. Членами уездной избирательной комиссии являлись мировые судьи Я. И. Вабель и А. И. Чернецкий, а также представители уездной земской управы М. А. Дембинский и П. А. Муйзенек. Членами комиссии от городской думы Люцина являлись Е. И. Штернин и Р. Ш. Поляк, от городской управы — П. А. Предит и Н. П. Рудковский. Были еще членами Люцинской уездной избирательной комиссии и два представителя кандидатских списков, причем от обоих латгальских списков: от списка № 11 — Тукиш и от списка № 12 — Р. Я. Галтин[83].

При проведении выборов в Учредительное собрание на территории Люцинского уезда избирательной комиссией было зарегистрировано немало правонарушений. Так, в Тымановско-Краснопольском, Межвидовском, Лайгольском, Зальмуйжском, Эржепольском, Рунданском, Варейском, Ворсловянском, Нерзенском и Липновском избирательных участках к голосованию были допущены не внесенные в избирательные списки гражданские лица и солдаты, численность которых была неизвестна. В Залесском участке проводилась агитация в пользу списка № 5 (большевиков). В Сыбелинском, Ворсловянском, Покулинском, Шкилбанском, Высокоборском и Нерзенском участках в избирательных комиссиях были посторонние лица, главным образом члены Советов. В Липновском и Заболотско-Курьяновском участках в день начала выборов были образованы самозваные комиссии. В Нерзенском и Ворсловянском участках, кроме всего прочего, было допущено открытое массовое голосование за список № 5[84].

Располагая информацией о голосовании населения Люцинского уезда по избирательным участкам и волостям, попытаемся

---

83 НАРБ. Ф. 623. Оп. 2. Д. 6. Л. 1а; Оп. 1. Д. 28. Л. 7.

84 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 50. Л. 11.

определить, кто и какие нарушения допустил, хотя из приведенных выше данных уже ясно, что опять «отличились» большевики. В Рунданском участке большевики получили едва ли не все голоса избирателей, но говорилось о нарушениях, поэтому их голоса следует «аннулировать». Аналогичная картина была и в Варейском избирательном участке, где большевики получили 402 голоса из 543, там тоже голоса у большевиков условно «вычитаются». В Ворсловянском избирательном участке, где большевики организовали открытое массовое голосование за свой кандидатский список, они получили 339 голосов из 378, так что явно нужно «погасить» полученные за них голоса. Также в Нерзенском участке, где за большевиков незаконно голосовали солдаты и другие, не внесенные в избирательные списки люди, а также большевики организовали грубейшее открытое, массовое голосование за свой список, итоговые данные нам удалось обнаружить. В этом избирательном участке голоса у большевиков просто необходимо условно «аннулировать» (2 046 голосов из 2 195). К сожалению, не удалось обнаружить данные по Залесскому участку, где большевики проводили открытую агитацию за свой кандидатский список. Таких данных нет и по Сыбелинскому и Покулинскому избирательным участкам, а там снова совершили нарушения большевики, но голосов у них «отнять», не имея итоговых данных, невозможно. С учетом ограниченного объема данной статьи, другие случаи не приводим, но по нашим расчетам, в сумме у большевиков следовало бы «вычесть» 4 827 голосов, полученных ими в тех участках, где были допущены самые явные нарушения.

Официальные итоговые цифровые данные выборов в Учредительное собрание в Люцинском уезде Витебской губернии таковы: список № 1 получил 7 859 голосов избирателей, № 2 — 149, № 3 — 379, № 4 — 2 410, № 5 — 28 385, № 6 — 393, № 7 — 2 383, № 8 — 379, № 9 — 317, № 10 — 276, № 11 — 6 200, № 12 — 2 370, № 13 — 132, № 14 — 25 голосов[85]. Всего по уезду насчитывалось 51 657 голосов избирателей. В процентном соотношении итоги выборов были следующими: список № 1 получил 15,2 % голосов избирателей, № 2 — 0,3 %, № 3 — 0,7 %, № 4 — 4,7 %, № 5 — 54,9 %, № 6 — 0,8 %, № 7 — 4,6 %, № 8 — 0,7 %, № 9 — 0,6 %, № 10 — 0,5 %, № 11 — 12 %, № 12 — 4,6 %, № 13 — 0,3 %, № 14 — 0,1 % голосов.

Теперь же, после осуществленных условных «вычетов» голосов у большевиков, мы имеем новые данные по Люцинскому

[85] НАРБ. Ф. 623. Оп. 2. Д. 6. Л. 115.

уезду. Список № 1 получил 7 859 голосов избирателей, № 2 — 149, № 3 — 379, № 4 — 2 410, № 5 — 23 558, № 6 — 393, № 7 — 2 383, № 8 — 379, № 9 — 317, № 10 — 276, № 11 — 6 200, № 12 — 2 370, № 13 — 132, № 14 — 25 голосов. Всего по уезду получилось 46 830 голосов избирателей. Новые процентные данные таковы: список № 1 получил 16,8 % голосов избирателей, № 2 — 0,3 %, № 3 — 0,8 %, № 4 — 5,1 %, № 5 — 50,3 %, № 6 — 0,8 %, № 7 — 5,1 %, № 8 — 0,8 %, № 9 — 0,7 %, № 10 — 0,6 %, № 11 — 13,2 %, № 12 — 5,1 %, № 13 — 0,3 %, № 14 — 0,1 % голосов избирателей. При таком раскладе также победили бы большевики, но уже не с таким большим преимуществом над другими кандидатскими избирательными списками, как это было в первом случае, когда не были учтены правонарушения.

В Люцинском уезде, как и в ряде других уездов Витебской губернии, большевикам помогли одержать победу солдаты Северного фронта русской армии. Обратимся к информации о том, в каких уездах Витебской губернии солдаты Северного фронта не могли голосовать вместе с гражданским населением. Председатель Витебской окружной избирательной комиссии еще в начале октября 1917 г. получил спешную секретную телеграмму от начальника штаба Двинского военного округа, в которой говорилось, что в войсковой район входили Люцинский, Двинский, Дриссенский, Себежский и Режицкий уезды[86]. Это значило, что в перечисленных уездах солдаты должны голосовать отдельно от гражданского населения, а в остальных — вместе с ними.

Теперь, на основании имеющейся у нас информации, хорошо видно, что значительную часть всех правонарушений на территории Витебской губернии большевики совершили именно на территории ее трех латгальских уездов (Люцинского, Двинского и Режицкого). Им это было несложно сделать, так как по территории латгальских уездов проходила линия фронта и там находилось много солдат Северного фронта. Это отнюдь не означает, что на территории шести оставшихся уездов большевики вели себя законопослушно. Архивные документы, приведенные нами, свидетельствуют как раз о противоположном. Накануне выборов (22 октября 1917 г.) Витебский губернский комиссар Временного правительства кадет Волкович получил донесение от Двинского и Невельского уездных комиссаров. Двинский комиссар сообщил, что в г. Двинске заседает общеармейский съезд (5-й армии Северного фронта), съездом руководят большевики и, по мнению

[86] НАРБ. Ф. 623. Оп. 2. Д. 1. Л. 33.

комиссара, это, несомненно, отразится на настроении населения уезда ввиду тесной связи фронта с жизнью уезда. Невельский уездный комиссар сообщил, что пока в городе и уезде спокойно, но сильно увеличивается количество солдат, прибывающих с фронта[87].

Ситуация в Витебской губернии сильно изменилась после захвата большевиками власти в стране. Так, большевик Солонко, назначенный СНК Витебским губернским комиссаром вместо смещенного кадета Волковича, арестовал и выслал из города Режицы эсера Каценеленбогена и закрыл возглавлявшуюся последним газету «Известия Режицкого Совета». 12 ноября 1917 г. (в день начала выборов в Учредительное собрание) большевики при помощи солдат разогнали Витебский Совет рабочих и солдатских депутатов и учредили свой, назвав его революционным[88].

Именно такие, в значительной степени незаконные, действия большевиков помогли им одержать победу на выборах в Учредительное собрание в Витебской губернии в целом. Старые итоговые данные по губернии таковы. Список № 1 получил 150 279 голосов (26,8 %); № 2 — 3 600 (0,6 %); № 3 — 8 132 (1,5 %); № 4 — 5 118 (0,9 %); № 5 — 288 146 (51,3 %); № 6 — 9 025 (1,6 %); № 7 — 24 790 (4,4 %); № 8 — 6 098 (1,1 %); № 9 — 12 471 (2,2 %); № 10 — 10 546 (1,9 %); № 11 — 26 990 (4,8 %); № 12 — 5 881 (1,1 %); № 18 — 9 755 (1,7 %); № 14 — 752 (0,1 %)[89].

В целом эти данные почти сходятся с данными, приведенными в работе Л. М. Спирина (кстати, любезно предоставленными ему белорусским историком П. И. Ильящук), за исключением некоторых неточностей в голосах и процентах. Так, у Спирина список № 2 получил 3 599 голосов (на самом деле — 3 600), № 5 — 287 101 (фактически — 288 146), № 6 — 9 019 (фактически — 9 025), № 10 — 10 556 (на самом деле — 10 546), № 13 — 9 752 (фактически — 9 755). И немного изменились процентные итоги: у большевиков фактически было 51,3 %, а не 51,2 %, а у списка № 13 — не 1,8 %, а 1,7 %[90].

Теперь же обратимся к новым итоговым данным, которые получились у нас после внесения соответствующих условных из-

87 НАРБ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 51. Л. 16, 18.

88 Известия Витебского Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917, 10 ноября; Известия Витебского Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917, 12 ноября.

89 НАРБ. Ф. 623. Оп. 2. Д. 8. Л. 68.

90 Спирин Л. М. Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий. С. 276–277.

менений в известные ранее результаты в ряде уездов Витебской губернии.

Список № 1 получил 145 191 голос избирателей (29,3 %); № 2 — 3 229 (0,7 %); № 3 — 7 385 (1,5 %); № 4 — 5 105 (1 %); № 5 — 229 192 (46,3 %); № 6 — 8 703 (1,8 %); № 7 — 24 714 (5 %); № 8 — 6 028 (1,2 %); № 9 — 12 313 (2,5 %); № 10 — 9 940 (2 %); № 11 — 26 868 (5,4 %); № 12 — 5 784 (1,2 %); № 13 — 9 651 (2 %); № 14 — 744 (0,1 %). Всего по губернии можно признать действительными, по новым данным, 494 847 голосов. Победу на выборах во Всероссийское Учредительное собрание на территории Витебской губернии, даже с учетом произведенных корректив, все равно одержали большевики. Вот только получили они не 51,3 % голосов избирателей, а 46,3 %. Вторыми остались эсеры, но уже с 29,3 % голосов. Третье место занял латгальский избирательный список № 11 с 5,4 % голосов избирателей. На распределение депутатских мест в Учредительном собрании изменения итоговых данных выборов в Витебской губернии влияния не оказали.

Во Всероссийское Учредительное собрание от Витебской губернии было избрано 9 депутатов: 6 большевиков и 3 эсера. Все они были первыми по порядковым номерам в своих списках. У большевиков это были Каменев, Дзержинский, Саркисьянц, Чешейко-Сохацкий, Пинсон и Ривкин, а у эсеров — Гизетти, Болдыш и Булат[91].

В заключение можно сделать следующие выводы. Во-первых, Витебская окружная избирательная комиссия была весьма демократична по своему составу, ибо включала в себя представителей почти всех партийных списков, представленных на выборах. Во-вторых, в Витебской губернии вовсе не эсеры, а большевики вступили в блок с местным крестьянством, а эсеры заключили блоковое соглашение с меньшевиками и Бундом. В-третьих, латгальско-латышские списки имели определенные шансы получить одно место во Всероссийском Учредительном собрании, но им помешало наступление германских войск и связанная с отступлением русских воинских подразделений дезорганизация выборов на прифронтовых территориях. В-четвертых, именно большевики, а не эсеры сделали максимум возможного для «уловления» голосов избирателей, начав сразу после захвата ими власти в стране широкомасштабную борьбу против оппозиционных партий. В-пятых, для подавления оппозиционных партий большевики активно и, в значительной части случаев, противозаконно

[91] НАРБ. Ф. 623. Оп. 2. Д. 1. Л. 171.

использовали солдат Северного фронта русской армии, которыми Витебская губерния была буквально наводнена. Благодаря совокупности всех вышеназванных причин большевистская партия одержала победу на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в Витебской губернии.

В целом фактор солдатской массы, пошедшей за большевиками, играл ключевую роль. В этой связи В. И. Ленин сделал очень интересный и показательный вывод: «В армии большевики имели уже к ноябрю 1917 г. политический «ударный кулак», который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент»[92]. Сказав это, Ленин признал очень важный факт использования армии в целях оказания давления не только на население России, но и на политических оппонентов большевистской партии. Тем не менее большевики, получив большинство в ряде военных избирательных округов и в отдельных губерниях, включая Витебскую, все же проиграли выборы и прибегли к применению военной силы.

Роспуск Учредительного собрания «подлил масла» в разгоравшийся огонь гражданской войны, так как оттолкнул от захвативших власть большевиков большинство умеренных социалистов. Призыв к большевикам создать единое социалистическое правительство от эсеров до энесов ими был проигнорирован, страна стремительно покатилась по пути гражданской войны, в которой, как уже давно известно, в стратегической перспективе нет победителей и побежденных, а есть одни проигравшие. Вместе с тем история Всероссийского Учредительного собрания оставила после себя немало полезного и поучительного, а само оно заслуживает не уничижительно-пренебрежительного прозвища «учредилки», а названия «первого в истории России и всех входивших в ее состав земель демократического учреждения парламентского типа».

---

92 Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата (Полн. собр. соч. Т. 40. С. 10).

К. В. ШЕВЧЕНКО

«ПОЛИТИКА ВРЕДНАЯ И БЕССМЫСЛЕННАЯ...»: ЗАПАДНОБЕЛОРУССКАЯ ПРЕССА О ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ В БЕЛОРУССКОМ ВОПРОСЕ В 1920–1921 ГГ.

Неудачи России в Первой мировой войне, Февральская революция 1917 г. и последующий приход к власти большевиков деморализовали ту часть белорусской интеллигенции, которая исходила из идеи общерусского единства, одновременно активизировав оппонентов данной идеи из числа белорусских национальных деятелей, выступавших за создание собственной белорусской государственности.

Взгляды белорусских политиков в вопросе национально-государственного строительства постепенно эволюционировали от идеи автономии белорусского края в рамках России до создания Белорусско-Литовского федеративного государства и отдельной независимой Беларуси. В известной степени подобная эволюция была результатом Первой мировой войны и политики немецких властей на оккупированных белорусских землях. В отношении белорусов и литовцев немецкая оккупационная администрация проводила политику «поддержки их национальных устремлений для создания противовеса доминировавшим здесь полякам. ...В период немецкой оккупации была создана система белорусского образования, охватившая значительную часть детей и молодежи».[1] В ходе разработки будущей модели белорусского государственного устройства белорусские деятели

[1] Мірановіч Я. Беларусы ў Польшчы (1918–1949). Вільня, Беласток, 2010. С. 17.

«ориентировались на заявление канцлера Германии Т. Бетман-Гольвега о том, что оккупированные территории больше никогда не будут возвращены России».[2]

«Кто знает в Европе о Белоруссии? Кто знает в России о Белоруссии? Почти никто... История всегда была для белорусского народа мачехой. Народ, когда-то шедший в авангарде русских славян, создавший еще в XIV веке высокую культурную жизнь и возвысившийся до идеи конституционного государства, народ белорусский шестой век тянет ярмо подневольной рабской жизни, — писал в начале 1918 г. один из лидеров белорусского национального движения А. Цвикевич, выражая взгляды оппонентов идеи общерусского единства и сторонников создания отдельной белорусской государственности. — Соседи с запада и востока — королевская Польша и Московское княжество — оказались для него жерновами, безжалостно смоловшими его культуру и государственность. Сделавшись парием, гражданином второго сорта, белорус сумел сохранить в чистоте лишь врожденную славянскую мягкость и благородство души...».[3]

Осознавая недостаточность собственных ресурсов и важность внешней поддержки для реализации идеи создания независимого белорусского государства, белорусские национальные деятели первоначально связывали свои надежды с возрождавшейся Польшей, усматривая в ней потенциального союзника. Лидеры образованной в Вильно Центральной Белорусской Рады Виленщины и Гродненщины в своей декларации от 12 июля 1919 г., написанной на польском языке, положительно реагируя на обращение Пилсудского к жителям бывшего Великого Княжества Литовского, заявляли, что «только при помощи и поддержке братской Польши в соответствии с давним лозунгом польского народа «вольные с вольными, равные с равными», мы добьемся нашей заветной цели — независимости Беларуси. Польша... должна помочь белорусам решить вопрос освобождения края от большевистского московского деспотизма...».[4]

Издававшаяся в Гродно в 1920 г. газета «Белорусское слово», аргументируя необходимость появления на политической карте Европы независимой Беларуси и характеризуя позицию

---

2 Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху. Мінск, 2003. С. 14.

3 Цвикевич А. Судьба Белоруссии // Белорусская земля. 1918. № 1.

4 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 48. Deklaracja członków Centralnej Rady Wileńszyzny i Grodzieńszyzny. W Wilnie 12 czerwca 1919 roku.

белорусских деятелей в отношении Польши в то время, писала: «Беларусь должна быть независимой не только ради белорусского населения, но ради благополучия всех народов Беларуси, ради спокойствия на Востоке Европы... Польская демократия, от голоса которой многое зависит в решении белорусского вопроса, должна лучше всего понимать наши стремления. Всего 2–3 года назад она была в нашем положении: ей, как и нам, предлагали лишь куцую российскую автономию. ... Но не пошла на компромисс истинная демократия польская, во главе которой стоял Пилсудский... Пример этот имеет для нас огромное воспитательное значение».[5]

Весьма сочувственно по отношению к полякам «Белорусское слово» освещало и военные действия между Польшей и Советской Россией, регулярно помещая на своих страницах военные сводки польского Генерального штаба и благожелательные к польским властям материалы. Так, 2 октября 1920 г. «Белорусское слово» опубликовало на титульном листе заметку под названием «Юзеф Пилсудский в Гродно», в которой подчеркивалось благожелательное отношение жителей города к Пилсудскому. «На третий день после изгнания большевиков из Гродно сюда прибыл Начальник Польского Войска Ю. Пилсудский, — говорилось в заметке. — Известие об этом быстро распространилось по городу, и толпы народа... приветствовали избавителя Гродно от большевистской оккупации...».[6]

Однако надежды белорусских деятелей на то, что «истинная демократия польская» во главе с Пилсудским «должна лучше всего понимать» белорусские государственнические устремления, развеялись очень быстро. Планы создания независимого белорусского государства с самого начала не встретили положительной реакции Варшавы, у которой имелись свои собственные планы в отношении населенных белорусами территорий. По словам польской исследовательницы К. Гомулки, «толерантность и выполнение некоторых требований белорусов было переходным явлением и касалось лишь временного отрезка с августа по декабрь 1919 года. Но даже в это время польские власти дистанцировались от решительных сторонников независимости Беларуси».[7]

---

5 Беларускае слова. Палітычная, літэратурная і эканамічная газэта. 1920. № 1.

6 Там же.

7 Гамулка К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў 1918–1922. Вільня, 2008. С. 88.

После раскола в декабре 1919 г. Рады БНР на группу полонофилов и последовательных сторонников создания независимой Беларуси во главе с В. Ластовским польские власти арестовали Ластовского и его приверженцев, обвинив их в действиях, направленных против польского государства.[8] Это окончательно лишило последних иллюзий в отношении Польши тех белорусских деятелей, которые рассчитывали на содействие Варшавы в создании белорусского государства.

Подобное поведение Варшавы в вопросе о белорусской государственности было предсказуемым. Оно логично вытекало из традиции всей предшествующей польской политической мысли, которая рассматривала польский этнический элемент на литовских, белорусских и украинских землях как «доминирующую и единственную цивилизационную силу, способную к политической организации данного края. Поэтому, — полагал лидер польских национальных демократов Р. Дмовский, — будущее польское государство имеет право выйти за пределы польских этнографических границ в такой мере, чтобы соответствовать ценностям исторической Польши и... реализовать цивилизационный потенциал великого народа».[9] Аналогичным было восприятие восточных соседей поляков и политическими оппонентами национальных демократов — польскими социалистами. Так, Пилсудский причислял все народы, жившие к востоку от поляков, к числу «неисторических» и полагал, что польская политическая опека над ними является совершенно естественным явлением.[10]

Примечательно, что лидер польских национальных демократов Р. Дмовский сравнивал отношение Польши к литовским, белорусским и украинским землям с отношением Франции к Эльзасу, который, по словам Дмовского, «не является французской областью в этнографическом отношении, но в цивилизационном смысле принадлежит французской нации. К сожалению, наш Эльзас больше нашей собственной этнографической области и в чужих руках он находился не 50 лет, а намного дольше. Не везде в нем наше влияние было так глубоко, как французское влияние в Эльзасе, и, к сожалению, его более поздним хозяевам в значительной мере удалось наше влияние искоренить...».[11] Само прове-

8 Там же. С. 94–95.

9 Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1926. S. 17.

10 Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok: Trans Humana. 2007. S. 10.

11 Dmowski R. Op. cit. S. 17.

дение подобной параллели явственно обнаруживало у польской политической элиты решимость взять этнокультурный реванш за прошлые поражения и восстановить польское цивилизационное доминирование в восточных областях бывшей Речи Посполитой.

Еще одним важным фактором, вызвавшим повсеместное разочарование представителей белорусского национального движения в Польше, было поведение польской армии и оккупационных властей на захваченных ими белорусских землях. Один из лидеров белорусского национального движения А. Луцкевич опубликовал в 1920 г. в Вильно брошюру под характерным названием «Польская оккупация в Беларуси». Характер польского оккупационного режима на белорусских землях А. Луцкевич определял как «террор против белорусского населения», достигший своего пика в ходе польского наступления на востоке, когда «в польских руках оказались Гродно, Вильно и Минск».[12]

Автор обвинял польскую администрацию в разгоне органов белорусского сельского самоуправления, члены которого голословно обвинялись поляками в большевизме и подвергались массовым тюремным заключениям, избиениям и расстрелам. Среди многочисленных примеров польского террора в отношении белорусов, приводимых Луцкевичем, был расстрел 36 крестьян и арест 200 местных жителей в Слуцком повете; массовая экзекуция крестьян в селе Дедово у станции Микашевичи со смертельными исходами, а также сожжение семи белорусских деревень в Бобруйском повете.[13] Луцкевич указывал на многочисленные факты реквизиций и преследований белорусского просвещения и белорусского языка со стороны польских властей.

По его словам, польская администрация силой навязывала запуганному населению польский язык и польскую национальность, заставляя «при помощи морального насилия (посредством костела и ксендзов) подписывать декларации о «добровольном» присоединении края к Польше. Часто было достаточно признания, что ты — белорус, достаточно было выписывать журналы и книги на белорусском языке, чтобы тебя стали преследовать и посадили в тюрьму. Избавиться от преследования... мог только тот, кто имел своего рода «свидетельство благонадежности» от ксендза. Плебании[14] как будто превратились в жандармские

---

12 Луцкевич А. Польская окупацыя у Беларусі. Вільня, 1920. С. 7.

13 Там же. С. 11.

14 Плебания — двор священника католической или униатской церкви, который обычно находился у храма и включал жилые и хозяйственные постройки.

управления, которые подтверждали «благонадежность» только «добрым католикам...».[15]

Число арестованных и брошенных в тюрьмы белорусов было настолько велико, что действовавший в Вильно Белорусский Национальный Комитет был вынужден еще 5 июля 1919 г. обратиться в управление польской полевой жандармерии в Вильно с просьбой допустить своих представителей «в виленские тюрьмы для выяснения личностей арестованных белорусов и для оказания им материальной, а в случае необходимости и юридической помощи».[16] Чуть позже, 28 июля 1919 г., руководители Белорусского Национального Комитета направили шефу жандармов в Вильно список находившихся в местной Лукишской тюрьме белорусов с просьбой о возможно более быстром рассмотрении их дел и освобождении невиновных.[17]

В наибольшей степени репрессиям со стороны польских властей подвергалось белорусское население, оказавшееся в прифронтовых областях в ходе польско-советской войны 1920 г. Так, оставив 25 мая 1920 г. под натиском частей Красной Армии г. Борисов, польская артиллерия 28 и 29 мая расстреливала его зажигательными и химическими снарядами, почти полностью разрушив город; при этом погибло около 500 мирных жителей, а более 10 000 населения осталось «без помещения, без пищи, без одежды... Подобный акт вандализма получил широкий отклик и осуждение в Беларуси и России, где начался сбор средств в помощь пострадавшим. ...Через корреспондентов английских газет информация была передана в зарубежную прессу. М. Горький заявил по поводу чинимых зверств: «есть много способов опозорить себя. Поляки выбрали худший...».[18]

С утверждением польской администрации на белорусских землях деятели белорусского движения окончательно убедились в том, что первоначально воспринятый ими всерьез пропагандистский лозунг «вольные с вольными, равные с равными» не имеет ничего общего с реальной политикой Варшавы в Западной Беларуси.

В своем открытом письме, опубликованном в виленской газете «Белорусские ведомости» 14 сентября 1921 г., председатель Бело-

---

15 Там же. С. 15–16.

16 НАРБ. Ф. 879. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 19.

17 НАРБ. Ф. 879. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 66.

18 Платонов Р. В объятиях «начальника державы Польской» // Беларуская думка. 1999. № 4. С. 101.

русского комитета в Варшаве А. Дубейковский подробно остановился на трагизме положения белорусского населения г. Гродно, который он посетил в августе 1921 года. Приведя ряд фактов облав и арестов среди гродненских белорусов, Дубейковский дал крайне нелицеприятную характеристику действиям местной польской администрации. По его словам, «каждый, кто называет себя белорусом, уже по этой причине становится в глазах администрации преступником в отношении польской государственности. Каждая белорусская организация, культурная, просветительская, христианская, экономическая — заранее обрекается администрацией на уничтожение. Каждый белорус и целые организации не только вызывают подозрение в большевизме, но и прямо объявляются большевистскими, чтобы настроить весь польский народ враждебно по отношению к белорусам».[19] По мнению Дубейковского, суть польской политики на белорусских землях состояла в том, чтобы «запретами на легальную жизнь» всячески ущемлять и провоцировать белорусское население на различные проступки, которые затем использовались властями как основание для «репрессий за нелояльность Польше».[20]

Широко распространенное среди польских властей и общественности нежелание видеть в белорусах самобытный этнос с собственной культурой и языком, а также частые проявления высокомерно-культуртрегерского отношения к белорусам вызывали резкую критику на страницах белорусских печатных изданий. «Отношение к белорусам со стороны многих начальников и определенной части общественности очень пренебрежительное. Нас считают то москалями, то большевиками, то вообще людьми второго сорта, — констатировали «Белорусские ведомости» 10 октября 1921 года. — Беларусь, частично попавшая под власть Польши, поделена на провинции-воеводства, и не видно, чтобы в этих воеводствах проводилась политика по принципу, объявленному в первые дни польского господства в нашем краю: «равные с равными, вольные с вольными...».[21]

Ощущение себя «людьми второго сорта» вполне соответствовало реалиям и, что примечательно, прямо перекликалось с мыслью лидера польской национальной демократии Р. Дмовского, который в одной из своих работ еще в начале XX века откровенно отзывался о белорусах, литовцах и украинцах как о «поляках

19 Беларускія ведамасьці. 1921. № 1.

20 Там же.

21 Беларускія ведамасьці. 1921. № 5.

низшего сорта», неспособных к собственной государственности.[22] Отрицание Варшавой какого-либо права белорусов на собственную государственность или даже на автономию логично вытекало из общего восприятия белорусов польским общественным мнением как «этнографического материала, который следовало проглотить и переварить».[23]

Особое негодование белорусских национальных деятелей вызывали частые антибелорусские выпады на страницах той части польской печати, которая выражала взгляды польской национальной демократии. Так, «Белорусские ведомости» часто критиковали виленское издание «Речи Посполитой» за отзывы о белорусах как о народе «диком, некультурном и поэтому не имеющем права учиться на своем родном языке, вместо которого необходимо пользоваться польским языком».[24] Высказывания данного польского издания о белорусах и литовцах «Белорусские ведомости» характеризовали как «бесчеловечные и пока безнаказанные оскорбления белорусского и литовского народов».[25] 9 января 1921 г. виленская «Крыница» с удовлетворением информировала своих читателей о том, что «перестала выходить виленская черносотенная газета «Дженник Виленьски». Решение о прекращении издания этой газеты принял Окружной Суд».[26]

Симптоматично, что высокомерно-культуртрегерское отношение к белорусам со стороны польской интеллигенции и рецидивы полонизаторской политики периодически имели место в 1920-е годы даже на территории БССР, где для польского национального меньшинства были созданы польские образовательные учреждения. В отчете о положении дел в польской средней школе № 33 г. Минска, направленном в Наркомпрос БССР в начале 1926 г., говорилось о систематической антибелорусской пропаганде, ведущейся польскими преподавателями данной школы, и о последовательной полонизации учеников-белорусов. В результате ученики в массовом порядке отказывались от изучения белорусского языка, заявляя о себе как о поляках. В документе подчеркивалось, что полонизаторская деятельность преподавателей школы шла рука об руку с пропагандой католического

22 См.: Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok: Trans Humana. 2007. S. 8.

23 Zaprudnik J. Belarus at a Crossroads in History. Westview Press, Boulder-San Francisco-Oxford. 1993. P. 86.

24 Беларускія ведамасьці. 1921. № 1.

25 Там же.

26 Krynica. Biełaruskaja Cryścijanska-Demakratyčnaja hazeta. 1921. № 1.

костела, насаждавшего польскую идентичность среди местных белорусов-католиков, которые потом способствовали распространению пропольских настроений среди своих детей.

«Мало образованные, крайне религиозные... белорусы — отцы детей, обучающихся в 33-й школе[27], очутились под двойным влиянием, исходящим из двух, казалось бы, противоположных пунктов, костела и польской советской (так в оригинале. — *К. Ш.*) школы, но идейно сливающихся, — отмечалось в отчете. — Любопытно, что полонизаторская работа, которую ведет Польское Бюро Наркомата Просвещения вообще и 33-я школа в частности, совпадает с полонизаторскими задачами, которые выдвигаются современной бело-панской Польшей в отношении Белоруссии. Наркомату Просвещения необходимо обратить самое серьезное внимание на развитие у нас в Советской Белоруссии польского шовинизма и католического фанатизма, направленных на воспитание идеи Великой Польши 1772 года».[28]

Крайне негативно и очень эмоционально реагировала западнобелорусская общественность и пресса на заключение в марте 1921 г. Рижского мирного договора между Польшей и Советской Россией, по которому земли Западной Беларуси вошли в состав польского государства без какой-либо автономии и учета этнокультурной специфики данных территорий. На заседании Белорусского Национального Комитета в Вильно 21 марта 1921 г. было принято решение выразить протест против раздела Беларуси и направить его в Лигу Наций.[29]

Орган белорусской христианской демократии газета «Крыница», издававшаяся в Вильно на латинице, комментируя подписание Рижского договора между Польшей и Советской Россией, писала 3 апреля 1921 г.: «В основе данного мира нет никакой справедливости, т. к. он разделил нашу Беларусь... Граница, которая разрезала Беларусь, проведена по воде. Границы одного государства от другого ничем не отделены: ни реками, ни горами, ни морями... Кругом только волны белорусского народа. Можно ли провести границу по воде? — задавала риторический вопрос «Крыница». — По нашему мнению, это невозможно...».[30] Данный прогноз оказался очень точным — граница, проведен-

---

27 Имеется в виду польская школа № 33 в Минске, где преподаватели в 1921–1922 гг. весьма энергично и небезуспешно занимались полонизацией учащихся.

28 НАРБ. Ф. 4 п., Оп. 1. Ед. хр. 675. Л. 368–369.

29 НАРБ. Ф. 878, Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 5.

30 Krynica. Biełaruskaja Cryścijanska-Demakratyčnaja hazeta. 1921. № 10.

ная «по воде», действительно оказалась недолговечной. Правильность этого прогноза подтвердилась, возможно, даже ранее, чем это мог предположить автор процитированных выше строк «Крыницы».

Положение белорусских земель после подписания Рижского мирного договора белорусские деятели рассматривали как трагедию. «Беларусь поделена, разрушена и по отношению к ней осуществляются самые гадкие и недостойные приемы черной-пречерной политики, которой она еще никогда не видела, — писали "Белорусские ведомости" 14 сентября 1921 г. — Как некий остров среди широких просторов этнографической Беларуси возвышается "Советская Беларусь". Но что это? Независимое государство? Одно название...»[31]

Белорусское общественное мнение успело серьезно разочароваться в национальной политике польских властей задолго до подписания Рижского мирного договора. Если в своей декларации от 12 июля 1919 г. Центральная Белорусская Рада Виленщины и Гродненщины еще выражала надежду на реализацию обещаний Пилсудского и на воплощение в жизнь красивого польского лозунга «вольные с вольными, равные с равными», то уже 17 сентября 1919 г. в резолюции пленума Центральной Белорусской Рады Виленщины и Гродненщины содержалась крайне негативная оценка политики Варшавы в белорусском вопросе.

«Со стороны польской верховной власти в вопросе создания независимой и неделимой Белорусской державы до сих пор ничего не сделано, — говорилось в данном документе. — Разные представители польской политической мысли от национальных демократов до польских социалистов в вопросе о создании независимой Беларуси четко высказались в том смысле, что земли на восток от Польши до реки Березина, возможно, до Днепра, являются польскими землями и их нужно присоединить к Польше. ...Таким образом, все польские общественные и политические круги явно встали на путь раздела Беларуси и непризнания ее независимости...».[32]

Примечательно, что этот вывод лидеров Центральной Белорусской Рады Виленщины и Гродненщины в целом соответствовал мыслям их идеологического оппонента русского историка М. О. Кояловича, уроженца Гродненщины и убежденного сто-

---

[31] Беларускія ведамасьці. 1921. № 1.

[32] НАРБ. Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 4. Рэзалюцыя устаноуленая 17.9.1919 Пленумам Цэнтральнай Беларускай Рады Віленшчыны и Горадзеншчыны.

ронника идеи общерусского единства. Так, еще в 1862 г. после своего общения с польской и полонизированной интеллигенцией в г. Вильно Коялович сделал вывод о том, что «согласиться на отделение литовских и белорусских земель от административного единства с Польшей также невозможно для поляков, как невозможно человеку отказаться от частей собственного тела...».[33] Вопрос о возможности существования отдельной белорусской государственности решался Кояловичем сугубо отрицательно: «Политическая самостоятельность западной России невозможна... при польской цивилизации. Эта самостоятельность кончилась бы тем же, чем кончалась прежде, например, в половине XVI столетия, когда Литва сливалась с Польшей».[34] То, что было совершенно ясно Кояловичу уже в 1860-е годы, лидерам белорусского национального движения пришлось заново открывать для себя в начале XX века.

Разочарование национальной политикой польских властей на белорусских землях нашло свое отражение на страницах гродненского «Белорусского слова», которое изначально было настроено весьма полонофильски. Предметом особой озабоченности белорусских деятелей стала политика польской администрации в области школьного образования, моментально обнаружившая явные полонизаторские тенденции. Чаще всего белорусская пресса жаловалась на многочисленные бюрократические препоны, использовавшиеся польскими властями для отклонения ходатайств об открытии белорусских школ, на преследования и дискриминацию белорусских учителей и на закрытие ранее действовавших белорусских школ.

«В этом году мы надеялись, что прошлогодние препятствия — только временные; что они возникли по вине не совсем удачного школьного начальства на Гродненщине и его политической нетактичности. Но наши надежды не оправдались: и система, и приемы остались прежними, — с разочарованием писало «Белорусское слово» 10 декабря 1920 г. — Мы далеки от мысли, что эта система диктуется из культурной Варшавы; что из министерства образования сюда идут инструкции тормозить белорусскую школу. Мы и сейчас склонны полагать, что хитро выдумываемые препятствия имеют свой источник в личности местного инспектора. Мы не можем поверить, чтобы из министерства образования в Вар-

---

[33] Цит. по: Черепица В. Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества. Гродно: ГрГУ. 1998. С. 41.

[34] Коялович М. О. Чтения по истории западной России. Минск, 2006. С. 21–22.

шаве гродненскому инспектору была дана инструкция не открывать белорусскую школу в селе даже при наличии «приговора» с подписями крестьян, но требовать еще подачи индивидуальных деклараций от каждого родителя с подтверждением того, что он хочет обучать своего ребенка в белорусской школе».[35]

Однако редакция «Белорусского слова» напрасно идеализировала «культурную Варшаву» и упрямо не верила в то, что инструкции, тормозящие развитие белорусского образования, исходили именно оттуда. В действительности решение о механизме открытия белорусских школ принималось на самом высоком уровне в польской столице. Условием этого был не только коллективный «приговор» крестьян, но и лично подписанные ими индивидуальные декларации, что серьезно усложняло весь процесс открытия белорусских школ и давало в руки польских властей дополнительные рычаги для создания препятствий развитию образования на белорусском языке.

Именно эта процедура впоследствии нашла свое отражение в «Законе о языке и организации школьного образования у национальных меньшинств», принятом в Польше 31 июля 1924 года. В соответствии с этим законом, заполненную декларацию надлежало потом заверить в местной польской администрации, после чего она подавалась школьному инспектору повета и после него направлялась куратору школьного округа. «Процедура подачи индивидуальных деклараций была психологически трудной для белорусских крестьян, привыкших со времен Российской империи решать вопрос об открытии школы всем селом и вынесением коллективного «приговора», — отмечает современный белорусский исследователь А. Загидулин. — Самым распространенным препятствием, с которым сталкивались инициаторы открытия белорусских школ, был отказ заверить декларации представителями местных польских властей по самым разнообразным причинам».[36]

При этом польские чиновники нередко открыто нарушали даже установленные самими польскими властями весьма сложные правила открытия белорусских школ в сторону еще большей дискриминации белорусов в сфере образования. «Школьный инспектор в г. Воложин дошел до того, что отказался принять

---

[35] Беларускае слова. Палітычная, літэратурная і эканамічная газэта. 1920. № 58.

[36] Загідулін А. Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939). Гродна: ГрДУ. 2010. С. 85.

заявления населения с просьбой открыть белорусские начальные школы»,[37] — сообщали «Белорусские ведомости» 3 октября 1921 года. Орган белорусской христианской демократии виленская газета «Крыница», давая общую оценку политике Польши в сфере образования на белорусских землях, еще 18 марта 1921 г. четко констатировала, что «Польша, заняв своим войском Западную Беларусь, изо всех сил старается ее полонизировать, основывая польские школы для чисто белорусской молодежи».[38]

Частым сюжетом на страницах западнобелорусской прессы была критика политики польских властей и польской католической церкви в отношении белорусов-католиков. «Крыница» в декабре 1921 г. отмечала, что «церковной жизни белорусов в Вильно со стороны польского духовенства чинятся просто чудовищные препятствия»[39] и что «белорусы-католики направили католическому епископу Вильно просьбу о выделении для белорусов одного из костелов и о введении преподавания белорусского языка в Виленской духовной семинарии».[40]

Виленские «Белорусские ведомости», анализируя отношение к белорусам со стороны виленских католических иерархов, писали, что «католический епископ в Вильно ксендз Матулевич может говорить по-белорусски, так как он из местных. Но плохо то, что епископ Матулевич, вопреки многочисленным просьбам, до настоящего момента так и не предоставил белорусам-католикам костела в Вильно».[41] Пытаясь понять причины нежелания виленского католического епископа пойти навстречу просьбам местных белорусских католиков, «Белорусские ведомости» отмечали, что «епископ, возможно, боится нападок со стороны польских эндеков. Возможно также, что епископ опасается появления между белорусами-католиками и поляками тех острых споров и даже драк за костелы, которые имели место ранее между поляками и литовцами».[42]

Догадки «Белорусских ведомостей» были, безусловны, вполне логичны и не лишены оснований. Однако редакторы данного издания вряд ли подозревали, что белорусское католическое население Виленщины и Гродненщины было объектом № 1 среди

---

37 Беларускія ведамасьці. 1921. № 4.

38 Krynica. Biełaruskaja Cryścijanska-Demakratyčnaja hazeta. 1921. № 8.

39 Krynica. Biełaruskaja Cryścijanska-Demakratyčnaja hazeta. 1921. № 1.

40 Там же.

41 Беларускія ведамасьці. 1921. № 2.

42 Там же.

тех этнокультурных групп, которые по планам Варшавы должны были подвергнуться тотальной полонизации. По словам белорусского историка А. Загидулина, первый пункт программы польской национальной политики на белорусских землях, разработанной чиновником Министерства иностранных дел Польши М. Арцишевским в 1921 г., предусматривал «проведение размежевания между белорусами-католиками и белорусами-православными... Первых надлежит ограждать от белорусизации и окружать атмосферой польской культуры. Вторых надлежит предохранять от русификации, привлекая для этого белорусские силы».[43]

Таким образом, белорусы-католики рассматривались Варшавой как «потенциальные поляки» и в силу этого подлежали первоочередной и безусловной полонизации. Именно поэтому польские власти и польская католическая церковь крайне подозрительно и враждебно относились к деятельности тех католических ксендзов, которые участвовали в белорусском национальном движении или симпатизировали ему. Католические ксендзы-белорусы, «скомпрометировавшие» себя подобным образом в глазах польской администрации, преследовались, часто лишались своих приходов и высылались за пределы белорусских земель. По справедливому замечанию польского историка Е. Мироновича, «государственную власть раздражало само присутствие белорусского элемента в католическом костеле. Во время санации власти не допускали самой возможности появления белорусского движения в костеле...».[44]

Что касается православной церкви, то, несмотря на негативно-враждебное отношение к ней польских властей, воспринимавших ее как наследие Российской империи и «реликт времен разделов Речи Посполитой»,[45] Варшава, руководствуясь прагматическими соображениями, энергично стремилась использовать православную церковь в качестве инструмента в своей этнокультурной политике. Это, в частности, нашло свое выражение в «подчинении структур православной церкви государственному аппарату и в стремлении использовать её для ассимиляции непольского

---

43 Загідулін А. Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939). С. 40.

44 Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. S. 56.

45 Papierzyńska-Turek M. Historyczne uwarunkowania ogłoszenia autokefalii Kościoła Prawoslawnego w Polsce w 1925 r. // Autokefalie Kościoła Prawoslawnego v Polsce. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku. 2006. S. 152.

населения восточных «кресов».[46] Именно эти соображения определяли политику Варшавы, направленную на провозглашение автокефалии православной церкви в Польше в 1925 г. и на ее последующую полонизацию, активно проводимую в 1930-е годы.

Отношение Варшавы к белорусскому национальному движению в целом определялось исключительно сиюминутными интересами польского государства, являясь прагматичным и избирательным. Так, Варшава способствовала белорусскому движению лишь среди православных белорусов, полонизация которых была затруднена, для противодействия существовавшей у них общерусской идентичности. В то же время польские власти препятствовали укреплению и развитию белорусского самосознания у белорусов-католиков, поскольку они рассматривались как «потенциальные поляки» и первоочередной объект полонизации.

Большое внимание западнобелорусской прессы в 1921 г. привлекла перепись населения в Польше, подготовка и ход проведения которой вызвали оживленные критические отзывы в белорусских газетах. Разочарованные реалиями польской национальной политики на белорусских землях, белорусские национальные деятели настороженно отнеслись к проведению переписи, отдавая себе отчет в практически неизбежных злоупотреблениях со стороны польской администрации.

«Главное статистическое управление Польши объявляет, что 30 сентября этого года будет проведена перепись населения. ...От ее результатов зависит многое в жизни белорусского народа. Национальность будет определяться не только по языку, но и по убеждению, то есть к полякам будут стремиться отнести и тех, кто не говорит по-польски и, следовательно, поляком не является, — писали «Белорусские ведомости» 26 сентября 1921 года. — Как добиваются согласия на принадлежность к польской национальности, мы уже знаем. ... Показать большее число поляков будут хотеть не по соображениям национальной гордости, а в силу более практических причин. ... Обещается, что число национальных школ будет пропорционально статистическим данным...».[47] Белорусские деятели заранее выражали скептицизм в отношении предстоящей переписи.

«Мы, наученные польской школьной политикой в Беларуси, уже перестали надеяться на справедливое отношение к нам польской администрации. Но все равно важно, чтобы численность бе-

[46] Ibidem. S. 151.

[47] Беларускія ведамасьці. 1921. № 3.

лорусского населения была показана не такой, как этого хочется польским чиновникам, а такой, какой она есть на самом деле: — отмечали «Белорусские ведомости» и с иронией заключали. — Важно, кто именно будет проводить опрос: местные гражданские лица или нет. Если вопросы о национальности будут задавать жандармы, полицейские или стражники «стражи кресовей», то они способны выбить у человека согласие не только с тем, что он поляк, но даже с тем, что он — китаец...».[48]

Механизм проведения переписи населения, в ходе которого имели место многочисленные злоупотребления польской администрации и дискриминация белорусского населения, подтвердил все худшие опасения белорусских деятелей. Пресса Западной Беларуси, критикуя процесс проведения переписи и ставя под сомнение ее официальные итоги, приводила многочисленные примеры административного своеволия польской администрации. «Почти повсеместно в сельской местности перепись населения проводили польские учителя, волостные писари и их помощники. Белорусскому учителю очень редко удавалось принять участие в переписи. Эти так называемые квалифицированные переписчики переделывали белорусов в поляков самыми разными способами. ... В селе Дзягили пан Чиж ни у одного крестьянина не спросил, какой он национальности, а просто всех, и православных, и католиков записал поляками. Нужно отметить, что в селе Дзягили католиков очень мало»,[49] — писали 31 октября «Белорусские ведомости», комментируя ход проведения переписи.

«По официальным данным, в 1921 г. в Виленском, Белостоцком, Новогрудском и Полесском воеводствах проживал лишь 1 миллион 34,6 тысяч белорусов, а в 1931 г. — лишь 984,1 тысяч человек, — отмечает белорусский историк А. Вабищевич. — Для увеличения численности поляков к ним специально приписывали значительную часть белорусских католиков; использовались различные методы фальсификации итогов переписи».[50] Между тем даже сами польские исследователи оценивали реальную численность белорусов в межвоенной Польше в 1,4–1,6 миллиона, тогда как западнобелорусские деятели определяли численность белорусов в 2–3 миллиона.[51]

---

48 Там же.

49 Беларускія ведамасьці. 1921. № 8.

50 Вабішчэвіч А. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1919–1939). Брэст: БрДУ імя А. С. Пушкіна. 2008. С. 12.

51 Там же.

Крайне негативно белорусская пресса отзывалась о политике Варшавы в Виленской области, которая была призвана подготовить и легитимировать инкорпорацию данной территории в состав польского государства. «Временное правительство Средней Литвы стремится решить вопрос Вильно путем созыва сейма. Оно намерено организовать выборы в сейм в условиях, когда все другие национальности помимо поляков не могут свободно выразить свою волю, — писала 9 января 1921 года виленская «Крыница». — Взвесив все эти обстоятельства, виленский Белорусский Национальный Комитет, а также Литовский и Еврейский комитеты решили воздержаться от выборов в сейм, не желая участвовать в несправедливой процедуре. Выборы эти будут очень легкими. Выбирать будут только поляки поляков — и только... Подобный сейм не будет являться истинным сеймом; это будет сейм приватный, сейм одних лишь только поляков...».[52]

* * *

Неоправдавшиеся надежды на политику Варшавы и повсеместное разочарование от поведения польской администрации на белорусских землях побудили западнобелорусских национальных деятелей в начале 1920-х годов более пристально и заинтересованно отнестись к процессам, происходившим в то время в БССР, где первые проявления большевистской политики коренизации[53] были сразу замечены в Западной Беларуси. «При всем общем расстройстве и зависимости от московцев, в Советской Беларуси в этом году повсеместно введены школы на белорусском языке, открылся белорусский университет, и многое было сделано для нашей культуры»,[54] — отмечали «Белорусские ведомости» 3 октября 1921 г.

Попытки властей БССР воздействовать на Варшаву с целью улучшения положения белорусского населения Польши позитивно воспринимались западнобелорусской общественностью. Так, западнобелорусская пресса подробно информировала о ноте гла-

---

52 Krynica. Biełaruskaja Cryścijanska-Demakratyčnaja hazeta. 1921. № 2.

53 Коренизация — политическая и культурно-национальная политика советской власти в 1920-е годы, направленная на поддержку и развитие национальных культур нерусских народов союзных республик, что, в частности, проявилось во введении национальных языков в административную сферу и в сферу образования. В кадровой политике данный курс нашел свое выражение в выдвижении на руководящие посты местных национальных кадров.

54 Беларускія ведамасьці. 1921. № 4.

вы СНК БССР А. Червякова министру иностранных дел Польши Скирмунту от 21 августа 1921 г., в которой польские власти критиковались за несоблюдение параграфа № VII статьи 1 Рижского договора, который гарантировал белорусам в Польше свободное развитие культуры и родного языка. «Текст данной ноты пан Скирмунт не поместил в польские газеты. Мы очень хотели бы знать, что он на это ответил, — писали «Белорусские ведомости» 14 сентября 1921 г. — Давно мы уже отмечали, что политика польских властей на так называемых «кресах» — бессмысленная и вредная. Выступление Червякова может вызвать у польских властей проблеск понимания того, какую пользу имеют Советы от подобной политики...».[55]

Однако и эта осторожная надежда западнобелорусских деятелей не оправдалась. Вся последующая политика Варшавы в белорусском вопросе показала, что «проблеска понимания» так и не наступило. Так, если в 1922/1923 учебном году существовало 32 белорусские начальные школы в Западной Беларуси, то к 1938/1939 учебному году их число сократилось всего до 5 — и это примерно на 2 миллиона населения![56] Один из лидеров белорусского национального движения в 1920-е годы и депутат польского сейма Б. Тарашкевич в своем выступлении перед представителями белорусской эмиграции в Праге в ноябре 1924 г. констатировал крайне неутешительные итоги пятилетнего пребывания белорусов под польским господством.

По его словам, «степень социального и национального угнетения белорусов в Польше переходит границы возможного; массы настроены большевистски, симпатии и взоры их направлены на СССР...».[57] Говоря о позиции польских политических партий в белорусском вопросе, Тарашкевич отмечал, что «все, начиная от эндеков до ППС стоят единым фронтом» и что большинство белорусских депутатов польского сейма склоняются к социальной революции как методу решения белорусского вопроса в Польше.[58]

«Наша внутренняя жизнь представляет грустную картину; это в огромной степени картина варварства и глупости»,[59] — та-

---

55 Беларускія ведамасьці. 1921. № 1.

56 Вабішчэвіч А. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1919–1939). С. 60.

57 НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр. 675. Л. 225. Записка о положении белорусской эмиграции.

58 Там же.

59 Dmowski R. Swiat powojenny i Polska. Warszawa, 1931. S. 305.

кую нелицеприятную и самокритичную характеристику польской внутренней политике давал Р. Дмовский в начале 1930-х годов. В первую очередь столь нелестные слова можно адресовать политике Варшавы в отношении национальных меньшинств, хотя Дмовский вряд ли имел в виду именно этот аспект внутренней политики межвоенной Польши.

«Ориентация польского правительства на возможность решения белорусской проблемы путем ассимиляции белорусов и ликвидации белорусских структур оказалась противоречащей интересам государства... Не только советская пропаганда, но и практическая политика властей привела к усилению среди белорусского населения тенденций радикальной антигосударственной оппозиции»,[60] — справедливо отмечает Е. Миронович. Все это в значительной степени объясняет поведение населения Западной Беларуси в роковой для польского государства и счастливый для белорусов и украинцев день 17 сентября 1939 года.

60 Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. S. 125.

ВЛАДИМИР ЯНЦЕН

НОВОЕ О КНИГЕ Г. В. ФЛОРОВСКОГО О ГЕРЦЕНЕ: Г. В. ФЛОРОВСКИЙ. ПИСЬМА ИРЖИ ПОЛИВКЕ (1921–1925)

Письма Г. В. Флоровского (1893–1979) к чешскому слависту Иржи Поливке (1858–1933) публикуются повторно. Первая их публикация была осуществлена в 1999 году М. Ю. Досталь[1] и содержала около 100 опечаток, пропусков, неверных расшифровок, неправильных раскрытий сокращений и, к сожалению, — множество произвольных добавлений публикатора в тексты писем[2]. Не отмечено было в первой публикации и важ-

[1] Досталь М. Ю. Письма русских ученых-эмигрантов Н. П. Кондакова и Г. В. Флоровского Иржи Поливке // Славяноведение. М., 1999. № 4. С. 90–101.

[2] Подробный перечень всех опечаток, неверных расшифровок, произвольных изменений структуры текста, абзацев и добавлений публикатора в текст взорвал бы рамки вводной статьи. Внимательный читатель найдет их сам, сравнив тексты первой и новой публикации. Но чтобы не быть совсем голословным, приведу часть ошибок из первого письма: слово «матерьял» везде расшифровывается как «материал», в словах «составил себе совершенно определенный план» опущено «себе», слова «Приступив... к вторичной реализации своих планов» прочитаны как «Приступив... к вторичной реанимации своих планов», сокращение «т. ч.» раскрыто как «в том числе», в словах «удалось довести почти до конца» пропущено «почти», в словах «в применении к славянской и русской истории» пропущен союз «и», «в 30 и 40 годы» прочитано как «в 30–40-е годы», после слов «той эпохи» произвольно добавлена закрывающая скобка, находящаяся у Флоровского после слов «и под.)», названия всех произведений приведены в кавычках, в большинстве случаев отсутствующих в автографе Флоровского, в плане большого сочинения по историософии

ное биографическое и историко-философское значение их содержания. Отчасти это объяснялось тем, что они были объединены с письмами Н. П. Кондакова. Во всяком случае, их публикация осталась почти не замеченной в специальной литературе, посвященной изучению философского наследия Г. В. Флоровского. Между тем в письмах этих содержится очень интересная информация о его непосредственном участии в «Русской акции» помощи чехословацкого правительства ученым и деятелям культуры русской эмиграции, начиная с августа 1921 года — года переезда Г. В. Флоровского в Прагу, а также уникальная информация по доэмигрантскому и евразийскому периодам его творчества, позволяющая поставить ряд вопросов о его генезисе. Не менее интересны они и как источник информации для психологического портрета молодого Флоровского.

Центральное место в этих письмах Г. В. Флоровского занимает неизвестный план его большого сочинения по истории русской философской мысли. По согласованию с Иржи Поливкой, он решает печатать его не целиком, а отдельными главами, выделив из них по степени готовности в первую очередь главу «Историческая философия Герцена», на основе которой пишет свою пражскую магистерскую диссертацию, а затем и ее более популярную версию — книгу «Духовный путь Герцена». Информация об этих двух вариантах книги Г. В. Флоровского исследователям его биографии и творчества известна давно. Неизвестен был обсуждаемый в письмах к И. Поливке план перевода главы о Герцене на чешский язык и издания ее в виде отдельной монографии под эгидой просветительской организации «Чешско-русское единство». Хотя этот план остался неосуществленным, письма Флоровского однозначно свидетельствуют о том, что уже в октябре 1921 года, то есть приблизительно через полтора года после его эмиграции из России, существовал готовый *первоначальный* текст его монографии о Герцене, из дополнения и переработки которого возникла магистерская диссертация «Историческая

русской мысли каждая новая глава пишется Флоровским с красной строки, и тем самым этот план выделяется на общем фоне письма, в то время как в первой публикации все главы собраны в один абзац вслед за словом «Введение», слова «не мог достать ни в официальных библиотеках» прочитаны как «не мог достать в специальных библиотеках», слова «3–4 печатных листа» представлены как «три—четыре печатных листа», слова «я лишен возможности передвижения» переданы как «я нашел возможность передвижения». И, наконец, завершается первое письмо не словами «примите мои уверения», а «примите уверение» (Там же. С. 95–96).

философия Герцена». Защита ее состоялась 3 июня 1923 года в Праге на собрании Русской академической группы, которое вел председатель историко-философского отделения и один из наиболее активных противников евразийства А. А. Кизеветтер. Официальными оппонентами на защите были Н. О. Лосский, П. Б. Струве и В. В. Зеньковский, а в качестве гостя и П. Н. Милюков, весьма критически отнесшийся к изложению философии Герцена в диссертации Г. В. Флоровского и, по свидетельству последнего, затем наложивший «вето» на ее публикацию в берлинском издательстве «Слово», во главе которого стояли его сподвижники по кадетской партии. Хотя защита была признана «вполне удовлетворительной» и соискателю присвоена степень магистра философии, проходила она в резкой полемике[3]. В гектографированном виде диссертация была отпечатана в 20 экземплярах и ныне считается утраченной[4]. Аналогична и судьба книги Флоровского «Духовный путь Герцена». Ее отдельное издание на русском языке оказалось невозможным из-за противодействия старшего поколения эмиграции, интересовавшегося прежде все-

[3] «Сам о. Георгий отмечал, что, хотя процедура и общая атмосфера его защиты, казалось, были обычны, она вызвала необычайно резкую полемику, и притом с долговременными последствиями. Кизеветтер, председательствовавший на защите, официальный оппонент Струве, а также Милюков, который сидел в первом ряду, если и не отвергли диссертацию в целом, то, по крайней мере, посчитали сомнительной по ряду причин: из-за близости Георгия Флоровского к позициям евразийства и его связей с евразийцами, из-за твердой его приверженности Православной Церкви и убеждения, что религиозная вера есть подлинное начало любых человеческих усилий, в том числе и в сфере философии. И наконец, ввиду того, что в своей диссертации он именно с этих позиций подверг резкой критике Александра Герцена, святейшего из “святых отцов” русской революционной традиции. Особенно резко, продолжал о. Георгий, выступал Милюков, и, очевидно, именно он воспрепятствовал публикации работы в берлинском издательстве “Слово”. А позднее, когда первая глава уже была набрана в журнале “Современные Записки”, ее публикация не состоялась из-за аналогичных возражений со стороны одного из его редакторов, М. В. Вишняка» (Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / Общ. ред. Ю. П. Сенокосова. М., 1995. С. 36–37. Здесь у Э. Блейна закралась фактическая ошибка: из письма Г. В. Флоровского И. И. Фондаминскому от 13 февраля 1935 г. (Leeds Russian Archive. MS. 1500/4) узнаем, что остановлено было печатание не первой, а второй главы книги Флоровского, переработанной им в статью «Герцен в сороковые годы»).

[4] Колеров М. Утраченная диссертация Флоровского. Приложение: Флоровский Г. В. Историческая философия Герцена. Заключение (1923) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год / Отв. ред. М. А. Колеров. СПб., 1997. С. 245–257.

го революционным наследием Герцена. Флоровский же показал наличие романтического, иррационального и религиозного элементов в мировоззрении не только раннего, но и зрелого Герцена. Содержала эта книга и новаторские историко-методологические и герменевтические идеи, свидетельствовавшие о серьезных теоретических интересах автора[5]. В этой связи в первом и втором письмах Флоровского к Поливке примечательны ссылки на ряд немецких мыслителей, историософские и историко-методологические работы которых, по его мнению, следовало обязательно учесть при новом изложении истории русской философии: В. Дильтей, О. Шпенглер, Г. Кейзерлинг, Э. Трёльч.

Вполне вероятно, что и чешское издание книги Флоровского о Герцене не состоялось не только «по причинам финансовым», как он полагает в седьмом письме, но и из-за резких протестов против нее старшего поколения русской эмиграции, дошедших до руководства «Чешско-русского единства». Поскольку полный текст диссертации и книги до сих пор не найден, интересно указание самого Флоровского на то, что в 1924 году русский текст его книги находился у А. Тесковой, личный архив которой полностью сохранился до наших дней.

Конечно, самого Флоровского больше интересовала публикация русской версии книги. Из его письма к Н. С. Трубецкому

---

[5] Г. В. Флоровский известен сегодня, прежде всего, как богослов и историк церкви. Но в литературе о нем почти не обращается внимания на то, что без серьезной философской подготовки и собственных теоретических интересов он не смог бы, не имея никакого богословского образования, стать одним из выдающихся теоретиков международного экуменического движения. В его письме к Н. С. Трубецкому от 27 декабря 1922 г. действительно встречаем упоминание о том, что над созданием собственной философской системы он работал: «Очень мешает то, что те же мысли в ином повороте приходится развивать и в книге о Соловьеве, и в том будущем сочинении, которое я исподволь продумываю и которое должно представить мою философскую “систему”». (Цит. по: А. Соболев. К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // Россия XXI. М., 2002. № 5. С. 166–199). Систематический и особенно теоретико-богословский дар о. Георгия получил широкое признание сначала в инославных конфессиях. Знал о нем и о. Сергий Булгаков. В то время как о. Василий Зеньковский до конца своих дней отказывал в нем своему бывшему коллеге: «Флоровский — человек огромных знаний, настоящая богословская энциклопедия. Он очень талантлив, но только как историк, а вовсе не догматист, каковым он себя считает. Но характер у него трудный; он очень властен, не терпит возражений и замечаний» (Зеньковский В., прот. Мои встречи с выдающимися людьми // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1995. Т. XXVII. С. 52).

от 10 февраля 1924 года узнаем, что к тому времени появилась еще одна возможность ее публикации: «Вплоть до самого последнего времени я был рабом своего Герцена, который, по-видимому, дождался времени появиться в свет на страницах здешних “Ученых Записок Ученой коллегии”. Для меня книга моя уже совершенно устарела, и, не будь это диссертация, напечатанием которой я должен хотя бы задним числом оправдать свою степень, я от напечатания ее бы уклонился и не стал бы подвергать себя риску быть обруганным за то, чего сейчас уже не написал бы. Можете представить себе, как я злился и нервничал, теряя время попусту за переделкою ненужной мне самому книги!..». В «Ученых записках» книга все-таки не вышла, и только во второй половине 1920-х годов Флоровскому удалось опубликовать переработку первой ее главы в «Современных Записках» в виде двух статей под общим названием «Искания молодого Герцена»[6], послуживших причиной внутриредакционного скандала в этом журнале. В письме к одному из соредакторов журнала М. В. Вишняку от 11 марта 1928 года И. И. Фондаминский, вдохновленный откликами на опубликованную незадолго до этого в журнале статью Флоровского «Евразийский соблазн», предлагал также издать его «*блестящую* статью о Гершензоне» (по-видимому, тоже восходящую к его большой книге по истории русской мысли — см. X главу этой книги в первом письме к Поливке, а также его английскую статью «Михаил Гершензон»[7]). Но это предложение натолкнулось на ожесточенное сопротивление Вишняка. Мотивы этого сопротивления представлены в его воспоминаниях: «...Новая “генеральная линия” имела своим последствием не только усиление внимания “Современных Записок” к вопросам миросозерцательного порядка. Поворот сопровождался и появлением в журнале авторов, чьи социально-политические взгляды были далеки, чужды и даже враждебны политической линии редакторов “Современных Записок”. <...> Только этим же влечением к близким по миросозерцательной установке авторам можно было объяснить и затянувшееся сотрудничество в “Современных Записках” Г. В. Флоровского, даровитого эрудита, но весьма далекого не только мне, но и Фондаминскому и Рудневу по социально-политическим воззрениям. Особенно огорчительным было, что редакция согласилась напеча-

6 Флоровский Г. В. Искания молодого Герцена // Современные Записки. Париж, 1929. № 39. С. 274–305; № 40. С. 335–367.

7 Florovsky G. Michael Gerschensohn // The Slavonic Review. 1926. Vol. 5, № 14. P. 315–331.

тать в “Современных Записках” главы диссертации Флоровского о Герцене, — “нашем” Герцене, как подчеркивал с возмущением Авксентьев, когда я делился с ним своим огорчением. Я писал Степуну: «Явный мракобес — приводит в ужас своим воинствующим православием не только меня с Милюковым, но и Скобцову (в недалеком будущем монахиню Марию) с ничего не страшащимся Вышеславцевым. [Зачем нам нужен Герцен по-евразийски, сусально-православный? — Я в толк взять не могу. И не хочу! Герцен и моя любовь, и с Флоровским я ее делить не хочу]»[8]. Характерен также эпистолярный отзыв А. А. Кизеветтера на статью «Евразийский соблазн» (1928), цитируемый в тех же воспоминаниях: «В статье Флоровского (Г. В. — “Евразийский соблазн”) много верного по адресу евразийцев, хотя его собственная исходная точка опоздала родиться лет на 70 приблизительно. Но, Боже, как плохо написана его статья! Какой вымученный по изощренности стиль! Какие изысканнейшие словесные сплетения наполняют каждую фразу! Отчего писать стараются так, как никто не стал бы изъясняться в устной речи? Это — дурной тон...»[9]. Нетрудно заметить, что ключевыми фигурами в этих письмах являются участники магистерского диспута Флоровского А. А. Кизеветтер и П. Н. Милюков, а ключевыми фразами — слова: «наш Герцен», «зачем нам

---

8 Вишняк М. В. «Современные Записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, 1957. С. 306–307. Конец цитаты из письма Вишняка к Степуну добавлен по его автографу из редакционной переписки.

9 Там же. С. 174. Над собственным стилем Г. В. Флоровский работал всю жизнь, особенно ценя и, к сожалению, явно переоценивая синтетический характер, сжатость и афористичность изложения. Но переоценка именно этих черт письменного слова, на наш взгляд, более всего вредит стилю его работ: краткость, игра слов и чудовищное злоупотребление многоточиями далеко еще недостаточны, чтобы стиль историка и богослова приобрел глубокомыслие и афористическую прозрачность. Для этого нужен прежде всего особый слух и особая чуткость к звучанию отдельных слов, словосочетаний и их композиций, которых, по-видимому, недоставало Флоровскому. С большим или меньшим успехом он пытался заменить их внешним подражанием Булгакову, Шестову, Бердяеву, Федотову, немецким философам и богословам. Но собственного стиля так и не выработал. А он, неопознанный, у него все же был: ведь Флоровский был прекрасным рассказчиком и оратором, автором замечательных писем. И именно в этом направлении — в приближении к собственному устному и эпистолярному слову — должен был бы развиваться стиль его печатных трудов. Одну из причин неровности стиля его работ биограф о. Георгия Э. Блейн усматривает в том, что Флоровский, «будучи студентом Одесского университета и получив серебряную медаль <за 576-страничное сочинение «Разработка мифа о Амфитрионе в древней и новой драме». — *В. Я.*>, пережил болезненно упрек в многословии» (Блейн Э. Ук. соч. С. 235, прим. 31).

нужен Герцен по-евразийски, сусально-православный?», «Герцен и моя любовь, и с Флоровским я ее делить не хочу». — И ни слова о содержании работы. Такая свобода запретительной критики, пожалуй, не снилась и царским цензорам![10] В 1929 году Флоровскому пришлось временно прекратить сотрудничество с журналом. Тем охотнее он откликнулся на предложение швейцарского протестантского богослова и исследователя русской мысли Ф. Либа дать

---

10 Как видно из писем Г. В. Флоровского к Ю. П. Иваску, слова Вишняка о «нашем» Герцене и характеристика Флоровского как «даровитого эрудита», но «мракобеса», больно задели его (Вестник РХД. 1979. № 130. С. 42–52), и Иваск в предисловии к публикации этих писем о. Георгия посчитал необходимым защитить его от упреков в «узком церковничестве» (Там же. С. 42). Претензия на монопольную истину, на монопольное право истолкования «нашего» Герцена и вытеснение на этом основании Г. В. Флоровского из «Современных Записок» находились в кричащем противоречии с идеальным образом правого эсэра, набросанным через много лет тем же Вишняком в статье, посвященной памяти Н. Д. Авксентьева (вспомним, что слова о «нашем» Герцене первоначально принадлежали именно демократичному правому эсэру и соредактору «Современных Записок» Авксентьеву): «...что такое или кто такой правый эс-эр. Начнем с отрицательных признаков. Правый эс-эр — не максималист: он не провозглашает “всё или ничего”, “сейчас или никогда”. Правый эс-эр не монист и не абсолютист, иными словами он не утверждает верховенства одного какого-либо начала, исключающего все другие, соотносительные. Правый эс-эр — не догматик, и тем самым не фанатик, верующий в чью-либо, хотя бы и свою собственную, непогрешимость. Правый эс-эр и не эгоцентрик, претендующий на то, что он сам или группа, к которой он себя причисляет, политическая, профессиональная, научная, религиозная, имеет право на какие-то особые преимущества. Отсюда и положительные признаки правого эс-эра. Будучи социалистом, он считает, что противникам, по слову Герцена, следует “раскрывать глаза, а не вырывать их”. Принимая революцию, правый эс-эр, вместе с Жоресом, считал ее “варварской формой прогресса”, “отчаянным средством”, к которому иногда вынуждает прибегать трагическое сплетение событий. <...> Правый эс-эр исполнен стремления к свободе, напоен ее пафосом. Самый социализм представляется ему эманацией свободы или распространением ее с общедуховной и политической сферы на область экономических взаимоотношений, по формуле Вандервельде: “Социализм будет социализмом свободных людей или его вовсе не будет”. Правый эс-эр — народник и идеалист прежде всего психологически, что равносильно признанию общественных нужд и целей стоящими выше личных и готовность ради этих целей итти на жертвы. Идеологически правый эс-эр считает себя реалистом. Не всегда кантианец, <...> признает и “категорические императивы”, и критическую проверку разумом всех сторон жизни. Патриот без шовинизма, правый эс-эр знает, где его родина и предан ей без лести. Ему далеко не безразличен, однако, и весь прочий мир. В Европе ему дороги не одни только могилы, но и живая жизнь. Он интернационалист...» (Вишняк М. Н. Д. Авксентьев (К 10-летию со дня смерти) // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1953. № 33. С. 287–288).

материалы книги о Герцене для немецкого журнала «Orient und Occident», остановившись на ее заключительной главе «Тупики романтизма»[11].

Вернемся, однако, к плану большой работы Г. В. Флоровского по истории русской историософской мысли, подробно изложенному в его первом письме к И. Поливке. Существование и нереализация этого плана, а тем более почти готовой и неопубликованной книги противоречит всему, что мы знаем о личности и творчестве Г. В. Флоровского, который ни в молодости, ни в зрелом возрасте, ни в старости не писал своих работ «просто так», «ради удовольствия», «впрок» или «в стол» по той простой причине, что писал он их всегда мучительно трудно[12]. Каждая его письменная или печат-

---

11 Статья «Тупики романтизма» вышла в 4-м выпуске журнала «Восток и Запад» в немецком переводе В. Унру: Florovskij G. Die Sackgassen der Romantik // Orient und Occident, 1930, № 4. S. 14–37. Ее русская версия с рукописи Флоровского была опубликована нами: Янцен В. Материалы Г. В. Флоровского в базельском архиве Ф. Либа (1928–1954) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2004–2005 [7]. Под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М., 2007. С. 474–489. Приложение 1. Флоровский Г. В. Тупики романтизма (Заключительная глава из книги «Духовный путь Герцена») (1929) // Там же. С. 490–524. Заключение к диссертации Флоровского было найдено и опубликовано М. А. Колеровым: Колеров М. Утраченная диссертация Флоровского. Приложение: Флоровский Г. В. Историческая философия Герцена. Заключение (1923). С. 245–257.

12 Флоровский, по-видимому, представлял собой тип ученого-оратора или накопителя знаний, которые он более охотно передавал в беседах, лекциях, семинарах, докладах и письмах, чем в печатных трудах. При этом один из парадоксов его личности состоял в том, что мыслил он всегда более масштабно, чем позволяли ему ситуация и время: не статьями, а сразу книгами. Но в то же время многие его письма 1920-х годов к знакомым и друзьям переполнены жалобами на здоровье и необходимость писать какие-то работы, к которым он не испытывал ничего, кроме отвращения: «...заморочен очень противной работой по приведению моей диссертации о Герцене в окончательную готовность для сдачи в печать» (Н. С. Трубецкому, 14/27. XII. 1922), «...только что с превеликим надрывом кончил статью для сборника.... Работаю очень растрепанно, читаю урывками и почти ничего не пишу. Кроме тысячи мелочных дел и лекций, мешает погода и горло, все время пухнущее, дерущее и т. д.» (ему же, 1. II. 1923), «...я был рабом своего Герцена... Можете представить себе, как я злился и нервничал, теряя время попусту за переделкою ненужной мне самому книги!..» (ему же, 10. II. 1924) (Соболев А. Ук. соч. С. 166–199). Очень точно об отношении Флоровского к письменному творчеству сказала его жена: «Ксения Ивановна говорила, что на самом деле он не любил писать, предпочитая рыться в книжных магазинах и библиотеках, упиваясь книгами и статьями и получая самое большое наслаждение от накопления знаний. Другим его любимым времяпровождением были рассказы о том, что он узнал.

ная работа была подчинена какой-то конкретной прагматической цели — публикациям в изданиях, которые он считал близкими по мировоззрению, приобретению новых научных, административных, культурных, международных связей, получению ученых степеней, званий и должностей, международного признания, лидерства в научных и религиозных объединениях, наконец, достижению материального благополучия. Отсутствие же конкретной практической цели парализовало его волю и творческую энергию, и в этом состоял страшный парадокс его творческой судьбы: именно поэтому через многие десятилетия в гораздо более благоприятной для публикации его трудов ситуации он не смог довести до конца работу над почти готовым первым томом «Восточных отцов церкви», содержавшим общее введение ко всем трем томам и изложение Доникейского периода, а также над совершенно готовой английской версией книги о «Древе крестном» и за более чем 40 лет работы не завершил подготовки ни второго русского издания «Путей русского богословия», ни их переводов на немецкий и английский языки. Дело было, разумеется, не только в утилитаризме, склонности к достижению быстрых результатов, а в том, что, будучи в молодости человеком довольно невзрачной внешности и слабого здоровья, мнительным, нелюдимым, обидчивым, не переносящим никакой критики, но с незаурядной волей, верой в себя и упорством в достижении своих целей, он вынужден был искать каких-то компенсаций в области интеллектуальной, приняв на себя роль «бойца духа» — человека напористого и энергичного, реалиста, стратега, организатора и лидера, а в этой роли уже не мог себе позволить никаких праздных занятий и никакой пустой траты сил. С возрастом, с достижением основных своих целей изменился и Флоровский — подобрел, стал более мягким в оценках коллег и прошлого, много читал, постоянно собирал материалы для своих книг, охотно и детально рассказывал о своих новых замыслах, но собственное его творчество уже утратило всякую мотивацию.

Если эта характеристика его личности верна, то работа по истории русской историософской мысли, к писанию которой он приступил еще в Одессе, тоже должна была преследовать какую-то конкретную непосредственную цель. Поскольку магистерские экзамены Флоровский сдал еще в Одессе, то вполне возможно, что первоначально эта работа была задумана как первая тема его магистерской диссертации. Написать ее за год—два в Одессе при

Писание отодвигалось поэтому на последний план и рассматривалось как крайняя необходимость» (Блейн Э. Ук. соч. С. 238, прим. 42).

наличии всей необходимой литературы не составило бы большого труда. Иное дело за границей — в Софии или в Праге, где даже такое многотиражное издание, как полное собрание сочинений В. Г. Белинского под редакцией С. А. Венгерова, могло оказаться раритетом и для работы с ним приходилось обращаться к частным лицам. Это было главной причиной сужения темы магистерской диссертации — ограничения ее одной главой той же самой большой работы о русской мысли. Успешная ее защита навела Флоровского на мысль, что и тему докторской диссертации он мог бы ограничить переработкой 9-й главы («Влад. Соловьев») своей большой работы о русской философии. Из писем Г. В. Флоровского к Ф. Либу узнаем, что тема эта потом изменилась[13], а после получения почетного доктората Сент-Эндрюсского университета в Шотландии в 1937 году и совсем потеряла свое практическое значение. Примечательно, однако, что почти все его статьи евразийского цикла и даже реализация замысла его основного труда «Пути русского богословия» как исследования, посвященного не только и не столько истории русского богословия, сколько истории русской культуры с особой концентрацией на философии, также восходят к его задуманной еще в Одессе большой работе по историософии русской мысли. Все это подводит к заключению, что готовые главы этой работы не были оставлены Г. В. Флоровским в Одессе и не требовали восстановления в эмиграции, как он заявляет в своем первом письме к И. Поливке, а были благополучно привезены им с собой в Софию и в Прагу и в переработанном виде вошли во все его основные сочинения. Разумеется, это — только рабочая гипотеза, требующая подтверждения материалами из личного архива Г. В. Флоровского.

Автографы публикуемых писем хранятся в фонде И. Поливки в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге[14], работникам которого хочу выразить свою искреннюю признательность за изготовление их копий и разрешение публикации в России. Все письма и открытки Флоровского — рукописные и были написаны по старой орфографии, исправленной в нашем издании на современную.

---

13 «Перехожу к более интимной теме, прошу о дальнейшем никому не говорить, особенно из русских. – – – Я думаю докторироваться в Сорбонне. И уже сговорился о теме. Это будет: Об Оригенизме Григория Нисского» (Ф. Либу, 9. I. 1933) (Янцен В. Ук. соч. С. 574).

14 Literární pozůstalost Jiřího Polívky, soupis č. 565, str. 2 // Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze.

1.

София.
1921. VII. 6.

Глубокоуважаемый профессор,

Обращаюсь к Вам по указанию проф. В. А. Погорелова[15] и д-ра Паты[16] — за советом и, если возможно, содействием.

Оставляя в начале прошлого — 1920 — года[17] Россию, я был поставлен в печальную необходимость бросить там все свои рукописные матерьялы, начатые работы и т. п. В числе их было одно исследование, которое мне очень бы хотелось восстановить и закончить. Уже давно я пришел к убеждению в необходимости пересмотра сложившихся представлений о ходе развития русской историософической мысли и<,> исподволь разбирая матерьял по этому вопросу<,> составил себе совершенно определенный план книги, посвященной этой теме. В некотором отношении она должна быть аналогична превосходной монографии Т. Масарика[18] — Rußland und Europa[19], но<,> охватывая более узкую область явлений, может захватить многое в более детальном виде. Приступив уже год назад — здесь, в Болгарии — к вторичной реализации своих планов, я нашел в здешних книгохранилищах вполне достаточный матерьял, т. ч. некоторые части работы уже удалось довести почти до конца. Общие заключения такой пред-

---

15 Валерий Александрович Погорелов (1872–1955) — русский славист, литературовед и лингвист, профессор русского языка и литературы Варшавского, Донского и Братиславского университетов. В 1920–1922 гг. жил в эмиграции в Болгарии, с 1923 г. — в Чехословакии.

16 Йозеф Пата (1986–1942) — чешский славист, специалист по болгарской литературе и письменности лужицких сербов.

17 По поводу даты отъезда Э. Блейн передает следующие слова о. Георгия: «Белые ушли в январе 20-го, тогда же покинули Одессу и мы» (Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия // Георгий Флоровский. Священнослужитель, богослов, философ. С. 27).

18 Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) — чешский философ и социолог, общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии и ее первый президент (1918–1935), инициатор «Русской акции» помощи чехословацкого правительства, оказавший личную поддержку многим деятелям русской, украинской и белорусской культуры. Автор трудов «Самоубийство как общественное массовое явление современной цивилизации» (1881), «Современный человек и религия» (1893), «Чешский вопрос» (1895), «Ян Гус» (1896), «Карел Гавличек» (1896), «Философские и социологические основы марксизма» (1898), «Россия и Европа. Исследование о духовных течениях в России» (1913), «О большевизме» (1921) и др.

19 «Россия и Европа» (нем.). Первое издание этой двухтомной работы вышло в 1913 г. на немецком языке в издательстве Дидерихса в Йене.

варительной разработки я изложил в публичной лекции, читанной в феврале этого года по приглашению проф. С. С. Бобчева[20] в Славянском Обществе в Софии и потом опубликованной — под заглавием «Вечное и преходящее в учении русских славянофилов» — в юбилейном сборнике, посвященном С. С. Бобчеву (Славянски Глас, 1921, 1–4 кн.)[21]. Я не имею пока, к сожалению, ее отдельных оттисков, и не могу послать Вам. — Приблизительно план всей работы можно формулировать таким образом:

Введение. Проблема философии истории в применении к славянской и русской истории в 30 и 40 годы, — и общая характеристика этой эпохи на Руси.

(Посвященные этому вопросу русские исследования игнорировали почти совершенно своеобразие психической атмосферы той эпохи. В настоящее время положительно необходимо сосчитаться с работами, посвященными современным тем движениям на немецкой почве, прежде всего с исследованиями Dilthey'я[22], дающими совершенно новые методологические правила. К тому же сейчас может быть использован и новый матерьял, опубликованный после выхода в свет таких работ, как книги Пыпина[23] и под.).

I. Ив. Киреевский.
II. Хомяков.
III. Юр. Самарин.
IV. Белинский.
V. Герцен.
VI. Гоголь.
VII. Ив. Аксаков.

Социологический патриотизм.
(a) народничество (прежде всего, Н. Михайловский).
(b) позднее славянофильство (Данилевский, Леонтьев и др.).

---

20 Стефан Савов Бобчев (1853–1940) — болгарский юрист и политический деятель, профессор права в Софийском университете.

21 Флоровский Г. В. Вечное и преходящее в учении русских славянофилов // Славянски глас. София, 1921. Т. 15. № 1–4. С. 59–77.

22 Вильгельм Дильтей (1833–1911) — немецкий философ, представитель философии жизни и философской герменевтики, разрабатывавший проблемы методологического своеобразия гуманитарных наук.

23 Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб, 1871, 1916. Он же. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб, 1913; Он же. Русское масонство. XVIII первая четверть XIX в. / Ред. и примеч. Г. В. Вернадского. Пг., 1916; Он же. Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916; Он же. Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917 и др.

Влад. Соловьев.

Кризис общественного идеала в России (Струве. Булгаков. Бердяев. Гершензон. /«Вехи» /. Новгородцев и др.).

В настоящее время для меня сделалось ясно, что закончить — для печати — всю работу в Софии невозможно, потому что целого ряда книг я вовсе не мог достать ни в официальных библиотеках, ни у частных лиц, а многим пришлось пользоваться в таком виде, который решительно не пригоден для ссылок (вместо книг — первоначальной редакцией в виде журнальных статей). Тем не менее, некоторые главы могут быть закончены и здесь, и в их числе глава о Герцене, — и поэтому передо мною выдвинулась задача предварительного издания всей работы по частям. Почти закончить я мог бы и главы I, II, III, посвященные ранним славянофилам.

Сейчас я хотел бы выяснить для себя принципиально — можно ли надеяться на содействие одного из существующих в Чехо-Словакии ученых обществ для издания работы в целом или по частям. Мне представляется, что тема моего исследования представляет некоторый интерес для них. В случае благоприятного ответа на этот принципиальный вопрос я мог бы в продолжение двух—трех ближайших недель переслать для ознакомления рукопись вполне обработанной для печати главы о Герцене — размером в 3–4 печатных листа, — появление которой в печати в настоящее время представлялось бы весьма своевременным, — я бы сказал современным, отвечающим интересам и потребностям более широким, чем строго-ученые. В течение этого же лета я рассчитываю закончить вполне и главу о Киреевском.

По условиям настоящего своего положения я лишен возможности передвижения — в те более крупные ученые центры, где я нашел бы более подходящую обстановку для ученой работы. Покинуть родину мне пришлось в самом начале своего ученого пути — спустя полгода по окончании магистерских экзаменов и вступления в число университетских преподавателей (я был приват-доцентом Новороссийского университета по кафедре философии). Здесь — в Болгарии — мне не удалось найти для себя никакого постоянного места, и я уже в течение года довольствуюсь частными уроками, корректорской работой и т. под. В настоящий момент я ожидаю утверждения в университете в Скопле, где, однако, вряд ли условия для работы будут очень удовлетворительны, т. к. университет этот только что возник и еще не обеспечен в смысле библиотечном. Тем острее для меня

вопрос опубликования своих мало-помалу подвигающихся работ, — которое в двояком смысле может помочь мне облегчить прохождение ученого пути.

Как бы ни было наивно и притязательно просить о содействии и помощи, будучи совершенно неизвестным начинающим работником, я позволяю себе обратиться к Вам в надежде на Ваше внимание и отзывчивость, — в которой, мы, русские молодые работники, теперь так нуждаемся.

Примите уверение в моем глубоком уважении и совершенной преданности

Георгий В. Флоровский

Адрес:

София, България,

ул. 11 августа, 4. Редакция журнала «Русская мысль» — для меня.

2.

София. 1921. VIII. 10.

Глубокоуважаемый коллега,

Приношу Вам глубокую благодарность за Ваш любезный и отзывчивый ответ на мою просьбу. Из Вашего письма я заключаю, что рассчитывать на возможность издания моей работы в целом трудно и что правильнее было бы пытаться публиковать ее по частям. Это было бы для меня тем удобнее, что могло бы ускорить печатание. В настоящее время я почти закончил отдел, посвященный Герцену, и мне кажется возможным издать его в виде отдельной монографии под заголовком «Историческая философия Герцена»[24]. По приблизительному расчету это будет книжечка листов в 7–8 печатных in 8°. Я не знаю, насколько такого рода работа может быть интересна для чешской читающей публики, — все же это довольно узкий вопрос. Тем не менее, если бы оказалось возможным опубликовать ее в ближайшее время по-чешски, я был бы очень доволен, хотя и продолжал бы искать издателя для русского подлинника, ибо желательно сделать ее достоянием и русской научной литературы, в которую она в пер-

[24] Отметим буквальное совпадение названия упоминаемой в письме «почти законченной» монографии о Герцене с названием магистерской диссертации Г. В. Флоровского, защищенной 3 июня 1923 г. на собрании Русской академической группы в Праге. В настоящее время текст диссертации считается утраченным (Колеров М. Утраченная диссертация Флоровского. Приложение: Г. В. Флоровский. Историческая философия Герцена. Заключение (1923). С. 245–257).

вую очередь вносит поправки и дополнения. Я не обращаюсь пока к проф. Дртине[25], считая это неудобным до тех пор, пока свою просьбу я смогу сопроводить текстом самой работы. Благодаря большим жарам, стоящим здесь сейчас, последний просмотр рукописи задерживается, но к концу месяца я позволю себе переслать ее Вам с покорнейшей просьбой не отказать взять на себя дальнейшую заботу о моей рукописи.

Одновременно Вам посылается экземпляр сборника статей о России — Исход к Востоку[26], — изданного здесь в Софии маленькой группой единомышленников, при участии моем и известного Вам князя Николая Сергеевича Трубецкого[27]. Не представляя собою научного исследования, этот сборник тем не менее отражает весьма сильно специальные ученые стремления каждого из участников. Обращен он преимущественно к нашим соотечественникам, но, кажется, может представить некоторый интерес и для более широких слоев, судя, с одной стороны, по тому, что аналогичные воззрения развиваются, например, в современной немецкой литературе (Spengler[28], Graf H. v. Kayserling[29], отчасти

---

25 Франтишек Дртина (1861–1925) — чешский философ, профессор философии и педагогики Карлова университета в Праге, соредактор философского журнала «Чешская мысль».

26 Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София, 1921. Речь идет о первом «манифесте» евразийцев — сборнике, состоявшем из десяти статей, три из которых были написаны Г. В. Флоровским: «Разрывы и связи» (с. 9–13), «Хитрость Разума» (с. 28–39), «О народах не-исторических (Страна отцов и страна детей)» (с. 52–70). К «группе единомышенников», помимо Флоровского и Трубецкого, принадлежали П. Н. Савицкий и П. П. Сувчинский.

27 Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) — русский лингвист, культуролог и этносоциолог, один из основателей евразийского движения и Пражского лингвистического кружка, основоположник фонологической школы в современном языкознании, сын философа С. Н. Трубецкого. Для сборника «Исход к Востоку» он написал две статьи: «Об истинном и ложном национализме» (с. 71–85) и «Верхи и низы русской культуры (этническая база русской культуры)» (с. 86–103). В начале 20-х гг. Н. С. Трубецкой состоял в переписке с И. Поливкой.

28 Освальд Шпенглер (1880–1936) — немецкий философ истории, футуролог, учитель гимназии в Гамбурге (1908–1911), свободный публицист (1911–1936), отказавшийся от кафедр философии в Штутгратском (1919) и Лейпцигском (1933) университетах, автор консервативных политических трудов и двухтомной историософской работы «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории» (Вена, 1918, Мюнхен, 1922), выступавший против европоцентристской точки зрения на мировую историю и рассматривавший русский народ как носителя многонациональной культуры будущего.

29 Граф Герман фон Кейзерлинг (1880–1946) — немецкий писатель и философ, исследователь восточных цивилизаций, принадлежал к одной из ветвей

проф. Troeltsch[30]), а с другой, потому, что «русская проблема» несомненно вырастает до пределов общемировых. Мы не рассчитываем на распространение наших взглядов, и хотели бы только привлечь внимание к вопросам культурно-философским, слишком затемненным в наши дни злобою современности.

Примите еще раз выражение моей глубокой признательности и уверение в совершенной преданности

Георгия В. Флоровского

3.

София. 1921. X. 3.

Глубокоуважаемый профессор,

Пользуясь поездкой в Прагу моего друга князя Н. С. Трубецкого, я посылаю Вам в машинном отпечатке рукопись части моего исследования по истории русской философской мысли, обработанную для издания в отдельной книге: «Историческая философия А. И. Герцена». В случае издания должно быть присоединено еще особое предисловие. Еще одну главу из той же книги я надеюсь закончить к концу будущего месяца — об И. Киреевском и предполагаю просить проф. Мурко[31] о помещении ее в качестве

древнего прибалтийского немецкого рода, был женат на внучке О. фон Бисмарка, сторонник культурно-политического объединения Европы, основатель «Школы мудрости» и «Общества свободной философии» (1919) в Дармштадте, совершивший в 1911–1912 гг. кругосветное путешествие, описанное в его двухтомном труде «Путевой дневник философа» (1919). Проблемы типологии культур обсуждаются им и в более поздних работах: «Европейский спектр» (1928), «Америка. Начало нового мира» (1930). Общался и переписывался с Н. А. Бердяевым и Л. И. Шестовым.

30 Эрнст Трёльч (1865–1923) — немецкий протестантский богослов, философ истории, социолог и историк религии, профессор систематического богословия в Бонне (1891–1894) и Гейдельберге (1894–1912), профессор философии и истории религии Берлинского университета (1915–1923), государственный секретарь Прусского министерства культуры (1919–1921), автор исторических и религиозно-философских трудов: «Абсолютность христианства и история религии» (1902), «Значение протестантизма для возникновения современного мира» (1906), «О религиозном положении, философии религии и этике» (1913), «Историзм и его проблемы» (1922), «Историзм и его преодоление» (1924) и др.

31 Матия Мурко (1861–1952) — чешский славист, историк литературы, этнолог, профессор южно-славянских языков и литератур Карлова университета в Праге (1920–1931), один из основателей и второй президент пражского Славянского института (1932–1941), основатель и соредактор журнала «Slavia» (1922–1939).

статьи в журнале «Славия»[32]. Как я уже писал Вам, оставаясь в Софии<,> я не могу приготовить к печати всего своего исследования в целом, — и, с другой стороны, мне кажется, что технически удобнее пробовать печатать его по частям, в расчете на улучшение условий издания. — Не могу судить, насколько была бы интересна для чешского общества моя книга о Герцене, которая, насколько мне представляется, с объективно-научной точки зрения представляет нечто новое. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы помогли своими указаниями князю Трубецкому в его хлопотах с моей рукописью: я имею в виду, прежде всего, издание на чешском языке.

Примите уверение в моей совершенной преданности,
искренне уважающий Вас
Георгий В. Флоровский

4.

19. XI. 1921. София.

Глубокоуважаемый профессор,

Посылаю Вам оттиск моей статьи о славянофилах[33], представляющей предвосхищающее резюме большой работы об этом вопросе. Позволяю себе напомнить еще раз о своей рукописи «Историческая философия Герцена», переданной Вам князем Н. С. Трубецким, и еще раз извиниться за доставленное Вам беспокойство просьбою помочь в деле напечатания этой работы.

Преданный Вам Г. Флоровский

София, 11 августа 4,
Ред. «Русской мысли».

5.

30. XI. 1921. София.

Глубокоуважаемый коллега,

Только что получил Ваше письмо и спешу выразить Вам свою самую искреннюю признательность за Ваше внимание и заботы о моей книге. Вам, вероятно, уже известно, что я избран на одну из вольных вакансий, столь любезно предоставленных Чехо-Словацким правительством в помощь русским ученым; пока еще я не имею разрешения чешского министерства иностранных дел на въезд в Прагу — я получил только официальное уведомление

[32] Статья Г. В. Флоровского об И. Киреевском в журнале «Slavia» не выходила.
[33] См. прим. 7.

об избрании от нашей русской комиссии, и то только вчера — и потому не знаю точно, когда мне удастся прибыть в Прагу. Рассчитываю во всяком случае, что это будет не позже, чем через месяц. Тогда я смогу выразить Вам свою признательность лично. — Мне очень приятно было узнать, что моя работа оказалась заслуживающей внимания, и я буду очень рад изданию ее на чешском языке. Заранее приношу благодарность и переводчику, и Dr. Slavik'у[34], принявшему на себя труд сделать дополнение к моей работе. Надеюсь познакомиться с ним лично по переезде моем в Прагу. Вероятно, надо будет сделать несколько дополнений в тексте; я рассчитываю, что в Праге мне удастся воспользоваться некоторыми изданиями, которых я не мог достать здесь, в Софии. По этой причине я был лишен возможности присоединить к своей книге заключение с указаниями на то влияние, которое имело мировоззрение Герцена на позднейшую философскую и общественно-историческую мысль в России; между тем, здесь представляется настолько любопытный эпизод, как необычайно близкая аналогия историософических воззрений Герцена и тех взглядов, которые развивал Достоевский, начиная с его «Зимних заметок о летних впечатлениях» — о Зап<адной> Европе, написанных в 1863 г. непосредственно после возвращения Достоевского из заграницы, где он виделся с Герценом[35]. По времени это свидание совпадает с написанием статей Герцена «Концы и начала», где его историософические взгляды нашли себе полное выражение[36].

---

34 Ян Славик (1885–1978) — чешский историк, советолог, публицист, директор Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге, репрессированный в 1948 г.

35 Отсутствие «заключения» в рукописи монографии Г. В. Флоровского о Герцене свидетельствует о том, что при передаче ее И. Поливке работа над ней еще не была завершена и что в Прагу попала просто готовая глава из задуманной Флоровским еще в Одессе большой работы по истории русской историософской мысли. Заключение же было написано между 1922 и 1923 гг. Оно является той единственной частью, которая в двух различных версиях (заключение магистерской диссертации и заключение книги «Духовный путь Герцена») сохранилась до наших дней (Колеров М. Ук. соч. С. 249–257, а также: Флоровский Г. В. Тупики романтизма (Заключительная глава из книги «Духовный путь Герцена») (1929) / Публ. и примеч. В. Янцена // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2004–2005 [7]. Под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М., 2007. С. 490–524).

36 Восемь писем, объединенных общим названием «Концы и начала» и посвященных критике западно-европейской цивилизации, находящейся на нисходящей стадии своего развития («концы»), и поиску альтернатив этому развитию в России и в Америке («начала»), вышли отдельными выпусками в «Колоколе»

Мне кажется, что такого рода «заключение» к книге о Герцене могло бы представить интерес.

Из Вашего письма я не мог понять, кто собственно принял на себя издание моей книги, и очень бы просил сообщить мне это теперь же, чтобы я знал<,> кому я обязан лестным отношением к моей работе.

Одновременно я посылаю на Ваше имя два экземпляра оттисков своей статьи о славянофилах с просьбою передать их Dr. Slavik'у и г. As. Krb'у[37].

Примите еще раз мою глубокую благодарность.

Искренне преданный Вам

Г. Флоровский

6.

11/VII 1922. IV Keplerova ulica,
Hotel "Savoy", № 17.

Глубокоуважаемый Юрий Иванович,

Разрешите просить Вас назначить мне время, когда бы я мог быть у Вас и лично побеспокоить Вас двумя просьбами.

Первая из них касается книг — если не ошибаюсь, у Вас имеется Венгеровское издание Сочинений Белинского; из библ<иотеки> Clementinum'а[38] оно взято уже давно г. Микшем, и мои старания достать его были безуспешны. Поэтому я позволяю себе просить Вас предоставить мне на 10-дневный срок 1 и 4 том Вашего экземпляра.

Вторая просьба касается моей книги о Герцене, которую я передал Вам в рукописи еще в прошлом году для перевода. Мне хотелось бы точно знать, как обстоит дело с переводом. Дело в том, что в несколько переработанном виде я представил мою работу о Герцене в качестве магистерской диссертации в нашу Учебную Коллегию и осенью на предстоящем Русском Академическом съезде предполагается ее защита[39]. Ввиду того, что до сих пор мне не удалось устроить ее напечатание, мне разрешено представить диссертацию в рукописи — в гектограмме. Это очень ограничивает

с июня 1862 г. по январь 1863 г., а затем дополненные общим предисловием — отдельным изданием в русской типографии в Берне в 1863 г.

37 Господин Крб — переводчик, которому был поручен перевод книги Г. В. Флоровского о Герцене на чешский язык.

38 Clementinum — комплекс зданий бывшего иезуитского коллегиума в центре Праги, в которых размещена Чешская национальная библиотека.

39 См.: Колеров М. Ук. соч.

число экземпляров — их будет не более 20. С этой точки зрения меня очень интересует судьба чешского издания этой книги.

Простите, что я обращаюсь к Вам письменно. Я дважды был у Вас лично, но неудачно.

Примите уверения в моей совершенной преданности.

Георгий В. Флоровский

7.

Radošovice u Řičan, číslo 128, u pani Strnadové.
1924. XII. 31 (1925. I. 13).

Глубокоуважаемый Юрий Иванович,

Примите мой сердечный новогодний привет. И разрешите присоединить к нему покорнейшую просьбу. На днях из авторитетного источника я узнал, что Чешская Академия Наук предполагает издание русских монографий, и получил совет обратиться к Вам по этому поводу и просить Вашего содействия и помощи для напечатания Вам хорошо известной моей книги о Герцене. Я не имею точных сведений, почему Чешско-Русская Еднота[40] отказалась от мысли об издании чешского перевода моей книги, но догадываюсь, что по причинам финансовым. Русское издание задержано тою же причиной. Еще в марте 1922 года моя книга была принята издательством «Слово»[41] на основании заключения профессора С. И. Гессена[42], который, вероятно, не откажется это подтвердить.

---

40 Чешско-Русское Единство — просветительская организация, созданная в Праге 28 апреля 1919 г. с целью сближения чехов и русских путем взаимного ознакомления с достижениями чешской и русской культуры. Многолетним председателем этой организации был И. Поливка.

41 Берлинское русское издательство, основанное в 1920 г. И. В. Гессеном и А. И. Каминкой.

42 Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) — философ, публицист, ученик В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Э. Ласка и Г. Еллинека, автор диссертации «Об индивидуальной причинности» (1910), литературных эссе о творчестве Достоевского и многочисленных трудов по педагогике, социально-правовым темам и этике, участник Гейдельбергского философского немецко-русского содружества, объединявшего молодых философов-неокантианцев (Н. Бубнов, Ф. Степун, Г. Мелис, Р. Кронер), в 1909 г. опубликовавших свой программный сборник «О Мессии», а в 1910 г. основавших международный журнал по философии культуры «Логос». С 1921 г. — в эмиграции, сначала в Германии, где был сотрудником Русского научного института в Берлине, затем в Чехословакии, где в Русском высшем педагогическом институте в Праге занимал кафедру педагогики, был активным участником Русского философского общества и соредактором журнала «Русская школа за рубежом».

По моей неаккуратности был упущен благоприятный момент, а падение курса марки[43] вызвало затем сжимание издат<ельской> деятельности русских фирм. Вы легко представите себе всю моральную важность для меня напечатания моей книги и, надеюсь, не откажете мне в содействии. На случай я считаю нужным сообщить Вам, что профессора Н. О. Лосский[44] и А. А. Кизеветтер[45] (как специалист по истории русского общественного движения) согласны, если бы то потребовалось<,> засвидетельствовать достоинство моей книги. Авторская скромность заставляет меня не настаивать на том, что по научной совести я должен признать сделанные мне возражения и упреки не вполне основательными и преувеличенными полемически[46]. Во всяком случае для напечатания я представлю рукопись в исправленном и отчасти дополненном виде, нисколько не изменяя общего характера своей работы. Русский текст моей книги находится у г. Тесковой[47]. Считаю нужным прибавить, что г. Krb, которому Ч<ешско->Р<усской> Еднотой был в свое время поручен перевод моей книги, дважды обращался ко мне с просьбою разрешить ему на свой риск искать чешского издателя, соглашаясь вместе с тем внести в перевод дополнения и поправки. Я задерживаю ответ, т. к. не думаю, чтобы он имел в виду что-либо определенное<,> и к тому же я его лично не знаю. Все время праздников я был нездоров и потому был лишен возможности побывать у Вас и лично просить Вашего совета и указаний. Помня Ваше всегдашнее внимание ко мне и неизменное благожелательство, я надеюсь, что и сейчас Вы не откажетесь пойти мне на встречу и<,> насколько это зависит от Вас<,> помочь мне.

Примите уверение в моем совершенном почтении и преданности

глубоко Вас уважающий
Георгий В. Флоровский

---

43 Фактическая ошибка: к сворачиванию русской издательской деятельности в Германии привело не падение курса марки, а его стабилизация.

44 Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) — философ, был выслан в 1922 г. из Советской России, профессор философии Русского юридического факультета в Праге, затем в Братиславском университете.

45 Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) — русский историк, был выслан в 1922 г. из Советской России, с 1923 г. жил и работал в Праге, профессор русской истории Пражского университета.

46 Аллюзия на замечания, сделанные Г. В. Флоровскому на магистерском диспуте 3 июня 1923 г.

47 Анна Антоновна Тескова (1872–1954) — чешская писательница и переводчица, сотрудница организации «Чешско-русское единство».

8. открытка

G. Florovsky
9 rue du Parc, Mendon (S. B.) S. P.

p. prof. J. Polivka
Halkova 49 Vinohrady
Prague Tchecoslovaquie

9/12.<25>[48]

Дорогой Юрий Иванович, шлю Вам сердечный привет из Парижа. С удовольствием и пользою я провел здесь два с половиной месяца и на днях собираюсь назад в Прагу. Конечно, я не поспел и в малой доле использовать здешних библиотечных возможностей и с нетерпением хотел бы поскорее снова приехать сюда. Не знаю, удастся ли это, можно ли будет получить на это разрешение из Мин<истерства> Иностр<анных> Дел. По приезде расскажу Вам о своих впечатлениях. Примите еще раз мой сердечный привет.

Искренне уважающий и преданный
Г. Флоровский

[48] Датировка года — по штемпелю почтовой открытки.

О. Г. КАЗАК

«ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ЧЕШСКОГО ЯРМА»: КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЕНГРИИ В ЗАКАРПАТЬЕ В 1939–1944 ГГ.

Закарпатский регион и его восточнославянское население имеет сложную и неоднозначную как политическую, так и этнокультурную историю. Особенно богатым на различные формы поиска собственной идентичности у карпатских русинов стал XX век. Если в рамках Чехословакии, в составе которой регион находился в межвоенный период, русины имели достаточно широкую свободу в сфере культуры и национальной деятельности (при определенных преференциях Праги в отношении украинофилов в 1920-е гг.), то во время вхождения Закарпатья в состав Венгрии в 1939–1944 гг. положение представителей трех основных направлений (украинофильского, русофильского и прорусинского) изменилось. Новые власти решили использовать спорный вопрос национальной самоидентификации коренного славянского населения региона в собственных интересах. Венгерская администрация надеялась найти опору в среде местной интеллигенции, которая отождествляла себя с русинами.

Таким образом, ставка Венгрии была сделана на третье по влиянию в межвоенный период идеологическое направление — прорусинское. Особенностью ситуации в Закарпатье был тот факт, что значительная часть интеллигенции, считавшая себя русинами, оставаясь верными идеям А. Духновича и А. Добрянского, пыталась компенсировать малость собственного народа идеями «всеславянства» и русофильства. В условиях растущего влияния СССР в Европе такие настроения венгерским властям

виделись опасными. Эти опасения усилились после присоединения Западной Украины к СССР в сентябре 1939 г. и появления общей границы между СССР и Венгрией. Во многом по этой причине Будапешт так и не решился предоставить Закарпатью автономию, несмотря на многочисленные проекты отдельных политических деятелей края (А. Бродия, С. Фенцика и др.). Официальной идеологией, которая поддерживалась властью, стала идеология угро-русинизма: признавалось существование угрорусинского народа, тесно связанного с Венгрией и обязанного ей всем лучшим, что у него было. Так, активный пропагандист данной идеи И. Контратович утверждал, что русины представляют собой отдельную народность, близкую к западным славянам и венграм.[1] Контратович говорил о русинах как о вернейших братьях венгров, которые, однако, не отказались от своих традиций. Вхождение региона в состав Венгрии Контратович считал величайшим событием, благодаря которому «венгерская святостефанская идея объединится с русинским народным чувством»[2]. Этот же автор в заметке о действиях русских войск в Карпатах во время Первой мировой войны говорит об их жестокости по отношению к русинам, которых в одном из сёл «изрубили на куски».[3] В том же ключе высказывался и другой идеолог угрорусинизма Г. Стрипский: «Мы — русины-западники. Мы связаны с западом географическим положением и историей, хозяйством и церковью, связаны политикой и языком». Подчеркивалось, что «русско-татарская» культура восточной Москвы из-за огромного расстояния от региона не может оказывать никакого влияния на ситуацию в Закарпатье.[4]

Подверглись нападкам и представители украинофильского направления. Так, со страниц закарпатской прессы звучали крайне негативные оценки деятельности проукраински настроенного автономного кабинета А. Волошина (октябрь 1938 — март 1939 г.). Отмечалось, что «герои» украинского возрождения разложились, как гнилое дерево в лесу», что местное население никогда не считало себя украинцами.[5] Публикации подобного рода не были единичны. Так, в статье от 16 июля 1939 короткий период

---

1 Контратович И. Свято-стефанска думка и gens fidellisima // Русинськый дайджест 1939–1944. Т. 2. Нїредьгаза, 2008. С. 60.

2 Там же. С. 65–66.

3 Контратович И. Кровава Пасха в Карпатах // Нова неделя. 9 апреля 1939. С. 2.

4 Стрипський Г. Заблуделым сынамъ Подкарпаття // Литературна неделя. 23 новембра 1941. С. 14–22.

5 Коротке мозаики // Нова неделя. 26 марта 1939. С. 2.

существования Карпатской Украины сравнивается с «монгольским рабством на Руси». Отмечалось, что «русины с венграми — лучшие друзья», а «Украина с Волошиным отрезаны от тела русинского народа раз и навсегда». Анонимный автор публикации утверждал, что «Волошин и брехня — это одно и то же».[6] Таким образом, первоочередной задачей последователей теории угро-русинизма была компрометация других, традиционно более сильных идеологических направлений в регионе.

Сразу же после присоединения региона к Венгрии в местной прессе стали появляться материалы, в которых анализировалось положение Закарпатья в составе Чехословакии с позиций новых реалий. Уже 15 марта в «Новой неделе» появилась заметка, в которой отмечалось, что «венгры за сотни лет не сделали таких руин, как чехи за двадцать лет». Власти Чехословакии обвинялись в искусственном создании языковых и религиозных споров в регионе, межвоенный период для Закарпатья характеризовался как «чешская оккупация».[7] Спустя несколько недель в этом же издании появилась еще одна подобная статья. В ней отмечалось, что приверженцы возрождения чехословацкой государственности, видя, что «русинский народ вновь объединился в один лагерь, продолжают вести свою лживую пропаганду».[8] Установление венгерской власти в регионе подавалось официальной пропагандой как освобождение от чешского ярма, как уникальный шанс для развития русинского потенциала в едином братском государстве.

Венгерская пропаганда попыталась создать новый пантеон «национальных героев» Закарпатья. Особую популярность приобрели Ференц II Ракоци и его мать Илона Зрини — венгерские магнаты, участники антигабсбургских выступлений конца XVII — начала XVIII в. В публицистике многократно обыгрывался тот факт, что Ракоци в своих воспоминаниях называл русинских крестьян, участвовавших в выступлениях, «gens fidellisima» («наивернейшим племенем»). Примером для подражания был объявлен, естественно, и М. Хорти.[9] Появились материалы по истории венгерского восстания 1848 г. («Кошутова

---

6 Украинце плачуть... // Нова неделя. 16 юлія 1939. С. 2.

7 Ортутай Т. Воробець каже сове, что мае велику голову... // Нова неделя. 15 марта 1939. С. 4.

8 Ческе газеты безстыдно брешуть против наших интересов // Нова неделя. 9 апріля 1939. С. 8.

9 Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge (Mass.), 1978. P. 114.

война»). Русины, участвовавшие в тех событиях, были названы героями.[10]

Идея русинско-венгерского братства пропагандировалась практически на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни региона. Так, со страниц местной прессы часто звучали призывы русинам приезжать на заработки во внутренние районы Венгрии, где их «добрые братья поделятся последним куском хлеба».[11] На деле все выглядело не так: доходы большинства русинских сезонных работников едва покрывали расходы на дорогу, многие вернулись домой ни с чем.[12] Для пропаганды «вековой дружбы» двух народов проводились встречи местной интеллигенции с представителями венгерской администрации (особую активность в подобных мероприятиях проявил регентский комиссар М. Козма), акции братских сел и городов и т. д. Даже игра местной футбольной команды СК «Русь» в чемпионате Венгрии позиционировалась прессой как очередная иллюстрация единства русинов и венгров.[13] Показательным для этого процесса является смена названия газеты А. Ильницкого, одного из руководителей ведущей духовной силы края Мукачевской греко-католической епархии, параллельно назначенного на должность главного советника регентского комиссара в конце 1939 года: «Нова Неделя. Еженедельна, политична, литературна, безпартійна газета для подк. Русинов», которая выходила с 1 января 1939 года, с 5 ноября того же года (с назначением А. Ильницкого на должность советника) выходила уже под названием «Карпатска Неделя. Орган мадярско-руського братерства».[14]

Важным событием в культурной и общественной жизни Закарпатья было открытие 26 января 1941 г. Подкарпатского Общества Наук (далее — ПОН). М. Козма на торжественном открытии этого учреждения заявил: «Народ Подкарпатья свою самосто-

---

10 Контратовичъ И. За веру и отечество // Нова неделя. 2 юлія 1939. С. 3.

11 Еган Е. Русины! Проиходеть жати на Мадярску Ровнину! // Нова неделя. 5 февруара 1939. С. 2.

12 Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 336.

13 Регент. Комиссар Н. Козма межи середнянскими господарями // Русиньскый дайджест 1939–1944. Т. 3. Ніредьгаза, 2010. С. 163; Роздвяне дарунки братских сел // Русиньскый дайджест 1939–1944. Т. 3. С. 167–168; Меланчин вечер Спортового Клуба Русь // Русиньскый дайджест 1939–1944. Т. 3. С. 168–169.

14 Капраль М. Пудкарпатське общество наук. Публикації: 1941–1944. Ужгород, 2002. С. 14.

ятельную, независимую и народную культуру хочет строить в рамках венгерского государства, в рамках венгеро-русинского слияния». Регентский комиссар особо подчеркнул, что русинский народ своими силами, без помощи венгерского правительства не смог бы создать подобной организации. При этом Козма ясно очертил границы деятельности ПОН: «Организация должна служить народному самоопределению, особого рода культуре и языку, без посторонних политических или культурных целей».[15] Таким образом, ПОН являлось инструментом для пропаганды идеи русинско-венгерского братства на научной основе и действовало в русле официального идеологического курса венгерской власти.

С организационной точки зрения ПОН состояло из трех секций: научной, этнографической и секции русинского языка и литературы. Председателем общества был избран отставной профессор Будапештского университета русинского происхождения А. Годинка, его заместителем И. Контратович, в 1942 г. председателем общества стал А. Ильиницкий. Наряду с последователями идеи угро-русинизма (Г. Стрипский, Е. Бокшай, И. Муравий) в деятельности ПОН приняли участие и представители других культурно-идеологических направлений, которые в своих работах не переходили запретных границ лояльности венгерскому режиму. Среди них следует отметить украинофила А. Маркуша, русофила П. Сову и др.[16] ПОН издавало периодические издания «Зоря-Hajnal», «Руська молодежь», «Литературна Неделя». Помимо периодических и внесерийных изданий (3 книги) ПОН за короткий период успело издать преимущественно на русинском языке в составе книжных серий: «Литературно-Наукова Бібліотека» — 42; «Народна Бібліотека» — 32; «Деточа Бібліотека» — 12; «Школьне Учебники» — 3 отдельных издания[17]. Таким образом, одной из целей ПОН было распространение выработанных научных идей в адаптированном виде в народной среде (прежде всего, среди подрастающего поколения).

ПОН, в отличие от культурных организаций Закарпатья в межвоенный период (украинофильская «Просвита», русофильское «Общество им. А. Духновича»), было организацией академического толка и насчитывало всего 35 человек. Венгер-

---

15 Протоколъ написаный въ Унгваре 26-го януара 1941 года на закладаючомъ собраніи Подкарпатского Общества Наукъ // Зоря-Hajnal. 1941. Число 1–2. С. 181–182.

16 Magocsi P. R. Op. cit. P. 163.

17 Капраль М. Пудкарпатське общество наук. Публикації: 1941–1944. С. 16–22.

ская администрация уделяла внимание и созданию массовых организаций. Среди них следует отметить «Культурное общество им. И. Куртяка», «Ассоциацию для защиты венгерской расы», «Союз подкарпатских русинов в Будапеште», «Карпатское культурное общество им. Ф. Ракоци».[18] Уже по названию некоторых организаций видно, что ставка в их работе делалась на более тесное сближение русинов с венграми вплоть до последующей ассимиляции.

Одним из важнейших элементов политики угро-русинизма ее идеологи считали правильное, с их точки зрения, решение языкового вопроса. В государственном законе 6200/1939 было записано однозначно: «На подкарпатской территории государственными официальными языками являются венгерский и угро-русский». В новых государственных реалиях, естественно, венгерский язык использовался практически во всех сферах жизни, новое дыхание получила местная венгерская пресса. В этот период в крае выходило более десяти периодических изданий на венгерском языке. Особенности языковой политики в Закарпатье четко прослеживаются в характере издания газеты «Карпатская неделя»: по инициативе Ильиницкого она выходила на русинском и на венгерском языках, а населению рекомендовалось меняться прочитанными экземплярами для лучшего понимания обоих государственных языков.[19]

С самого начала восстановления венгерского господства в Закарпатье стал обсуждаться вопрос кодификации русинского литературного языка. Сложность этого процесса во многом заключалась в убеждении местной элиты в том, что литературный язык не может быть приближен к живому языку окрестных сел. Подобное отношения к разговорной речи одного из законодателей местных языковых предпочтений М. Лучкая, который в своей грамматике 1830 г. прямо об этом заявляет, оказалось актуальным во многом до середины XX века. На первом этапе (1939–1940) особую роль в проведении в жизнь языковой политики венгерского государства в Закарпатье сыграл греко-католический священник Ю. Марина, который руководил отделом образования и культа в администрации края. В 1940 г. Марина издал грамматику, в которой нашли место некоторые местные языковые элементы. Не-

18 Magocsi P. R. Op. cit. P. 163.

19 Капраль М. Нова неделя // Ювілейний збірник на честь 70-річчя від дня народження професора Петра Лизанця. Ужгород, 2000. С. 236.

смотря на это, русинский литературный язык не сильно удалился от великорусского языка, используемого в крае.[20]

Часть интеллигенции региона придерживалась иных взглядов. Так, в первом номере периодического издания ПОН «Литературна неделя» отмечалось, что «необходимо развивать народный материнский язык до степени литературного».[21] Аналогичный материал содержал и первый номер издания «Руська Молодежь». Со страниц журнала звучал призыв всем школьникам и молодым учителям края присылать в редакцию народные песни, пословицы, поговорки и т. п. Эти материалы планировалось использовать для дальнейшей выработки литературного русинского языка.[22] Самым ревностным приверженцем трансформации народного языка в литературный был Г. Стрипский. Он просил помощи в составлении словаря народных говоров, обещая денежное вознаграждение жителям региона, если те пришлют в редакцию ранее неизвестные слова и выражения. Местную лексику Стрипский считал основой литературного языка.[23] Именно на эту часть интеллигенции сделала ставку венгерская администрация в лице М. Козма, который в сентябре 1940 г. стал регентским комиссаром в Закарпатье.

С целью создания литературного русинского языка в 1941 г. при активной поддержке венгерской администрации была издана грамматика И. Гарайды, в предисловии к которой отмечалось: «Русинский народ теперь присоединится к своему родному милому языку и к своим преданиям и теперь, как столько раз в прошлом, душевно сольется с венгерским братским народом, который представляет западную цивилизацию, но одновременно и языки своих славянских братьев будет ценить и почитать»[24]. Гарайда подчеркивал сложность создания грамматики в регионе, где население еще не выработало представления о своей национальной принадлежности. Цель своей работы ученый видел в создании понятного для простого народа литературного языка. Особо подчеркивалось, что данный труд является компромиссом

---

20 Там же. С. 192.

21 Литературна неделя. Отъ редакціе // Капраль М. Пудкарпатське общество наук. Публикації: 1941–1944. С. 157.

22 Отъ редакціе до родичовъ, учителевъ и читачовъ // Руська Молодежь. 1941. Число 1. С. 1.

23 Стрипский Г. Кто бы мене помагав в помноженню словаря // Карпатска неделя. 16 февруара 1941. С. 4.

24 Гарайда И. О. Грамматика руського языка. Выданя Подкарпатского Общества Наукъ. Унгваръ, 1941. С. 4.

между многими противоречащими друг другу представлениями о народном языке, который требует развития и усовершенствования в дальнейшем[25].

Однако Гарайде и другим кодификаторам литературного языка не удалось порвать со сложившимися традициями. Отдавая приоритет локальным ценностям, они в то же время использовали не характерные народным говорам книжные формы. Ситуация осложнялась нехваткой редакторских кадров, смутным представлением многих публицистов об особенностях закарпатских диалектов, сложной языковой ситуацией в регионе на протяжении нескольких столетий. Известный историк и филолог А. Годинка имел свой взгляд относительно решения языкового вопроса в регионе. Его тексты, написанные на языке, приближенном к народному, помечались специальной сноской («На желаня автора сообщаеме оригинальною правописею»).[26] Однако подобные случаи были скорее исключением из правил.

Языковая политика властей стала объектом активной критики представителей русофильского направления, которые не пользовались официальной поддержкой венгерской администрации, но сохранили традиционно сильное влияние на местное население. Показательной в этом плане видится деятельность Г. Геровского. В 1939 г. Геровский, находясь в Ужгороде, опубликовал грамматику русского языка, которую предложил в качестве учебника для народных школ в Закарпатье. Его грамматика не была принята венгерскими властями. В ответ Геровский выступил с острой критикой работ Ю. Марины и И. Гарайды.[27] Программной работой всего русофильского направления можно считать обширную рецензию Геровского на историю русинской литературы В. Бирчака, написанную в 1943 г. Геровский считал, что все древнейшие письменные памятники Закарпатья были написаны на церковнославянском языке с элементами формальных особенностей языка края, а с XVIII в. началась его постепенная замена на угро-русскую разновидность русского литературного языка, более отвечающего духу времени. Влияние западноевропейских тенденций автор считал несвойственным для процесса эволюции литературного языка

---

25 Там же. С. 6–8.

26 Годинка А. Малый Проданчук, сельскый сыротюк // Нова неделя. 23 юлія 1939. С. 2–3.

27 Капраль М., Поп И. Геровский Георгий Юлиянович // Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 134.

в Закарпатье.[28] Таким образом, приближение русинского языка к нормам русского литературного языка Геровский считал закономерным и исторически обоснованным. Русофильские издания в крае печатались на русском языке с сохранением графики и орфографии до реформы 1917–1918 гг. Наряду с этим своеобразными маркерами «местной» редакции русского языка были определенные стилистические особенности, вызванные влиянием местной полифоничной языковой среды, и использование изданиями (впрочем, не всегда последовательно) архаичных инфинитивных глагольных форм на -ти (воевати, верити, умети и т. д.) и союза якъ, на месте общелитературной формы какъ.[29]

Русофильские издания, выходившие в Закарпатье, были представлены газетами А. Бродия «Русская правда» (с 1940 г. — «Русское слово») и изданием праворадикального политика С. Фенцика «Карпаторусский голос». Данные издания имели трудности с финансированием и не пользовались поддержкой официального Будапешта. Несмотря на то, что Бродий и Фенцик приветствовали присоединение Закарпатья к Венгрии, краевая администрация с подозрением смотрела на периодику русофильского направления. Так, главному советнику регентского комиссара А. Ильницкому, например, название «Русская правда» напоминало московскую «Правду». Дабы не дразнить лишний раз цензуру, А. Бродий меняет название газеты, поскольку, как он писал в последнем номере издания 5 ноября 1939 г., «само название газеты «Русская правда» как дома, так и за границей с самого начала дало повод к такому подозрению, будто эта газета являлась провинциальным изданием московской «Правды».[30]

Значительная часть русофильского направления не скрывала своих надежд на помощь СССР, особенно после коренного перелома в ходе Второй мировой войны. Особую известность получили стихи студента философского факультета Будапештского университета Д. Вакарова, замученного в марте 1945 г. в концлагере Нацвайлер: «Я верю, скоро день настанет, исчез-

---

[28] Геровскій Г. Исторія угро-русской литературы въ изображеніи Володимира Бирчака. Ужгород, 1943. С. 7, 21, 26, 56.

[29] Капраль М. Русский язык в Подкарпатье (1938–1944) // Studia Russica XX. Budapest, 2003. P. 179.

[30] Капраль М. Русскоязычная периодика Венгрии: газеты Андрея Бродия (1938–1944) // Studia Russica XIX. Budapest, 2001. P. 64.

нут рубежи, и между братьями не станет на севере межи».[31] Все произведения Вакарова были проникнуты ожиданием освобождения с Востока. Интересно, что через месяц после ареста Вакарова (в апреле 1944 г.) его стихотворение «Так трудно...» было напечатано в газете «Русское Слово».[32] Данный факт объясняется скорее не либеральностью, а слабостью местной цензуры. Тематика других работ Вакарова аналогична — восхваление «героя-пролетария», предвидение падения «прогнившего и старого мира».[33] Важно отметить, что имя Вакарова стало активно звучать в коммунистической пропаганде только со второй половины 1950-х гг., что наводит некоторых исследователей на мысль о приписывании его авторству работ, к которым молодой поэт не имел никакого отношения.[34] Как бы то ни было, но Вакаров со своими мыслями о братской славянской помощи с Востока не был одинок. В творчестве А. Карабелеша, который большинство военных лет также провел в различных концлагерях, довольно необычным образом переплетаются традиционные прорусские настроения и ориентация на СССР, возрастающая пропорционально успехам Красной Армии на фронте. Иллюстрируют данную тенденцию, например, следующие строки из стихотворения Карабелеша: «...И навсегда могучей волей рока Советская нас приголубит Русь»[35].

Группа молодых русофилов сформировала свои литературные школы в Ужгороде, Мукачево, гимназиях Хуста, издала шесть литературных альманахов. Среди наиболее успешных писателей-русофилов следует отметить И. Курча (псевдоним Таня Верховинка), Г. Гойда (псевдоним Карпатский), В. Сошка (псевдоним Борщавин), К. Голоса (псевдоним Красин, Вершан), М. Шпитсера (псевдоним Вершинский, Беспризорный)[36]. Авторы, произведение которых выходили на страницах официальных изданий в военное время, не могли явно указывать свою приверженность идеям воссоединения с СССР. Поэтому в своих работах они ча-

---

31 Вакаров Д. Сентябрь 1939 года // На Верховині: Збірник творів письменників дорадянського Закарпаття. Ужгород, 1984. С. 483.

32 Капраль М. Русскоязычная периодика Венгрии: газеты Андрея Бродия (1938–1944). P. 66.

33 Вакаров Д. Песня // На Верховині: Збірник творів письменників дорадянського Закарпаття. С. 493.

34 Поп И., Поп Д. Вакаров Дмитрий // Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 108.

35 Карабелеш А. Встал богатырь // На Верховині: Збірник творів письменників дорадянського Закарпаття. С. 460.

36 Magocsi P. R. Op. cit. P. 154.

ще использовали символические образы (Солнце, Звезда, Свет, День, Север, Восток).[37]

Некоторые представители русофильского направления пытались пропагандировать свои традиционные идеи, не давая при этом венгерской администрации повода усомниться в их поддержке режиму. Так, в 1941 г. в Ужгороде были изданы избранные произведения А. Духновича с пространным предисловием, написанным с традиционных русофильских позиций. Единственным признаком венгерской оккупации было отсутствие в данном предисловии какой-либо критики в адрес национальной политики венгерских властей, а также утверждение о том, что толчком для национальной деятельности Духновича было «возрождающееся национальное самосознание у венгров».[38]

Самым талантливым русскоязычным поэтом в Закарпатье многие исследователи считают Э. Балецкого. Этот человек более известен как филолог-славист, а его поэтическая деятельность во время венгерского господства незаслуженно осталась без должного внимания. В 1939 г. двадцатилетний Э. Балецкий поступил на философский факультет Будапештского университета, где учился до 1943 г. Его ранние работы проникнуты ясно очерченными великорусскими идеями, что видно, например, в следующих строках: «О, Пушкин, Пушкин — твой язык Русь возвеличит в громкой славе».[39] Посещая Мукачево (там Балецкий учился в русской гимназии), молодой поэт с сожалением отмечает, что «меркнет старый русский язык».[40] Балецкий в своих стихах прямо не указывал, в составе какого государства он желает в будущем видеть Закарпатье. Однако из стихотворения «Эй, земляк!», написанного в апреле 1940 г., отчетливо видно, что поэт не был обрадован восстановлением венгерского господства в крае: «Плачет Родина, вздыхает, только брови хмурит. Эй, земляк родной, не слышишь? Будет гром и буря».[41]

Начиная с 1939 г. Э. Балецкий активно сотрудничал с изданиями А. Бродия — «Русской Правдой» и «Русским Словом». Литера-

---

37 Ibidem.

38 Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX вв. М., 2011. С. 364.

39 Балецкий Э. Стихи о любви // Эмиль Балецкий. Литературное наследие. Nyíregyháza, 2007. С. 25.

40 Балецкий Э. Мукачево // Эмиль Балецкий. Литературное наследие. С. 40–41.

41 Балецкий Э. Эй, землякъ! // Эмиль Балецкий. Литературное наследие. С. 38.

турной страницей газеты ведал И. Г. Керча — выпускник Карлова университета, знакомый Балецкого еще по Мукачевской гимназии. В номере от 22 декабря 1939 г. было опубликовано стихотворение И. Г. Керчи «Наша доля (Ответъ Э. Балецкому)» с эпиграфом из С. Есенина: «Если вскрикнет рать святая: “Кинь ты Русь, живи въ раю!” Я скажу: “Не надо рая, дайте Родину мою!”»,[42] которое хорошо отражает дух тогдашней поэзии, стремление молодых русинов подражать творчеству русских поэтов серебряного века. За короткий период в «Русской Правде» были опубликованы многочисленные поэтические произведения Э. Балецкого, по большей части написанные им ранее. Проявились и организаторские способности Балецкого: в 1940 г. его избирают заместителем председателя «Союза Угро-русских писателей», с 1941 он редактировал литературную страницу газеты «Карпаторусский голос». Интересно, что субботнюю литературную страницу ужгородской газеты ее сотрудник редактировал в Будапеште.[43]

Программной работой, отражавшей гражданское становление молодого интеллигента Балецкого, является статья «Flat, ubi vult..» от 8 ноября 1941 г. В ней автор сетует на низкое качество местной литературы, отсутствие должной критики, графоманство. Балецкий замечает, что писатели и поэты плохо знают жизнь народа, не хотят изучать русинский язык, часто даже стыдятся его. Вместо этого автор советует многому поучиться у народа.[44] Данная статья отражает две основные тенденции в творчестве Балецкого. Во-первых, он постепенно отходит от литературы и переключается на научную деятельность. Во-вторых, Балецкий все более тяготеет к лагерю русинофилов. Будапештский студент откликнулся на призывы о сотрудничестве в периодических изданиях новой общественной институции края И. Гарайды и вскоре опубликовал на страницах издания «Литературная Неделя» народную песню «Ишли Турки зъ Татарами».[45] Две фундаментальные языковедческие статьи Э. Балецкий опубликовал на страницах ужгородского научного журнала «Зоря-Hajnal»: «Языкъ грамматики Е. Сабова зъ 1890-го року» и «Ů» въ чинадевскомъ

---

42 Капраль М. Неизвестный Эмиль Балецкий. По материалам подкарпатской периодики 1939–1943 гг. // Вестник филиала Института русского языка им. А. С. Пушкина. Будапешт, 2001. № 15. С. 31.

43 Там же. С. 32–33.

44 Балецкий Э. Flat, ubi vult... // Эмиль Балецкий. Литературное наследие. С. 145–146.

45 Ишли Турки зъ Татарами // Литературна Неделя. 1941. С. 108.

говоре». Реже на русинском языке начинающий будапештский славист публикует в те годы художественные произведения.[46]

Деятельность Э. Балецкого как русинского поэта не всегда находила отклик среди более опытных приверженцев теории угро-русинизма. Так, Балецкий сделал попытку перевести на русинский язык «Воззвание» М. Верешматри — произведение популярного в Венгрии поэта XIX в., которое исполнялось на официальных государственных мероприятиях. Однако заявленный Балецким русинский перевод практически не отличался от норм русского литературного языка.[47] На этот факт обратил внимание Г. Стрипский, резко раскритиковавший данную работу. Балецкий обвинялся в том, что «он думал не про русинов, а про москалев, писал не по-русински, а по-великорусски».[48] Молодого поэта и ученого Стрипский называл русофилом и сравнивал с «червяком внутри сыра».[49] Г. Стрипский предложил свою версию перевода «Воззвания», которая и стала исполняться впоследствии в ходе государственных мероприятий.

Таким образом, русофильское направление, не пользуясь поддержкой государства, смогло сохранить свои позиции в крае. Несмотря на многие сложности и неоднозначные трактовки, великорусские идеи в среде местной интеллигенции традиционно оставались довольно прочными и влиятельными.

Позиции украинофильского направления с приходом венгров были наиболее ослаблены. Многие представители интеллигенции, проявившие активность в период работы автономного кабинета А. Волошина, вынуждены были покинуть край (в основном уезжали в Прагу и Братиславу). Например, богослов, поэт и публицист с проукраинскими идеями С. Сабол (псевдонимы Зореслав, Юрий Боржава) был арестован венгерскими властями и выслан в Словакию, где возглавил провинциальный филиал ордена василиан.[50] Редактор «Новой свободы» В. Гренджа-Донской после нескольких месяцев нахождения в концлагере выехал в Братиславу, где

---

46 Капраль М. Неизвестный Эмиль Балецкий. По материалам подкарпатской периодики 1939–1943 гг. С. 35.

47 Балецкий Э. Перевод «Воззвания» М. Верешматри // Эмиль Балецкий. Литературное наследие. С. 111–113.

48 Письмо Гиадора Стрипского профессору права Иштвану Чекеи о переводе «Призыва» Верешмарти Балецким // Удварі І. Зберька жерел про студії русинського писемства. Гіадор Стрипський: бібліограф, язикознатель, товмач. Nyíregyháza, 2007. С. 191.

49 Там же. С. 194.

50 Поп И. Сабол Севастиан // Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 336.

жил до смерти.[51] Жизнь и творчество поэта стали примером довольно распространенного среди украинофильской интеллигенции явления: многие деятели, ранее отстаивавшие идеи создания «Великой соборной Украины», в новых геополитических реалиях стали видеть единственный путь в объединении с «братской Советской Украиной». Такая тактика имела определенный успех. Гренджа-Донской, в 1920-х гг. участвовавший в деятельности коммунистических организаций в крае, в 1950-х гг. был провозглашен властями ведущим украинским писателем ЧССР[52]. Его деятельность в 1930-х гг. официальной публицистикой советского Закарпатья объяснялась следующим образом: «поэт запутался в сложной языковой ситуации в крае».[53]

Украинофилы — проповедники идеи «соборной Украины», естественно, не имели никакой возможности открыто высказывать свои мысли. Некоторые из них, поддерживая связь с партией Бандеры, издавали газету «Чин», которую размножали вручную, и ввезли в страну большое количество украинской националистической литературы, которую давали читать своим сторонникам. Подобные настроения были довольно распространены в крае и вызывали опасение венгерских силовых структур.[54]

Некоторые украинофилы все же смогли в непростое для себя время выразить свои мысли на страницах закарпатской прессы. Яркий пример тому — поэт-сатирик М. Бараболя. Так, в одном из своих произведений Бараболя высмеивает представителей русофильского и русинофильского направлений, литературный русинский язык сравнивает с «марсианским», а сам закарпатский регион называет «Тутешняцкой губернией».[55] Единственным языком, который может понять все населения края, Бараболя называет украинский.[56] Несмотря на такие смелые заявления, сатирик смог опубликовать многие свои произведения в изданиях «Руська молодежь» и «Литературна неделя». Но данный пример был скорее исключением из правил. Судьба молодого сатирика трагична: он был мобилизован в венгерскую армию, в конце вой-

---

51 Поп И. Гренджа-Донский Василь // Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 146.

52 Там же.

53 На Верховині: Збірник творів письменників дорадянського Закарпаття. С. 27.

54 Пушкаш А. И. Указ. соч. С. 358–359.

55 Бараболя М. Продукція язиков // На Верховині: Збірник творів письменників дорадянського Закарпаття. С. 473–478.

56 Там же. С. 475.

ны попал в советский плен и умер в пересыльном лагере в Краснодаре.[57]

Значительная часть украинофильской интеллигенции высказала свою лояльность очередному режиму в Закарпатье и через сотрудничество с ПОН и другими структурами объективно содействовала развитию и обогащению духовной культуры края. Обращает на себя внимание творчество наиболее плодовитого и, наверное, одного из самых талантливых местных авторов научно-популярных текстов Ф. Потушняка. В своей исследовательской работе, посвященной развитию философской мысли в Закарпатье, Потушняк отмечает: «Философия имеет важное значение для народа и его духовного развития. Духовная жизнь народа без надлежащего обоснования — со стороны философии, социологии, психологии является неясной, темной и невыразительной».[58] Таким образом, в доступном для широкого круга читателей виде Потушняк освещал малоисследованные проблемы культурной жизни Закарпатья. В изучаемый период ученый публиковал переводы, этнографические материалы, философские эссе, исторические очерки. Кроме того, в изданиях ПОН Потушняк под псевдонимом «Ф. Пасечник» публиковал свои сборники поэзии.[59] Следует отметить, что талантливый ученый был ограничен в свободе действий. По подозрению в несогласии с венгерским режимом он не был допущен к работе в школе[60]. В феврале 1944 г. в «Неделе» появилась сатирическая заметка «Литературный конгресс». Наиболее раскритикован в ней был именно Потушняк.[61] Травля ученого продолжалась и в советский период, став причиной его преждевременной смерти.

Важно отметить, что довольно часто представители одного из идеологических лагерей переходили в другой, ранее им враждебный. Так, ярый приверженец идеи угро-русинизма Г. Стрипский в 1939–1944 гг. остро критиковал русофилов и украинофилов. Между тем на рубеже веков Стрипский жил в Львове, где проникся украинскими идеями. В 1920-х гг. ученый уже открыто выступал с великорусскими речами.[62] Относительно национальных

---

57 Поп И. Бараболя Марко // Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 84.

58 Потушняк Ф. Я і безкінечність. Нариси історії філософії Закарпаття. Ужгород, 2003. С. 3.

59 Поп И. Потушняк Федор // Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 313.

60 Там же.

61 Нижнянский В. Литературный конгресъ // Русинськый дайджест 1939–1944. Т. 2. С. 218.

62 Удварі І. Зберька жерел про студії русинського писемства. Гіадор Стрипський: бібліограф, языкознатель, товмач. С. 9, 12.

убеждений еще одного идеолога угро-русинизма А. Ильиницкого в период 1920–1930-х гг. очень трудно сделать какие-либо конкретные выводы, поскольку он мог одновременно издавать журнал «Душпастырь» языком, приближенным к русскому литературному, и состоять в рядах Христианско-народной партии Подкарпатской Руси (1924–1932 гг.), которую исследователи называют партией украинофильского направления. Скорее всего, Ильиницкий руководствовался желанием поскорее сделать духовную карьеру: в 1924–1932 гг. Ильиницкий был членом ХНП — партии, созданной с благословения Мукачевского епископа П. Гебея; в 1931 г. П. Гебей умер, а его место вскоре занял А. Стойка, сторонник оппозиционного Автономного земледельского союза, именно тогда А. Ильницкий и вступил в ряды данной организации. Ильиницкий возглавил то крыло партии, которое придерживалось русинофильских, а не великорусских взглядов.[63] Как видим, на протяжении всей карьеры общественно-политические деятели края могли находиться в поиске национальной и идеологической ориентации, наиболее приемлемой для себя в тех или иных условиях.

Несмотря на довольно либеральные для военного времени условия, было бы ошибочно называть период венгерского господства наиболее благоприятным для культурного развития края, как это делают, например, И. Поп и М. Капраль. Пример тому — школьная политика венгерских властей. В апреле 1943 г. специалист по национальным меньшинствам А. Бониш и судья Е. Бернолак поехали с проверкой в Закарпатье. Выяснилось, что многие школы там существовали только на бумаге, занятие в них так и не начались. Родители многих учащихся жаловались на недостаток родного языка в процессе обучения. По приезде в Будапешт комиссия составила план школьной политики на ближайшие годы, согласно которому число венгерских школ росло, а русинских — резко сокращалось. Даже в таких крупных городах, как Ужгород и Мукачево, было решено оставить всего по одной начальной школе с русинским языком преподавания.[64] Именно в школьном вопросе отчетливо проявились контуры ассимиляторской политики венгерских властей по отношению к населению Закарпатья. Все заявления администрации о необходимости изучать русинский литературный язык даже венграм, дабы лучше узнать братский себе народ, на деле почти не реализовывались.

---

63 Куцов К. Александр Ильиницкий (1889–1947) и теория угро-русинизма // Русин. 2007. № 3. С. 170–171.

64 Пушкаш А. И. Указ. соч. С. 394–395.

Таким образом, период венгерского господства в Закарпатье (1939–1944 гг.) стал очередной попыткой новых властей в выгодном для себя направлении идеологически обработать местное население, находившееся в процессе поиска национальной идентичности. Ставка Венгрии была сделана на представителей русинофильского направления, которые декларировали развитие народной русинской культуры под покровительством и при поддержке единой венгерской нации. Радикально настроенная русофильская и украинофильская интеллигенция подвергалась арестам или вынуждена была покинуть Закарпатье, в лучшем случае терпела нападки и осмеяние в прессе. Те представители этих идеологических направлений, которые демонстрировали лояльность новой власти, были ограничены в действиях, не пользовались официальной поддержкой государства. Тем не менее русофилы смогли сохранить довольно существенное влияние в культурной жизни края, издавали несколько газет. Попытка создания литературного русинского языка не оправдала себя до конца. Местные кодификаторы часто туманно представляли себе языковую ситуацию в крае. Неумелые попытки ввести в литературный язык элементы местных говоров вызвали критику со стороны представителей всех идеологических направлений, внесли еще большую неразбериху в языковую ситуацию в Закарпатье. Оценка данного периода как наиболее приемлемого для развития культуры в крае является поверхностной. Венгрия явно планировала в будущем ассимилировать местное население. Этот факт прослеживается в школьной политике в крае, когда русинский язык практически полностью был вытеснен из процесса обучения, а также в деятельности радикальных провенгерских молодежных организаций. Такие действия властей далеко не всегда находили одобрение среди местного населения. Сообщения различных венгерских силовых ведомств свидетельствуют, что теория угрорусинизма не пользовалась поддержкой молодежи, многие поддерживали ее лишь ради собственной выгоды. Период 1939–1944 гг. оказал влияние на последующие события в Закарпатье, в том числе и на нынешнюю ситуацию в регионе, где в последние годы наблюдается рост русинского самосознания.

А. Д. ГРОНСКИЙ

МЕТОДЫ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИИ

После появления на осколках Советского Союза ряда независимых государств началась активная работа местных идеологов по созданию исторического обоснования полученного суверенитета. Однако первые проявления использования исторических событий в качестве оправдания «национального возрождения» проявились ещё в позднем Советском Союзе. Не обошли эти процессы стороной и Белоруссию.

С середины 80-х гг. XX в. в белорусском обществе начались социокультурные трансформации, связанные с изменением курса советского правительства. В союзных республиках, в том числе и БССР, усилилась критика и отрицание старых догм, базировавшихся на советской интернациональной идеологии. В то же время на освободившееся место начали претендовать новые догмы. Если в соседних республиках новые лозунги оказались более-менее востребованными, то в Белорусской ССР руководство отнеслось к ним достаточно настороженно. Наиболее сильной группировкой, аккумулировавшей новые требования, стал Белорусский народный фронт, являвшийся символом оппозиции советской системе. Его сторонники, борясь с советской идеологией, предложили собственный набор идей, которые, по их мнению, должны были быть более органичными для белорусов. Поскольку идеи нужно было создавать сразу, то далеко не все из них оказались качественными.

Новые идеи не имели укоренённости в общественном сознании, поэтому их адепты должны были каким-то образом легитимировать

и даже сакрализировать новый набор ценностей в ментальности населения. Критика советских взглядов разрушила старое идеологическое основание существования нации, а новое так и не было разработано. Попытки быстрого решения этой проблемы привели к появлению различных эрзацев, часть из которых была сконструирована в постперестроечный период, а часть реанимирована из белорусского прошлого, точнее — из начала XX в.

Для легитимации новых условий, особенно после получения независимости, встал вопрос конструирования (объявленный «возрождением») «своего» исторического прошлого. Простейшим способом это сделать оказалось создать матрицу исторического прошлого, которая могла бы накладываться на любой период жизни нации, этноса, государства и т. д., и тем самым подчеркивать «правильные» ситуации и затемнять ситуации, не очень удобные с точки зрения создателей матрицы. В целом, создавался своеобразный интеллектуальный протез, который поддерживает и цементирует общество в периоды кризисов[1].

Новая власть поддерживала новые условия. Любой режим, приходя к власти, создает свою «национальную историю», наиболее «точно», но вместе с тем и наиболее субъективно освещающую период развития государства или жизни народа. Естественно, что «своя» история логически приводит к выводу, что именно данный режим является «настоящим», легитимным не только с точки зрения большинства, т. е. современности, но и по логике всего предыдущего развития. Таким образом, режим освящается всем предыдущим существованием государства или нации.

Однако в период общего структурного кризиса новые элиты не могли справиться с ситуацией общего ухудшения. Для оправдания собственной значимости пришлось искать объяснение ухудшающейся обстановки. Самым простым способом сплотить нацию оказался поиск внешнего врага, виновного во всех бедах. На роль врага в конце XX в. не могли подойти прежние потенциальные противники, т. к. они в тот момент являлись образцами такого положения, к которому необходимо было стремиться. Именно поэтому на роль врага стал претендовать бывший имперский центр — Москва, а точнее Россия. Представление России в образе врага дало возможность сплотить нацию элитам некоторых бывших союзных республик. Однако в мировоззрении белорусского населения Россия до последнего времени не представлялась врагом, как бы эту точку зрения ни навязывали ра-

[1] Олейников Д. Своё и чужое прошлое // Родина. М., 1999. № 10. С. 8.

дикалы. Образ врага происходит от комплекса неполноценности, носитель которого стремится к самооправданию и ищет раздражитель, т. е. виновника приобретения комплекса неполноценности, на стороне. Комплекс неполноценности, комплекс жертвы и последующий поиск врага в близких соседях — это удел проигравших. Например, на Украине радикалы сумели подвести некую логическую базу под представление России в качестве образа врага. Украинские политики вычленили несколько волн голода, прошедшего по югу довоенного СССР, и объявили голод попыткой геноцида, инспирированного из Кремля. Физические жертвы голода явились подтверждением геноцида. Армяне же ненависти к России не питают, они оказались победителями в Карабахском конфликте, и у них не сформировался комплекс жертвы, поэтому они не искали врага[2].

Белорусы в СССР не подвергались физическому уничтожению по этническому признаку, пропаганда утверждала, что репрессии проводились по отношению к враждебным социальным слоям, а не конкретно белорусам, «голодомор» прошел мимо белорусского населения, поэтому для сплочения нации нужно было или выискивать мелкие факты, раздувая их до всебелорусских масштабов, или по-другому интерпретировать события, выставляя их в свете этноцида. Первая попытка увидеть русско-белорусский конфликт в седой старине была изобретена в начале XX в. В. Ю. Ластовским, который рассматривал борьбу древнерусских князей как национальный конфликт[3]. В начале XXI в. И. Сурвилло (президент Белорусской народной Республики в изгнании) также утверждала, что полочане уже в X в. боролись за свою независимость как сформированный белорусский этнос[4].

Однако большинство населения не воспринимало ни Полоцкое княжество, ни Великое княжество Литовское как свою непосредственную историю. Белорусские интеллектуалы конца XX — начала XXI в., зазывая население в «свою» историю в виде Полоцкой земли и Великого княжества Литовского, сначала не смогли вмонтировать новую историческую память в сознание современников. Неудача с конструированием прошлого показала белорусским интеллектуалам их неспособность «говорить» с народом, вести пропаганду своих идей на доступном каждому

---

2 Клятва Геродота // Родина. М., 1999. № 6. С. 8.

3 Ластоўскі В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі. Мн., 1992. 126 с.

4 З чаго, на Вашую думку, пачалася (пачынаецца) нацыянальная гісторыя Беларусі й чым яна скончыцца? // ARCHE. 2003. № 2 (25). С. 8.

языке. Сначала интеллектуалы не восприняли эту неудачу как свою ошибку, они обвинили народ в том, что у того отсутствует национальное самосознание.

Таким образом, романтические представления белорусской интеллигенции об идеальном белорусском народе, который она поведет в светлое белорусское будущее, потерпела крах. Для налаживания диалога нужна была кропотливая работа с населением и снижение планки требований к обывателю. Обыватель попросту отвернулся от интеллектуалов, которые, после неудачной попытки объявить себя лидерами нации, обвинили народ в отсутствии национального самосознания. Белорусские лидеры не постарались понять ментальную ситуацию большинства населения, а стали искать, т. е. конструировать «идеальный» белорусский народ, пытаясь найти его в компиляции из «разнообразных остатков былого радужной Белоруссии»[5], как пишет белорусский философ В. Акудович. Т. е. возникла ситуация начала XX в., когда белорусская интеллигенция, выступая за светлое будущее белорусских крестьян, осталась не замечена ими и оказалась совершенно неконкурентоспособна по отношению к своим оппонентам. В результате часть интеллектуальной элиты закрылась в собственном мифологическом мире, созданном белорусским возрождением, и, по меткому замечанию В. Акудовича, стала «вечными детьми»[6]. Несмотря на то, что некоторые белорусские интеллектуалы считают, что без них белорусский народ, «как бараны рассеянные»[7], но, тем не менее, никто из них не смог стать вождем умов белорусского обывателя.

Однако представления среднестатистического белоруса о своём прошлом сегодня уже не те, которые были ещё десять лет назад, и уж совсем не те, которые бытовали двадцать лет назад. Люди в массе стали воспринимать как истину ту концепцию истории, которая ранее воспринималась как нечто искусственное. Это произошло по причине того, что постоянный информационный фон о том, какая концепция истории верна, сначала раздражал, а потом к нему все привыкли и стали воспринимать как должное. Многократное повторение одного и того же в конце концов приводит к укоренению этих повторений в сознании как неких априорных истин, которые не комментируются, поскольку воспринимаются

---

5 Акудовіч В. Разбурыць Парыж. Мінск., 2004. С. 75.

6 Там же. С. 15.

7 «Народ бяз нас, як бараны расьсеяныя». Гутарка з Алесем Пушкіным // ARCHE. 2005. № 1 (35). С. 207.

чуть ли не сакрально. Также национализм в той или иной форме транслировался через белорусскую систему образования, которая, как и образование в других странах, не только даёт знания, но и порождает определённые идеологические стереотипы.

Поскольку термин «национализм» в белорусском общественном сознании имеет негативную нагрузку, его обычно стараются не использовать, заменяя термином «патриотизм», который имеет положительные коннотации. Тем самым все идеи, которые нельзя было распространять по причине того, что они являлись национализмом, начали транслироваться с объяснением, что это не национализм, а патриотизм. Кроме того, для придания значимости укореняющимся догмам белорусские историки и публицисты, занимающиеся исторической эссеистикой, стали использовать ряд методик, которые помогают закреплять в сознании большинства нужный ход мыслей и нужные представления об историческом процессе. Эти методы имеют некую наукообразность и даже научность, поэтому легко мимикрируют под объективные и используются даже профессиональными историками для подтверждения некоторых догм, выдвинутых белорусским национализмом. Мы постараемся проанализировать часть из подобных методов и попытаемся дать им названия, соответствующие смыслу методов.

Белорусоморфизм

Белорусоморфизм — наделение нормативными белорусскими чертами лиц, не связанных напрямую с участием в белорусском национальном проекте. Вследствие чего данные лица воспринимаются как белорусы или действующие с точки зрения пользы для белорусов. Также белорусоморфизмом является наделение нормативными белорусскими чертами государственных и иных территориальных образований, не являющихся собственно белорусскими в полном смысле слова, но которые можно благодаря определённому набору аксиом проинтерпретировать как белорусские (например, «Великое Княжество Литовское — это средневековое Белорусское государство») и для определения политических событий (например, «белорусы силой успокоили бунт в Жмуди и Аукшайтии»). Таким образом конструируется некая белорусская реальность, которая со страниц учебников и научной литературы попадает к конечному потребителю внешне научного, но идеологического по сути продукта, создавая представление о белорусской субъектности в истории.

Можно сказать, что помимо белорусоморфизма существует украиноморфизм и другие попытки прочих молодых и не очень молодых наций наделить прошлые эпохи нормативными чертами своих современных общностей

Приведу несколько примеров белорусоморфизма. Так, А. Котлярчук, пытаясь придать Белоруссии статус субъекта политических отношений уже в XVIII в., везде, где приводит цитаты того времени, в которых упоминается Русь — старинный регион Великого Княжества Литовского, после слова «Русь» в скобках пишет «Белоруссия»[8]. Профессор А. Ф. Смоленчук при упоминании одного из регионов Российской империи — Северо-Западного края — постоянно перед официальным названием ставит словосочетание «так называемый», предпочитая называть его Белорусско-Литовский край. Он соглашается, что этот термин является модернизацией истории, но заявляет, что официальное название несёт в себе идеологическое наполнение, а также «отказывает Белоруссии в праве на самостоятельный исторический путь и не признаёт белорусов субъектом собственной истории»[9]. Таким образом, создавать субъектность можно просто переименовывая официальные названия в такие, по которым эта субъектность будет прослеживаться. По сути, тут мы сталкиваемся не только с изобретением субъектности, но и с её навязыванием. Российская имперская администрация меньше всего хотела ущемить права белорусов на самостоятельное существование, хотя бы только потому, что, когда вводилось название «Северо-Западный край», общность под названием «белорусский народ» не была актуальна в принципе. Нельзя было угнетать тех, кого не считаешь реальностью, но белорусские историки любое действие российской администрации пытаются расшифровать с точки зрения борьбы «варварской империи» с «европейско ориентированными» белорусами.

Кроме того, в любом учебнике политологии, выпущенном в Белоруссии, можно встретить анализ текстов древнерусских религиозных деятелей Кирилла Туровского и Ефросиньи Полоцкой именно как белорусских политических мыслителей. Ефросинья Полоцкая уже успела быть назначенной первым белорусским востоковедом, поскольку она в конце своей жизни посетила Святую Землю. Если именно по этому принципу определять людей

---

8 Котлярчук А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў. Мінск, 2002. С. 98, 99.

9 Смалянчук А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Поьскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864-люты 1917 г. СПб., 2004. С. 8.

как востоковедов, тогда в них (в востоковеды) нужно записать всех, кто путешествует в современную Турцию или Израиль. Ведь люди ходят там на экскурсии, фотографируют, а по приезде домой, естественно, рассказывают своим знакомым и показывают фотографии своих путешествий.

Интересен также тот факт, что первыми белорусскими туристами были, оказывается, полоцкие дружинники периода ранней киевской Руси. Они ходили в походы на Константинополь, что даёт право записывать их в первые белорусские путешественники. Об этом можно прочесть в параграфе «Возникновение туристского движения в Беларуси» из учебника по истории туризма. Там так и написано: «отряды кривичей в составе дружин киевских князей ходили на Царьград»[10]. Теперь становится понятным, почему наши соотечественники ведут себя на турецких курортах подобным образом, ведь туристические маршруты в тот регион прокладывали дружинники. А современные туристы, получается, на генном уровне чувствуют зов предков.

Также показателен пример выездной лекции для молодёжи одного из белорусских учёных по средневековой белорусской истории. В частности, исследователь утверждал, что все европейские средневековые монархи были белорусами. Логика объяснений была следующей. Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, была белоруской. Все подозрения, что Рогволод был варягом, лектором просто отметались по принципу того, что это русификаторские выдумки тех, кто хочет лишить гордых белорусов их подлинной истории. Так вот, Рогнеду (под именем Гориславы) насильно взял в жёны князь Владимир, который позже стал великим князем киевским. Поскольку, как утверждал лектор, у древних белорусов родство велось по материнской линии, то дети Владимира и Рогнеды были белорусами. В том числе и Ярослав Мудрый. Итак, белорус Ярослав Мудрый стал великим князем киевским. Он выдал своих дочерей замуж за европейских монархов. Одну за венгерского короля, другую — за шведского, а третью — за французского. Таким образом, жёнами европейских королей стали белоруски, а их дети — будущие монархи — тоже являлись белорусами, т. к. они были рождены от белорусских матерей. Лектора даже не смутило то, что Ярослав Мудрый был «белорусом» по женской линии, но его жена была шведской принцессой. Следовательно, их дети, по логике белорусского учёного, должны были быть шведами. Но почему-то они стали белорусами. После

[10] Шаповал Г. Ф. История туризма. 3-е изд., доп. Минск, 2004. С. 198.

лекции я спросил у него об этом, но он так и не смог логически объяснить, почему так произошло.

Белорусоморфизм появился не сегодня. Его зачатки следует искать ещё в конце XIX в., когда первые белорусские националисты объявляли белорусами всех исторических персонажей, которые могли сыграть на пользу становлению национализма.

Квазисамоидентификация

Для доказательств того, что белорусы являлись субъектом этнических и прочих отношений в далёком прошлом, современные представления о них переносятся на прошедшие эпохи. В результате возникает эффект квазисамоидентификации. Квазисамоидентификация — наделение своих предков чертами и самосознанием нынешней общности. Причём предки, жившие до появления данной общности, определяли себя по абсолютно другим критериям. В белорусском варианте этот механизм выглядит следующим образом: современные исследователи-белорусы, говоря о населении Полоцкой земли, Великого Княжества Литовского или Северо-Западного края Российской империи, утверждают, что это население было белорусами. Логика проста: мы белорусы, поэтому наши предки тоже белорусы. Когда белорусы определяют сами себя, это и есть самоидентификация, но поскольку «белорусы» прошлого имели совершенно другие представления о самоидентичности, то приходится признать, что современные определения их как белорусов имеют достаточно большую долю условности, т. е. предки и потомки отнюдь не одно и то же.

Именно из-за большой доли условности можно сказать, что современное определение попросту конструирует представления о самоидентификации населения, жившего на конкретной территории некоторое время назад, т. е. происходит квазисамоидентификация. Таким образом, самоидентификация — это аутентичное представление о себе, а квазисамоидентификация — это допущение того, что наше представление о чьих-то аутентичных представлениях может совпадать с этими аутентичными представлениями, т. е. мы определяем другого за него, иногда, если нам это выгодно, даже не интересуясь, как же он себя сам определяет. Квазисамоидентификация напрямую связана с белорусоморфизмом. При белорусоморфизме людей прошлого назначают белорусами, но понимают, что у них была другая, не современная ментальность, другие стереотипы, другие представления, а ква-

зисамоидентификация переносит современные представления о белорусах в прошлое как нечто постоянное и вечное.

Квазисамоидентификация очень хорошо подходит для конструирования образа вечного врага. Если, с точки зрения квазисамоидентификации, предки белорусов имели такую же ментальность, как и современные белорусы, жили в окружении тех же соседей, что и сейчас, и имели с соседями примерно такие же отношения, что и сегодня, получается, что нынешние враги белорусов становятся врагами и в прошлом. Это очень хорошо можно было проследить в период российско-белорусских «газовых войн». Отказ России предоставить белорусской стороне дешёвые энергоносители вызвали шквал антироссийской риторики, в которой иногда утверждалось, что это вечная проблема в белорусско-российских отношениях, а Россия перманентно является империей, стремящейся колонизировать гордую и независимую Белоруссию.

Квазисамоидентификация резко примитивизирует понимание исторических процессов, перенося современные ментальности и смыслы в прошлые времена, иногда даже в те эпохи, когда существовал единый русский народ.

Также к квазисамоидентификации можно отнести и определение государств прошлого через современные названия. Например, студенты часто говорят, что в 1922 г. в состав СССР вошла не Советская Социалистическая Республика Белоруссия, а Республика Беларусь. Т. е. они переносят современное название, а вслед за ним и современные политико-идеологические и прочие стереотипы на 20-е гг. XX в. Более того, мне приходилось слышать из уст белорусских исследователей, что в состав Речи Посполитой вошли Польское королевство и Республика Беларусь. Напомню, что Республика Беларусь появилась лишь в сентябре 1991 г. Примером определяемой через название современного государства квазисамоидентификации может служить название одной из белорусских брошюр «Вооружённые силы Республики Беларусь (от Октября 1917 года до наших дней)»[11]. Таким образом, получается, что Вооружённые силы Республики Беларусь существовали ещё за 74 года до появления собственно Республики Беларусь. В предисловии к данной книге представление о современном названии отнесено ещё в более глубокую древность. В частности, там указывается, что военная история Республики

[11] Долготович Б. Д., Козел Д. А. Вооружённые силы Республики Беларусь (от Октября 1917 года до наших дней): учебно-методическое пособие / Предисловие А. И. Чапли. Минск, 2008. 120 с.

Беларусь «начинается не в Октябре 1917 г., а значительно раньше», о чём свидетельствуют «многочисленные факты благородных поступков наших видных земляков на полях сражений за честь, свободу и независимость своей Родины»[12].

Родина в данном случае соотносится с понятием Республика Беларусь, поскольку иной трактовки в предисловии нет. Более того, в дополнение к «благородным поступкам на полях сражений за честь, свободу и независимость своей Родины» «наши земляки» участвовали в сражениях «дореволюционной России, Польши, США, Греции...»[13]. В качестве образного примера можете себе представить ситуацию, при которой в СССР сказали бы, что военная история Советского Союза начинается в глубокой древности, что взятие Константинополя князем Олегом являлось операцией советских военачальников или что советский князь Александр Невский разбил немецко-фашистских псов-рыцарей на льду Чудского озера. Вряд ли такая постановка проблемы была возможна в СССР, но в современной Белоруссии утверждения о защите нынешнего белорусского суверенитета в средние века вообще ни у кого не вызывают вопросов. Более того, указание на нелогичность таких заявлений иногда вызывают обвинения со стороны белорусских «патриотов» в отсутствии патриотизма и даже обвинения в предательстве интересов белорусского государства (что пришлось несколько раз мне испытать лично).

Вообще, перенесение современных названий государств на прошлые эпохи иногда делается для упрощения понимания того, о какой территории идёт речь. Так, учебники по отечественной истории в Советском Союзе назывались «История СССР». В них рассказывалось о событиях с древнейших времён, когда СССР ещё не было в проекте, но никто из историков не позволял себе говорить о советском царе Иване Грозном, советских помещиках, советских крепостных крестьянах и т. д. В современной же белорусской историографии такие аналогии, естественно, с не советским, а с белорусским антуражем, встречаются сплошь и рядом.

Крипторевизионизм

Крипторевизионизм — это скрытый, неявный пересмотр исторических событий, при котором у стороннего наблюдате-

[12] Там же. С. 3.

[13] Там же.

ля складывается впечатление, что пересмотра не происходит. На самом же деле заинтересованные лица смещают акценты таким образом, что большинство продолжает рассматривать данное смещение как продолжение традиции, а не как отход от неё.

Смещение акцентов для крипторевизионистов не опасно потому, что его сторонники не стремятся пересмотреть историю как таковую, они желают придать «своему» народу больший вес в исторических событиях. Особенно ярко крипторевизионизм проникает в те исторические события, гордость за которые разделяют народы, проживающие сразу в нескольких государствах. Для стран, расположенных на территории бывшего СССР, таким событием стала Великая Отечественная война. Упоминая о совместной борьбе с нацизмом, некоторые белорусские эксперты постепенно начинают утверждать, что история войны представлена не очень объективно, что затушёвывается роль белорусского народа в Победе. В настоящее время в Белоруссии на всех уровнях развита система крипторевизионистских взглядов. Крипторевизионизм постепенно проникает всюду, подчёркивая основную роль белорусов в победе над Германией и умалчивая обо всех остальных.

Крипторевизионизм уже как минимум несколько лет присутствует в телевизионных трансляциях. Так, монумент Победы в Минске был назван символом мужества только белорусского народа. Интересным является репортаж белорусского журналиста, который в июне 2011 г. рассказывал о защитниках Брестской крепости. «Тогда стояли насмерть. Чтобы сейчас можно было стоять под свой гимн — символ Независимости»[14], — сказал белорусский журналист, как будто в Брестской крепости сражались и умирали только представители белорусского народа. Вообще, в крепости основная масса солдат была родом из Центральной России, Кавказа и Средней Азии, т. е. Брестская крепость — это символ мужества советского народа, как бы сейчас ни критиковали само это понятие. Если это понятие по каким-то причинам не подходит для проговаривания в эфире, то логично было бы вспомнить про подвиг представителей России, Армении, Азербайджана, Казахстана, Киргизии и других советских республик, существующих сейчас как независимые государства. Но тогда было бы нелогичным говорить, что русские, армяне, казахи и другие умирали

[14] Сегодня — День всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны (22.06.2010) // Белтелерадиокомпания. Официальный сайт (http://www.tvr.by/rus/society.asp?id=31176)

тогда, чтобы сейчас белорусы стояли под символ своей независимости. Ведь в 1941 г. советские солдаты защищали единую страну, а не отдельные суверенные государства. Кстати, за отдельные суверенные государства, в том числе и Белоруссию, ратовали коллаборанты, т. е. те, кто сотрудничал с оккупантами.

Интересен крипторевизионизм в устах профессиональных белорусских историков. Они, похоже, не задумываясь, делают утверждения, которые искажают объективную реальность и представления слушателей. Лично мне пришлось слышать на одной из научных конференций, произошедшей в июне 2011 г., объяснение фразы Гитлера о том, что немцы при вторжении в Советский Союз открыли дверь, не зная, кто за ней. Белорусский историк однозначно заявил, что «за дверью был советский белорусский народ». А других народов будто бы и не было. Далее крипторевизионизм в докладе проявился утверждением того, что «целями нацистов являлись расщепление и оккупация белорусских земель». Т. е. профессиональный историк спокойно заявлял о том, что войну с СССР Гитлер начал только потому, что ему хотелось уничтожить белорусов. Больше никаких мотивов в деятельности Гитлера исследователь не нашёл. Из текстов научных работ и учебников такие утверждения постепенно перетекают в головы обычных граждан.

Так, школьные сочинения о Великой Отечественной войне, написанные белорусскими школьниками, лишь подтверждают общую направленность мыслей[15]. В эссе, посвящённых событиям последней войны, которые писали школьники и учащиеся профтехучилищ пару лет назад, сквозит убеждение, что Гитлер напал на советский Союз по причине того, что хотел поставить на колени именно белорусский народ. Школьники утверждают, что белорусскими партизанами руководило «наше командование», а Красной армией — «советское командование». По эссе видно, что белорусское командование было независимо от советского. Белорусы, по мнению авторов эссе, не только выстояли против Гитлера, но и освободили половину Европы. Именно белорусы, а не кто-нибудь.

Крипторевизионизм распространяется и на белорусов, живущих и работающих за рубежом. Так, один из российских белору-

---

[15] Подробнее об анализе молодёжных эссе см.: Гронский А. Д. Представление о войне у современной белорусской молодёжи по опыту рецензирования текстов работ, направленных на конкурс, посвящённый 65-летию освобождения Белоруссии // Валерий Тишков. Личный сайт (www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1304.doc).

сов в интервью белорусскому телевидению заявил, что белорусы довели Гитлера до самоубийства[16]. Даже ветераны войны иногда подвергаются влиянию крипторевизионизма. Так, один пожилой полковник — участник Великой Отечественной войны — сказал, что самым главным достижением Победы стал суверенитет Белоруссии. Для современного белоруса, возможно, суверенитет Белоруссии — это именно самое главное, но ведь во время войны советские солдаты сражались за независимость СССР, за возвращение оккупированных земель, в том числе и Белоруссии, в состав Советского Союза. О суверенитете в то время тоже говорили, но нужно помнить, что жаждавшие суверенитета были по другую линию фронта.

Крипторевизионизм является на сегодняшний день одним из самых эффективных инструментов конструирования представлений о значимости своего народа в истории, поскольку он не отвергает старые убеждения, а только лишь корректирует их в пользу своего народа. Опасность крипторевизионизма заключается именно в его кажущейся безобидности.

Концепция «своей» /«не своей войны»

В идеологическом конструировании используются примеры из прошлой героики, которые иллюстрируют борьбу прошлых поколений за независимость своей страны. Однако не все войны, которые проходили на территории, занимаемой в данный момент определённым локальным государством, можно рассматривать как потенциальные примеры героизма своего народа для защиты своего государства. Некоторые войны и отдельные сражения отлично укладываются в нынешний политико-идеологический дискурс современных государств, в других очень сложно найти хотя бы отдельные элементы, способные героизировать прошлое для подтверждения нынешнего суверенитета. Отсюда вытекает концепция «своей/не своей войны». Постараемся дать определения понятиям «своя» и «не своя» война.

«Своя война» — любая война, восстание или отдельное сражение, которые можно проинтерпретировать как войну своего

16 Данное интервью было показано по белорусскому телевидению несколькими каналами. После того, как я сослался на их сайты в нескольких публикациях, ролик с интервью заменили фотографией, а текст интервью, помещённый на сайтах, убрали.

народа с собственными врагами. Целью придания событию черт «своей войны» является эксплуатация данного факта для потребностей национального/националистического дискурса.

«Не своя война» — любые война, восстание или отдельное сражение, не имеющие потенциала для поддержания национального/националистического дискурса.

Если говорит более просто, то «своей» войной можно гордиться как национальной, а по отношению к «не своей» такой гордости не возникает.

Понятие «своей» войны актуально не только по отношению к событиям, происходящим на территории, признаваемой своей, но и за её пределами. В таком случае пропаганда показывает героическую роль «своих» солдат или повстанцев в событиях, происходящих за пределами «своей» территории. «Не своя» война актуальна только для тех событий, которые протекают на «своей» территории. Поскольку, если война за пределами «своей» территории не может похвастать наличием на ней «своих» героев, тогда такая война попросту игнорируется в нациестроительном дискурсе. А вот война, протекающая на «своей» территории, но не имеющая возможность объявить какую-либо из воющих сторон «своей», переходит в категорию «не своих» войн. Так как война происходила на «своей» территории, она актуальна для создания повествования о собственной истории, но по причине отсутствия в рядах противоборствующих сторон «национальных» героев в современном понимании, события войны рассматриваются как не способствующие развитию национального дискурса. В результате такие войны воспринимаются как трагедия народа, а пристальное идеологическое внимание уделяется страданиям местного населения, т. е. «своего» народа.

Для белорусской истории «своими» войнами можно считать битву на Немиге 1067 г., Грюнвальдскую битву 1410 г., Польское восстание 1863–1864 гг. (которое в Белоруссии не называют польским), Великую Отечественную войну.

Соответственно, «не своими» войнами представляются следующие: Северная война 1700–1721 гг., Отечественная война 1812 г. (которая в Белоруссии даже перестала называться Отечественной), Первая мировая война.

Кратко рассмотрим пример «своей» и «не своей» войн на белорусском материале. Итак, «своей» войной считается Польское восстание 1863–1864 гг. Это восстание стало настолько «своим», белорусским, что иногда отрицается даже его польская составляющая. Так, в белорусском историко-политическом дискурсе это

восстание по привычке иногда называется восстанием Кастуся Калиновского, который не входил в центральное руководство восстанием, а был (да и то не всё время восстания) руководителем повстанцев в Северо-Западном крае, т. е. лишь на части территории, охваченной восстанием. Однако в последнее время восстание стало именоваться более корректно — восстание 1863–1864 гг. на территории Польши, Литвы и Белоруссии.

Мне пришлось выслушать объяснение одного из коллег, который разъяснял, почему восстание 1863–1864 гг. должно называться восстание в Польше, Литве и Белоруссии, а не Польское восстание. Смысл объяснений был следующий: если восстание назвать Польским, тогда теряется присутствие белорусского элемента в восстании, а если указывать регионы распространения восстания, тогда есть хоть какая-то привязка к территории, в том числе и белорусской территории. Таким образом, даже если не говорить о национальном составе повстанцев, большинство будет воспринимать восстание как в том числе и белорусское, поскольку оно было и в Белоруссии. Кроме того, данное восстание в белорусской традиции изучается не во всех своих региональных проявлениях, а лишь на той территории, которую воспринимают как Белоруссию XIX в., т. е. это современная Белоруссия с добавкой части Виленской губернии. Таким образом, территория восстания искусственно ограничивается и становится меньше даже той, которую контролировал «белорусский национальный герой» Кастусь Калиновский[17]. Не учитываются такие территории Северо-Западного края, как Ковенская губерния и большая часть Виленской.

В качестве примера «не своей» войны можно привести Отечественную войну 1812 г. В Белоруссии постепенно пытаются убрать слово «Отечественная» из названия войны, называя её или русско-французской войной, или просто войной 1812 г. Очень чётко это прослеживается в школьных учебниках[18]. Если в последние годы существования СССР учебники по белорусской истории

---

17 Анализ деятельности и механизм создания из Константина Калиновского «белорусского национального героя» подробнее см.: Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя: В. К. Калиновский // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., 2008. С. 253–265.

18 Например, см. учебник: Марозава С. В., Сосна У. А., Паноў С. В. Гісторыя Беларусі, канец XVIII — пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік для 9-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. 2-е выданне, дапоўненае і перагледжанае. Мінск, 2011. С. 15–22.

трактовали данную войну как «справедливую, освободительную Отечественную»[19], то современные учебники попросту убирают это слово. Более того, в нынешнем представлении о той войне убирается даже упоминание о партизанских отрядах. Оказывается, белорусские крестьяне создавали всего лишь отряды самообороны и лишь для того, чтобы защитить от французских мародёров своё имущество. В партизанских действиях отказано не только белорусским крестьянам, но и армейским летучим отрядам[20]. Про них тоже не упоминается как о партизанских. Однако, когда пишется об антироссийской деятельности помещичьих отрядов после Польского восстания 1830–1831 гг. (отряды из крестьян помещика Михаила Воловича), их действия называются партизанскими[21]. Также методы партизанской борьбы находят в антироссийских действиях инсургентов во время Польского восстания 1863–1864 гг.[22]

По-моему, причиной этому является положительная коннотация слова «партизан» в современном белорусском массовом сознании. В первую очередь это связано с памятью о советских партизанах периода Великой Отечественной войны. Партизанские действия подчёркивают, что борьба становится не только делом армии, но и всего народа. Таким образом, партизанская война воспринимается как подтверждение массового сопротивления врагу. В итоге получается, что слово «партизан» и его производные подчёркивают «национальность» сопротивления, его народный характер. Напомню, что партизанскими школьный учебник называет только антироссийские выступления, а выступления против врагов России — это всего лишь попытка защитить своё имущество от разграбления.

Однако понятие «своей» или «не своей» войны не всегда зафиксировано по отношению к определённым событиям. Иногда становится необходимым поменять представления о роли «своих» в войне. В таком случае всегда есть возможность переформатировать «не свою войну» в «свою войну». Надо только расставить акценты, т. е. заняться крипторевизионизмом, навязать представление о том, что свой народ воевал по другую сторону фронта или вообще не воевал, а только страдал от всех воюющих сторон.

---

19 Баранова М. П., Загорульский Э. М., Павлова Н. Г. История БССР: Учебник для 8–9-х классов средней школы / Под ред. Э. М. Загорульского. 2-е изд. Минск, 1990. С. 138.

20 Марозава С. В., Сосна У. А., Паноў С. В. Указ. соч. С. 19.

21 Там же. С. 31.

22 Там же. С. 81.

Например, в современной Белоруссии наблюдаются попытки сделать «своей» Первую мировую войну. Это не тенденция, это только прикидки, но они очень показательны. Например, белорусские чиновники говорили, что солдаты Русской императорской армии, погибшие на белорусской земле в Первую мировую войну, воевали за суверенитет Республики Беларусь. Хотя между событиями Первой мировой и появлением суверенной Белоруссии стоит не один десяток лет, но тем не менее именно такие штампы всё более и более начинают бытовать в общественно-политическом дискурсе современной Белоруссии. Хотя Первая мировая всё же практически всегда воспринимается как «не своя война».

Нужно заметить, что в представлении о «своей войне» далеко не всегда наблюдается искусственность. Есть ряд событий, которые в массовом сознании оцениваются как свои. Такие сюжеты истории являются причиной гордости за своих предков, и для того, чтобы их воспринимали как свои, не нужно совершать каких-либо интеллектуальных или не очень интеллектуальных потуг. Например, для России — это однозначно Отечественная война 1812 г., от которой в Белоруссии (кстати, в то время части России) пытаются откреститься.

Таким образом, исторические события, связанные с гордостью за подвиг своих предков или с переживанием трагедии проигрыша, всегда используются для конструирования представлений о «своей войне», которая используется в качестве материала для формирования представления о собственном историческом прошлом. Следует учитывать, что представление о «своей войне» могут формироваться и без влияния заинтересованных лиц. Например, для России и Белоруссии «своей» является Великая Отечественная. Однако по отношению к ней возникает следующая проблема — кто внёс больший вклад в победу. И в этом случае в дело вступает крипторевизионизм, о котором говорилось выше.

Концепция «своей/не своей страны» или «своего/не своего государства»

«Своё государство» («своя страна») — страна, представляющаяся Родиной предков, которые составляли в ней государствообразующий народ или один из государствообразующих народов. Поражения такой страны воспринимаются как свои (или своего народа) поражения, а победы — как свои (или своего народа) победы.

«Не своё государство» («не своя страна») — страна, которая располагалась на территории, контролируемой в настоящее время современным локальным государством, но не имеющая потенциала для нациестроительства, поскольку не представляется возможности обозначить её как Родину предков, а сами предки не воспринимаются как государствообразующий народ.

«Свои» или «не свои» государства очень чётко определяются при просмотре школьных учебников по истории. Приведём небольшую таблицу, составленную по содержанию современных белорусских школьных учебников истории[23]. Историю в белорусских школах изучают в двух вариантах — история собственно Белоруссии (т. е. своя история, история своей страны) и всемирная история (т. е. история всех остальных, не своих стран). Напомню, что государства с названием Белоруссия в истории не существовало. Первые попытки собственно белорусского государственного строительства появились только в период Гражданской войны

---

23 Таблица составлена по: Штыхов Г. В., Темушев С. Н., Ракуть В. В. История Беларуси с древнейших времён до середины XIII в.: учеб. пособие для 6-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения; под ред. Г. В. Штыхова. Минск, 2009. 143 с.; Федосик и др. История средних веков: V–XIII вв.: учеб. пособие для 6-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения; под ред. В. А. Федосика. Минск, 2009. 158 с.; Штыхов Г. В., Бохан Ю. Н., Краснова М. А. История Беларуси: вторая половина XIII — первая половина XVI в.: учеб. пособие для 7-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения. Минск, 2009. 159 с.; Фядосік В. А. і інш. Гісторыя сярэдніх вякоў: XIV–XVI стст: вучэбн. дапам. для 7-га кл. агульнаадукац. устаноў з беларус. мовай навучання; пад рэд. В. А. Фядосіка. Мінск, 2009. 167 с.; Белазаровіч В. А., Крэнь І. П., Ганушчанка Н. М. Гісторыя Беларусі. Другая палова XVI — канец XVIII ст.: вуч. дапаможнік для 8-га класа агульнаадукацыйных устаноў з беларускай мовай навучання. Мінск, 2010. 191 с.; Кошелев В. С., Кошелева Н. Г., Темушев С. Н. Всемирная история Нового времени, XVI–XVIII вв.: учеб. пособие для 8-го класса общеобразовательных учреждений с русским языком обучения / Под ред. В. С. Кошелева. 3-е изд. доп. и пересмотр. Минск, 2010. 207 с.; Марозава С. В., Сосна У. А., Паноў С. В. Гісторыя Беларусі, канец XVIII — пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік для 9-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. 2-е выданне, дапоўненае і перагледжанае. Мінск, 2011. 199 с.; Кошелев В. С. Всемирная история Нового времени, XIX — начало XX в.: учебное пособие для 9-го класса общеобразовательных учреждений с русским языком обучения. 3-е изд., доп. и пересмотр. Минск, 2010. 231 с.; Кошалеў У. С. Сусветная гісторыя, XIX — пачатак XXI ст.: вучэбны дапаможнік для 11-га класа агульнаадукацыйных устаноў з беларускай мовай навучання. Мінск, 2009. 239 с.; Новік Я. К. і інш. Гісторыя Беларусі, XIX — пачатак XXI ст.: вучэбны дапаможнік для 11-га класа агульнаадукацыйных устаноў з беларускай мовай навучання. Мінск, 2009. 239 с.

в России. Первая попытка создать государственность в форме Белорусской Народной Республики оказалась формальностью. Государство было объявлено на оккупированной немецкими войсками территории, а сами немцы признавали эти земли частью России. И хотя некоторые немецкие военачальники говорили, что «освобождённые от России земли не вернутся назад под московское ярмо»[24], тем не менее немцы не пытались признавать на официальном уровне доморощенные национальные режимы.

Итак, в таблице будут три столбца. В первом будет отражена информация о том, в составе какого государства находились земли, на которых сегодня располагается Белоруссия, во втором — какое государство или его часть изучается в курсе истории Белоруссии, в третьем — изучаются ли в курсе всеобщей истории государства, в которые на тот момент входила территория Белоруссии.

Оказывается, что некоторые государства, в которые входила белорусская территория, изучаются в курсе всемирной истории, хотя было бы логично изучать их как свои. Иные же государства изучаются только в курсе истории Белоруссии, т. е. можно предположить, что они не рассматриваются как «чужие».

В составе какого государства находились белорусские земли	История Белоруссии	Всеобщая история
Древнерусское государство	Полоцкое и Туровское княжества	Древнерусское государство
Великое княжество Литовское	Великое княжество Литовское	—
Речь Посполитая	Речь Посполитая	—
Российская империя	Белоруссия*	Российская империя
СССР	Белоруссия	СССР

* В представлении современной белорусской историографии Белоруссия XIX — начала XX в. была чуть шире, чем современная. К Белоруссии относят Вильну и окрестности, поскольку можно утверждать, что именно Вильна стала колыбелью белорусского национализма.

Теперь проанализируем таблицу. Изначально территория Белоруссии находилась в составе Древнерусского государства.

24 Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921. С. 26.

Первое упоминание о Полоцке — самом древнем белорусском городе — в летописи содержится среди населённых пунктов, подчиняющихся Рюрику, т. е. Полоцк изначально был частью Новгородской земли и не имел самостоятельности, что так пытались опровергнуть некоторые белорусские историки конца 90-х гг. Рецидивы этого встречаются до сих пор. Например, в школьном учебнике по всемирной истории сказано, что Рюрик подчинил Полоцк[25], хотя «Повесть временных лет» говорит только о том, что Рюрик «стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро»[26], т. е. Полоцк новгородский князь мог и не захватывать, а посадить там своего наместника, потому что город принадлежал Новгородской земле. Но в истории Белоруссии изучаются только те территории Киевской Руси, на которых сейчас существует белорусское государство, остальные же части Руси отнесены к всемирной истории. Таким образом, Киевская Русь является «не своим» государством для белорусской историографии. «Свои государства» не изучаются в курсе всемирной истории, для них есть учебники по отечественной истории.

Второй период — это существование белорусских земель в составе Великого княжества Литовского. В курсе истории Белоруссии изучается собственно Великое княжество Литовское. Его система власти, социальные группы и т. д. Также изучаются сражения, которые вело княжество за пределами своих территорий. В курсе всеобщей истории других, «небелорусских» частей Литовского княжества не изучается. Хотя, если брать современные границы государств, Великое княжество Литовское располагалось на землях, занимаемых ныне не только Белоруссией, но и Украиной, Литвой, Польшей, Россией, Латвией. Естественно, что современные территории России, Польши или Латвии входили в состав Литовского княжества лишь небольшим процентом своих сегодняшних земель, но ведь и в Киевскую Русь входила далеко не вся территория современной России. Таким образом, Великое княжество Литовское изучается только в учебнике по истории Белоруссии. Следовательно, оно является «своим» государством.

---

25 Федосик и др. История средних веков: V–XIII вв.: учеб. пособие для 6-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения; под ред. В. А. Федосика. Минск, 2009. С. 91.

26 Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 149.

В 1569 г. королевство Польское и Великое княжество Литовское объединились в одно государство — Речь Посполитую. В курсе истории Белоруссии о Речи Посполитой сказано много. В частности, рассмотрена система высших органов власти, положение социальных групп, состояние города и деревни, формирование единого шляхетского сословия и т. д. Если мы обратимся к курсу всеобщей истории этого периода, то в ней нет не только Речи Посполитой, но и даже Польши. Таким образом, получается интересный парадокс — «небелорусские» части Киевской Руси изучаются в разделе всеобщей истории, т. е. как «не свое государство», а «небелорусские» части Речи Посполитой в курсе всемирной истории не изучаются, т. е. Речь Посполитая полностью воспринимается как «своё государство».

В конце XVIII в. Речь Посполитая была разделена между более эффективно развивающимися соседними государствами — Россией, Австрией и Пруссией. Территория современной Белоруссии вошла в состав Российской империи. Если открыть школьный учебник по истории Белоруссии, получается, что в этот период там изучается только современная территория Белоруссии с небольшой территориальной прибавкой в виде части Виленщины. Вильна традиционно считается в среде белорусских интеллектуалов белорусским городом. С точки зрения развития белорусского национализма это полностью оправданное мнение, поскольку именно в Вильне базировалось большинство националистических организаций периода зарождения белорусского национализма, именно Вильна была центром распространения белорусской печатной пропаганды. Кроме того, Вильна имела статус столицы бывшего Великого княжества Литовского, которое ещё с конца XIX в. постепенно начало рассматриваться заинтересованными личностями как белорусское государство. Итак, в период существования Белоруссии в составе Российской империи, школьный учебник истории Белоруссии даёт как «своё государство» территорию земли нынешней Белоруссии с небольшой прибавкой нынешних литовских земель. А вот в курсе всемирной истории изучается Российская империя. Таким образом, Россия является «не своим государством» для белорусов.

Период советской власти рассматривается аналогично периоду Российской империи. В учебнике истории Белоруссии изучается территория собственно Белоруссии. Надо сказать, что тогда нынешняя Белоруссия была в составе как СССР (восточная часть), так и в составе Польши (Западная часть). Учебник изучает в основном БССР, и только отдельный параграф посвя-

щён ситуации в Западной Белоруссии. Как вы уже догадались, Советский Союз изучается в курсе всемирной истории, то есть как «не своё государство».

Таким образом, получается парадоксальная ситуация. Киевская Русь — государство восточных славян, как принято сейчас говорить. Восточные славяне — предки современных русских, белорусов и украинцев. В период Киевской Руси эти предки нынешних народов вообще не разделялись на разные народы, то есть это государство одного народа — русского. Если уж говорить более пространно, то предки белорусов делили его с предками русских и украинцев в составе одного народа. Киевская Русь, тем не менее, представляется «не своим государством».

Великое княжество Литовское являлось государством, в котором существовали славяне и балты. Вообще, большая часть Великого княжества была территорией восточнославянского расселения, т. е. оно занимало территории предков современных белорусов и украинцев, но там было много и балтских территорий. Это государство считается в учебниках «своим».

Речь Посполитая — государство, которое было, если мерить современными мерками о существовании тех или иных народов, польско-белорусско-украинско-литовским. Но там практически не было предков современных русских (опять же, если мерить современными мерками о существовании народов). Речь Посполитая выступает как «своё государство».

В Российской империи белорусы стали жить с русскими в одном государстве. Оно не считается «своим», т. к. изучается в курсе всемирной истории.

В СССР белорусы также были объединены с русскими в рамках одной большой страны. СССР также является «не своим государством».

Обратите внимание. Если белорусы или их предки проживают совместно с русскими или их предками (Российская империя, Советский Союз) или даже однозначно являются одним народом (Древняя Русь), тогда эти «общие» государства не рассматриваются в белорусских учебниках как «свои». Если же белорусы или их предки проживают в одном государстве совместно с балтами-литовцами, украинцами или поляками, но отдельно от русских или их предков (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая), тогда такое государство рассматривается только в курсе истории Белоруссии, т. е. является «своим». Таким образом, если столицей государства, в которое входила современная территория Белоруссии, является русский город (Киев, Москва, С.-Пе-

тербург), такое государство воспринимается как «не своё»; если столицей являлся «нерусский город» (Вильна, Варшава), тогда государство представляется как «своё». В итоге у потребителей подобной информации формируется убеждённость в том, какие государства были для белорусов чужими. Эти представления переносятся на современные межгосударственные отношения. Также нужно учитывать, что эти убеждения транслируются через учебники, а значит, вся молодёжь имеет именно их как стандарт для определения своих и чужих.

* * *

В качестве заключения можно сказать, что эта статья — только первая попытка проанализировать способы национализации истории в белорусском историческом, историко-политическом и историко-идеологическом дискурсах. Существуют и другие методы формирования «правильных» и «объективных» исторических знаний. Во всяком случае, современная ситуация в Белоруссии располагает к тому, что изобретатели новых концепций без особого труда могут получить себе в качестве подопытных те или иные группы приверженцев различных исторических концепций. Мне кажется, что особую опасность представляет поддержка таких взглядов на уровне некоторых государственных чиновников. Проникновение концепций, национализирующих историю, в школьные учебники говорит о том, что именно этот взгляд становится официальной версией объяснения исторических событий.

ПЕТР ЛОЗОВЮК

НОВЫЕ СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ФИКЦИЯ?

На фоне общественных изменений, породивших политические потрясения 1989–1990 годов, моё внимание привлекло явление, которое в своих работах я обозначил как «феномен этнической индифференции».[1] Отправной точкой моего рассуждения являлся тезис о «раскачке» коллективной идентичности части населения среднеевропейского региона, произошедшей в результате вышеупомянутых макросоциальных изменений, что в некоторых случаях вело к поискам альтернативных форм групповой организации, а также таких форм, которые находились вне действующего общественного порядка. Главным образом меня интересовала связь между изменением коллективной идентификационной парадигмы и стабильностью или же нестабильностью данного общественного контекста. На примере конкретных случаев я изучал ситуации, в которых происходило использование возникшего мобилизационного потенциала для модификаций социокультурного характера. Опыты культурных изменений особенно отчётливо возможно было проследить у групп, чьи фор-

[1] Напр. срав. Lozoviuk P. Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen. Leipziger Universitätsverlag, Leipzig, 2008; Lozoviuk P. Evropská etnologie ve středoevropské perspektivě. Pardubice, 2005; Lozoviuk P. The problems of the issue of «ethnic indifference» in the Czech language milieu // Uherek Z. (ed.). Ethnic Studies and the Urbanized Space in Social Anthropological Reflections. Prague occasional papers in ethnology. Praha, 1998. No. 5. S. 41–47.

мы коллективной идентификации[2] не отвечали «обычным» ожиданиям. Эта их «аномалия» состояла в отсутствии этничности как доминирующего центрального организационного принципа группы. Можно констатировать, что в рамках данных групп в силу разных обстоятельств (до сих пор) не произошёл процесс, обозначающийся в специальной литературе как «этнизация», то есть процесс, оформляющий данную группу как определённую национальность.

Это значит, что отсутствие или сильная степень неразвитости этнических критериев как знака, определяющего данную группу, представляют самый важный аспект «этнической индифференции». Этничность для представителей таких групп не играет сколько-нибудь важной роли. На аналитическом метауровне можно утверждать, что этничность здесь не исполняет роль главного общественно-организационного выражения. Но многим наблюдателям это тяжело представить, поскольку вера в универсальность этничности является составной частью общепринятого изображения мира, не рефлекторно опосредованного нам нашей культурой.[3] Поэтому важным пунктом моей аргументации стал тезис о том, что этничность следует принимать лишь за одну из специфический форм коллективной идентичности, хотя и преобладающую в современных постиндустриальных обществах.

Со ссылкой на авторитеты в области теории национализма можно утверждать, что этничность базируется на ряде элементов, обусловленных системой представлений, характерных только для определённых обществ и «становящихся всеобщими и преобладающими лишь в определённых общественных условиях, которые в действительности существуют только в современном мире и нигде больше».[4] «Национальность», по словам теоретика национализма Э. Геллнера, не означает «врождённое всеобщее свойство человечества, но сейчас это выглядит именно так». Поэтому возникновение и существование конкретных народов, как подчёркивал Геллнер, нужно принимать за «случайность, а не за всеобщую необходимость».[5] В духе этой

---

2 Критический анализ концепции колликтивной идентичности срав. Niethammer L. Kollektive Identität. Heimliche Quellen einer unheimlichen Konjunktur. Reinbek bei Hamburg, 2000.

3 Этот термин использую в широком антропологическом смысле.

4 Gellner A. Národy a nacionalismus. Praha, 1993. S. 149.

5 Ibidem. S. 17.

аргументации научное сообщество сегодня уже не принимает «этносы» за очевидные, натуральные и универсальные компоненты человеческих обществ, и этничность не рассматривается как «основная групповая идентичность»[6] или как необходимый «принцип социальной организации».[7] Этнически определённые сообщества представляют собой относительно свежий общественный феномен, о котором с трудом можно осмысленно рассуждать ранее, нежели в контексте индустриальных обществ.[8] Поэтому обнаружение феномена «этничности» взаимосвязано с процессом модернизации аграрных, прежде всего европейских обществ.[9]

Конечно, и после укрепления этнической модели, в рамках каждого общества остается множество других коллективных идентификаций, определённое естественным путем. С точки зрения моей темы важным является констатация того, что эта этничность требует занять между другими идентитарными концептами место эксклюзивного «государственно-организационного принципа». В рамках стандартных общественных ситуаций конкурентные идентитарные формы являются маргинальными и поддерживаются только в латентном виде. Питательной средой для их активизации становится любая форма государственной и общественной мобилизации. Сравнительный анализ движений, успешно перешедших к изменению коллективной идентификационной парадигмы, показывает, что самые удобные условия для этого процесса представляет нестабильность общегосударственной и социальной системы. Это связь может, однако, действовать и в обратном порядке: усилия, направленные на изменение статуса какой-нибудь коллективной идентичности, имеют обычно влияние на стабильность всего общества.[10]

Примечательным является то, что в период непосредственно после 1989 г., когда в странах Средней и Южной Европы в значительной степени пошатнулась стабильность тогдашней поли-

---

6 Isaacs H. R. Basic Group Identity: The Idols of the Tribe // Glazer N., Moynihan D. P. (ed.). Ethnicity: Theory and Experience. Cambrige, 1975. S. 29–52, 30.

7 Emerich F. K.. Interethnic Relations. An Essay in Sociological Theory. New York-Oxford-Amsterdam, 1976. S. 17.

8 Heckmann F. Ethnische Minderheiten, Volk und Nation. Soziologie interethnischer Beziehungen. Stuttgart, 1992. S. 33.

9 Ср.: Gellner A. Národy a nacionalismus; Jäggi C. J. Nationalismus und ethnische Minderheiten. Zürich, 1993.

10 Ср. напр.: Hernegger R. Gesellschaft ohne Kollektiv-Identität. München, 1982.

тической системы, а тем самым и легитимность общественного устройства, произошло высвобождение инновационных импульсов, которые в ряде случаев привели к столкновению разных форм коллективных идентичностей и в последующем понимании этносов. Эта «раскачка» образовала простор для формирования альтернативных концепций надлокальных идентификаций также у коллективов, которые до сих пор за специфичные этнические группы приняты не были или же их этничность вызывала сомнения.

Аналитическая модель «этнической индифференции» служит не только как исходная точка для теоретического рассуждения о данных процессах, но и как способ освещения конкретных ситуаций у определенных среднеевропейских групп. Безусловно, это не единственная возможность того, как рассматривать данную проблематику. К решению многих вопросов было бы возможно подойти и с иных точек зрения, ибо между запусками процесса редефинирования до сих пор не этнических коллективных идентичностей и их преобразованием в этнические рамки можно выявить целый ряд моментов. Особого внимания заслуживает проблематика изменения существующей символической системы и её замещение системой новой. И здесь хотелось бы остановиться только на одном моменте — это влияние политического контекста на способ групповой идентификации.

* * *

Процесс создания новой групповой идентификации я рассматривал, прежде всего, с точки зрения деятельности, у истоков которой стояли представители местных интеллектуальных элит. Не без преувеличения можно аргументировать, что речь шла о реализации специфического эмансипационного типа, который имеет ряд параллелей у взаимно отличных групп. В определенном смысле этот тип можно сравнить с явлениями, которые в XIX веке были характерны для ряда народов Центральной и Юго-Восточной Европы.[11] С помощью полевых исследований и изучения

[11] Сравнительный анализ национальных процессов с т. з. общеевропейской перспективы см., напр.: Hroch M. Social preconditions of national revival in Europe: a comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. New York: Columbia University Press, 2000; Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas: Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Praha, 1968.

письменных источников я уделил внимание, прежде всего, трём группам: живущим в Польше кашубам, русинам из восточной Словакии и мораванам из Чехии.

Среди всех этих групп возникли движения, стремящиеся с помощью «этнизации» избранных черт местной народной культуры, истории, языка, психологических данных, создать новые идентификационные связи. Главной целью новых этноэмансипационных движений было соединить, насколько это возможно, все «пригодные» единицы в новые этнически диффенированные коллективы. «Борьба» за форму коллективной идентичности почти всегда происходила на уровне интеллектуальных верхов, среди которых разгоралось соперничество между разными представлениями за финальный образ коллективной идентичности. Её формирование происходило в процессе столкновения взаимно конкурирующих идеологических центров, чьи представители претендовали на всю популяцию, которая казалась в данных условиях потенциально поддающейся этнизации.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что для создания особенного этнического сознания решающим является не «объективное» существование специфических культурных знаков, а реализация особенной идеологической системы. И только в её рамках для потребления возникающего идентификационного выражения сконструировано представление о специфической культуре, чьё «доказательство» в результате легитимирует разные эмансипационные усилия. Аргументы, подтверждающие либо опровергающие мнения о предполагаемой аутентичности каких-либо выражений народного стиля жизни, имели решающее влияние на формирование дискурса, в рамках которого была основана новая коллективная идентичность.

Условность этого процесса можно документировать ссылкой на группы, которые хотя и владеют удовлетворительной «этнической» парадигмой, но статуса отдельной нации не добиваются. Из области Средней Европы возможно указать, например, на баварцев, саксонцев или аллеманцев. У этих групп не возникает попыток использовать определенные черты повседневной культуры для создания собственной национальной идеологии. На противоположной стороне воображаемого спектра можно встретить представление о том, что и при отсутствии «естественного» набора специфических культурных данностей можно создать специфическую национальную общность. Возможно, что самым характерным примером этого являются последователи этнического моравизма. Восприятие этнической специфичности

становится результатом интерпретации селективного выбора культурных данностей и принятия или отказа принять их адекватность. Нижеприведенная таблица свидетельствует о том, какую важность придают представители рассматриваемых движений определенным компонентам общественной жизни. Критерием для их выбора становится частота, с которой они проявляются в данном обществе.

	Кашубы		Русины		Мораване	
	K1	K2	R1	R2	M1	M2
языковая пропаганда	+++	+++		+++		
важность наличия собственной письменности	+++	+++				
декларирование особого статуса группы		+++		+++	+++	
подчеркивание элементов самобытной народной культуры	+++	+++	+++	+++	+	+
артикуляция групповых требований в сфере политики	+			++	+++	
акцент на историческом прошлом данной группы	+	+		+++	+++	

K1 — Поморское крыло кашубов, K2 — Национально ориентированные кашубы, R1 — Проукраинская часть русинов, R2 — Национально ориентированные русины, M1 — Национально ориентированные мораване, M2 — Сторонники моравского своеобразия в рамках чешского народа.
( ) отсутствие данного элемента; (+) элемент, представленный слабо; (++) элемент, представленный сильнее; (+++) элемент, представленный сильно.

К сравнению кашубских, русинских и моравских движений я применил три элемента общественной мобилизации: культурно-языковую пропаганду, политическую сферу эмансипационного движения и роль групповой истории. Как видно, эти парадигмы существуют у всех рассматриваемых групп, отличающихся только акцентом. Речь идет об относительных ценностях, которые можно рассмотреть в данном дискурсе, куда отдельные деятели социальных интеракций вносят разный градус авторизации. У кашубов проявляется артикуляция групповых заявок

на культурном уровне, у русинов — на культурно-политическом, а у мораван в наибольшей степени на политическом; причем культурная аргументация выражена здесь наиболее слабо. Для национально ориентированных русинов и мораван очень важное место занимает вопрос об исторической преемственности. Для кашубов же он выходит за рамки культурно-языковой активности.

У всех трех групп проявляется специфическая функциональность в отношении к собственному языку и групповой истории. Из-за этого в процессе этнизации можно встретить убеждение, что только собственная история совместно с сакральным отношением к родному языку создает нацию и утверждает её существование в будущем. Язык воспринимается как один из самых важных знаков этничности. Стремление к проведению определённого варианта языковой нормы стало поэтому для кашубов и русинов инструментом прямой национально-идеологической пропаганды. Языку здесь было суждено исполнять специфическую не только коммуникационную, но и семиотически важную функцию. Изменение на уровне коллективной идентичности имело тенденцию менять языковую ситуацию, если можно так обозначить состояние, в котором часть культурных или политических элит стремилась использовать местный язык как главное или же единственное средство коммуникации.

Конечной целью этих усилий было достижение полного функционального объёма разговорного языка и посредством него демонстрация этнической индивидуальности. С таким укреплением местного ещё не литературного и часто малораспространенного языка можно было встретиться в 1990-е годы как у последователей этнически воспринимаемого русинизма, так и в лагере национально ориентированных кашубов. Сторонники моравской этничности (так же как, например, шотландские, ирландские и швейцарские националисты), напротив, обошлись без подобного языкового планирования. Моравские националисты стремились использовать не культурные или языковые отличия, а скорее регионально-исторический момент и «психические отличия» от чехов, причём они стремились способствовать формированию коллективной идентичности через конструирование политической субъектности.

При отсутствии объективных обстоятельств у «национальноориентированных» мораван акцент на изменение языковой ситуации не является очевидным, хотя и здесь есть явные намеки на стремление повысить групповой статус посредством кодифи-

кации особенной языковой нормы.[12] Роль решающих компонентов рождающейся коллективной идентичности здесь приписана другим знакам. Поэтому можно констатировать, что в отношении к языковой ситуации национально ориентированная часть моравaн занимает позицию особенной нации, хотя и без создания языковых отличий от чехов. Наоборот, лехитское или пропольское крыло кашубов настаивает на тезисе единой нации (то есть польской) с большим количеством (литературных) языков и культур. Приверженцы идеи об особости кашубского народа, так же как и русинские национальные деятели, выводят из существования отдельного группового языка тезис о национальной специфичности своей группы. С этой позиции происходит легитимизация и других «этническо-эмансипированных» стратегий.

В дополнение к сказанному хотелось бы подчеркнуть, что к вышеизложенным заключениям я пришел как на основе анализа интервью с деятелями упомянутых этно-эмансипационных движений, так и на основе анализа общественного дискурса в текстах программного характера, разработанных отдельными ангажированными лицами или организациями. С моей точки зрения, речь идет о заявлении, которое, по мнению Ю. Лотмана, можно обозначить как достойно оцениваемое и потому предназначенное для общественного сохранения и циркуляции.[13] Поэтому оцениваемые «канонизированные» тексты предоставляют возможность интроспекции данного культурного контекста, поскольку как групповая преференция, так и отказ от какого-нибудь типа текста имеет для этнолога информационную ценность. Обе возможности дают некое представление об обществе, в рамках которого принимается или не принимается данный текст.

* * *

В целом можно резюмировать, что у групп, чьи интеллектуальные элиты соперничают в вопросе о конечной форме коллективной идентичности, можно встретиться со специфическим способом мышления, для которого характерно стремление дополнить

12 О попытках кодификациии литературного моравского языка см., напр.: Svoboda R. Moravský jazyk — ano či ne? // http://www.mods.cz/moravaII.html; подобное обсуждение имело место на интернет-страницах «О Моравии для мораван»: http://dalsimoravak.bloguje.cz/833344-o-podobe-a-smyslu-moravstiny.php. ело

13 К концепции Лотмана см.: Lotman J. M. Die Innenwelt des Denkens. Eine semiotische Theorie der Kultur. Berlin, 2010; Lotman J. Kunst als Sprache. Leipzig, 1981.

или непосредственно создать этническую структуру. Это происходит, например, в форме местных историко-географических трудов или в форме инструментализации выборочных компонентов повседневной культуры. Конечной целью таких «национально-возрожденческих инициатив» является достижение унифицированной семиотической ситуации путем создания основных коммуникационных правил, что означает наличие однородного кода с недвусмысленным содержанием использованных знаков. Другая этно-эмансипационная стратегия состоит в стремлении объективировать этничность посредством разных вербальных выражений. Согласно местным условиям для достижения этой цели выбираются такие типы текстов, от которых ожидается коллективное «соглашение» с достаточной частью общества (иными словами, их интер-субъективная текстуализация).

Активисты этих групп имитируют своим отношением модель, использованную раньше теми нациями, которые сегодня восприняты как полностью развитые. Даже утверждая то, что у всех вышеупомянутых мной групп, в принципе, произошли процессы одного порядка, надо в то же время констатировать, что локальные различия вели к разным результатам данного этно-эмансипационного движения. Пока у этнически ориентированных мораван сегодня наблюдается значительное уменьшение всех видов активности, у кашубов и русинов продолжается работа над дополнением этнической парадигмы с целью завершения этно-эмансипационного процесса изнутри и признания национальной самостоятельности на международном уровне. В обеих ситуациях имела место кодификация литературного национального языка и его институционализация, например, в форме его введения в школы или в средства массовой информации, включая телевидение. Также были основаны культурные организации, которые распространили национальную агитацию среди самых широких слоев населения. С другой стороны, надо допустить, что этно-эмансипационные движения ведут не только к расшатыванию идентитарных концептов у части граждан данного региона, но и к политической дестабилизации.

Учитывая недавние общественные движения, оправданно было бы предположить, что этнически эмансипирующиеся группы будут и в дальнейшем «усложнять» формирование межэтнических и межнациональных отношений. К этому подталкивает тот факт, что создание новой этничности на каком-либо пространстве всегда вело к претензии на культурную автономию как к начальной стадии территориального суверенитета. Прежде всего,

пограничные зоны стран бывшего СССР, как, например, белорусско-украинские, белорусско-русские или молдавско-русские пограничные области, восточная и южная Украина или Крым[14] являются питательной средой для трансформации местной этнически индифферентной популяции в новые этносы. Подобно приведённым выше примерам, и в белорусских условиях может действовать стратегия расшатывания политической системы, которая связана с надеждой на изменение идентитарной конструкции хотя бы у части населения. Её внешние проявления могут состоять не только в использовании новой (этнической) символики, но тоже — и возможно, прежде всего — отличного национального языка, как и национальной идентификации. Учитывая их политическую важность, требование того, чтобы этнологи и далее стремились к научному деконструированию этих общественных процессов, кажется более чем оправданным. Но стремление использовать ценностно-нейтральный подход не должно заслонить собой действительность, в которой всегда есть сторона, имеющая корыстный интерес в идентитарных изменениях, равно как и сторона, которая проигрывает в результате этих изменений.

[14] Подобные процессы можно наблюдать и вне славянской среды. См.: Saar E. Setos — eine südetnische Sprache und Kultur an der estnisch-russischen Grenze. Ein Beispiel für Ethnogenese durch Grenzverschiebungen // Brücher W. (ed.), Grenzverschiebungen. Interdisziplinäre Beiträge zu einem zeitlosen Phänomenю St. Ingbert, 2003. S. 103–118; Jakoubek M. Romové konec (ne) jednoho mýtu. Tractatus culturo (mo) logicus. Praha, 2004.

МАТЕУШ ПИСКОРСКИ

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА С НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Сравнение истории формирования современного национального самосознания поляков с аналогичным процессом у других народов является очевидной ошибкой. Похожей ошибкой является сопоставление поляков и их идентичности с крупными нациями Западной Европы. Можем ли мы, в таком случае, выдвинуть тезис об исключительности польской идентичности? И да, и нет.

Исторический народ как эффект исторической политики

Идентичность большинства наций состоит из различных составных компонентов. В различные исторические периоды верх берут разные аспекты. В случае с поляками, рассматривая только период XX века, можем обнаружить различные попытки интерпретации сущности этнокультурного явления, который называем польскостью. Эти интерпретации неоднократно находились в остром конфликте, взаимно исключая друг друга. На противоположных полюсах находились две школы интерпретации новейшей истории Речи Посполитой, уходящие корнями в XIX век спор: романтически-жертвенный взгляд и взгляд критически-позитивистский. Может быть, не самым известным, но точно самым ярким представителем первого из них является Антони Холоневски. «В свете молний, раздирающих тверди Европы, се-

годня отчетливо видим, что Польша это не только земля и люди, но также великая идея коллективной жизни и в первую очередь она. Народы Европы, перегруженные избытком бедствий, которые свалило на их плечи существующее до сих пор верховенство силы над правом, в поисках постоянной защиты от повторения катастроф, подобных последней, с нарастающей тоской обращаются к принципам, которые являются стержнем и сущностью нашего исторического бытия. Государству, понимающемуся как абсолют и подчинившему живых людей своим отклонившимся целям, хотят противопоставить государственную организацию, для которой целью является человек. Физическому превосходству, поднятому до значения решающего фактора в политике — верховенство моральных прав. Вооруженности — мирное развитие. Взаимному пожиранию народов — сосуществование и взаимодействие»[1], — писал Холоневски, идеализируя историю Польши и доказывая, что она являет собой пример наивысшей моральной пробы в Европе.

Другим представителем этой романтической традиции в XX веке был польский философ истории, профессор Феликс Конечны. Во времена Арнольда Тойнби он старался создать альтернативную типологию цивилизации, считая апогеем одной из них пример дораздельной Польши.

Конечны придерживается мнения о том, что наивысшим с моральной точки зрения цивилизационным типом является «латинская цивилизация». Одним из ее основных источников должен был быть католицизм, согласно историку, неразделимо связанный с польскостью. Поэтому Конечны считает, что разнообразие цивилизации является не только элементом многообразия мира, но и фрагментом иерархии бытия морально низших и высших. Разрывая с инициированной Никколо Макиавелли школой политического реализма, он возвращается к нормативизму, а этот нормативизм предлагает оценивать отдельные народы и создаваемые ими государства не через призму их достижений и успехов на различных полях, но в первую очередь с точки зрения оценки их моральной позиции в различных исторических периодах.

«В Польше для того, чтобы быть великим, в первую очередь нужно иметь великий характер, большое сердце, величие души. Нам неизвестно преступное величие, у нас не достигают исторических вершин с запятнанной совестью. Целое тысячелетие исторического похода мы ни разу не придали ни пятнышка величия

[1] A. Chołoniewski. Duch dziejów Polski. Kraków, 1916. S. 11.

тому, кто не руководствовался добродетелью, чистотой намерений, жертвенностью и посвящением. Слово, только благородные могут быть в Польше великим»[2], — писал Конечны.

Польский историософ противопоставляет на страницах своих работ этой «латинской цивилизации» другие цивилизационные образования. Только в ней, по его мнению, происходит переплетение элементов индивидуализма и общества, которое является самым благородным проявлением её морального превосходства.

Политические влияния польского мессианизма и романтизма проявлялись в период 1918–1939 гг., то есть во время II Речи Посполитой. Геополитическим измерением подобных убеждений стало стремление «нести свободу» угнетенным соседним народам, в первую очередь проживающим в то время на территории СССР. Стоит напомнить, что вышеупомянутый Конечны считал русских и казаков представителями иной, туранской цивилизации (определяя ее также, как сделал это Лев Гумилёв, как цивилизацию Великой Степи), но уже украинцев — представителями латинской цивилизации на Востоке. Польский прометеизм, продвигавшейся окружением маршала Юзефа Пилсудского, в свою очередь, уходил корнями в понимание польской национальной и цивилизационной идентичности еще времен мессианизма XIX века. Примеры романтичного понимания сущности польского народа имели место еще в трагические 1939–1945 годы — начиная с личности тогдашнего министра иностранных дел Юзефа Бека, накладывавшей на политический реализм романтические убеждения в том, что в основе внешней политики самой важной ценностью и критерием оценки является честь, и заканчивая имевшим трагические в последствия решением о Варшавском восстании в августе 1944 года.

Критически-позитивистская традиция имела значительно меньшее по сравнению с романтически-мессианской традицией значение для формирования современной национальной идентичности поляков. Ее предшественниками можно назвать польских национальных демократов во главе с Романом Дмовским. Именно этот политический лагерь старался реалистично определять отношения по линии нация-государство, считая, что существуют две параллельные системы этики. Межчеловеческие отношения христианской этики невозможно накладывать на международные отношения.

«Отношение индивида к народу и народа к народу находится за пределами сферы христианской этики. Христианство

[2] F. Koneczny. Tadeusz Kościuszko. Poznań, 1922. S. 16.

является религией индивида и человечества как совокупности индивидов»[3], — писал Роман Дмовски, лидер польских национальных демократов и депутат российской Государственной Думы в начале XX века. Похожую концепцию выдвигал другой польский национал-демократ Зигмунд Балицки[4]. Позиция национальной демократии со временем подверглась эволюции. Однако именно ее прежние достижения являются одним из важных элементов альтернативной польской идентичности, построенной на критичном отношении к существующему польскому национальному характеру. Весьма отчетлива при этом критика роли католической церкви в истории Польши — признание того, что универсалистские принципы этики католицизма противоречат принципам «национального эгоизма» и «национальной этики». Значительно дальше эту критику католицизма как составной части польской национальной идентичности продвинул Ян Стахнюк, польский философ и деятель из круга, сосредоточенного в межвоенное время вокруг ежемесячника «Задруга». Стахнюк считал, что следует отказаться от всей, до сих пор существующей польской идентичности, определяя ее как «польско-католическую», считая ее грузом, предотвращающим правильное развитие нации и государства.

«Болезнь, которая истощила польский народ, имеет родословную, простирающуюся до основ человечества и культуры»[5], — писал он, заверяя, что переход обучения и воспитания последующих поколений в руки Костёла привело к полной деформации некогда коллективистской польской культуры в сторону крайнего персонализма и индивидуализма, угрожающих основам функционирования народа и государства.

В сравнении с традицией романтически-мессианской, критически-позитивистское течение зафиксировало больше успехов на поле строительства современной польской национальной идентичности. Ян Стахнюк, находившийся в 1944 году в Варшаве, желая или не желая того, принял участие в восстании в качестве его рядового участника, вероятно не догадываясь об отсутствии реализма у его руководителей и надвигающейся трагедии. Его судьба является примером консерватизма польских политических элит в вопросах, связанных с модификацией доминирующего в Польше культурного кода; когда после войны в своём открытом письме он обратил

---

3 R. Dmowski. Podstawy polityki polskiej // Przegląd Wszechpolski. 1905. S. 339.

4 Z. Balicki. Egoizm narodowy wobec etyki. Lwów, 1914.

5 J. Stachniuk. Człowieczeństwo i kultura. Poznań, 1946. S. 3.

внимание властей коммунистической Польши на необходимость работы над национальным характером поляков, необходимость своеобразной культурной революции, он оказался в заключении по обвинению в «право-националистическом уклоне».

Понятие Другого как условие самоидентификации

Понятие Другого до сих пор позволяло многим обществам сохранить национальную идентичность и обособленность. Воспоминание о Другом может быть резким отрицанием приписываемых ему черт и противопоставлением ему собственных черт, зачастую — идеализированных. Это может быть также просто холодным указанием на реально существующие различия. Чаще всего Другой — это сосед, поскольку с ним легче всего сравниваться. Знаем его, знаем историю наших отношений и отсюда можем предполагать, что именно отношение к нему строит нашу самоидентификацию. Отношение к соседу в условиях многонационального общества может быть перенесено на уровень отношения к национальным меньшинствам. Национальные идентичности продолжают играть свою роль в Европейском Союзе, а объявленная в очередной книге Юргена Хабермаса эпоха «постнациональной демократии»[6] на европейском уровне пока что остается утопией, особенно сейчас, во время последнего кризиса интеграционного проекта.

Та часть польских элит, которая перед лицом переживаемого ими краха проекта модернизации польской идентичности хотела обратиться к европейской идентичности, разочарована. Проводимые регулярно исследования отношения поляков к другим нациям показывают, что их отношение к соседям заметно улучшается одновременно с интенсификацией взаимных контактов. Это относится, в первую очередь, ко всем историческим нациям, польское соседство с которыми определяло историю польского государства, а также его восприятие со стороны современных немцев и русских. Согласно исследованиям 2010 года, симпатии к немцам выразили 39 % опрошенных, а к русским — 34 %. Неприязнь к этим нациям декларируют соответственно — 28 % и 31 % опрошенных[7]. При сравнении этих исследований с данны-

6 J. Habermas. Zur Verfassung Europas. Berlin, 2011.

7 Centrum Badania Opinii Społecznej. Stosunek Polaków do innych narodów. Warszawa, 2010.

ми предыдущих лет становится очевидным более чем двукратное сокращение неприязни и рост симпатий к немцам и русским. Такую же тенденцию можно наблюдать по отношению к другим соседним нациям — украинцам, белорусам и литовцам. Негативным (более 40 % ответов опрошенных) осталось отношение поляков к цыганам, румынам, арабам и туркам, хоть в случае с двумя последними нациями образ был сформирован скорее на основе коллективных представлений, а не реальных контактов.

Какой из этого вывод? Национальная идентичность современных поляков все в меньшей степени подлежит определению на базе эмоционального отношения к Другому — соседу или представителю меньшинства. Хоть теоретически именно в моноэтническом обществе, каким стала после Второй мировой войны Польша, это представление Другого (соседа) могло бы стать важным элементом идентичности.

Преобразование современной польскости — от романтизма к постмодернизму

Попытки обратиться к идентичности поляков в последние годы располагались в поле политической дискуссии. Политический лагерь, сформированный и управляемый Ярославом Качиньским, стремился вызвать эмоции и разделить общество вокруг проблематики идентичности. Идентичность в представлении этой среды должна была быть заново построена посредством соответствующей исторической политики, формирования современного, но черпающего вдохновение из романтических традиций, патриотизма. Ярким примером действий во имя осознаваемой таким образом идентичности было основание Музея варшавского восстания в Варшаве, самого современного мультимедийного образования такого типа в Польше. Такая, приносившая поначалу видимые эффекты, политика формирования идентичности подверглась карикатурной дегенерации в связи с авиакатастрофой под Смоленском. Начавшийся тогда конфликт двух параллельно существующих в Польше идентичностей привел к сужению романтически-жертвенного образа Польши до позиции меньшинства. Отражением этого процесса был на удивление хороший избирательный результат постмодернистского Движения Паликота на последних парламентских выборах 2011 года. Таким образом, современное польское раздвоенное самосознание нашло свое проявление в двух крайних позициях.

Результатом радикализации двух соперничающих взглядов на Польшу стала маргинализация самой проблематики идентичности в польском общественном и политическом дискурсе. Национальная идентичность и разновидность понимания польскости постепенно стали вопросом индивидуального выбора гражданина. Поэтому сегодня можно утверждать, что польское чувство национальной общности перешло в фазу постмодернистского свободного рынка, означающего свободу выбора из множества предложений и мировоззрений, без доминирования одного образа.

А. С. ПУЧЕНКОВ

ДЕНИКИН И КУБАНЬ В 1919 ГОДУ: ДВА ЭПИЗОДА ОТНОШЕНИЙ

Особую роль в ходе гражданской войны на Юге России играли отношения Добровольческой армии, а затем и Вооруженных Сил на Юге России, с Кубанью.

Данной теме посвящена серьезная историография, причем в последние годы активность исследователей этой проблемы резко возросла. В новейшей историографии проблемы основные вопросы, затрагиваемые историками, следующие: кубанский сепаратизм — насколько он был несовместим с политикой ВСЮР; сделала ли Добровольческая армия все возможное для того, чтобы избежать политического кризиса; и, наконец, идеология самого казачества, не только его верхов — совпадала ли она с лозунгами «Единой, Неделимой», или же казаки находились на позициях, близких к сепаратизму.

Единой точки зрения на вышеназванные вопросы в отечественной исторической науке нет. Скажем, Г. М. Ипполитов видит основную причину разногласий Деникина с политическими деятелями Кубани в «полярности политических основ действий А. И. Деникина и Кубанской Рады», выражавшуюся, по его мнению, в том, что Деникин — бескомпромиссный сторонник Единой, Великой и Неделимой России, а члены Рады, пишет Ипполитов, — «ярко выраженные сепаратисты».[1] Исследователь, види-

[1] Ипполитов Г. М. Кто Вы, генерал А. И. Деникин? Монографическое исследование политической, военной и общественной деятельности А. И. Деникина в 1890–1947 гг. Самара, 1999. С. 54.

мо, предпочитает не замечать в Раде наличие разных, в том числе и проденикинских течений. Ставропольский историк Н. И. Суханова утверждает, что «Кубань строила отношения с Добровольческой армией с позиций собственных интересов. С ее помощью она стремилась защититься от большевиков и сформировать свою собственную суверенную государственность».[2] В свою очередь петербургский историк В. Б. Лобанов утверждает, что кубанцы с самого начала не испытывали к добровольцам какой-либо приязни и пошли на соединение с Корниловым лишь из боязни быть разбитыми поодиночке.[3] И. Белоусов, позиция которого в отношении кубанцев обозначена уже заглавием статьи — «Сепаратисты в стане Деникина», определил это соглашение Кубанского Правительственного отряда генерала В. Л. Покровского с Добровольческой армией генерала Корнилова как «шаткий компромисс», выбрав, как кажется, весьма удачную дефиницию.[4] Историк В. Н. Бурдун рассматривает политику кубанских властей как «отстаивание ими своих узкорегиональных интересов в ущерб государственным», оправдывая борьбу Деникина с таким «узаконенным расчленением страны».[5] А. А. Зайцев, автор одной из лучших монографий по рассматриваемой проблематике, утверждает, что в 1919 г., анализу двух эпизодов которого и посвящена настоящая статья, неуклонно «росла напряженность в отношениях Добровольческой армии и местных правительств, особенно — в отношениях с Кубанской краевой радой».[6] По мнению Зайцева, «наиболее серьезным ударом по Раде стало убийство ее бессменного председателя Н. С. Рябовола»,[7] а к концу 1919 г. противоречия между Радой и Деникиным, по утверждению автора, «достигли своего апогея».[8] В свою очередь, В. П. Федюк высказывает убеждение, что «добровольческое командование от-

---

2 Суханова Н. И. Институциональная политика советской власти и белого движения на Северном Кавказе в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.). Ставрополь, 2004. С. 140.

3 Лобанов В. Б. Власть, общество и оппозиция на Юге России во время Гражданской войны // Общество и власть. СПб., 2003. С. 184.

4 Белоусов И. Сепаратисты в стане Деникина // Родина. 1995. № 2. С. 90.

5 Бурдун В. Н. Кубанское казачество в Белом движении на Юге России (1917–1920): История, проблемы, уроки. Автореф. дис. к. и. н. М., 1998. С. 15.

6 Зайцев А. А. Региональный политический процесс в условиях Гражданской войны 1917–1922 гг.: на материалах Дона и Кубано-Черноморья. Краснодар, 2009. С. 138.

7 Там же. С. 138.

8 Там же. С. 139.

нюдь не стремилось к компромиссу» с кубанскими властями, «что и подтвердили последующие события».[9] В другой своей работе, написанной в соавторстве с А. И. Ушаковым, Федюк высказал убеждение, что исход конфликта добровольцев и кубанцев в 1919 г. во многом зависел от успеха наступления белых на Москву, справедливо отмечая, что, пока «белые наступали на Москву, казачья оппозиция почти ничем не проявляла себя, когда же наступление захлебнулось, голос ее начал звучать все громче».[10]

Между тем отношения казачьих властей и Добровольческой армии были напряженными с самого начала. Кубань, равно как и Дон, в начале гражданской войны придерживалась нейтралитета, выставив для защиты области от большевиков лишь немногочисленные отряды, одним из которых командовал проделавший в кратчайшие сроки головокружительный путь от капитана до генерала В. Л. Покровский. Казаки были разбиты и оставили красным Екатеринодар, к которому в те дни марта 1918 г. с боями пробивалась Добровольческая армия, совершавшая свой эпический Ледяной поход. Недалеко от Екатеринодара произошло соединение Кубанского правительственного отряда В. Л. Покровского, вынужденного оставить Екатеринодар под натиском большевиков, с Добровольческой армией, командующим которой был генерал Л. Г. Корнилов.

Сразу же возник вопрос о едином командовании, причем руководители добровольцев, генералы Алексеев и Корнилов, в резкой форме требовали расформирования отряда и вхождения всех кубанских частей в Добровольческую армию. Кубанцы, естественно, были против этого и были вынуждены согласиться лишь под сильным давлением.[11] Однако кардинально этот вопрос решен не был, а просто загнан вовнутрь: опасение быть разбитыми поодиночке превалировало. В итоге «парламент на лошадях», как иронично называли Кубанскую Раду белогвардейцы,[12] вынужден был сделать ставку на Добровольческую армию.

Несколько изменилось положение в связи с освобождением в ходе II Кубанского похода 3 августа 1918 г. Екатеринодара,

---

9 Федюк В. П. Кубань и Добровольческая армия: истоки и сущность конфликта // Гражданская война в России. М., 2002. С. 399.

10 Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 — ноябрь 1920. М., 1997. С. 16.

11 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 255. Воспоминания Н. Н. Богданова, интенданта Добровольческой армии. Л. 116.

12 Скобцов Д. Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани. Париж, [б/г]. Т. I. С. 74–75.

города, в боях за который нашел весной свою смерть признанный вождь армии генерал Корнилов. Как следствие, овладению Екатеринодаром белым командованием придавалось особое значение, а вступление добровольцев в него было обставлено как театральное представление, призванное продемонстрировать единство кубанцев с белогвардейцами.[13]

Между тем «медовый месяц» во взаимоотношениях сторон продолжался совсем недолго. Практически сразу белым пришлось столкнуться с проявлением кубанской самостийности, ополчившейся, по словам Деникина, «против национальной России».[14]

Кубанская конституция предполагала парламентскую форму правления, при этом носительницей верховной власти в ней объявлялась Краевая рада, в промежутках между ежегодными сессиями передававшая свои функции постоянному парламенту — Законодательной Раде. Роль атамана, которым был в то время избран генерал А. П. Филимонов, была, по большому счету, чисто номинальной.[15] Поздравляя Филимонова, Деникин выражал уверенность, что «теперь между Кубанью и Добровольческой армией установятся незыблемо те разумные и сердечные отношения, которые ковались на полях битв».[16] В другой беседе с атаманом Деникин подчеркнул, что он «не завоевывает Кубанскую область, а ее освобождает», указывая на свое нежелание вмешиваться во внутреннюю жизнь Кубани.[17]

Поначалу Деникин был настроен по отношению к Кубани достаточно осторожно, предпочитая не вмешиваться в управление Краем, думая, что лучше «всех огладить и успокоить и не ставить резко никаких вопросов».[18] Однако жизнь сама ставила вопросы о разграничении власти военного командования и кубанского правительства.[19] Последнее, естественно, видело в централизме белых угрозу своему суверенитету.

Расстановка политических сил на Кубани во многом определялась давно возникшим разделением кубанского казачества на две группы — черноморцев (потомков запорожских казаков) и линейцев (потомков донских казаков), причем первые вообще

---

13 Федюк В. П. Кубань и Добровольческая армия: истоки и сущность конфликта // Гражданская война в России. М., 2002. С. 398.

14 Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 4. С. 87.

15 Федюк В. П. Кубань и Добровольческая армия... С. 398.

16 ГАРФ. Ф. Р-7363. Оп. 1. Д. 20. Бумаги атамана А. П. Филимонова. Л. 6.

17 Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

18 Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 147.

19 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 622.

считали себя представителями некой кубанской нации, более близкой к украинцам, чем к русским. Большинство в правительстве и Краевой Раде также принадлежало черноморцам, что определило направление всей политики Кубани и характер ее взаимоотношений с Добровольческой армией.[20] Однако саму Добровольческую армию, летом 1918 г. состоявшую, по утверждению Деникина, на 50 % из кубанцев,[21] политическая борьба на Кубани не затрагивала: «казаки шли за своими начальниками, а эти последние были совершенно лояльны в отношении командования армии и разделяли всецело национальные стимулы ее», — вспоминал белый военачальник.[22] По утверждению Деникина, «самостийностью болела лишь часть казачьих верхов: одни — по заблуждению, другие — по своекорыстию».[23] Таких казаков-самостийников Антон Иванович называл «скорбноголовыми».[24]

Сепаратизм, таким образом, затрагивал в 1918 г. преимущественно верхи Кубани. Рядовое казачество было в значительной мере безучастно к политической борьбе белой и кубанской властей и начало принимать участие в этой борьбе лишь в конце 1919 г.

Член Особого Совещания кадет К. Н. Соколов вспоминал: «Пока Ставка Главнокомандующего и Особое Совещание при нем оставались в Екатеринодаре, неустроенность наших отношений с Кубанью ощущалась болезненно, но не имела катастрофического характера. Центробежные стремления кубанских самостийников-черноморцев находили себе естественный противовес в моральном авторитете и фактическом влиянии Добровольческого Центра, и плохо слаженная машина Добровольческо-Кубанского военно-политического сотрудничества все же работала, хотя и с перебоями и толчками».[25]

С переводом Ставки и правительства в Таганрог и Ростов положение резко изменилось к худшему, поскольку контроль за самостийниками не был налажен, а полноценного представительства Главного командования в Екатеринодаре не было. Взгляды самостийников выражали такие кубанские деятели, как председа-

---

20 Там же. Т. 3. С. 625.

21 ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 124 б. Письмо А. И. Деникина В. В. Шульгину. Лето 1918 г. Л. 1.

22 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 625.

23 Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2006. С. 21.

24 Там же. С. 22.

25 Соколов К. Н. Кубанское действо // Архив русской революции. М., 1993. Т. 18. С. 238.

тель Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовол, П. Л. Макаренко, претендовавший на этот пост после убийства Рябовола, председатель Кубанского правительства Л. Л. Быч. Их высказывания по отношению к Деникину, идее «Единой России» были проникнуты духом своеобразного «кубанского шовинизма». В борьбе с Деникиным самостийники находили возможным вступить в союз с представителями любых антибольшевистских государственных новообразований.[26] Умеренную часть кубанцев составляли линейцы во главе с атаманом Филимоновым, позицию которого разделяли и выдвинувшиеся на фоне русского лихолетья боевые генералы В. Л. Покровский и А. Г. Шкуро, предлагавшие расправиться с Радой еще в конце 1918 г., чему помешал только отказ Филимонова.[27] Отношение Деникина к таким неоднозначным военачальникам, как Шкуро и Покровскому, было очень противоречивое. Признавая их заслуги и зная вместе с тем их пороки, Деникин осознавал, что Покровский и Шкуро — лояльны по отношению к идее «Единой и Неделимой России», а значит — в целом приносят армии пользу. «Покровский и Шкуро... Оба рождены безвременьем, оба имеют большие военные заслуги и большие грехи. Покровский был холодно-жесток, Шкуро — беспутный, мягкий и добрый человек. Оба имели свободный взгляд на «военную добычу» и для себя, и для полков. Но Шкуро щедрою рукою раздавал «благоприобретенное» всякому, кто ни попросит, прикармливая ничтожных и бесполезных приживалов. Покровский же реализовывал «добычу» в крупном масштабе, и употреблял ее расчетливо, для создания себе политического влияния. Они были полезны армии в боевом отношении и опасны развращающими методами обращения с населением. Но во сто крат опаснее были бы они, перекинувшись в стан кубанских самостийников. Самостийники ненавидели их, боялись их и всячески старались умалить их влияние на казаков. Но приняли бы их в свой стан, если бы они перекинулись туда, с распростертыми объятиями, и постарались бы раздуть слагавшуюся репутацию их, как «народных героев...», — вспоминал Антон Иванович.[28]

---

[26] Кубань и Добровольческая армия в 1918–1919 гг. / Вводная статья, подготовка текста и комментарии В. Г. Бортневского // Русское прошлое. 1994. № 5. С. 84–85.

[27] Филимонов А. П. Разгром Кубанской Рады // Архив русской революции. М., 1991. Т. V. С. 323.

[28] Bakhmeteff archive. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Рукопись А. И. Деникина. «Заметки, дополнения и размышления к «Очеркам русской смуты». Folder 1. L. 47. Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк). L. 42–43.

Весь 1919 год прошел в противостоянии главного командования и кубанских сепаратистов. Особенности кубанского парламентаризма обрекали лояльного Деникину атамана Филимонова на роль безликого статиста в сложной политической игре, проходившей в то время. Фактически Филимонов взял на себя неблагодарную роль своеобразного буфера между Деникиным и Радой.[29] Сам атаман утверждал, что его усилия по достижению компромисса между Деникиным и кубанским парламентом, «не давали желаемых результатов и ставили самого атамана в тяжелое положение между двух огней. Вражда то затихала, то вспыхивала с новой силой, грозя перейти в открытый конфликт».[30] Общая нездоровая политическая атмосфера воздействовала и на фронт, пагубно отражаясь, в частности, на боеспособности Кавказской армии генерала барона П. Н. Врангеля, составленной из кубанцев и базировавшейся на Кубани, откуда она должна была получать пополнения и продовольствие.[31]

Средоточием оппозиции Деникину явилась Кубанская Краевая Рада, в которой в адрес белого Главнокомандующего раздавались самые резкие высказывания. В одной из своих статей в «Киевлянине» В. В. Шульгин, стоявший всецело на платформе «Единой России», писал: «Кубанцы никогда не изменяли. Наоборот, они дрались и дерутся за Единую Россию, как львы... Кубанская Рада к кубанцам никакого отношения не имеет...». В продолжение своей мысли лидер русских националистов отмечал «удивительное действие «выборных коллективов» или «рад» на кубанцев и вообще на русских... Это своего рода психоз, одурение...».[32] Однако «одурение» постепенно стало затрагивать и широкие массы кубанцев, чему немало способствовала и агитация Рады.

Особенно усилились самостийнические течения на Кубани после убийства неизвестным лицом в ростовском «Палас-отеле» в ночь на 14 июня 1919 г. председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовола. Рябовол был непримиримым противником Деникина и прославился своими резкими высказываниями против политики белого командования. Хотя расследование и было замято, никто не сомневался, что убит он был представителями кругов, близких к добровольцам.[33] Так оно и было на самом деле.

---

29 Калинин И. Русская Вандея. М. Л., 1926. С. 63.

30 Филимонов А. Историческая справка // Новое время. Белград. 1923. 11 октября.

31 Соколов К. Н. Кубанское действо... С. 238–239.

32 Шульгин В. «Радиальное действие» // Киевлянин. 1919. 21 ноября.

33 Дом «Русское Зарубежье» А. Солженицына. (ДРЗ). Ф. 1. А-78. Воспоминания члена Кубанской Краевой Рады М. К. Кулика. Л. 10.

Воспоминания белогвардейца Дмитрия Борисовича Бологовского, выполнявшего в Добрармии роль организатора «непарламентских» методов политической борьбы — проще говоря, всякого рода грязных мероприятий, например, убийств, террористических акций и т. д. — позволяют приоткрыть завесу над этим темным делом. Если верить патологически откровенному в своих мемуарах Бологовскому, не стеснявшемуся в изображении «теневых» сторон своего ремесла, «заказчиком» убийства Рябовола был Петр Васильевич Карташев, член Кубанской Рады, изображавший при Деникине «оппозицию Его Величества» и руководивший тайной военной организацией, возникшей в марте 1919 г. для конспиративной работы «против самостийников и большевиков во имя Великой идеи воссоздания нашей Родины».[34] В состав организации, помимо офицеров-добровольцев, была принята часть служащих Осведомительного отдела Кубанского Краевого правительства, сформированного в свое время Карташевым — бывшим начальником Политического отдела при правительстве. Самостийническая линия Кубанского краевого правительства военной организацией Карташева не поддерживалась. Пользуясь связями Карташева, агитаторы организации неуклонно вели пропаганду идей «Единой, Неделимой» — как бы от имени кубанских властей.[35] Основные задачи организации сводились к решительной борьбе с самостийническим движением и осуждению и критике Законодательной Рады и «доказательство ее ненужности».[36] При организации существовал «особо секретный отдел», круг занятий которого не обозначался даже в секретном докладе о деятельности организации. Возможно, что «особо секретный отдел» мог заниматься и устранением неугодных организации и идее «Единой, Неделимой России» лиц. В любом случае, «заказ» не исходил от Деникина, действительно не знавшего ничего о готовящемся устранении Рябовола. Бологовский сотоварищи и не надеялись в этом деле на поддержку «богородицы», как они между собой называли Деникина, прозвав так Главнокомандующего за его «честнейшую, незлобливейшую и не приспособленную к жизни

---

34 Bakhmeteff archive. Petr Vasil`evich Kartashev collection. Box 1. (Коллекция не разобрана.) Краткий доклад о деятельности военной организации полковника П. В. Карташева. Ноябрь 1919 г. Листы не проставлены. Предоставлен С. Машкевичем (Нью-Йорк).

35 Там же. [Без листов.]

36 Там же. [Без листов.]

сей натуру».[37] Бологовскому предстояло действовать, не имея официальной поддержки добровольческой администрации; вместе с тем и Бологовский, и его люди были абсолютно убеждены в том, что среди строевого начальства они найдут полное сочувствие.[38]

В июне 1919 г. курьер от Карташева привез Бологовскому записку от Петра Васильевича, смысл которой сводился к следующему: следовало не просто не мешкая, а в течение 3 дней, убить Рябовола. Последний в качестве делегата от черноморской секции Кубанской Краевой Рады намеревался выступить с воззванием на открывающейся на днях Южнорусской конференции. Воззвание, подписанное большинством членов рады, призывало казаков-кубанцев бросить фронт армии Деникина и уходить к границам своей области. По словам Бологовского, «это грозило кончиться, если не полным развалом фронта Вооруженных Сил Юга России, то во всяком случае большими осложнениями в междуобластных отношениях. Избежать всего этого можно было только уничтоживши Рябовола, как главного инициатора этого воззвания».[39]

Необходимо было разработать план организации убийства. Известно было, что Рябовол проживает в «Палас-отеле» Ростова. Для деяний подобного плана у Бологовского существовала «команда», включавшая в себя нескольких офицеров, объединенных еще, помимо прочего, в тайный монархический орден. В итоге в деле, кроме самого Бологовского, было задействовано еще четверо офицеров. Ключевая же роль в устранении Рябовола принадлежала «миледи» — плотно сотрудничавшей с командой Бологовского уроженкой Петербурга Хотимской.

Бологовский вспоминал: «Из всех комбинаций, приходивших мне в голову, я остановился на такой: поселить Хотимскую в Палас-Отеле, познакомить ее с Рябоволом и вечером заставить их вместе ужинать; за этим ужином Хотимская должна постараться увлечь Рябовола настолько, чтобы часа в 2–3 ночи, т. е. когда уже стихнет всякое движение в коридорах, он прошел бы или из своего номера в ее или же, все равно, из ее в свой, и в коридоре убить его. Для усиления увлечения Рябовола, кроме личных природных качеств г-жи Хотимской, должен был служить алко-

---

37 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 220. Воспоминания белогвардейца Д. Б. Бологовского. Л. 2 а.

38 Там же. Л. 10.

39 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 260. Воспоминания Д. Б. Бологовского. Л. 5–6.

голь в возможно большем количестве и так называемые «капли шпанских мушек», пузырек которых у меня был. Впрочем, этим каплям так и не пришлось фигурировать в деле: когда Хотимской было объяснено действие «шпанских мушек» [аналог афродизиака. — Авт.], то она, как женщина самолюбивая, с презрением отвергла их».[40] Сослуживец Бологовского еще по Великой войне полковник Краснопольский помог достать исправный автомобиль без номеров, на котором можно было легко и быстро скрыться из Палас-Отеля. Заранее был выбран и «отступательный» маршрут для автомобиля, т. е. путь, на котором было бы поменьше полицейских постов. Шофером согласился быть сам Краснопольский, помогать которому должен был его приятель — тоже офицер. Условившись обо всем с Краснопольским, успокоенный Бологовский вернулся к себе в «Северную гостиницу».[41]

Алиби Бологовского обеспечивалось просто: по легенде, ночь он должен был провести у сотрудничавшей с ним известной шансонетки Дези. «В результате долгих переговоров условились с ней так: часов в 11 она поедет в погребок Симпсон (в одном квартале от Палас-Отеля) возьмет отдельный кабинет и будет одна ужинать, а около 12–30 я за ней заеду и поедем немножко покататься; потом я завезу ее домой и сей же час от нее уеду и опять приеду перед утром, но если завтра или послезавтра кто-нибудь спросит ее, то она должна сказать, что я был у нее целую ночь», — вспоминал Бологовский.[42] Важная деталь: один из офицеров «команды» Бологовского должен был познакомиться с швейцаром Палас-Отеля и потом возможно сильнее напоить его.

Акция была устроена на вечер. Все для убийц складывалось как нельзя лучше: Рябовол с компанией кубанцев начали праздновать в зале ресторана Палас-Отеля с утра пораньше и пили не прекращая до вечера. К тому моменту, когда Рябовол был уже пьян, за столом появилась Хотимская, начавшая флирт с будущей жертвой. Бологовский вспоминал: «Хотимская вела дело правильно: сидела очень близко к Рябоволу, постоянно подливала ему вино, чокалась с ним и, видимо, отчаянно с ним кокетничала. Физиономия Рябовола цветом уже не отличалась от его черкески [красной. — *Авт.*], а глаза совершенно спрятались... Я внимательно наблюдал, насколько позволяло расстояние, все перипетии флирта между Хотимской и Рябоволом.

40 Там же. Л. 7–8.
41 Там же. Л. 8.
42 Там же. Л. 17.

Все шло, казалось мне, хорошо... Приближался самый важный момент: сумеет ли Хотимская увести Рябовола... Я остановился под лампочкой и развернул газету. Хотимская и Рябовол, выходя из ресторана, неминуемо пройдут мимо меня, и я узнаю, что они собираются делать. Ждал минут 20, наконец, показались и они. Возле меня в 10-ти шагах был перекресток их пути: по лестнице наверх — к Рябоволу или через вестибюль на улицу. Они остановились как раз на перекрестке и о чем-то быстро говорили, но тихо, почти шепотом, так что слов я не мог слышать. Но было очевидно, что Рябовол хотел идти наверх, а Хотимская тянула его на улицу. Я видел, что Хотимская вздрогнула и неприятно пыжилась, заметивши меня. Она стояла ко мне лицом, а Рябовол спиной. Я пристально смотрел ей прямо в глаза. Наконец, они на чем-то порешили, Рябовол подозвал швейцара и приказал ему сказать в ресторан, чтобы принесли к нему в номер бутылку хереса, бутылку малаги и фруктов. Затем Хотимская и Рябовол направились к выходу на улицу. Женщина победила. Браво».[43] Рябовол уехал с Хотимской кататься на лихаче, в то время как убийцы с нетерпением ждали их возвращения, находясь внутри Палас-Отеля у входной двери. В четвертом часу ночи извозчик наконец-то подвез парочку к гостинице. Швейцар, на звонок Хотимской, потянул веревку, и дверь открылась. «Хотимская быстро вскочила внутрь, Рябовол шагнул за ней, одна нога его была уже внутри. Два выстрела четко хлестнули воздух. Хотимская вскрикнула и на секунду присела, закрыв лицо руками. Мне показалось, что она тоже ранена, только я недоумевал, как это могло случиться. А Рябовол без стона, без крика, без хрипенья, повалился вперед и слегка в сторону. Одна нога его согнулась и подвернулась под него, а другая была вытянута и торчала из двери на улицу. Смерть была мгновенная. Две пули попали ему в затылок».[44] Часть «команды» Бологовского скрылась на автомобиле, а он сам, не спеша покуривая папиросу, пошел к шансонетке Дези.

Убийство Рябовола вызвало страшный переполох. Немедленно началось следствие, вскоре запутавшееся в различных показаниях свидетелей. Арестованный в ночь убийства граф Воронцов-Дашков, в компании которого ужинала «команда» Бологовского, вскоре был отпущен на свободу. Бологовский, как ужинавший в компании графа, допрашивался следователем в качестве свидетеля по воз-

43 Там же. Л. 19–21.

44 Там же. Л. 22–23.

бужденному уголовному делу; алиби Бологовского было подтверждено шансонеткой Дези, и своими показаниями убийце, придерживавшемуся, по его словам, «политики молчания и отрицания»,[45] успешно удалось запутать следствие, которое зашло в тупик.

Главный виновник происшествия, Рябовол, или вернее, труп его, был проклят его собственной женой, приехавшей из Екатеринодара и уверенной, что он был убит на романтической подкладке; а после проклятия был торжественно перевезен в Екатеринодар. Филимонов, находившийся во Владикавказе, был оповещен об убийстве Рябовола срочной телеграммой от имени председателя Правительства П. И. Курганского, в которой ему сообщалось о том, что «в 3 часа ночи на 14 июня в Ростове убит Председатель Краевой Рады Рябовол».[46] Однако, из-за различного рода уголовных разбирательств, тело покойного было привезено в Екатеринодар лишь вечером 21 июня 1919 г.,[47] в пути поезд останавливался на крупных станциях, где отслуживалась панихида по убитому Председателю Краевой Рады.[48] Приговоры станиц, отложившиеся в Государственном архиве Краснодарского края, свидетельствуют о глубокой скорби кубанцев по поводу убийства Рябовола и о том, что причастность добровольческих кругов к гибели Николая Степановича была для станичников очевидна: в частности, в приговоре станицы Придорожной высказывалось пожелание того, чтобы «все наши избранники Краевого Правительства и Законодательной Рады при поездках охранялись нашими Кубанскими казаками».[49] О популярности убитого Рябовола свидетельствует и тот факт, что в память покойного в народе слагались песни.[50] В самом Екатеринодаре похороны Рябовола были организованы необычайно помпезно: Рада настаивала на том, что статус покойного предполагает и обязательные панихиды по убитому во всех населенных пунктах, и обязательное участие в похоронах делегаций от всех станиц Кубани, и участие представителей строевых частей, и воздание должных почестей Николаю Степановичу со стороны Дона.[51]

---

45 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 220. Л. 9.

46 Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 223. Л. 9.

47 Там же. Л. 7.

48 Там же. Л. 3–6.

49 Там же. Оп. 1. Д. 148. Л. 27.

50 Васильев И. Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар, 2010. С. 22.

51 ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 223. Л. 2.

С первого же дня пресса Кубани намекала на «добровольческий» след в этом преступлении, подчеркивая, что «самостийничество» 38-летнего Николая Степановича было главной причиной его убийства.[52] Дальше всех зашедший в своем «журналистском расследовании» Виктор Севский получил от убийц по почте «черную метку» — письмо, в котором «мстители черной руки» предупреждали фельетониста «Приазовского края», что он будет убит, если не бросит писать подобные статьи. Письмо были подписано: «убийцы Рябовола такие-то», а вместо печати была нарисована страшная зеленая рука (черных чернил под рукой у Бологовского и его «команды» не оказалось). Напуганный Севский больше заметок по «делу Рябовола» не писал.[53]

Незадолго до смерти Деникин закончил работу над своими «Заметками, дополнениями и размышлениями к «Очеркам русской смуты». В этой рукописи генерал уточнял те события, о которых, по его мнению, он недостаточно определенно высказался в самом пятитомнике «Очерков». О смерти Рябовола Деникин написал следующее: «В моем архиве есть (полученная в эмиграции) записка полковника Бучинского, в которой он в качестве убийц Рябовола называет негласную контрразведку подп. (правильно — полковник. — *Авт.*) Карташева. Лично я об ее участии в убийстве до того никогда не слыхал. Карташев (по служебному происхождению — жандармский офицер) непостижимым образом состоял долгое время секретарем... Быча. Фактически же служил интересам Добровольческой армии, осведомляя Драгомирова о деятельности своего принципала и кубанских самостийников. Когда Быч обнаружил такое «совместительство», Карташев ушел...».[54]

Смерть Рябовола была воспринята на Кубани как вершина добровольческого засилья и произвола и спровоцировала резкий рост оппозиционных Деникину настроений.[55] Положение на Кубани начинало выходить из-под контроля белой администрации.

Ненормальность ситуации отчетливо понимали и Деникин и Врангель, прибывший в начале октября 1919 г. в Таганрог. В беседе с Врангелем Главнокомандующий ВСЮР указал ему «на необходимость покончить с тем злокачественным нарывом,

---

52 Зеленский И. Преступление // Приазовский край. Ростов-на-Дону. 1919. 15 июня.

53 ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 260. Л. 26.

54 Bakhmeteff archive. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Рукопись А. И. Деникина. «Заметки, дополнения и размышления к «Очеркам русской смуты». Folder 1. L. 47. Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк).

55 Калинин И. Русская Вандея... С. 238–240.

который мутит кубанскую жизнь».[56] Врангель, к слову сказать, пришел к тому же убеждению и ехал к Деникину с тем же предложением. Нельзя сказать, что белое командование единодушно было убеждено в необходимости силового разрешения конфликта. Так, командующий Донской армией В. И. Сидорин в присутствии Деникина высказывал мнение, что «каждый неосторожный шаг, сделанный сейчас, послужит к развалу кубанских частей, находящихся на фронте». Деникин же был убежден в том, что «Врангель, наконец, этот узел разрубит. То или другое... Окончательное разрешение вопроса крайне необходимо. На Кубани сложилась невыносимо тяжелая атмосфера. Жить вместе так, как мы жили, дальше невозможно».[57] Любопытно, что в составленной в октябре 1919 г. сотником дю Шайла, заведующим политической части управления генерал-квартирмейстера Донской армии, записке «Кубанский политический кризис» утверждалось, что насильственный способ разрешения кризиса на Кубани — ошибка и будет воспринят казачеством «как первое покушение на жизнь казачьих государственных образований и как пробуждение старого российского централизма».[58] В своей записке дю Шайла высказал мнение о том, что «единственный выход из тяжелого политического кризиса — выступление Дона, как посредника и Третейского судьи».[59] Однако Деникин, видимо, уже не верил в возможность компромисса с кубанскими политическими кругами и был готов идти напролом, используя Врангеля в качестве исполнителя своей воли.

В основе изначального замысла Врангеля была идея об изменении кубанской конституции в сторону расширения прав атамана. Идею своеобразной «президентской республики» одобрил и Деникин, прикомандировавший к Врангелю в качестве советника по политическим вопросам начальника отдела законов и пропаганды члена Особого Совещания профессора К. Н. Соколова.[60] Можно было начинать действовать. Активизация деятельности белогвардейцев в свете «кубанской проблемы» приурочивалась к открытию 15 октября 1919 г. чрезвычайной Кубанской рады.

С самого открытия Рада повела себя в отношении добровольцев крайне агрессивно.[61] В какой-то мере это объяснялось

---

56 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 614.

57 Раковский Г. Н. В стане белых. Константинополь, 1920. С. 32.

58 ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

59 Там же. Л. 8.

60 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 614.

61 Федюк В. П. Кубань и Добровольческая армия... С. 405.

избранием на пост заместителя председателя Краевой рады черноморца И. Л. Макаренко,[62] во многом олицетворявшего собой кубанский сепаратизм. Однако шансы на изменение конституции, как это и задумывало белое командование, сохранялись. Вместе с тем события стали развиваться непредсказуемо. В значительной степени Рада находилась под влиянием представителей крайних социалистических течений, объединенных федералистов-республиканцев, требовавших создания на Кубани суверенного государства. Кубанским отделом пропаганды по станицам были разосланы агитаторы, деятельность которых сводилась к доказательству того, что Добровольческая армия есть реакционная организация, стремящаяся к реставрации старого порядка и угнетению народа.[63] Самостийники не скупились на затраты, подкупая депутатов Рады — казаков — спиртом, деньгами и обмундированием.[64] Конфликт был неизбежен. Рада, о которой в те дни сообщали, что она «левеет с каждым часом»,[65] уже требовала репрессий против чинов Добровольческой армии.

В заговор было вовлечено немало людей. Ключевую роль в нем играл отставленный в итоге А. П. Филимонов, без инициативы которого по конституции чрезвычайная сессия Рады не могла быть собрана. Однако Филимонов не знал, что при расчете политических комбинаций на Кубани белые его в расчет уже не берут, рассматривая другие кандидатуры на пост атамана.[66]

Прибытие на Кубань популярного в Крае П. Н. Врангеля, который прежде, по словам мемуариста, «расшаркивался перед кубанским представительным учреждением»,[67] позволяло рассчитывать на успех переворота. Поводом к разгону Рады послужил факт заключения парижской делегации кубанской Краевой рады с правительством Горской республики особого договора,[68]

---

62 Несменяемым председателем считался убитый Рябовол, семье которого, по единогласному решению Рады, должно было выплачиваться пожизненное содержание из расчета жалованья, получаемого им как председателем Рады. (ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 69. Л. 2–3.)

63 ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 83. Л. 26.

64 Там же. Письмо А. П. Филимонова полковнику Б. А. Энгельгардту. 30 октября 1919 г. Л. 30.

65 Там же.

66 Федюк В. П. Кубань и Добровольческая армия... С. 404–405.

67 Калинин И. Русская Вандея... С. 128.

68 Договор был подписан в Париже в июле 1919 г. С кубанской стороны договор подписали: Л. Быч — председатель Кубанской делегации, В. Савицкий — член делегации, А. Намитоков — член делегации. Со стороны Союза горских народов Кавказа: А. Чермоев — председатель делегации, И. Гайдаров — член

который был квалифицирован в ставке и в Особом Совещании при Деникине как измена России.[69] Очевидец событий, излагая кубанскую точку зрения, утверждал, что в тексте договора «даже с увеличительным стеклом нельзя было найти никакого «предательства» и «измены» России. Нужно было нарочитое желание придать этому договору характер «предательства» и «измены», а у командования армии этого желания оказалось с избытком. Этот договор и появление в Екатеринодаре одного из подписавших его членов делегации послужило сигналом для нажатия спуска курка, заранее заряженного специально подобранным зарядом ружья и командование армии, — нажало на спуск...».[70]

25 октября 1919 г. Главнокомандующий отдал приказ об аресте и предании военно-полевому суду всех, кто подписал этот договор.[71] В составленной по горячим следам записке неизвестного автора «События на Кубани» (судя по характеру документа, автор — кубанец, возможно член Рады) говорилось о том, что «Названный приказ произвел на Краевую Раду ошеломляющее впечатление, как по форме «приказываю», так и по существу... Отношение к этому приказу со стороны Рады было единодушное и резко отрицательное. «Судить их дело наше» — вот на чем сошлись все без исключения группы Краевой Рады...».[72] На территории, подконтрольной ВСЮР, в тот мо-

---

делегации, Х. Хадхарагов — член делегации, Г. Баммат — министр иностранных дел. Первый пункт договора (всего их было пять) гласил: «Правительство Кубани и Правительство Республики Горских Народов Кавказа настоящим торжественным актом взаимно признают государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и Союза Горских Народов Кавказа». Последующие пункты договора говорили о необходимости тесного экономического и военного сотрудничества между договаривающимися сторонами. (ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–3.) В свою очередь А. И. Кулабухов, единственный, присутствовавший на новой сессии Кубанской чрезвычайной Краевой Рады, из подписавших договор с горцами, в печати специально опроверг наличие такого договора, заявив о том, что «никаких договоров, как таковых, в бытность мою в Париже, Кубанская парламентская делегация ни с кем не заключала. Поводом для циркулирования слухов по названному вопросу послужило, вероятно, подписание Кубанской и Горскими делегациями проекта «договора дружбы», что сделано делегацией по праву, данному ей Чрезвычайной Радой, — «всесторонне защищать интересы Кубанского Края». (Там же. Л. 4.)

69 Филимонов А. П. Разгром Кубанской Рады... С. 326.

70 ДРЗ. Ф. 1. А-78. Л. 11.

71 Федюк В. П. Кубань и Добровольческая армия... С. 406–407.

72 ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.

мент находился (в Екатеринодаре) только член Рады священник А. И. Кулабухов, арест которого не мог быть произведен без распоряжения местной краевой власти, согласия каковой на это у Деникина не было и быть не могло. Бесконфликтно решить этот вопрос было невозможно. Следовательно, отдавая распоряжение Врангелю арестовать и судить Кулабухова, Деникин фактически предоставлял Петру Николаевичу свободу действий.[73]

План Врангеля заключался в том, чтобы сосредоточить в Екатеринодаре к моменту открытия Рады надежные войска, с которыми можно было бы действовать сообразно обстоятельствам.[74] Для реализации этой идеи еще в октябре Кубанский край был включен в тыловой район Кавказской армии. Очевидец событий, член Кубанской Краевой Рады М. К. Кулик вспоминал: «Как гром из ясного неба, появляется приказ по армии о включении Кубанского края в тыловой район Кавказской армии, состоявшей из Кубанцев и Терцев, под командованием ген. Врангеля. Это значило, что на территории Кубанского Края перестали действовать гражданские законы, а вступили в действие — военные. Атмосфера быстро стала нагнетаться и сгущаться, каждый день приносил что-нибудь новое, еще больше сгущавшее напряжение».[75] Это давало Врангелю широкие административные права в крае. Можно было начинать действовать.

Для непосредственного выполнения операции Врангель назначил командующим войсками тыла Кавказской армии генерала В. Л. Покровского, прибывшего с фронта с бригадой казаков (официальным командующим бригадой был полковник Бурак), расположившихся для отдыха в станице Пашковской, в 7 верстах от Екатеринодара.[76] М. К. Кулик вспоминал о Покровском: «Своими расправами с пленными большевиками, а также в освобожденных от большевиков станицах с поддерживавшими большевиков жителями, он снискал себе славу беспощадного, жестокого начальника, многие звали его — «вешатель», за его пристрастие к виселицам. Назначение его командованием армии для расправы над Радой, а что он прибыл с бригадой в район Екатеринодара именно для этой цели, никто не сомневался, —

---

73 Врангель П. Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916–1920. М., 2006. С. 276.

74 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 614.

75 ДРЗ. Ф. 1. А-78. Л. 11.

76 Фон Дрейер В. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война Красного Севера с Белым Югом 1918–1920 года. Берлин, 1921. С. 73.

не предвещало ничего хорошего».[77] Покровский основательно подготовился к выполнению приказа Врангеля и Деникина, подспорье ему оказала и организация Карташева. По приказанию Командующего организацией, были составлены списки активных самостийников; за ними велось скрытое наблюдение; для личной охраны Покровского и производства арестов Карташевым был выделен сильный офицерский отряд.[78] Здание Зимнего театра, в котором заседала Краевая Рада, было полностью блокировано. По словам ближайшего друга и единомышленника Врангеля, генерала П. Н. Шатилова, Покровский смотрел на кубанскую проблему «упрощенно», являясь убежденным сторонником силового решения вопроса.[79] Через атамана Филимонова Покровский потребовал выдачи А. И. Кулабухова и еще 11 активных депутатов-черноморцев, угрожая в случае отказа разогнать парламент силой. Этот ультиматум окончательно расколол Раду на два крыла: правое, во главе с Филимоновым, изъявляло готовность подчиниться, а левое, к которому примыкал Макаренко, не только стояло за отвержение ультиматума, но и требовало свержения атамана-соглашателя и передачи исполнительной власти президиуму Рады.[80] В итоге раздумий Рады все перечисленные в ультиматуме депутаты, за исключением скрывшегося И. Л. Макаренко, приняли решение добровольно отдать себя в руки генерала Покровского. Уходивших из зала заседаний депутатов все члены Рады провожали стоя, выкрикивая им вдогонку: «Прощайте, братцы!»[81] «Провинившиеся» явились в атаманский дворец, где фактическим хозяином являлся уже не Филимонов, потерявший остатки своего авторитета, а Покровский, и были взяты под стражу. Остальные же делегаты, с «тяжелым чувством безнадежности и унижения»,[82] разошлись по квартирам.

Покорность, которую проявили федералисты, сами отдавшись в руки добровольцев, обезоружила Деникина. Решили разделать-

---

77 ДРЗ. Ф. 1. А-78. Л. 11.

78 Bakhmeteff archive. Petr Vasil`evich Kartashev collection. Box 1. (Коллекция не разобрана). Краткий доклад о деятельности военной организации полковника П. В. Карташева. Ноябрь 1919 г. Листы не проставлены. Предоставлен С. Машкевичем (Нью-Йорк).

79 ДРЗ. Ф. 1. М-250. Записки генерала П. Н. Шатилова. Л. 342.

80 Отдел Рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1052. Ед. хр. 38. Воспоминания полковника Б. А. Энгельгардта, начальника отдела пропаганды армии Деникина. Л. 77–78.

81 ДРЗ. Ф. 1. А-78. Л. 13.

82 Там же. Л. 13.

ся с одним Кулабуховым, чтобы запугать Быча и не допустить его возвращения на Кубань. Поздно вечером 6 ноября 1919 г. состоялся военно-полевой суд под председательством кубанца — полковника Ипполита Комянского.[83] Суд рассмотрел дело Кулабухова и приговорил его к смертной казни. На следующий день, рано утром, Кулабухов, в черкеске, но без оружия, был повешен на Крепостной площади Екатеринодара.[84] Именно на Крепостной площади и был похоронен убитый за несколько месяцев до этого Рябовол.

По закону священника Кулабухова нельзя было казнить прежде, чем духовная власть снимет с него священнический сан. Однако это оставили без внимания. На груди казненного прикрепили деревянную табличку со словами «За измену России и кубанскому казачеству», где он провисел целый день в назидание строптивцам.[85] Вокруг виселицы толпилось много народу. «Большинство проходили молча, с опущенными головами, некоторые, проходя мимо виселицы, осеняют себя крестом, но есть и такие, что, проходя мимо повешенного, бросают замечания, вроде — «так тебе и надо» или «собаке — собачья смерть», — вспоминал свои впечатления очевидец.[86] Арестованные члены Рады по приказанию Деникина были высланы под усиленным конвоем в Константинополь,[87] что не вызвало у них особых возражений, поскольку это было явно предпочтительней предания Военно-полевому суду.

На следующий день в Раде появился генерал Врангель, которого депутаты приветствовали шумной овацией, хотя, по образному выражению одного депутата, «у всех на душе кошки скребли».[88] Выступая перед депутатами, командующий Кавказской армией подчеркнул то, что именно с Кубани в гражданскую войну началось воссоздание России, о чем «не имеет права забыть ни один русский человек». Вместе с тем в своей речи Врангель обрушился и на самостийников, отмечая, что «все то, за что десятки тысяч

---

83 Сулятицкий П. Разгром Кубанской Краевой Рады в ноябре 1919 года. Прага, 1931. С. 27.

84 ДРЗ. Ф. 1. А-78. Л. 13.

85 Покровский Г. Деникинщина. Харьков, 1926. С. 184. Любопытно, что именно Кулабуховым было в свое время утверждено внеочередное производство Покровского в генералы.

86 ДРЗ. Ф. 1. А-78. Л. 13.

87 Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.). Харьков, 1926. С. 186.

88 ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 95. Записка неизвестного автора «События на Кубани». Л. 4.

кубанцев пролили свою кровь, все это стало забываться, и чистое, незапятнанное имя Кубани — спасительницы России, стало чернится грязными руками тех, кто мелкое свое честолюбие ставил выше блага России. Все больше раздается голос, обвиняющий Кубань в какой-то самостийности и в измене России... В то время, как мы на фронте не знали, что такое черноморцы и линейцы, ибо мы знаем одних сынов Кубани, где черноморцы и линейцы рядом смешивают кровь свою на полях сражений и делят последний кусок, — в это время здесь сеется рознь между черноморцами и линейцами, как будто бы они не сыны Кубани и Великой России. В то время как на фронте мы вместе деремся, вместе умираем, добровольцы и казаки, иногородние и казаки, здесь идет какое-то деление, которого в жизни их нет. В то время как мы, генералы, хорунжие, войсковые старшины, и казаки, составляем одну семью, здесь объявляют о том, что войну ведут генералы. Еще недавно здесь, с этой кафедры, раздавались речи, которые я иначе не могу назвать как провокацией». Погрозив депутатам, Врангель счел возможным найти для кубанцев лестные слова: «Я не политик, я глубоко преклоняюсь перед широкой областной автономией и правами казачества. (Ура, аплодисменты.) И никогда я не позволю себе посягнуть на эти права, но я, как командующий армией, той армией, от которой зависит ваше существование, потому что она кровью своей прикрывает доступ врагу на Кубань, как командующий этой армией, я обязан спасти ее, я обязан отвечать вам за целость моего фронта. И я не могу допустить того, чтобы в тылу кучка изменников расшатывала бы мой фронт и недостойным политиканством своим заставляла бы голодать мою армию».[89]

Рада выслушала долгую речь Врангеля стоя и, по словам Деникина, «впоследствии не могла простить и себе, и ему этого унижения».[90] Политический кризис на Кубани показательной казнью Кулабухова остановить не удалось, заставить кубанцев ополчиться против большевиков у Деникина не получилось.[91] По мнению В. А. Беляевского, представлявшего казачий фланг белого движения, «Разгромом Кубанской Краевой Рады Деникин нанес своей армии в борьбе смертельный удар. Он срубил сук, на котором сидел».[92] Примерно то же самое говорил и Филимонов, утверждавший, что, «следуя безрассуд-

89 Речь ген. Врангеля // Вольная Кубань. Екатеринодар. 1919. 9 ноября.

90 Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. V. С. 621.

91 Калинин И. Русская Вандея... С. 279.

92 Беляевский В. А. Кто виноват: Воспоминания о белом движении. 1918–1920 гг. Буэнос-Айрес, [195-]. С. 32.

ным советам молодых генералов и потворствуя их тщеславным планам, Деникин подрубил сук, на котором сидел».[93] В свою очередь, полковник Карташев, уже в эмиграции комментируя воспоминания Филимонова, обращаясь к атаману, писал о том, что «разгрома Рады не было никогда. Был произведен арест Кулабухова, вместе с Бычом, продавшего вас [А. П. Филимонова. — *Авт.*] в Париже самозваному правительству Горской Республики...».[94] Карташев удивлялся тому, что Филимонов защищал руководителей Рады, совершивших «государственное преступление» и «восставших против Атаманской власти в крае, коих он же защищал...».[95]

Как видим, отношение к «кубанскому действу» у современников было неоднозначное. Достаточно сказать, что даже в среде добровольческого офицерства поступок Деникина был одобрен не всеми. Вместе с тем часть кубанских обывателей в открытую выражала радость от казни Кулабухова, видя в этом проявление долгожданной твердости Деникина и окончание политики «уговариваний».[96]

Как бы то ни было, после «кубанского действа» утечка кубанцев с фронта резко усилилась, распропагандированные самостийниками казаки не хотели больше идти на Москву и устанавливать там свои порядки, следуя лозунгу: «Мы большевиков к себе не пустим, но освобождать от них Россию мы не желаем, пусть освобождаются сами». Началось, по словам одного мемуариста, «даже не дезертирство, а открытое принципиальное массовое возвращение кубанских казаков домой на строевых лошадях с оружием в руках».[97] Утомленное войной казачество потеряло волю к борьбе, потеряло боевое настроение, в массе своей уже не ассоциируя себя с идеями Белого движения. В одном из эмигрантских казачьих журналов по этому поводу даже было написано, что кубанцы-фронтовики после ноябрьских событий 1919 г. на Кубани потеряли смысл борьбы, а почва была выбита у них из-под ног, к вящему удовольствию большевиков.[98] «Побе-

---

93 Филимонов А. П. Разгром Кубанской Рады... С. 329.

94 Карташев П. Уроки прошлого // Казачий сборник. Берлин, 1922. № 2. С. 38.

95 Там же. С. 37.

96 Наживин И. Записки о революции. Вена, 1921. С. 279.

97 Вакар С. В. «Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия» / Публикация и примечания И. В. Образцова // Русское прошлое. 2006. Кн. 10. С. 92.

98 Государственный переворот на Кубани (19–23 ноября 1919 г.) // Вольное казачество. Париж. 1930. № 69. С. 9.

дою» над Радой Деникин возвратил большевикам все предыдущие победы над ним с присоединением всех возможностей для своего поражения в будущем», — писалось в самостийническом «Вольном казачестве».[99] В свою очередь, советский автор Д. Кин утверждал, что казачество в конце 1919 г. начало понимать, что «Деникин борется не только против большевиков, но и против самих казаков», а вовсе не защищало «трусливую безличную раду».[100] В связи с этим, заключал Кин, «дезертирство из кубанских частей и глухое сопротивление кубанских станиц еще более усилились после всех этих событий».[101]

Действительно, вскоре после «Кубанского действа» фронт дрогнул и начался стремительный откат белых обратно на Юг... В решающий момент борьбы кубанцы отвернулись от Деникина и его идеи освобождения России от большевизма. Видимо, добровольческое командование, к несчастью для общего итога белой борьбы, не сумело проявить должного понимания психологии казачества, а попытка разрешить застарелый кубанский политический кризис к успеху не привела, лишь обострив прежние проблемы. С другой стороны, «самостийная» часть казачества, по большому счету, не могла сочувствовать деникинским планам воссоздания сильной России. Привлечь «самостийников» на свою сторону, добиться от них стопроцентной лояльности и готовности выполнять все планы белого Главнокомандования было делом необычайно трудным и, вероятнее всего, попросту невыполнимым. Деятельность же Кубанской Рады, как с горечью констатировал Деникин, «в конце концов развалила и распылила кубанские корпуса...».[102] Учитывая сложность взаимоотношений конфликтующих сторон, крайне трудно ответить на герценовский вопрос: «Кто виноват?». В любом случае, очевидно, что ошибки и самостийников, и Деникина помогли предать край в руки большевиков.

---

99 Там же. С. 9.

100 Кин Д. Деникинщина. [Л.], 1927. С. 234.

101 Там же. С. 234–235.

102 Bakhmeteff archive. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 10. Рукопись Деникина «Навет на белое движение». (Ответ на книгу генерала Н. Н. Головина «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» Париж, 1937. L. 58.) Предоставлена С. Машкевичем (Нью-Йорк).

АЛЕКСАНДР КАРЕВИН

Т. Г. ТАИРОВА-ЯКОВЛЕВА. ИВАН МАЗЕПА И РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ИСТОРИЯ «ПРЕДАТЕЛЬСТВА». М., 2011

Новая книга профессора Санкт-Петербургского университета, доктора исторических наук, директора Центра по изучению истории Украины Татьяны Таировой-Яковлевой о гетмане Иване Мазепе не могла не привлечь к себе внимания. Не могла уже потому, что предыдущее ее произведение на ту же тему[1] получилось необычайно скандальным. Та «монография» (так не без гордости именует свой печатный труд Татьяна Геннадьевна) оказалась переполнена грубейшими ошибками, наглядно продемонстрировавшими вопиющее невежество автора, что вызвало в ее адрес множество критических замечаний и даже насмешек.

Читатели вправе были ожидать, что оконфузившаяся рассказчица недостоверных историй об украинском гетмане попытается реабилитировать себя. Такая попытка действительно состоялась. Судя по всему, Таирова-Яковлева добросовестно проштудировала разгромные рецензии на свое творчество. Большинство ошибок, на которые указывали критики, она старательно исправила. Многие нелепости, содержавшиеся в первой «монографии», в новом тексте отсутствуют. Мало того, сочинительница открыто признала отдельные свои упущения (правда, только такие, вину за которые

[1] Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. М., 2007. См. рецензию: А. Каревин: Т. Г. Таирова-Яковлева. Мазепа. М., 2007 // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том IX. М., 2010.

можно свалить на других[2]). Работу она провела воистину титаническую (исправлять-то ой как много пришлось!). Можно было бы похвалить Татьяну Геннадьевну за трудолюбие, но...

Но так уж вышло, что, выправив одни погрешности, ученая дама тут же в не меньшем количестве допустила другие. Их разбору и будет посвящена настоящая статья. Сначала, однако, о хорошем. Нужно признать: в некотором отношении вторая «мазепинская» книга — шаг вперед по сравнению с предыдущей. Кое в чем автор, безусловно, приблизилась к истине. К примеру, она больше не приписывает любимому гетману исключительную заслугу вывода Украины из Руины. Наоборот, отмечает роль в указанном процессе Ивана Самойловича, а Мазепу показывает продолжателем усилий предшественника (с. 16).

Гораздо сдержаннее высказывается Таирова-Яковлева и о так называемой «Батуринской резне». Речь уже не идет об уничтожении «всего гражданского населения», «всех женщин и детей», «15 тысяч украинцев»[3]. Вместо этого отмечается, что «погибло множество защитников и жителей города» (с. 357). С такой формулировкой отчасти можно согласиться.

К сожалению, подобных примеров сравнительно немного. Они просто теряются в общей массе ошибок, легковесных суждений, откровенно неправдоподобных домыслов. Невежество сочинительницы обнаруживается сразу, с первых же страниц «монографии», уже во введении, претенциозно озаглавленном — «Отказываясь от мифологии».

Достигнуть декларированной цели (т. е. отказаться от мифологии) у автора не получается по причине слабого знакомства с эпохой, о которой взялась рассказывать. Темой повествования она не владеет, а потому не умеет отличить мифы от правды. «Ляпы» в книге следуют буквально один за другим. Утверждается, например, что «Мазепа не был «пажом» польского короля», а «был отправлен ко двору Яна Казимира в качестве «покоевого» (дворянская должность)» (с. 10). Где же здесь миф? Паж — та же дворянская должность. В научной литературе слова «паж» и «покоевый» часто употребляются как синонимы[4]. Проблема,

---

2 Например, на С. М. Соловьева, неправильно указавшего фамилию собеседника Мазепы во время пребывания будущего гетмана в 1679 году в Москве или на неназванных переводчиков дневника П. Гордона.

3 Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 223.

4 См., напр.: К родословной гетмана Ивана Мазепы // Киевская старина. 1886. № 12. С. 758; Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. 3. Киев, 1912. С. 288.

вероятно, в том, что не все профессора Санкт-Петербургского университета с такой литературой знакомы.

На эту же проблему указывают тезисы, следующие непосредственно за процитированными: «Нет ни одного источника, кроме литературного произведения (т. н. «памятника») А. Пасека, лично ненавидевшего Мазепу, подтверждающего рассказ о романе Мазепы с Фальбовской и о «коне». Об этом унизительном для Мазепы эпизоде не упоминает ни один из его врагов-современников — ни запорожцы, ни В. Кочубей, ни С. Величко. Кроме того, этот эпизод не вписывается в хронологию известных о Мазепе фактов, относящихся к 60-м годам XVII века» (10).

Однако «Памятные записки» Яна Пасека (у Таировой-Яковлевой приведен неправильный его инициал, но это, наверное, опечатка) — не художественное произведение, как следует из контекста, а серьезный исторический источник. Запорожцы могли жаловаться на какие-то распоряжения гетманской власти. Кочубей писал об измене царю. При чем тут амурные похождения Мазепы в юности? Казацкий летописец Величко вообще не сообщает никаких подробностей о службе будущего гетмана при королевском дворе. К тому же перечисленные Татьяной Геннадьевной «свидетели» могли не знать о случившемся когда-то давно в Польше. Не думаю, что сам «герой» скандала сильно распространялся на сей счет.

Зато знали об этой истории и писали о ней, помимо Пасека, такие современники Мазепы, как польский мемуарист Эразм Отвиновский, французский посол в Речи Посполитой маркиз де Бонак, словацкий путешественник Даниэль Крман[5]. О двух первых автор «монографии» не упоминает (может, не подозревает об их существовании?), а на «Дорожный дневник» Крмана ссылается много раз. Достойно удивления, что описания интересующего ее эпизода[6] сочинительница не приметила. Разве что указанный источник она просматривала слишком уж поверхностно (если вообще просматривала, а не заимствовала цитаты у других авторов).

И еще: вопреки утверждению «ученой» дамы, столь не нравящееся ей происшествие вполне вписывается в «хронологию известных фактов». В этот раз Татьяна Геннадьевна не вдается в объяснения, но из предыдущей «монографии» ясно: сообщение Пасека она относит к 1662 году и увлеченно «опровергает» ссыл-

---

5 Стоит также заметить, что записки Пасека впервые были опубликованы в XIX веке, а о скандальном происшествии с Мазепой историки знали уже в XVIII веке.

6 Крман Д. Подорожній щоденник. Київ, 1999. С. 35.

ками на пребывание Мазепы при дворе короля в начале 1663 года. Между тем Пасек указывает четко: скандал случился в 1663 году[7]. Остается предположить, что и этот источник Таирова-Яковлева изучала не очень внимательно.

«Мазепа верно служил Дорошенко, пока не попал в плен к запорожцам в 1674 году» — читаем в разбираемой книге, автор которой уверяет: на службу к Самойловичу Мазепа пошел лишь после того, как Дорошенко «уже отказался от булавы» (6). «Исключительная верность и последовательность!» — умиляется по сему поводу сочинительница. И тут же добавляет: «Только если смотреть на факты через черные очки, можно это оспаривать» (Там же).

Трудно сказать, через какие очки смотрит на прошлое слагательница оды верности, но факт остается фактом: попав в плен, Мазепа выдал все, что знал о Дорошенко, а взятый на службу Самойловичем участвовал в 1676 году в походе против своего бывшего гетмана. В результате этого похода окруженный русскими войсками Дорошенко и был вынужден отказаться от булавы.

Наверное, нельзя здесь судить Мазепу слишком уж строго: он просто испугался и спасал себя. Но и приходить в восторг от его «верности и последовательности» оснований, кажется, нет.

«Мазепа не изменял В. В. Голицыну, так как приносил присягу не фавориту, а царям Петру и Иоанну» (10) — следуют новые рассуждения о верности. «Ученая» дама защищает своего героя от упреков историков. Хотя должно быть понятно: речь идет не о государственном преступлении (нарушении присяги), а о личной неблагодарности гетмана по отношению к человеку, благодеяниями которого пользовался и благодаря которому получил булаву.

«На протяжении многих лет Петр отказывался покровительствовать Палию,.. приказал Мазепе его арестовать и сослать в Сибирь. Роль гетмана в этом случае весьма пассивна», — утверждает Таирова-Яковлева (9). И она же это утверждение впоследствии опровергнет, сообщив, что Мазепа настойчиво слал в Москву доносы на полковника, а затем арестовал его, «не дожидаясь распоряжений царя» (174). Случаи противоречия «ученой» дамы себе самой будут встречаться в книге регулярно.

«Мазепа не соблазнял Мотри Кочубей. Их переписка свидетельствует об исключительно платоническом характере романа» (10). Но о платоническом характере романа «свидетельствует» только сам Мазепа в письме, специально предназначенном (как можно предположить) для глаз отца девушки. Супруги Кочубей говорили

---

7 Пасек Я. Х. Из записок // Русский архив. 1878. Т. 3. С. 346.

об обратном: гетман совратил их дочь. Кому верить? Об истине можно догадываться, но не заявлять что-либо категорически.

«В XVII–XIX веках брак пожилого состоятельного человека с юной девушкой был распространенным явлением... Во времена Мазепы 80-летний значный товарищ П. Забела женился на молодой вдове и имел от нее двоих детей» (10).

Ну, во-первых, доживший (если в родословной правильно показана дата рождения) до 109-летнего возраста и заводивший детей после 80-ти лет Петр Забела — случай скорее редкий, чем распространенный. Во-вторых, сватался старик все же к сорокалетней вдове, а не к шестнадцатилетней девушке (да еще и своей крестной дочери). Проводить аналогии тут неправомерно.

«Так как Мотря была крестной Мазепы, он намеревался просить у киевского митрополита разрешения на этот брак и, учитывая заслуги гетмана перед церковью, наверняка бы его получил», — считает сочинительница. А вот Мазепа совсем не был уверен в положительном решении Церкви, что доказывают его неоднократно публиковавшиеся (в том числе — Татьяной Геннадьевной) письма[8]. «Совершенно не ясно, почему сватовство 65-летнего вдовца — Мазепы рассматривается некоторыми как «блуд», а женитьба старого генерала на Татьяне Лариной — как идеал любви и верности» (10).

Незнакомство Таировой-Яковлевой со знаменитым произведением Александра Пушкина отмечал в рецензии на первую ее «монографию» о Мазепе доктор исторических наук С. Н. Полторак[9]. К этому мнению можно присоединиться. Пушкинскую Татьяну всегда превозносили как идеал верности мужу, но не любви (любила-то она Онегина). Недостаточно высокий уровень образованности «ученой» дамы (иначе незнание «Евгения Онегина» расценить невозможно) обнаруживается здесь явственно, несмотря на все ее ученые степени и звания.

А подтверждается сей уровень репликой автора книги по поводу имевшей когда-то место в Южной Африке театральной постановки пьесы о гетмане: «Нам трудно представить себе Мазепу в исполнении коренного жителя Африканского континента» (8). Представлять чернокожего актера в указанной роли нет необходимости. Почти до конца прошлого века Южно-Африканская республика являлась высокоразвитым государством белых, о чем известно очень многим людям и без высшего образования. (Люди

---

8 Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 264.

9 Полторак С. Н. О мазеповедении и иудознавстве // Клио. 2007. № 3. С. 131.

с высшим образованием об этом, наверное, знают все, кроме одного профессора Санкт-Петербургского университета).

Теперь об историографическом обзоре, включенном во введение. Такие обзоры, краткий рассказ о работах тех, кто писал на соответствующую тему ранее, является неотъемлемой принадлежностью научных (или претендующих на научность) трудов. У Татьяны Геннадьевны обзор не получился. И не мудрено: прежде чем говорить о работах «предшественников», желательно эти работы хотя бы прочесть, что она делала далеко не всегда.

Например, Таирова-Яковлева уверена, что «для выдающегося русского поэта, демократа и декабриста К. Ф. Рылеева Мазепа был идеалом борца за свободу и независимость» (8). Она упоминает поэму «Войнаровский», с которой явно не знакома. Борцом за свободу Рылеев изобразил гетманского племянника Андрея Войнаровского. О дяде же его устами своего героя высказывается не совсем лестно:

Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украйны
Иль в ней себе воздвигнуть трон —
Мне гетман не открыл сей тайны.
Ко нраву хитрого вождя
Успел я в десять лет привыкнуть;
Но никогда не в силах я
Был замыслов его проникнуть.
Он скрытен был от юных дней,
И, странник, повторю: не знаю,
Что в глубине души своей
Готовил он родному краю.
Но знаю то, что затая
Родство, и дружбу, и природу,
Его сразил бы первый я,
Когда б он стал врагом народу[10].

В плане оставшейся ненаписанной поэмы «Мазепа» Рылеев высказался определеннее: «Мазепа. Гетман Малороссии. Угрюмый семидесятилетний старец. Человек властолюбивый и хитрый, великий лицемер, скрывающий свои злые намерения под желанием блага родине»[11]. Неблагоприятные отзывы о гетмане можно найти и в других черновых заметках поэта (они опубликованы).

10 Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений. Л., 1934. С. 219.
11 Там же. С. 413.

Не лучшую информированность проявляет ученая дама в вопросе об отношении к Мазепе авторов народных дум. Она, правда, признает, что ими гетман изображается в неприглядном виде, но стремится обесценить этот факт: «При изучении казацких дум, посвященных Мазепе, следует проявлять осторожность. Знаток украинского народного творчества Драгоманов считал многие из них фальшивыми» (9).

Соответствующую работу Драгоманова Татьяна Геннадьевна не читала (это следует из библиографической сноски), пользовалась пересказом других авторов, а напрасно. Знаток народного творчества, действительно, признавал поддельными некоторые из опубликованных ранее дум, но в своем труде публиковал произведения подлинные, записанные квалифицированными собирателями фольклора непосредственно «из народных уст»[12]. А там: «проклятый Мазепа», «превражий Мазепа», «пес Мазепа» и т. п. выражения попадаются на каждом шагу[13].

В научной мазеповедческой литературе Таирова-Яковлева тоже ориентируется слабо. Значение трудов дореволюционных российских исследователей отвергается ею напрочь: «Нельзя всерьез судить об истинном мнении о Мазепе историков, чьи работы подвергались жесточайшей цензуре, а именно так обстояло дело и в Российской империи, и в Советском Союзе» (7). В частности, сочинительница подозревает в политической ангажированности Николая Костомарова, который «писал свою монографию в годы, когда украинское движение (после разгрома Кирилло-Мефодиевского товарищества) пыталось примириться с российскими властями и старательно подчеркивало свой отказ от любых идей сепаратизма» (Там же).

Развивая мысль, ученая дама сообщает, что «после отмены в начале XX века цензуры, сразу же появились русские исследования, где высказывались совершенно иные суждения о Мазепе (не говоря уже об украинских «промазепинских» работах, например монографии Ф. М. Уманца» (Там же).

Доктору исторических наук не мешало бы знать, что предварительную цензуру для книг объемом более десяти печатных листов (т. е. для всех солидных монографий по истории) отменили в России в 1865 году. Значение цензурных строгостей более раннего периода также преувеличено. Не в них нужно искать истоки негативных оценок гетмана русской историографией. Ска-

---

12 Драгоманов М. Політичні пісні українського народу XVIII–XIX ст. Частина 1. Розділ II. Женева, 1885. С. 5.

13 Там же. С. 1, 2 и др.

жем, упомянутый Михаил Драгоманов[14], историк, фольклорист, литературовед и в то же время ярый противник самодержавия, оказавшись в 1876 году за границей, мог не бояться цензоров. Но Мазепу он все равно именовал «проходимцем»[15].

В «подцензурной» России о гетмане высказывались умереннее. Названная Татьяной Геннадьевной книга Ф. М. Уманца, задавшегося определенной целью оправдать Мазепу, вышла в Петербурге в 1897 году (т. е. до пресловутых свобод 1905 года). Ее критиковали, но не запрещали.

Стоит также напомнить, что Кирилло-Мефодиевское общество было разгромлено в 1847 году, а монографию «Мазепа» Николай Костомаров писал в конце 1870-х — начале 1880-х годов (в совершенно другую эпоху). Можно догадаться, что директор Центра по изучению истории Украины перепутала разгром Кирилло-Мефодиевского общества с другим репрессивным актом, так называемым «Эмским указом» 1876 года (вряд ли настоящий историк допустил бы столь грубую ошибку).

Что же касается работ с «совершенно иными суждениями о Мазепе», якобы появившихся в послецензурную эпоху начала XX века, то из таковых ученая дама назвала всего одно сочинение — «Историю украинского народа» Александры Ефименко. При этом крайне сомнительно, что Таирова-Яковлева взяла на себя труд прочесть указанное сочинение. На поверку, ничего «совершенно иного» там не оказывается. Как и другие исследователи, Ефименко именует переход гетмана к шведам изменой, говорит о двуличии Мазепы, отмечает его непопулярность в народе[16]. А достоинства и заслуги гетмана (природный ум, опыт, энергичное, поначалу, содействие политике Петра, строительство храмов) не отрицались русской исторической наукой задолго до Ефименко (и даже до отмены предварительной цензуры)[17].

Резоннее говорить о подконтрольности цензуре историков советских. Но и тут сочинительница предъявляет претензии невпопад: в СССР, дескать, «вопреки фактам и здравому смыслу» ничего не сообщали о «решающей роли» в Азовских походах «лично Мазепы» (3).

---

14 Сегодня его считают украинским ученым, но в то время деятелей науки на украинских (малорусских) и великорусских не делили — все были русскими.

15 Драгоманов М. Указ. соч. Частина 1. Розділ І. Женева, 1883. С. XLVIII.

16 Ефименко А. Я. История украинского народа. Киев, 1990. С. 269–270.

17 См., напр.: Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 1–15. М., 1837–1843.

Как известно, в Азовских походах лично Мазепа участия не принимал. Малорусскими казаками при осаде и штурме крепости командовал наказной гетман Яков Лизогуб. Мазепа в это время находился в другом регионе — Приднепровье, где тоже шли боевые действия. Иногда, впрочем, исследователи объединяют военные операции русской армии тех лет под общим названием — Азовско-Днепровские походы. Однако Таирова-Яковлева, возвращающаяся к этой теме по ходу книги не один раз, именует походы именно Азовскими и настаивает: Мазепа руководил казаками «под Азовом» (336).

Справедливости ради надо сказать: заблуждение это давнее. Об участии гетмана в том штурме ошибочно упоминалось в некоторых работах, написанных в XVIII веке (что, кстати, снова доказывает: не сдерживала мазеповедов «жесточайшая цензура», Мазепе даже приписывали несуществующие заслуги). Тогдашних исследователей, по всей видимости, сбило с толку то, что, награждая малорусов после Азовской кампании, царь не счел возможным обойти милостями и их гетмана. Уточнить подробности было сложно. Архивы оставались труднодоступными, многие документы в них — неразобранными. Приходилось пользоваться недостоверными источниками информации. Отсюда и ошибка. Она была обнаружена и исправлена последующими поколениями историков. Сегодня даже украинские «национально сознательные» авторы, склонные всячески возвеличивать Мазепу, лавров покорителя Азова ему не приписывают. Российская же ученая дама, углядев, наверное, «замалчиваемый факт» в каком-то древнем сочинении, выражаясь словами старинной поговорки, бухнула в колокола, не заглянув в святцы.

Убеждена Татьяна Геннадьевна и в том, что победы гетмана и его казаков под Кизикерменом (1695 год) и Азовом (1696 год) «превозносили и патриарх Иоаким (далеко не самый лояльный гетману), и европейские государи» (12). Про европейских государей что-либо сказать сложно: конкретных данных автор «монографии» не приводит. А вот насчет патриарха Иоакима (может быть, и вправду не самого лояльного к гетману) сомнения возникают. Ну хотя бы потому, что умер он в 1690 году.

Характерно, что тот же тезис о восхищении Иоакима Кизикерменской и Азовской победами содержится и в более раннем сочинении Таировой-Яковлевой[18]. Из чего делаем вывод: это

[18] Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа и Российская империя // Іван Мазепа та його доба: історія, культура, національна пам`ять. Київ, 2008. С. 27.

не заурядный недосмотр, дата смерти патриарха осталась «ученой» даме неизвестной.

Завершая разбор введения, укажу на еще одну попытку профессора Санкт-Петербургского университета «отказаться от мифологии». «Некоторые «патриоты» с зашоренными глазами любят повторять, что Мазепа стал символом предательства» — читаем в книге (8). Далее идет рассуждение о терминах «мазепинцы» и «мазепинство», которые, по мнению сочинительницы, символами предательства не являются: «Именно «мазепинцами» называли черносотенцы деятелей украинского национального движения в Галиции... Так вот — эти самые черносотенцы под «мазепинством» имели в виду не измену или предательство, а стремление к национальной свободе и независимости. Значит, Мазепа представлялся им сторонником украинской культуры и самосознания, основанных на автономии и государственности. Немного другое, не правда ли?» (8).

«Неправда!» — хочется ответить Татьяне Геннадьевне. Позволю себе предположить, что работ «этих самых черносотенцев» она просто не читала. В них говорится как раз об измене, а не о развитии культуры и самосознания[19]. Жаль, что автору «монографии» и это неизвестно.

Немалое количество ошибок обнаруживается в главе 1 «И. Мазепа и И. Самойлович». Наиболее заметная из них — описание условий договора о «вечном мире» между Россией и Польшей (1686 год): «...Волынь и Галиция отходили Польше, Подолье попадало под власть Турции. Договоры с Портой аннулировались, и Москва вступала в Священную лигу» (31).

Тут же становится понятным, что текст соглашения ученая дама не читала. О принадлежности Волыни и Галиции там нет ни слова (обе области и без того принадлежали Речи Посполитой). Подолье никак не могло отойти к Турции, так как было турецким с 1672 года. К тому же участия в договоре эта держава не принимала. Утверждать, что по одному и тому же документу ей отдается какая-то территория, тут же все договоры с ней аннулируются, а одна из договаривающихся сторон вступает в ан-

---

19 См., напр.: Казанский П. Е. Современное положение Червоной Руси. Австровенгерские зверства. Одесса, 1915. С. 12–13; Ковалевский П. И. Основы русского национализма. СПб., 1912. С. 32; Он же. История Малороссии. СПб., 1912. С. 140; Пихно Д. И. В осаде. Политические статьи. Киев, 1906. С. 289; Щеголев С. Н. Украинское движение как современный етап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 21 и др.

титурецкую Священную лигу (где уже находилась другая договаривающаяся сторона), — верх абсурда. На самом деле Россия и Польша договорились отвоевать Подолье у турок и защищать его потом совместными усилиями.

Яркая демонстрация невежества сочинительницы — отрицание ею взятки, данной Мазепой князю Василию Голицыну: «Едва ли вчерашний запорожский пленник, не имевший больших материальных средств и родни, мог действительно подкупить могущественного фаворита» (52). Вместе с тем деньги, полученные Голицыным от Мазепы, — «5 800 червонных золотых, 3 000 рублей в копейках, 1 200 рублей в талярах битых, что составляло 10 000 рублей», по мнению автора «монографии», сумма «на самом деле не слишком значительная» и «выглядит как обычный подарок того времени» (54). «Более щедрые «подношения» Мазепа будет потом делать и другим русским сановникам». Как пример «более щедрых» подарков в книге приведено вино, посланное гетманом думному дьяку Е. Украинцеву (384, примечание). Сопоставлены десять тысяч рублей и с «парой соболей ценою 5 фунтов стерлингов», подаренных шотландцем Патриком Гордоном Федору Шакловитому. «Никто же не обвиняет при этом Гордона в желании стать «боярином»!» — пускается в рассуждения Татьяна Геннадьевна (54).

Читая такое, начинаешь сомневаться: понимает ли ученая дама то, о чем говорит? «Вчерашний запорожский пленник» перестал быть таковым за 13 лет до описываемых событий (т. е. совсем не «вчера»). Необходимые деньги, как свидетельствуют документы, он взял из средств свергнутого гетмана Самойловича. Деньги, кстати, немалые. Историки (настоящие) считали и триста червонцев — «суммой значительной для того времени»[20]. Дом Самойловича в Москве (надо полагать, не самый бедный и маленький), отданный им в приданое дочери, оценивался в две тысячи пятьсот рублей[21]. Десять же тысяч тогдашних рублей — это, по мнению специалистов, «огромная сумма»[22]. Вино или пара соболей не идут с ней ни в какое сравнение. И разглагольствования Татьяны Геннадьевны на сей счет можно было бы назвать вершиной нелогичности (чтоб не сказать: глупости), если бы таких «вершин» не наблюдалось в книге превеликое множество.

С одной из них сталкиваешься тут же: «Гетманом Украины Голицын хотел иметь маловлиятельного, сравнительно бедного

---

20 Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. Киев, 1993. С. 337.

21 Уманец Ф. М. Гетман Мазепа. СПб., 1897. С. 56.

22 Лазаревский А. М. Заметки о Мазепе // Киевская старина. 1898. № 3. С. 477.

«чужака», недавнего «запорожского пленника», чуть ли не в кандалах попавшего в Батурин. По его замыслу, этот «чужак», приняв уряд из рук князя, должен был превратиться в сговорчивого «марионеточного» гетмана» (51). Так объясняется откровенное проталкивание князем Мазепы на высокий пост.

О «недавнем пленнике» только что говорилось. Тезис же о его «маловлиятельности» опровергается самой Таировой-Яковлевой: «Мазепа сумел из нищего пленника превратиться в самого доверенного и влиятельного человека в окружении Самойловича» (15–16). Остается констатировать: надергав из работ историков всевозможных фактов, профессор Санкт-Петербургского университета не умеет их осмыслить. Потому и путается.

Выправляя другие ошибки первой главы, стоит заметить, что Варлаам Ясинский не мог быть «бывшим профессором Мазепы в Киево-Могилянской Академии» (35–36). В коллегиуме (не в академии!) они учились предположительно в одно время[23]. Наказной гетман Яким Сомко не был убит на «Черной Раде», как думает ученая дама (49), а погиб три месяца спустя. Василий Кочубей до свержения Самойловича не входил в состав казацкой старшины, тем более не являлся ее «лидером», хотя сочинительница убеждена в обратном (48, 50). Он занимал высокую, но не старшинскую должность регента Генеральной канцелярии. И двадцатилетняя его «скрытая борьба за булаву» с Мазепой (55) — плод воображения Татьяны Геннадьевны[24].

Неубедительными представляются размышления автора «монографии» насчет слов Патрика Гордона о давней ссоре Самойловича и Голицына в Чигирине: «При описании Чигиринских походов Гордон ничего подобного не писал. И только 9 лет спустя, при описании падения гетмана, упоминал, что Голицын затаил злобу на гетмана... Таким образом, данное свидетельство позднее и не может восприниматься как достоверное» (19).

Почему же свидетельсто недостоверное? Во время Чигиринских походов Василий Голицын еще не был всесильным фаворитом. Неудивительно, что Гордон тогда не придал инциденту

---

23 Києво-Могилянська академія в іменах. XVII–XVIII ст. Київ, 2001. С. 617.

24 Пытаясь доказать факт претензий В. Кочубея на гетманство, Таирова-Яковлева ссылается на «уникальное свидетельство» А. Оглоблина, якобы видевшего в Киеве в одной частной коллекции портрет с надписью «Гетман Василь Кочубей» (384). Обходя стороной вопрос о достоверности известия (писания Оглоблина — довольно мутный источник), стоит заметить, что оно в любом случае ничего не доказывает. В. Л. Кочубей был одно время наказным гетманом и мог соответственно именоваться.

большого значения. Позднее, в свете дальнейших событий, он вспомнил об этом факте и оценил его по-иному.

Плохо информирована Таирова-Яковлева о церковной истории Украины. Она уверена, что в 1685 году «Голицын решил воспользоваться смертью киевского митрополита, чтобы решить вопрос о подчинении украинской церкви Москве» (34–35). Имя умершего митрополита не называется. По всей видимости, «ученой» даме не удалось его установить. И это не случайно. Если бы Татьяна Геннадьевна меньше фантазировала, а больше работала с источниками, то смогла бы узнать: к тому времени митрополита в Киеве не было почти десять лет. «Киевская митрополия в Малой России и престол во граде Киеве митрополии, за несогласством эпархий, никим же назираем вдовствует многая лета»[25] — говорилось в патриаршей грамоте о поставлении нового архиерея.

Незнакомство сочинительницы с документами также явственно обнаруживается в главе 2 «И. С. Мазепа, В. В. Голицын и Нарышкины». Отмечая предусмотрительность Мазепы, она указывает, что гетман ориентировался не только на царевну Софью и ее фаворита, но и благоразумно «заводил себе покровителей» в окружении царя Петра. «Еще в 1688 году на Мазепу был написан донос... Очень интересно, что в этой ситуации гетман обратился за покровительством к П. И. Прозоровскому, дядьке царя Иоанна, и к Борису Голицыну, самому активному стороннику Натальи Кирилловны и ее сына. Следовательно, у него имелись хорошие отношения и с этими двумя представителями лагеря Нарышкиных» (72).

Честно говоря, Татьяне Геннадьевне можно немного позавидовать. То, что давно открыто и объяснено исследователями, для нее внове, «крайне интересно», «уникально». Пояснения специалистов «ученой» даме неизвестны, что открывает большой простор для фантазии. Воображение Татьяны Геннадьевны парит в нем словно птица в небесах. К сожалению, парит оно в ущерб достоверной истории.

В упомянутых письмах Борису Голицыну (двоюродный брат фаворита) и Петру Прозоровскому (который, вообще-то, на сторону Нарышкиных перешел непосредственно в ходе переворота 1689 года), ни про какой донос ничего нет и быть и не может. С доносом к тому времени уже разобрались, ему не поверили, и гетман благодарил за то Василия Голицына в письме от 25 мар-

[25] Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVIII веке. Т. 2. Киев, 1851. С. 604.

та 1688 года[26]. Послания же, на которые ссылается сочинительница (вряд ли она прочла их вдумчиво), написаны днем позже и представляют собой обычные для Мазепы заискивания перед влиятельными вельможами. Даже украинские «национально сознательные» авторы говорят тут всего лишь о «ретивом угодничестве» гетмана[27], хотя и ищут для него оправдания. Подобные письма (их Мазепа писал и другим царедворцам) часто повторяются чуть ли ни слово в слово (меняются лишь имена да титулы адресатов) и содержат общие фразы с пожеланиями добра и просьбами хранить пишущего «в благодетельской своей милости»[28]. Выдавать их за попытку установить контакты с враждебной Василию Голицыну партией Нарышкиных неразумно уже потому, что эти послания пересылались Мазепой через фаворита (письмо Василию Голицыну от 27 марта 1688 года[29]).

Столь же несостоятельно стремление Таировой-Яковлевой увязать гетмана с Нарышкиными в связи со свадьбой царя Петра в январе 1689 года. Тогда Мазепе была послана грамота с известием о радостном событии и угощение от «праздничного стола». «Сам факт самостоятельных действий Нарышкиных от лица Петра уникален и крайне интересен. А то, что Нарышкины поторопились установить контакт с Мазепой, тем более» — дает свой комментарий ученая дама (73).

Это, пожалуй, самое курьезное место в монографии. Известно, что церемония царских свадеб включала рассылку гонцов с грамотами и угощениями во все концы страны. Сама сочинительница сообщает, что тот же посланец вез аналогичные грамоты киевскому воеводе и митрополиту (но сделать исходя из этого логичный вывод у Татьяны Геннадьевны не получается). Придавать таким рассылкам иное значение, кроме чисто церемониального, нет ни малейших оснований.

Аналогичный уровень знаний проявляет Таирова-Яковлева, повествуя об отношениях гетмана с приверженцами правительницы Софьи. Внимание здесь концентрируется на истории с портретом царевны, изготовленным на заказ черниговским мастером Л. Тарасевичем и его помощником. Появление портрета (его потом доработали, изобразив Софью со всеми регалиями на фо-

---

26 Листи Івана Мазепи. Т. 1. Київ, 2002. С. 137.

27 Станіславський В. Від Коломацької ради до повстання Петра Іваненка: нові дані про Івана Мазепу та Україну в 1687–1691 рр. // Листи Івана Мазепи. С. 73.

28 Листи Івана Мазепи. С. 141.

29 Там же. С. 147.

не двуглавого орла, и в таком виде растиражировали) рассматривается в книге как «пропагандистский» шаг, направленный на подготовку к захвату правительницей единоличной власти. «Удивительно, как этот практически центральный эпизод правления Софьи, столь тесно связанный с Украинским гетманством, никогда не затрагивался исследователями истории Украины», — недоумевает ученая дама.

Исследователи истории Украины эпизод этот затрагивали еще в XIX веке (хоть и не считали его «центральным»)[30]. Другое дело, что Татьяне Геннадьевне о сем ничего неведомо. Да и интересует ее не сам портрет, а выдуманное ею участие гетмана в его изготовлении: «Невозможно представить, что Мазепа не имел никакого отношения ко всей этой истории, где главную роль играли украинские граверы» (70).

«Невозможно представить», естественно, не аргумент. Тем более, что наша сочинительница не имеет представления о многом из того, о чем пишет. Она выстраивает короткую логическую цепочку: Тарасевич — Баранович — Мазепа (Тарасевич из Чернигова, а Мазепу объединяли «теплые и дружеские чувства» с черниговским архиепископом Лазарем Барановичем). На основании чего и следует абсолютно нелогичное, на мой взгляд, заключение о несомненной принадлежности гетмана к «украинским участникам изготовления портрета» (Там же). Через несколько страниц тезис повторяется: «Мазепа принимал самое непосредственное участие в изготовлении «царских» портретов Софьи» (83).

Здесь хорошо прослеживается «творческий» метод Таировой-Яковлевой. «Невозможно представить» быстро превращается в категорическое утверждение, якобы точно установленный факт. Желаемое выдается за действительное. Забегая вперед, стоит указать на подобные примеры дальше. В главе 3 затрагивается мятеж Петрика, причем говорится: «Не исключено, что тайным вдохновителем восстания был соперник Мазепы, генеральный писарь Василий Кочубей» (103). «Не исключено» — это пока что предположение. Но в главе 6 «роль В. Кочубея в восстаниии Петрика» без всяких доказательств станет уже не подлежащей сомнению (210).

В главе 8 читаем: «Можно предположить, что Мазепа не только сам хорошо знаком с шахматами, но и игрывал партии с Федором Алексеевичем (Головиным. — *А. К.*), так как писал ему, что

[30] Г[орленко] В. Старинная южнорусская гравюра // Киевская старина. 1890. № 1. С. 53–54; Уманец Ф. М. Указ. соч. С. 86.

настало время сделать полякам «шах и мат» (257). Довод не бесспорен (и сегодня шахматные, футбольные, боксерские термины употребляются в разговорной речи не одними спортсменами), но строить предположение, действительно, можно. Откроем, однако, главу 9, где предположение становится утверждением: «Мы знаем, что он (Мазепа. — *А. К.*) ... играл в шахматы» (288). И в примечании: «Об игре в шахматы автор узнала из письма И. Мазепы Ф. А. Головину» (447).

Возвращаясь к главе 2, стоит остановиться на освещении «ученой» дамой переворота 1689 года. В предыдущей «монографии» Татьяна Геннадьевна выставила гетмана эдаким «серым кардиналом», задумавшим и осуществившим отстранение Софьи от власти. «Аргумент» в пользу этой версии сочинительница привела один: за десять лет (!) до описываемых событий Мазепа приезжал в Москву и вел «долгие, смелые разговоры» с думным дьяком Ларионом Лопухиным, «отцом Евдокии, жены Петра»[31], а значит, по мнению Таировой-Яковлевой, был связан с Нарышкиными. Учитывая, что в Кремле тогда сидел другой царь, Софья не была правительницей, Мазепа — гетманом, а Евдокия — женой Петра, «весомость» такого «доказательства» можно не обсуждать. Однако в процессе создания новой «монографии» отпало и оно. Таирова-Яковлева выяснила: собеседником будущего гетмана в 1679 году был не Лопухин, а Ларион Иванов. Признав ошибку и возложив вину за нее на С. М. Соловьева, ученая дама... вновь завела речь об «активной роли» Мазепы в перевороте (89).

Никакие доказательства для этого Татьяне Геннадьевне не нужны. «Почему Мазепа не принял сторону Голицына? На самом деле это очевидно. Голицын и Софья придерживались внешнеполитического курса, который Мазепа (как и Самойлович) совершенно не разделял: мир с Польшей, отдача Правобережья, война в Крыму» — пишет она (80).

На самом же деле очевидно, что сочинительница не разбирается в том, о чем вещает. У Мазепы не было никаких оснований предполагать, что с отстранением царевны внешнеполитический курс Москвы изменится (он и не изменился). Никакой «активной роли в перевороте» гетман не играл. От него ничего не зависело. Заявление автора «монографии» о будто бы имевшейся у Мазепы возможности «в кратчайший срок» организовать марш казацких войск на столицу (на что якобы рассчитывали Софья и Голицын) (Там же) следует отнести на счет чрезмерно разыг-

[31] Таирова-Яковлева Т. Г. Мазепа. С. 79.

равшегося воображения «ученой» дамы. Сама же она не один раз утверждала, что Софья и ее окружение (в том числе Голицын) гетману не доверяли (64, 72–74, 386), что Мазепа «не пользовался популярностью среди казаков» (74), был окружен «личными врагами и соперниками» (76), мог положиться только на «немногих» (Там же). Какие уж тут активное участие в заговоре и организация марш-броска?

Указание на то, что, будучи выдвиженцем Голицына, гетман вышел «сухим из воды» («Вспыльчивый молодой царь, ненавидящий все, связанное с именем сестры и ее фаворита, должен был иметь очень вескую причину, чтобы становиться добрым гением Ивана Степановича» (88)), также несостоятельно. Петр ненавидел совсем не «все» и не всех. Он умел отличить по-настоящему близких к царевне и Голицыну от служивших им в силу обстоятельств. Г. Косагов и Е. Украинцев, хотя и считались приближенными фаворита, как и Мазепа были прощены. И Таирова-Яковлева пишет об этом (81).

Достоин отдельного рассмотрения вопрос о так называемых «Московских статьях», утвержденных царем в сентябре 1689 года (по версии сочинительницы, как благодарность за «активное участие» в перевороте). Они называются «главным достижением Мазепы» (88). «Именно Московские статьи стали документом, регулирующим отношения Гетманщины с Россией на протяжении гетманства Мазепы петровского периода. Это был действительно кардинально новый документ, доставшийся гетману в нелегких дебатах с дьяками Посольского приказа. В нем, в частности, предусматривалось восстановление «аренд», отмененных В. Голицыным, а они давали основной доход и экономическую независимость гетманскому правительству... Московские статьи укрепляли гетманскую власть и автономию Гетманщины (например, гетман получил исключительное право земельных пожалований в Украине»») (88–89).

Процитированный тезис — один из основных в книге. Как считает ученая дама, «Московские статьи» отменили «ряд важнейших положений Каламакского соглашения 1687 года» (88) и даже «многих положений Каламакских статей» (89)[32].

Поскольку текст «Московских статей» опубликован в приложении к книге, трудно заподозрить Таирову-Яковлеву в стремлении сознательно ввести в заблуждение читателей. Уместней пред-

[32] Вообще-то правильно писать: «Коломакское» и «Коломакские», но это вопрос личной грамотности доктора исторических наук.

положить, что сама Татьяна Геннадьевна по каким-то причинам не разобралась в сути документа. Что там было в действительности? А были челобитные по ряду текущих политических вопросов и ответы на них царской власти (такие челобитные будут периодически подаваться и в дальнейшем). Положений Коломакских («Каламакских») статей они не отменяли, разве что в отдельных моментах уточняли и дополняли их[33]. Восстановления «аренд» (отмененных по инициативе не Голицына, а казацкой старшины, встревоженной народными бунтами) не предусматривалось. Говорилось о том, чтобы «учинить раду и помыслить о той аренде накрепко не будет ли оная посполитому народу малороссийскому тягостна» (494). Упорядочивалась выдача царских «жалованных грамот на села и мельницы» (497–498), что вовсе не означало предоставления гетману «исключительного права земельных пожалований». Причем это упорядочение, укреплявшее, по заверению автора «монографии», автономию Украины, было одобрено еще Голицыным, проводившим, по тому же заверению, «жесткий курс на сокращение автономии» (89). Как совместить эти два обстоятельства, сочинительница не знает и теряется в догадках.

Завершая тему «Московских статей», нельзя не отметить высказывание тут автора о Мазепе: «Будучи человеком барокко, воспитанным на западной культуре, он свято верил в нерушимость «договорных статей» и рассматривал их как нечто незыблемое и священное» (89). Желание возвеличить гетмана явственно просматривается на протяжении всего сочинения. Но в данном случае чувство меры откровенно изменяет «ученой» даме. Оценивать Мазепу можно с разных позиций, но изображать его наивным идеалистом все же не стоит.

А из ошибок главы 2 нужно еще указать на путаницу с саном Лазаря Барановича. При описании событий, произошедших до 1688 года, его именуют в книге епископом, дальше — архиепископом. Очевидно, Таирова-Яковлева считает, что в последний сан черниговский архиерей был возведен около указанной даты. На самом деле это случилось в 1667 году (по другим данным — в 1666-м).

В главе 3 «Внутренняя политика Мазепы» вновь затрагиваются «аренды». Они не совсем точно охарактеризованы как «запрет

---

[33] Между прочим, далее сочинительница будет рассуждать о реформах 1707 года, «нарушавших Каламакские статьи и серьезно урезавших украинскую автономию» (283), т. е. сама признает: документом, регулирующим отношения Гетманщины с Москвой, были все-таки Коломакские статьи.

на производство горилки (самогона) «домашним способом» (102). Подчеркивая мудрость гетманской политики, Таирова-Яковлева отмечает, что по указу Мазепы запреты не распространялись на случаи свадеб и крестин и «это было сделано впервые» (Там же). Здесь вновь необходимо констатировать слабое знакомство сочинительницы с документами эпохи. Исключения для свадеб и крестин делались и при Самойловиче[34].

Кроме того, заявление, что «аренды шли совсем даже не «на гетмана» (91), противоречит другому заявлению: «аренды» «давали основной доход и экономическую независимость гетманскому правительству... На эти деньги на протяжении всего петровского периода своего гетманства Мазепа содержал наемные охотницкие войска» (89).

Касаясь универсала Мазепы, устанавливавшего двухдневную панщину, ученая дама многозначительно подчеркивает, что в начале XVII века (в период польского владычества) панщина на украинских землях была трехдневной (119–120). Однако логичнее проводить сравнение не с порядками почти столетней давности, а с гораздо более близким временем после Освободительной войны, когда панщины не было вообще.

Очень уж примитивно выглядит объяснение автором причин ненависти коренного населения Малороссии к евреям: «Ведь они не давали даром горилку!» (104). При всей деликатности данной темы сводить ее к подобным штампам просто недопустимо.

Ошибки главы 4 «И. С. Мазепа и внешняя политика петровской России»: очередное упоминание о руководстве Мазепы Азовскими походами (143) и комментарий к одной из Коломакских статей, условия которой, дескать, «запрещали любые внешнеполитические контакты гетмана. Но Петр не только игнорировал это положение, но и напрямую нарушал его, давая Мазепе указания вести ту или иную дипломатическую переписку» (136).

Коломакские статьи запрещали гетману сноситься с иностранными монархами «от себя»[35], а не выполнять приказы царя (последнее было бы странно). Достойно удивления, что доктор исторических наук не разобралась в простой ситуации.

В целом же, «ляпов» в главе немного. Объясняется это как ее небольшим размером (самый маленький раздел в книге), так и содержанием. Глава в значительной мере состоит из цитирова-

---

34 Величко С. Указ. соч. Т. 2. С. 545.

35 Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским. Часть I. М., 1858. С. 17.

ния и пересказа различных документов. Такие пересказы и цитирования (без добавления сюда собственных выводов) — самые сильные места в сочинении. В тех, разумеется, случаях, когда Татьяна Геннадьевна действительно читала пересказываемое и оно не затруднено для понимания ею.

Зато в главе 5 «И. С. Мазепа и Правобережная Украина» количество ошибок увеличивается вновь. Скажем, факт поддержки Мазепой родной сестры в ее конфликте с мужем-поляком вряд ли является тем «ярким примером», с помощью которого можно опровергнуть «миф» о пропольских симпатиях гетмана (157). А дословная передача им в письме Ф. Шакловитому мнений малорусских церковных деятелей не означает, что Мазепа «активно участвовал в богословских спорах (образование позволяло)» (155).

Есть в главе географическая ошибка, целиком перенесенная из предыдущей «монографии». Как бы ни настаивала ученая дама (166), а Белая Церковь находится не на Волыни. Да и восстание Семена Палия на значительную часть этой области не распространялось, а следовательно, польская власть там не ликвидировалась, хотя Татьяна Геннадьевна и уверена в обратном (Там же).

Из прочих ошибок: соглашение 1625 года между поляками и казаками правильно называть Куруковским, а не Куркуновским (если это опечатка, то слишком объемная). В перечень городов, предназначенных стать полковыми по этому соглашению, сочинительница забыла добавить Канев (152).

Много ошибок в главе 6 «Казацкая старшина времен И. С. Мазепы». Остается только недоумевать, читая, например, сообщение Таировой-Яковлевой о том, что термин «малороссийский» «появляется примерно с конца 50-х гг. XVII в.» (202). Она указывает (вероятно, как на один из первых случаев применения сего слова) на письмо Юрия Хмельницкого (1660 г.). Но наименования «Малая Русь», «Малая Россия» (соответственно и прилагательные к ним) известны с XIV века. Первоначально книжные, к началу XVII века они получают всенародное распространение. В 1638 году гетман Яков Остряница обращается с универсалами «ко всему посполитому народу малороссийскому» и к казакам, живущим «по обеим сторонам реки Днепра на Украйне Малороссийской»[36]. 1648 годом датированы универсалы Богдана Хмельницкого к «малороссийским по обеим сторонам реки Днепр

[36] Величко С. Указ. соч. Т. 4. Приложения. Киев, 1864. С. 131, 140.

шляхетным и посполитым большого и меньшого чина людям»[37] (уж эти-то документы должен знать всякий претендующий на то, чтоб считаться исследователем истории Украины XVII века).

«В историографии господствует установившийся штамп, что большинство казаков и старшины не поддержали Мазепу после его перехода к шведам в 1708 году», — сетует ученая дама (213) и тужится сей штамп опровергнуть. Опровергать ей вновь-таки приходится себя, ибо в той же «монографии» несколько ранее признается, что гетман «оказался в 1708 году практически в изоляции, не поддержанный ни большинством казаков, ни большинством старшины, не говоря уже о крестьянах» (90).

Опровержения, однако, не получается, и вот уже Татьяна Геннадьевна начинает искать причины, по которым казаки в массе своей не последовали за гетманом. Она указывает, что казацкие полки были разбросаны на большой территории и на значительном расстоянии друг от друга, находились в расположении великороссийских войск. Поэтому, мол, перейти к шведам не смогли, хотя, надо полагать, очень хотели. Также и позиция населения, согласно точке зрения сочинительницы, была «весьма неоднозначна» (213).

Согласиться с этими утверждениями никак нельзя. В ходе вторжения шведской армии в Малороссию возможностей присоединиться к Мазепе и у казаков, и у других жителей края было предостаточно. Малорусы, однако, хранили верность государю. Стремление же «ученой» дамы изобразить их потенциальными предателями сильно отдает украинофобией, против которой Таирова-Яковлева громогласно выступает на словах. Хотя дело, наверное, не в «фобиях», а в элементарном невежестве профессора Санкт-Петербургского университета. Оно (невежество) проявляется и дальше.

«После Мазепы в Украинском гетманстве появляется и приобретает силу совершенно новая волна старшины, чужаков, не имевших «казацких» корней» — читаем в книге (214). Насчитав на протяжении XVIII века четыре «чужих» рода, сочинительница усматривает здесь причины того, что «автономные идеи все меньше будут популярны в среде старшины» (216). Между тем появление «волны чужаков» в составе старшины началось гораздо раньше, чем «после Мазепы». Количество лиц иноземного (чешского, польского, еврейского и т. д.) происхождения среди мазепинцев, т. е. в числе выразителей «автономных идей», весьма

[37] Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 5. СПб., 1853. С. 78.

значительно. Да и впоследствии украинское движение в немалой степени подпитывалось как раз чужаками, а не природными малорусами.

Другие ошибки главы: датирование 1725-м (вместо 1723-го) годом смерти Павла Полуботка (214) и именование Василия Кочубея генеральным есаулом (а не генеральным судьей) — этот «ляп» сочинительница безоговорочно переписала у украинского историка И. Крипьякевича (218).

Из ошибок главы 7 «Мазепинское барокко» выделяется упорное наименование Киево-Могилянского коллегиума применительно к XVII веку — академией (в каковую коллегиум превратили лишь в 1701 году). Ту же неточность Татьяна Геннадьевна допустила в предыдущей «монографии». Подвергнувшись критике, она решила настоять на своей правоте: «В 1658 году статус академии был дан киевскому коллегиуму Речью Посполитой по условиям Гадячского договора» (226). Дело, однако, в том, что в Гадячском договоре (который, замечу, в силу так и не вступил) говорилось немного другое: «Академию в Киеве его королевская милость и сословия коронные разрешают основать, которая будет пользоваться такими же прерогативами и вольностями, как Краковская Академия»[38]. То есть речь шла всего лишь о намерении создать академию в будущем.

Примечательно (даже забавно), что в одной из своих статей ученая дама утверждала, будто соответствующий пункт соглашения в Гадяче вообще названного учебного заведения не касался. Он, дескать, предусматривал «основание еще одной (кроме существующей с 1633 года Киево-Могилянской) академии»[39]. Воистину, надо быть «специалистом» уровня Таировой-Яковлевой, чтобы вообразить, будто в небольшом провинциальном Киеве польское правительство собиралось открыть две академии, тогда как в крупнейшем научном центре Польши Кракове существовала одна академия (не говоря уже о крупных городах без академий).

Еще один яркий «ляп» на ту же тему: «В стенах Киево-Могилянской академии был написан “Вирш” на погребение гетмана П. Сагайдачного (1622 г.)» (224). Заявление интересное, но на момент смерти Сагайдачного ни академии, ни коллегиума в Киеве не существовало.

---

[38] Гадяцька унія 1658 року. Тексти // Гадяцька унія 1658 року. Київ, 2008. С. 24.

[39] Таїрова-Яковлева Т. Г. Гадяцька угода — текстологічний аналіз // Там же. С. 34.

Следующая ошибка тоже из истории высшей школы. Открытый в 1700 году Черниговский коллегиум объявляется сочинительницей «вторым высшим учебным заведением в Восточной Европе» (229). Университеты в Вильно и Дерпте она, судя по всему, не учитывает, а «Греко-славянскую академию в Москве» считает вузом только с 1701 года, когда ректором там стал Стефан Яворский (247). С последним утверждением можно полемизировать, но для «спора за второе место» это непринципиально. Коллегиум в Чернигове все равно тут московской академии не конкурент. Он высшим учебным заведением не являлся, о чем есть весьма авторитетное (и, разумеется, неизвестное Таировой-Яковлевой) свидетельство местного архиерея[40].

Продолжая разговор об ошибках главы 7, помимо традиционного уже упоминания об отличии гетмана в Азовских походах (226) и повторного именования Варлаама Ясинского «бывшим профессором» Мазепы (223), нужно указать (опять же) на очередную попытку «отказаться от мифилогии»: «Существует устойчивая традиция в историографии, прежде всего российской, полагающая, что украинское духовенство, даже имевшее дружественные отношения с Мазепой, единодушно осудило его переход к шведам и поддержало идею Петра об анафеме. Новейшие исследования деятельности украинских церковных лидеров, и прежде всего Стефана Яворского, опровергают такое мнение» (248).

Вслед за тем, со ссылкой на «ранее неизвестные проповеди Стефана Яворского», доказывается, что церковный иерарх не одобрял поведения Петра I в быту. Наверное, так оно и было — не одобрял. Но каким образом из этого следует сочувствие Яворского измене Мазепы? Сего Татьяна Геннадьевна не объясняет.

В главе 8 «Иван Мазепа и «птенцы гнезда Петрова» опять проявляется противоречивость «ученой» дамы. С одной стороны, уверяет она, «вражда гетмана с Меньшиковым» — это миф (253). С другой стороны: «Сам факт этой вражды не вызывает сомнений» (Там же). С одной стороны, знаменитое письмо Орлика вызывает недоверие: «Орлик был ограничен какой-то внутренней цензурой, а диктовал ему это его собственный инстинкт самосохранения» (269). И далее, в следующей главе, тоже будет говориться про «тенденциозное и позднее письмо Ф. Орлика С. Яворскому,

[40] Лазаревский А. М. Черниговский коллегиум в начале XVIII в. // Киевская старина. 1895. № 10. С. 3.

которое можно принимать лишь с определенными оговорками» (315). А с другой стороны: «Нет оснований не доверять фактам, изложенным Орликом» (269). И тут же, излагая те факты, следуют оговорки «если верить Орлику» (277, 279).

Замечательный момент — сообщение о брадобритии как явлении «уникальном для допетровской России» (260). Сие мнение весьма распространено среди дилетантов и в который уже раз показывает действительную степень знакомства Таировой-Яковлевой с эпохой (брадобритие в ее книге упоминается как доказательство прогрессивности одного из бояр Шереметевых). Мода брить бороду была заведена при дворе в царствование Федора Алексеевича, как полагают, под влиянием его жены — польки Агафьи Грушецкой. Об этом, между прочим, писали и часто поминаемый сочинительницей С. М. Соловьев, и совсем не упоминаемый Д. И. Иловайский, и упомянутый, но вряд ли внимательно прочитанный Ф. М. Уманец[41].

Глава 9 «Больной старик» снова возвращает читателей к «заколдованному месту» Татьяны Геннадьевны, под Азов, где она регулярно ошибается. Рассказывается, как в январе 1694 года к Мазепе «с похвалой за успехи, достигнутые в Азовских походах», прибыл стольник И. Н. Тараканов (290). Речь в книге в самом деле идет о 1694 годе (это не опечатка). Вот только Азовские походы состоялись в 1695–1696 годах.

Комментарии излишни. А повествование продолжается: «С самого начала Мазепа заботился о том, чтобы Северная война не обернулась большими тягостями для населения Украины... Например, в марте 1700 года Мазепа подал жалобу о притеснении малороссийских жителей со стороны русских полков» (295). Пример неудачен. В Северную войну Россия вступила только в августе названного года.

Заходит речь о причинах измены гетмана: «Когда человек болен и испытывает частые мучительные припадки, он, несомненно, начинает иначе смотреть на мир, у него изменяется шкала ценностей. Да и управлять большой страной, к тому же находящейся в ситуации войны, он уже в полную силу не может. Утверждать

41 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. XI–XV. СПб., Б. г. С. 886.; Иловайский Д. И. История России. Т. 5. М., 1905. С. 508. Уманец Ф. М. Указ. соч. С. 93. Вопрос о знакомстве Таировой-Яковлевой с работой Ф. М. Уманца остается открытым. Ей, безусловно, неизвестны многие приводимые там факты. С другой стороны, некоторые положения «монографии» Таировой-Яковлевой кажутся позаимствованными у Уманца.

в этих условиях, что Мазепой при заключении союза со шведами в 1708 году двигали корыстные честолюбивые интересы, просто наивно. Ему уже давно гораздо больше хотелось лежать на удобной кровати в своем роскошном имении Гончаривка под Батуриным, чем гоняться за княжеской короной (которую ему и так дал Петр)» (295).

Позднее сочинительница выскажется иначе: «Казалось бы, и несметное богатство, и княжеский титул, и огромная власть — все это у него, 70-летнего больного и одинокого старца было. Но кто знает, когда переходится грань, теряются возможности и желание остановиться у человека, взлетевшего на вершину» (355).

Татьяна Геннадьевна явно путается в собственных рассуждениях. Налицо наглядный пример ее разногласий с собой. Пример не последний. Читаем дальше: «План «выжженной земли», объявленный Петром на военном совете в Жолкве весной 1707 года, некоторое время оставался лишь страшной угрозой, но уже в конце августа 1708 года он становится жуткой реальностью» (308). Эта «жуткая реальность», по мнению Таировой-Яковлевой, и станет в сентябре—октябре 1708 года последней каплей, переполнившей чашу терпения гетмана, окончательно толкнет его на переход к шведам (336).

Но, вроде бы установив причину решающего шага Мазепы, автор позже заявит: «План выжженной земли так и не был введен в действие» (370). И повторит позднее: «Еще раз напомним, что в результате испуга, вызванного переходом Мазепы к шведам, указ о превращении отдельных областей Украины в «выжженный край» так никогда и не был исполнен» (465).

Главный тезис главы 10 «Реформы 1707 года»: «Петр принял решение о включении значительной части Украинского гетманства в состав России на общих условиях». Гетман, таким образом, лишался «всякой реальной власти» (324). Понятно, что он «не мог не считать себя обиженным» и в ответ завязал контакты со шведской стороной (335).

Напомню, что в другом месте книги будет сказано, что вплоть до измены Мазепа обладал «огромной властью» (355). Ученая дама вновь запутается, но не обратит на это внимание. Она явно горда собой. Разработанных, как выясняется, еще в 1707 году, коварных планов Петра по ликвидации автономии Украины не заметили ни российские, ни украинские, ни даже американский исследователи. Можно бы поздравить Татьяну Геннадьевну с открытием. Вот только документы, ею цитируемые в качестве

доказательства существования таких планов, касаются исключительно централизации управления войсками и оборонительными сооружениями, а также переподчинения великороссийских чиновников (меры в условиях угрозы вражеского нашествия вполне естественные). О ликвидации же автономного статуса Гетманщины речь не идет. Будь у царя подобные намерения, что мешало их осуществить, например, сразу после Полтавской битвы? Но, наоборот, Петр издает указ, подтверждающий права и вольности малороссиян[42]. Доказывать же наличие в 1707 году планов ликвидации автономии фактом учреждения пятнадцать лет спустя Малороссийской коллегии, как это делает Таирова-Яковлева (316), мягко говоря, не очень разумно.

Прочие ошибки раздела: все то же упоминание о Мазепинском руководстве боевыми действиями «под Азовом» и датировка 1701 годом (а не 1700-м) награждения гетмана орденом Андрея Первозванного (331).

Самая существенная ошибка главы 11 «Трагедия выбора»: наименование перехода Мазепы на сторону врага «шведско-украинским союзом» (367). Известно, что Малороссия (Украина) не поддержала предателя. Даже ярый украинофил Ф. М. Уманец признает, что такого союза не было, так как шведскому королю Карлу XII оказалось «не с кем его заключать». Гетман явился к нему «как беглец», сопровождаемый, вместо многотысячной армии, «несколькими сотнями смотрящих исподлобья казаков»[43].

Даже от ближайшего окружения вынужден был таиться Мазепа со своим «выбором». Неосознание этого обстоятельства ставит сочинительницу в тупик при попытке объяснить поведение гетмана летом—осенью 1708 года. Он «абсолютно ничего не сделал, чтобы подготовить свой переход к шведам, создать прошведскую коалицию или затруднить положение русских войск в Украине... Как это могло сочетаться с планом военного союза со шведами? Нам это совершенно неясно» (351–352).

Вряд ли верно (хоть и оригинально!) суждение Татьяны Геннадьевны о подлинной (будто бы) цели привлечения к «шведско-украинскому союзу» запорожцев. Сочинительница предполагает, что, чувствуя неизбежность краха, Мазепа решил «потащить за собой в пропасть тех, кого всю жизнь ненавидел и мечтал уничтожить» (369). Судорожные усилия гетмана избежать катастрофы заставляют усомниться в существовании у него именно такого

---

42 Источники малороссийской истории... Часть II. М., 1859. С. 232–235.

43 Уманец Ф. М. Указ. соч. С. 388.

замысла. Однако обсуждать помимо ошибок автора еще и ее догадки, наверное, излишне.

В заключение о примечаниях. «Ляпы» имеются и там. Скажем, чехи — совсем не «российская монета» (422), а польская. Самойлович умер не «через год» после начала ссылки (380), а через три года.

Лишней представляется нотация, прочитанная «ученой» дамой некоторым историкам: «Господа! Ну существуют же списки присягавших на верность русскому царю в 1654 году, в том числе шляхты и старшины Белоцерковского полка. Там НЕТ ни отца, ни тем более самого Ивана Мазепы» (372). Насчет самого Ивана Мазепы — спору нет. А вот Мазепа-отец, по замечанию российского автора В. Артамонова (кстати, давнего симпатика Таировой-Яковлевой, всерьез считающего ее «квалифицированным петербургским историком»[44]), присягал не с Белоцерковским полком (на опубликованные присяжные списки которого ссылается Татьяна Геннадьевна), а с киевлянами[45]. Михаил Грушевский заверяет, что видел имя Степана Мазепы в перечне присягнувших в Переяславе[46]. Насколько можно судить, киевский и переяславский присяжные списки Таирова-Яковлева не смотрела, а потому могла бы воздержаться от иронически-снисходительных реплик.

Напрасно вступает она и в дискуссию по языковому вопросу. Наличие при Посольском приказе переводчиков «языка малороссийского и польского» кажется сочинительнице «уникальным свидетельством», «бесспорным аргументом современным украинофобам, утверждающим, что в XVII–XVIII вв. не существовало украинского языка» (435). Между тем сей «бесспорный аргумент» указывает лишь на то, что речь малорусов, долгое время находившихся под польским игом, была сильно ополячена. «Як поляцы у свой язык намешали слов латинских, которых юж (тоже) и простые люди з налогу уживают (по привычке употребляют), так же и русь у свой язык намешали слов польских и оных уживают»[47] — свидетельствовал анонимный автор «Перестороги», антиуниатского полемического произведения, написанного в Галиции и датируемого 1605–1606 годами. Как

44 Артамонов В. А. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 году и Мазепа // Артамонов В. А., Кочегаров К. А., Курукин И. В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 году. Образы и трагедия гетмана Мазепы. СПб., 2008. С. 103.

45 Там же. С. 16.

46 Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 9. Кн. 1. Київ, 1996. С. 743.

47 Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 229.

это доказывает существование в XVII веке самостоятельного украинского языка?

Подводя итоги, нужно констатировать одно: Татьяна Таирова-Яковлева — поклонница Ивана Мазепы, но ни в коей мере не исследовательница его жизни. Исследователи изучают факты и на их основании делают выводы. Поклонников факты, по большому счету, не интересуют. В своем воображении создают они образ кумира. Все, что этому образу противоречит, ими отвергается, извращается, замалчивается. Не важно, что сей образ не соответствует ни истине, ни просто здравому смыслу. Поклонники об этом не думают. Они вообще не думают, они — поклоняются. Чем, собственно, занимается и Таирова-Яковлева. Ее книга — не монография, а сборник суждений о Мазепе весьма некомпетентной особы.

И последнее. В своем сочинении Татьяна Геннадьевна назвала «великим историком» Михаила Грушевского (4). Такого восторженного эпитета не удостаивается у нее ни Соловьев, ни Костомаров, ни Устрялов, ни кто-либо иной. А ведь сам Грушевский в свое время признал, что всегда излагал историю Украины, сообразуясь с политической целью распространения «украинской идеи». То есть был он и не историком даже, а скорее политическим пропагандистом. Недаром настоящие ученые в частных разговорах именовали его «научным ничтожеством»[48]. Причем такого мнения придерживались не только «черносотенцы», но и либерально настроенные деятели науки.

С еще большим основанием научным ничтожеством следует назвать некоего Александра Оглоблина. Не имевший даже высшего образования, этот неприглядный во всех отношениях тип в первые послереволюционные годы был назначен «профессором» по приказу советской власти. Старательно, но (по причине недалекости) недостаточно квалифицированно обслуживал он идеологические потребности сначала большевиков, затем гитлеровцев, затем украинской диаспоры. А вот для Татьяны Геннадьевны Оглоблин — «глубокоуважаемый мэтр» (45). Впрочем, кого считать великим и глубоко уважать — каждый волен выбирать сам. И выбор Таировой-Яковлевой вполне логичен. Как говорится: «Рыбак рыбака...».

---

[48] См. об этом, напр.: Вернадский В. И. Дневник. 1917–1921. Киев, 1994. С. 104.

Т. Н. РЕЗВЫХ

ИЗ ПОВОЛЖСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СЕРГЕЙ ДУРЫЛИН. «РУССКОЕ И ПОЛЬСКОЕ ПРИЗВАНИЕ» (1915)

Впервые опубликовано: Поволжский Вестник. Кострома. Вторник 24 февраля 1915. № 2536. С. 1. Подпись: *С. Н. Дурылин*. Внизу текста сноска: «Речь, произнесенная на публичном заседании Религиозно-Философского общества памяти Вл. Соловьева, в Москве 18 фев<раля>». На этом заседании Е. Н. Трубецкой выступил с докладом: «Откровение Божьего дня» (*А. В. Соболев*. К истории религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева // *А. В. Соболев*. О русской философии. СПб., 2008. С. 321).

В Приложении публикуется стихотворение С. Н. Дурылина «Король Альберт». Впервые: Рыбинская Газета. № 247. 2 ноября 1914 (воскресенье). С. 3. Подпись: *С. Н. Дурылин*. *Король Альберт I* (1875–1934) — король бельгийцев, национальный герой. На первой странице «Вестника Рыбинской Биржи» от того же числа опубликовано объявление: «Сегодня, 2 ноября в зале мужской гимназии (вход со двора) член Московского Религиозно-философского общ. памяти Вл. Соловьева С. Н. Дурылин прочтет публичную лекцию на тему: «Лик России». (О русском призвании в связи с великой войной). Чистый доход с лекции поступит в пользу недостаточных учениц Рыбинской частной женской гимназии. Цена билетов от 35 к. До 1 р. 50 к., входные — 20 к., ученические — 10 к. Начало лекции в 7 ½ часов вечера». Видимо, лекция Дурылина была для Рыбинска значимым событием, поскольку и на третьей странице «Вестника», и в самой «Рыбинской

газете» была дважды воспроизведена статья некоего М. Медимнова «Лик России. К сегодняшней лекции С. Н. Дурылина», где автор пытался предварить тему лекции и разъяснить читателям, в чем же смысл религиозного призвания России во время великой войны. Статья Дурылина «Лик России» вышла отдельным изданием в 1916 году.

Русское и польское призвание

В годины всемирного значения перед каждым народом ставится вопрос о его призвании, от каждого народа спрашивается судом истории то *«во имя»*, ради которого ему надлежит быть; народ, не имеющий такого *«во имя»*, не осознавший своего призвания, теряет право на историческое бытие, народ без лица становится народом самоубийцей. История не знает такого народа.

Славянофильская мысль в России — Хомяков, Аксаковы, Киреевский и мысль поэтов и писателей мистиков в Польше — Мицкевич, Словацкий, Красинский, Товянский, мучительно искала это национальное *«во имя»* и неотступно стояла перед вопросом о национальном призвании. Результатом этой работы поколений явилась в России мысль об избранничестве, мессионизме русского народа в Польше, мысль об избранничестве, мессионизме польского народа. Но как могут быть два избранничества, два мессионизма. Самая возможность *двух* мессионизмов разрушает идею предъизбранничества *одного* народа: если предъизбраны *два*, то, значит не избран ни один, — избранничество есть удел *одного* и только одного. Но в чем суть этого избранничества народного?

Национальное призвание есть не право, а обязанность народа — обязанность, налагаемая высшей правдой, как некое послушание на душу и волю народную. Национальное призвание осуществляется как религиозное служение народа.

Прямое и строго отчетливое понимание этой идеи национального призвания находится у основоположника славянофильства, у Хомякова, когда он призванием России считает — «хранить племен святое братство, любви живительный сосуд». России дается завет вселенской любви и служения:

Все народы
Обняв любовию своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей.

Заветами христианской любви и вселенского служения проникнута идея национального призвания и у польских мессионистов. По слову Вл. Соловьева, Мицкевич признал для своего народа нравственный путь, ведущий к высшей и всеобъемлющей цели через самоотречение; важен этот со времен еврейских пророков не бывалый подъем национального сознания в область высшего нравственного порядка. Эта же идея — в форме идеи добровольного искупительного страдания народа за другие народы — исповедуется великим польским поэтом Словацким. Эта же идея выражена у З. Красинского, где она возвещается от имени Христова: «Иди на север во имя Христа, иди и верь имени моему; не проси о славе своей, — не о счастии тех, кого поручаю тебе, будь равнодушен к гордости, одарю вас тем, что обещал людям на Голгофе: свободой» ...

Таким образом, обе мессионистические идеи, русская и польская, в конечном развитии своем совпадают, являются одной идеей: народного служения и покорности закону Высшей правды, воле Божией. Это служение понимается как «обнятие любовью народов», «поведания им таинства свободы», низлияния им «сияния веры» (Хомяков), как страданье народа ради очищения тела и души народной (Товянский), как добровольное страданье народа за другие народы (Словацкий), иначе говоря, место двух мессионизмов русского и польского, является единая, братская, для обоих народов идея народного служения вселенским началам Любви, Веры и Свободы Христу.

Самое национальное освобождение и возстановление растерзанного тела Польши связывается у Мицкевича и Словацкого с тем, последует ли она этому своему призванию. Покорность Божию Закону как бы вкладывает Польшу в благие руки Господни и тогда, говорит Словацкий, — «воскресит вас чудо. Об этом просите Бога, что-бы Он воскресил Вас». Душа Польши, отдавшаяся служению высшим духовным началам, спасет тело Польши.

Но с этой же верностью своему религиозному призванию связана и будущность России: «смирится в трепете и страхе, кто мог завет любви забыть». Народное памятование и исполнение этого завета есть условие жизни и будущего бытия России.

Истинное братское единство России и Польши есть единство религиозного призвания. Россия, готовясь ныне Польше «сказать таинство свободы», исполняет свой религиозный долг, осуществляет свое призвание; Польша, народным порывом своим, примыкая к России, становясь на ее сторону «в годину бед и тяжких испытаний», сказывает России «таинство Братства».

Беря на свои рамена благое иго вселенского служения, и Россия, и Польша осуществляют единое свое призвание, во имя которого им быть, — по чаянию их вождей и певцов.

Есть еще одно — и последнее — величайшее проявление, завершение братства между отдельными людьми и целыми народами — это братство не по телу и не по душе только, но и по духу: братство единомысленного исповедания Бога. России и Польше не дано еще этого братства. Путь же к нему ясен и прост: он возвещен молитвенным воззванием Церкви: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы». Взаимная любовь должна предшествовать взаимному единомыслию и исповеданию, таинство любви приводит к таинству единой веры — к величайшему единству, доступному для людей. Исполним же этот завет любви, одинаково обязательный для народов, как и для отдельных людей, в чаянии грядущей радости одноверия двух братских народов. «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы».

Приложение

Король Альберт

Король, напомнивший тех древних королей,
Что крепкой лаской суровых кораблей
Полуночных морей вздымали гордо груди!
Король, кого венцом венчали прежде люди,
А ныне и Судьба, и целый мір венчал,
Избранник ведомый, кого Господь избрал,
Король, увенчанный венчанием терновым,
Ведущий свой народ на крест путем крестовым!
Весть Воскресения он встретил на кресте.
Народ твой пламенный, к невидимой мечте,
К благому бытию влекомый неизменно!
Пусть плачет твой народ, тесним юдолью пленной, —
С ним плачет целый мір рыданием одним,
И пусть повержен он, — повергся мір пред ним,
Целуя язвы ног и рук его целуя.
Как белый Божий град, как древле Ветилуя,
Воздвигся выше он всех высших на земле
И кровь его течет на царственном челе,
Но капля каждая в ту чашу упадает,
Что на последний день архангел сохраняет

Для Грозного Судьи на некий Грозный суд.
Сочтутся капли все, и твой кровавый труд
Исчислится, король с народом безпримерным!
Как поцелую любви и как причастье верных,
Вселенная в слезах приемлет вашу кровь
И, вечная для нас, пребудет вечной вновь
Любовь вселенская к тебе, народ Верхарна.
И сердце мира бьется благодарно
При имени твоем, забыв печаль и боль,
Король единственный: Солдат, Герой, Король!

(Ут<ро> Р<оссии>)

Т. Н. РЕЗВЫХ

Л. Ф. КАЦИС, М. П. ОДЕССКИЙ. «СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ»: МОДЕЛЬ И ТОПИКА. Очерки. М., 2011

Темой вышедшего в монографической серии SELECTA исследования Л. Ф. Кациса и М. П. Одесского является концепция «славянской взаимности» как исторически развивавшегося комплекса проектов воссоздания славянского единства (распавшегося уже с середины I тыс. нашей эры, но сохранившегося в памяти славянских народов), к началу XIX века приобретшая черты идеологии. Кацис и Одесский исходят из того, что, несмотря на близость этой идеи понятию «панславизм» (историю которого можно начинать с трактата «Политика» Юрия Крижанича), она ему не тождественна. По мнению Г. В. Рокиной, в литературе до сих пор нет точного определения соотношения этих терминов[1].

С точки зрения авторов, исследование должно восполнить пробел в русистике, состоящий в том, что «функционирование «славянских» идей в творчестве русских писателей и мыслителей исследуется «дискретно», вне общей истории модели «славянского единства» как системы. Авторитетнейшая идеология распадается на случайные теории и топосы, анализируемые без учета логики ее исторического развития» (с. 97). В связи с этим особый интерес вызывает архитектоника исследования. Собственно «топикой» для авторов является система художествен-

[1] См.: Г. В. Рокина. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005.

ных образов, подтекстов, политических намеков, философских понятий, не тождественная идеологии и существующая в пространстве между идеологией и литературой. Решая непростую задачу нахождения магистрали, авторы обратились к символу как знаку, «значение которого обнаруживается только бесконечной интерпретацией самого знака», способному «устанавливать коммуникацию, которая, в свою очередь, создает (актуально или потенциально) сообщество «посвященных», т. е. субъектов, находящихся в поле действия и относительной понятности символа»[2]. Они и предлагают нам многообразную интерпретацию знака, живущего на пространстве русско-славянских культурных и политических связей.

Истоки «славянской взаимности» лежат в словацко-русских связях первой четверти XIX в. В качестве исходной предпосылки Кацис и Одесский взяли модель «славянской взаимности», созданную так называемыми «будителями», «чешскими и словацкими интеллектуалами эпохи национального Возрождения», Йозефом Добровским, Павлом Шафариком, Франтишеком Палацким, получившую «впечатляющее развитие в России» (с. 12). Осью вращения всего исследования стала модель славянской взаимности, выстроенная протестантским пастором, подданным Габсбургской империи, словаком, писавшим по-чешски, Яном Колларом (1793–1852), в его поэме «Дочь Славы» (1824). Центральной мифологемой её был двойной символ славянства как отдельных *народов-рек*, которым предстоит слиться в одно море, и *народа-слова* как оппозиции «немого народа», «немцев». Поэма содержала отсылки к сонетам Петрарки и «Божественной комедии» Данте. Кроме того, Ян Коллар был автором специального трактата «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836–1837). По мнению авторов, «национально-водная» образность поэмы оказалась привлекательной в качестве источника специфической идеологии, поскольку Ян Коллар отстаивал не только идею славянства как в сущности единого народа, но и непосредственно «ориентировался на державу, где славяне образовали могущественное государство, — на Россию» (с. 14). История сюжета и изложена авторами как извилистый путь этого сложного символа, не только вновь и вновь воспроизводимого, но и прирастающего новыми подробностями

[2] Александр Доброхотов. Символ // Доброхотов А. Л. Избранное. М., 2008. С. 459–460.

и аллюзиями в течение более чем целого века русской литературы, от Пушкина до Ахматовой.

Установка на судьбу и деятельность вполне конкретной топики как системы определила и выбор персоналий: авторы включили в свое исследование не только труды далеких от славянофильства Вл. Соловьева и К. Н. Леонтьева (и, наоборот, не касаются, скажем, сочинений А. С. Хомякова, изображенного в поэме «Дочь Славы» пребывающим в раю, И. В. Киреевского, Константина и Ивана Аксаковых), но и необозримый материал текстов и сюжетов русской и советской литературы: от стихотворения «Клеветникам России» (А. С. Пушкин), стихотворного творчества И. А. Одоевского, Ф. И. Тютчева (с привлечением его позднего эпистолярия), романа И. С. Тургенева «Накануне», — до поэзии и публицистики Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского, пьесы «Янко крУль албАнскай» (1916–1918) и романа «Философия» (1930) И. М. Зданевича.

Сам исторический ход развития темы «единства», с точки зрения авторов, несет на себе черты её смысла, а потому вовсе не представляет собой единого водного потока, а скорее есть то самое множество ручьёв, слить которое в море безуспешно стремился Ян Коллар и его русские (и не только) продолжатели. Поскольку политические и религиозные судьбы славян к началу XIX в. сложились совершенно различно, путь развития идеи не мог не сопровождаться полемикой, повороты которой и исследуются в книге. «Славянская взаимность», по мнению авторов, остается вечной задачей и проблемой, путей решения которой не меньше, чем колларовских ручьев. В силу этого авторы скорее склонны акцентировать различия в подходах к проблеме и рассматривают ее в оппозициях: Коллар — Пушкин — Одоевский — Мицкевич (вокруг польского восстания 1830–1831 гг.), Тютчев — Мицкевич — Франтишек Палацкий (по поводу революции 1848–1849 гг.), Данилевский — Леонтьев — Соловьев (полемика вокруг балканского вопроса второй половины 1870-х гг. и Берлинского конгресса 1878 г.), Маяковский — Блок — Якобсон (в связи с Балканскими войнами 1912–1913 гг.), Бальмонт — Эренбург (отношения СССР с Польшей и Чехословакией в 1926–1928 гг.).

Поскольку концепция «славянской взаимности» рассматривается авторами не только как самостоятельная и даже глобальная тема в публицистике славянских стран, но и как идеологический «след», прежде всего в чешской, русской и польской мысли; в качестве стоящего за литературой фона, «тени», корректировавшей

позиции писателей и поэтов (скажем, Пушкина и Тютчева) стоит официальная и неизбежно прагматическая установка в отношении «славянской взаимности» властей заинтересованных империй. Отливы и приливы «славянской взаимности» в литературе не могли не быть отражением соответствующих изменений международной ситуации и колебаний во внешней политике России и славянских стран. Идеологема «славянской взаимности» неизбежно активизировалась, как показывают авторы, прежде всего, в моменты обострения славянской темы (в рамках «польского» или «восточного» вопроса), поэтому исследование выглядит как «литературные отголоски» рубежей международной политики и как литературный комментарий к российской внешней политике: польское восстание (1830–1831), Крымская война (1853–1856), русско-турецкая война (1877–1878), боснийский кризис (1908), балканские войны (1912–1913), Первая и Вторая мировые войны. Так, скажем, обращение к идее славянской взаимности у Велимира Хлебникова было связано с фактом аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1908), впоследствии он написал целый ряд «славянских» статей и «сверхповесть» «Дети Выдры» (авторы предложили интереснейший анализ «темных мест» славянского словаря в главе VI на материале этого текста). В 1927 году советское правительство использовало связи и авторитет Романа Якобсона и талант Владимира Маяковского для утверждения своей версии «славянской взаимности», а в годы Великой Отечественной войны жизненность символов Яна Коллара усиливалась очевидным государственным заказом и помогала советской агитации в пользу славянского единства и развития перспектив советизации Восточной Европы. Чем менее его образы вдохновляли поэтов и писателей (последний по времени сюжет, исследованный авторами, — поэзия Анны Ахматовой), тем интенсивнее и грубее они использовались политиками в СССР и Восточной Европе.

В «Заключении» авторы предлагают сопоставить два незначительных факта. В 1967 г. в малотиражных «Ученых записках Московского педагогического института» вышел перевод на русский язык «Дочери Славы» Яна Коллара. А в 1968 г., через несколько недель после ввода танков Варшавского договора в Чехословакию (ЧССР), поэт и драматург А. К. Гладков в своем дневнике отнесся к информации британской радиокорпорации BBC о заявлении 88 советских писателей (осуждающем это решение руководства СССР) как к провокации или липе, поскольку там говорилось о «славянской крови». В Чехословакии либеральные

идеи усиливались одновременно с антисоветскими, и Ян Коллар был более чем неуместен. Еще в феврале 1968 г. ЧССР праздновала победу свой хоккейной команды над сборной СССР как национальный праздник.

В современной Чехии с творчеством Яна Коллара обращаются так, как это теперь принято: «Коллар рассматривается как конструктор некоей (не очень актуальной) идеологии и становится объектом процедур “деконструкции”» (с. 16). Но вопрос о «славянской взаимности» не может был снят с повестки дня, поскольку интерес к нему не угасает (чему доказательство — приводимое авторами множество ссылок на статьи и исследования по теме на разных языках), однако конкретные вопросы А. С. Пушкина («Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? Вот вопрос») и слависта А. С. Будиловича («Мечта ли панславизм?») — остаются проблемами. Вероятно, теми, что, по словам Гёте, лежат вместо истины между двумя противоположными мнениями.

Надо сказать, что в противовес идеологической насыщенности темы книги, сам авторский текст предельно внеидеологичен и внепартиен. Предлагая детальный анализ внушительного массива текстов (авторы уже опубликовали по этой теме несколько десятков статей, список которых прилагается в конце предисловия, так что эту книгу можно назвать в каком-то смысле итогом работы двух давно сотрудничающих исследователей), Кацис и Одесский стараются ничего не навязывать читателю, предлагая ему самому сделать вывод о судьбах славянской взаимности на просторах Восточной Европы или оставить вопрос открытым.

Ю. А. БОРИСЁНОК

ПОЛОЦК, МИНСК И БРЕСТ В ОТСУТСТВИИ ВИЛЬНО. РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОНОГРАФИИ СЕРГЕЯ ХОМИЧА О БЕЛОРУССКИХ ГРАНИЦАХ ПРОШЛОГО ВЕКА[1]

Издательский центр «Экономпресс» в Минске в 2011 году выпустил в свет объемную монографию кандидата исторических наук Сергея Николаевича Хомича[2], которая, если довериться издательской аннотации, «пожалуй, является первой работой в белорусской историографии, где становление границ белорусского государства является самостоятельным предметом исследования. Раньше эта тема, в большинстве случаев, поднималась лишь в контексте политической истории, иллюстрируя отдельные моменты в развитии Беларуси»[3]. Теоретически книга Хомича обречена стать недоступной (тираж указан всего в 100 экз.), но работа продается в интернет-магазинах, а появление ее в бесплатном доступе к электронной версии — дело, как известно, недолгое.

Монография почти в 25 печатных листов может быть названа несомненной творческой удачей автора, учитывая то обстоятельство, что уроженец Барановичей, выпускник Минского пединститута имени Максима Танка и аспирантуры Института

[1] Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-21-16 001а/Bel3.

[2] Хомич С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск, 2011. 416 с.

[3] Там же. С. 2.

истории НАН Беларуси с 2002 года работает на центральном белорусском телеканале ОНТ, а с апреля 2009-го занимает там пост первого заместителя председателя правления. Отрадно, что Хомич не стал воспроизводить в книге свою диссертацию с точностью до запятой, как это порой случается, а дополнил прежний текст существенными поправками и дополнениями, доказывающими как знакомство автора с историографией последних лет, так и то, что из рядов действующих историков автор выпадать ни в коем случае не намерен. Логичную же на первый взгляд критику по поводу отсутствия в монографии ссылок на те или иные работы, документы и архивные фонды стоит пресечь коротким фрагментом из известной песни Владимира Высоцкого 1965 года сочинения: «Побудьте день вы в милицейской шкуре — вам жизнь покажется наоборот». Куда более логично оценивать сочинение с точки зрения того, что историк смог сделать.

А смог Хомич на самом деле многое — попытался решить задачу, которую поспешно, впопыхах ставили перед собой другие постсоветские национальные историографии ещё в начале 1990-х годов: обосновать легитимность действующих границ нового государства. В большинстве случаев подобной цели достигали оперативно[4], присовокупив в духе времени «мильон терзаний» по поводу утраченных давно и недавно обширных рубежей и различного рода претензий к соседям, начиная с «клятых москалей». К примеру, в украинской историографии монографию на родственные темы историки В. Боечко, А. Ганжа и Б. Захарчук опубликовали еще в 1994 году[5], а работа известного многостаночника от истории В. Сергийчука (по базовым образованиям — выпускник журфака и сельхозакадемии) «Этнические рубежи и государственная граница Украины»[6] не случайно выдержала несколько изданий. Автор предпочел сделать подборку документов на темы границ, предварив их хлесткими публицистическими комментариями с отборной руганью в адрес «русских экспансионистов» от «московских панславистов» до Солженицына и Лужкова.

Одна лишь аннотация к этому сочинению дает четкое представление о его содержании: «На большом архивном материале

---

4 Так и поступили в широком историко-географическом аспекте, не слишком вдаваясь в подробности, первые белорусские исследователи проблемы Л. Козлов и А. Титов. См.: Казлоў Л., Цітоў А. Беларусь на сямі рубяжах. Мінск, 1993.

5 Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Кордони України: історія та сучасний стан. Київ, 1994.

6 Сергійчук В. Етнічні межі і державний кордон України. Видання друге, доповнене. Київ, 2000.

доктор исторических наук Владимир Сергийчук исследует, как столетиями царская, а затем большевистская Россия, панская Польша, Австро-Венгерская монархия, боярская Румыния осуществляли экспансию в отношении Украины, захватывали ее исторические земли, уничтожали культуру, душу, язык. И сегодня отдельные наши соседи, рассчитывая на экономические и политические трудности на Украине, жаждут выставить перед ней территориальные претензии»[7]. Наиболее занятны доводы журналиста-аграрника об украинскости... Абхазии вплоть до Сухума и Гагр, подкрепленные убийственным архивным документом о том, что «105 семей из этих мест (Абхазии. — *Ю. Б.*) в свое время зарегистрировались как граждане Украинской Народной Республики»[8].

Ничего подобного в монографии белорусского исследователя границ мы не обнаружим и близко. Работа Сергея Хомича скорее может быть названа «Анти-Сергийчук». Нет здесь никаких апелляций к многовековой истории в стиле «латыши — вассалы полоцкого князя»; даже сюжеты сравнительно недавней истории исследователь стремится проанализировать вдумчиво, тщательно верифицируя информацию публицистики. В частности, при рассказе о мартовских событиях 1990 г., когда властные структуры БССР официально поставили вопрос о возврате Вильно и Виленской области, автор логично указывает на странную двойственность в подходах к этой проблеме Зенона Позняка и других лидеров Белорусского народного фронта. В 1990-м «по отношению к Литве руководство БНФ заявило об отсутствии территориальных претензий», Позняк «о претензиях на Вильно предпочел временно умолчать, поскольку на тот момент БНФ рассматривал Литву и литовское правительство в качестве основного союзника в борьбе с коммунистическим строем»[9].

Налицо явная убежденность руководства БНФ в устойчивости тогдашнего СССР и нерушимости его границ. Между тем, поддержи Позняк и его сторонники известное заявление Президиума Верховного Совета БССР от 29 марта 1990 года, у них в ту эпоху массовых митингов и горбачевских шатаний появился бы небольшой, но шанс поучаствовать в создании новых белорусских границ вплоть до возвращения на карту мира довоенной «ковенской Литвы». Но уже в следующем году проблема была утрачена,

---

7 Там же. С. 2.

8 Там же. С. 116.

9 Хомич С. Н. Указ. соч. С. 362–363.

и, похоже, навсегда: Хомич резонно подчеркивает, что именно распад СССР снял подобные вопросы с повестки дня[10]. В наши дни (2004) Позняк, уже будучи в эмиграции, убежденно говорит о Вильно как о «национальной столице», утраченной в результате «несправедливостей российской сталинской политики», и пророчествует: «Какие ни были бы обстоятельства и сколько бы они ни длились, в мыслях каждого белоруса должно жить понимание величины потери и осознание необходимости возврата белорусской столицы. Как только такое осознание будет достигнуто, оно станет элементом политики. Рано или поздно несправедливость сталинской оккупации будет исправлена»[11]. Будто и не было событий весны 1990-го...

В отличие от публицистов и вышедших в тираж политиков, историк Хомич при анализе сложнейших ситуаций, определявших на протяжении XX века конфигурации границ, совершенно справедливо стремится «избежать оперирования моральными категориями и вместо того, чтобы отвечать на вопрос: справедливы или нет белорусские государственные границы, установившиеся в XX в.», стремится «проанализировать то, какой видела территорию белорусского государства ее политическая элита на разных этапах развития национальной государственности, какими способами и с каким результатом отстаивала собственную позицию, что получилось, что — нет, и почему»[12].

Таков исследовательский ракурс Хомича, поставившего себе задачу рассмотреть именно проблему границ «глядя из Минска», причем современного, с точки зрения «белорусских интересов» с оглядкой на новое здание Национальной библиотеки и «Минск-арену». Это несколько у́же, чем заявленная «цель исследования — показать, какие политические силы были вовлечены в процесс формирования государственных границ Беларуси, какова была степень их влияния, чем они руководствовались при принятии решений, какими доводами оперировали, отстаивая собственную точку зрения (именно здесь имевшиеся на то время представления об этнической белорусской территории могли сыграть свою роль), и, наконец, какие внешние факторы и каким образом повлияли на становление границ белорусского государства в том виде, в котором они сложились на сегодняшний день»[13].

---

10 Там же. С. 364.

11 Цит. по: Там же. С. 362.

12 Там же. С. 7–8.

13 Там же. С. 7.

Для адекватной реализации подобного замысла необходимы как минимум несколько томов, что отлично понимает и сам автор, подчеркивающий в заключительном абзаце введения к книге: «Данная монография ни в коем случае не исчерпывает столь сложную проблему, как формирование границ белорусского государства. Некоторые этапы территориального строительства исследованы в ней более обстоятельно. Что же касается других событий... то, учитывая практически первый опыт осмысления этих процессов, параграфы, посвященные данным событиям, следует рассматривать как первую попытку постановки проблемы...»[14].

В результате Сергей Хомич закономерно представил лишь «выбранные места» из многогранной истории становления границ, сознательно уклоняясь в политическую составляющую проблемы. Логика исследователя в данном случае безупречна: «Несовпадение границ белорусского государства с этническими границами расселения белорусского этноса или с теми границами, которые считала для себя справедливыми политическая элита, не есть явление исключительное, характерное лишь для процесса становления белорусской государственности. Наоборот, исследователи территориального вопроса давно отметили такую особенность, как невозможность «торжества безусловной справедливости» в процессе становления государственных границ... В связи с этим в настоящей работе автор подошел к проблеме формирования границ белорусского государства как к явлению более политическому, нежели этнографическому»[15].

Заметим, что эта точка зрения весьма близка к мнению знаменитого испанца Хосе Ортеги-и-Гассета (1883–1955), отраженному в его классическом труде «Восстание масс» (1930), написанном как раз в период активного оформления белорусских границ: «Относительная общность языка и крови, которой сегодня гордятся, — полагая, что стоит гордиться, — позднейший результат объединения политического. Следовательно, не кровь и язык создают национальное государство — наоборот, это оно уравнивает состав эритроцитов и артикуляцию звуков. И так было всегда. Крайне редко государство совпадало, если вообще совпадало, с изначальной общностью крови и языка. Испания сегодня национальное государство не потому, что все в ней говорят по-испански, как и Арагон и Каталония были государствами не потому, что в один прекрасный день, удачно выбранный, их территориальные

14 Там же. С. 18–19.

15 Там же. С. 7.

границы совпали с языковыми... Ближе к истине было бы предположить, что всякое языковое единство отстоялось в результате предварительного политического слияния... «Естественность» границ весьма относительна. Она зависит от экономических и военных возможностей эпохи»[16].

Стоит заметить, что в практическом плане именно подобную точку зрения проводил в жизнь сначала в качестве наркомнаца, а затем и «вождя народов» главный архитектор современных границ Восточной Европы товарищ Сталин. Не отрицая необходимости подробного рассмотрения проблемы глазами белорусских деятелей большевистского и небольшевистского направления, предположим, что наиболее близким к реальности будет исследование вопроса в ракурсе представлений тогдашней советской (И. В. Сталин и соратники, Я. М. Свердлов, А. А. Иоффе и стоявший за ним Л. Д. Троцкий и др.) и польской (Ю. Пилсудский, Л. Василевский, Р. Дмовский и др.) политических элит. Именно их совместными усилиями, причем не только в итоге советско-польской войны 1919–1920 годов, увенчавшейся «рижской» границей в 1921-м, но и следующей четверти века, решающим образом были очерчены чрезвычайно близкие к сегодняшним границы Белорусской ССР, в 1991 году ставшие рубежами 13-го по размерам территории государства современной Европы.

В размытости этого важнейшего ракурса исследования, пожалуй, главный недостаток монографии Сергея Хомича. Историк, родившийся в 1973-м, принадлежит к первому «постсоветскому» поколению специалистов, для которых ленинские цитаты уже не догма и тем более не руководство к действию, а разногласия в рядах советских вождей и подробности их биографий не всегда повод для увлеченного и интенсивного научного поиска. Польская же историография, достаточно богатая для разработки темы в последние 20 лет, представлена в книге лишь одной позицией — известной монографией видного демографа Петра Эберхардта 1993 года издания о польской восточной границе 1939–1945 годов.

В результате в книге Хомича добротно и основательно, объективно и научно добросовестно отражены четыре в разной степени важных аспекта проблемы: 1) взгляды и намерения небольшевистского белорусского национального движения 1910-х годов на территорию и границы (главы 1–2); 2) формирование территории «первой» и «второй» БССР в 1918–1921 годах (глава 3); 3)

[16] Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 146–147.

укрупнение территории БССР в 1920-х годах в русле советской национальной политики (глава 4); 4) окончательное оформление границ БССР в 1939–1945 годах и демаркация советско-польской границы до 1948 года (главы 5 и 1-й параграф главы 6). В качестве постановки проблемы предлагаются завершающие книгу сюжеты о территориальном вопросе времен «перестройки» и установлении границ Республики Беларусь.

Определенно ближе автору аспекты второй и третий[17] — эволюцию советской национальной политики Хомич прослеживает в том числе на архивных источниках трех стран: материалах ГАРФ и АВП РФ, Литовского государственного архива и белорусских архивохранилищ. Историк подробно, а местами и с неподдельной увлеченностью анализирует подробности «перетягивания границ» в советском варианте. Конфигурации процесса переданы им в целом адекватно, разве что в соответствии с представленным выше исследовательским ракурсом несколько преувеличена роль руководства БССР в укрупнении республики в 1923–1924 годах.

Автор убежден в том, что «инициатором воссоединения белорусских территорий в 1923 г. выступало руководство БССР»[18]. Но в заключении к работе видим взгляд на этот же сюжет скорее альтернативный: «Безусловно, лидеры БССР сделали многое, чтобы добиться максимально полного объединения белорусских земель вокруг Минска. Однако, ничуть не умаляя роль белорусской советской политической элиты, следует признать, что включение восточнобелорусских территорий в состав Белорусской ССР стало возможным лишь в связи с тем, что оно отвечало задачам советской национальной политики, выработанной союзными властями и к формированию которой белорусские коммунисты имели весьма отдаленное отношение. Избери руководство компартии другую тактику и стратегию разрешения национального вопроса в СССР, и у правительства БССР не было бы никакой возможности, никаких рычагов влияния, чтобы вернуть белорусские земли в состав БССР... Не выработай лидеры РКП (б) национальную политику в том виде, как она проводилась в 1920-е гг., не поддержи идею белорусской государственности в форме Белорусской ССР, не согласись с возвращением восточнобелорусских земель в состав БССР, вряд ли Беларусь в конце XX в. состоялась как независимое государство»[19].

---

17 Хомич С. Н. Указ. соч. С. 139–289.

18 Там же. С. 237.

19 Там же. С. 389–390.

Отметим, что словосочетание «лидеры РКП (б)» стоит расшифровать, как «товарищ Сталин при некотором участии некоторых соратников». Иная точка зрения по «нацвопросу» наличествовала, особенно для периода 1918–1921 годов, но после XII съезда РКП (б) и курса на «коренизацию» альтернативы такому развитию БССР уже не было. При решении белорусских проблем, в том числе и территориальных вопросов, во главу угла ставились не этнографические и даже не социально-экономические аргументы, а принцип политической целесообразности, жестко сочлененный с пресловутой «польской интригой». Весьма характерно, что инициативу при расширении границ БССР летом 1923 года, приведшую к практическим результатам (в отличие от периодически возникавших с 1920-го обращений властей в Минске) проявила именно комиссия ЦК РКП (б) по работе среди белорусов Польши, которую возглавил Вячеслав Молотов.

К сожалению, роль руководства БССР в описываемых автором процессах была гораздо скромнее. Историк верно подмечает, что окончательные решения о границах неизменно принимались на партийном уровне, но ведь назвать первых секретарей ЦК КП (б) Б 1920-х-1930-х годов «национальной в полном смысле этого слова политической элитой, способной выступить в защиту белорусских территориальных интересов»[20], никак не представляется возможным. И дело даже не в их небелорусском этническом происхождении и частой смене, а в самом предназначении небольшой (до 1939 года) пограничной с Польшей советской республики.

А вот к Пантелеймону Пономаренко, первому из первых секретарей в Минске получившему возможность пробыть в должности приличный срок (1938–1948, с учетом реалий Великой Отечественной), Сергей Хомич излишне строг. Уроженец Кубани с харьковскими корнями, дескать, не был той самой «национальной политической элитой», а еще «существовавшее же на то время руководство БССР не рисковало высказывать и отстаивать собственное мнение, соглашаясь со всеми решениями центрального руководства по территориальному вопросу»[21]. Данное утверждение противоречит трактовке самим же автором проблемы разграничения между БССР и УССР в 1939 году, когда Пономаренко в тандеме с бывшим «белорусским нацдемом» (сербско-украинского происхождения) академиком Владимиром Пичетой сумел

[20] Там же. С. 390.

[21] Там же. С. 390–391.

отстоять у Сталина белорусские претензии на Брест и Пинск вопреки «Этнографической карте белорусского племени» академика Евфимия Карского[22].

Убеждает в обратном и недавно реконструированная нами на новых архивных материалах история с образованием в 1944 году Полоцкой области в составе сначала РСФСР, а затем БССР: Пономаренко здесь ни в коем случае не был послушным «соглашателем», он пытался играть недоступную прежним минским партруководителям роль «сталинского гетмана» и по возможности «собирателя белорусских земель»[23]. Характерно, что о последнем сюжете в монографии Хомича вообще не упоминается, хотя свидетельство об этом Пономаренко в интервью историку, ныне академику РАН Георгию Куманёву, широко известно с 1990-х годов[24]. Важно подчеркнуть, что именно в 1944–1945 годах завершился процесс сталинского конструирования границ БССР как во внешнеполитическом (с Польшей), так и в межреспубликанском (с РСФСР и Литовской ССР) аспектах. По сравнению с этнографической картой Карского 1903 года, территория «белорусского племени» приобрела Брест, с большим трудом сохранила Полоцк и утратила Вильно.

Надлежит особо подчеркнуть, что выше были помянуты незлым тихим словом существенные, но частности. Главное же в том, что в белорусской историографии в итоге многолетних трудов Сергея Хомича появилось основательное и нетривиальное исследование сложного и многоаспектного процесса оформления на пространстве XX века в географическом центре Европы территории и границ довольно крупного государства, советская первооснова которого (207,6 тысяч кв. км площади и 2 969 км границ) позволила состояться современной Республике Беларусь.

---

22 Там же. С. 310–315.

23 См.: Борисёнок Ю. «Этот город называется Полоцк...»: Проблема границы между БССР и РСФСР в первые десятилетия советской власти // Родина. М., 2012. № 1. С. 122–130.

24 Куманёв Г. А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999. С. 134–136.

Е. Ю. БОРИСЁНОК

УКРАИНА В ИМПЕРИИ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: ТЕРРИ МАРТИН И ЕГО ВЗГЛЯД НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ БОЛЬШЕВИКОВ

В 2011 году в издательстве «Российская политическая энциклопедия» вышел в свет перевод на русский язык книги профессора Гарвардского университета Терри Мартина «Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939»[1]. Хотя на английском языке книга вышла еще в 2001 г., российскому читателю книга стала доступна только сейчас. На необходимость перевода этого сочинения на русский язык обратил внимание А. И. Миллер, изложивший концепцию Терри Мартина еще в начале 2000-х гг.[2] Действительно, исследование американского историка заслуживает особого внимания: не только в связи с оригинальностью трактовки советской национальной политики, но, главным образом, благодаря тому, что эта работа основана на активном и широком использовании архивных источников и материалов периодической печати тех лет. Американскому исследователю удалось проследить эволюцию советской политики с начала 1920-х до конца 1930-х годов с точки зрения содействия развитию национального сознания этнических меньшинств.

В работе уделяется внимание как западным, так и восточным национальностям, однако центральное место уделено исследова-

---

1 Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

2 Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 208–219.

нию «украинского вопроса». «На протяжении всего сталинского периода центральное место в эволюции советской национальной политики принадлежало Украине, — пишет Т. Мартин. — Украинский вопрос стал играть ту же роль, которую в дореволюционной России играл вопрос польский» (с. 43). Объясняется это как численностью украинского населения, так и «чрезвычайно сильными кадрами опытных национальных коммунистов» на Украине.

Как считает Терри Мартин, «новая революционная Россия первым из традиционных европейских многонациональных государств оказала сопротивление поднимающемуся национализму, ответив на него систематическим содействием развитию национального сознания этнических меньшинств и созданием для них многих характерных институциональных форм моноэтнического государства» (с. 10). В связи с этим ученый предложил новый термин для обозначения Советского Союза как многонационального образования — империя «положительной деятельности», имея в виду, прежде всего, такие ее отличительные черты, как «систематическая поддержка внешних форм существования наций — территории, культуры, языка и элит» (28). При этом оригинальность советской политики заключалась в том, что «она поддерживала внешние формы национальных меньшинств в гораздо большей степени, чем национального большинства» (28). Советская власть, по мнению Мартина, решительно отвергла модель моноэтнического государства, заменив его моделью с многочисленными национальными республиками. Большевики попытались объединить выдвигавшееся националистами требование собственной национальной территории, культуры, языка и элиты с требованием социалистов, ставивших своей целью создание экономически и политически единого государства. В этом смысле ученый называет большевиков «интернационалистическими националистами», или, точнее, «националистами положительной деятельности» (28).

Объясняя, почему большевики взяли на вооружение именно эту радикальную стратегию, Терри Мартин указывает на определяющее влияние на политику большевиков «мощного националистического движения» на территории бывшей Российской империи. «Полное неприятие национализма и вынудило большевиков выработать новую национальную политику» (11). Делая экскурс в историю полемики по национальному вопросу в рядах большевистской партии, ученый противопоставляет «поборников национального строительства во главе с Лениным и Сталиным» интернационалистам во главе

с Г. Л. Пятаковым и Н. И. Бухариным. При этом он вслед за своим научным руководителем профессором Шейлой Фитцпатрик указывает на сходство теоретических построений Ленина и Сталина по национальному вопросу: «Между Лениным и Сталиным существовало принципиальное согласие относительно логического обоснования и главных положений новой национальной политики партии, хотя в 1922 г. между ними и возник конфликт по поводу некоторых важных моментов ее осуществления» (13). Конечно, такое объединение Ленина со Сталиным вряд ли уместно. К тому же оно сразу же вызывает в памяти пресловутое выражение «ленинско-сталинская национальная политика», критическому анализу которого в свое время было посвящено немало времени. К сожалению, А. И. Миллер не обратил внимания читателей на это обстоятельство[3].

Терри Мартин выделяет несколько предпосылок решения национального вопроса в Советском Союзе. Первая была названа автором «марксистской». Национализм был опасной мобилизующей идеологией, так как обладал потенциалом создания союза высшего класса, преследующего национальные цели. В связи с этим большевистским лидерам представлялось, что «притягательность надклассового национализма утратит свою силу в том случае, если нациям будут предоставлены определенные формы государственности» (15). Следующая предпосылка получила название «модернизации»: формирование наций стало считаться и неизбежной, и позитивной стадией в процессе модернизации Советского Союза (17). Третья была связана с понятием колониализма и «принципом главной опасности»: нерусский национализм был ответом на царское угнетение и мотивировался исторически оправданным недоверием к великороссам, в связи с чем главную опасность представлял великодержавный шовинизм, а не местный национализм. В-четвертых, к образованию империи «положительной деятельности» привел также и так называемый «пьемонтский принцип»: попытки советского правительства использовать трансграничные этнические связи для того, чтобы распространить свое политическое влияние на сопредельные государства. Что касается Украины, то «именно привлечение симпатий многочисленного украинского населения Польши и его последующее присоединение к СССР и были самой важной целью этой стратегии» (21), — считает Терри Мартин.

Впрочем, «пьемонтский принцип» рассматривается американским историком только с одной, советской, стороны. Влияние

[3] Там же.

польского фактора на политику большевиков по национальному вопросу в работе не рассматривается. Между тем, когда на рубеже 1919–1920 гг. Польша окончательно избрала активный вариант своей восточной политики, «польская угроза» для большевиков не была пустым звуком: они реально опасались утратить Украину в случае активных действий Польши и уже тогда намеревались предотвратить такую угрозу умелой национальной политикой. Украина должна была стать образцовой советской республикой, привлекающей симпатии западноукраинского населения. Большевики вынуждены были поддержать лозунг независимого украинского государства, конечно, в единственно приемлемой для них советской форме.

Как считает американский исследователь, в 1919–1923 гг. большевикам пришлось заниматься «разработкой самого понятия национального самоопределения нерусских народов в рамках унитарного Советского государства». Конечным результатом и стало «создание Империи положительной деятельности, нацеленной на борьбу с национализмом путем создания того, что получило наименование “формы национальной государственности”» (13). Рассматривая сущность империи «положительной деятельности», Терри Мартин подчеркивает, что «власти готовы оказать поддержку следующим четырем «формам» существования наций: национальным территориям, языкам, элитам и культурам» (22).

Прежде всего, большевики, будучи противниками экстерриториальных национально-культурных автономий, создали национальные территориальные образования. Причем речь шла не только о национальных и автономных республиках, но о целой пирамиде образований, распространившейся вплоть до мелких национально-территориальных единиц (национальных советов) (104). При этом «украинская система национального районирования предусматривала создание максимально возможного количества национальных советов, причем максимально возможной должна была быть и процентная доля входящего в каждый совет каждого национального меньшинства» (22). В этих национальных советах «предстояло осуществить всю совокупность мер советской национальной политики: и использование национального языка, и формирование национальных кадров, и развитие национальной культуры». Одним словом, считает Терри Мартин, «коренизация распространялась до самого низа — вплоть до уровня деревни» (22). Заслуживает особого внимания вывод автора о возникшей в результате взаимосвязи «между этнической идентичностью и административным контролем над терри-

торией» (63). Выстроенная система укрепила «существовавшее в народе представление о национальной территории как о своей собственной и привычку считать национальные меньшинства чужаками, а зачастую и незваными гостями... создание пирамиды национальных советов привело не к ослаблению межэтнических конфликтов, а, наоборот, к их существенному усилению» (106).

Следующий фактор «положительной деятельности» связан с развитием национальных языков и созданием национальных элит. На каждой национальной территории язык титульной национальности должен был получить статус официального государственного языка. Национальные элиты, пройдя подготовку, должны были выдвигаться на руководящие должности в партии, органах управления, промышленности и народном образовании каждой национальной территории. Что касается коренизации языковой сферы, то, как считает Терри Мартин, в 1932 г. проект ее тотальной украинизации провалился (173). Целью этого проекта было создание единообразной городской языковой среды, что должно было вынудить и украинцев, и русских признать украинский язык языком общественной жизни на Украине. Однако, как указывает автор, два самых главных социальных пространства, в которых жители Украины усваивали городскую идентичность, — завод и учреждение — так и остались сферами, где преобладал русский язык. Украинский крестьянин, приезжавший в большой украинский город в 1932 г., скорее всего, был вынужден принять русский в качестве языка общения на рабочем месте (173). В результате возникла двуязычная среда, отчетливо разделявшаяся на две разные сферы — сферу культуры и сферу экономики.

Терри Мартин объясняет крах тотальной украинизации следующими обстоятельствами. Прежде всего, украинизация встретила весьма сильное пассивное сопротивление и саботаж со стороны русского и русифицированного городского украинского населения. Как считает ученый, подчиняться требованиям украинизации наиболее демонстративно отказывались отнюдь не обычные бюрократы, а члены партии и высокопоставленные администраторы. Пассивный саботаж членов партии и управленцев и отсутствие настойчивости в поддержке украинизации центром привели к ослаблению «жесткой линии» в проведении украинизации. В то же время социалистическое наступление привело к усилению централизации и к более глубокому внедрению русского языка. Наконец, волна террора была направлена против украинских националистов, а не против великорусских шовинистов (174).

Между тем следует указать, что не только эти факторы были причиной сохранения прочных позиций русского языка на Украине. Значение русского языка как языка межэтнической коммуникации было обусловлено социально-экономической интеграцией и выросшей социальной мобильностью населения. Коммуникативные потребности единого государства требовали хорошего знания русского языка со стороны активной части населения, поскольку русский язык играл ведущую роль в сфере государственного управления, науке, армии, являлся средством общения между людьми разных национальностей. Об этом Терри Мартин не упоминает, хотя и рассматривает многочисленные споры, возникшие между украинским и центральным руководством по поводу языка переписки (153–164).

В данной связи представляет несомненный интерес оценка постановления 1938 г. «В годы правления Сталина обучение на родном языке, за немногочисленными исключениями, оставалось в нерусских школах обязательным, а русский язык оставался лишь учебным предметом, — пишет Терри Мартин. — Мартовское постановление 1938 г. не стало началом культурной русификации. Его целью был лишь билингвизм (двуязычие) или, самое большее, двойная культура» (627).

В то же время Терри Мартин признает, что к 1939 г. политика коренизации в сочетании с теми социальными преобразованиями, начало которым положило сталинское социалистическое наступление, создала в национальных республиках СССР — как восточных, так и западных — многочисленный класс работников умственного труда, представленный коренными жителями. На руководящих должностях они были представлены «в среднем пропорционально», что нельзя было сказать о сфере производства и медицине — «кадры технических специалистов создаются не так быстро, и для преодоления разрыва между специалистами требуется не одно поколение» (518).

Кроме того, большевики уделяли большое внимание национальной культуре. Терри Мартин отмечает, что в принятых постановлениях подтверждалось признание партией разных национальных культур, причем партия обязывалась предоставить для их максимального развития государственную поддержку. В то же время американский исследователь справедливо указывает на некую неопределенность сталинского определения советских национальных культур как «национальных по форме, социалистических по содержанию». По мнению ученого, такая неопределенность была намеренной, поскольку «планы боль-

шевиков по социальному преобразованию страны не допускали сохранения каких-либо существенных характерных национальных черт — религиозных, правовых, идеологических или относящихся к обычаям. Так что сталинскую «национальную культуру» было бы точнее называть не национальной культурой, а «национальной идентичностью» или «символической этничностью». Действительно, активно пропагандировались «символические признаки национальной идентичности: фольклор, музеи, национальная одежда и кухня, стиль, опера, поэты, “прогрессивные” исторические события и произведения классической литературы». Целью подобной пропаганды было обеспечение мирного сосуществования различных национальных культур с зарождающейся общесоюзной социалистической культурой, которой предстояло прийти на смену национальным культурам (24–25).

При этом «национальные культуры нерусских народов предстояло деполитизировать путем проявления показного, нарочитого уважения к ним» (25). Без сомнения, данный тезис американского исследователя заслуживает внимания. Однако говорить о деполитизации национальных культур в советское время необходимо с известной оговоркой. С нашей точки зрения, происходила не деполитизация национальных культур, а устранение культурных образцов и традиций, считавшихся «пережитком», или присущих «социально-чуждым» элементам. Одновременно навязывалась новая система ценностей: советская политика была ориентирована на придание идеям и образам, функционировавшим в общественном сознании, «идеологически выдержанного» и «морально устойчивого» характера. Одновременно большевистское руководство стремилось сформировать чувство сопричастности (или «братства») у народов, населяющих СССР, путем создания общей системы ценностей и общих символов. Таким образом, идеология и политика играли немаловажную роль в большевистской культурной практике.

Что касается эволюции империи «положительной деятельности», то Терри Мартин предлагает следующую периодизацию: нэп (1923–1928), социалистическое наступление/культурная революция (1928–1932), великое отступление (1933–1938). Что касается Украины, то исследователь отмечает, что 1923–1925 гг. следует назвать эпохой «украинизации по декрету». В это время была предложена широкая программа украинизации, однако ее исполнение столкнулось с упорным пассивным сопротивлением. Именно такое сопротивление и должен был сломить прибывший в апреле 1925 г. на Украину Л. М. Каганович. Любопытно, что автор не указывает

на истинные причины назначения Кагановича. Он отмечает только, что «факт, что Сталин назначил на этот пост (генерального секретаря КП (б) У. — *Е. Б.*) именно Кагановича, свидетельствовал о его доверии, поскольку лояльность Украины всегда имела ключевое значение в борьбе Сталина с Троцким и левой оппозицией» (121).

Действительно, участь предшественника Кагановича, Э. И. Квиринга, была определена именно участием последнего во внутрипартийной интриге. «Новая оппозиция» Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева пыталась изменить расстановку сил внутри партии в свою пользу и решила привлечь на свою сторону лидера украинских коммунистов. В январе 1925 г. Квиринг, прибывший вместе со своими товарищами в Москву на пленум ЦК РКП (б), был приглашен Зиновьевым на совещание. Там речь шла о смещении Сталина с поста генерального секретаря, о чем в конце концов стало известно и Сталину. В апреле 1925 г. пленум ЦК КП (б) У постановил, что «эта история вызвала недоверие к Квирингу»; было созвано заседание политбюро, на котором был поставлен вопрос о «необходимости ухода тов. Квиринга с поста генерального секретаря», с чем тот «вполне согласился»[4].

Если в 1923–1925 гг. в фокусе украинизации «находились прежде всего органы управления, а особенно те, которые имели дело с отсталыми крестьянами, но она не затрагивала партийные органы, имевшие дело с передовыми городскими рабочими»[5], то в 1925 г. ситуация изменилась. Как справедливо указывает Терри Мартин, при Кагановиче «партия возглавила украинизацию напрямую, не уступив этой роли государственной бюрократии, и настояла на проведении своей собственной украинизации, что было одним из признаков ее лидерства в этом деле» (122). Был установлен контроль за проведением украинизации, и была признана «необходимость принуждения». Публичных высказываний против украинизации теперь не допускалось (123–124).

Была поставлена амбициозная цель — «создание всецело украинской языковой среды». Такая стратегия была направлена на преодоление разрыва между украинской деревней и русским городом (126). Украинское руководство, считает Терри Мартин, «было полно решимости принять активные меры, чтобы не дать городам Украины стать русскими городскими островками»

---

4 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 108. Л. 111–113; Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 164–165.

5 Там же. С. 125.

(127). Американский исследователь уделил внимание позиции А. Я. Шумского, добивавшегося ускорения темпов украинизации и активного ее внедрения в рабочую среду. Одновременно он указывает на роль «дела Шумского» в расколе Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ) (137–140, 292–314). Уклон в руководстве КПЗУ, выступившем в защиту Шумского, отмечает Терри Мартин, стал «сокрушительным ударом по внешнеполитическим амбициям Украины и создал большие проблемы для Коминтерна», поскольку эти события произошли в 1927 г., «когда угроза войны достигла своего апогея». Внутриполитические инициативы Ю. Пилсудского, нацеленные на улучшение отношений с украинским населением Польши, «взволновали советское руководство» и были восприняты в качестве попытки «обеспечить свои тылы в случае конфликта с СССР» (311–312). Терри Мартин делает вывод, что «дело Шумского» способствовало появлению представлений о том, что коренизация скорее усиливает национализм, чем противостоит ему (314).

Начавшееся «социалистическое наступление» (этим термином Терри Мартин обозначает период с 1928 по 1932 гг.) стало «поворотным моментом в эволюции национального устройства Советского Союза» (328). Американский исследователь показал всю сложность этого периода. На Украине публичное осуждение «правого уклона» привело к попыткам интерпретировать местный национализм как более опасный, чем великодержавный шовинизм: так, Д. З. Лебедь опубликовал в журнале «Большевик» статью, в которой он доказывал, что украинский национализм стал теперь более опасным, чем русский шовинизм (331). Такая позиция была раскритикована украинским руководством (332–337). На состоявшейся в Москве в феврале 1929 г. встрече Сталина с делегацией украинских писателей генеральный секретарь ЦК ВКП (б) постарался убедить последних в отсутствии угрозы украинской культуре и украинизации (339–341). Тем не менее начавшиеся на Украине показательные процессы против местных националистов подрывали политику коренизации (370). Одновременно в 1929–1931 гг. советское руководство начало новую кампанию, положившую начало «новому советскому национальному устройству, возникшему в середине 30-х годов, символом которого стала повсеместно употреблявшаяся метафора «дружба народов» и «реабилитация традиционной русской культуры и русского национализма как силы, обеспечивающей советское единство» (371).

Важным рубежом в осуществлении национальной политики Терри Мартин считает 1932 г.: постановление Политбюро от

14 декабря «обозначило решающий поворот в эволюции советской национальной политики». К возникновению национальной интерпретации кризиса хлебозаготовок привело несколько причин. Прежде всего, это национал-уклонизм в КПЗУ, породивший сомнения в действенности «пьемонтского принципа», возникновение радикального национализма в Восточной Европе. Во-вторых, сохранение объединенных по этническому признаку группировок в партийных организациях национальных образований (Терри Мартин ссылается на «шумскизм») убеждало власти, что коренизация усиливает националистические настроения, вызывало опасения, что на позиции национализма перейдут коммунисты. В-третьих, кампания террора против «местных националистов» вызывала сомнение в том, что центр действительно поддерживает коренизацию. В-четвертых, социалистическое наступление сопровождалось усилением централизации страны. Но главным была «уверенность в том, что национал-коммунисты, по существу, противопоставляют себя центру». В-пятых, «возникало ощущение, что положительная деятельность не способствует укреплению единства наций в СССР, потребность в котором была велика в условиях, сложившихся в результате социалистического наступления и усиления внешнеполитической угрозы. Все это толкало к пересмотру русского вопроса» (402–403).

Как считает американский исследователь, постановление от 14 декабря «положило начало целому ряду имевших важные последствия изменений в советской национальной политике». К этим изменениям Терри Мартин относит: «начало этнических чисток и возникновение понятия “народа-врага”, фундаментальный пересмотр (но не отмена) коренизации, переход от этнической дивергенции к этнической консолидации, сопровождавшейся административной русификацией РСФСР, и, наконец, реабилитация русских и традиционной русской национальной культуры, что было составной частью процесса пересмотра советского национального устройства, организующей метафорой которого стала “дружба народов”» (423).

После 1933 г., по мнению Терри Мартина, происходит эволюция политики коренизации, свидетельствующая скорее о сокращении ее масштабов и рационализации, чем об отмене (526). Продолжала осуществляться программа положительной деятельности в высшем образовании, продолжалось выдвижение на руководящие должности коренных жителей на основе одной лишь этнической принадлежности. Коренизация и программа положительной деятельности продолжала осуществляться тихо,

без шумных кампаний, без предупреждений и обличений великодержавного коммунизма (526).

В то же время «была разорвана связь между коренизацией и национал-коммунизмом». Как считает американский исследователь, «террор 1933 г. на Украине был направлен помимо немцев и поляков против трех основных категорий населения: национал-коммунистов, украинских специалистов в области культуры (преподавателей и экспертов в сфере национальной политики в частности) и, наконец, западноукраинской эмиграции» (469). Терри Мартин весьма подробно рассматривает так называемое «дело Скрыпника», подчеркивая такие выдвинутые против главы украинского Наркомпроса обвинения, как «создание опасной теории, сочетающей в себе национализм и большевизм; преувеличение значимости национального вопроса; ошибочное толкование Пьемонтского принципа и, наконец, попытка принудительно украинизировать русских школьников». Как считает исследователь, «Скрыпник чересчур энергично проводил украинизацию, выступал за территориальную экспансию Украины, поддерживал притязания украинцев на территории РСФСР, ратовал за сотрудничество с западными украинцами» (470).

Впрочем, американский ученый не учитывает того обстоятельства, что удар пришелся не против старого большевика, а против Скрыпника как наркома просвещения Украины: именно это ведомство несло основную нагрузку при проведении украинизации. При этом, судя по сохранившимся воспоминаниям Я. С. Блудова, исполнявшего в 1930-х годах обязанности ректора Харьковского государственного университета, первоначально виновными в националистическом уклоне были признаны секретарь ЦК КП (б) У по идеологии, редактор органа ЦК КП (б) У газеты «Коммунист» А. П. Любченко и заведующий отделом агитации, пропаганды и прессы ЦК КП (б) У А. А. Хвыля. Блудов считает, что Любченко удалось «отвести от себя удар», добившись встречи в Москве с нужными лицами (в воспоминаниях названы Сталин и Каганович). После этого «в Москву был немедленно вызван П. П. Постышев и ему было указано, что он не туда направил огонь. Его следует направить против Скрыпника, «вообразившего себя Лениным на Украине» (Сталин). После чего и началась «проработка» Н. А. Скрыпника...»[6]. Терри Мартин указывает, что до Любченко дошла информация о негативной оценке его

[6] Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 59. Оп. 1. Спр. 98. Арк. 10; Борисенок Е. Ю. Указ. соч. С. 216–217.

роли Сталиным, и он написал Сталину два больших письма, в которых детально описал свои многочисленные споры со Скрыпником (475). Возможно, сведения Блудова имеют под собой некие основания. Действительно, в 1933 г. Любченко уцелел и в 1934 г. стал председателем Совнаркома Украины.

Таким образом, в результате «дела Скрыпника», «национал-коммунизм был признан реальной угрозой единству Советского Союза»; «национальный вопрос был окончательно низведен до второстепенного уровня и решался в русле «мягкой линии»»; «новая политика не допускала постоянного упоминания национального вопроса и излишнего теоретизирования по этому поводу»; «власти отказались от Пьемонтского принципа, а трансграничные этнические связи стали рассматриваться скорее как внешняя угроза, нежели как возможность распространить влияние СССР на сопредельные территории»; «подчеркивалось значение культурных связей между Россией и Украиной: теперь они считались республиками, которые скрепляют Советский Союз, делая его «братством народов», а затем «дружбой народов»; «упрочилось положение русских на Украине»; наконец, «тотальная украинизация была отменена, но и русификация Украины не началась» (483).

Как пишет Терри Мартин, «хотя в 1933–1937 гг. об украинизации в публичных выступлениях не говорилось ни слова, архивные документы свидетельствуют, что на протяжении всего этого периода она по-прежнему продолжала заботить украинское руководство»[7]. В книге приводятся примеры принятых в 1934–1935 гг. постановлений, согласно которым было не только предложено изучить состояние украинизации в государственных органах, но и возвращалась практика выдвижения на руководящие должности украинцев. Например, 3 июня 1935 г. вышло «совершенно беспрецедентное постановление ЦК», в котором «было выдвинуто требование направлять на руководящие должности в наркоматах только этнических украинцев» (497). «Из постановлений Оргбюро со всей очевидностью следовало, что этнические русские должны быть заменены этническими украинцами, — пишет Терри Мартин. — В некоторых случаях русских переводили на другую работу, а в иных — их судьба не уточнялась» (497). Как подчеркивает американский исследователь, «открытое замещение высокопоставленных этнических русских этническими украинцами всего лишь из-за их национальной принадлежности не происходило даже в апогей украинизации Кагановича» (497–498).

---

7 Там же. С. 494.

Новая кампания украинизации отличалась от прежней не только тем, что ее «проводили без шума». Американский ученый отмечает также два других отличия: «теперь в большей степени занимались положительной деятельностью, чем расширением сферы применения украинского языка», а также «исключительное внимание уделялось выдвижению украинцев на различные руководящие должности (начиная от районного уровня и до центральных комиссариатов)». Терри Мартин считает, что «во время террора 1933–1934 гг. украинизация существенно замедлилась и даже начался обратный процесс, но в 1935–1936 гг. она была продолжена» (499). Впрочем, в 1937 г. начались массовые аресты «буржуазных националистов», и «террор вновь стал средством советской национальной политики» (504). В январе 1938 г. началось издание газеты «Советская Украина», тиражи русскоязычной прессы выросли с 12,5 % от общего тиража украинских изданий в 1936 г. до 29,4 % в 1938 г., что «свидетельствовало об окончательном отказе от тотальной украинизации». Как считает Терри Мартин, «в середине 1938 г. наблюдатель имел полное право предположить, что началась русификация Украины. Однако с окончанием Большого террора и присоединением Западной Украины в 1939 г. положение вновь стабилизировалось. И с тех пор Советская Украина оставалась двуязычной и бикультурной» (505).

Проводившуюся в СССР политику Терри Мартин сравнивает со знаменитой схемой Мирослава Гроха, согласно которой становление национализма среди «малых» народов Восточной Европы, не имевших государственности, совершалось в три этапа. Для первого этапа характерен интерес элиты к фольклору и народной культуре, не связанный с политикой (этап «А»); для второго этапа — консолидация националистической элиты, стремящейся к созданию моноэтнического государства (этап «Б»); для третьего — возникновение националистического движения, пользующегося массовой поддержкой народа (этап «В»). Как подчеркивает Терри Мартин, советское государство «буквально возглавило движение на всех этих трех этапах: оно предоставило право голоса национальным культурам, создало национальные элиты и распространяло национальное сознание среди масс населения». Исследователь считает нужным ввести дополнительно этап «Г», во время которого государство осуществляло меры, характерные для новообразованных моноэтнических государств: оно ввело новые государственные языки и создало новые правящие элиты. Т. е., по выражению ученого, «партия стала авангардом национализма нерусских народов» (28–29).

Терри Мартин подчеркивает, что «одна из самых поразительных особенностей советской национальной политики — решительное неприятие даже естественной ассимиляции народов»: благодаря «исторической силе русской национальной культуры нейтралитет неизбежно привел бы к ассимиляции нерусских народов». Поэтому, чтобы «защитить национальную культуру нерусских народов, требовалось начать положительную деятельность» (30). Советский Союз, считает американский исследователь, стал первой в мировой истории страной, где были разработаны программы положительной деятельности для национальных меньшинств, и до сих пор еще ни одна страна не сравнялась с ним по их масштабности (впрочем, СССР проводил программы положительной деятельности и в области классовой, и в области гендерной политики) (31–32).

Вводя в оборот понятие «империя положительной деятельности», ученый фиксировал «парадоксальную природу многонационального Советского государства — чрезвычайно агрессивного, централизованного и сильного, организованного, с формальной точки зрения, как федерация суверенных наций» (33). При этом Терри Мартин считает, что «империя положительной деятельности не была традиционной империей», он не соглашается с теми, кто утверждает, «будто Советский Союз, коль скоро он обладал признаками, которые роднили его с другими империями, объективно с точки зрения социологии может быть классифицирован как “империя”» (34).

Более того, сама стратегия положительной деятельности была направлена на то, чтобы не допустить восприятия Советского Союза как империи. Поскольку национализм нерусских народов представлялся как защитная реакция на действия русского великодержавного шовинизма, большевики, подчеркивает Терри Мартин, старались не допустить, чтобы их действия (а они собирались «править диктаторски и произвести в обществе радикальные преобразования») были восприняты как русский империализм. Следовательно, пишет американский ученый, «нужно было принизить русское национальное самосознание»: «Советский Союз недвусмысленно отверг само понятие государствообразующей нации», партия потребовала от русских примириться с их официально неравным национальным статусом — для того чтобы содействовать сплочению многонационального государства».

Как пишет Терри Мартин, «иерархическое различие между государствообразующей нацией и колониальными народами было воспроизведено... в перевернутом виде» (35). На такое воспри-

ятие империи обратил внимание А. И. Миллер, подчеркнувший, что американский исследователь, «безусловно, прав в том, что принципы организации СССР были качественно иными в сравнении с империей Романовых и другими империями Нового времени, что политика положительного действия сознательно утверждала формы именно национального государства». Но, по мнению российского ученого, Терри Мартин ошибается, «когда пишет, что аналитическая категория «империя» бесполезна при изучении СССР»[8]. Миллер подчеркивает, что еще до Первой мировой войны «мы наблюдаем именно процесс усвоения империями модерных форм политической, военной и экономической организации, то есть не замещение империи модерным государством, но многообразные варианты гибридизации, совмещения старых имперских и модерных государственных форм»[9].

Работа Терри Мартина вносит заметный вклад в современную историографию. На прямую зависимость советской политики от активизации национальных процессов в стране традиционно указывали и указывают многие историки. В то же время сочинение исследователя из Гарварда убедительно доказывает, что советская политика носила активный характер, поддерживая создание и развитие национальных территорий, элит, языков и культурных учреждений. Те или иные коренизационные меры принимались не только и не столько под давлением националкоммунистических сил, но являлись частью последовательной программы национальных преобразований, осуществлявшихся с учетом происходивших в стране этносоциальных процессов.

---

8 Миллер А. И. Указ. соч. С. 214.

9 Там же.

ДМИТРИЙ СЕМУШИН

ПОМОРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В РОССИИ: РЕАЛИИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Современный кризис русской цивилизации находит выражение, в том числе, и в феномене разрушения русского этнического самосознания. Процесс конструирования новых этнических идентичностей в последнее время затронул «титульную нацию» современной Российской Федерации — русских. В этом деле объектом деятельности этнических политтехнологов стали социальные общности, в прошлом определяемые как субэтносы или даже локальные этнографические группы, обладавшие специфическими чертами быта, менталитета и трудовой деятельности. Процесс конструирования новых этнических идентичностей облегчается через реидентификацию искусственно создаваемых социальных групп — «воображаемых сообществ». В этом случае идеологи этносепаратизма подают свою деятельность как «возвращение к историческим корням и культурным истокам», как этническое и культурное «возрождение» ранее существовавших народов. Характерным примером подобной деятельности этнических антрепренеров может служить движение т. н. «поморов» в Архангельске.

При ближайшем рассмотрении «поморское возрождение» представляется сложным по составу участников и деятельности явлением. Прежде всего, нужно отметить, что дело не сводится только к созданию иной от русской этнической идентичности. «Поморство» часто неосознанно внедряется как местная региональная идентичность для русских, проживающих на Севере,

или же даже как некое «свойство души» морально-нравственная категория высшей формы русскости. Подобный региональный вариант русской «поморской идентичности» легко может переходить в новую, порвавшую с русскостью поморскую этническую идентичность. Процесс может иметь и обратное движение от этносепаратистской к региональной идентичности. Не надо сбрасывать со счетов то обстоятельство, что в нужной ситуации этносепаратистская идентичность начинает маскироваться под региональную. Поэтому поморская идентичность понимается разными группами по-разному, и сегодня в Архангельске существует не одна поморская идентичность, а целая группа идентичностей. В этом отношении наличествует понимание поморов и как особого финно-угорского этнического сообщества, и как отдельного восточно-славянского этноса. Фиксируется и признание их отдельной местной субэтнической группой — т. н. «русских поморов», и осознание поморства не как этнической, а как неявной локальной и региональной идентичности.[1] Но, что характерно, для всего спектра поморской идентичности — это совершенно новое для Архангельска и Русского Севера явление, лишь маскирующееся под древних поморов через искусственно созданный идеологами движения исторический миф. В этом отношении процесс внешне напоминает славянское «пробуждение» в регионе Центральной и Восточной Европы в перв. пол. XIX в. и, особенно, его успешный «украинский проект».

В связи с широким пониманием и развитием поморской идентичности для начала нужно квалифицировать активных участников движения. Назовем, в первую очередь, т. н. «неформалов» перестройки. Эти люди затем претерпели во времени известную эволюцию, затронувшую их личность. От идеализма 1980-х гг. они — в прошлом советские интеллигенты — прошли через деморализующие 1990-е для того, чтобы превратиться в своего рода вечных массовиков общественников — тип, порожденный современной русской Смутой, никчемных и бесплодных в истинном профессиональном плане людей. Руководителями «поморского возрождения», вышедшими из движения неформалов, являются «прагматик», несостоявшийся врач Иван Мосеев, а также «романтик» регионализма и сибирского областничества, историк по образованию архангельский журналист Анатолий Беднов. Сама «поморская идея» родилась в 1987 г. в кружке студентов-меди-

[1] Шабаев Ю. П. Европейский Север России: конфликтный регион. С. 19 // www.syktsu.ru/files/a1d8493a892fd1f0da3ea9e7fcb04e8a.doc

ков местного Архангельского мединститута. Новое поколение, примкнувшее позднее к экс-неформалам, по типу представлено уже молодыми циниками. Современная массовая культура с ее ролевыми играми повлияла на лидера «новой волны» поморского движения — Павла Есипова, являющегося по совместительству местным адептом неоязычества. Из движения неформалов эпохи перестройки вышли общественные организации: Национальный культурный центр «Поморское Возрождение» (осн. 1992 г.), Национально-культурная автономия поморов Архангельской области (осн. 2003 г.). Новая генерация, пришедшая в движение в кон. 90-х гг., заправляет в «Архангельской областной общине коренного малочисленного народа поморов» (осн. 2004 г.). В ноябре 2011 г. поморские организации объединились в «Ассоциацию поморов Архангельской области». При всем производимом в Архангельске в 2008–2011 гг. информационном шуме необходимо признать, что в случае с «поморами» мы имеем дело с небольшим кругом людей — активистами и идеологами движения. Это ядро находит поддержку в городе и на местах у отдельных учителей, местных краеведов. На продукты интеллектуальной деятельности поморских активистов накладывает отпечаток их низкий уровень провинциального образования и культуры. Пребывание в 1990-е гг. в местном общественном движении в маргинальном статусе навсегда наложило отпечаток на вышедших из неформалов «поморских возрожденцев».

«Поморская идея» была включена в региональную идеологию с начала 1990-х гг., но решающее слово здесь принадлежало отнюдь не неформалам. Без созвучия этой идеи интересам местной хозяйственной, управленческой и партийно-идеологической элиты дело не получило бы дальнейшего развития. Более того, при внимательном изучении можно заметить, что многие меры, способствовавшие этнической эрозии, осуществлялись руками местных партаппаратчиков, а потом с рубежа веков усилиями местных чиновников разного ранга. Отчасти это связано с тем, что региональная архангельская элита продвигает идею превращения Архангельска в экономическую и культурную «столицу Русского Севера — Поморья» и объединения вокруг этого города северных регионов. Поморская идея стала развиваться с нач. 1990-х гг. как идеология противопоставления региона федеральному центру. Впрочем, лозунг «Поморской республики» не был тогда оригинален. Он был созвучен в то время идее Уральской республики и ряду других «республик», связанных с известным лозунгом Бориса Ельцина 1990 г. — «Берите суверенитета

столько, сколько сможете проглотить». Странным в случае с Архангельском было то, что создание никогда до этого не существовавшей «Поморской республики» подавалось под лозунгом ее «восстановления».[2] Как оказалось, понятие «Поморской республики» было спроецировано местными идеологами на реальную в эпоху гражданской войны 1918–1920 гг. Северную область, которая не была ни «Поморьем», ни «республикой».[3] Как бы там ни было, но в случае регионализма в Архангельске надо обратить внимание не на лозунги неформалов, а на занявшийся приватизацией местных объектов областной и городской архангельский советский хозяйственный и партийный актив. Здесь примечательную роль в начале пути сыграл будущий губернатор Архангельской области Николай Киселев, который в 1989 г. создал движение «Поморы», состоявшее в основном из местных чиновников и хозяйственников. Движение «Поморы» смогло организовать несколько побед на местных выборах, хотя сам Н. И. Киселев при этом был решительным противником движения неформалов из «Поморского возрождения».

Однако самую существенную роль в становлении поморской идеологии сыграла позиция местной статусной интеллигенции — профессуры Архангельского пединститута. Такие ее представители, сыгравшие выдающуюся роль в становлении поморского этно- и регионального сепаратизма, как проф. Владимир Булатов и проф. Юрий Лукин своей карьерой прямо были связаны с местной областной партийной номенклатурой. Помимо местного, с нач. 1990-х гг. этим кругом людей стал двигать и внешний, подпитанный иностранными грантами интерес. Этнический и региональный сепаратизм в Архангельске стал последовательно поддерживаться из-за рубежа Западом через культурную политику созданного в 1992 г. норвежского трансграничного Баренцева региона. В связи с этим произошло изменение статуса местной интеллектуальной элиты без какого-либо качественного улучшения ее интеллектуального и морального уровня. Благодаря

---

[2] Беднов А. Возродим Поморскую республику. Обращение // Северное утро. Архангельск, 1990. № 2; Мосеев И. Демократия на Севере. Была когда-то... // Северное утро. Архангельск, 1990. № 5. Он же. Мы за Поморскую республику // Волна. Архангельск, 1991. 3 января.

[3] «Наш край в 1918–1920 годах был самостоятельным государственным образованием с собственным демократически избранным правительством Н. Чайковского, собственной экономикой и даже собственной валютой» (Обращение оргкомитета движения «Поморское возрождение» // Архангельск. 1991. 7 августа).

усилиям Владимира Булатова местный захудалый провинциальный пединститут получил громкое имя Поморского университета им. М. В. Ломоносова (последнее как у Московского университета). Профессура этого учебного заведения стала активно сотрудничать с коллегами из Норвегии, Швеции, Финляндии, США и Польши. Это учебное заведение вскоре оказалось опутано норвежскими сетями политики «мягкой силы» (soft power). Процесс сопровождался коррупцией. Профессура Поморского университета оказалась вовлеченной в грантовую деятельность западных фондов и почувствовала вкус интенсивного зарубежного «научного туризма». Местная культурная и образовательная жизнь Архангельска стала внешне более интенсивной, и грязный город с распадающимся коммунальным хозяйством и неустроенным бытом стал представляться этой профессурой как некая интеллектуальная и культурная столица историко-культурного региона, называемого уже не «Русский Север», а «Поморье». Западные зарубежные партнеры смотрели на эти претензии туземцев с иронией, но иллюзий большой игры не рассеивали. Заметим, что интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, воздействовали на очень узкий слой «интеллектуальной элиты» Архангельска, которая и стала формировать в нужном для Запада направлении идеологию регионализма и этносепаратизма.

Поморское этностроительство на сегодняшний момент прошло несколько этапов. На первом, условно говоря «областническом», на исходе перестройки в конце 1980-х — нач. 1990-х гг. в Архангельске родилась идея «Поморской республики». Под последней понималось придание Архангельской области статуса автономной республики в составе РСФСР со всеми присущими подобной республике правами и атрибутами государственности. В поисках исторических аналогий поморские возрожденцы обратились к опыту существования в годы гражданской войны антибольшевистской Северной области (1918–1920 гг.). Новый регионализм породил в местных СМИ волну своеобразной «поморской истерии». Понятие «Поморье» приобрело новое значение и стало в практической жизни подменять понятие «Архангельская область» и «Русский Север». Архангельск стал рассматриваться не как областной центр, а как столица региона с неопределенными границами под названием «Поморье».

На втором этапе началось идеологическое конструирование «поморского этноса». Здесь ключевую роль в создании поморского исторического мифа сыграл ректор Архангельского

пединститута проф. Владимир Булатов. В Архангельске среди сверстников В. Булатова местных гуманитариев упорно ходит слух, что работу по созданию поморского исторического мифа тот выполнял по прямому заказу «либералов» из Москвы из окружения Анатолия Чубайса. Таким образом, центром поморского этностроительства на этом этапе стал Архангельский пединститут, переименованный благодаря усилиям его ректора в «Поморский университет».

Третий этап начался с кампании вокруг переписи населения 2002 г. Общественное мнение в Архангельске, Северодвинске и Новодвинске было подготовлено предшествующей «поморской истерией» к официальному принятию новой поморской идентичности. Тем более что поморская областническая и этносепаратистская идеология, как мы уже указали, оказалась созвучна чаяниям и интересам части местной элиты. На этой волне показательна позиция, занятая местным губернатором Анатолием Ефремовым, внезапно объявившим себя без всякого на то основания «помором».[4] О своей готовности записаться «поморами» заявили тогда же первый замгубернатора Анатолий Кожин и заместитель губернатора Тамара Румянцева, глава администрации Онежского района Александр Варакин, ректор Поморского госуниверситета Владимир Булатов, замдиректора «Флотархангельскрыбпрома» Валерий Барболин.[5] На волне очередного витка «поморской истерии» перепись 2002 г. дала в Архангельске логичный результат. Свою принадлежность к поморам зафиксировал в переписных документах 6 571 гражданин Российской Федерации. Из этого числа в Архангельской области проживало 6295 поморов (95,8 %), в Мурманской области — 127 (1,93 %); в городе Санкт-Петербурге — 16 (0,24 %), в Республике Карелия — 13 (0,2 %), в Республике Коми — 11 (0,17 %), в Ненецком АО — 6 (0,09 %), в Вологодской области — 4 (0,06 %), в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях — по 1 (0,01 %).[6] Итак, итоги переписи на самом деле зафиксировали не существование, а искусственное создание новой городской поморской идентичности, т. е. явление

---

4 Анатолий Александрович Ефремов — выходец из деревни Малое Тойнокурье, что напротив Архангельска. В XVI — XVIII вв. деревня входила в состав Заостровской волости, население которой занималось крестьянским трудом на земле и в дальних морских промыслах не участвовало.

5 Мария Леонтьева, Виктор Филиппов. В стране может появиться Поморская республика // Известия. М., 2002. 11 октября.

6 Национальный состав, владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 томах. Том 4. Кн. 1. М., 2004. С. 14.

этногенеза. Надо обратить внимание на то, что в местах проживания настоящих «исторических» поморов — в Карелии (Карельский и Поморский берега Белого моря) и Мурманской области (Кандалашская губа, Терский берег) поморов зафиксировано 1,95 %, а по всей Карелии — всего 13 человек (!). Таким образом, там, где в XVII–XIX вв. проживали настоящие поморы, перепись 2002 г. их не обнаружила. Кроме того, социологические исследования 1990-х гг. поморских поселений Белого моря какой-либо отличной от русской иной поморской идентичности у тамошнего населения не выявили.[7] В то же время на Архангельскую область, по переписи 2002 г., «поморов» пришлось 95,8 % (!). При этом городской конгломерат Архангельска-Северодвинска дал около 4 тыс., или 64 % всех «поморов». Подобный итог — прямое следствие «поморской истерии», деятельности культуртрегеров этносепаратистов и областников из подразделений Поморского университета, местных СМИ, из областной и местных городских администраций.

Перепись знаменовала новый этап поморского этностроительства. Появились реальные перспективы политической и экономической «торговли этнонимом». Это привело к активизации группы поморских активистов, которые стали заявлять свои претензии на территорию, ресурсы и культурный приоритет. Требование к федеральному центру — признать «поморов» в качестве коренного и малочисленного народа и включить их в Перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации — стало главным на этом этапе. При губернаторах Анатолии Ефремове (1998–2004) и Николае Киселеве (2004–2008) исполнительная власть региона дважды направляла представление в Минрегион РФ о включении поморов в Единый перечень коренных малочисленных народов. Статус «коренного» не только позволит городским «поморам» получать определенные преференции со стороны федерального правительства, но и в будущем, как им кажется, гарантирует финансовые поступления от компаний, ведущих хозяйственную деятельность в Арктике. Особенно это важно в связи с началом нефте- и газоразработок в Архангельской области, Ненецком Автономном округе и на шельфе Арктических морей. Практика согласования отношений недропользователей и землепользователей с добывающими компаниями активно продвигается Западом в Россию. Если архангельские городские поморы получат

[7] См., например, Плюснин Ю. М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001. Новосибирск, 2003.

статус коренного и малочисленного народа, то они, а конкретней, активисты движения и те, кто стоит за ними, могут рассчитывать на солидные компенсации. В этой связи «поморское возрождение» стало получать все большую поддержку из-за рубежа в ожидании грядущего ослабления федерального центра перед лицом регионов с последующей дезинтеграцией России. На этом этапе очевидным стало стремление расширить поморскую идентичность на все население Архангельской области. Среди местных историков проф. Сергей Шубин и Андрей Репневский были первыми, кто начал использовать в своих работах понятие «поморы» применительно ко всем жителям Архангельской области.[8] При всем прагматизме «поморского возрождения» нельзя не отметить его очевидную политизированность, ставшую особенно явственной в предвыборный период 2010–2011 гг. Организации «поморского возрождения» и их активисты в Архангельске действовали в тесной связи с местными общественными и гражданскими организациями оранжевого толка, создав «Поморский центр публичной политики». Учредители последнего считают «тему поморов очень важной для самосознания и самоопределения гражданского общества на Русском Севере. Тема поморов... будет вскоре одной из главных в политической жизни северян». При оценке текущих политических событий 2011–2012 гг. активистами движения поморов просматривается близость их к идеологии российских нацдемов.

Итак, проект «поморы» прошел уже несколько стадий: формирование этнического мифа и организационную. Сейчас под знаком требования официального признания «коренного и малочисленного народа» происходит его политизация. 17 сентября 2011 г. в Архангельске состоялся IV Межрегиональный съезд поморов. В его работе приняли участие около 400 делегатов. В июне того же года при вновь образованном Северном (Арктическом) Федеральном университете (САФУ) якобы для исследования «этноса поморы» был создан научный центр «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера». Лидер движения поморов в Архангельске Иван Мосеев стал его директором. А за год до этого в ноябре 2010 г. на встрече губер-

8 Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е гг. Архангельск, 2000. С. 3, 25, 187; Он же. Поморов «рубили» как лес. Рецензия книги «Репрессии в Архангельске: 1937–1938. Документы и материалы» // Правда Севера. 1999. 25 августа; Репневский А. В. «Норвеги» глазами поморов Русского Севера вчера и сегодня // Известия Русского Севера. 2010. № 2 (4). С. 40–43.

натора Архангельской области Ильи Михальчука с активистами поморских общественных организаций была достигнута договоренность о сотрудничестве в рамках т. н. «Поморского вектора» развития региона. С того времени в официальных речах очередного архангельского губернатора И. Ф. Михальчука порой стали звучать нотки поморского этнического мифа. Отдельные положения поморской исторической идеи стали появляться и в разного рода документах областной администрации. Все перечисленное является несомненным «достижением» 20-летнего развития поморского этносепаратизма на Русском Севере.

В процессе любого этнического строительства ключевую роль играет исторический и культурный миф. Уже при истоках движения «поморские возрожденцы» сформулировали две ключевые идеи. Одна из них исходит из положения, что «Русский Север не знал крепостного права и в социальном, экономическом и культурном плане развивался по собственному, отличному от крепостной России пути».[9] Поэтому движение «Поморского возрождения» направлено «на ликвидацию колониальной зависимости Архангельской области от центра», т. е. на возвращение на присущий области особый исторический путь. В тесной связи с этим утверждалось, что «коренные северяне, поморы, были самостоятельной субэтнической группой, и до сих пор являются ею — со своей исторической территорией, культурой, бытовым укладом, психологией и самостоятельным диалектом».[10] Таким образом, все русское население Архангелогородской губернии до 1917 г. записывалось архангельскими «поморскими возрожденцами» в «поморы». На следующем этапе эти мифические «поморы» были объявлены уже самостоятельным нерусским этносом.

Названные ключевые положения начального поморского исторического мифа развернул и развил в своих трудах проф. Владимир Булатов (1946–2007).[11] Именно он проделал масштабную и целенаправленную работу по фальсификации истории Русского Севера. В полном виде поморский исторический миф изложен в 5-томной монографии В. Н. Булатова «Русский Се-

9 Обращение оргкомитета движения «Поморское возрождение» // Архангельск. 1991. 7 августа.

10 Там же.

11 В. Н. Булатов в 1968–1973 гг. учился на историко-филологическом факультете Архангельского пединститута (АГПИ). Во время учебы он был секретарем комитета ВЛКСМ АГПИ. Потом работал 2-м и 1-м секретарем Ломоносовского РК ВЛКСМ, завотделом ОК ВЛКСМ, инструктором Архангельского обкома КПСС. В 1980 г. окончил Ленинградскую высшую партийную школу.

вер», вышедшей отдельными книгами в 1997–2002 гг.[12] Текст этот частично был сведен автором в учебное пособие для высшей школы и под тем же названием опубликован в 2006 г.[13] Издание этого адресованного местной студенческой молодежи учебника финансировалось по федеральной программе «Культура России». Для придания большего научного и образовательного веса изданию в выходных данных была обозначена «Москва», хотя учебное пособие было полностью подготовлено в Архангельске. Зарубежный аспект поморской исторической концепции изложен В. Н. Булатовым в специальном учебном издании для высшей школы, посвященном норвежскому Баренцеву региону.[14] Ключевые положения поморского исторического мифа были повторены В. Н. Булатовым в 2005 г. в «научной справке», подготовленной им для деятелей «поморского возрождения».[15] Означенный документ, предъявленный «поморами» в Архангельске областной администрации, является доказательством того, что изначально «научные изыскания» по поморской тематике В. Н. Булатова носили политизированный характер. В итоге поморская концепция В. Н. Булатова имеет разрушительное значение для исторического и культурного сознания русских на Севере, поскольку адресована прежде всего подрастающему поколению. Перечисленные «труды» были изданы большим тиражом, их можно найти на полках практически любой библиотеки Архангельской области.

Основное положение поморского исторического мифа В. Н. Булатова лежит в области исторической географии Русского Севера. Главнейшую роль здесь играет тезис о том, что «в XV–XVII вв. Поморьем назывался обширный экономический и административный район по берегам Белого моря, Онежского озера и по рекам Онега, Северная Двина, Мезень, Пинега, Печора, Кама и Вятка, вплоть до Урала».[16] И, во-вторых, что эта об-

---

12 Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997; Кн. 2. Встречь солнца (XV–XVII вв.). Там же, 1998; Кн. 3. Поморье (XVI — нач. XVIII в.). Там же, 1999; Кн. 5. Ворота в Арктику. Там же, 2001; Русский Север. Кн. 4. Свет полярной звезды (XVIII–XIX вв.). Там же, 2002.

13 Булатов В. Н. Русский Север: Учебное пособие для вузов. М., 2006.

14 Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. Архангельск, 2001.

15 Ученые о поморах // Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 4.

16 Ученые о поморах // Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 4. Текст В. Н. Булатова: «Русский

ширная территория была населена самостоятельным нерусским этносом (народом) «поморы».

Этногенез «поморов», по В. Н. Булатову, был обусловлен слиянием культур «протопоморских», преимущественно угро-финских (чудских) племен Беломорья и первых славян-колонистов (еще нерусских sic!), активно заселявших территорию чудского Заволочья. Итак, В. Н. Булатов помимо прочего ввел в научный оборот неизвестное дотоле понятие «протопоморы». Концепция «протопоморов» по смыслу близка к идеям эстонского археолога Прита Лиги и финского исследователя Кристиана Карпелана, утверждавших, что население территорий современного Русского Севера в Средневековье меняло свою этническую идентичность при отсутствии значительных миграций русского населения и физической смены местного финно-угорского населения.[17] Псевдоисторическая концепция В. Н. Булатова, таким образом, основывается на особой интерпретации колонизационного процесса Русского Севера и специфическом толковании местных историко-географических и локальных понятий.

В своих трудах В. Н. Булатов дает определение этносу «поморы» как народу, состоящему из нескольких языковых групп. Например, «русскоязычная группа этноса поморы заселяла берега Белого моря с XII в.»;[18] «Специфика жизни человека в условиях Севера формировала и особый тип населения, в том числе группу этноса — поморов, заселивших берега Белого и Баренцева морей».[19] Следовательно, по В. Н. Булатову, в этносе «поморы» могли существовать разные языковые группы, в том числе и фин-

---

Север с XVI в. носил название Поморье, а его земли, лежащие в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки, занимали тогда территории, составлявшие почти половину Русского государства» (см.: Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 3) дословно без указания на источник списан из монографии Н. Е. Носова. См.: Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 240.

17 Макаров Н. А. К Дышащему морю. Северные окраины славянского мира // Родина. М., 2001. № 1–2. С. 37–41. В настоящее время директор «Поморского института» САФУ И. Мосеев довел означенный тезис до абсурда: «Никаких доказательств гипотезы о массовых переселениях новгородцев с юга на Север, в район Беломорья, нет» (Мосеев И. О бьярмах, чуди и поморах, или Социокультурный код коренного населения Поморья // http://www.zpg29.ru/index.php?id=1701#)

18 Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион. С. 25; Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 111.

19 Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. С. 9.

но-угорские. С 2008 г. норвежцы в полном соответствии с концепцией В. Н. Булатова стали рекламировать в России «коренных жителей Баренцева региона» «норвежских поморов».[20]

Утверждение о существовании среди «поморов» разных языковых групп, помимо прочего, позволяет В. Н. Булатову не только привязывать поморов к финно-уграм, но и удревлять явление мнимого поморского этногенеза. Здесь, однако, у В. Н. Булатова нет однозначного ответа о его начальной временной точке. В отредактированной им специальной статье в «Поморской энциклопедии» значится: «Поморы, русскоязычная группа этноса, заселившая (с XII в.) берега Белого и Баренцева морей».[21] На XII в. В. Н. Булатов указывал и в других своих работах.[22] В частности, здесь он утверждает совершенно фантастическое: «На новгородских географических картах XII–XIII веков в устье Онеги уже был обозначен «Погост на море».[23] Чуть позднее, в 2006 г., он еще удревнил явление: «Название «поморы» возникло не позднее X–XII вв.».[24]

В связи с этим напомним, что «поморцы» и «поморяне» впервые в исторических источниках упоминаются в одной новгородской летописи под 1526 г., а в актах — под 1546 г.[25] Утверждение В. Н. Булатова о существовании этноса «поморы»

---

20 См. текст Тура Робертсена на обложке в кн.: Поморские сказки. Архангельск, 2010.

21 Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского Севера. Гл. ред. В. Н. Булатов, сост. А. А. Куратов. Архангельск, 2001. С. 317.

22 Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 3. С. 6; Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 111; Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область. С. 25.

23 Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. С. 192. Где эти новгородские географические карты? Откуда о них сведения у архангельского историка? На самом деле, просто «у моря» без упоминания какого-либо «погоста» упоминается в уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича на доли доходов новгородского епископа с погостов в Заволочье (1136/1137 г.). См.: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Изд. Я. Н. Щапова. М., 1976. С. 147–148.

24 Ученые о поморах.

25 «Того же лѣта 34-го приѣхаша ко государю великому князю Василью Ивановичю на Москву поморцы и лоплене с моря окияна, ис Кандолжьскои губе усть Невы рекы, из дикой Лопи, и би челомъ государю великому князю Василью Ивановичю» (Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 217); «...каргополцы, и онежане, и турчасовцы, и порожане, устьмошане, и мехренжане, ѣздятъ къ морю соли купити, да купивъ де у моря соль у поморцовъ да возятъ ея въ Турчасово и на Порогъ...» (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. № 211. С. 200–201).

и соответствующего этнонима с X–XII вв., таким образом, имеет чисто спекулятивный характер, т. к. конкретно не подтверждается ни одним историческим источником.

Заметим, что все ранние упоминания поморов перв. пол. и сер. XVI в. относятся к береговой оконечности Белого моря, носящей со времен Средневековья название Поморского берега. Это Поморье впервые упоминается в одной подлинной новгородской грамоте сер. XV в. купчей некоего Ивана Менуева сына.[26] В связи с этим логично предположить, что первоначально под «поморцами» в XVI в. понимался не особый народ (этнос), а локальная группа населения, получившая свое название от конкретной местности на побережье Белого моря. Сохранившийся комплекс новгородских грамот определенно свидетельствует о том, что русская славянская колонизация Поморского берега Белого моря началась не ранее XIV в.[27] Так, в частности, на проблему смотрели историк М. В. Витов и этнограф Т. М. Бернштам.[28] О времени славянской колонизации этой части Беломорья определенно свидетельствует и относительно позднее появление здесь церковных приходов. К более позднему периоду, чем XII в., относит сейчас колонизацию вообще всего Русского Севера и археолог Н. А. Макаров.[29] Выводами этих ученых В. Н. Булатов в своих трудах полностью пренебрегает. Кроме того, создатель «поморского мифа» игнорирует и то обстоятельство, что как раз на Поморском берегу Белого моря чудь («протопоморы», по его терминологии) никогда не проживала. Изначально это была территория лопи (саамов).[30] Первой волной колонистов здесь были в XIV в. карелы и только потом русские.[31] Таким образом, этнографическая груп-

---

26 «Се купи Иване и его братья Денесья, Максиме Мѣнуеви дѣти у Фалелѣя из Валдоли, у Сави, у Сидора у Юрьевыхъ дѣтеи землю и воду на Поморьи по[мо]рьскимъ рикамъ и по лѣшимъ озерамъ». — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Ред. С. Н. Валк. М., Л., 1949. № 296. С. 294–295.

27 ГВНП. № 222, 223, 286, 287, 290, 291, 293, 296–307, 312, 318–322, 327, 328.

28 Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 182, 189; Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978. С. 43–44.

29 Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 163.

30 Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. С. 71.

31 Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 28–29.

па исторических, а не мифических поморов возникла на основе этнического контакта трех народов: русских, карел и лопарей, вне территории Заволочья (Двинской земли), отметим мы.

Далее архангельский историк утверждает, что этноним «поморы» после того, как возник не позднее X–XII вв. на Поморском берегу Белого моря, в течение XIV–XVI вв. распространился далеко на юг и восток от места своего возникновения.[32] Однако факт какой-либо массовой миграции населения с этой территории в означенный период не подтверждается какими-либо источниками. Тем не менее В. Н. Булатов утверждает, что на всей современной территории Русского Севера уже в XV в. расселился этнос «поморы». Для подтверждения этого тезиса архангельский историк в своих текстах просто начинает подменять понятия. Например, у В. Н. Булатова читаем: «в 1419 г. пятьсот «мурман», явившись на морских судах — бусах и шнеках, — «повоевали» Корельский погост в Варзуге, разорили селения онежан и двинян. Однако норвежцы получили достойный отпор: *поморы* «две шнеки мурман избиша».[33] В оригинальном же тексте Новгородской Первой летописи Младшего извода читаем: «Того же лета, пришед Мурмане воиною въ 500 человекъ, в бусах и въ шнеках, и повоеваша въ Арзуги погостъ Корильскыи и в земли Заволочкои погосты: в Неноксе, в Корельскомъ манастырь святого Николы, Конечныи погостъ, Яковлю кюрью, Ондреяновъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михаиловъ манастырь, Чиглонимъ, Хечинима; 3 церкви сожгли, а христианъ черноризиць посекле, и **заволочане** две шнеки Мурманъ избиша, а инии избегоша на море».[34] Как видим, в первоисточнике нет никаких «селений онежан», а норвежцев в действительности истребляют *заволочане*, т. е. жители новгородской волости Заволочье, другое название — *двиняне*, а никакие не «поморы». Вообще, спекулятивная подмена понятий — один из основных приемов фальсификации русской истории, применяемых в своих «трудах» В. Н. Булатовым. Здесь он идет по стопам другого создателя великого исторического мифа, менявшего при описании средневековых событий «русь» на «украинцев», — М. Н. Грушевского.

Итак, в своих трудах В. Н. Булатов утверждает, что в XV–XVI вв. вся современная территория Русского Севера, т. е. зем-

---

[32] Ученые о поморах.

[33] Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 120.

[34] Новгородская первая летопись. Под ред. А. Н. Насонова. М., Л., 1950. С. 411–412.

ли, лежащие в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки, носила название «Поморье».[35] Делая подобные утверждения, профессор из Архангельска при этом ни на какие исторические источники не ссылается. Подается это В. Н. Булатовым как общеизвестный русской истории факт.[36] В связи с этим заметим, что на сегодняшний момент нет ни одного специального историко-географического исследования о бытовании на Русском Севере во времени понятия «Поморье». Попытаемся частично восполнить этот пробел.

При изучении всего комплекса текстов XVI–XVII вв. не трудно заметить, что в исторических источниках применительно к Русскому Северу существуют два разных понятия «Поморье», имеющие разные сферы применения. Одно из них можно условно назвать «малым» Поморьем, другое — «большим». «Малое» Поморье, как мы указывали выше, впервые упоминается в источниках с сер. XV в. Его ядром является Поморский берег Белого моря. Жители Поморского берега, иначе называемого еще в источниках XVI–XVII вв. «Поморьем», по месту своего жительства стали именоваться «поморцами». Это «малое» Поморье стало ядром т. н. «Поморских волостей». «Поморские волости» (вариант «Поморская область») с сер. XVI и до кон. XVII в. составили отдельный административный округ, управлявшийся Соловецким монастырем.[37] Позднее в XIX в. — это Кемский уезд Архангелогородской губернии. С развитием с сер. XVI в. Мурманских промыслов на Коле, в котором как раз и участвовало население Поморского берега, понятие «малого» Поморья распространяется на протяженную береговую полосу Кольского полуострова. В таком виде это Поморье фиксируется в «Росписи поморским рекам» Книги Большого чертежа нач. XVII в.[38] Все существующие исторические источники XVI в. говорят о «малом» Поморье и не подтверждают

---

35 Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 3.

36 Это не подтвержденный источниками историографический штамп. См.: Большая советская энциклопедия. Т. 20. М., 1975. С. 346.

37 О ранней истории Поморских волостей см.: Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Он же. Сочинения в 9-ти тт. Т. 8. М., 1990. С. 5–30. Понятие «Поморские волости» впервые упоминается в царской жалованной грамоте Соловецкому монастырю от 11 августа 1584 г. (ААЭ. Т. 1. С. 384). Понятие «Поморская область» как синоним «Поморских волостей» упоминается в письме игумена Соловецкого монастыря Антония шведскому королю Карлу IX от 12 марта 1611 г. (ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 180. С. 308).

38 Книга Большому чертежу. Изд. К. Н. Сербиной. М., Л., 1950. С. 147–151.

тезиса В. Н. Булатова о существовании в этот период «большого» Поморья, протянувшегося от Белого моря и Белоозера на западе до Урала на востоке. Что же является в таком случае источником утверждения о существовании целого административного региона Поморья в XVI в.? Как выясняется, современная научная традиция, берущая истоки в творчестве В. Н. Татищева и опирающаяся на труды великого русского историка академика С. Ф. Платонова. С. Ф. Платонов, изучая Смуту нач. XVII в., обратил внимание на то, что в политическом плане это была война между Севером и Югом Московского царства, в которой различные области (группы уездов) занимали устойчивую позицию. С. Ф. Платонов отметил, что позиция в войне населения и военных служилых корпораций отдельных уездов была прямо связана с тем, состояли ли эти административные единицы в предшествующий период в опричнине или нет. Так родилась «региональная» концепция Смуты С. Ф. Платонова.[39] Для нее русский историк использовал политико-географическую терминологию из документов эпохи Смуты и опрокинул ее по времени на сер. XVI в. на эпоху опричнины царя Ивана Грозного. Попутно, таким образом, С. Ф. Платонов создал еще и оригинальную концепцию опричнины.

Итак, понятие «большое» Поморье встречается в исторических источниках не с XVI и, тем более, не с XV, как утверждает В. Н. Булатов, а начиная только с нач. XVII в.[40] Существует оно первоначально в текстах в виде связанных взаимно друг с другом понятий: «поморские города» (вариант «поморские пригороды») — «поморские люди».[41] Закреплению в современной

---

[39] Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901. С. 1–91. В связи с концепцией С. Ф. Платонова необходимо обратить внимание на близкое по времени использование термина «поморские уезды» в одной работе М. А. Дьяконова. См.: Дьяконов М. Половники поморских уездов в XVI–XVII вв. СПб., 1895. Сам М. А. Дьяконов никак не объясняет его применение.

[40] М. Н. Тихомиров писал: «Название «Поморские города» утвердилось поздно, не раньше второй половины XVI в., когда был проторен морской путь из России в Англию». Однако этот тезис он никак не подкреплял источниками. См.: Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 227.

[41] Понятие «поморские города» впервые встречается в переписке вятчан и пермичан от января 1609 г. (ААЭ. Т. 2. № 104. С. 205). «Поморские пригороды» упоминаются в указной царской грамоте вологодскому воеводе Миките Пушкину от 20 февраля 1609 г. (Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841. № 157. С. 180); «Поморские люди» встречаются впервые в отписке царю Василию Шуйскому из Троицы осадных воевод Григория Долгорукова и Алексея Голохвастова от 29 марта 1609 г. (АИ. Т. 2. № 181. С. 210). «Поморские

научной традиции использования понятия «большого» Поморья применительно ко всей территории Русского Севера вслед за С. Ф. Платоновым особо способствовал фундаментальный труд акад. М. М. Богословского «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.», содержавший историко-географический очерк.[42] Отмеченные труды С. Ф. Платонова и М. М. Богословского создали устойчивую традицию именования в отечественной историографии XX в. всего Русского Севера «Поморьем». Русские историки использовали региональное понятие «большого» Поморья без всякой задней мысли как удобную научную абстракцию для построения своих исторических схем.[43] Во время перестройки в кон. 80-х — нач. 90-х гг. XX в. интеллигенция в Архангельске взяла из российской и советской научной историографической книжной традиции понятие «большого» Поморья и сделало его географической реальностью, в том числе для нужд политического движения местных областников и регионалов под лозунгом «восстановления Поморской республики». Благодаря работе СМИ за короткое время понятия «Поморье» и «Архангельская область» стали синонимами. А спустя несколько лет проф. В. Н. Булатов использовал уже как ключевое в своей схеме понятие «большого» Поморья для построения своего этносепаратистского исторического поморского мифа.

Были ли понятия «поморские города», «поморские люди» в источниках XVII в. официальными в смысле использования их в административной терминологии России того времени? Здесь мы определенно ответим — нет. Официально вся страна тогда делилась на уезды, подведомственные столичным четвертям. Места в этой структуре «большому» Поморью не было. Не упоминается «большое» Поморье ни в писцовых, ни в переписных книгах. Нет его в составленном в кон. XVII в. в Холмогорах Двинском ле-

---

мужики» — отписка тушинского костромского воеводы Микиты Вельяминова гетману Сапеге (после 12 марта 1609 г.) (АИ. Т. 2. № 172. С. 199).

42 Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 9–28.

43 Использование понятия «большого» Поморья в XX в. в советской историографии определялось скорее личными вкусами и пристрастиями историков. Проследить какой-либо закономерности тут нельзя. Так, например, Н. Е. Носов в одном своем фундаментальном труде его совсем не использовал, а в другом использовал, наоборот, часто. См. Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства перв. пол. XVI в. Л., 1957; Он же. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

тописце.[44] Однако специальное исследование источников XVII в. позволяет определенно утверждать, что понятие «поморские города» со времен Смуты использовалось в делопроизводстве некоторых (не всех) российских центральных ведомств, в частности Разряда.[45] После Смуты оно использовалось (нечасто) и в царских указных грамотах на места воеводам. Скорее всего, понятие «поморские города» появилось в Смуту в столичном военном ведомстве в осажденной тушинцами Москве. В актовом материале оно впервые фиксируется под 1609 г. Его появление, таким образом, связано с нуждами военного регионального управления в условиях внутренней «гражданской войны» нач. XVII в. Понятие появилось в центре из потребностей возникшей в России региональной политики. После губернской административной реформы Петра I термин «поморские города» исчезает в делопроизводстве центральных ведомств. Но из приказной документации XVII в. понятие «большое» Поморье проникло благодаря творчеству В. Н. Татищева (1685–1750) в формирующуюся российскую историческую и географическую науку, где обрело потом свою самостоятельную книжную судьбу.[46] Казусом является здесь то, что современная попытка отождествления норвежцами Поморья, или, как говорят они, «Поморскую зону» с БЕАРом, находит созвучную аналогию у В. Н. Татищева в его тождестве Поморья и легендарной страны Биармии.

Кстати, проф. В. Н. Булатов из-за присущего ему общего невежества в области отечественной истории так и не успел узнать, что под «поморскими городами» подразумеваются не конкретные города, которых в реалии в XVII в. на Русском Севере почти и не было, а территориально-административные единицы — уезды.[47] В документах XV–XVII вв. часто слово «город» выступает

---

44 Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977; Титов Л. Л. Летопись двинская. М., 1889.

45 Книги разрядные по официальным оным спискам. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 1, 2, 10, 24, 405, 544, 578, 661, 929, 1035, 1152, 1247, 1362. Там же. Т. 2. Стб. 93, 200, 296, 351, 688, 931. Первое упоминание «поморских городов» в разрядных книгах под 1614 г. (Т. 1. Стб. 1.) В связи с этим заметим, что в разрядных книгах XVI в. упоминаний «поморских городов» нет.

46 См. статью «Бярмия», в которой В. Н. Татищев утверждает тождество Биармии, Заволочья и Поморья (Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. 1. СПб., 1793. С. 233; Он же. История Российская. Т. 1. М., 2005. С. 348).

47 «Год за годом поморы осваивали новые земли, продвигаясь все дальше на юг и юго-восток, север и северо-восток. А на картах, чертежах и росписях появились поморские города: Холмогоры, Вага (Шенкурск), Вельск, Каргополь,

синонимом слова «уезд». Вместе с понятием «поморские города» в источниках эпохи Смуты появляется и понятие «поморские люди». Но было бы величайшей нелепостью считать, что под «поморскими людьми» грамот Смутного времени и тогдашней правительственной переписки подразумевается отдельный этнос «поморы». Берем многочисленные сохранившиеся челобитные грамоты XVII в., посланные жителями северных русских уездов в Москву или местному воеводе в уездный центр. Ни в одной из них они не именуют себя «поморами». А если вообще нет ни одного документа XVII в., из которого бы следовало, что жители Двинского, Кеврольского, Важского и т. д., всего 22 уездов, считают и определяют себя «поморами», а тем более нет никаких свидетельств «поморского» этнического самосознания у них, то какое основание у В. Н. Булатова и его последователей утверждать, что в это время в северном регионе России существовал целый отдельный этнос под этнонимом «поморы»? Жители северных уездов сами эти уезды «Поморьем» в XVII–XVIII вв. не называли и сами себя «поморами» не считали и никогда не именовали. При этом надо назвать единственное исключение в этом ряду северных уездов — это жители т. н. «поморских волостей» Соловецкого монастыря. Вот они себя и их в документах XVI–XVII вв. «поморцами» и «поморянами» именуют. Но были ли они в то время отдельным этносом, имеющим отличное от русских этническое самосознание? Правильней было бы утверждать, что под «поморцами» тогда подразумевалась локальная группа населения (русские и карелы), получившая свое название по топониму — Поморский берег. Именно они и есть настоящие исторические поморы.[48]

Тем не менее, полностью пренебрегая историческими источниками, В. Н. Булатов в своих рассуждениях о «большом» Поморье и «поморах» в XVI в. в своем учебнике доходит до следующего

Турчасово, Пустозерск, Тотьма, Сольвычегодск, Великий Устюг, Хлынов (Вятка) и другие» (Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 3). В приведенном списке в XVI–XVII вв. Каргополь, Турчасово, Колмогоры — это посады. Вельск — погост.

48 Вот что заметил по этому поводу объехавший Архангельскую губернию в 1856 г. Сергей Максимов: «Поморским берегом, или собственно Поморьем, на языке туземцев называется западная часть Онежского залива между двумя уездными городами губернии: Онегой и Кемью. Дальние поморы мезенские и терские обыкновенно зовут этот берег Кемским. Мы следуем первоначальному названию этого берега по той причине, что поморцами, поморами называются исключительно обитатели Кемского берега» (Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 245).

абсурдного утверждения: «налицо были почти все признаки нации: общность территории с выходом к морю (Поморье); общность экономической жизни поморских уездов, волостей и городов; особые черты характера, психологического и духовного облика поморов; своеобразие северной культуры. Складывался северорусский язык, от которого остались местные говоры, диалекты и наречия, ставшие предметом тщательного изучения филологов, диалектологов и этнологов».[49] По В. Н. Булатову, только завоевательная и репрессивная политика Москвы в XV–XVI вв. воспрепятствовала складыванию «четвертой по счету восточнославянской нации — североросов».

Итак, в чем заключается главный трюк фальсификатора истории Русского Севера В. Н. Булатова? «Малое» Поморье в его концепции упоминается только как ареал мнимого этногенеза «поморов» в X–XII вв. Далее в его текстах эта географическая реалия XVI–XIX вв. полностью игнорируется. «Малое» Поморье он смешивает с «большим», подменяет его последним. В этом построении вся территория Архангелогородской губернии XIX в. — т. н. «Русский Север» становится якобы реально существующим в прошлом регионом «Поморье». После чего В. Н. Булатов погружает это «большое» Поморье как можно глубже во время. Это мифическое Поморье XIV–XVI вв. он противопоставляет Московии, а его население, именуемое «поморами», всем остальным русским. Мифические «поморы», по В. Н. Булатову, якобы имели финно-угорскую «кровь», свой собственный «славянский» язык и свою этническую «поморскую культуру». Более того, в историческом прошлом они якобы были враждебны русским. «Несмотря на активные процессы ассимиляции поморов в великорусском этносе, поморы сохранили свое этническое (национальное) самосознание до наших дней», — утверждает В. Н. Булатов, подводя тем самым идеологическую базу под «поморское возрождение».[50]

Означенный исторический миф о «большом» Поморье позволяет архангельским областникам и этносепаратистам в проекте создания «Поморской республики» предъявлять «исторические претензии» на всю территорию нынешней Мурманской, Ар-

---

[49] Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 5. Нелепость подобного утверждения очевидна, поскольку, например, по ретроспективным оценкам А. И. Копанева все население Двинского уезда в XVI в. не превышало 20–30 тыс. человек. См.: Аграрная история Северо-Запада России. Втор. пол. XV — нач. XVI в. / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 281.

[50] Ученые о поморах.

хангельской областей и части Карелии. В 1990-е г. им удалось внедрить в массовое сознание северян понятие «Поморье» как синоним Архангельской области, сделать его географической реалией. В настоящее время областники и этносепаратисты вкупе с норвежцами работают над тем, чтобы понятия «Поморье» и трансграничный «Баренцев регион» стали равнозначными.

Миф о народе «поморы» также дает в распоряжение архангельских этносепаратистов большой потенциальный человеческий ресурс. Ведь, условно говоря, все «старожильческое» население Архангелогородской губернии до 1917 г., согласно мифу В. Н. Булатова, объявляется «поморами». «Поморское возрождение» на практике означает, что сейчас любой потомок этих «старожилов» может отказаться от русской этничности и заявить себя «помором». Поэтому не случайно, что разрушительный этноконфликтный и политический потенциал поморского исторического мифа в сочетании с практикой «поморского возрождения» был по достоинству оценен за рубежом и получил американскую и норвежскую поддержки.[51]

Из базового мифа о «большом» Поморье и народе «поморы», его населяющем, В. Н. Булатов выводит целую серию других исторических мифов. Коротко перечислим некоторые из них.

Миф о великих поморах. Поскольку вся территория нынешнего Русского Севера, по утверждению В. Н. Булатова, с XII в. была населена поморами, то все местные чем-то знаменитые деятели русской истории и культуры объявляются им не русскими, а этническими «поморами». Подобный прием напоминает проделанное в XIX в. с персонажами истории Малороссии создателями украинского исторического мифа. Итак, согласно В. Н. Булатову, поморами были: святитель Стефан Пермский и преподобный Антоний Сийский, завоеватели Сибири Ермак и братья Строгановы, землепроходцы С. Дежнев и Е. Хабаров, ученый М. В. Ломоносов и скульптор Ф. И. Шубин и т. д.[52]

Миф о том, как поморы Сибирь освоили. Из созданного проф. В. Н. Булатовым мифа о существовании в XV–XVII вв. «большого» Поморья — обширной территории, населенной этносом

---

51 Издание первых опытов создания самостоятельного литературного поморского языка, т. н. «поморьской говори», финансировалось американским фондом Форда и норвежским Баренц-секретариатом. См.: Поморские сказки / Под ред. Т. Робертсена. Архангельск, 2010. С. 2; Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 3.

52 Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 125, 199, 245, 263, 276, 311, 312, 338, 532.

«поморы», проистекает следующая булатовская фальсификация — народ «поморы» Сибирь освоили.[53] «В ходе движения поморов «встречь солнца» на территории Сибири появляются постоянные поселения», — утверждает В. Н. Булатов.[54] Более того, в этом вопросе В. Н. Булатов пошел дальше. Даже все русское старожильческое население Сибири после XVII в. в одном месте он поименовал «поморами».[55] В упомянутом учебном пособии В. Н. Булатова теме освоения Сибири «поморами» отведена целая часть 2-ая.[56] На 191-ой странице текста, посвященного освоению Сибири, «большое» Поморье в связи с Сибирью упоминается В. Н. Булатовым 134 раза, а сами «поморы» с производным от существительного прилагательным «поморский» — 229 раз! Но если мы обратимся к оригинальным сибирским летописям XVII в., то в текстах их не обнаружим ни единого упоминания «Поморья» или «поморов».[57] Что касается актов XVII в., то упоминание в них «поморских городов» достаточно редко, а упоминание «поморов» («поморских людей») вовсе отсутствует.[58] Среди русских служилых людей и промышленников в документах названы москвитины, костромитины, устюжане, мезенцы, пинежане, чердынцы, пустозерцы, т. е. русские — уроженцы конкретных уездов Московского государства, но никак не поморы. Поэтому ясно, что в мифе об освоении Сибири поморами проф. В. Н. Булатов прибег к своему обычному трюку — подмене понятий.

Исторический миф о «большом» Поморье и народе «поморы», его населявшем, имеет в качестве составляющей особую трактовку международных отношений в местном Арктическом регионе.

---

53 В этой связи отметим неудачное в свое время название статьи: Покровский Н. Н. Государственный феодализм двинской деревни перед началом освоения Сибири поморами // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVI–XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 13–19. Разумеется, Н. Н. Покровский не считал поморов отличным от русских народом, но вместе с тем нельзя не заметить, что в деревнях на Сев. Двине исторические поморы не проживали.

54 Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 218.

55 Там же. С. 289.

56 Там же. С. 198–389. Он же. Русский Север. Кн. 2.

57 Сибирские летописи. СПб., 1907; ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. М., 1987.

58 См. понятие «поморские города» в указных царских грамотах в Верхотурье (1621, 1623, 1632, 1634, 1639, 1641) (АИ. Т. 2. № 106, 117, 172, 180, 207, 219. С. 150–151, 176, 317, 326, 363, 377); в указных царских грамотах в Кунгур (Кунгурские акты XVII в. (1668–1699). Изд. А. Г. Кузнецова. СПб., 1888. № 62, 75, 78. С. 175, 279, 291). В других документах по Сибири см.: Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб., 1848. № 14. С. 65.

Здесь нужно учитывать то обстоятельство, что поморская концепция изначально создавалась В. Н. Булатовым, в том числе и под нужды формируемого норвежцами с 1992 г. трансграничного Баренцева региона. «Поморы и норвежцы вместе осваивали арктические моря, вели рыбный и зверобойный промыслы, два последних столетия успешно торговали». «Поморы и норвежцы так или иначе участвовали во многих экспедициях, целью которых было изучение Арктики», — утверждает В. Н. Булатов в одном из своих трудов.[59] Таким образом, именно эти, в его трактовке, два народа — поморы (а не русские) и норвежцы — осваивали Арктику и строили свои отношения на основе «позитивных связей». Здесь концепция В. Н. Булатова созвучна идеям теоретиков Баренцева региона норвежских ученых Улава Шрама Стокке и Рюне Кастберга, выделивших в своей периодизации в истории Баренцева региона т. н. «Поморскую эру» с кон. XVII в. до 1917 г.[60] История этого периода подается как преимущественно бесконфликтное в норвежско-российских отношениях время, хотя в реальности все было ровным счетом наоборот.[61] В связи с подобным изображением событий такие факты русско-норвежских отношений, как беспошлинная меновая торговля русских в датско-норвежском, шведско-норвежском Финнмарке, непомерно преувеличиваются В. Н. Булатовым. Здесь он повторяет выдуманный норвежцами миф о существовании в приарктическом регионе совместного русско-норвежского языка, т. н. руссеннорска.[62]

Миф об отсутствии крепостного права в Поморье — историческом центре «свободы» и «демократии». В. Н. Булатов пытается представить «большое» Поморье в эпоху Средневековья как регион с иными социально-экономическими отношениями, нежели остальная Московия. В частности, здесь он повторяет довольно

---

59 Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область. С. 4, 44.

60 Stokke O. S., Castberg R. The Barents Region: Dimensions and Institutions // International Challenges. Fridtjof Nansen Institute. Oslo. Vol. 12. 1992. № 4. P. 21.

61 Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...» Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 г. // Русский сборник. М., 2010. Т. 8. С. 26–52; Боднарук Р. В., Давыдов Р. А. Алкоголь как инструмент экономической экспансии (в контексте российско-норвежских отношений XIX — нач. XX в.) // Материалы II международной научно-практической конференции «Алкоголизм и наркомания в Евро-Арктическом Баренцевом регионе» 28 ноября — 1 декабря 1996 г. Архангельск, 1996. С. 13–17 и др.

62 Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область. С. 35.

расхожий миф об отсутствии крепостного права на Русском Севере.[63] «Жители Поморья никогда не знали монголо-татарского ига и крепостного права, а в силу этого они выросли свободолюбивыми, предприимчивыми, богатыми и образованными людьми», — пишет он.[64] «В XVII веке в 22 уездах Поморья основную массу населения составляли свободные от помещиков и крепостной зависимости «черносошные» поморские крестьяне».[65] «На Русском Севере сложился своеобразный тип государственного феодализма, при котором самый многочисленный слой населения — крестьянство — не знал крепостной зависимости в классической ее форме».[66] Однако в данном вопросе профессор из Архангельска демонстрирует свое невежество в области отечественной истории. Оказывается, он не знает, что крепостное право — это на самом деле вовсе не «вотчинный режим» управления крестьянством, т. е. помещики (поместная система возникла до крепостного права), а особый универсальный и всеобщий государственный режим стеснения передвижения податного населения для исправного сбора налогов в казну. О существовании крепостного права на Русском Севере в XVII в. свидетельствует множество документов, в частности такой массовый источник, как писцовые и переписные книги. Что касается монголо-татарского ига, то Новгородская земля, включая Заволочье, находилась через своего суверена — великого князя владимирского — во власти Орды в XIII–XIV вв.[67]

Причиной особого социально-экономического уклада «Поморья», по В. Н. Булатову, были «республиканские» и «демократические» традиции, унаследованные им от Новгорода Великого. Этот тезис с особой настойчивостью повторяется архангельским историком несколько раз.[68] Эти «демократические традиции» были подорваны, по мнению В. Н. Булатова, целенаправленной политикой Московского централизованного государства. «Власть воевод была призвана удовлетворять общегосударствен-

---

63 Миф об отсутствии крепостного права на Русском Севере возник в кругу русских западников в преддверии «Великих реформ» 1860-х гг. Здесь необходимо обратить внимание на творчество историка С. М. Соловьева. См.: Колесников П. А. Северная деревня в XV — 1-й пол. XIX в. К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда, 1976. С. 10–11.

64 Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область. С. 34.

65 Ученые о поморах.

66 Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 177.

67 Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М., Тверь, 1997. С. 157, 178.

68 Там же. С. 58, 410, 417, 418.

ные интересы в ущерб демократическим порядкам, установленным на Русском Севере в прошлые столетия», — утверждает В. Н. Булатов.[69] «Москали начали проводить политику кнута и пряника».[70] В итоге, что касается свободы, демократии и республики, то в данном случае проф. В. Н. Булатов повторяет ставшим расхожим возникший в русской историографии в нач. XIX в. либеральный миф о древнем Новгороде Великом, сочиненный еще в масонских ложах нач. XIX в. будущими декабристами. Технология исторического мифотворчества заключалась здесь во внедрении в иной исторический контекст современных новаций иной европейской цивилизации. При научном историческом исследовании в ближайшем рассмотрении выясняется, что древний Новгород Великий никогда не был ни республикой, ни, тем более, демократией. Апология древнего Новгорода как «правильного исторического выбора» в пользу Запада — обычный пропагандистский трюк в постсоветской России и странах Прибалтики, так же, как и утверждение о победившей новгородцев Московии с ее «азиатчиной», якобы приведшей Россию к деспотизму и краху. В данном случае В. Н. Булатов не оригинален.

Существенней во всей этой теме другое — то, что в своем творчестве проф. В. Н. Булатов не смог разобраться в самом главном в проблеме — в движении земельной собственности на Русском Севере. Так, он утверждает: «В Поморье всегда господствовало черное крестьянское землевладение... Положение независимых поморских волостей постепенно стало изменяться после возвышения Москвы и создания централизованного Российского государства».[71] Все на самом деле обстояло ровным счетом наоборот. Черное землевладение и связанная с ним крестьянская волость утвердились на Русском Севере только после насильственной ликвидации великим князем московским новгородских вечевых порядков в 1478 г. До этого в Новгородской и Двинской землях господствовало боярское землевладение — боярская вотчина.[72] Ее ликвидация и утверждение на ее руинах черного и дворцового крестьянского землевладения стало фундамен-

69 Там же. С. 418.

70 Там же. С. 117, 158.

71 Там же. С. 4.

72 Аграрная история Северо-Запада России. Втор. пол. XV — нач. XVI в. С. 279–289; Копанев А. И. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 15–17 июня 1967 г. Вологда, 1968. С. 519–536 и др.

тальным переворотом в отношениях земельной собственности — своеобразной «консервативной» революцией сверху. Против нее подавляющее большинство населения Новгородской земли как раз не выступало. Более того, она ускорила процесс русской народной колонизации Севера.

Ну и, в заключение, здесь хотелось бы отметить один факт, оставшийся неизвестным адепту «свободы» в мифическом «Поморье» проф. В. Н. Булатову. Еще в перв. пол. XVI в. на Двине в крестьянских семьях, происшедших от местных новгородских своеземцев, т. е. у «поморов» по терминологии проф. В. Н. Булатова, широко практиковалось патриархальное рабство. Об этом определенно свидетельствуют отдельные сохранившиеся грамоты.[73] Как в данном случае быть с духом Поморья «свободой»? При этом патриархальное рабство на Двине было распространенным явлением именно в новгородский период. В московский же оно изжило себя.

Миф об особых социально-экономических условиях «Поморья» порождает возвышенную, типичную для любого псевдонационализма этническую глорификацию В. Н. Булатовым «поморов». В этом отношении «поморы» становятся похожи на запорожских казаков украинского сепаратистского исторического мифа. «Дух вольности и товарищества, просвещения и свободомыслия издавна витал в Поморье. Суровая северная природа и огромные территориальные пространства сформировали особые поморские черты национального характера, предопределили необычайный путь Русского Севера. Жизнь на берегах «студеного» моря сделала поморов сильными, мужественными и трудолюбивыми», — утверждает В. Н. Булатов.[74] «Меня всегда восхищали наши предки-поморы — мужественные и доброжелательные, пытливые и трудолюбивые... Д. С. Лихачеву приписывают: «Поморы так же родовиты, как столбовые дворяне».[75] В мифологии поморского этногенеза идеи автохтонности, исключительности, культурной демиургичности поморов интерпретируются именно как исключительность представителей поморского этноса — «соли земли Поморской». В. Н. Булатов пишет о поморах, как о людях, наделенных «предприимчивостью, «поморской упрям-

---

[73] См., например, дельную грамоту братьев Амосовых 1527 г. (Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1. Грамоты Двинского уезда. Пг., 1922. № 60. Стб. 51–55).

[74] Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 3.

[75] Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. С. 7.

кой», «умом, смелостью и независимостью, умением принимать самостоятельные решения в сложных жизненных ситуациях». Заметим, однако, подлинные исторические реалии могли далеко отстоять от этого романтического идеала. В частности, В. Н. Булатов утверждает в своем труде: «Жители Русского Севера составляли одну из самых образованных частей населения России, а в первой половине XVI в. среди землевладельцев Европейского Севера было более 80 % грамотных людей».[76] Каким образом проф. В. Н. Булатов определил количество грамотных среди населения северных русских уездов в перв. пол. XVI в. с точностью до процента, остается для нас полной загадкой. Это совершенно безответственный фантастический домысел хотя бы потому, что численность народонаселения региона в это время определяется чисто ретроспективно, а потому приблизительно. Когда же мы говорим о действительном уровне грамотности населения на Русском Севере в эпоху средневековья, необходимо обратить внимание на любопытный факт, подмеченный фольклористами и этнографами в конце XX в. Былины древних циклов они записывали от сказителей — людей, как правило, неграмотных или малограмотных.[77] Оказывается, фактором сохранения былинного устного народного творчества на Севере была широко распространенная в местном обществе неграмотность населения. У грамотного образованного человека появлялись совсем другие культурные запросы, и былинами он переставал интересоваться, а тем более заучивать их наизусть и устно воспроизводить. Итак, во-первых, богатство традиционной культуры Русского Севера совсем необязательно связывать с уровнем «просвещения», как делает это В. Н. Булатов. И, во-вторых, совершенно безосновательным является связь местных религиозных традиций именно с псевдоэтнической культурой «поморов». Тут, в частности, проф. В. Н. Булатов выступает создателем мифа об этнической религии поморов: «Признаками этнической общности поморов является... этническое религиозное мировоззрение (Поморская древлеправославная церковь)».[78] Известный факт — распространение раскола после сер. XVII в. среди жителей т. н. «по-

---

76 Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область. С. 34–35; Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. С. 419.

77 Марков А. Беломорские былины. М., 1901. С. 10.

78 Ученые о поморах. Отметим, что т. н. «Древлеправославная церковь» была создана частью общин раскольников в 1920-х гг. Но что такое, по В. Н. Булатову, «Поморская древлеправославная церковь» в XVII–XIX вв.?

морских волостей» Соловецкого монастыря. Здесь располагался один из главных центров раскола в России — Выговская пустынь. Раскольничьи скиты были и на Летнем берегу Белого моря, и на Зимнем. Но как можно при этом общины раскольников именовать церковью? Ведь само понятие «беспоповцы» именно и предполагало отсутствие какой-либо церковной иерархии у этого раскольничьего толка.

Мы перечислили только основные поморские исторические мифы из трудов проф. В. Н. Булатова. Исправление всех ошибок, несуразностей из его текстов потребовало бы целого тома. Разумеется, В. Н. Булатов создавал поморский исторический миф, руководствуясь политическими задачами и интересами. Однако на процесс этой работы, вне всякого сомнения, повлиял провинциализм и поверхностный образовательный уровень идеолога. В этом отношении В. Н. Булатов — не М. Н. Грушевский. Отметим то обстоятельство, что проф. В. Н. Булатов не имел базового университетского исторического образования, что, без сомнения, наложило отпечаток на его «научные труды». В его монографиях просматривается явная текстовая компиляция из трудов советских историков Русского Севера. В. Н. Булатов полностью игнорирует работу с источниками, что закономерно, поскольку местный архангельский пединститут при обучении ориентировал студентов на готовые схемы, но никак не на углубленную источниковедческую работу. Тем не менее отметим такую закономерность — создателем этнического поморского исторического мифа выступил деятель, занимающий высокую элитарную позицию в местном провинциальном обществе. Труды создателя поморского исторического мифа ректора местного университета, несмотря на их полную научную несостоятельность, не осмелились критиковать работавшие в этом университете историки.[79] Более того, после смерти В. Н. Булатова в Архангельске стал создаваться культ вокруг его имени, в стенах местного универ-

[79] Пример робкой критики поморской идеи В. Н. Булатова содержит в «Поморской энциклопедии» статья «Поморы», подготовленная в основе проф. А. А. Куратовым. Первые две строчки статьи принадлежат перу редактора энциклопедии В. Н. Булатова: «Поморы, русскоязычная группа этноса, заселившая (с XII в.) берега Белого и Баренцева морей». Последние три — А. А. Куратову: «Правильнее рассматривать поморов, как население только Беломорского побережья, представляющего собой область расселения специфической локальной группы северо-русского населения». В итоге в одном тексте оказались заключены взаимоисключающие друг друга идеи (Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского Севера. С. 317).

ситета — проводиться памятные конференции в его честь. Последнее обстоятельство является доказательством того, что идеи поморского регионализма и этносепаратизма созвучны интересам какой-то части местной архангельской областной элиты.

При анализе общей схемы поморского исторического мифа не трудно заметить, что своими положениями она призвана доказать, что «поморы» Архангельской области являются «коренным народом» в понимании категорий международного права. Согласно принятой 27 июня 1989 г. «Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» Международной организации труда (Конвенция 169), таковыми являются «народы в независимых странах, которые рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ, и которые, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты». Согласно Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов 2007 г., «коренные народы стали жертвами исторических несправедливостей в результате, среди прочего, их колонизации и лишения их своих земель, территорий и ресурсов, что препятствует осуществлению ими, в частности, своего права на развитие в соответствии с их потребностями и интересами». Поэтому идеологами «поморского возрождения» настойчиво продвигается тезис о «протопоморстве», финно-угорской или дорусской славянской сущности «поморов». Ведь «поморы», утверждают они, проживают на завоеванной и колонизованной русскими территории. В качестве временных точек здесь указывают или 1478 г. — год падения Новгорода, либо 1920 г. — год падения белого правительства в Архангельске. Конвенция 169 признает за коренными народами «стремление к сохранению и развитию их самобытности, языка и религии». С этим параграфом международного акта связаны опыты конструирования поморского языка и утверждения о существовании поморской этнической религии. Отсюда идет ключевой принцип поморского проекта — это отрицание за членами формируемой поморской общности русских духовных и этнических корней, противопоставление русскому: истории, церкви, литературному языку, культуре. О том, что «нерусскость» является сутью проекта, свидетельствует сконструированное его адептами в конце XX в. для этноса название — «поморы». В историческом

прошлом этот термин никогда не употреблялся в этническом, а только в территориальном или профессиональном смысле, как обозначение жителей определенной географической местности и людей морских промысловых занятий. Тем самым уже на уровне терминологии проводится видимая грань, которая отделяет «поморов» от остального Русского мира.

Поморский проект имеет свою историческую и языковую концепцию, культовые фигуры и этнические мифы. В их числе: «изначальное этническое различие поморов и русских», «вековое притеснение поморского языка и культуры, насильственная ассимиляция поморов», «колониальное угнетение Россией Поморья». Из этих мифов и складывается поморская этническая идентичность. Принимая эту мнимую финно-угорскую идентичность, называя себя «помором», человек тем самым соглашается и со всеми принципами «поморской идеи».

В поморской идее уже изначально заложена ориентация на Запад. Отрицание за собой русскости и православия как более высокой ценности, нежели связи с Норвегией, уже само по себе является отказом от Русского мира. К тому же постоянно подчеркивается близость «поморов» и «Поморья» к Норвегии, ее культуре, политике и ментальности.

Изначально вписанный в стратегию норвежского Баренцева региона поморский проект ориентировался на Запад не только как на абстрактную идею, но и как на вполне конкретного противника России в Арктическом регионе — Норвегию и стоящие за ней США. Сам по себе поморский проект во многом стал плодом отнюдь не бескорыстного воздействия этих стран. Противники России взращивают «поморов» идейно и организационно, подпитывают материально, полагая, что претворение в жизнь идеи особого поморского этноса, по максимуму, приведет или к этническому расколу на Русском Севере под территориальное расчленение Российской Федерации, или, по минимуму, ослабит позиции России в контроле над ее арктическими ресурсами. Опасность «поморского проекта» заключается в том, что он является крайним выражением интересов части деморализованной региональной элиты, смыкающейся с местной организованной преступностью. В этих условиях отсутствие в Российской Федерации нации и слабость гражданского общества, хронический социально-экономический кризис в перспективе реально ставят под угрозу целостность русского этноса на Русском Севере.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ XII ТОМА «РУССКОГО СБОРНИКА»

Бендин Александр Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры богословия Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета (Минск).

Борисёнок Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, заведующая Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН (Москва).

Борисёнок Юрий Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета, главный редактор Российского исторического журнала «Родина» (Москва).

Булкина Инна Семеновна — доктор славянской филологии (Тартуский университет), старший научный сотрудник Института культурной политики (УЦКД, Киев, Украина).

Воробьев Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой восточнославянской и российской истории, Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова (Могилев, Белоруссия).

Гайда Федор Александрович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва).

Гронский Александр Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Минск), внештатный сотрудник Центра украинистики и белорусистики исторического факультета Московского государственного университета.

Заблоцкая Марина Валентиновна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова (Могилев, Белоруссия).

Загорнов Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (Брест, Белоруссия).

Казак Олег Геннадьевич — студент исторического факультета Белорусского государственного университета (Минск).

Каревин Александр Семёнович — историк (Киев).

Киселёв Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных наук Военная академия Республики Беларусь (Минск).

Лавринович Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова (Могилев, Белоруссия).

Линкевич Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских государств Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Гродно, Белоруссия).

Лозовюк Петр (Petr Lozoviuk) — доктор наук, доцент, научный сотрудник Института истории и этнологии Саксонии (Дрезден, Германия).

Пискорски Матеуш (Mateusz Piskorski) — доктор наук, директор Европейского центра геополитического анализа (Берлин — Варшава).

Пученков Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (Санкт-Петербург).

Резвых Татьяна Николаевна — кандидат философских наук, научный сотрудник и ответственный хранитель коллекции «Мемориальная библиотека» Мемориального Дома-музея С. Н. Дурылина (Болшево, Московская область).

Семушин Дмитрий Леонидович — кандидат исторических наук (Архангельск).

Табунов Василий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова (Могилев, Белоруссия).

Черепица Валерий Николаевич — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских государств Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Белоруссия).

Шевченко Кирилл Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Российский государственный социальный университет, филиал в Минске (Белоруссия).

РУССКИЙ СБОРНИК

Том XII

Редакторы-составители
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти

Издательский дом «Регнум»
115088, Москва, 2-й Южнопортовый проезд, 16, стр. 1, офис 227
www.ridr.ru

Подписано в печать 10.08.2012. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура Old Standard. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31.5. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97